

***XIII международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2021***

ЭТИКА КАК НАУКА И ПРОФЕССИЯ

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции

18–20 ноября 2021 г.
Санкт-Петербург, Россия

***XIII International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2021***

ETHICS AS RESEARCH AND PROFESSION

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics*

***Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 18–20, 2021***

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов, к.филос.н., доц. Е.А.Овчинникова

П26 **ХIII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия».** Санкт-Петербургский Государственный Университет, 18-20 ноября 2021 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2021. – 329 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» посвящена исследованию важнейших этических феноменов современного общества и категорий морали и практической философии. В этом году мы обращаемся к кругу непростых вопросов о месте и роли этики в начале XXI в.: утратила ли свою актуальность т.н. «классическая» этика и произошли ли на рубеже веков какие-либо кардинальные изменения в статусе и роли этической мысли, что такое прикладная этика, вытесняется ли нравственность из современной публичной жизни и нужно ли (возможно ли) профессиональное изучение этики. Очевидно, что в современном мире появились новые проблемы морали (например, связанные с разработками искусственного интеллекта), обострились старые (насилие, дискриминация и т.п.). Нас интересует, может ли и должен ли быть организован этический дискурс изучения и этические инструменты решения таких проблем – в публичном пространстве и в сферах профессиональной деятельности. Конференция проводится в преддверии празднования трехсотлетнего юбилея Санкт-Петербургского государственного университета. Адресовано специалистам в области философии, теоретической и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-85263-123-7

*Издание подготовлено при поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга*

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) – председатель
Абакарова Р.М. (Дагестанский государственный университет), Апресян Р.Г. (Институт философии РАН), Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Геденас Е. (Вильнюсский университет), Громова Л.А. (Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена), Держивецкий Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Лаптенко А.С. (Белорусский государственный экономический университет), Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Лисанюк Е.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Маджима Ш. (Университет Хиросимы), Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плашиенкова З. (Университет им.А.Я.Коменского), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский государственный университет), Разин А.В. (Московский государственный университет), Сергеев А.С. (Санкт-Петербургский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Скворцов А.А. (Московский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Тарковский В.Н. (Костромской государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук), Яскевич Я.С. (Белорусский государственный университет)

Рабочая группа:

Перова Н.В. – секретарь, Гарвардт М.А., Глебова С.В., Глобина А.К., Шеваренкова А.В.,
Виноградова А.В., Стрежнева К.О., Бытдаева А.Х., Балабанова Е.А. Цагараева И.П.

PROGRAM COMMITTEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) – Chairman
Abakarova Raiganat (Dagestan State University), Apressyan Ruben (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), Artemov Georgiy (St.Petersburg State University), Bartashevich Tatiana (St.Petersburg State University), Brodsky Alexander (St.Petersburg State University), Vasilyev Iliia (St.Petersburg State University), Gefenas Evgenius (Vilnius University), Gromova Ludmila (Herzen University), Derzhivitsky Evgeniy (St.Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St.Petersburg State University), Laptенок Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Larionov Igor (St.Petersburg State University), Lisanyuk Elena (St.Petersburg State University), Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania), Majima Shunzo (Hiroshima University, Sapporo, Japan), Ovchinnikova Elena (St.Petersburg State University), Plasienkova Z. (Comenius University in Bratislava, Slovakia), Polozhentsev Andrey (St.Petersburg State University), Razin Alexander (Moscow State University), Sergeev Alexander (St.Petersburg State University), Sinyutin Mikhail (St.Petersburg State University), Skvortsov Alexey (Moscow State University), Strebkov Alexander (St.Petersburg State University), Sunami Artem (St.Petersburg State University), Tarkovsky Vladimir (Kostroma State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus),

Executive committee:

Perova Nina – Secretary, Garvardt Maria, Glebova Sofia, Globina Anna, Shevarenkova Anastasia, Vinogradova Anastasia, Strezhneva Kristina, Bytdaeva Alina, Balabanova Ekaterina, Tsagaraeva Inna

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Абдрашитова Ирина Владимировна

к. филос. н., преподаватель, Саранское художественное училище им. Ф. В. Сычкова

ОСМЫСЛЕНИЕ МОРАЛИ ЧЕРЕЗ ПОЭТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Задачей доклада является освещение морали через прочтение или написание поэтических текстов. Поэтическая интенция дает возможность состояться человеку в его бытийственном отличие от всех других существ. Притом чувственные, психологические, моральные и другие вопросы, сопряженные с поэтическим словом, выводят человека на их метафизическое осмысление. Актуальность доклада обуславливает тот факт, что являть себя миру через обнаружение своей уникальности, – вневременная задача человеческого существования. В эпоху глобализации, размывания культурных границ обозначение условий для распознавания индивидуальности наиболее важно. Поэзия, сокращая и совершенствуя текст, смягчает и избегает прямых высказываний, дает состояться полифонии текста, его интерпретационной многозначности и ставит человека в условие активного интерпретатора, соавтора. Форма и содержание, предлагаемые поэтом, – это направление, ведущее к определенной цели: чувственного, интуитивного постижения человека, наполненного творчеством. Человек в данном случае – зритель (читатель) и автор (художник, поэт) одновременно – инициатор своей духовной сути. В докладе приводятся примеры авторских лирических стихотворений, иллюстрирующих раскрытие чувственного, философского, религиозного аспектов человеческого существования.

Беляева Елена Валериевна

д. филос. н., доцент, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ МОРАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Этика ответственности развивается как тип теории морали, который описывает, объясняет и нормативно обеспечивает правильность жизни субъекта современных постмодерных и неотрадиционных систем нравственности.

Рефлексивность может пониматься и как общее свойство рациональности, и как специфический способ её осуществления в современном мире. Для морального субъекта рефлексия – это возвращение к себе самому как главному условию моральности, перманентное соотнесение себя с Другим, своего текущего морального опыта с прошлым и проектируемым будущим, проверка принимаемых нравственных норм и аргументация их значимости в свободной коммуникации с другими участниками нравственных отношений. Так рефлексия позволяет моральному субъекту этики ответственности конституировать себя, «обращаясь назад», к основаниям собственных нравственных способностей, укрепить свою нравственную идентичность, получить уверенность в собственной моральной компетентности.

В классических психологических исследованиях установлена отчетливая взаимосвязь моральной рефлексии и феномена ответственности. Если в основе ответственности лежит способность выступать причиной собственных действий и изменений, то способность к их рефлексии совершенно необходима.

Рефлексия может рассматриваться как познавательное действие морального субъекта для самостоятельного и недогматического принятия ответственных решений в вопросе о выборе своих ценностных установок. Поскольку мораль – это нормативно-ценностные представления, то рефлексии должны подвергаться основания этих норм и ценностей. Познавательная моральная рефлексия должна также объяснять происхождение моральных норм аргументировать их значимость, прояснять значения и смыслы моральных понятий, представлений, оценок. Современная мораль – это рефлекс

сивная система ценностей, постоянно позиционирующая свое место среди других аналогичных систем.

Рефлексивность выступает не только гносеологической, но и онтологической характеристикой морального субъекта этики ответственности, она представляет собой универсальную способность субъекта полагать себя в бытии. Самодетерминирующий субъект, выступающий причиной бытия-события, с необходимостью соотносит себя с другими участниками ситуации, со своими предшествующими и проектируемыми состояниями, со всеми возможными интерпретациями своего положения в мире, отдает себе отчет в характере своей способности оказывать влияние на события. Рефлексия становится не только мыслительной, но и практической процедурой, с помощью которой субъект полагает себя в бытии.

Рефлексивность морального субъекта не только является результатом теоретического конструирования в этике ответственности, но и реальностью современной нравственной жизни. Субъекты постмодерных и неотрадиционных систем нравственности, сложившихся в глобальном мире, являются гибкими, модульными, постоянно находящимся в состоянии выбора жизненных ценностей и нормативных программ. Рефлексия себя в сложном и постоянно меняющемся мире не всегда рациональна, часто это практическая рефлексия, результаты которой появляются в ходе социального взаимодействия, включения в многообразные сообщества, коммуникации с другими моральными субъектами. В отличие от автономной личности модерна, чья идентичность носит целостный характер, данный субъект имеет модульную структуру. В системе его нравственных отношений присутствует множество локальных сообществ, избранных им в качестве референтных групп, а нравственное взаимодействие имеет сетевую конфигурацию.

ГПНИ №ГР20212272-2021 «Молодежь как субъект нравственной ответственности в цифровой среде»

Болотникова Елена Николаевна

к. филос. н., доцент, АНО ВО «Университет МИР»

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ: ЭТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Призывы принимать реальность такой как она есть и требование при этом быть гедонистом, наслаждаться жизнью, чтобы в ней ни происходило – один из основных сюжетов дискурса социальных сетей. Эта установка сопровождается инструкцией: максимально возможная концентрация на ощущениях удовольствия и максимально быстрое избавление от не доставляющих наслаждение моментов жизни. Эмансипация бессознательного приводит к культуре чувств и чувственности во всех ее проявлениях, а именно ощущения являются основным критерием в разграничении удовольствия/неудовольствие. Обучение – легко и быстро, благодаря геймификации, общение – в радость, без рефлексии и какого-либо намека на «токсичность», труд – с интересом и перспективами личностного роста etc... То есть налицо древнее, как мир, противоречие между объективной реальностью и ее субъективной оценкой, восприятием. Ведь в реальности по-прежнему необходимы усилия в учебном процессе, усилия все меньше физические, все больше интеллектуальные в трудовой деятельности, цельность и личностная целостность в процессе общения. Что нового в эту попытку объединения стоической и гедонистической установок привносит XXI в.?

Сегодня авторитет гедонизма питается иными основаниями: на место атрибутированных читат приходит число лайков и репостов. Визуальное сопровождение гедонизма в прямом доступе у всех и всегда, пока есть интернет-трафик. Многообразие наслаждений приобретает новый регистр существования – виртуальный и тем самым гедонизм, ранее доступный немногим, оказывается мечтой подавляющего большинства. В наши дни стоическое восприятие реальности, ее принятие выглядит практически невозможным, потому что большая часть рекомендаций сводится к тому, чтобы эту самую реальность создавать, в первую очередь, в виртуальном измерении.

Таким образом компромисс между стоицизмом и гедонизмом выглядит крайне проблематичным. Определенными перспективами в этом направлении, на наш взгляд, обладает концепция жизнестойкости С.Мадди, в которой последняя представляется как единство вовлеченности, контроля и риска. Истоки своего подхода автор видит в этике Кьеркегора и Тиллиха. Мы полагаем, что они простираются дальше, вглубь веков и вовлеченность выступает как наследие Аристотеля, готовности принимать риск учит Платон, а искусству контролировать собственное существование – этика стоицизма. Баланс этих характеристик в человеке позволяет развить сверхгибкость, сверхуверенность, сверхинформированность, сверхсамостоятельность и сверхчуткость, где приставка «сверх» означает радикальное умножение этих качеств по сравнению с XXв. Рефлексивная работа над этими параметрами побуждает индивида к деятельному освоению и виртуального, и реального жизненного пространства и дает надежду прожить свою собственную жизнь как счастливую и полноценную, при любых вызовах и рисках. В итоге есть шанс ответить на ожидания мира, которые, Л.Донкинс, рассуждая о моральной слепоте в беседе с З.Бауманом, формулирует так «Вместо гармонизации и примирения различных свойств души, мы становимся индивидуумами по умолчанию... как храбрые, уверенные в себе, самодостаточные личности, сознательные и повышающие риски».

Борисов Сергей Валентинович
д.филос.н., профессор,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
ЭФФЕКТ «НОВИЗНЫ» В ЭТИКЕ

Любая философская идея характеризуется новизной, но речь идет не о философской теории или о каком-либо философском концепте. Здесь, действительно, новизны нет. Речь идет о самопознании, о мудрости, которой достигает индивид, и в том, что ему открывается, мудрее его никого нет, – это знание о самом себе. А поскольку философия – это проект самого себя, то здесь не только возможно что-то новое, здесь такие открытия должны возникать с необходимостью. Понимание чего (нового и уникального) открывается в философствовании? То, что открывается понимание какой-то философской идеи – этого мало. Идея должна быть исполнена не только как факт нашего сознания, но и как образ жизни. «Новая этика» – это феномен, распространившийся в российских медиа в последнее десятилетие. Данные феномен объединяет такие разноплановые явления как феминизм (движения #MeToo, #ЯНеБоюсьСказать), борьбу меньшинств и угнетенных групп за свои права (Black Lives Matter), инклюзивность, квотирование, политику идентичности, но самое главное, данный феномен характеризует новые формы социальных отношений, новые формы коллективных действий, новые формы общения в Интернете и соцсетях, а также новые формы отношений к материальным благам. Корни этого феномена хорошо исследованы в психоаналитической литературе. Согласно Э. Нойманну, это пересмотр сложившейся в общественном сознании этики, основанной на дуализме добра и зла. Такая бинарность порождает в человеке острый внутренний конфликт, что «раздваивает» единую психическую жизнь. Чувство вины и ненависть к себе ведет к утрате собственной целостности. Юнгианская «тень» личности делит мир на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», что влечет за собой усиление агрессии и насилия, которые творятся «во имя добра». По мысли Нойманна человечеству нужна «новая этика», которая позволит примириться со своей «тенью», стать терпимыми к самим себе, с одной стороны, а с другой – принять ответственность за свои негативные качества. «Новая этика» – это начало давно назревшего разговора о насилии в российском обществе, которое стало рутиной, о «невидимости» в нем людей с инвалидностью, о пересмотре многих привычных форм социального поведения. Общего этического кодекса «новой этики», конечно же, не существует. Некоторые медиа пробуют составлять свои списки рекомендаций, но пока такие рекомендации не распространены широко, и большинство авторов опираются на свое ощущение этичности. Как утверждают некоторые россий-

ские журналисты, россияне опасаются, что в условиях «новой этики» легко оказаться жертвой необоснованных обвинений и лишиться карьеры или даже свободы. Например, на почве этих опасений Госдума приняла закон об уголовной ответственности за клевету о сексуальном насилии. Однако необходимо помнить, что одним из основных инструментов воздействия в условиях «новой этики» является не уголовное наказание, а cancel culture («культура отмены»). Человек, чьи поступки аморальны, просто «отменяется», то есть исключается из публичной сферы. Исследователи «новой этики» отмечают, что этот феномен связан с переходом от культуры чести к культуре достоинства. На смену жесткой иерархии и потребности защищать свое место в ней приходят равенство и уважение личности, связанные с соблюдением границ друг друга и не допущением «токсичного поведения» и даже «пассивной агрессии». «Новая этика» не приемлет насилия в любой форме (в современной англоязычной лексике таких форм множество). Чем более глубоким будет понимание насилия, чем более открытым оно будет для рефлексии, тем более вероятно, что оно перестает быть привычкой, необдуманым, само собой разумеющимся действием.

Фонд Президентских грантов №21-1-014489 «Адаптационный чат-бот для иностранных студентов российского университета Сократ-2020»

Братина Оксана Александровна

к.филос.н., доцент,

Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина

«ЗАМЕТКИ К ПЕРФОРМАТИВНОЙ ТЕОРИИ СОБРАНИЯ»

ДЖУДИТ БАТЛЕР: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

С точки зрения Мишеля Фуко, основным интересом власти еще полвека назад стала биополитика. обстоятельства рождения тела политического, высказывающего свое право, сопротивляющегося дисциплинарному контролю, становятся особенно значимы в контексте происходящих политических событий, противостояния стран, закрытых границ в условиях пандемии, меняющихся коммуникативных форматов периода становления «новой этики».

С появлением новых форм профессиональной и повседневной коммуникации устанавливаются новые формы современного протеста – отказ от вооруженного насилия и включение в протестные акции телесных практик в новом качестве. Появление тела в публичном пространстве и та реконфигурация, которую коллективные действия тел производят в отношении городской среды является, по мнению философа Джудит Батлер, формой перформативного политического высказывания.

Еще в XIX веке Густав Лебон писал о феномене коллективного тела. Это предьявленное массой народа общее тело, растекающееся по улицам столиц демонстрациями, перешедшее от сознательного выбора к бессознательным общим действиям, отрешенное от индивидуального имени и исторической ответственности. Дж. Батлер «понять акцию в ее телесном измерении».

Вслед за Х. Арендт она полагает, что любое политическое действие нуждается в публичном пространстве: чем более оно освещено СМИ, тем более оно, как старая черно-белая киноплёнка, проявляется. «Не единственное тело устанавливает пространство проявления, но действие; этот перформативный опыт случается только «между» телами, в пространстве, которое устанавливает зор перед моим собственным телом и телом другого. Таким образом, моё тело действует не в одиночестве, когда оно действует политически».

Современный протест часто отказывается от насилия, чтобы не подражать любому политическому режиму в его воспроизведении. Ханна Арендт пишет о том, что насилие есть по существу противоположность власти. «Ненасилие... отказывается копировать агрессию, которой оно противостоит» – пишет Батлер.

Массовые демонстрации завоевывают публичное пространство, разрушая демаркацию лицева/изнаночная. Тела действуют перформативно, даже когда они «спят на

публике или организуют коллективные способы уборки территории», – полагает Дж. Батлер. Одной из целей современной власти является контроль и регуляция телесной жизни. Биологическое тело обычно в повседневных практиках вытесняется в скрытую, приватную сферу. Политическое тело совершает действия в публичной сфере.

Тело, согласно Ж.-Л. Нанси, дает начало равноправию, которое утверждается в каждом телесном проявлении: «когда тела проявляются совместно или когда через их действие приходится существование пространству проявления», они также демонстрируют требование к равноправию и само равноправие.

«Заметки к перформативной теории собрания» Дж. Батлер это попытка взглянуть на современные политические события и демократические институты через «новую этику» проявления гражданской позиции посредством телесности.

Виноградова Ольга Андреевна

ассистент, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова; стажёр-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«ЖЕНЩИНА, ОЧНИСЬ!» – ЭТИКА ФЕМИНИЗМА

В РАБОТАХ НИКОЛЯ ДЕ КОНДОРСЕ И ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ

Женщины во Франции получили право голоса только в 1944 году. За 150 лет до этого, сразу после Французской революции, философ Никола де Кондорсе и первая французская феминистка Олимпия де Гуж отдали свои жизни за то, чтобы женщины могли претендовать на те же права, что и мужчины.

Рассматривая работы «Декларация прав» (1789), «О признании права женщин на гражданство» (1790) де Кондорсе, а также «Декларацию прав женщины и гражданки» (1791) и «Общественный договор» (1791) де Гуж через призму этики феминизма, автор исследования пытается понять, как они повлияли на развитие этой области этики, а также на историю движения в целом.

В первых же строках «Писем буржуа из Нью-Хейвена» Кондорсе выводит концепт естественных прав как неотъемлемых для каждого разумного человеческого существа. По его мнению, женщины есть разумные существа, поэтому они от рождения обладают правами и следовательно, должны иметь возможность этими правами пользоваться и не могут быть в них поражены: «Мы называем эти права естественными, потому что они проистекают из природы человека; то есть потому, что с того момента, как существует чувствующее существо, способное рассуждать и обладать моральными идеями, из этого очевидно и необходимо следует, что оно должно пользоваться этими правами, и не может быть лишено их без несправедливости» (*Lettres d'un bourgeois de New-Haven, Paris : Firmin Didot frères, 1847, стр. 14*).

Гражданские права у Кондорсе напрямую проистекают из прав естественных, поэтому если государство допускает лишение прав «половины человечества» (там же, стр. 20), то такое государство однозначно не может называться ни свободным, ни справедливым, ни нравственным.

Здесь же Кондорсе проводит линию тождественности наличия разума и морали у человека, делая из нее вывод в пользу равноправия полов: «Разве люди не обладают правами как чувствующие существа, способные к разуму, имеющие моральные идеи? Следовательно, женщины должны иметь абсолютно то же самое [что и мужчины], и, тем не менее, ни в одной конституции, называемой свободной, женщины никогда не пользовались правами граждан» (там же, стр. 15).

Вторя Кондорсе, Олимпия де Гуж в своей «Декларации...» провозглашает равенство мужчин и женщин, призывая их объединиться «под знаменем философии», чтобы добиться прогресса общества, в котором брак не будет более «могилой доверия и любви», но станет новым общественным договором на равных основаниях. Она также настаивает на моральном обосновании равного образования для мужчин и женщин.

Оба автора сходятся во мнении, что главная проблема в установлении равных гражданских прав для мужчин и женщин – не в физической неполноценности и не в умственной отсталости последних – а в недостатке надлежащего образования и воспитания, и как следствие – политики общества, не признающей женщин моральными субъектами. И именно поэтому все жители страны, независимо от пола, должны иметь равные шансы на получение образования, ибо лишь полноценное доступное публичное образование формирует настоящего гражданина.

Горбунов Святослав Сергеевич

к.филос.н., независимый исследователь

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЭТИКА БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ: ОЧЕНЬ КОРОТКОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Всегда существует риск излишней рационализации человеческого мировоззрения. Мировоззрение Швейцера, по нашему мнению, успешно способно противостоять этому пагубному для этического мышления процессу. В настоящей работе нам хотелось бы максимально кратко обсудить это предположение на примере анализа генезиса и особенностей этики Альберта Швейцера.

Как бы то не показалось странным нашему современнику, но рационализация – стремление к разумному (от лат. *ratio* – разум) объяснению действий и поступков, восторжествовавшее в сфере научного и технического прогресса, вполне может оказаться губительной в иных сферах человеческой духовной культуры. В сфере этики мы можем отлично наблюдать это на знаменитом примере дилеммы вагонетки, и последовавшей за ее первоначальным рассмотрением «вагонеткологии» (англ. *trolleyology*). Как бы то ни было, несмотря на десятилетия изучения проблемы, можно утверждать, что в реальных условиях реальной жизни подобная дилемма вряд ли может быть решена человеком абсолютно рационально, ведь существует бесконечное количество факторов: как внутренних, так и внешних, способных моментально повлиять на последующее решение. Увы, или к счастью, реальность не укладывается в чистые условия мысленного эксперимента.

Интересно что бы сказал Швейцер, узнай он о современных этических дискуссиях. Ведь его императив был столь конкретным, столь же и неопределенным: «Добро есть все, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что принижает и разрушает ее» и в то же время «В этических конфликтах человек может найти лишь субъективные решения».

Как же следует это понимать? Для того, чтобы ответить на этот вопрос нам кажется необходимым обратиться к размышлению о генезисе и особенностях, предложенного Швейцером универсального этического принципа благоговения перед жизнью. «Всякое истинное познание переходит в переживание», – говорит Швейцер. Именно оно не позволяет человеку бездумно использовать готовые «схемы» решения конкретных этических конфликтов. Именно оно заставляет его размышлять, и принимать решение исходя из внутреннего побуждения, которое продиктовано его совестью и общим законом, к которому стремиться его дух. Альберт Швейцер не дает человеку готовых ответов на то как ему поступать в каждой конкретной ситуации. Его этика не создает готовых схем и решений. Она дает большее. Она дает направление стремлению духа и духовному мышлению, из которого происходят максимы, определяющие все дальнейшее поведение человека и более того, все его отношение к миру.

Дорофеев Даниил Юрьевич

д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии,

Санкт-Петербургский горный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА

В отечественных вузах очень часто, еще с советских времен, этика и эстетика объединяются в рамках одной кафедры. Отталкиваясь от факта этого формально-

институализированного союза, далее я хочу в интересующей меня перспективе раскрыть связь этих отдельных областей философского знания и показать возможность этических характеристик человека на основе его эстетического образа. Сразу подчеркнем, что «эстетическое» будет пониматься прежде всего в значении древнегреческого *aesthesis* (чувственное восприятие и ощущение) и только затем как связанное с красотой (в нашем случае человека).

С Аристотеля этика, как практический раздел философии, фундировалась *praxis*. До сих пор оценка человека как (не) добродетельного для большинства определяется прежде всего его поступками и действиями. Еще большее влияние на современное понимание этической характеристики человека оказал И. Кант, стремясь сделать ее полностью независимой и автономной от любых чувственных проявлений и перенеся ее исключительно в внефеноменальную (ноуменальную) сферу категорического императива, который, с одной стороны, не определялся ничем феноменальным, а с другой – принципиально не манифестировался в какой-либо чувственно воспринимаемой форме.

При таком положении, казалось, этика никак не может быть связана с эстетикой. Ситуация изменилась благодаря кризису новоевропейской парадигмы в конце XIX-нач. XX в., символом чего явилось феноменологическое движение, и начавшемуся возвышению и переосмыслению значимости эстетики (например, в «феноменологической эстетике» М. Гейгера и частично М.Шелера). В рамках этой тенденции развития современной философии мы уже несколько лет активно работаем над эстетикой человеческого образа, стремясь раскрыть эстетические основания фундаментальной философской антропологии. Обратимся к этическому измерению эстетического образа человека.

Еще греки, у которых сущностное и визуально-феноменальное, этическое и эстетическое еще не были дуалистически разведены, признавали в концепте «заботы о себе» (*epimeleia*), что образ человека есть результат его отношения к себе и своей жизни, иначе говоря, полагаемый человеком образ жизни (*bios*) напрямую определяет его «эстетический» образ. Это особенно хорошо видно по нашим исследованиям иконографии античных философов. Философ – это человек, который создает себя во всей своей целостности благодаря опыту причастности истине. Нельзя быть подлинным философом скрытно, без эстетической манифестации и подтверждения. Также античная физиогномика показывала феноменальные выражения этики и характера (с их этическими характеристиками) человека в его чувственном (телесном) образе.

Визуальная коммуникация с человеком является первичной и во многом, пусть зачастую и на дорефлексивном уровне, определяет наше отношение к нему: прежде чем узнать его имя, характер, род занятий, семейное положение и т.д. мы воспринимаем его феноменальный эстетический образ, который, кстати, может обо всем этом рассказать внимательному взгляду. Но эстетический образ человека – это не только физическая природная данность, это и одежда, и походка, и способ держать себя, говорить и т.п. Кстати, оценка одежды как особого образа человека, его жизни и ценностно-экзистенциальных самоопределения особенно выразительна в отношении к монашескому одеянию, на символический характер которого обращали внимание как Евагрий Понтийский, так и Джордж Агамбен (но и любая другая одежда, пусть и не так очевидно, выражает этос человека). Поэтому все эти составляющие образа рассматривать как случайные, «внешние», ничего или мало говорящие о самом человеке явно неправильно. Эстетический образ человека – это феноменальная манифестация его глубинной личности, в том числе его этической характеристики. Другое дело, что здесь неприменимы формально-схематичные и догматичные подходы.

Порок, добродетель или даже святость человека не могут не выразиться феноменально-эстетически, не могут не отразиться прежде всего на его лице, глазах и всем образе в целом. Человек произвольно обнажает себя в своем эстетическом образе, но только общего словаря для его понимания не существует. В этой связи очень характерен роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», который, являясь неким худо-

жественным манифестом дендизма и эстетизма, одновременно указывает на его границы. Осознание своей красоты и поклонение ей явилось причиной и началом падения Грея, которое находило выражение в портрете, как эстетико-этическом свидетельстве его души. Автор показывает «священные тайны», которые проявляются в чувственном образе человека и которые нужно лишь уметь открыть, но это, как подчеркивается уже в предисловии, всегда означает идти на риск. Поэтому художник, который пошел на этот риск (приведший к его убийству) и создал раскрывающий его суть портрет Дориана, и говорит, что «порок всегда накладывает свою печать на лицо человека. Его не скроешь. ...тайных пороков не бывает». То же касается опыта добродетельной и святой жизни человека – например, в отношении русских старцев можно и нужно говорить о эстетике благообразной красоты.

Внимание к эстетическому образу воспринимаемого человека в целом и в деталях может не только дать информацию о нем, чего успешно добивается своим дедуктивным методом Шерлок Холмс, но увидеть его этические характеристики и даже феноменально манифестированную его глубинную личность.

РФФИ №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»

Дробышева Елена Эдуардовна

д.филос.н., профессор, Академия Русского балета им.А.Я.Вагановой

ТЕХНОЛОГИИ VS АКЦИОЛОГИЯ:

БИТВЫ НА ПОЛЯХ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Сегодня перед нами разворачивается пространство новых вызов этического характера в связи со стремительным развитием технологий художественного производства, маркетинга и репрезентаций. Приходится заново осмысливать не только границы искусства как такового, но и феномен авторства, применительно к произведениям или к результатам научных исследований, созданных / полученных при помощи искусственного интеллекта. Один из примеров – создание картин, «автором» которых является нейросеть: 25 октября 2018 года октября на аукционе Christies ушел с молотка необычный лот – «Портрет Эдмонда де Белами», созданный искусственным интеллектом. Серию портретов вымышленной семьи Белами «выдал» алгоритм Generative Adversarial Networks, разработанный парижской командой Obvious специально для того, чтобы подражать живописцам. После продажи картины встал вопрос об ее авторстве, вызвавший несколько волн и уровней дискуссий в различных профессиональных областях – от экономики и права до искусствоведения и этики.

Второй пример: IT-проекты так называемых «виртуальных инфлюенсеров» – цифровых персонажей, «живущих и творящих» (поющих, создающих коллекции одежды, ведущих паблики) в Сети. Их деятельность задает новые тренды в сфере досуга, увлечений, моды, дизайна, медиапрактик и социальных сетей и также вызывает вопросы об авторстве представленных идей, суждений, оценок.

Третий пример – из недавних остро обсуждаемых событий на стыке сфер искусства, медиа и права. В августе 2021 года арт-мир встряхнул скандал, связанный с одним из самых известных рок-музыкантов и самых известных музеев мира: фронтмен группы Rammstein Тилль Линдеманн призвал покупать его NFT-токены, названные NFTill, — изображения, где артист позирует в залах Эрмитажа на фоне произведений искусства, и одно special edition видео, 13-секундный ролик по мотивам клипа, снятого весной в Эрмитаже, на песню 1939 года «Любимый город» Никиты Богословского и Евгения Долматовского. Юридическая и этическая коллизия заключается в том, что выпуск токенов не был согласован с Эрмитажем. Первая продажа виртуального объекта при помощи NFT была совершена в феврале 2021 года: цифровая работа «Ежедневно: первые 5000 дней» американского художника Майка Винкельманна (Beeple) была выставлена на нью-йоркском аукционе Christie's и продана за рекордные \$69,34

млн. в переводе с криптовалюты Ethereum. Технология NFT (англ. non-fungible token – уникальный невзаимозаменяемый цифровой ключ, созданный на основе криптовалюты), при помощи которой продаются и покупаются любые цифровые объекты – музыка, изображение, 3D-модель, текст, игровой предмет и пр. NFT-технология постепенно становится нашей новой реальностью. Сегодня её можно использовать для приобретения / передвижения / распространения цифровых коллекционных объектов. Такими являются уникальные видео-моменты спортивных матчей или фильмов, аудио-записи известных исполнителей, оцифрованные предметы искусства, популярные мемы и даже сообщения из социальных сетей.

Французский теоретик искусства Анна Коклен ввела понятие «технообраз» применительно к «технологическому искусству» (цифровому, виртуальному) для прояснения трансформации эстетических характеристик соответствующих арт-объектов. По аналогии с проблемой эстетического статуса произведений, создаваемых в рамках современных художественных практик, сегодня явно требуется обсуждение этических, ценностных параметров их создания, продвижения и восприятия. Новейшие технологии становятся драйверами не только самого художественного производства, но и новых режимов в области эстетики, этики, аксиологии.

Зайцев Павел Леонидович

д.филос.н., профессор, декан факультета теологии, философии и мировых культур,
Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского

«МЕТОДЫ ЭТИКИ» ГЕНРИ СИДЖВИКА

В КОНТЕКСТЕ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Ситуация «новой нормальности» (new normal) понимаемая как совокупность экономических, социальных и даже культурных последствий пандемии коронавируса, представляет собой один из устойчивых образов современности. В пределах этого образа получают возможность на осмысление моральные практики, что переводятся «новой нормальностью» из разряда индивидуальной, разовой деструкции в разряд допустимого и даже желательного в культурном воспроизводстве.

В «Психологии бессознательного» К.Г.Юнга встречается следующее рассуждение: «Возьмем бизнесмена, который поддался соблазну рискнуть и в результате обанкротился. Если он из-за этого надломится, откажется от всякого дальнейшего риска и будет пытаться “заштопать” свою социальную репутацию в рамках ограниченных возможностей, с ментальностью запуганного ребенка исполняя второсортную работу на крохотной должности, работу, которая, несомненно, ниже уровня его возможностей, то он, в терминах аналитической психологии, начнет восстановление своей персоны регрессивным путем [Юнг К. Г. Психология бессознательного / пер. с англ. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2010. с. 190]. Очевидно, что ситуация, описываемая Юнгом, переводится новой нормальностью из разряда достаточно уникальной проблемы бизнесмена, не просчитавшего возможные риски (в современном менеджменте управление рисками – существенная часть подготовки управленца) в достаточно массовое явление: пандемия коронавируса принесла потери даже тем, кто умел управлять рисками, и тем, кто был далек от сферы бизнеса и совершенно не собирался рисковать.

Кроме того, отказ от преимуществ роста, что у Юнга приобретает терминологическое оформление как «регрессивное восстановление личности», если не в моральной философии, то в повседневной практике получило название дауншифтинг. В 2016 году многим запомнились слова главы Сбербанка России Г.Грефа, сказанные на Гайдаровском форуме, где он указал на угрозу России оказаться среди стран-дауншифтеров. Между тем, термин «дауншифтинг» принято связывать не с группой стран, не входящих в число мировых лидеров, а с индивидуальной жизненной ориентацией, добровольным отказом от движения вперед. До ситуации «новой нормальности» дауншифтинг в России был достаточно экзотическим явлением и связывался, как

правило, с личностью Г. Стерлигова, появлением экопоселений, а также новых форм занятости, характерных для it-сферы.

Когда «удаленка» перешла границы фриланса и стала всеобщим явлением, сделал значительную часть наших соотечественников, не занятых в критических производствах, дауншифтерами «поневоле», возникла, как нам кажется потребность оценить это явление не только с точки зрения психологии, но и с точки зрения морали. Одна из работ, позволяющая раскрыть содержание морального выбора человека отказывающегося от карьерных перспектив руководствуясь желанием сохранить жизнь и здоровье до сих пор не переведена на русский язык – это «Методы этики» (The Methods of Ethics) Г. Сиджвика. Будучи одним из видных моралистов викторианской эпохи Сиджвик был сторонником утилитаристской позиции и обосновывал естественные основы морального выбора в термине «эгоистический эгоизм». ««Эгоистический гедонизм» – тезис о том, что конечная цель каждого действия человека – его собственное величайшее счастье» [Sidgwick H. The Methods of Ethics. Cambridge: Hackett Publishing Company. p. 123]. Руководствуясь этим тезисом «эгоист» делает все возможное, чтобы в ситуации выбора предпочитать то, что принесет ему «pleasure over pain» – приближит к удовольствию и отдалит от боли. Угроза быть инфицированным в период пандемии и угроза подорвать здоровье строя карьеру с точки зрения эгоистического гедонизма Сиджвика – явления одного порядка, следовательно его теоретические построения позволяют рассмотреть дауншифтеров «поневоле» и тех, кто давно отказался от карьерных перспектив в пределах одного исследования морального выбора новой нормальности.

Зубец Ольга Прокофьевна

к.филос.н., старший научный сотрудник,

Институт философии, Российская академия наук

ОТ ЗАПОВЕДИ К ТАБУ

Аушвиц заставляет моральную философию с удивлением и ужасом отторжения взглянуть на долгий путь, пройденный ею, и на саму мораль. Действительно, на этом пути произошло следующее: человеческое деяние стало рассматриваться, в первую очередь, как производное мотивов, намерений, целеполагания и результатов, так что сама данность его, его эмпирическая простота стала скрытой, невидимой, даже недостойной морального и философского взгляда. Убийство как таковое, вне мотивов и ситуационных обстоятельств перестало существовать – на его месте появилось множество разнообразных убийств. Иными словами, реальность дифференцировалась и специфицировалась усилиями морального взгляда и философскими трудами. Достижением мысли, вошедшем в учебники этики, стало различие между гибелью от ножа бандита и смертью от скальпеля хирурга: сам факт смерти человека и то, что действия человека привели в ней, – стали вторичными, выведенными за пределы морали и моральной философии, изопроявившимися в дистинкциях, получивших в Аушвице другое наименование – селекции. Он, будучи своего рода кульминацией этой истории дифференцирования убийства, явил собой нацистскую мораль (то, что это понятие не есть оксюморон стало особой проблемой для этики «после»), в которой одним из центральных является понятие «гуманного» убийства – с одной стороны, щадящего по способу исполнения как для жертв, так и для исполнителей, а с другой – морально мотивированного: ради блага нации, человечества и даже самой жертвы.

Второе важнейшее «достижение» моральной мысли заключалось в движении от табу к заповеди, моральному запрету и закону. Это было движение от того, в отношении чего человек не принимает решения, если понимать под решением рациональный выбор, к тому, что человек может нарушать, полагать себя как выбирающего и решающего, и таким образом порождать все многообразное богатство морали – с ее совестью, различением должного и сущего, прощением, нормативными идеями. Это тоже стало своего рода аксиомой – моральный человек есть человек Декалога или Нагорной проповеди: нормативная основа заповедей заключается в том, что человек

может мотивированно, осознанно нарушать их. Примитивный человек табу не совершает некоторого действия, так как совершение его, само действие невозможно, как невозможно для него летать подобно птице: в этом табу подобно формулировке природного закона. Аушвиц совершен человеком, который доверяет самому себе, своему разуму и добродетелям в вопросе об убийстве, который мотивирует свое решение, в том числе и в первую очередь морально.

И третье – мораль осознавалась в истории как позитивная сторона человека, как его способность исходить из наилучшего целеполагания: она стала способом позитивного задания собственного образа через идею добра, блага и т.п. Аушвиц явил пространство, в котором мир узников лишен морали (как в вербальном, так и в невербальном ее выражении), в котором мораль дана лишь в форме нацистской морали. Он стал таким вызовом моральной философии, который требует ее поворота вспять, к собственному началу, к такому основанию, которое можно попробовать помылить как начальный поступок не-убийства, не опосредованный моральными идеями, нормами, заповедями, а первичный в отношении них, делающий их возможными. Это было бы для этики движением от моральной заповеди к табу, от идеи многообразия убийств к понятию единственного убийства как данности, от позитивного образа морали к неуверенности и неопределенности мышления заново.

Каменцева Марина Александровна

обучающаяся Аспирантской школы по философским наукам

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ассистент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СУБЪЕКТА

КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

В 20-30 ее гг. Витгенштейн в свой средний период предложил переосмыслить роль этики в формировании морального образа мира, который подразумевал переосмысление классической этики, которая была представлена для него как свод правил относительно того или иного положения вещей в мире. Он хотел показать, что феноменология субъекта может показать, что при таком подходе всякий прогресс будет мыслится не как линейное явление, но как изменение мировоззрения во всех областях. Понимание этики как абсолютной ценности связано с действием, которое каждый человек выполнял бы с необходимостью. Это понимание связано не с понятийным аппаратом сознания, но с сугубо индивидуальным переживанием мира человеком. «Полагаю, что лучшим способом описать опыт было бы сказать, что, когда он имеет место, я удивляюсь существованию мира». Поразителен тот факт, что мир таков, каким он нам является, каким мы его созерцаем и понимаем. Именно такое положение вещей вызывает в нас удивление.

Это сочетание объектов в целостном, непрерывном мире даёт возможность переживать некую суть понимания абсолютной ценности. Существенное понятие «я» включает в себя понимание случайных фактов в мире, например, существования конкретных человеческих существ, конкретных тел или душ. Как таковое, оно не могло служить для разьяснения необходимого условия существования мира, потому что “Это связано с тем, что ни одна часть нашего опыта не является также априорной.” (TLP 5.634). Витгенштейн пытается прояснить понимание того, что понятие мира предполагает понятие «я», которое переживает этот мир, точно так же, как любое понятие поля зрения обязательно предполагает определенную точку зрения, с которой воспринимается поле зрения. И поскольку зрячий глаз является источником этой точки зрения, но сам по себе не является одним из фактов, происходящих в поле зрения, «я», которое обуславливает мир, само по себе не является фактом, происходящим в этом мире, а скорее тем, что показывает себя, когда мы размышляем о том, как мир всегда раскрывается с определенной точки зрения (и никогда, например, с точки зрения из ниоткуда).

Переживание мира происходит на глубинном уровне внутри человека, и выражение этого переживания в языке совершенно невозможно. Недостаточно объяснить, почему человек удивляется именно такому положению вещей в мире. Выражение этого удивления невозможно отобразить в рамках языка. Описание мира и этического в связи с этим совершенно бессмысленно, так как смысл присущ лишь фактам в мире, но смысл никак не может быть описан вне мира. Она есть внутреннее устремление сознания пережить мир и принять его.

Таким образом, «я» – это «предел мира». Точка зрения «я» сама по себе не является частью мира, скорее это точка зрения на все, что происходит в мире, и, таким образом, она работает как организующий принцип этого «что бы то ни было», точно так же, как точка зрения глаза работает как организующий принцип поля зрения. И точно так же, как мы не можем ничего узнать о глазу, просто размышляя о необходимости точки зрения в поле зрения (ср. TLP 5.633), мы не можем ничего конкретно узнать о философском «я». Это нельзя описать или сказать, это просто проявляется как условие нашего представления о мире.

Колесник Михаил Васильевич

доцент, Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ЭТИКА «ВСЕОБЩЕГО»

В современности, опосредованной 4-ой промышленной революцией с ее технической детерминацией, дизрупцией и активными процессами симуляции, которые имеют онтологический масштаб в контексте цифровизации, дискурс нравственности является актуальным.

Необходимость различия категорий морали и нравственности обусловлена самой реальностью современности, в которой социальные процессы, имеющие внешнюю природу по отношению к личности, представляют собой сферу, где фиксируются некий кризис морали либо ее специфическая трансформация. Глобальная культура современной цивилизации создает условия, где большая часть людей потребляет и воспроизводит технически обусловленную информацию как ведущий ресурс культуры, а другая часть людей создает эти условия и управляет ими. Вместе с техническими процессами в обществе реализуются новые экономические и политические условия, а также новая мораль. Если некое большинство потребляет и воспроизводит мораль современности, то те, кто создают идеалы морали, сами избегают формального подчинения моральным принципам и остаются за границами формальной моральной регуляции. Современному человеку не только приходится сохранять моральную идентичность посредством симуляции и репрезентации вследствие внешнего влияния «технического», но и на уровне интериоризации ценностей в его нравственной практике. Такая дихотомия выглядит наивно, если не учитывать тот факт, что благодаря механизму реализации нравственности есть возможность находится «вне» или «над» этой противоречивой моральной практики современности.

Под моралью мы будем понимать определенные принципы социально обусловленного поведения, которые имеют императивный или властный характер на уровне конкретной культурной эпохи и задают вектор принятия решений в отношении социально приемлемого поведения.

Мораль есть некое общее положение приемлемых принципов общежития адекватных для конкретной эпохи. Мораль может быть известна и усвоена, но следование морали не всегда является делом личным и связанным с доброй волей. В современности мораль имеет формализованный характер в условиях этического релятивизма. Мораль выступает как мировоззренческое обоснование существующего порядка человеческих отношений, а, в условиях 4-ой промышленной революции, она приобретает противоречивый характер с ее стремлением к транспарентности и как следствие этой транспарентности тотального подчинения ради ценности безопасности и контроля.

Нравственность это способность или возможность этически оценивать качество действий, исходящих от самого человека и нести полную ответственность за них в контексте определенной морали.

Если мораль в современности диктует, что есть добро и чем добро не является, то нравственность как способ реализации этики на персональном уровне, что предполагает свои риски и свои уникальные возможности, позволяет осуществлять действия, сконцентрированные на том, как не создавать дополнительного «зла».

Внутренняя природа нравственности позволяет встать в «философскую» позицию, оставаться рациональным и гуманным в мире симуляций, обусловленных цифровизацией и реализовывать в повседневности этическую практику с упором на персональные представления и ценности.

Таким образом, нравственность для современного человека внутренняя возможность проявлять «всеобщее» в условном «общем» фоне морали как этическом срезе актуальной для него культуры.

Копанева Валерия Андреевна

соискатель, Волгоградский государственный университет

ПРИЗНАНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭТИКИ В «ЙЕНСКОЙ РЕАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ» ГЕГЕЛЯ

В рамках проблем этики особый интерес представляет ранний текст Гегеля «Йенская реальная философия»: «Признание есть, следовательно, первое, что должно быть; или, иначе, индивиды суть любовь, это бытие в признанности без противоположности воли, где каждый был целым (умо)заклчением, где они выступали лишь как характеры, а не как свободные воли. Такому надлежит быть. Для них должно быть то, что они суть в себе».

Однако для того, чтобы понять данный фрагмент, необходимо обратиться к герменевтике текста:

1. «Признание есть... первое, что должно быть». Гегель подчеркивает, что признание является не первым, что возникает, а именно первым, что должно возникнуть, поскольку без признания не будет ничего должного, а, соответственно, может состояться только сущее. Однако сущее без долга – это хаос, который не позволяет человеку ориентироваться в мироустройстве, потому что именно долг способствует регулированию общественной жизни. Долг – это форма бытия ценности. Под должным следует понимать требование или обязанность, но, как известно, обязанность проистекает из авторитета, и, следовательно, признание – это предпосылка этики, потому что субъект может воспринять какое-либо требование, долженствование, исходящее только от того, кто уже признан.

2. «Индивиды суть любовь». Рассуждение от обратного дает следующий вывод из этого тезиса: если нет любви, то нет и индивидов. Любовь – это отношение, в котором конституируется субъект. Поскольку человек существует только в отношениях, через которые он узнает о существовании Другого и самого себя, то из этого следует, что индивидуальность прорастает из коллективных связей.

3. «Бытие в признанности без противоположности воли». Здесь считаем необходимым в общих чертах дать пояснение к различию понятий «признание» и «признанность»: признанность – это состоявшийся факт признания в прошлом, а признание – процесс, который длится в настоящем. Признанность предполагает уже ранее достигнутое согласие с субъектом или объектом признания, которому нет необходимости противодействовать, поскольку он получил известность и определенность, в то время как признание подразумевает открытие нового знания о субъекте/ объекте, что может вызвать сопротивление. Таким образом, признанность – это совпадение воли одного субъекта с волей Другого, поскольку механизм признания осуществлен в прошлом и в памяти закреплён опыт первичного одобрения. Признанность экономит усилия и говорит о готовности субъекта к восприятию, в том числе и к восприятию этических вопросов.

Если применить к тексту Гегеля метафору, то человека можно сравнить с гусеницей, в которой заложен некий потенциал (гусеница может стать бабочкой), но он еще не раскрылся. Необходимо, чтобы гусеница (характер и противоположность воли) создала кокон (любовь), но кокон – это состояние «в себе». На последнем этапе, по Гегелю, из кокона вылетает бабочка, которая символизирует факт любви, привнесённой вовне. Таким образом, признание – это переход из потенциального состояния в актуальное, которое включает в себя этический аспект.

Kopciuch Leszek

PhD, DSc, Professor, Dean, Head of the Chair of the History of Philosophy and Comparative Philosophy, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland

EGOISM

Most ethical positions stigmatise egoism as a negative attitude; similar evaluations are also formulated in various religions. We also tend to judge egoism in the same way in most situations of everyday life. Both the interests of society and the individual's self-esteem speak in favour of such judgements. In the paper I present the types of egoism analyzed by the contemporary researcher Kurt Baier: (i) common-sense egoism; (ii) psychological egoism; (iii) egoism as a principle of social optimisation; (iv) rational egoism; (v) moral egoism. Then I reconstruct the logical argument against egoism formulated by Baier. In the last part of the paper I formulate some of my own opinions on the value of egoism. I also try to show on the basis of Popper's concept of falsificationism that universal egoism as an ethical theory is unjustified.

Назаров Владимир Николаевич

д.филол.н., профессор,

Тульский государственный педагогический университет им.Л.Н.Толстого

ЭТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА:

ВЫБОР МОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Цифровой двойник – это информационная копия пользователя личного информационного пространства. Его фундаментом является персональная модель, построенная на массиве больших данных (Big Data) – суммы всей той информации, которую реальный субъект когда-либо поставлял цифровому миру: от персонального компьютера и различных интернет-сайтов до гаджетов и сенсоров, говорящих устройств и видеокamer. «Чем совершеннее алгоритм и чем больше персональных данных в него заложено, тем адекватнее становится цифровой двойник. Создав универсальный алгоритм и соединив его с помощью датчиков с чувственно-моторной системой человека, можно получить цифрового двойника, знающего о нас больше, чем наши ближайшие друзья».

Человек может способствовать созданию адекватной копии цифрового двойника, сообщая только достоверную, выверенную информацию о себе: своих интересах и ценностных предпочтениях. Но он может поставлять в сеть и искаженную информацию, оставляя после себя в информационном пространстве следы «воображаемого» или «подставного» двойника. В этом плане электронный профиль человека, включающий в себя собой всю совокупность цифровых теней, разделяется как минимум на три фигуры: воображаемого, реального и подставного двойника. Главное правило – не загружать своего цифрового двойника воображаемыми контентом («добродетельности» или «порочности»). Необходимо оставаться в цифровом мире самим собой, быть не лучше и не хуже, чем ты есть на самом деле, ибо всякое подставное добро и «зло» в конечном счете приводят к цифровой неподлинности бытия реального субъекта и, как следствие, невозможности посмертного воссоздания его реального облика.

Как правило цифровой двойник живет дольше, чем его информационный носитель. Но бывает случаи, когда цифровой двойник «умирает» (исчезает, искажается до неузнаваемости) раньше оригинала. Это связано с инверсией физических и цифровых

универсалий бытия. В физическом мире существуют законы, которые детерминируют некий минимум универсальной этики. К их числу можно отнести золотое правило нравственности, библейские заповеди, древневосточные списки запретной порочности (искупительные ритуалы Месопотамии, 125 глава Египетской книги мёртвых и т.д.). Однако в цифровом пространстве действуют иные правила, несоблюдение которых чревато рисками, связанными с утратой конфиденциальности, идентичности, автономии, что ведет к трансформации традиционных этических норм, запретов и разрешений. Например, золотое правило нравственности может быть переформулировано в цифровом мире таким образом:

«Относись к цифровому двойнику другого так, как ты бы хотел, чтобы другой относился к твоему цифровому двойнику». При этом реальные лица, руководствующиеся этим правилом, могут следовать в жизни совершенно иным принципам, оставаясь анонимными по отношению друг к другу.

Наиболее важными императивами цифровой этики являются принципы, основанные на заповедях, «не укради» и «не лги», которые получают своеобразное преломление в информационном пространстве. Здесь они означают: «не кради чужую информацию» и «не искажай собственную информацию». В своей совокупности две эти нормы определяют необходимый минимум идентичности цифрового двойника. Дело в том, что в информационном мире невозможно прямое убийство цифрового двойника. Поэтому заповедь не убий не действует здесь в форме прямого запрета. Однако воровство и ложь (искажение своей и чужой информации) могут привести к смерти цифрового двойника. Парадокс в том, что цифровой двойник, как правило, живет дольше реального индивида, но нередко может «умереть» и раньше – оказаться «убитым» при живом индивиде в случае кражи и искажения информационных данных.

Оводова Светлана Николаевна

к. филос. н., доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

МЕТАМОДЕРНИСТСКИЕ ЭТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В РАБОТАХ Х. ФРЕЙНАХТА

Философ Ханзи Фрейнахт формирует особую систему этических установок, которая отражает тенденции в современной культуре. Провозвестники метамодернизма Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен не ссылаются на работы Х. Фрейнахта, также он не участвовал при написании знаменитой монографии «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма», где изначальные идеи Аккера и Вермюлена развивают коллектив авторов. Однако Ханзи Фрейнахт именует себя метамодернистом, о чем постоянно упоминает в своих работах (<https://metamoderna.org/hanzi-freinacht/>). Мы считаем, что если философ причисляет себя к данному направлению мысли, то и мы можем называть его метамодернистом, так как данное направление находится в становлении и еще не в полной мере сформировало свой категориальный аппарат и схемы анализа. Вновь появляющиеся персоналии, развивающие метамодернизм, оказывают большое влияние на становление метамодернизма. Рассмотрение работ Фрейнахта позволяет зафиксировать развитие дискурса метамодерна. Фрейнахт выступает за формирование «слышащего общества», где каждый человек и его ценности должны быть слышимы и видимы, где формируется ответственность за других, установка на открытость и искренность. Яркой иллюстрацией этической концепции Фрейнахта является принцип «изменения правил игры», где он последовательно доказывает, что какими бы ресурсами не обладал играющий, даже если он выигрывает, то все равно он находится в проигрыше, так как своей вовлеченностью в игру и желанием выиграть утверждает и воспроизводит доминирование и подчинение в культуре. Таким образом, он призывает отказаться от состязательности и предлагает сделать игру более человеческой, что должно привести к принципу солидарности и изменению главенствующих этических установок в обществе. Критический анализ текстов Фрейнахта демонстрирует специфичность его терминологического аппарата, который по большей части не детерминирован историей этики. Стиль письма Фрейнахта более

походит на манифест, текст изобилует метафорами, лозунгами и спорными терминологическими конструкциями. В частности, описывая главенствующую этическую парадигму определенного периода или определенного автора, Ханзи использует понятие «действующий ценностный мем». Постмодернистский дискурс Фрейнахта отличается от дискурса Аккера и Вермюлена. Однако оба типа дискурса представляют собой реакцию на ситуацию позднего капитализма, диагностируют усталость и от дискурса модерна, и от дискурса постмодерна, ищут новые языки описания современной культуры. Несмотря на то, что на русский язык переведено очень мало работ Х. Фрейнахта, в современном отечественном медиадискурсе за пределами академического сообщества понимание постмодернизма оказывается созвучным теории Фрейнахта. при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6

Поляков Александр Валерьевич

ассистент, Саратовский государственный технический университет им.Гагарина Ю.А.

«ГЕРОИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО» М.К.МАМАРДАШВИЛИ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И.КАНТА

В своих лекциях о Прусте Мераб Константинович Мамардашвили создает концепт «героического искусства», который становится основой для описания нравственной жизни индивида. При изучении этих лекций в контексте всего творческого наследия Мамардашвили мы обнаруживаем то, как он опирается при создании данного концепта на эстетическую теорию Иммануила Канта. Мы видим, как символическая структура эстетики Канта становится в интерпретации Мамардашвили основанием для обозначения человеческого поступка и в целом – для описания события сознания. И если Кант говорит о том, что субъективная общезначимость, с которой мы имеем дело на уровне способности суждения, только символически связана с нравственной жизнью сознания (разумом), то Мераб Константинович в рамках своего феноменологического проекта делает предметом рассмотрения саму эту связь, обозначая ее как само-достаточную. Ввиду этого он постулирует необходимость создания особого рода «текстов» или «орега орегана», с помощью которых создается поле для феноменологического анализа данной субъективной общезначимости, которая в таком случае фиксируется как опыт нравственной жизни сознания. Поскольку создание «текста» сопровождается изменением сознания, это событие и может быть заложено в основание этики. Эти изменения не задаются понятийно и не задаются с помощью идей разума, но имеют символическую природу как производные сразу двух моментов. Первым из этих моментов является указанное выше создание «текста». Вторым – само событие сознания, которое реализуется на автономных условиях. Отсюда – та важность, которую Мамардашвили придает словам Декарта о том, как человек может относиться к своей жизни как к исполнению роли в театральном действии. И здесь мы видим постулирование двух моментов: (1) рассмотрение жизни в виде театрального действия; (2) обнаружение роли в этом действии, т.е. извлечение смысла для сознательного нравственного поступка индивида. Сам этот двойной акт извлечения смысла и становится, по Мамардашвили, актом, который индивидуальным сознанием выявляется как общезначимый. Вместе с тем, поскольку сам этот акт сопровождается обнаружением особой эстетической способности сознания, мы можем, опираясь на событие этого обнаружения, зафиксировать объективные этические императивы, которые будут выявляться не на основании разума, но на основании феноменологического анализа самой способности суждения. На таких основаниях, как мы полагаем, и выстраивается концепт «героического искусства» М.К. Мамардашвили, в котором эстетическая теория Канта становится основанием для формирования этических постулатов.

Разин Александр Владимирович

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой этики,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

РЕАЛИЗМ И НАТУРАЛИЗМ

В докладе показывается, что различные виды натурализма в этике соотносятся с этапами развития социально и культурно обусловленного мышления, представленного в разных видах реализма: классического реализма, неореализма, критического реализма, научного реализма.

Реализм исходил из идеи адекватного понимания мира. В относительно современной философии представлен, например И. Ф. Гербардом (1776 – 1841), который считал, что мир состоит из простых реалов. Их соединение в сознании создает иллюзию изменчивости и неоднородности мира, которая может быть преодолена в познании. Отсюда можно вывести характерную для классического натурализма и неонатурализма идею редукции, сведения высших форм к низшим.

Многие классические философы, такие как Декарт, Спиноза, в своих моральных воззрениях исходили из натуралистических оснований. Но они в то же время понимали, что на основе только природы нельзя объяснить высшие проявления человеческой активности, понять сознание человека. Поэтому классический реализм был в основном дуалистическим.

Главной особенностью неореализма был отказ от гносеологического дуализма. Основными представителями неореализма были Дж. Мур, Б. Рассел, С. Александер, А. Н. Уайтхед, Р. Б. Перри. Неореализм дает основание неонатурализму. Он отличается от классического натурализма тем, что использует достижения современной науки, в частности этнологии, показавшей, что животные сообщества имеют взаимоотношения, сходные с выполнением некоторых моральных обязанностей.

Критический реализм, представленный такими мыслителями, как Дж. Пратт, А. Роджерс, Дж. Сантаяна, Р. В. Селлерс и Ч. Стронг выступили с идеей адаптивного отношения к миру. Из современных продолжателей данного вида реализма можно назвать профессора Хельсинского университета И. Ниинилуото [Niiniluoto, 2002], который под влиянием тезиса неопределенности Куайна признал фаллибилизм, выступил на стороне концептуального плюрализма, однако считал, что успешные теории близки к истине.

Критический реализм дает основание нередуктивному натурализму. В отличие от неонатурализма, который видел различие человека и животных лишь в степени развития их способностей к общению, солидарности, альтруизму и широко использовал принцип редукции, нередуктивный натурализм (Ф. Нагел, Г. Сэткамп) отказывается от идеи общности базовых потребностей различных живых организмов и утверждает, что особенности нравственного поведения каждого живого существа можно вывести только из его натуральной истории. Считается, что, если при этом имеют место какие-либо совпадения, они определяются только этой историей, а не какими-либо заключенными в природе предрасположенными. В качестве современных представителей данного вида натурализма можно назвать: Herman J Saatkamp (Texas A&M University) F. Nagel «Взгляд ниоткуда» (Center of Aspirants NY). В качестве предшественников они называют Дж. Сантаяну (1863 – 1952) и П. Строссона (1919 – 2006).

Научный реализм защищает понятие истины в традиционном смысле слова, полагает достижение истины в качестве основной цели научных теорий. Ричард Бойд [Boyd, 1983] выделяет три вида научного реализма: онтологический реализм, предполагающий объективную реальность, независимую от нашего мышления; говорящий о постепенном приближении научных теорий к истине; семантический реализм, указывающий, что сами научные термины указывают на реальные сущности, поэтому теории должны интерпретироваться реалистически.

Научный реализм дает основание научному натурализму. Это одна из основных теорий в современной методологии науки. Ей противостоит конструктивный эмпиризм (В. С. ван Фраассен), который отказывается от понятия сущности и говорит

только об объясняющих моделях. Он представляет собой современную антиреалистическую программу.

В этике научный реализм дает основания позиции, которая условно может быть названа «Материалистическим натурализмом». Ее представляют такие мыслители, как У.Селларс, К. Ламонт, М. Фарбер.

Уитфрид Селларс (1912-1989) – сын Р.В. Селларса, отстаивал «научный реализм». В этике защищал альтруизм и либерализм.

Ламонт К. (1902-1995) Один из основателей течения светского гуманизма.

Написал 16 книг. Среди них «Иллюзия бессмертия».

Книга Ламонта крайне интересна не только известными, но хорошо систематизированными возражениями против допущения возможности бессмертия, но и радикальным тезисом о том, что именно сознание смерти наполняет нашу жизнь оптимизмом, так как принципиально уравнивает всех людей.

Еще один вид реализма, который здесь необходимо упомянуть это конструктивный реализм. Идеи конструктивизма сейчас широко используются в этике, в частности в прикладной этике с точки зрения верификации норм на их принципиальную выполнимость. Идеи конструктивизма развиваются также в связи с новыми технологиями и, в частности в связи с технологиями улучшения человеческого тела. В.Н.Лекторский отмечает значение этой методологии для исследования проблем сознания и показывает, что конструктивизм не означает произвольности, не предполагает сведения мира к нашим представлениям.

Рыскельдиева Лора Турарбековна

д.филос.н., профессор,

Таврическая академия Крымского федерального университета им.В.И.Вернадского

ДВА ВИДА ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ: КЛАССИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

1. Два способа перевода выражений с корнем *δεο* (deo) в EN Аристотеля: «как следует» и «как должно». «Как следует» относится к вещам окружающей действительности, к выбору правильного и подходящего. А когда речь идет о добродетелях, о том, как они действуют, то «как должно» относится к образцу поведения, сверяясь с которым можно понять, что такое добродетель вообще. «Как должно» – дань платонизму и его пифагорейским корням, тому, что идет «сверху», от Разума-Бога, из вертикального различия сущего и должного, а «как следует» – из горизонтального различия правильного и неправильного, подобающего и неподобающего, когда правильно всё, что идет как положено, как здесь заведено и определено, наилучшим образом. «Должное» Аристотеля имеет оба эти смысловые оттенка и отвечает на вопрос о том, что должен делать каждый, чтобы всё было так, как должно быть.

2. Практическая философия И. Канта основана на вертикальном различии сущего и должного, в автономной морали отсутствует деонтологическая «горизонталь», «как положено» и «как заведено» здесь не довод и не обоснование для долженствования. Добро-делание в кантианстве – это лишенное внешней нормативности «искусство делать добро», основанное на технике рефлексии собственных мотивов-нравов. «Горизонталь» здесь перемещается в область права.

3. Критическая деонтология Дж. Бенгама борется с самой возможностью «вертикальной» деонтологии, базируясь на утилитаризме, основной тезис которого: природа УЖЕ позаботилась о том, чтобы каждый человек стремился к благу для себя. Утилитаристская интерпретация природы человека делает не только бессмысленным, но и опасным любое долженствование, «горизонтальное», в том числе, если оно не имеет единственно приемлемой грамматики первого лица единственного числа. Иная грамматика свидетельствует о моральном насилии со стороны «моралиста». Место деонтологии здесь занимает консеквенциализм, калькуляция будущих последствий моих действий в настоящем.

4. Элиминировать «вертикальное» долженствование из философского дискурса нельзя, различие между сущим и должным – базовое для европейской философии.

Однако гармоничный полисный идеал, сочетающий «горизонтальное» и «вертикальное» долженствование Стагирита, в наше время исчез. Кантовский моральный ригоризм, возвышающий человека над самим собой, сегодня непонятен. Классический бентамов утилитаризм вступил в сложные отношения с расчетливостью и практикой психоанализа, а деонтология редуцирована к практике выработки уставов, кодексов, правил и проч. Преобладание «горизонтального» порождает популярный в среде вокруг IT стоицизм, причудливые формы «деонтологического эвдемонизма», обосновывающего ошибочность противопоставления счастья долгу, а также разного рода революционные призывы, в частности, призыв к «интеллектуальной революции». В философии оказывается востребованным компатибилизм, соединяющий детерминизм и свободу воли.

5. В таком контексте особо актуальным становится «нравственный проект» В. Соловьева, его вариант оправдания добра, основанный на тезисе «должен, значит, можешь» или «это должно, а потому и может быть сделано», и этот тезис – совсем не «теорема Томаса». Принять этот проект и стать его участником чрезвычайно трудно, гораздо легче заниматься критикой моральных суждений и анализом языка этики. Чем по большей части мы и занимаемся.

РФФИ №20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Серкова Вера Анатольевна

д. филос. н., профессор,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

«ТОНКИЕ РАЗЛИЧИЯ» В ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ ДЖОРДЖА МУРА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Этика, или практическая философия Джорджа Мура является прикладной частью его общей теории здравого смысла. Принципы этики Мура состоят в том, чтобы четко разграничить «практические» (прикладные) и теоретические вопросы, возникающие в нравственной жизни. Философия здравого смысла определяет общую тенденцию исследований в аналитической философии: строгий логический анализ и хорошо организованный здравый смысл приводятся в соответствие на стадии прояснения и упрощения их структур. В случае с этической проблематикой логика (как правильно и последовательно организован анализ) структурирует вопросы, обращенные к субъекту, совершающему этические действия. В результате прояснение нравственной проблематики совершается как бы по двум векторам: интуитивное понимание этических норм приводится к очевидности посредством прояснения этических истин «самых по себе» (теоретических конструкций). Выявление результатов этических поступков включает в анализ причинные связи, обогащает логику понятий логикой выведения следствий из совершаемых действий. Поскольку Мур уверен, что такого рода анализ еще не производился, он расценивает свой вклад в этическую аналитику как «пролегомены ко всякой будущей этике, которая может претендовать на звание научной» (Д. Мур «Принципы этики») и полагает, что осмысленная дискуссия по такого рода вопросам еще не начиналась в философии. Так ли это? Сомнение в справедливости такого заявления может быть связано с именем Сократа, родоначальника практической философии. Зададим вопросы, инициированные Дж. Муром, Платону, описывающему этическую позицию Сократа. Имеют ли суждения Сократа об этических истинах теоретическую разработку? Очевидно, что да. И не является ли эта позиция отвлеченно теоретической, не учитывающей причинно-следственные отношения к реальным, воплощенным в поступках действиям? Такие диалоги Платона, как «Критон», «Апология Сократа», «Евтифрон» или «Хармид» дают ответ и на этот вопрос. В этой связи имеет значение оценка практической философии Сократа Джорджем Муром. Мур анализирует этическую программу Сократа на примере Диалога «Филеб». Мур определяет критику гедонизма, данную Сократом как в данном случае дополняющую концепции современного ему интуитивизма, в частности, интуитивизма

Генри Сиджвика, с которым он вступает в дискуссию на протяжении всего трактата по этике.

«Проблематика реальности в современных антиреалистических философских теориях (критический обзор)» Экспансия 20-111-50383, РФФИ, 2020

Сохор Татьяна Евгеньевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

СИМВОЛИЗАЦИЯ ГЕРОИЗМА В ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Женский образ в отечественной монументальной скульптуре (в отличие от западно-европейской) использовался не столь часто, и возникал в связи с четко определенными сюжетами. До начала XX столетия таких сюжетов было два: образ России и образ Матушки-царицы, что, к слову сказать, тоже подспудно подразумевал Россию.

В качестве примеров можно привести скульптуры «Держава» и памятник Екатерине Великой скульптора М. Микешина (1867 и 1873 г.). Символизм «Державы» выражен в одеянии стилистически ориентированном на русский стиль, а скульптура Екатерины «одета» по моде, существовавшей в годы ее правления. В руках изваяний — атрибуты царской власти — скипетр и держава.

В первой половине XX столетия из монументальной скульптуры выделяется образ крестьянки из знаменитого памятника «Рабочий и колхозница» В.И. Мухиной (1938). Стилистика ее одежды направлена лишь различие между двумя грандиозными фигурами. В ее руках также имеется символ власти, но уже не царской, а рабоче-крестьянской.

Следующей серией монументальных скульптурных изображений следует назвать цикл, посвященный Матери-Родине, начиная с первых скульптурных изображений, установленных на мемориалах в Берлине, затем в Ленинграде, некоторых республиках СССР и Волгограде. Женские образы, посвященные героизму матерей в Великой Отечественной войне, создавались с учетом национальной составляющей. Так, например, образы Родины в Грузии и Армении представлены в национальных костюмах, с узнаваемыми элементами национальных традиций. И если большая часть мемориалов имеет в своем убранстве оружие (как правило, меч), то литовский памятник «Мать Пирчюписа» и мемориал на Пискаревском мемориальном кладбище решены совсем в другом стиле. Их героизация второстепенна и слабо выделяема в связи с иными задачами, решаемыми этими комплексами.

Следует отметить отсутствие мемориальной скульптуры «Родина» на территории советских азиатских республик. В последние годы образ Матери (не родины), потевшей своих мужчин в прошедшей войне стал популярен и там.

Крайне спорным явился мемориал «Мать-Родина», открытый в 1975 г. в г. Набережные Челны (скульптор И.М. Ханов), где образ женщина превращен в птицу, а ее одежды изменены на сложный конгломерат военных атрибутов современности.

Мемориальная скульптура включена в культурную составляющую государственной политики, однако, приживаемость ее в городском или сельском ландшафте будет зависеть от того, насколько она понравится жителям. Ярким примером отторжения является шумевшая история с металлическим памятником Аленке (скул. А. Жилин, 2020) в Нововоронеже. С другой стороны, в последние годы монументальная скульптура уступает место более камерной городской скульптуре. Идеи небольших (до трех метров) скульптур и скульптурных групп обращаются к личному миру человека, отражая, исторические персонажи конкретных поселений. Героизм этих женских скульптурных групп отображается не так ярко, как в экспрессивных монументах советской эпохи. Изобразительные средства камерных городских скульптур не столь яркие, но палитра образов и сюжетов расширилась. Теперь уже не только «мать», но и «невеста» или «сестра» изображаются в различных памятниках, а для символизации героизма используются иные, новые средства пространственных искусств.

Ставцева Ольга Ивановна

к.филос.н., доцент, Ленинградский государственный университет им.А.С.Пушкина

ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК АКТУАЛЬНОЕ ЭТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ:

ОТ П.А.КРОПОТКИНА К П.СИНГЕРУ И К.МАЛАБУ

Этика П.А. Кропоткина, развиваемая в конце 19 – начале 20 вв. центрирована вокруг понятия «взаимопомощь». Представляется, что в современных этических дискуссиях понятия взаимопомощь, солидарность, взаимная поддержка сохранили актуальность и имеют большой потенциал.

В работе «Нравственные основания анархизма» (1890 г.) Кропоткин соединяет утилитаристскую этику с эволюционными идеями, особенно обращая внимание на то, что взаимная поддержка является всеобщим фактом природы, более важным, чем борьба за существование. Эти идеи усиливаются и получают развитие в знаменитой брошюре «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902 г.), в которой взаимная помощь описывается как основание общечеловеческой солидарности, общительности.

Эти идеи Кропоткина имеют современное звучание и перекликаются со следующими актуальными тенденциями и философскими теориями:

1) Признание верности и важности эволюционной теории. Так, видный представитель философии сознания и когнитивистики Д. Деннет высоко оценивает эволюционную теорию как концепцию, бросающую вызов креационизму. Эволюционная теория заменяет идею происхождения живых существ от высшего разумного творца представлением о развитии по восходящей траектории, осуществляемом бездумными, немотивированными циклическими процессами, которые создают сложные комбинации, часто за счет объединения своих усилий.

2) Плоские онтологии создают картину мира, которая рассматривает все объекты одинаково, неиерархично. Термин «плоские онтологии» вводит М.Деланда, его используют Б.Латур, сторонники спекулятивного реализма Л. Брайант, Г.Харман, Т.Мортон и другие. Плоская онтология не предполагает разделения между носителями мысли и всем остальным. Как пишет Латур, все человеческие и нечеловеческие акторы стремятся выстроить связи с другим акторами ради того, чтобы стать сильнее и убедительнее.

3) Представитель нейронауки Меттью Либерман обращает внимание на социальность человека в силу устройства мозга нашего вида. Люди нуждаются в общении с другими, любой разрыв социальных связей, критика, отвержение болезненны. Эта потребность может рассматриваться как первичная. Ж.Реше, комментирующая книгу Либермана, говорит о том, что индивид может пониматься как эффект социальности. Социальность и соединенность первичнее, чем индивид.

4) Концепция «пульсирующей материи» Дж. Беннет, которая критикует традицию делить мир на безжизненную материю и пульсирующую жизнь. Внечеловеческие объекты тоже агентны, они действуют и требуют нашего внимания и уважения. Беннет понимает общество как коллектив людей и нелюдей, которые действуют совместно, исходя из опыта уязвимости.

5) Крупный этический мыслитель П. Сингер в работе «Расширяющийся круг: этика и социобиология» (1981) пишет об альтруизме, который должен выйти за пределы круга наших родственников, а затем и за пределы нашего биологического вида. Мы должны помогать не только людям, но и животным, растениям, ландшафтам. И для Кропоткина, и для Сингера взаимопомощь и взаимный альтруизм не связаны с милосердием, виной, любовью, а с самой логикой жизни, социальностью и ее биологическим измерением. На связь идей П.Сингера и Кропоткина обращает внимание французская мыслительница К. Малабу в статье «Переосмысление взаимопомощи. Кропоткин и Сингер» (2020 г.), которая противопоставляет взаимопомощь биополитике. С точки зрения биополитики жизнь является объектом управления. Потенциалом сопротивления такому пассивному пониманию жизни как объекта биополитики является взаимопомощь, примеры которой мы можем наблюдать.

Эти означенные нами тенденции демонстрируют, что понятие взаимопомощи, общительности и солидарности, развитые уже в этике Кропоткина имеют достаточный потенциал для использования как в современных этических дебатах, так и в социально-политической практике.

Чулаков Дмитрий Константинович
старший преподаватель,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
**ЭТИКА САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ И
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Как замечает в своём масштабном исследовании современной субъективности британский социолог Энтони Гидденс, одной из фундаментальных психологических проблем поздней модерности стало ощущение персональной бессмысленности жизни. Он объясняет этот феномен подавлением и вытеснением тех моральных вопросов, которые ставит повседневная жизнь, но не предоставляет возможностей получить на них ответы. Экзистенциальная изоляция, по его словам, выражается не столько в сепарации индивидов друг от друга, сколько в утрате моральных ресурсов, необходимых для полноценного и приносящего удовлетворение существования. Одним из источников подобной ситуации он видит идеал аутентичного самоосуществления, где подлинность выступает одновременно и как «первостепенная ценность, и как основание для самоактуализации, но представляет собой ограниченный в моральном отношении процесс» (Гидденс, 1991).

Не будет преувеличением утверждать, что в качестве идеала и ценности самоосуществление приобрело массовое распространение только во второй половине XX века, что с одной стороны было продиктовано внутренней логикой развития науки, как это произошло с гуманистической психологией, которая, по словам её отца-основателя Абрахама Маслоу, должна была преодолеть воплощенный в бихевиоризме и психоанализе «аналитический, диссекционный, атомистический, ньютоновский подход к человеку и к его природе» (Маслоу, 1999), а с другой – детерминировано индивидуализацией западных обществ, где стремление к самореализации оказалось «своего рода культурным стереотипом, нормой» (Леонтьев, 1997).

Упомянутая гуманистическая концепция была ассимилирована популярной психологией, а общественное воображение вместе с риторикой поисков себя, возвращения к себе, доверия к себе и верности себе усвоило своего рода рекурсивную антропоцентрическую телеологию, где человеческая природа предстала своим собственным источником, средством и целью. Эссенциалистская и натуралистическая концепция человеческой природы Маслоу парадоксальным образом оказывалась в плену scientистского морализма, который размещал предзаданные характеристики блага в изначальной человеческой природе, обнаруживаемой новой наукой о человеке и выполняющей как дескриптивные, так и прескриптивные функции.

Императивный характер самоосуществления во многом отвечает на вопрос, которым задаётся в одном из своих эссе Славой Жижек: «...как же так получилось, что наша эпоха духовного гедонизма, когда целью жизни открыто объявляется счастье, сопровождается взрывом тревоги и депрессии?» (Жижек, 2014). Датский социолог Андерс Петерсен напрямую увязывает депрессию как социальную патологию с «тёмной стороной современных социальных требований аутентичной самореализации» (Петерсен, 2011), что не в последнюю очередь происходит потому, что форма этих требований максимально доступна, а содержание неэксплицируемо. Немецкий философ и социальный теоретик Аксель Хоннет утверждает, что индивидуализация превращает идеал самореализации в институциональный запрос, в идеологию и производительную силу дерегулированной экономической системы, и, в конечном счете, инвертирует идеал самореализации во внешнее принуждение (Хоннет, 2004).

У инспирированного гуманистической психологией представления об аутентичном самоосуществлении не было недостатка в критиках, однако попытки развернутой философской рефлексии самореализации как идеала и ценности немногочисленны. В

этом контексте особый интерес представляет обоснование самореализации с позиций этического индивидуализма Дэвидом Нортоном (1976) и проект аналитического восстановления идеала аутентичного самоосуществления Чарльзом Тейлором (1991).

В монографии «Персональные судьбы» (1976) американский философ Дэвид Нортон разворачивает впечатляющую концепцию «этики самоактуализации», утверждая преэминентность ряда современных концепций философской мысли античному эвдемонизму. Выступая с последовательной критикой относительно недавних в исторической перспективе эвдемонических концепций (прежде всего, британских абсолютных идеалистов Грина, Брэдли и Бозанкета, а затем Кьеркегора, Ницше и Сартра), но и инкорпорируя некоторые аспекты их учений в собственный философский проект, он формулирует метафизическое ядро светского этического индивидуализма, который находит своё выражение в феноменологическом описании четырех этапов жизненного пути с соответствующими им формами морального сознания. Особое место в своей концепции Нортон уделяет моральной жизни в стадии зрелости, а также социальным условиям и последствиям воплощения идеалов и принципов этики самоактуализации для общественной жизни. При этом сама концепция Нортона ставит вопрос о философско-исторической достоверности его реконструкции, которая вполне может оказаться ретроактивным конструированием последовательной и преэминентной эвдемонической традиции. Вторая проблема концепции Нортона – иннатизм эвдемонизма, обосновывающий отдельные моральные выборы и всю траекторию самоосуществления этического субъекта некоей внутренне присущей индивиду склонностью.

В свою очередь канадский философ Чарльз Тейлор в «Этике аутентичности» (1991), пользуясь инструментарием моральной философии и интеллектуальной истории, предлагает проект аналитического восстановления (retrieval) идеала аутентичного самоосуществления, который позволяет идентифицировать и артикулировать скрывающийся за отчасти девальвированными практиками идеал, а также подвергнуть эти практики критике с точки зрения этого восстановленного идеала.

По Тейлору, «три недуга современности» – индивидуализм, примат инструментального разума и атомизация общества – одновременно и питают, и подрывают попытки аутентичного самоосуществления. Причины неартикулированности проблемы – в мягком ценностном релятивизме и либерализме нейтралитета; моральном субъективизме и сциентизме социальных наук, рассматривающем недуги современности как побочный продукт социальных изменений и пренебрегающем моральной мотивацией действий индивидов.

Согласно Тейлору, истоками идеала аутентичного самоосуществления выступают исторические формы индивидуализма (Декарт, Локк, романтики); идея свободы самоопределения (Руссо) и требование оригинальности собственной жизни (Гердер); субъективистский поворот в культуре в форме радикального аксиологического антропоцентризма и эстетизирующего персональную жизнь биографического экспрессивизма.

Тейлор критикует автореференциальность и самообоснование идеала аутентичной самореализации, опираясь на общезначимость характеристик человеческой ситуации в мире, к которым он относит диалогичность происхождения и становления идентичности и необходимость «горизонта значимости», понимаемого как «данный нам, существующий независимо от нашей воли фон интеллигибельности» (Тейлор, 1991).

Моральную философию Тейлора критикуют за эссенциализм и телеологизм, за падацентризм его истолкования современности, недооценку историчности и социальной детерминированности форм морального сознания и за излишний оптимизм в отношении институтов повседневной жизни. Справедливо было бы поставить вопрос и о самой возможности процедуры восстановления морального идеала и существования морального авторитета в культуре упадка доверия к экспертному знанию. Однако сама «диалоговая форма философской рефлексии и артикуляции» (Талли, 1994) (монография Тейлора основана на курсе лекций «Недуг современности», который транслировался по канадскому радио) даёт возможность поверить в то, что публичная и открытая беседа о тех самых моральных вопросах, которые ставит современность, но не

дает на них ответов, позволит, по словам самого Тейлора, бороться за души и умы, укореняя, по крайней мере, на время наиболее обнадеживающие культурные формы.

Шаов Асфар Аскерович

д.филос.н., ведущий научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им.Т.М.Керашева

Куров Нурбий Заурович

обучающийся магистратуры, Кубанский государственный университет

ТРАДИЦИЯ И МОДЕРН: ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Проблема оппозиции «традиция-модерн» закономерно вышла за границы академических дискуссий и ввиду актуальности своей повестки приобрела не только исследовательский, но и практический интерес со стороны широкой общественности. Речь идет об экстраполяции концепта модерна, который позиционируется как семантическое основание безальтернативного планетарного будущего, где утверждается порядок и прогресс. Адепты процесса радикального обновления подают модернизацию как имплицитное условие развития общечеловеческой цивилизации в лоне технологического прогресса и экономического успеха, предполагая, что этическим базисом данного мироустройства выступит секулярная этика «человека экономического». Традиция же как религиозный базис человеческого бытия нивелируется до уровня культурного рудимента, нашедшего свое второе рождение в анахронизмах темного прошлого и поэтому социетально интерпретируемая как деструктивное препятствие на пути к светлому будущему.

В этой связи оппозиция «традиция-модерн» нами рассматривается в контексте исторического формирования цивилизационной нормы западного проекта как безальтернативный миропорядок для всего преимущественно традиционного незападного мира. Прежде всего, этот проект направлен против соционормативной системы традиционной культуры как институциональной основы существования этноса, этноязыкового пространства как инструментальной основы общества и религиозной системы аксиологического позиционирования как ментального базиса этнокультурного кода этноса.

Посредством идей просвещенческого секуляризма и вытекающей из его логики модели рационализируемого были сформулированы доктринальные положения цивилизационной нормы европоцентризма. В контексте данной нормы была учреждена ее секулярная этическая составляющая как неизбежный инструмент фундирования мира по западному образцу. И действительно, современность все больше осмысливается не просто в своем вестернистском варианте, который скорее маскировал изначальное глубинное онтологическое единство модерна, подталкивая исследовательскую мысль в направлении ложного выбора – между позитивными модернизационными трансформациями и негативными процессами вестернизации. Таким образом, нарастание модернизационных процессов в унификационном формате оказывает деструктивное давление на архитектуру традиционного общества, размывая базовые социointegrative этические основания.

Шляпников Виктор Валерьевич

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

ОБЪЕКТИВИСТСКАЯ ЭТИКА О ДОБРОДЕТЕЛЯХ

В основе философской концепции объективизма, разработанной русско-американской писательницей и философом Айн Рэнд, лежат принципы разумного эгоизма и свободы воли, а также главенство рациональности. В сборнике эссе под названием «Добродетель эгоизма» [1] А. Рэнд пытается доказать, что обрести счастье и свободно развиваться люди могут только в рамках системы, которая на первое место ставит разум и права личности.

Одним из основных принципов объективизма является этический эгоизм (действие является морально правильным, если оно способствует личным интересам субъекта). Наиболее известным и наиболее спорным аспектом объективизма является его описание моральных добродетелей, в частности его нетрадиционное утверждение, что эгоизм – это добродетель, а альтруизм – порок.

В этике А. Рэнд придерживается теории добродетели, основанной на телеологической концепции живых организмов, включая человека. Ценность, согласно А. Рэнд, «это то, на обретение и/или сохранение чего направлена деятельность человека» [1, с. 29]. Все организмы действуют так, чтобы сохранить свою жизнь, и жизнь – единственное, ради чего организмы действуют, чтобы сохранить ее ради себя, а не ради чего-то еще. Таким образом, жизнь является высшей ценностью для всех организмов, и она устанавливает стандарт оценки для всего остального: то, что сохраняет жизнь, хорошо, а то, что угрожает жизни или разрушает ее, есть зло.

А. Рэнд определяет добродетель человека как «действия, посредством которых он обретает и/или сохраняет ценность» [1, с. 29]. Поскольку «для человека основным средством выживания является разум» [1, с. 23], постольку рациональность (добродетель, соответствующая ценности разума) является высшей человеческой добродетелью. Соответственно, высшей ценностью для каждого человека является не его жизнь как таковая, а его жизнь как «разумного существа», которая, таким образом, является его основным критерием оценки.

В чем состоит жизнь разумного существа для А. Рэнд, является предметом научных дискуссий, но, похоже, это означает приверженность трем главным ценностям объективистской этики – разуму, предназначению и самооценке. Этим трем ценностям соответствуют три основные добродетели объективистской этики [1, с. 29-31]: 1) рациональность; 2) продуктивность; 3) гордость.

Следствием такой жизни является счастье – «состояние сознания, возникающее в результате обретения ценностей» [1, с. 34].

«Рациональный эгоизм» – это стремление к жизни в качестве разумного существа или (что эквивалентно) стремление к собственному счастью. В таком понимании эгоизм – это фундаментальная добродетель. Таким образом, объективистская этика является формой этического эгоизма. И наоборот, альтруизм, который А. Рэнд характеризует как этическую теорию, которая считает, что единственным оправданием существования человека является служение другим людям, а высшим нравственным долгом – самопожертвование [1, с. 41], является как раз отрицанием добродетельной деятельности и, следовательно, фундаментальным пороком.

Человеческая жизнь не требует человеческих жертв. Люди могут жить, не отказываясь от своего ума, своих ценностей, своей жизни. Люди могут жить, не убивая, не нападая, не обманывая друг друга. Человеческие жертвы не могут способствовать человеческой жизни или счастью, это может привести только к страданиям и смерти. Если люди хотят жить и быть счастливыми, они не должны приносить в жертву себя или других. Скорее, они должны придерживаться жизненно важных ценностей и уважать право других поступать так же. Это основной принцип рационального эгоизма и моральная основа правильной социальной системы.

Литература

1. Рэнд А. Добродетель эгоизма / Айн Рэнд; С добавлением статей Натаниэля Брандана; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблицерз, 2011. — 186 с.

Янушевская Елена Валериевна
к. филос. н., старший преподаватель,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

КОНФЛИКТ ЭТИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ И ПОДХОДЫ К ЕГО РЕШЕНИЮ

Являясь одной из разновидностей ценностного конфликта, конфликт этической и эстетической ценности проявляет себя во множестве эмпирических ситуаций. Его теоретическое выявление получило осязаемый резонанс в европейской культуре Нового времени, прежде всего в литературе, и дало мощный толчок к развитию как отдельных направлений философской мысли, так и гуманитарного знания в целом. Именно он дает отчетливое представление об объективном характере ценностного конфликта.

Проблема антиномичности ценностно-эстетического и ценностно-этического как будто снимается на теоретическом уровне, когда в XX веке философия искусства наконец приходит к открытию, что «поэзия» и «правда», то есть эстетическая и практическая действительности, в принципе несоизмеримы. Вопреки мнению В. Г. Чернышевского, искусство при таком подходе не только не должно, но и не может быть учебником жизни: это в принципе не его задача. Осмысляемый в таком русле, конфликт этического и эстетического (и конфликт ценностей соответствующих классов) ошибочно считался наиболее репрезентативным для выявления принципов теоретического познания ценностного конфликта (к примеру, у П. П. Гайденко в монографии «Прорыв к трансцендентному»).

В подходах к соотношению этической и эстетической ценностей, таким образом, можно выделить две основные стратегии.

Согласно первой, этическая и эстетическая ценности реализуются в непересекающихся реальностях: этическая – в практическом плане, эстетическая – в виртуальной, виртуальность (способность оказывать эффект, обращаясь к воображению) при этом является ее субстанцией. Ценностный конфликт соответственно существует только как объект логического анализа – на уровне познания конфликтности, заложенной в самом способе бытия ценности, но в экзистенциальной сфере, в отличие от конфликтов внутри ценностей одного класса (к примеру эстетического), он не проявляется.

Чтобы понять, что означает отсутствие связи между художественной реальностью, для которой противопоставление добра и красоты бессмысленно, и ценностным конфликтом, достаточно обратиться к следующему примеру. Представим эпизод художественной киноленты, в котором зрители видят лошадь, падающую с большой высоты. Лошадь – живое существо, и соответственно, падая, она ломает себе ноги. Жестокое отношение к живому, чувствующему существу ради художественного эффекта по сути является попранием основополагающей для этики гуманизма нравственной нормы – непричинения как морального, так и физического ущерба жизни. Гипотетически автор фильма – допустим, что существует такой искусствоведческий факт – мог бы обнаружить перед собой жесткую дилемму, требующую бескомпромиссного выбора – осуществить свой художественный замысел или пожалеть живое существо. И у режиссера, по нашему допущению, снимавшего подобный фильм, безусловно, был выбор, и выбор этот носил исключительно нравственный характер – выбор между ценностью и антиценностью, между ценностью милосердия и антиценностью жестокости, а не между ценностью «добра» и «красоты». Если достижение равноценного художественного эффекта возможно без причинения вреда живому, собственно нравственное содержание конфликта не терпит возражений. Такова вторая из отмеченных выше стратегий, также указывающая на чисто теоретический характер, можно сказать, искусственно сконструированного конфликта «добра» и «красоты». Если развить вывод, следующий из приведенного примера, романтический конфликт «добра» и

«красоты» – это логически некорректно определенный ценностный конфликт, являющийся по сути этическим конфликтом эгоизма и альтруизма.

А вот в ответ Пушкину, устами Моцарта провозгласившему, что, «гений и злодейство» суть «вещи несовместимые», к сожалению, можно привести наблюдение: «[...] Человека и художника часто путают, ибо случай соединил их в одном теле. Но все очень просто: Верлен обладал гениальностью божества и имел сердце свиньи». (Цит. по: Мурашкинцев Е.Д. Верлен – Рембо. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 313.)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Алейников Андрей Викторович

д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

РЕФЛЕКСИИ КОНФЛИКТА

ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ РИСКОВ

Теория управления рисками стоит перед вызовом, который определяется «ковид-трансформацией» общества и выводом на новый уровень проблемы управленческих патологий социальных систем. Парадигмальные изменения связаны с корректировкой под давлением пандемии не только стратегии и тактики политического управления рисками и принятия решений в условиях неопределенности, но и повседневных практик, структуры социальных связей, коллективных представлений о распознавании общей угрозы, мировоззренческих паттернов. Возникновение в условиях структурного кризиса новых механизмов коммуникации, способов и форм информационного обмена актуализировало идентифицированный У. Бемом в обществе риска конфликт между научным и социальным знанием, заключающийся в антагонистической борьбе за определения «что рискогенно, а что – нет».

Особенно острым является вопрос о дистрибутивной справедливости рисков, о том, на кого должно лечь бремя их издержек. Поскольку риски иерархичны, им в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к минимизации его последствий. Это влечет за в одних случаях преференции, оказываемые властью какой-либо социальной групп в ущерб другим. Какими критериями следует руководствоваться при артикуляции возможностей и ограничений различных методологических установок в исследованиях рефлексивности рисков? На основе каких теоретических моделей возможны исследования восприятия повседневных рисков? Как риск-рефлексии детерминированы индивидуальным опытом, культурой и принадлежностью к различным социальным группам?

Наконец, являются ли риск-рефлексии элементом отражения господствующего властного дискурса, определяющего, что рискогенно, а что нет, кто относится к группам, находящимся в зоне особого риска, то есть навязывающего формы восприятия риска и рискового поведения?

Используя методологию П. Бурдьё, мы рассматриваем «подпространство риска» как асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях», что дает возможность уловить особенности управленческих воздействий, обеспечивающих усиление функциональности превенции и распределения угроз.

Важным для проблематики нашего исследования является концепция социального усиления риска, рассматривающая механизмы координации изначальных индивидуальных сигналов об угрозах с актуальной политической повесткой, политическим целеполаганием государства, политическими замыслами правящего меньшинства, публичным политическим дискурсом, которые могут ослабить или усилить воспри-

ятие рисков. Споры о виновных за создание опасностей и угроз являются важнейшим механизмом политической мобилизации. Поскольку «социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой», они определяют паттерны и стратегии конфликтного поведения. Во многих моделях объяснения неравенства в распределении рисков ключевое значение придается специфике риск-рефлексий. Напомним, что М. Дуглас и А. Вилдавски выделяли четыре идеальных типа культуры четыре идеальных типа культуры восприятия рисков: индивидуалистический, фаталистический, иерархический и эгалитаристский (сектантский). В их основе их лежат отличия временных перспектив восприятия риска, его приемлемости, избегание, принятие риска как данности или возможности, социальное одобрение, поощрение, запрещение или наказание за личный риск в пользу общности /ради личной выгоды.

Нам представляется, что перспективными являются исследовательские стратегии, рассматривающие конфликт с точки зрения:

- выражения неудовлетворенности или несогласия потребителей риска с производителями риска, с процессом и продуктом опасностей;

- различий во мнениях о виновных за риск;

- борьбы за контроль над риском и различные перспективы принятия и избегания риска;

- осознаваемое расхождение интересов (возможное или доведенное до «точки кипения») между теми, кто «подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду» и между теми, кто производит риски, и теми, кто их потребляет.

РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Александров Евгений Анатольевич

старший преподаватель, Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский, как известно, называл свое мировоззрение «космической философией», подчеркивая необходимость космической точки зрения для решения и собственно научных проблем, и для постановки новых этических проблем. Для новой этики характерен не только космический взгляд на мир. В ней расширяется предмет исследования. Выделим основные принципы космической этики будущего.

Всеобщий (высший) принцип космической этики. Представитель русского космизма, автор «Философии общего дела» Н. Федоров под ним понимал « требование действительно всеобщее и необходимое для всех разумных существ». По своей сути – это принцип универсализации нравственности: «нравственность не должна ограничиваться личностями, обществом, а должна распространяться на всю природу».

Принцип космической точки зрения. Космическая точка зрения позволила К. Э. Циолковскому по-новому рассмотреть этические проблемы охарактеризовать этап расселения человечества в космосе, как способ достижения нравственного достижения нравственного совершенства. Разум человека при этом обретает новое измерение — он становится «Разумом Космоса», силой, воздействующей на Вселенную и перестраивающей ее в соответствии с образцами и «категорическими императивами» космической этики. Мыслительный слой Земли, который В. И. Вернадский называл ноосферой стремительно утолщается.

Принцип содружества, сосуществования. «Космическая этика» предназначена содействовать успешному преодолению возможных кризисов. Кроме того, задача ее заключается в обеспечении содружества, сосуществования и взаимопонимания. Сосуществование понимается в самом широком смысле.

Разум есть лишь одна из форм существования разумности во Вселенной. Могут существовать иные формы — неземные — разумной жизни. Следовательно, космиче-

ская этика должна разрабатывать нормы нравственных отношений землян, осваивающих космическое пространство, а также правила общения с «братьями по разуму» иных цивилизаций.

Принцип толерантности. Он дополняет принцип сосуществования.

Наглядный пример тут подает практическая космонавтика: реализация космических программ «Союз – Аполлон» и «Интеркосмос», полеты международных экипажей на орбитальных станциях, их эффективная деятельность являются убедительным подтверждением жизнестойкости принципа толерантности как нормы отношений между людьми разных стран в космической деятельности. Космос осваивает Человечество, а не великие державы. Космическая практика сближает людей, способствует утверждению интернационализма и гуманизма в отношениях между ними.

Принцип нравственного совершенства. «Наша земная судьба – устроить Землю, достигнуть совершенства и расцелиться по Солнечной системе», – писал К. Э. Циолковский. Совершенствование он считал высшей нравственной ценностью, и подразумевал под этим – усовершенствование человеческой природы, очищение ее от животных инстинктов, агрессии, алчности и склонности к идейным заблуждениям.

Принцип гуманизма и благоговения перед жизнью, перед природой. Главная моральная норма в будущей космической нравственности – не уничтожать, не вредить жизни какой бы примитивной и несовершенной она ни казалась людям, ибо мы не знаем какое значение имеет та или иная форма ее в общем развитии жизни во Вселенной. Для космической этики, ориентированной на гуманизм, все возможные формы существования жизни во вселенной имеют равноценный статус. Не завоевателем и покорителем космоса, а миролюбивым и гуманным исследователем Вселенной должен стать человек. Через сотрудничество в космосе – к миру на Земле – таков прикладной, практический аспект космической этики в наши дни.

Принцип ответственности. Сердцевиной «космической этики» оказывается повышенное чувство ответственности человека по отношению к своей «космической колыбели» — планете Земля, всему космосу. Космическая этика расширяет границы человеческой ответственности. Без нравственного отношения к природе, без деятельной заботы и ответственности за ее будущее, невозможно существенное снижение остроты современных экологических проблем.

Принцип экологической безопасности космонавтики. Технологические успехи цивилизации привели людей к убеждению, что человек есть вершина развития природы. А ведь именно представление о человеке «как царе природы», веками культивируемый девиз «природа для человека» в значительной мере обусловили современный экологический кризис. Виды загрязнения природной среды в процессе космической деятельности многообразны: химическое, механическое, тепловое, радиоактивное загрязнение физических полей Земли и т.д. Источниками воздействий являются продукты сгорания ракетного топлива и само топливо, агрегаты и системы ракеты – носителя и космического аппарата, наземные и бортовые радиотехнические комплексы, отделяющиеся части ракет – носителей и космические аппараты завершившие активное существование, так называемый «космический мусор» на орбите и т.п.

Мы обязаны задуматься о тех, кто будет удаляться от берегов планеты в океан космоса. Будут ли они там утверждаться в поиске согласия и процветания всех, оставшихся на Земле, или понесут дух соперничества, гонимые политическими амбициями своих стран, чтобы доказывать, кто первый? К чему мы тогда придем? Пока, насколько нам известно, мы одни во Вселенной, и, проникая вглубь ее, посылая сигналы о нашем существовании, должны быть готовы к возможной встрече в духовном единстве хозяев планеты Земля.

Антипов Алексей Владимирович

младший научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

ЭТИКА КОНЦЕПТОВ В ДИСКУРСЕ ОБ ОКОНЧАНИИ ЖИЗНИ

Этика концептов выступает одним из сравнительно новых направлений в теории и практике этики. Этика концептов является частью более крупного амелиоративистского направления в философии. Цель его состоит в том, что философия должна включать в себя не только дескриптивную и нормативную составляющую, но и заниматься улучшением окружающей социальной реальности. В рамках этики концептов предполагается, что понятия, с помощью которых мы описываем мир или обозначаем события в нем, не всегда могут адекватно выражать феномены и процессы мира, а потому они нуждаются в исправлении. Этика концептов выстраивается на допущениях, что понятия и концепты, которые мы используем для описания мира, определяют то, как мы действуем в нем [1. Р. 1091]. Также используемые понятия нуждаются в исправлении, поскольку «наш выбор концептов имеет неконцептуальные последствия» [2. Р. 1102]. Предполагается, что исправление в концептуальной среде способно оказать влияние на этические составляющие, на определение этических затруднений и их разрешение. Однако важно отметить, что этика концептов акцентируется не только на проблемах традиционно понимаемой философской этики, а целого круга проблем, зачастую выходящих за пределы классической этической проблематики.

Однако само по себе изменение определенного способа использования концептов может быть чревато пересмотром или избавлением от все еще работающих концептов. Например, активисты движения права на смерть предлагают избавиться от слов «самоубийство», «эвтаназия» и др., потому что эти термины и теории, их использующие, «патологизируют желание умереть, а сторонники права на смерть утверждают, что при определенном наборе четко определенных обстоятельств (“критерии приемлемости” для медицинской смерти, как бы широко или узко она ни понималась) желание умереть может быть рациональным и, следовательно, оправданным» [3. Р. 332]. Отказ от таких терминов и их замена на другие (например, замена термина «ассистированное врачом самоубийство» на «ассистированное врачом умирание», отказ от термина «самоубийство») должно, по мнению активистов, способствовать элиминации негативных и стигматизирующих коннотаций. В данном случае пересмотр, доведенный до предела (отказаться от существующих понятий), может привести к увеличению сущностей, ничего не меняя в самой сути явлений и отношений к ним.

Литература:

Burgess A., Plunkett D. Conceptual ethics I // *Philosophy Compass*. 8 (12). 2013. Pp. 1091–1101.

Burgess A., Plunkett D. Conceptual ethics II // *Philosophy Compass*. 8 (12). 2013. Pp. 1102–1110.

Gandsman A. Paradox of choice and the illusion of autonomy: The construction of ethical subjects in right-to-die activism // *Death Studies*. Vol. 42, iss. 5, 2018. DOI: 10.1080/07481187.2017.1396646. Pp. 329–335.

Артемьев Вячеслав Михайлович

д.филос.н., профессор, Московский государственный юридический университет

ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ЮРИСТОВ

КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Интрига ситуации нашего времени заключается в том, что множество «новых» иллюзий (о неких безграничных возможностях искусственного интеллекта, чудодейств, медиативных практик и т.п.) зачастую отодвигает в сторону самое важное и необходимое для адекватного понимания происходящего и созидания будущего. Налицо явный дефицит общей нравственности и её теоретической составляющей, то есть этики как учебной дисциплины на уровне высшего образования. Это чревато

деформацией социального бытия, а значит и огромными потерями на личностном уровне: доверия к людям, веры в справедливость, защитительной силы коллектива, общества и государства.

Важно понять, что фактическое расширение поля формально-юридических механизмов и технологий само по себе не может изменить человека и общество к лучшему. Им требуется нечто большее: реальное присутствие человеческого в человеке и хотя бы относительное социальное равенство. Только нравственная личность, рождаясь и формируясь в обществе, способна вершить правосудие, поэтому подготовка юриста-профессионала по определению должна включать философию и этику, ибо в их ведении как раз и находится сама категория справедливости, составляющая своего рода стержень миссии юриста.

Анализируя векторы движения права в целом, можно увидеть некую точку бифуркации, когда произойдёт одно из двух: либо право останется в русле указанной выше миссии; либо верх возьмёт чисто технологическая линия. По существу, будущее создаётся в сегодняшнем образовании. Его субъекты должны взять на себя ответственность смотреть правде в глаза, а правда в лоне русской культуры и есть синтез истины и справедливости.

Известное положение о том, что справедливость есть понятие нравственного порядка, оправдывает соответствующую активность философов-этиков. В определённом смысле жизнь заставляет преподавателей этики быть больше, чем орнитологи. Иначе сказать, важно не только изучать и учить «полётам» (должному поведению), но и самим стараться, что называется, быть на высоте.

Важны целенаправленные усилия по формированию у молодёжи чётких мировоззренческих и этико-аксиологических конструкций будущего в парадигме добра и справедливости. Успех возможен только в том случае, если удаётся зажечь некую искорку интереса к последним в самих людях. Для осуществления стратегии подготовки юристов, способных восстанавливать справедливость, нужны как должные личностные и профессиональные качества преподавателей, так и организационно-методическая поддержка этики в самом учебном процессе. Обнадёживают безусловная тяга студентов к указанным ценностям и само их поведение в данном русле. В этом смысле не случаен, к примеру, неизменный интерес к нашему философско-правовому клубу «Нравственное измерение права», активно действующему вот уже почти 20 лет.

По версии же юридического позитивизма получается, что справедливость потому справедлива, что она утверждается и предписывается законом. Классическая этика, в том числе в лице Аристотеля, Канта, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, в целом понимает справедливость в качестве нравственного знаменателя всех социально упорядоченных отношений между людьми и решающей нравственно-требовательной экспертизы в общественных делах.

Разумеется, в современных условиях нужны новые правовые нормы и санкции, но без воспроизводства и усиления нравственности, то есть культивирования и актуализации человеческого в человеке никак не обойтись. Требуются нравственная философия и этика, включая профессиональную. Применительно к университету юридического профиля вызывает беспокойство фактическое вытеснение последней специальными дисциплинами. А игнорирование главного ведёт к имитации в профессии, что в конечном счёте отторгается самим обществом, нуждающемся в справедливости как мощном социально-нравственном факторе развития. Сказанное вовремя разумно-доброе и мудрое слово спасительно и перспективно.

Батурина Ирина Валерьевна

к.и.н, старший преподаватель, Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность вопроса об этико-философских основаниях искусственного и естественного интеллекта, в дискурсе соотношения механизмов их функционирования, обуславливается в последнее время научным интересом исследователей данной проблематики. Это обосновано схожестью принципов деятельности человека и результатов деятельности искусственного интеллекта.

В XX столетии в различных сферах жизнедеятельности человека наметилась тенденция разделения мира на две условные ипостаси, – мир естественного и искусственного. С одной стороны, сохраняется и постоянно воспроизводится то, что может существовать без человека, что постоянно растёт. Но, вместе с тем, в ходе развития человека постепенно приобретают значимость и «собственные законы развития». Искусственное становится самостоятельным, и его отношение к «естественному» определяет сегодня содержание любой фундаментальной проблемы.

Перспективы изучения искусственного интеллекта и возможности его включения, как феномена в область этических отношений фундируется на исследовании онтологических аспектов данного объекта.

В этом контексте речь идет о возможности к воспроизводству машиной таких процессов, которые протекают в сознании человека. Например, способность мыслить. Это качественное состояние в виде интеллектуальной деятельности человека протекает по-разному в системе деятельности искусственного и естественного интеллекта. Данная проблема может быть проиллюстрирована вопросами: «Может ли робот мыслить? Способна ли машина к мыслительной активности?»

Взаимодействие естественного и искусственного мира возрастает в связи с развитием цивилизационных процессов, характеризующихся активной цифровизацией и роботизацией. Степень взаимообусловленности увеличивается, и само это соотношение связано с приближением к «границе» распространения и воздействия на действительность искусственного. В этом кроется ряд этических противоречий: может ли искусственный интеллект брать на себя риски принятия решений, отвечать за эти решения, будет ли способна машина к применению морально-этических принципов? Индивидуальный мир человека как субъекта реальности оказался в некотором смысле ограничен машиной. Однако, в общем, духовная составляющая человека, его сознание и интеллект стремятся к сингулярности с результатами деятельности искусственного.

Действительность нельзя обусловить определенной схемой или шаблоном, поэтому в данном контексте искусственное не является следствием естественного, оно возникает и проявляет себя наряду с естественным.

При этом важным этическим компонентом, проявляющимся во взаимодействии машины и человека является диалектика общества и природы.

В настоящее время наблюдается активное сближение и взаимообусловленность искусственного и естественного интеллекта, однако, генезис явления заключается в тезисе о том, что естественное является точкой отсчета для искусственного. Искусственное возможно в мире как начало, локализующееся в естественном. Естественный интеллект возникает через искусственный, или самопроизвольно, либо посредством стечения обстоятельств. Искусственный интеллект находится в естественном. Естественное же начало проявляется в вещах природного и социального порядка.

Искусственный интеллект служит платформой для перспектив создания и креативного воплощения человеком разнообразных идей в сфере автоматизации и роботизации.

зации процессов жизнедеятельности. Таким образом, реализация творческих способностей человека возможна в сфере развития искусственного интеллекта, следовательно, это естественный процесс. Поэтому, соотношение естественного и искусственного, сингулярность этих начал является фундаментом развития не только искусственного, но и человеческого интеллекта. В этом процессе важное значение имеет отсутствие схематичности движения истинно человеческого естественного развития, включая многокомпонентность составляющих его сознания, интеллекта, интуиции. И зависит от актов творческого волеизъявления человека, его потенциальных возможностей, а также связи с техническими и культурными достижениями общества.

Брызгалова Елена Владимировна

к.филос.н., доцент, заведующий кафедрой философии образования,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

БИОЭТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И БАРЬЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В докладе будут рассмотрены перспективы профессионального образования в области биоэтики в современной России. Актуальность профессионального биоэтического образования будет обоснована с точки зрения тенденций развития рынка труда. Раскрыта связь между трендами развития науки и технологий и становлением профессионального образования в области биоэтики. Будет показана роль общественного запроса на формирование устойчивых каналов коммуникации общества и исследователей, на соблюдение этических и правовых норм в реализации научных и технологических проектов, особенно в сфере биомедицины, нейронаук и нейротехнологий, разработки и внедрения систем искусственного интеллекта. В докладе будут раскрыты ключевые характеристики биоэтического образования как междисциплинарного образовательного проекта. В докладе будут описаны ключевые требования федеральных государственных стандартов высшего образования по направлению «Прикладная этика», в рамках которых возможно формирование и реализация образовательных программ магистратуры по профилю «Биоэтика». Будут раскрыты ключевые барьеры, связанные с отсутствием профессиональных стандартов в сфере биоэтики и недостатками существующей национальной рамки квалификаций как документа, обеспечивающего нормативно-правовое сопряжение сфер труда и образования.

Викторова Елена Владимировна

к.филос.н., директор Международного информационно-аналитического центра,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Власова Наталья Владимировна

к.филос.н., аналитик,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОСЛЕ 2020 Г. В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

После объявления ВОЗ пандемии COVID-19 в 2020 г. и дальнейших действий властей в Европе произошли существенные социальные изменения, которые оказывают влияние на европейскую идентичность в аксиологическом и этическом измерениях. В основании европейской идентичности находятся европейские ценности, изложенные в Хартии Европейского союза по правам человека. К таким основным ценностям относятся: уважение человеческого достоинства, прав человека, свободы, демократии, равенства и верховенства закона. В Маастрихтском договоре прописано так называемое цивилизирующее влияние ЕС путем распространения эталонных норм о правах и свободах, которые ЕС вводит в свои соглашения с другими странами. К основным четырем свободам относятся: свобода движения лиц, свобода движения товаров, свобода движения услуг, свобода движения капитала. Нарушение этих фундаментальных

свобод означает изменение основ европейской идентичности. Так, ограничение свободы передвижения и закрытие границ внутри ЕС в 2020 г. продемонстрировало, что основные европейские ценности могут быть подвергнуты изменению без каких-либо демократических процедур их обсуждения, что вызвало протесты в Европе. Также было подорвано доверие политическим институтам ЕС, которые несвоевременно реагировали на кризис.

В целом, можно говорить о том, что ситуация после 2020 г. в Европе усилила уже существующие проблемы: неравенство, кризис солидарности и демократических ценностей. Как отмечает Р.Н. Лукин в аналитической записке «Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса», в Европе также обострились проблемы национального суверенитета, а также восприятие национальных традиций, культуры и религии. Также, по мнению Р.Н. Лукина, будут пересмотрены ценности глобализации и в сторону большего приоритета национальных интересов.

Для Европы после 2020 г. актуален вопрос насколько сохранится предложенный основателями ЕС вектор развития, направленный на евроинтеграцию или он будет изменен в сторону регионализма. Этот вопрос включает в себя то, насколько общеевропейские ценности могут быть замещены национальными приоритетами, как изменения происходящие в настоящее время в Европе будут усиливать или ослаблять ксенофобские и сепаратистские настроения, сохранят ли свою значимость ценности толерантности, свободы слова, передвижения, свободного рынка или подвергнуться изменениям. И насколько все изменения, происходящие в Европе после 2020 г. будут угрозой для общеевропейской идентичности.

Erasmus+ Jean Monnet Project «Трансформация идентичностей в Европе и России в современных условиях» №611458-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-PROJECT

Гарвардт Андрей Эрвинович

к.филос.н., доцент, независимый исследователь

СТРУКТУРА ЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В настоящий момент исторического развития цивилизации этическое сознание становится наиболее проблемной сферой развития общественных отношений и общества в целом. Данный вывод сделан нами на основании нерепрезентативного анализа следующих фактов. Во-первых, это общее состояние информационного пространства, буквально «забитого» всевозможными новостями, экспертными оценками и дискуссионными площадками, посвящёнными выяснению вопроса «что такое хорошо и что такое плохо». Во-вторых, это массовое обращение профессиональной, полупрофессиональной и вообще дилетантской журналистики к этическим проблемам. В-третьих, это очевидное нарастание внимание к вопросам прикладной этики в неспециализированных образовательных курсах технических и экономических ВУЗов. В-четвёртых, это всё более частое и настойчивое стремление масс населения и институтов представительной власти привлечь к разрешению проблем этического плана государство во всех его ипостасях. В-пятых, это практически единогласно признанная профессиональными критиками и сторонними наблюдателями доминанта этических проблем в современной литературе, драматургии и кинематографе.

Непосредственную (действенную) причину столь активного обращения различных форм общественного сознания к этической проблематике мы видим в структурно-функциональном кризисе онтологических социальных институтов. Ни семья, ни религия, ни экономика сегодня не в состоянии сколько-нибудь авторитетно определить границы допустимого и критерии желаемого. Именно это их состояние и вызывает соблазн втянуть государство в решение вопросов «о длине юбок». Но, поскольку государство является не онтологическим, а историческим социальным институтом, оно по своей сути именно онтологически не в состоянии генерировать нравственные нормы, его социально-историческое предназначение в том, чтобы эти нормы только лишь

институализировать и реализовывать. Технически же государство попросту не в состоянии контролировать ту бесконечную массу повседневно-бытовых сюжетов, которые в нормальном (докризисном) состоянии регулировались и регламентировались на уровне нравственных норм, в подавляющем большинстве случаев без участия государства.

Более глубокую (методологическую) причину проблемного состояния этики как формы общественного сознания мы видим в особенностях модернизации общества на его современном этапе. В предыдущем обращении к теме модернизации общества мы детально определили три основные типологии социальной модернизации: эволюционная, революционная и инновационная. Основным критерием типологизации мы предположили считать способность общественного сознания адаптироваться к социальным изменениям, порождаемым модернизацией.

Но, если при эволюционной и революционной модернизации речь идёт именно о скорости адаптации общественного сознания к реалиям общественного бытия, то при модернизации инновационного типа речь идёт уже о его способности к такой модернизации. Так, по оценке узких специалистов, к инновационному мышлению в экономике способны не более 6% экономически активного населения, и процент этот во времени не нарастает. Но при этом инновационный характер модернизации широко и официально декларируется как социально востребованный и перспективный.

Мы совершенно не готовы понимать тех «экспертов», которые пытаются утверждать, будто общественные трансформации касаются только экономики, техники и политики и совсем не обязательно отражаются на проблемах ценностного восприятия этих реалий. Этическое осмысление общественных модернизаций столь же неотъемлемо, как и их институциональное оформление.

Структурно этическое сознание инновационного плана проявляет сегодня две в чём-то противоположные тенденции. Во-первых, это возврат к средневековой этике сословного типа, при которой исчезает не только известная степень универсальности этических норм, но и не рассматривается сама претензия этих норм на универсальность. При этом значимость этических норм в обществе качественно падает, а то и вовсе нивелируется, т.к. это уже «не наши нормы». Во-вторых, это бесконечная универсализация этических норм, что в действительности сводит их значимость к нулю, т.к. нормой становится абсолютно любое поведение.

Глебова Софья Валерьевна
независимый исследователь

О ПРОБЛЕМЕ ЭТИЧЕСКОГО В НОВОЙ ЭТИКЕ

Всё более актуальным в мире и в России становится дискурс, получивший в ряде стран СНГ условное обозначение «Новой этики». Под Новой этикой понимается комплекс представлений о морали личного взаимодействия. Данные представления начали своё формирование в странах Европы и США во второй половине XX века, когда после двух мировых войн произошел «гуманистический поворот». В рамках новой этики основное внимание уделяется межличностному общению, уважению «личных границ» другого морального субъекта, его психологических потребностей и возможностей реализации общения, уважения его личного и личного выбора и пр. Новая этика также предусматривает систему санкций в виде Культуры отмены [Cancel culture] – как бы «вычеркивание» человека из поля социального взаимодействия, объявление ему бойкота.

Система новой этики является по своему характеру «лично-центрированной», т.е. главной ценностью моральной системы предстает, в первую очередь личность, морального субъекта. Кроме того, новая этика может быть охарактеризована как глубоко психологичная система нравственных ценностей, т.к. на первое место выходит именно психологический комфорт отдельно взятого человека, что подтверждает употребление ключевых для дискурса слов. При этом, позитивные коннотации характеризуют непосредственно состояние личности: нахождение «в ресурсе», «отстаива-

ние границ», эмоциональный контроль и пр. – в то время как негативные коннотации: абьюз, токсичность, обесценивание и т.д. – определяют уже характер личностного взаимодействия. Новая этика, следовательно, требует от морального субъекта высокой степени навыка психологической рефлексии, культуры оценки собственного состояния и эмпатичности. Тем не менее вопросы, собственно, этические во многом остаются открытыми, а навыки этической рефлексии редуцированными.

Уважение к личности специалист по этике может определить в данной системе как наивысшее благо. А характер санкций, в таком случае, определяется принципом талиона («око за око, зуб за зуб») – не уважающий чужих границ не может находиться в обществе и его потребности в эмоциональном комфорте обществом не учитываются, а право на личный выбор игнорируется.

В то время как этическая рефлексия предполагает анализ последствий поступка не только с позиции достижения личного блага, но и блага коллективного. Собственно этические категории такие как справедливость, честь, добро – остаются за пределами дискурса или же их смысл трансформирован с психологическим акцентом личностно-центрированного подхода. Данный аспект, как нам кажется, и составляет основной предмет конфликта между ценностной системой новой этики и коллективистскими моральными системами. Кроме того, проблема разрешения этого конфликта определяется и лексической составляющей, т.к. в рамках новой этики, как мы уже показали, практически отсутствует, собственно, этический словарь – данная система крайне сложно адаптируется непосредственно к этическому дискурсу.

Тем не менее, уже сформированная привычка к рефлексии моральных субъектов в контексте Новой этики может ускорить процесс повышения культуры этического дискурса в случае его активной популяризации. И в данном контексте важно желание обеих сторон наладить коммуникацию, поиск возможных точек взаимодействия систем. Например, проявление «уважения к границам» представителей коллективных моральных систем со стороны представителей Новой этики и соблюдение принципов общежития сторонниками коллективистских ценностей. Результатами такой дискуссии, как раз может стать формирование этического словаря, определение новой системы ценностей, со значительным местом конкретной личности в данной системе и учетом потребностей общества, повышение навыка моральной рефлексии и т.п.

Завьялова Елена Борисовна

к.э.н., доцент, заведующая кафедрой

экономической политики и государственно-частного партнерства

Чертовских Матвей Григорьевич

обучающийся магистратуры

Московский государственный институт международных отношений

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭТИКИ БИЗНЕСА

В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ПОВОРОТА

В докладе представлен обзор актуальной этики бизнеса, в ближайшей исторической перспективе, анализируются конкретные практики и примечательные эпизоды в рамках глобальных тенденций. В работе происходит понятийная разработка часто неверно соединяемых до полного слияния понятий цифровизации, цифровой трансформации, Индустрии 4.0 и Общества 5.0. После прояснения и истолкования, термины помещаются в единый исторический контекст, который в данной работе называется «цифровой поворот». Результатом их отдельного анализа является выстроенная связная историческая последовательность событий, менявших бизнес и соответственно ставившая перед ним этические проблемы.

В работе новая этика в рамках тех проблем, которые формируют её облик внутри цифрового поворота, рассматривается в рамках трёх больших сфер современного бизнеса: дизайна, маркетинга и связей с общественностью. Дизайн важен, прежде всего, как базисный медиум эстетических и этических сообщений, способ транслирования

корпоративный культуры и бренд-позиционирования. Дизайн в практически буквальном смысле является слепком общества, рассмотрение которого позволяет делать выводы о настроениях, табу, благах, общей аксиологии в рамках конкретных целевых групп с возможностью эксплицирования на более широкие кластеры таких групп (иными словами «общества»). Рассмотрение маркетинга позволяет проанализировать актуальную этику в приложении позиционирования товаров, что также в свою очередь даёт ответ сразу на два вопроса (через решение обратной задачи) – каков актуальной этический спрос и как на него реагирует этическое предложение? Наконец рассмотрение связей с общественностью позволяет не только увидеть одностороннюю трансляцию той или иной этической повестки, но живой диалог вовлечённых сторон, что даёт возможность описать их как этических субъектов, выявить их точки согласия и пункты конфликтного расхождения.

Основной метод работы – сопоставительный контент-анализ, проведенный с использованием как традиционных подходов к анализу рекламы и PR, так и распространенных герменевтических и семиотических подходов. Поскольку частные практики всех этих подходов и так присущи актуальным методам изучения рынка, то подобная комбинация не вызывает сомнений и не является некой совершенно новой, непроработанной концепцией.

Зарапин Олег Викторович

к.филос.н., доцент, Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского

ЭТОС ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕНИЯ

Философия как способ общения не ограничивается рамками профессионального общения. Поле воздействия философского слова включает также профессионально неподготовленного адресата, который, испытывая интерес, не стремится стать вровень с профессионалом. Эта особенность философского разговора сегодня актуализируется в виде практики прочтения философского текста, заявленной как способ совместного бытия. Ран Лахав, представитель течения «философской практики», выдвигает идею «философского партнерства» [2] как не-профессионального общения, в котором философский текст задействуется как ресурс преобразования личности, обеспечивающий выход к глубинной основе человеческой жизни. Совместное чтение, нацеленное на «самотрансформацию», есть практика философского созерцания, во многом напоминающая техники йогической медитации.

С одной стороны, можно сказать, что мы имеем дело с вещью, несомненно, востребованной в эпоху, когда модно медитировать, и усмотреть в этом маркетинговый ход. С другой стороны, подобная актуализация философского текста на выходе к практике «философского партнерства» напоминает о восходящей к античности традиции философского общения как опыта обретения дружбы. О том, что значит этот опыт и какова его философская диспозиция, можно судить по фразе Аристотеля, где он признается в неловкости: выбирая между дружбой и истиной, вынужденный затронуть «близких людей» (*philoi andres*), он предпочитает «долг благочестия – истину чтить выше» [1, 1096a15].

Намеченная Аристотелем граница между «истиной» и «дружбой» имеет коммуникативное значение, ее можно интерпретировать как границу, разделяющую теоретическую и практическую сферы философии. Она разделяет речь, всеобщее адресованную и лично адресованную. Этос всеобщее адресованной речи – теоретический, он выстраивается в монологе, где обратной стороной позиции, заявляющей о своей неангажированности личными отношениями, является притязание на роль абсолютного свидетеля. Этос лично адресованной речи – практический, он релевантен сократической беседе. И возникает в ситуации речевого взаимодействия: субъекты, создавая взаимным усилием поле напряжения, индуцируют также его центр как предел истины, к которому стремится каждый, но не в состоянии его достичь и присвоить истину себе.

Стремление к недостижимому продуцирует эпифеномен, в практике «философского партнерства» его смысл представлен в единении, обретаемом в творчестве, что сравнимо с эффектом джаз-банды, участники которого есть «резонирующие и творящие общую музыку» [1, 31]. Партнерство – это все-таки не дружба. Что отличает дружелюбие как форму философского общения?

Вспомним об отечественной классике. Г.С. Сковорода, прозванный «русским Софократом», рассматривает дружбу как единоклассику – сотериологически нагруженную идею: где люди порознь, они в плену смертного естества. Партнерство/творчество контрастирует с дружелюбием/спасением. Это дружеское расположение проявляется в готовности, как бы мы сказали, добровольно «подставиться», бесхитростно стать в прицеле чужого взгляда, т.е. довериться. Общение есть при-общение. Опыт, реализуемый в интенциях обличительного слова (В. Соловьев «Три разговора»), религиозно-самоосвидетельствования (П. Флоренский «Столп и утверждение истины»), поэтического мирозерцания (Л.П. Карсавин «Noctes Petropolitanae»).

В качестве вывода отметим: идея философского партнерства актуализирует вопрос о философском общении как форме совместного бытия. Смысл этой формы можно обозначить в соотношении партнерство/творчество и дружелюбие/спасение.

Литература:

1. Аристотель Никомахова этика // Аристотель Сочинения: В 4-х т. Т.4 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1983.

2. Лахав, Р. Руководство по философскому партнерству: принципы, процедуры, упражнения / Пер. с англ. С. Борисова, Р. Пеннер – М.: Loyev Books, 2017.

РФФИ А 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Зимбули Андрей Евгеньевич
д. филос. н., профессор,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена **СОЦИАЛЬНЫЙ ТИП ЧИНОВНИКА: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Из истории и обиходных наблюдений становится очевидным, что умно и честно заниматься делопроизводством – очень непросто. Логично предположить, что данную профессиональную нишу нужно изучать совместными усилиями представителей истории, культурологии, социальной психологии, юриспруденции. Не последнее место в этом ряду должна бы занять и этика. Ведь именно к её ведомству относятся такие характеристики труда чиновника, как честно / нечестно, старательно / лениво, ответственно / безответственно, справедливо / несправедливо, гуманно / жестоко, заботливо / равнодушно, великодушно / придиричиво. Из наиболее репрезентативных источников становится понятно, что чиновник – 1. государственный служащий и 2. должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле. Вырисовывается весьма интересная-многоакурная область взаимоотношений чиновников с окружающими людьми и друг с другом. Видимо, можно самым обобщённым образом говорить о ситуации, в которой действует чиновник: Субъект, Контекст, Нравственно-психологические переживания, Осмысление, Действия, Результат. Рассмотрим хотя бы бегло в каждый из выделенных компонентов.

Субъект-чиновник – это, как можно было понять из предыдущего текста, государственный служащий, некто вмняемый, ответственный, кому поручено конкретное дело и кто должен обладать вполне определённым набором компетенций, чтобы решать доверенные задачи. Межсубъектные отношения чиновника и клиента опосредованы конкретным поводом. Качества, которые от чиновника требуются в самонапервую очередь, – это Компетентность и Непредвзятость.

Контекст – конкретная сфера, где происходит межсубъектное взаимодействие чиновника с заинтересованными людьми. Едва ли не главным в плане этики здесь выступает то, оказываются ли прописанные нормы-стандарты-рамки-образцы средством

для защиты интересов человека – или чиновник будет ставить эти предписания выше достоинства каждого отдельного человека. Ключевые нравственно-значимые характеристики данного компонента – Порядок и Достоинство.

Нравственно-психологические переживания – чрезвычайно важны для выстраивания взаимоотношений между людьми, да и даже того, чтобы шла работа. Уже то, как к чиновнику обращаются клиент-руководитель-коллега, не может не сказываться на ходе дела. Наиболее существенные этические характеристики здесь – Спокойная уверенность чиновника, Установка на взаимоуважение. Интерес к делу – а не к месту.

Осмысление. Есть принципиальная разница между тем, какое место занимает тот или иной цвет в радуге, – и тем, какой статус доверяют-поручают чиновнику. Мысль чиновника должна быть направлена прежде всего на совершенствование порученного ему дела, а не уводить в «дурную бесконечность». Главная характеристика тут – Обьективная оценка происходящего, Умение Согласовать конкретные задачи с существующими правилами-инструкциями-уставами.

Действия. В русском языке существуют очень выразительные обозначения различия между «делать» и «отделываться», между работой с огоньком – и из-под палки, между реальным стремлением что-то улучшить – и имитацией этого стремления. Данный компонент ситуации логично соотносить прежде всего с такими нравственными характеристиками как Старательность, Трудолюбие.

Результат. Понятно, что последствия мнимого или реального усердия чиновника могут видиться очень по-разному глазами самого чиновника, его руководства и – рядового гражданина, бывшего челом по жизненно важному вопросу или продолжающего выполнять повседневные чиновные директивы. Наиболее значимыми характеристиками здесь выступают Справедливость, Культурный опыт.

Краткие итоги. В каждом из нас, можно сказать, живут разные люди – зритель, читатель, слушатель, работник, художник, болельщик, сосед, родственник, коллега. Живут в нас покупатель, критик, путешественник. По крайней мере в зародыше каждый из нас немного лентяй, немного насмешник, немного педант-бюрократ. Культура даёт возможность всем нам двигаться в сторону самосовершенствования – преодолевая-минимизируя слабости, минусы, глупость, стремясь к разумной мере упорядочивания и облагораживания жизни.

Иванова Елена Николаевна

к.социол.н., главный специалист, Российская государственная библиотека

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ПРОВЕРКИ НЕПРАВОМЕРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ (ИЗ ОПЫТА ПРОЕКТА АНТИПЛАГИАТ РГБ)

Стандарты ответственного проведения исследований повсеместно и декларативно поддерживаются научным сообществом, диссертационные советы и научные журналы активно борются с плагиатом, разрабатывая все более строгие правила относительно текстовых и концептуальных совпадений, заимствований и цитирования. Совершенствуется и программное обеспечение для сопоставления текстов. Однако даже самые точные инструменты в конечном счете требуют проверки человеком, и поэтому на статистические данные, которую они дают, решающее влияние оказывают критерии, с помощью которых определяется плагиат. Существуют тонкие формы плагиата, которые в значительной степени невосприимчивы к стандартному программному обеспечению сопоставления текста. Таким образом, различия в интерпретации понятия плагиата являются важным и часто упускаемым из виду источником неопределенности. Результаты, представленные в докладе, являются частью более широкого систематического обзора исследований о плагиате, проводимых в рамках проекта «Антиплагиат РГБ» существующего с 2009 года. За этот период проверено более 4 тыс. научных рукописей и опубликовано более десятка статей. Изучение доказательств неправомерных заимствований в академических текстах требует не только

значительных затрат времени, но и особых навыков. В качестве экспертов проекта «Антиплагиат РГБ» выступали люди, имеющие ученые степени в самых разнообразных областях науки. За более чем десятилетний период работы постепенно сложились эвристические алгоритмы проверки, устоялись методологические принципы, а собранный эмпирический материал был формализован и кодифицирован в «Методических рекомендациях по проверке научных работ на наличие некорректных заимствований с помощью автоматизированной системы специализированной обработки текстовых документов».

Тем не менее, в ходе проверки приходится решать не только технические задачи, но и сталкиваться с этическими дилеммами. Как известно, этическая дилемма возникает тогда, когда конфликт между двумя наборами человеческих ценностей не может быть полностью разрешен. Интериоризированные ценности члена профессионального исследовательского сообщества, преподавателя, ученого входят в противоречие со строгостью экспертной деятельности, которая вынуждена полагаться не на собственное мнение, а на цифры и законодательно зафиксированные нормативные требования. Условно говоря, мы наблюдаем конфликт между телеологической этикой (решимость предоставить научному сообществу наиболее надежные исследования) и деонтологической (требование строгого соответствия предписаниям). Одной из таких дилемм является разграничение «общеизвестного» и «заимствованного» в научных работах. Широкое распространение систем по сопоставлению документов сместило фокус внимания на корректное цитирование текстов, но проблему заимствования научных фактов такие системы по-прежнему решить не в состоянии. Предполагается, что существует два класса совпадений: корректные, включающие стандартные фразы, устойчивые словосочетания и терминологию, описания приборов и методов проведения исследований, «общие знания» не нуждающиеся в цитировании, а также некорректные (неправомерные) – дословно или перефразированно передающие текст с явными атрибутами авторства, но без указания оногo. Вместе с тем, вопрос о том, что является общеизвестным, а что специфически авторским часто решается субъективно.

На основе проведенного анализа проверок кандидатских и докторских диссертаций на обнаружение заимствований выявлены факторы, позволяющие квалифицировать совпадающие фрагменты как общие знания в конкретных областях. Во временном разрезе рассматривается трансформация понятия «общие знания» в контексте неоднородного характера научных сообществ, в которых представления о заимствованиях являются не стабильной конструкцией, а скорее находятся в постоянном динамическом движении.

Канышева Ольга Альбертовна

к.филос.н., доцент, Ленинградский государственный университет им.А.С.Пушкина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА

Взаимосвязь морали и права опирается на законодательную основу, выполняют регулятивную функцию в обществе. Законы общеобязательны для членов общества. В результате взаимодополнения двух законодательных систем, в обществе формируется моральное и правовое сознание, выстраиваются нравственные и правовые отношения, практикуются нравственные и правовые нормы.

Нормативная функция морали и права имеют специфические пути регулирования.

Компенсаторная функция морали и права предполагает их взаимодополнение и взаиморегуляцию. С одной стороны, законы морали имеют индивидуальную форму существования, регулируют его повседневность, с другой стороны, законы права имеют общую, социальную форму существования через положительное законодательство.

Общеобязательная функция морали и права заключается в их повсеместном характере применения.

Различие морали и права:

- если право регулирует общественно значимое поведение, то мораль регулирует межличностные отношения;
- если способом регулирования в праве является правовой акт, то в морали регулирование поведения осуществляется при помощи общественного мнения, обычаев;
- если в праве действуют юридические санкции, государственный аппарат принуждения, то в морали действуют духовные санкции, включающие в себя общественное мнение и индивидуальный механизм совести.

Профессиональная деятельность юриста, одной стороны имеет государственный характер, т.к. он является представителем власти, а с другой стороны она затрагивает интересы граждан, их права. Здесь необходимы такие моральные качества, как чувство долга и ответственности. Юрист выступает олицетворением законности, что требует от него такого морального качества, как справедливость. Отклонение от закона рассматривается как безнравственное поведение.

В России начало судебной этики было положено в 1902 году известным общественным деятелем и юристом А.Ф. Кони, который в «Журнале министерства юстиции» опубликовал лекцию «Нравственные начала в уголовном процессе» с подзаголовком «Общие черты судебной этики».

Юридическая этика — это профессиональные этические требования, предъявляемые к работникам юридической профессии, которые разрабатываются специальной научной дисциплиной, изучающей юридическую мораль. Это нравственный кодекс юристов, внутри профессии которой существуют специальности: судья, прокурор, адвокат, следователь, юрисконсульт, арбитр, нотариус; сотрудники органов внутренних дел, сотрудники органов контрразведки, выполняющие правоприменительные функции; работники органов Министерства юстиции, судебные приставы, научные работники — правоведы, преподаватели правовых дисциплин и др.

Одной из форм правовой культуры является судебный этикет.

Ч. Беккариа: «формальность и торжественность необходимы при отправлении правосудия, чтобы ничего не оставлять на произвол судьи, чтобы народ знал, что суд творится на основании твердых правил, а не беспорядочно и пристрастно» [1, с.224].

Основы судебного этикета можно найти в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. В статье 262 уголовно-процессуального законодательства устанавливается, что при входе судей в зал заседания все присутствующие встают. Показания и заявления все участники дают стоя. Только председательствующий может отменить эти правила, который распоряжается соблюдением порядка судебного заседания; может удалить из зала заседания нарушителя порядка, или подвергнуть его штрафу.

В статье 318 уголовно-процессуального законодательства устанавливается, что провозглашение приговора выслушивается стоя всеми присутствующими, в том числе и состав суда.

В Положении об адвокатуре РСФСР от 1980 года в статье 16 говорится, что адвокат «должен быть образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения». В «Правилах профессиональной этики российских адвокатов», разработанным Комитетом по защите прав адвокатов Федерального союза адвокатов России говорится о таких качествах адвоката, как компетентность, пунктуальность, точность, честность, правдивость, соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

В рамках юридической профессии существует опасность профессиональной деформации.

Российская судебная реформа, Совет судей РФ от 21 октября 1993 года приняла Кодекс чести судьи Российской Федерации. Согласно кодексу чести судья должен придерживаться одновременно высокого авторитета нравственных норм наряду с правовыми.

Литература:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.

2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021)// УПК РФ Глава 1. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО / КонсультантПлюс (consultant.ru)

Кротова Татьяна Григорьевна

преподаватель, Московский государственный институт международных отношений

КОМПЛАЙНС И ЭТИКА В УСЛОВИЯХ В ИНДУСТРИИ 4.0

- 1) Этические принципы комплайнс непосредственно влияют на финансовые показатели компании;
- 2) конкурентоспособность компании в современном мире напрямую зависит от внедрения ESG в корпоративную культуру.
- 3) Будет ли комплайнс поглощен концепцией ESG или дополнит ее?

Кудряшова Валерия Константиновна

аспирант, Школа философии и культурологии, стажер-исследователь,

Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЭКЗЕМПЛЯРИСТСКИЙ ПОДХОД В МОРАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В рамках данного доклада будет рассмотрен экземплярный подход в современных теориях образования: по большей части, наше внимание будет сфокусировано на модели морального и интеллектуального экземплярства Л.Т. Загзебски. Основной смысл подхода американского философа состоит в том, что моральная теория не должна быть только абстрактной; напротив, принципы этической теории должны быть практико-ориентированными. В центре такой теории должен быть конкретный индивид – моральный агент, который будет восприниматься другими людьми в качестве морального образца (moral exemplar), поведение которого они имитируют. Такой моральный агент как раз и является носителем определенных нравственных добродетелей, принимаемых другими членами сообщества в качестве нормативно-содержательных. Согласно Загзебски именно имитация поведения человека, воспринимаемого как моральный образец, является отличительной чертой теории морально-образца (теории морального экземплярства).

Помимо теории морального экземплярства, можно с уверенностью говорить о том, что Загзебски также предлагает подход интеллектуального экземплярства в рамках одной из современных теорий эпистемологии добродетелей – добродетельного респонсбилизма. Новаторство Загзебски заключается в том, что она предлагает сместить акцент с интерпретации интеллектуальных добродетелей как неких врожденных способностей человека; скорее, интеллектуальные добродетели представляют собой некоторые «черты интеллектуального характера личности». Соответственно, интеллектуальные добродетели играют значительную в том, как эпистемический агент приобретает знания, как он организует свой образовательный процесс и какие ценности он аккумулирует в ходе образовательного процесса.

В качестве прикладного кейса мы предлагаем рассмотреть пример французского философа Р. Пуиве, говорящего о важности активной вовлеченности в образовательный процесс как ученика, так и преподавателя: только в ходе совместной образовательной деятельности можно говорить о двусторонней трансляции знания и «научению» некоторым интеллектуальным добродетелям. Кроме того, в рамках доклада отдельное внимание будет уделено рассмотрению образовательной модели «восхищение (admiration) – сознательная рефлексия (conscientious reflexion) – имитация (imitation или emulation)», которая была предложена самой Загзебски. Эта модель, тесно связанная с данными из детской и педагогической психологии, позволяет понять, каким образом и на каком этапе развития ребенка происходит обучение тем или иным представлениям о нравственных и интеллектуальных добродетелях, а также с какими проблемами сталкивается экземплярный подход.

Кутлова Гульсем Рашитовна

аспирант, Башкирский государственный университет

СОХРАНЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Проникновение информационных технологий во все сферы социальной жизнедеятельности усилило глобализационные процессы, которые в свою очередь потенцировали конвергентность культур, создали единое коммуникативное пространство, закрепив право на свободный доступ к информации во Всеобщей декларации прав человека. В то же время технологические преобразования, составляющие основу цифровой эпохи, обострили проблему сохранения этических ценностей, риск утраты которых породило новейшее время.

Б.В. Марков отмечает, что людям пока достаточно иммунной защиты от пропаганды и рекламы [1, с.197], но через медиа все больше информации проникает в мозг человека сублиминально. Пользователю цифрового контента становится все сложнее без дополнительных усилий ориентироваться в лавинообразно нарастающем потоке информации, которая в большинстве случаев потребляется без детального изучения и критического осмысления, поощряя возникновение «форм доминирования и детерминации в сети, формирующих жизнь людей независимо от их желания» [2, с.91]

Отсутствие у человека знаний и практики проверки поступающей информации на объективность и достоверность, неумение различать истинную информацию и дезинформацию [3, с.48], приводит к бессознательному захвату человека чуждыми для него установками – «промыванию мозгов», приятию асоциальных программ и шаблонов поведения, часть из которых уже становится нормой. Очевидно, что обучение пользователя информационным концептам и правилам работы с информацией повысит уровень его критичности, что послужит основой для сохранения этических ценностей.

Д. С. Соммэр обозначил причину этической дезориентации в «массификации», которая освобождает от ответственности, лишает разума и проводит к тому, что многие ведут себя аморально независимо от их образованности и положения в обществе, отзываясь на психологию гомогенной толпы, в которой правит большинство и не приветствуется индивидуальность отдельно взятой личности. Диктатура масс осуществляет контроль над индивидом, он уже не может жить самостоятельно [4, с.43].

Тем не менее наряду с «психологией толпы» современное общество наполняется многообразием субкультур, возникающих в ходе объединения в небольшие социальные группы индивидов со схожей идентичностью, практикующих коллаборации, организованные на основе цифровых технологий. Такие группы избавляют общество от гомогенности, оно становится многообразным и многослойным, в нем развиваются индивидуальность и осознанность, что ведет к повышению уровня критичности восприятия окружающего мира. Следовательно, работа человека в направлении самопознания и саморазвития является еще одним средством позволяющим сформировать нравственную личность.

Этические принципы формируются в семье и закрепляются в школе, учитывая эффективность передачи информации посредством цифровых технологий, обучение правилам работы с информацией и саморазвитию необходимо организовать на основе технологий с вовлечением в образовательный процесс родителей и педагогов.

Литература:

1. Марков Б.В. Человек в сетевом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 194–207. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.201>

2. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 3-е изд. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 591.

3. Хлебников Г.В. *Философия информации* Лучано Флориди/ *Метафизика*. 2013. № 4 (10). С. 35-48.

4. *Соммэр Дарио Салас. Мораль XXI века.* – М.: Кодекс, 2019 – 480 с.

Макарова Наталия Яковлевна

к.пед.н., декан факультета журналистики,

Российский государственный гуманитарный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОК НА РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕЛЕКАНАЛАХ

Профессиональная этика журналиста нацелена на сохранение высокой культуры и имиджа профессии, а также является инструментом регулирования поведения журналиста и условным знаком «стоп» перед совершением действий, которые могут оказаться непрофессиональными, незаконными, могут подорвать доверие к профессии или способны принести вред кому – либо. За годы развития журналистики были сформулированы некоторые определенные подходы к регулированию соблюдения журналистом предписанных этических норм. Подходы зависят от типа власти в стране, от очередности ответственности, самосознания сотрудника СМИ, желания редакции иметь возможность контролировать поведение работников.

Можно выделить несколько подходов к регулированию профессиональной этики журналиста сегодня.

1. Личностный сознательный подход.
2. Этически – профессиональный подход.
3. Правовой подход.

Нормы, прописанные в кодексах профессиональной журналистской этики по всему миру, схожи друг с другом и не редко повторяются. Изменяется в основном структура документов и формулировка, что в целом, редко влияет на смысл написанного текста. Часто говорится про ответственность, неразглашение тайны частной жизни, об уважении к коллегам, необходимости защиты индивидуальной собственности. На практике позиции кодексов нарушают по нескольким причинам. Многие этические кодексы принимались давно (российский Кодекс профессиональной этики здесь не исключение), и на данный момент они не соответствуют жизненным реалиям. Вторых, ситуации бывают сложные и неоднозначные.

Проблема соблюдения этических норм ведущими общественно-политическими ток-шоу крайне острая для современного российского медиапространства. Ведущий в политическом ток-шоу персоне неоднозначная: является регулирующим элементом, сохраняющим нейтральное отношение к приглашенным экспертам и объективное мышление в процессе обсуждения тем эфира. На практике, ведущий может быть одной из центральных точек программы, в том случае, если личность и мнение ведущего имеет высокую или решающую значимость при дискуссии, иными словами общественно – политические шоу могут быть персонализированы, то есть концентрируются вокруг личности ведущего. При этом нельзя не обратить внимание, что именно ведущие общественно-политических ток-шоу (В. Соловьев, О. Скабеева, А. Норкин и др.) занимают ведущие позиции в самых различных рейтингах и медиасоциологических исследованиях (по данным ВЦИОМ, Медиалогии, Mediascope). Таким образом, ведущий становится лидером мнений, инфлюенсером, ориентиром для формирования профессиональной идентичности у будущих журналистов.

Нарушения норм профессиональной этики допускаются ведущими независимо от рейтинга программы, целевой аудитории, канала, на котором выпускается телепередача и действий, происходящих в эфире. Наиболее часто можно заметить нарушение культуры ведения дискуссии и несоблюдение ведущим правил использования невербальной коммуникации. Ведущие используют сниженную лексику, задают некорректные вопросы, проводят грубые сравнения, которые принижают экспертов или других участников программ. Зрители становятся свидетелями насмешек в адрес гос-

тей, перебивания выступающих, а так же нанесения физического ущерба участкам дискуссии.

Заметим, что в некоторых случаях нарушения работают на поддержание интереса зрителя, провоцируя у аудитории определенные эмоции по отношению к какой-либо ситуации или какому-то человеку.

Однако регулирование хода дискуссии большую часть времени эфира, вовлеченность в процесс, профессиональное отслеживание времени речи экспертов и передача слова в совокупности с оперативно пресекаемыми спорами между экспертами являются достойным поведением телеведущих и примерами их профессионализма.

Мамина Раиса Ильинична

д.филол.н., профессор

Пирайнен Евгения Викторовна

к.филол.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный

электротехнический университет «ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина)

ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРСТВА

Аналитики отмечают, что в настоящее время существует большое разнообразие так называемых положительных этических концепций лидерства: аутентичное лидерство, духовное лидерство, трансформационное лидерство, этическое лидерство, лидерство как служение и др. В отличие от традиционных моделей управления, ориентированных на достижение прибыли и сверхконкуренцию, новые модели объединяет установка на отношение к работникам умственного труда как главной ценности современной организации, соответственно ставится вопрос о преобразовании роли и функций лидерства, что с необходимостью отвечает вызовам новой экономики. Этические модели лидерства относят к наиболее обсуждаемым и активно развивающимся концепциям теории и практики современного управления. На сегодняшний день уже накоплена значительная база научных публикаций по данной тематике, включающая теоретические, прикладные и кросскультурные исследования (О. С. Вакханский, А. Г. Миракян, 2018)

Среди разнообразия новых концепций, особое внимание привлекает концепция «лидерство как служение», суть которой заключается в том, что лидер не возвышается над своими последователями и своей командой – для него характерно просоциальное поведение, основанное на чувстве высокой моральной ответственности на всех уровнях взаимодействия, а также умении доносить до людей мысль об их достоинстве и потенциале, что позволяет им расти над собой. Именно такой подход, изложен в концепции известного американского специалиста в области лидерства – Билла Джорджа, и презентован в его книге «Внутренний компас лидера». По оценкам экспертов, книга претендует на статус классического труда, достойного встать в один ряд с такими мировыми бестселлерами как «Эффективный руководитель» Питера Друкера и «Как становятся лидерами» Уоррена Бенниса.

«Внутренний компас лидера» представляет собой глубокое комплексное исследование, которое посвящено развитию лидерства в новых условиях. В частности, анализируя наиболее характерные черты лидеров США XX века, Джордж выделяет в качестве основного метода построения организации – иерархической, а в качестве главного преимущества лидера – развитый ментальный интеллект (IQ). Для лидеров XXI века – это, соответственно, умение делегировать полномочия и развитый эмоциональный интеллект (EQ). При этом следует отметить, что приоритетное значение эмоционального интеллекта в новых условиях рассматривается специалистами не как противоположность ментальному, а как их уникальное сочетание (Д. Гоулман, Ст. Кови, К. Шваб и др.) На конкретных примерах, Джордж показывает, как в новых реалиях лидер с позиции – «Я», превращается в лидера, стоящего на позиции – «Мы», позиция, которая нацелена на служение людям.

Однако автор подчеркивает, что в условиях глобализации появляется необходимость и в новых качествах, которые формируют новых лидеров – как глобальных лидеров. В этой связи Джордж вводит новое понятие – «глобальный интеллект» (GQ) и выделяет семь его составляющих – гибкость, восприимчивость, любознательность, эмпатия, умение нивелировать различия, нацеленность на сотрудничество, нацеленность на интеграцию. Анализируя эти составляющие, он отмечает, что каждая из них крайне важна для глобального лидера. В целом, по оценке Джорджа, новое поколение руководителей представляет собой новую формацию подлинно глобальных лидеров, которые меняют способы ведения бизнеса во всем мире, поэтому новое лидерство он рассматривает как служение людям своей организации и обществу в целом. По его утверждению, только в результате такого служения можно прийти к пониманию смысла лидерской роли в новых условиях.

Подводя определенные итоги, следует отметить, что концепция «лидерство как служение», как и все другие положительные этические концепции лидерства ориентированы на необходимость переосмысления существующей идеологии управления и ее перевода в ценностную плоскость практик современного менеджмента.

Мапельман Валентина Михайловна

д. филос. н., профессор, Московский городской педагогический университет
«НАИБОЛЕЕ ДОСТОЙНЫЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Для человека в любые времена всегда была чрезвычайно важна оценка его поведения со стороны общества, сочетающаяся (или не сочетающаяся) с его собственным отношением к своим поступкам. В связи с этим понятия «чести», делающего основной акцент на первом обстоятельстве, и «достоинства», сосредоточенном в основном на втором, сформировались и начали осваиваться в этике еще с незапамятных времен.

Честь, связанная с общественным признанием самооценок различных людей и значимости тех коллективов, в составе которых протекает их жизнедеятельность, отражается в их репутации (сложившемся общественном мнении на основе предшествующего опыта поведения). Её приходится поддерживать, оправдывать, о ней заботиться. А вот достоинство, являясь одной из ценностных нравственных характеристик личностного отношения человека к самому себе, закрепляется в его самосознании и проявляется в самооценке и самоконтроле. Достоинство представляет собой своеобразную моральную страховку нравственной составляющей совершаемых человеком поступков. Оно дает человеку ощущение собственной значимости, которая адекватно признаётся теми, кто для него является авторитетом. Чувство собственного достоинства (самоуважение) стимулирует развитие особых задатков и квалификаций, способностей и свойств, развивая чувства долга и совести. Достоинство нередко воплощается в таком качестве как благородство.

При этом надо помнить, что социум не может быть монолитом, все члены которого обладают одинаковыми представлениями о своей личностной ценности, реализуемой в поведении. Достоинство, которое в теории должно формироваться на основе индивидуальных способностей и воплощаться в поведении, всегда довольно жестко ориентировалось на общественное положение индивида, для которого важно было признание тех, с кем у него были общие интересы, потребности, идеалы.

Настоящее время не является исключением. Чем чаще и громче звучат заявления об общечеловеческих ценностях и шире пропагандируются благие моральные ориентиры, тем энергичнее складываются группы «наиболее достойных».

Вообще-то современный достойный член общества это тот, кто без принуждения соблюдает нормы приличия и правила поведения. Он уважает законы, и живёт своим легальным трудом. Его внешний вид не оскорбляет и не провоцирует окружающих. Он не имеет вредных и опасных для здоровья привычек. Он уважает исторические, национальные, культурные, семейные традиции общества, к которому принадлежит. Он заботится об уровне своей культуры и, как минимум, уметь достойно выражать свои мысли письменно и устно. Таких людей в современном мире много.

Однако в наши дни понятие «достойных» людей далеко не однозначно. «Наиболее достойными» нередко себя почитают в силу зазнайства, эгоизма, высокомерия, тщеславия, личного «права» на безответственное поведение. Свое «благородство» они не замыкают на собственные качества и поступки, а связывают с родственными и клановыми отношениями. Как отмечал еще в XVII веке французский писатель-моралист Франсуа де Ларошфуко: «То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается перерожденным честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идет к крупным».

В частности это можно наблюдать в нашем обществе по деятельности таких двух социальных групп, как «государственные служащие» и часть творческой интеллигенции, которая активно их поддерживает. Они-то и составляют в основном государственно-административную бюрократию нашего социума. Существовая за счёт бюджета, их представители имеют широкие возможности самостоятельно определять условия своего существования: обеспечение максимально стабильного положения, значительное число льгот, постоянно растущее денежное содержание и уровень пенсий, гарантии лояльности закона к своим действиям и их последствиям. Госслужащие готовы руководить всем и всеми. А в творческой среде в число «наиболее достойных» чаще всего попадают те, кто прославился скандальностью и провокационностью (нередко и лживостью) своих творений и личного поведения. При малейшей угрозе их положению те и другие быстро меняют свои должности на равноценные в статусном и финансовом отношениях. Степень профессионализма представителей обеих групп невысока, о чём свидетельствуют результаты их деятельности.

К сожалению, в условиях развивающихся коммерциализации, формализации и обезличивания современного общества «достоинство» будет выглядеть всё более незаслуженным, а ведь «нет ничего полезнее доброго имени и ничто не создаёт его так прочно, как достоинство» (Л. Вовенарг). Однако «наиболее достойные» люди наших дней в значительной степени воспринимаются окружающими как сосредоточие социальной несправедливости.

Марина Мария Васильевна

директор музея инженерного дела,

Воронежский государственный технический университет

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ВЫЗОВ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Конец XX – начало XXI вв. характеризуется демократизацией музеев и ориентацией их на более широкую аудиторию.

Демократизация общества повлекла за собой многочисленные изменения в общественной жизни. Улучшение качества жизни, увеличение свободного времени и свободных средств привели к тому, что посетителями музея стали граждане, желающие расширить свой кругозор и приятно провести досуг. Началось развитие массового туризма, в индустрии которого музей занимает одно из ключевых мест.

Музей реагирует на современный запрос общества и меняется вместе с ним. Все это не могло не отразиться на таком важном виде музейной деятельности, как музейное экспонирование.

Экспозиционное построение формируется и развивается как общепринятая для восприятия нашего времени визуально-вербальная действующая система. Происходит как бы размывание границ традиционной музейной экспозиции и сближение с театрализованными формами в создании художественно выразительного произведения специфической формы – современной музейной экспозиции.

Идет постепенное неуклонное смещение границ классической экспозиции в сторону усиления образного сюжетно-концептуального ряда, повышения художественной выразительности, динамики и за счет этого, в конечном счете, ее информативности. Эволюционируя в ходе общего развития культуры, музей ищет и выбирает пути

своего развития, predeterminedенные развитием самой культуры, отвечая требованиям времени и социокультурной ситуации в целом.

При эволюционном процессе, при движении вперед что-то утрачивается из арсенала свойств и в характере музея. Так, возможно, современный ритм жизни, фантастический по сравнению с прошлыми периодами, поток разнообразной информации, бурные социальные процессы, происходящие в обществе, привели к утрате созерцательности, способности изучать и вдумчиво воспринимать объект во всем многообразии его проявлений.

Вариантом экспозиционных решений, получившим распространение в связи с развитием цифровой культуры в первой четверти XXI в. стали создающие «эффект присутствия», непосредственного эмоционального участия зрителя в представляемом событии, иммерсивные выставки. Подобные «пространства погружения» могут иметь как виртуальное, так и вполне реальное решение, рассчитанное на активный и ситуативный контакт всех находящихся в нем объектов и образов с посетителем экспозиции.

Экспозиция является одним из основных каналов коммуникации музея. Именно она как предметно-пространственная среда, имеющая форму и выразительность, осуществляет коммуникативную связь и тем самым «открывает» музей зрителю. Сам характер экспозиции обязывает ее быть открытой для восприятия современников. Это также является одновременно одним из стимулов и причин эволюционного развития музея.

Музей продолжает оставаться одним из значимых социальных институтов современного общества. Демократизация музейной среды упрощает процесс приобщения к культурному наследию, но вместе с тем ведет к редуцированию глубинных смыслов культуры, ее семиотических кодов. Причиной политики упрощенчества в процессах музейной коммуникации можно увидеть механизмы капиталистического рынка. В целом экспериментальный тренд, ставший характерным для многих институций в глобальном измерении, не может не вызывать опасений. Массовизация культуры – это не стремление масс к гносеологическим и моральным вершинам, а низведение сложных концептов до идейного уровня масс.

Музей как социально-культурный институт перестал быть «храмом», а превратился в площадку для общения. Музей в том виде, в каком он отражает классическую парадигму «руками не трогать», перестает быть интересным. При этом музею сложно выстоять в борьбе за досуг в том мире, где свобода потребления предполагает жесткую конкуренцию. Вопросы о том, каким должен быть музей в современном обществе, и останется ли он значимым социальным институтом остаются открытыми.

Павлова Елена Вячеславовна
лаборант-исследователь
Сунами Артем Николаевич
к.полит.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЭТИЧНОСТИ БРЕНДА НА ЕГО РЕПУТАЦИЮ

Стоит отметить, что в последние годы этика приобретает все большее значение для бренда компании и его репутации. В основном учитывается именно этическая организация труда, то есть отсутствие принудительного труда, рабства, детского труда, а также соблюдение трудовых прав. Но также в понятие этичности входит и проблема экологии, не загрязняется ли входе производства окружающая среда и не тестируется ли продукт на животных. Наблюдается рост спроса на произведенные с учетом этических норм и безопасные для экологии продукты. Так, по данным исследования PwC, более 77% потребителей в России готовы платить премиальную надбавку за экологически рациональное или этическое производство товаров.

В качестве примера можно привести скандал вокруг немецкого автоконцерна Volkswagen в США, который с 2009 по 2015 годы устанавливал в автомобилях программное обеспечение, выключающее контроль выбросов в атмосферу при езде и включающее только при проверке выхлопной системы. Разоблачение вызвало бурную реакцию как со стороны рядовых граждан США, так и властей, что привело к падению акций Volkswagen Group на 17%.

Ложные, вводящие в заблуждение или неточные рекламные заявления могут также привести к критике компании. Когда производитель вводит потребителей в заблуждение таким образом, что они полагаются на свои утверждения до такой степени, что им причиняют вред, это огромная моральная и этическая проблема. Возьмем, к примеру, Uber. В прошлом году компания разместила вводящую в заблуждение рекламу о том, сколько денег водители могут заработать, работая в Uber. Приложение для совместного использования поездок было вынуждено выплатить миллионы штрафов после того, как Федеральная торговая комиссия (FTC) предъявила им иски, обнаружив, что Uber ложно заявил о более высокой заработной плате, чем водители могли фактически получить.

Использование вводящих в заблуждение или неэтичных методов рекламы может сказаться на финансовом благосостоянии. Когда репутация бренда подорвана, восстановить общественное доверие очень сложно.

Становится популярной проверка компании на соответствие представлениям этики. Это означает анализ деятельности фирмы с точки зрения соблюдения государственных и корпоративных стандартов, а также социальной и корпоративной ответственности. Многие компании пользуются услугами по оценке этичности их деятельности, и на основании результатов формируется рейтинг, на который часть потребителей может ориентироваться. Соответственно, предприятия с низким уровнем этичности могут пострадать от негативной оценки потребителей, предпочитающих платить за «этичный» товар или услугу. Более того, в случае невнимания к соблюдению этики в бизнесе, общественность может объявить бойкот продукции такого бренда и еще больше разрушить репутацию.

Литература:

Глобальное исследование потребительского спроса. PwC. 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/gcis-2019-ru.pdf> (дата обращения: 21.09.2021)

Сунами Артем Николаевич
к.полит.н., доцент

Павлова Елена Вячеславовна
лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ РИСКОВ

Известный тезис Ульриха Бека, в котором классик теории риска говорит о смене в современном мире логики «распределения богатства в обществе» «логикой распределения риска» [1], ставит перед современной этикой задачу разработки фундированных критериев справедливости такого распределения. В практическом плане значимость вопроса очевидна, поскольку риски иерархичны и им в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к минимизации его последствий.

Нельзя сказать, что это совершенно новая задача. Так Мэделин Хайенхельм задается вопросом, что такое справедливое распределение риска? И замечает, что в отличие от товаров, количество которых мы хотим как увеличивать, так и справедливо распределять, риски – это то, что мы хотим уменьшить, а может быть и вовсе избежать, а уже потом справедливо распределять [2]. Очевидно, что еще одна проблема, с которой мы сталкиваемся при ответе на этот вопрос, заключается в том, что риск – это все таки вероятное событие, а не совершенное. Таким образом, мы работаем со спра-

ведливостью события, которое еще не произошло, но может произойти. Также, дискуссия о справедливости распределения рисков, на деле это будет касаться справедливости в смысле равного распределение шансов на причинение вреда.

Таким образом, ученый, который ставит перед собой цель, например, отрефлексировать справедливость дистрибуции рисков, связанный с пандемией COVID-19, будет вынужден прибегнуть к следующей процедуре. Во-первых, задуматься об обоснование тех или иных рискованных действий (уровень риска и страдающие группы). Во вторых, определить способы кооперации, профилактики, компенсации, короче говоря, все того, что должно выровнять несправедливое воздействие рисков на различные социальные группы.

Вместе с тем, это, конечно, не освобождает нас от размышлений, возможны ли случаи, когда справедливо производителю риска или регулятору, например, государству уклониться от равенства равного распределения рисков. И о том, какие средства могут быть морально оправданы для равномерного распределения рисков по социальной структуре.

Литература:

1. Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*. Sage Publ., London.
2. Hayenhjelm, M. (2012) *What Is a Fair Distribution of Risk?*, In Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin P., and Peterson, M. (eds.) *Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk*. Springer Science and Business Media B.V.

РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Почебут Станислав Николаевич

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина)

ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ КАК РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ТИПА НА МИКРО И МАКРОУРОВНЕ

Одним из важнейших процессов развития новых информационных технологий, без которых уже невозможно представить современное общество, является цифровизация. В условиях инновационного развития социума, компании активно используют цифровые форматы взаимодействия, что с необходимостью предполагает регуляцию таких взаимодействий. В этой связи актуализируется роль и значение цифрового этикета как нормативно-этического инструмента общения в практиках сетевой деловой и неделовой среды.

Предтечей цифрового этикета стали Нетикет Вирджинии Ши (1994 г.), и Кодекс блогера Тима О'Рейли (2007 г.), его также иногда называют Нетикет 2.0. Однако, сетевой этикет или Нетикет 1.0 и 2.0, отразили специфику поведения в Сети первого и второго поколений, поэтому в основном имели этическую направленность. Цифровой этикет – сложное системное явление, которое, с одной стороны, продолжает этическую направленность Нетикета, с другой – детерминировано технологической природой сети третьего поколения. Реализуя сущностные характеристики этикета в цифровой среде, новый этикет формируется как инструмент коммуникативного взаимодействия при помощи всех форм этикетной коммуникации: письменной, поведенческой и речевой, поэтому является и инструментом общения на всех уровнях сетевого взаимодействия, и предметом исследовательской практики. Однако, следует отметить, что, говоря о цифровом этикете, мы чаще говорим о советах и рекомендациях, поскольку Интернет очень подвижен, технологии меняются быстро, за ними сложно успевать. Однако, культивация новых этикетных правил, которые одновременно отражают и специфику времени, и новые требования коммуникации, возможна, но только при непосредственном участии профессионалов.

Сегодня изучение цифрового этикета идет в двух основных направлениях: и как инструмента общения на микро- и макроуровнях (Лукинова О., Ключкова Н., Манжуева О.М., Езова С.А. и др., а также материалы, представленные на различных интернет-площадках), и в методологическом (Мамина Р.И., Лихачева Л.С., Лазар М.Г., Пирайнен Е.В. и др.).

Актуальность тематики цифрового этикета как поведенческой культуры в сети Интернет на микро- и макроуровнях обусловлена процессами цифровизации и ее глобальными масштабами. Цифровые инструменты меняют привычное поведение человека, формируют новое индивидуальное поведение. На макроуровне это касается и детей, пристрастившихся к компьютерным играм, и молодого поколения, которое не выпускает из рук смартфоны и планшеты, а также взрослых людей, чье поведение в практиках повседневной жизни существенно отличается от поведения в сети. В свою очередь, на макроуровне речь идет о специфике взаимодействия представителей деловой среды в информационном Интернет-пространстве.

Отсюда, пристальное внимание специалистов различных областей знания гуманитарного и технологического к новому этикету как к инструменту сетевого взаимодействия. Однако, например, в разных странах и регионах действуют разные правила воспитания детей, поведенческие и образовательные нормы, в деловой сфере – разные правила ведения бизнеса, обработки данных, принятия решений, что влияет как на процессы цифровизации, так и на развитие специфики цифрового этикета на микро- и на макроуровнях и их дальнейшее развитие.

В период пандемии вместе с переходом в образовательной сфере на масштабное онлайн-обучение, а в деловой – на удаленный режим работы, частичный или полный, именно нормы цифрового этикета во многом обеспечили, в зависимости от конкретной сферы применения, возможность построения эффективной коммуникации. В то же время, формат видеоконференций стал одним из основных инструментов интерактивного взаимодействия для многих жизненно важных сфер деятельности современного социума, включая международную, и продолжает оставаться таким и сегодня, а это значит, что предложить механизмы эффективной коммуникации в сети под силу только цифровому этикету.

Пронякина Елизавета Дмитриевна

к.полит.н., доцент, Северо-Западный институт управления,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ И КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ УЧАСТИЯ

Одним из главных вопросов, связанных с широким распространением цифровых технологий, безусловно, является вопрос о приватности – во всех смыслах этого слова. Чрезмерная «открытость» информационного пространства, доступность электронной коммуникации для самых разных (в том числе и маргинальных) социальных групп порождает у большинства пользователей естественное чувство уязвимости. Одновременно с этим, приходит осознание того, что цифровое пространство жестко контролируется, а истинная анонимность в нем просто технически невозможна, ведь каждый пользователь оставляет свой цифровой след, который при необходимости может быть найден и расшифрован.

Защита личного пространства, таким образом, становится сегодня лейтмотивом цифровой коммуникации, а само взаимодействие пользователей в цифровом пространстве носит ярко выраженный дефенсивный характер. Впрочем, из цифровой сферы «боязнь Другого» переносится и на социальную – вмешательство в частную жизнь, оскорбление или ущемление чьих-то чувств, личных предпочтений и ценностей все чаще становится предметом судебных разбирательств. Отстаивая свое личное пространство и защищая его границы, современный человек постепенно сужает сферу публичного взаимодействия, не опосредованного цифровыми каналами. Славой

Жижек весьма точно комментирует эту ситуацию: «Нередко говорят, что сегодня, когда мы тотально подвержены влиянию медиа с их культурой публичных исповедей и инструментами цифрового контроля, частное пространство исчезает. На эту банальность надо ответить противоположным утверждением: то, что исчезает на самом деле – это публичное пространство в подлинном смысле».

Сейчас особенно актуален вопрос о том, возможно ли в принципе публичное действие (в том смысле, в каком его понимают Хана Арендт или Юрген Хабермас) в виртуальном пространстве? Или цифровая коммуникация, обладая достаточно широким набором инструментов для обеспечения негативной свободы (то есть «свободы от»), не обладает ресурсом для развития позитивной («свободы для»). Гражданские и политические объединения, изначально зародившиеся в цифровой среде, носят либо протестный, либо спонтанный характер (например, флешмобы). Если же речь идет о некоей продолжительной созидательной активности (например, акции взаимопомощи или благотворительной акции), то такая активность не может быть осуществлена полностью в цифровом пространстве – на каком-то этапе она все равно потребует от участников очной встречи и непосредственной коммуникации друг с другом.

Вопрос о будущем демократии и культуре участия в цифровом пространстве встает особенно остро, в связи с введением в политическую практику процедуры электронного голосования. Если отбросить все рассуждения о возможных ошибках системы или сознательных фальсификациях, то подобная процедура существенно облегчает жизнь граждан. Однако, вместе с тем, она теряет именно важную этическую составляющую: электронное голосование в принципе не может быть тайным и прямым.

Внедрение цифровых технологий в сферу социального взаимодействия, таким образом, превращает это гражданское участие из принципа в процедуру, что может стать серьезным вызовом для партисипаторной демократии и, тем более, для делиберативной демократии.

Руженцев Сергей Евгеньевич

д. филос. н., доцент,

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ В ПОЛИТИКЕ:

ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ

Современная политическая практика показывает господство идеи целесообразности. Возникает ситуация пренебрежения моральными установками большинства и подмена нравственности демагогическими оправданиями. Происходит игнорирование социальных ожиданий и деморализация общества.

Публичное пространство политики редко обращается к моральным аспектам, используя их лишь для артикуляции к социальным ожиданиям и чувствам общества, оправдания своих решений. Целесообразность выступает в качестве своеобразных ценностных оснований в моральной аргументации власти, которая якобы нацелена на поиск ответов на вызовы времени.

Моральные нормы оказываются разделенными на мораль политической элиты со своим набором ценностных и моральных установок, и мораль подвластных, отличающейся апелляцией к долгу и обязанностям. Такой моральный диссонанс ослабляет действенность регулятивных функций морали, а сама нормативность морали обретает большую размытость.

Стремление консервативно настроенных групп социума апеллировать к аргументам морали отвергается как разрушающие сложившийся социальный консенсус. Такие усилия воспринимаются как моральные ограничители для свободы самовыражения. Мораль оказывается в плену политической целесообразности, которая преподносится в качестве носителя всеобщего блага.

Кроме того, современная политическая целесообразность имеет свои основания, допустимый набор действий и идеалы, которые не способствуют моральной требова-

тельности в отношении индивида, стремясь к опоре через навязываемый моральный конформизм. А это формирует проблему нравственной рефлексии индивида для выработки понимания им своих социальных обязанностей и политических возможностей.

Преобладание политической целесообразности и ее ситуативное обращение к морали связано с тем, что политическая мораль апеллирует к абстрактному представителю политики. На первом плане оказываются оценочные суждения и ожидания общества, которые имеют слабо организованный характер артикуляции. А это определяет возможности и границы поля саморефлексии политика.

Политика, сопрягая разнородные социальные интересы, должна стремиться к совместимости ценностных ориентаций различных социальных субъектов. При этом важно, чтобы в процессе обоснования властью политической рациональности избираемых решений не исчезла этическая составляющая, поскольку общество имеет свои ценностные предпочтения и представления о свободе, равенстве, ответственности, которые могут быть противопоставляться принятым решениям.

Диссонанс морали и политики приводит к дегуманизации личности или утрате нравственных ориентиров. Поэтому большое значение для общества имеет поддержание на практике моральных идеалов. Можно сказать, что отсутствие позитивного социального отклика на действия политической власти со стороны общества приводит к редуцированию действенности морали. Обеспечение моральности в политике и препятствие для усиления в ней целесообразности видится через вовлечение широких слоев общества в процесс обсуждения и реализации решений, прозрачности политической практики при действенном контроле за субъектами власти со стороны граждан.

Особенности развития современной политической морали: проблемы социального диалога порождают моральный диссонанс между верхами и низами общества, что затрудняет выработку общих ценностных идеалов, адекватной нравственной позиции; господство моральных норм узкой социальной группы, которые навязываются всему обществу с разрушением имеющихся традиционных ценностей; доминирование ситуативного прагматизма, лежащего вне моральных идеалов и социальных ожиданий большинства; политическая целесообразность проявляется через навязывание либерально-рыночных ценностей в качестве ведущих моральных норм, которые слабо отвечают духовным запросам общества.

Синюкова Наталья Алексеевна
научный сотрудник, Институт философии и права,
Сибирское отделение Российской академии наук

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Экспертиза в целях решения этических проблем в различных социальных практиках и принятия соответствующих решений в современном динамичном обществе коммодифицирована, то есть превращена в коммерческую услугу для ее массового конечного потребления. Подобная консультативная практика, все более подверженная стандартизации и оптимизации, становится удобной для человека, экономя его время и не требуя от него совершения личных усилий, меняя мышление и поведение человека. Причем данная проблема становится особенно актуальной в контексте быстрого внедрения умных технологий в социальные практики, в частности стремительного запуска процессов цифровизации здравоохранения в следствии пандемии. Речь идет об усиливающейся алгоритмизации принятия решений, затрагивающих жизнь и здоровье человека, а фактически — передаче этой функции искусственному интеллекту (далее – ИИ). В этической экспертизе по вопросам внедрения ИИ в здравоохранение в основном обсуждается вопрос о том будет ли человек в безопасности, как можно защитить человека от новых рисков, угроз, дискриминации и прочее, вырабатываются соответствующие нормы и правила внедрения ИИ в медицину с целью защиты человека.

С одной стороны утверждается, что умные машины не устают и не подвержены эмоциональному выгоранию, не позволяют эмоциям влиять на их суждения, способны быстрее анализировать ситуацию и принимать решения, могут быть запрограммированы на ускоренный по сравнению с человеком процесс обучения. «Умная клиника» в целом позволяет преодолеть множество разрывов и проблем в процессе лечения и ухода за больными людьми. Алгоритмы, постоянно обновляясь в соответствии с последними разработками так же, как обновляется операционная система смартфона, позволяют стандартизировать процедуры в рамках отдельной клиники и всей системы здравоохранения. Обсуждается лишь безопасность этих алгоритмов. А набирающая обороты деятельность по этическому регулированию процессов внедрения ИИ в медицину стремится сформировать привлекательный (не опасный) образ умных технологий в глазах человека и общества.

На другом полюсе дискуссий об ИИ в медицине ставится сакральный вопрос об изменении мышления и поведения человека. Человеческое мышление является основополагающим компонентом медицинской деятельности, а способность использовать, что называется, целостный подход к пациенту – суть того, что значит быть врачом. Внедрение ИИ связано с принципиальными рисками. Поскольку ИИ может быть плохо запрограммирован, плохо обучен, он может использоваться в неподходящих ситуациях, иметь неполные данные и может быть введен в заблуждение или взломан. Кто будет нести ответственность за вред, причиненный ошибками ИИ конкретному больному – программист, компания разработчик, регулирующая ИИ структура или врач? Должен ли врач иметь право отменить диагноз или решение машины? Должно ли быть обратное право? Может ли машина найти компромисс между медицинскими назначениями и желанием пациента?

Принципиальный вопрос в том, может ли новая технологическая норма «эффективный, быстрый, управляемый результат» быть новой нормой медицины будущего. В рамках медицинских концептов и практик, выстраивающихся на базе данной нормы, человек, как врач, так и пациент, рассматривается как приложение к технологии, как ее составная часть, но не как самостоятельное сущее, не как исходный субъект и цель развивающихся медицинских технологий, управляющий ситуацией. Это происходит потому, что акцент делается на технологиях, а человек редуцируется к функции, его высшие способности, делающие его человеком, как правило, не обсуждаются. Такому редуцированному антропологическому представлению должно быть противопоставлено иное представление – человек есть существо мыслящее, свободное, незавершенное, способное на свободный ответственный поступок, использующий умные технологии как средства, а не как самоцель.

РНФ №21-18-00103 «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт»

Сокольчик Валерия Николаевна

к.филос.н., доцент, руководитель Республиканского центра биоэтики, доцент,
Белорусская медицинская академия последипломного образования,

Республика Беларусь

ЭКСПЕРИМЕНТЫ С УЧАСТИЕМ ЛЮДЕЙ:

КТО И КАК КОНТРОЛИРУЕТ ГУМАННОСТЬ ЭКСПЕРИМЕНТА?

Современная наука, особенно биомедицинская, не может развиваться без проведения экспериментальных исследований с участием людей. «Гарантами» соблюдения прав человека при проведении экспериментальных исследований является, прежде всего закон и этические нормы исследовательской этики, которые активно развиваются в современном обществе. Такие нормы закреплены как в международных, так и национальных документах, руководствах, кодексах и пр., что, правда, не отменяет необходимости их унификации и приведения в соответствие с международными этическими требованиями и стандартами.

Огромное значение имеет также этико-правовая подготовка исследователя, сформированные у него моральные нормы и принципы, включая знания современных этических требований организации и сопровождения исследований с участием людей.

«Пробелы» в сформированности этических компетенций исследователя можно наблюдать, изучая практики антигуманных научных экспериментов с участием добровольцев, многие из которых известны (например, эксперимент Таскиги, эксперимент Милгрэма в США первой половины XX века, эксперимент китайского ученого Дзенкюя по редактированию генома 2018 г.), но, к сожалению, большинство негуманных экспериментов остается «вне зоны доступа» общественности.

Важнейшим институтом соблюдения прав человека в экспериментальных исследованиях с участием людей являются этические комитеты (ЭК). Во-первых, они представляют внешнее (экспертное) независимое мнение, во-вторых, позволяют гибко сопрягать общепринятые этические нормы с национальными (профессиональными) традициями и особенностями. На сегодня развитая система таких комитетов существует в медицине, где формально ни одно исследование не может быть осуществлено вне одобрения ЭК. Однако, на практике мы сталкиваемся как минимум с двумя крупными проблемами. Первая – недостаток знаний/умений/этических навыков у членов комитета для осуществления собственно этической экспертизы и оценки проекта. Специальное обучение этой деятельности проводится достаточно редко (например, в Минске опыт повышения квалификации врачей – членов ЭК – осуществляется в системе повышения квалификации на регулярной основе только с 2018г.)

О недостатке соответствующих этических знаний и навыков в ответах на вопросы анкеты (которая проводилась в 11 странах постсоветского пространства в рамках научного проекта «Developing Recommendations for Ethics Committees and Policy Guidance for Eastern European / Central

Asian Countries to Support Public Health Emergency Preparedness and Response» под эгидой ВОЗ в 2021г.) говорили практически все опрошенные эксперты (300 респондентов, члены ЭК разных уровней), их позиции различались только в выборе приоритетных средств и способов обучения членов ЭК решению (постановке) этических вопросов.

Вторая проблема ЭК – их преимущественная локализация в сфере биомедицины. Безусловно, необходимо расширять сферы деятельности ЭК на все научные проекты, которые так или иначе привлекают человека к экспериментальным исследованиям (в сфере психологии, социологии, педагогики и пр.)

Таким образом, ставшая уже классической в сфере биоэтики тема работы ЭК требует сегодня дальнейшей проработки.

Только объединив усилия этики и права и дополнив их широким общественным обсуждением важнейших вопросов и результатов проведения исследований с участием людей, можно говорить о становлении современного этапа развития науки и общества.

Торопова Анастасия Александровна

к. филос. н., преподаватель, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕЛО КАК КВАЗИ ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В СМИ и социальных сетях возникают новости о том, как поклонники ради того, чтобы стать ближе к своим кумирам, повторяют их телесный облик. Например, пытаясь добиться внимания звезды Тейлор Свифт, поклонник оставлял ей множество сообщений и надоедал звонками, в итоге, не получив ее внимания, он подал на Тейлор в суд. Поклонник считал, что певица пренебрегает своими обязанностями и наносит ему моральный вред. В этом кейсе обнаруживается противоречие между ценностями: с одной стороны, в социальных сетях и сми транслируется идея самостоятельности, желание выразить себя и свою индивидуальность, а также независимость. Одновременно

менно с этим, в ряде подобных случаев, по факту человек демонстрирует инфантильность и зависимость от другого, в частности, от селебрити как Значимого Другого.

Тело – это материальная вещь, в которой отражает мир идей. Как указывает М. Мосс, телесность авторитетного человека, выступающая в качестве носителя ценностей, становится объектом подражания, образцом, который влияет на формирование телесности подражающего. Тело нагружено социальными значениями, независимо от того, осознает это его носитель или нет. Культурные представления о мужском и женском, о иерархии, о природе и культуре неизбежно отражаются на образе и поведении тела. Габитус является бессознательным программой тела, которая включает в себя инкорпорированные ценности. Селебрити как феномен современной культуры это влиятельное лицо, которое становится объектом для подражания среди своих поклонников. Телесность селебрити – сгусток ценностей ценностей, которые находятся в дефиците у поклонников (свобода, раскрепощенность, смелость и так далее). В этом плане тела селебрити становятся фетишизированными, то есть объектами влечения.

Если культурный герой – это тот, кто совершает преступление против культурного порядка и создает новый мир, когда старый мир обрушился. Селебрити прославляются не подвигами, как исторические персонажи, а изобретением игр. Это игра, в которую могут сыграть другие. Их слава, в отличие от культурных героев, переходит с этической плоскости на эстетическую. Зачастую телесная установка селебрити (например, «мир гибок») контрастирует с пресуппозицией их зрителей («мир ригиден»). Дистанцированное тело, идеологический текст с двойным кодированием – текст для масс (учебник жизни, пример для подражания) и для элиты – лакмусовая бумажка, какие идеи и ценности актуальны в обществе. Поэтому когда зритель пытается трансформировать свое тело миметически воспроизводя телесные знаки кумира, это вызывает социальный, психологический, экзистенциальный конфликт. Поклонник обвиняет знаменитость в нереализованных ожиданиях. Это вскрывает противоречие современного человека общества потребления: вместо независимости и самостоятельности обнаруживается его инфантильность.

Туманян Тигран Гургенович

профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока,

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АЛ-МАВАРДИ

Перу средневекового исламского теолога и факиха Абу-л-Хасана ал-Маварди (974-1058) принадлежит ряд сочинений, некоторые из них до настоящего времени не нашли должного отражения в научных исследованиях. Ал-Маварди, благодаря труду ал-Ахкам ас-султаниййа, нередко называют одним из создателей классической доктрины государства и власти в исламе. Вместе с тем теоретические поиски этого известного теолога основывались не только на нормах и традициях ислама, но и на исламском интеллектуальном наследии. Влияние персидского (сасанидского) литературы на творчество ал-Маварди неоспоримо. Это касается, прежде всего, вопросов этики и политики.

В полной мере персидское влияние ощущается в работах, написанных в дидактической традиции адаба, а точнее в жанре, который принято именовать «поучения владыкам» или «князьби зеркала». Исследователи ал-Маварди приписывают ему авторство трактата Насихат ал-мулук, а также другого, близкого по содержанию и форме изложения произведения – Тасхил ан-назар ва-таджил аз-зафар [фи 'ахлак ал-малик ва-сийасат ал-мулк]. Собственно само название трактата говорит о его содержании. ([Книга.] облегчающая рассмотрение и приближающая [верное] понимание нравов государя и управления государством). Оба сочинения, скорее всего, предназначались в качестве некоего руководства реальным правителям того времени, буидским эмирам.

Насихат ал-мулук, по всей видимости, более раннее, во многом противоречивое сочинение автора, – включает в себе наставления правителям в самых разных вопро-

сах государственного управления. В основе его противоречивости лежит не только неуживчивость исламских правовых норм с древнеперсидскими традициями в определении характера государства и власти, но также пропитанная противоборством и нестабильностью религиозно-политическая атмосфера того времени в Багдаде, когда ал-Маварди был понуждаем сочинять наставления в вопросах житейской мудрости и искусства властвовать. В тексте обнаруживает себя весьма ощутимая приверженность имперским политическим принципам Сасанидской державы, а среди источников, к которым обращается ал-Маварди, выделяются правила, установления и нормы поведения древних персидских царей (сийяр ал-мулук ал-'аввалин).

Как Насихат ал-мулук, так и Тасхил ан-назар ва-та'джил аз-зафар, безусловно, представляют интерес для исследования литературного жанра адаба; в какой-то степени они могут служить источником для реконструкции социально-политических процессов той эпохи. Свою позицию в этих произведениях автор передает через посредство отдельных размышлений о морали и проблемах государства и власти, основываясь в значительной степени на персидской, а в некоторых случаях и на древнегреческой политической традиции. В то же время очевидно и то, что в этих сочинениях ал-Маварди достаточно последовательно обращается и к положениям ислама. Для обоснования своих взглядов автор приводит примеры из истории арабского мира, взятые им из сочинений поэтов, привлекает хадисы, сунну «праведных» халифов, акцентирует внимание на ценностях мусульманской доктрины.

Цуркан Евгений Геннадьевич
старший преподаватель,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ПРОБЛЕМА «ЭТИЧНОГО ДИЗАЙНА» ИНТЕРНЕТ-ПРИЛОЖЕНИЙ

В феврале 2013 года продакт-менеджер компании Google Тристан Харрис разослал своим коллегам презентацию, в которой призвал задуматься об ответственности, которую несут разработчики аддитивного дизайна приложений, вызывающего зависимость у пользователей по всему миру. Презентация широко обсуждалась сотрудниками компании Google, среди которых многие солидаризировались с основными положениями Т. Харриса, в результате чего руководство компании официально назначило его «дизайн-этиком». Тема разработки этических платформенных алгоритмов и дизайнов приложений не нова, самые ранние работы стали появляться ещё в 80-ых годах XX века (например, эссе Дж. Мура «Что такое компьютерная этика?»). Этому вопросу посвящены многочисленные академические работы и произведения, рассчитанные на массовую аудиторию. Презентация Т. Харриса ознаменовала собой новый виток развития данной проблематики, вызвала широкий общественный резонанс и породила множество дискуссий относительно «этичного дизайна».

В настоящее время почти у каждой крупной IT-компании существуют отделы по этике, главная задача которых предложить дизайнерские и протокольные решения, которые сделают технологии более этичными. Однако предлагаемые решения далеко не всегда вводятся в разработку и находят применение в конечном продукте. Т. Харрис, проработав два года в должности «дизайн-этика», уволился из компании Google, так и не добившись ничего существенного. В 2020 году руководство компании Google уволило исследовательницу Т. Гебру, сотрудницу отдела по этике, признанного эксперта в области пересечения компьютерных наук и этики. Что же приводит к конфликтам руководства IT-компаний и специалистов по этике?

Этика потенциально может вступать в конфликт с интересами IT-корпораций, главный интерес которых заключается в извлечении прибыли. Если под «этичным дизайном» подразумевается уменьшение вовлечения пользователя, предоставление пользователю большего количества приватности, что отразится на количестве извлекаемых данных, а значит, на прибыли компании, то моральные догмы должны уступить место экономическим интересам. Компании платформенного капитализма часто прибегают к языку этики в медийном поле, чтобы снизить градус критики, направ-

ленной в их сторону. Для описания подобных PR-стратегий был введён термин «отмывание через этику» («ethics-washing»). Компаниям выгодно публично демонстрировать интерес к общественно полезным инициативам, чтобы привлечь внимание к своему продукту, одновременно с этим прибегая к этически сомнительным решениям. Несмотря на это, существуют все основания полагать, что в крупных IT-компаниях действительно чувствуют ответственность за создание алгоритмов, манипулирующих поведением пользователя, и дизайнов, вызывающих аддиктивное поведение. От IT-корпораций нередко исходят инициативы, вписывающиеся в идею «этичного дизайна»: у пользователя появляется возможность видеть, сколько раз в день он брал телефон и сколько часов потратил на приложения; ставить напоминание о необходимости перерывов. Однако одной рукой IT-компания уменьшают то, что увеличивают другой. Исторически сложившаяся модель извлечения прибыли, свойственная платформенному капитализму, а именно – продажи таргетированной рекламы при бесплатном использовании – не позволяет отказаться ни от отслеживающих алгоритмов, ни от аддиктивного дизайна, поскольку оба этих элемента составляют неотъемлемую часть механизма извлечения прибыли. Алгоритмы социальных сетей способны не просто отслеживать как пользователь реагирует на разного рода контент, но и предсказывать его потребительское поведение, а также изменять его потребительское поведение. Повышение эффективности таргетирования рекламы привлекает рекламодателей, которым продают определённость. Аддиктивный дизайн увеличивает вовлечение пользователя, заставляя его больше времени проводить на платформе, что означает больше просмотренной рекламы и больше сгенерированных данных. «Бесплатное пользование в обмен на данные» – так звучит социальный договор, заключённый между пользователями и владельцами платформ. К этому стоит добавить формулу, вынесенную в эпиграф книги Э. Паризера «The Filter Bubble»: «Если вы получаете нечто бесплатно, помните: вы не клиент. Вы – товар».

Этической проблеме манипуляций поведением пользователя, равно как и «капитализму наблюдения», посвящено достаточно много алармистской литературы, в которой такая политика извлечения прибыли получает однозначно негативную этическую оценку. Нам же данная проблема представляется неоднозначной. С одной стороны, политика компании, если она остаётся в рамках правовых предписаний – это дело самой компании, а единственным возможным способом для потребителя повлиять на неё является отказ от продукции компании. С другой стороны, социальные сети – это не только продукт определённой IT-корпорации, это критически важная социальная инфраструктура, подобная электросети или транспортной сети. Нарушение в работе этой инфраструктуры, равно как и проектирование, игнорирующее этические запросы общества, может привести к негативным макросоциальным последствиям. В пример можно привести скандалы с Cambridge Analytica и «взломом» американской электронной системы. В таком случае встаёт вопрос о дополнительном государственном регулировании деятельности компаний платформенного капитализма вплоть до их национализации. Однако представители власти тоже заинтересованы в получении доступа к большим массивам пользовательских данных, поскольку это огромный властный ресурс. Готово ли общество передать в руки государства этот ресурс – большой вопрос. Данной этической коллизии и будет посвящён наш доклад.

при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и РФФИ №21-011-31469 «Социально-сетевое общество как новая коммуникативная система: протест и активизм»

Шахназарян Нона Робертовна

к.и.н, старший научный сотрудник, Академия наук Республики Армения, Ереван
**ВЫЗОВЫ И ДИЛЕММЫ ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА В СОЦИАЛЬНОЙ
 АНТРОПОЛОГИИ: РЕФЛЕКСИИ О СИТУАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
 АРМЕНИИ И ДЕ ФАКТО НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Исследование посвящено изучению международного опыта производства этических кодексов в социальных науках; этическим вызовам в ходе полевых исследований. Этический кодекс призван систематизировать и закрепить те основные правила, которыми мы как профессионалы-гуманитарии руководствуемся во время планирования и проведения исследований, публикаций и распространении их результатов, общения с информантами, коллегами, студентами и другими лицами, вовлеченными в научный процесс. Этический кодекс в социальной/культурной антропологии оформился своих самых грубых чертах на основе регуляций «Общества прикладной антропологии» в 1948 г., подвергшись пересмотру и ревизии в 1983 г. – это правила и стандарты, определяющие личное и профессиональное поведение в отношении других. Эти стандарты выражают общие ценности и представления о том, что такое этическое исследование и научная работа, основанная на моральных принципах. В то же время – это водораздельный аспект практик, чаще всего, в ходе полевых исследований и сбора исследовательского материала и стал предметом масштабных дебатов внутри антропологии как науки. Лишь в 1967 г. «Трипл А» выступила с заявлением об этике, на основе которого ученые выработали документ «Принципы профессиональной ответственности» в 1971 г. (дополнен в 1997 г). Документ поставил акценты, в частности, на трех основополагающих принципах: не навреди, а помоги, если можешь; не вводи в заблуждение людей ни в отношении себя, ни в отношении профессиональной деятельности; старайтесь быть максимально беспристрастным, «объективным». Как заявления (о намерениях) никто не может отказать этим основам ни в чувствительности, ни в непротиворечивости/однозначности. На практике же эти принципы сложно как интерпретировать, так и применять в ходе социальных взаимодействий *per se*. Иными словами, этический кодекс, хоть и обманчиво кажется «причесанным», на проверку бросает немалое количество вызовов, которые важно обсудить внутри профессионального сообщества. Понятно, что этические дилеммы вряд ли могут быть разрешены однозначно, поэтому кодекс является скорее руководством к действию и своего рода компасом в принятии сложных решений.

В ходе лонгитюдных и триангулятивных полевых исследований в рамках дисциплины «Кризисная антропология», в частности в поствоенном карабахском обществе, я как исследователь задалась вопросом: что предлагает профессионалам-гуманитариям армянское академическое сообщество? Реминисценции и мучительные вызовы из карабахского исследовательского «поля» (например, можно ли интервьюировать детей? Каковы регуляции гендерно-специфического поведения в условиях приложения метода «включенное наблюдение»? Можно ли навязывать свои ценности, не учитывая этнографических контекстов?) не оставляют сомнений в актуальности темы. Обязаны ли антропологи, чья профессиональная деятельность связана с «живым» материалом, подписывать этический документ – «клятвоу Гиппократа» для практикующих гуманитариев? Должен ли этический кодекс иметь санкционный или только рекомендательный характер?

Шевченко Александр Анатольевич

д.филос.н., ведущий научный сотрудник, Институт философии и права,
 Сибирское отделение Российской академии наук

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ

Одной из сфер пересечения интересов современной эпистемологии и этики является тема эпистемической справедливости. В общем виде она определяется как спра-

ведливость (или ее отсутствие) по отношению к человеку как источнику знания. Такая несправедливость имеет место в тех случаях, когда один собеседник с предубеждением относится к другому, занимая его эпистемический статус, отказывая ему в кредите доверия. Это часто бывает проявлением более общего предрассудка – например, расового, классового или гендерного. Такие ситуации оцениваются как индивидуальные проявления эпистемической несправедливости, объясняемые, соответственно, недостатком индивидуальной добродетели. В то же время индивид всегда является членом некоторой социальной группы или сообщества и то, что на первый взгляд воспринимается как индивидуальное действие, может оказаться частью системы стереотипов и предрассудков и когнитивных ограничений, свойственной представителям этой социальной группы. Такого рода несправедливость называют «герменевтической».

В качестве уже стандартного примера эпистемической герменевтической несправедливости обычно приводят сексуальные домогательства в культурах или сообществах, в которых это понятие отсутствует как коллективный герменевтический ресурс, позволяющий воспринимать такие действия как проблему и коллективно ее обсуждать. Отсутствие такого концептуального ресурса для понимания ситуации прежде всего маргинализирует ущемленные социальные группы, опыт которых может оказываться непроявленным и непонятым даже самими членами этих групп. Эпистемическая герменевтическая несправедливость может быть связана и с незнанием самого разного рода – от незнания исторических событий (например, игнорирование геноцида или массовых репрессий) до незнания фактов относительного изменения климата или социальных реалий (например, гендерной дискриминации).

Важно также различать справедливость в сфере индивидуальных операций (трансакционную, операционную справедливость) и справедливость структурную. Если мы признаем, что ключевыми для понимания эпистемической справедливости являются социальные контексты, то продуктивнее исследовать ее как системную дисфункцию, требующую решения на системном уровне, в соответствии с ключевым постулатом Дж. Ролза, согласно которому «справедливость есть первая добродетель общественных институтов».

Преимуществом такого подхода является то, что системная перспектива позволяет представить множество индивидуальных взаимодействий в виде некоторого кумулятивного вектора взаимодействий, который можно попытаться контролировать на системном уровне с помощью институциональных ресурсов, что крайне затруднительно делать применительно к бесчисленным индивидуальным взаимодействиям.

Представляется, что ряд случаев, которые обычно классифицируют как несправедливые с эпистемической точки зрения, можно понять как вполне справедливые при условии, что мы примем доброжелательную интерпретацию «постправды», предложенную С. Фуллером. В рамках его подхода «постправда» понимается как отказ признавать традиционные формы создания и легитимации истин и платить ренту за знание традиционным его производителям. Такой подход тесно связан с проблемой экспертизы и экспертного знания, которая, в частности, характеризуется девальвацией экспертного знания, умножением числа самопровозглашенных экспертов, заявляющих о своем праве на производство истин.

Насколько такая интерпретация «постправды» служит интересам эпистемической справедливости? На первый взгляд, она автоматически решает проблему дискриминации источников и носителей знания, радикально уравнивая их эпистемический статус. Конечно, цена такого решения очень высока, платой становится устранение традиционного «экспертного класса», в результате чего эпистемический вклад каждого становится одинаково ценен при отсутствии социально принятых процедур ранжирования. Так или иначе, нужно признать, что проблема эпистемической справедливости тесно связана с широко обсуждаемой сейчас проблемой экспертизы и любые радикальные решения по выравниванию эпистемического статуса источников и субъектов знания в виде, например, отмены академической ренты, неизбежно приведут к необходимости тотального пересмотра существующей системы экспертизы.

Щиряков Илья Павлович

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

МЕХАНИКА МОРАЛИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ ЖАНРА RPG

Рассматривая данную проблему, мы будем опираться на такие серии как Baldur's Gate, Pathfinder, Pillars of Eternity, Star Wars (Knights) Old Republic, Fallout, Mass Effect, Outer Worlds, Banner Saga и др. roleplay игры 1995-2021 годов.

Механику морали в RPG можно разделить на три основных блока элементов.

Первый блок это этические или этико-онтологические координаты либо изначальный статус вне оценки, т.е. нейтральный. Примером координат могут быть девять видов этических мировоззрений системы D&D (Dungeons & Dragons) и Pathfinder, светлая и темная сторона Силы в Star Wars, хорошая и плохая "карма" и другие. Таким образом, игрок и его герой либо находятся на старте игры в нейтральном состоянии, либо в определенной этической позиции, связанной, например, с конкретным классом из системы D&D, часть которых требует еще и конкретную этическую позицию.

Второй блок это сама сюжетная линия. Игра предлагает множество главных и второстепенных заданий с двумя или более способами решений, то есть либо варианты злой – добрых поступков, либо более сложные, не однозначные. Авторы могут создать у игрока ощущение, что он в рамках сюжета не имеет значения, например наивен и доверчив, глуп или просто «игрушка богов и судьбы». Или наоборот имеет высокий социальный статус и понимает происходящее с ним. Не зависимо от этого только решения игрока двигают игровой сюжет, только игрок ответственен за все последствия и только он является в процессе игры тем, кто решает этические задачи.

Перед игроком ставятся различные «моральные дилеммы». Функции судьбы и суда, выбор меньшего зла, выбор из двух ценностей, личных убеждений и долга, ответственность за будущее мира и персонажей игры, решение проблем окружающих, влияние героя как «сильной личности» на своих спутников и их убеждения, соблюдение правил и этики жизни конкретного сообщества, к которому принадлежит герой. Этические убеждения сообщества могут быть противопоставлены, например, индивидуальным проявлениям милосердия или справедливости от игрока. Игра практически всегда ставит перед геймером благородную цель «спасения мира», и всегда при этом поднимает вопрос допустимых средств и методов достижения цели.

Третий блок это этическая оценка решений игрока. Для этого используются такие средства как: счетчики характера поступков, смешение места героя на этических координатах, оценка решений игрока его спутниками и другими персонажами в процессе игры. Послесловие игры обычно рассказывает о ближайшем будущем мира, сообществ и персонажей, оценивает поступки игрока и через простую дуальную оценку суммы решений, и через последствия конкретных сюжетных линий, которые сам игрок должен так же оценить. В итоге и игрок оценивает свои поступки, и игра оценивает игрока, находясь часто над конкретными этическими позициями, представленными в рамках сюжета самим геймером и его героем, спутниками героя и ключевыми персонажами.

Игра, таким образом, превращается в механизм-симулятор этических решений в рамках динамического нарратива игры, любые действие игрока оцениваются как минимум с позиции добро\ зло. А возможность повторных прохождений игры иначе, отыгрыша другой роли, другого выбора входе сюжета, сочувствия персонажам игры фактически учат, побуждают игрока думать о правильности/этичности своих поступков, вырабатывают рефлексию над этической стороной любых своих решений и действий.

Шпеннгер Любовь Станиславовна
воспитатель, ГБДОУ №17, Санкт-Петербург

ЧУВСТВА И АФФЕКТЫ

В ПОЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПЕДАГОГА ДОО

Когда я подавляю эмоции, душа моя ведёт счёт...

Джон Пауэлл

Современный мир все больше требований предъявляет профессиональным качествам педагога. Одним из немаловажных является стрессоустойчивость. Поскольку профессия педагога обладает высоким уровнем эмоционального напряжения, то справедливо можно назвать ее стрессогенной. Здесь и информационная перегруженность, социальная ответственность (охрана жизни и здоровья), напряженность связанная с преодолением образовательных трудностей, установления благоприятных личных взаимоотношений между участниками педагогического процесса, поддержка познавательного интереса, анализ перспектив образования и воспитания, обеспечение уровня подготовки соответствующего федеральному государственному образовательному стандарту, который ежегодно пересматривается и т.д. Все эти факторы формируют некоторое аффективное напряжение, разрешаться которому в рабочем процессе невозможно. Эта невозможность разрешения эмоционального напряжения связанного с возникновением личных чувств, например, гнева в рабочей обстановке и невозможностью прожить чувство, приводит к потере связи между телом и эмоциями, что в свою очередь становится угрозой личному благополучию педагога, а также фактором скорого эмоционального выгорания, а также возникновению психосоматических заболеваний.

Профессия педагог сопряжена с глубокими социальными ожиданиями (своего рода идеализацией), а также является политически ангажированной позицией, которая подкреплена этическим кодексом, как документом регламентирующим цели экономического и внешнего статусного функционирования, вот некоторые из них: «повысить эффективность выполнения педагогическими работниками своих трудовых обязанностей», « поддерживать авторитет профессии», «воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнения в добросовестном исполнении педагогическим работником трудовых обязанностей», «избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его (педагога) репутации или авторитету организации, осуществляющей образовательную деятельность». Так педагог осмысливается в духе декартовской парадигмы, подразумевающей механически-рациональный характер организации человека и целерациональный подход к собственной активности. Поскольку эмоциональная система наиболее ранний механизм регуляции, чем разум, то на базе подавленных и непржитых чувств, могут формироваться компенсирующие аффективные механизмы, как ответ на запрет подлинной эмоциональной жизни.

Литература:

1. Акерман Д. Всеобщая история чувств пер. Гришин А. В., «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», «КоЛибри», 2018, 384 стр.
2. Лоренц К. Агрессия или так называемое зло. Пер. А. Федоров., Изд. АСТ, 2018 г. – 416 с
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. Телятников Э.М., Изд. АСТ, 2014г.- 810 с.
4. Юханисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. Пер. И. Ма-ты-ци-ной, Изд. Новое литературное обозрение, 2019 г., -320 с..
5. Кодекс профессиональной этики педагогических работников ДОО
6. Министерство просвещения российской федерации, ПИСЬМО от 20 августа 2019 года N ИП-941/06/484 О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников.

Юрьева Алла Васильевна

к.филос.н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В МИРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: АРХИТЕКТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Современный мир открывает перед человеком новые возможности и перспективы, однако он создает и новые вызовы, с которыми ранее человек не встречался. Архитектура занимает особенное место, ведь с ее помощью человек осмысливает мир и свое положение в нем. Являясь знаково-символической системой, архитектура содержит в себе глубинные мировоззренческие понятия, которые складываются исторически и включают в себя этический, религиозный, национальный, политический контекст. Все это красноречиво рассказывает нам об идеологии, этике, эстетике, типе мышления, о человеке в целом и о каждом из нас в частности.

Безусловно, в области технических знаний и материалов, строительное искусство современности находится на невероятном уровне развития. Это изменило человеческие возможности в один миг, и мы можем сегодня сооружать фантастические сооружения, но вопрос соразмерности и пропорциональности звучит в этом контексте так же современно, как и в эпоху Античности. Актуальная проблема отчужденности человека в городском пространстве отчасти связана именно с этими явлениями.

В этой связи анализ архитектурного наследия приводит к глубокому изучению не только визуального наполнения любого строительного объекта, но и почему, и каким образом, это наполнение обретает определенный культурный смысл. Объектом такого анализа может выступать соотношение внешних средств со смысловым полем архитектурного пространства, что удивительным образом проясняет понятие человека творящего и человека воспринимающего.

Процесс обустройства личного пространства в современных реалиях показывает нам удивительное сочетание экологичности и высокого технического оснащения здания. Все чаще мы видим примеры строительства небольших стеклянных домов, локализация которых находится в лесу или удаленном от города садовом участке. С чем связана такая тенденция? С одной стороны, мы понимаем, что современный человек устал от повсеместно давящего на него урбанизма и хочет уединения. С другой стороны, мы видим, что он не готов отказывать себе в привычном комфорте и удобстве. Здесь совершенно точно не стоит вопрос о возрождении руссианского «естественного человека», так как современный человек имеет тотальное погружение в ноосферу и во многом зависит от нее.

«ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ФИЛОСОФИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕТАМОДЕРНА»

материалы круглого стола

Тихонова Софья Владимировна

д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА В ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДАХ Ю.ХАБЕРМАСА И ПОСТПРАВДА МЕТАМОДЕРНИЗМА

Правовые взгляды Ю. Хабермаса являются весьма существенными топосом влияния для развития коммуникативных теорий права. Мыслитель в своей открытой концепции правогенеза, основанной на коммуникативном суверенитете делиберативной

демократии, опирается на рациональную модель публичного дискурса. Разделяя право на (первичный) институт и (вторичный) средство, Хабермас центрирует интросубъективные начала коммуникации в медиасфере. Принятие базовых норм для права-института предполагает, что все участники дискуссии признают друг друга в качестве субъектов, обмениваясь при этом ролями в процессе оценки перспектив и интересов друг друга. Универсализация общей перспективы контролируется этикой дискурса. По мнению Хабермаса, сам по себе субъект-субъектный характер коммуникации блокирует возможность манипуляций. Однако публичная сфера эпохи метамодерна конституирована в рамках логики постправды, а площадкой дискуссии неизбежно выступает цифровая медиасреда. Еще в анализе Ш. Муфф было показано, что модель делиберации игнорирует конфликтную природу демократической политики, оставляя в стороне решающую роль, которую играют «страсти» и коллективные формы идентификации в области политики. Позднее исследователи цифровых медиа неоднократно показывали, что реальность современного дискурса массмедиа основана на иррациональной мотивации и иррациональных же способах влияния, что никак не отражается моделью Хабермаса. Иначе говоря, современная повестка дня и селекция позиций в ее рамках задана не рациональной системой аргументации, а иррациональной силой эмоциональных оценок и коллективных мифов. Более того, постправда как доминирование субъектоцентрической позиции предполагает минимизацию возможностей диалога конфликтующих сторон в силу неприятия их субъектного статуса. Присоединение к позиции осуществляется за счет разделения демонстрируемых коммуникантом эмоций как самоотоджествление с коллективным Я. Хотя сам Хабермас отмечал, что публичная сфера современного капиталистического общества фильтруется и селектируется макроагентами, т.е. анализировал ее с позиций доступности точек входа, обеспечивающих репрезентацию значимых для субъектов правовых проблем, стратегии рационализации медиасферы он не рассматривал. Метамодернизм предполагает возможность одновременного принятия нескольких истин при выходе за рамки антитезы субъект-объект, что влечет за собой как минимум переосмысление статуса субъекта, а также способов выбора им стратегии рационализации собственного коммуникативного поведения. В докладе будет представлена попытка рассмотрения возможности метамодернистской рационализации публичного дискурса с учетом коммуникационной логики постправды.

РФФИ №19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире»

Самохина Екатерина Геннадьевна

к.ю.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА МЕТАМОДЕРНА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В своем выступлении я хотела бы обратиться к идейным истокам метамодернизма и рассмотреть, как отсутствие должного внимания преемственности, существующей между постмодернизмом и метамодернизмом, сказывается на слабых местах метамодернизма. Если говорить о философии права в состоянии постмодерна можно достаточно уверенно, то в так называемом состоянии метамодерна какая-то собственная философия права еще до конца не сформировалась, хотя и существуют отдельные попытки обосновать как новый метамодернистский подход к праву, так и необходимость новой философии права. Поэтому на данный момент представляется возможным описать только основные тенденции в изменении этического и правового дискурса в состоянии перехода в метамодерн.

Несмотря на то, что как культурологическое направление наибольшую известность приобрел так называемый голландский метамодернизм, на данный момент можно выделить несколько основных направлений, отличающихся друг от друга по

отдельным моментам, но как правило единых в плане отношения к постмодернизму (метамодернизм Боргманна, или философия технологии; метамодернизм Гонсалеза или теология освобождения; «черный» метамодернизм итд). Представители указанных направлений отталкиваются от отдельных идей теоретиков постмодернизма в дальнейших построениях своей теории общества, однако полностью игнорируют сам постмодерн как необходимую веху, как длительный широкий исторический и культурный период, сводя все его достижения к довольно поверхностно понятой деконструкции и отчасти к требованию «обеспечению политической корректности». Вместе с тем, по мнению исследователей, тенденция к небрежному отношению к наследию постмодернизма является только частью проблемы, которая усугубляется отсутствием должного внимания к критической теории (в том числе, критической теории права). Представляется, что в этом отношении уместна аналогия из Заметок на полях Имени Розы о том, метамодернизм сейчас нуждается в постмодернистском фундаменте, чтобы оттолкнуться от него подобно тому, как когда-то постмодернизм отталкивался от модернизма.

Несмотря на то, что отличительные черты у метамодерна имеются, они не представляются настолько отчетливыми на данный момент, чтобы говорить о новой эре по крайней мере в философии права, в этом смысле стоит полностью согласиться с тезисом современных представителей петербургской школы философии права о постепенном разворачивании постклассики. Поэтому ни в этическом, ни в правовом дискурсе мы не видим принципиальных изменений между состояниями пост- и метамодерна: это все еще разворачивание всех особенностей информационного общества, о достоинствах и недостатках которого было так мало известно в эпоху постмодерна, но которые заиграли новыми красками, например, с развитием Интернета.

Между тем, в постмодернизме место человека в информационном обществе хоть и терялось, но еще все еще можно было как-то отследить, в эпоху метамодерна же, благодаря социальным сетям и блогам, личность полностью сводится к набору данных, которые она о себе сообщает. В таких условиях, можно стать кем угодно и никто никогда не узнает, кто ты есть на самом деле, но при этом полностью перестать жить в реальном мире и быть узнаваемым только в виртуальном. В данных обстоятельствах проблема статуса личности и ее ответственности приобретает новое звучание и нуждается в более глубоком осмыслении.

Неважай Игорь Дмитриевич

д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии,

Саратовская государственная юридическая академия

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НОРМ

В докладе представлена попытка теоретического осмысления природы поведенческих норм с позиций семиотической теории норм, которую я в последние годы развиваю. То есть поведенческие нормы могут быть интерпретированы как фиксированная связь значения и знака, или смысл.

Для этой цели используется коммуникативная модель общества. Поведенческие нормы возникают в процессе совместной жизни людей, источником их выступает коммуникация. Коммуникация рассматривается как обмен услугами. Коммуникация обусловлена необходимостью людей помогать друг другу. Еще Аристотель обратил внимание на то, что в отношениях между людьми всегда существует определенная эквивалентность в обмене услугами.

Я опираюсь на результаты исследования Б. Малиновского правовой жизни первобытного общества, в которых показано, что в основе возникновения правоотношений лежат процессы эквивалентного обмена услугами, в которых складывается сложная система взаимных обязательств. Возникающие в сфере эквивалентных обменов правовые нормы отличаются от тех, которые покоятся только на силе обычая. В реализации обменов нет принуждения и насилия, поскольку в них каждый индивид реализует свои частные интересы. При этом каждый агент коммуникации осознает, что наруше-

ние взаимных обязательств оборачивается против нарушителя тем, что он вытесняется из сферы выгодного социального обмена. Требования правового закона отличаются от остальных правил тем, что они воспринимаются как обязанности одних и правомерные притязания других людей. Очень важно, что эти притязания санкционированы не только психологическими мотивами, но и определенным социальным механизмом. Взаимная зависимость людей, выражаемая в воспроизводимой сети взаимных услуг, а также в сочетании выдвигаемых участниками всей совокупности трансляций требований, становится существенной объединительной социальной силой. Другой образцовый пример эквивалентного обмена в социальных отношениях – древний закон талиона.

Вся социальная жизнь пронизана сетью эквивалентных обменов. Общий «закон взаимности» выражается в ряде различных эквивалентных социальных обменов, таких, например, как ущерб-возмещение, преступление-наказание, говорение-понимание, болезнь-лечение, обещание-ожидание, и т.д. Вся социальная жизнь как взаимодействие индивидов держится на совокупности отношений равного обмена между притязанием и признанием. Без эквивалентных обменов притязаний и признаний не существует общей социальной жизни, в которой каждый имеет право быть субъектом притязаний. В рамках такой модели социума для объяснения генезиса поведенческих норм можно применить метод анализа генезиса социальных стандартов, который был придуман Карлом Марксом в его «Капитале». Одной из ключевых идей этого анализа является демонстрация символической природы денег как стандарта выражения стоимости. Я показываю, как эта методология может быть применена к поведенческим нормам. Для этого я использую аналогию между отношениями товарообмена и обменом услугами, аналогом стоимости является притязание, а аналогом меновой стоимости – признание. В форме признания выражается притязание. Таким образом, осмысление генезиса поведенческих норм требует анализа процесса развития отношений равенства в социальном обмене притязаний и признаний, в результате которого определенная форма признания становится всеобщей символической формой выражения класса притязаний. Анализируются некоторые практические следствия рассмотренной теоретической модели объяснения возникновения норм.

Осветилская Ия Ильинична

к.ю.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург;
Санкт-Петербургский государственный университет

МОТИВАЦИЯ В ПРАВЕ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ МЕХАНИЗМЫ

В реализации права важную роль играют сложные психологические процессы его восприятия. Восприятие в свою очередь опосредуется определенной мотивацией. Безусловно, право выступает внешним регулятором социального поведения, в отличие от таких регуляторов как мораль и религия. Однако, и для правовой сферы внутренняя мотивация индивида имеет значение. Почему человек следует правовым нормам: добровольно, по убеждению или принудительно, по принуждению? В результате выбора между двумя данными механизмами (выбора, который можно назвать этическим) рождается признание права в его объективном значении.

Селезнев Илья Сергеевич

старший преподаватель Волгоградского государственного медицинского университета, аспирант Волгоградского государственного университета

ЮРИДИЧЕСКАЯ VS ФАКТИЧЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

Прудон в начале своего труда «Что такое собственность?», ставшей классической книгой на эту тему, пишет: «Я доказываю, что те, кто в настоящее время не владеет, являются собственниками». Этими словами в 1840 году открывается большая дискус-

сия о проблеме несовпадения юридической и фактической собственности, актуальной до сих пор.

С юридической точки зрения, собственность есть лишь титул. В римском праве различали т.н. “право над вещью” (*jus in re*) и “право на вещь” (*jus ad rem*). Первое давало титул собственника вне зависимости от того, в каких отношениях находится собственник со своей вещью. Эта вещь может быть в пользовании у другого лица или даже во владении другого лица, титул собственника при этом сохраняется. Такое положение дел актуально и для современного права.

Из этого видно, что, если ограничиться только юридическим понятием собственности, придется признать ее крайнюю шаткость. На это указывал В.В. Библихин в своем курсе лекций по философии собственности: юридическая собственность со всей очевидностью обнаруживает свою фактическую эфемерность во времена революций и социальных катаклизмов.

Однако тот факт, что институт собственности существовал на протяжении всей истории человечества и фиксируется антропологами и историками как в доправовых архаических культурах, так и во всех современных культурах и обществах, говорит о том, что собственность глубоко укоренена в человеческом бытии. Для того, чтобы установить основания этико-правовых аспектов собственности, необходимо выйти за пределы права и совершить феноменологическую редукцию («эпохе»), т.е. на время «взять в скобки» юридическое истолкование этого явления.

Экзистенциальная феноменология в том виде, как она разворачивается в ранней философии Мартина Хайдеггера, призывает рассматривать феномены с точки зрения фактичных способов бытия человека в мире. Такой экзистенциальный анализ показывает, что вещь распознается собственной только в том случае, когда распознается благой, а не полезной. Разница в том, что полезной вещью мы орудием для достижения иного по отношению к ней самой блага, тогда как благой вещь размыкается как не нужная ни для чего иного, кроме себя самой. Например, дом благ сам по себе, а молоток полезен для работы.

Этот вывод согласуется с традицией западной политической философии. Аристотель в «Политике» различает вещи, нужные для производства других вещей (например, ткацкий станок) и вещи, используемые сами по себе (например, одежда). Первые вещи задействованы в «*poiesis*» (производстве), вторые только в «*praxis*» (жизненной практике). Аристотель утверждает, что только второй тип вещей является собственностью.

Карл Маркс различает «капитал-функцию» и «капитал-собственность» по критерию участия капитала в извлечении прибыли. По Марксу, собственностью является имущество, не приносящее доход, т.е. то, что является конечным, а не инструментальным благом.

Однако, конечно, не всякая благой вещь является собственностью. Это необходимый, но недостаточный критерий. Для того, чтобы благой вещь была разомкнута как собственная, необходим феномен лица, которому эта вещь принадлежит. Экзистенциальный анализ показывает, что наше собственное «кто-присутствие» или самость появляется не раньше близости другого присутствия. Иными словами, «я» опознается только в сопresствии «другого». Благой вещь распознается собственной тогда, когда другое присутствие (человек) размыкается как чуждое благой этой вещи. Например, присутствие гостя в доме позволяет распознать дом как свой, а не-его. В свою очередь «гость» значит человека, не приобщенного к фактичному благоу этого дома.

Таким образом, мы останавливаемся на предположении о двух фактических чертах собственности: благой вещи и чуждом сопresствии.

Мачин Игорь Федорович

к.ю.н., доцент, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС ЖАКА МАРИТЕНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Речь идет о моральной философии Маритена (1882 – 1973), которая берет свое начало в моральной философии Фомы Аквинского.

Анализируется понимание Маритеном закона как «учителя свободы» и понимание права, которое должно служить моральному совершенствованию человека.

Рассматриваются этические концепции естественного закона и прав человека, что обусловлено фундаментальной связью, которая существует между правом и этикой.

Осмысливается методология Маритена, которая позволяет исследовать естественный закон не концептуальным образом, а через коннатуральность и ощущение.

Разбираются динамические схемы естественного закона, сформулированные Маритеном, которые исторически проявились и продолжают проявляться в разнообразных и относительных правилах поведения, «в которых разум всех народов земли выразил свое знание важнейших аспектов естественного права». Речь идет о фундаментальных человеческих ощущениях, которые определяют рамки морально человеческого поведения. Эти рамки позволяют Маритену: соотнести ценность человеческой жизни с ценностью жизни животного, определяют отношение мужчин и женщин к семейным ценностям; делают приемлемыми ограничения и запреты, которые лежат в основе совместной жизни людей, а также ограничения, связанные с сексуальной жизнью людей.

Осмысливается методология Маритена, которая позволяет исследовать естественный закон не концептуальным образом, а через коннатуральность и ощущение.

Демонстрируется влияние неомистической теории права Маритена на официальную доктрину католической церкви, что нашло свое отражение в XX веке в энцикликах римских пап.

Ветютнев Юрий Юрьевич

к.ю.н., доцент, Волгоградский государственный университет

ЕДИНСТВО ЭТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СВЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Конституирование чего-либо в качестве моральной или правовой ценности происходит именно в том случае, если по этому поводу достигается хотя бы приблизительный консенсус. При этом, учитывая сложность социальной структуры современного общества, трудно представить себе такое согласие как спонтанное, более вероятно, что оно является результатом проектирования.

Ценности не являются делом индивидуального и даже коллективного произвола, а лишь точкой пересечения типичных траекторий жизненного выбора, сводимых воедино в ходе длящейся intersubъективной деятельности.

Более детальное рассмотрение деятельностной детерминации ценностей позволяет предположить, что каждый из четырех основных элементов ценности (ценность-благо, ценность-свойство, ценность-интенция, ценность-формула) порождается соответствующим видом социальной практики.

По отношению к результирующему акту признания все эти деятельности выступают как необходимые предпосылки.

Иначе говоря, если пользоваться терминологией Г.П. Щедровицкого, схема организации практики аксиогенеза предполагает совершение нескольких видов деятельности, итоги которых необходимо объединить в виде интегративного «текста речи-мысли».

При этом, вероятнее всего, деятельностная трактовка этого процесса неизбежно выводит нас за пределы специального этического юридического знания, поскольку организация деятельности никоим образом не зависит от дисциплинарного деления научного дискурса, а в каждом случае отсылает к более сложному социокультурному референту.

Основная гипотеза состоит в том, что каждый из четырех элементов, образующих структуру правовой ценности, детерминируется каким-либо одним ведущим видом деятельности (что не исключает, разумеется, других влияний).

В свою очередь, каждый из этих видов деятельности формирует свою собственную базовую ценность.

Ценность как благо (предмет) конституируется прежде всего в такой деятельности, которая представляет собой практику обмена, где вещи конвертируются друг в друга или в свои нематериальные аналоги.

Эту идею развивал, в частности, Ф. Ницше, предполагая, что само этическое сознание «проистекало, как мы видели, из древнейших и изначальных личных отношений, из отношения между покупателем и продавцом, займодавцем и должником: здесь впервые личность выступила против личности, здесь впервые личность стала тягаться с личностью. Еще не найдена столь низкая ступень цивилизации, на которой не были бы заметны хоть какие-либо следы этого отношения. Устанавливать цены, измерять ценности, измышлять эквиваленты, заниматься обменом – это в такой степени предвосхищало начальное мышление человека, что в известном смысле и было самим мышлением...».

По сути, аналогична логика марксизма. Согласно реконструкции М.К. Мамардашвили, представления людей об объективной ценности тех или иных предметов являются проекциями в их сознании товарно-денежных отношений.

Таким образом, сам ценностный статус различных вещей и явлений проистекает из практик торгового обмена, т.е. экономической деятельности людей.

Базовой ценностью, соответствующей этому виду деятельности, является эквивалентность, т.е. симметрия обмениваемых товаров в том или ином отношении; в сфере права формой выражения этого критерия является такая ценность, как справедливость.

Донских Ангелина Александровна

обучающаяся магистратуры, Воронежский государственный университет

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ЭТИКА ПРАВА

Сегодня в научной среде не утрачивает своей актуальности проблема легитимности и этики права. Так, В. Г. Зорькин отмечает: «Правовое развитие общества невозможно – в отрыве от его исторической, моральной и ценностной основы».

Легитимность — одна из важнейших характеристик и политической власти, и позитивного права. В значительной степени она связана с возможностями формирования определенных ментальных состояний (образов, оценок, поведенческих установок) у субъектов. Легитимность права используется как некий стандарт высшей законности и подразумевает его одобрение населением в качестве справедливого порядка.

Легитимность юридического правила всегда предшествует его эффективности, то есть причиной эффективности всегда является легитимность. Именно поэтому при изучении вопроса проблем реализации права возникает закономерный вопрос эффективности как фактора легитимности права.

Для полноты освещения выбранной мной темы необходимо проанализировать и раскрыть сущность крайне любопытного и актуального процесса, который в настоящее время происходит во многих государствах мира, в том числе и в нашей стране. Этот процесс именуется юридификацией общества — это расширение сферы правового регулирования и увеличение плотности нормативного материала. Юридификация характерна для социального государства.

В настоящее время в связи с процессом юридификации общества коммуникативное действие заменяется инструментальным. Правовые нормы замещают общественные регуляторы, такие как обычаи и мораль.

Сегодня общество нуждается в делиберативной демократии. В переводе с латинского «deliberation» означает «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». Делиберативная демократия – демократия участия, так как право регулирует большинство отношений и должны быть закреплены консенсуальные процедуры, когда гражданин напрямую участвует в правотворчестве или

правоприменении. Ярким примером тому может служить медиация в гражданском процессе, восстановительное судопроизводство в уголовном процессе

Проанализировав процесс юридификации общества, мы, с одной стороны, можем выяснить, как повысить эффективность правового регулирования на основании двух ярких теорий Юргена Хабермаса (делиберативная демократия) и Николаса Лумана (аутопоэсис). С другой стороны, анализ данного процесса приводит нас к выводу о том, что нельзя видеть в процессе юридификации общества лишь негативные последствия.

Итак, проанализировав легитимность и этику права, а также эффективность правового регулирования, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, законодатель должен создавать с помощью соответствующих юридических и информационных средств такое положение, когда соблюдение закона будет выгоднее его нарушения.

Во-вторых, необходимо соединение нормативного регулирования и правоприменения, так как взятые по отдельности, они сразу начинают демонстрировать свои «слабые стороны»: нормативное регулирование без усмотрения превращается зачастую в формализм, а правоприменение без общих правил – в произвол.

В-третьих, повышение уровня правовой культуры – еще один немаловажный аспект. Он всегда будет влиять на качество правового регулирования, на процесс укрепления законности и правопорядка.

«ЛОГИКА АРГУМЕНТАЦИИ И МОДЕЛИ РАССУЖДЕНИЙ В МОРАЛИ И ПРАВЕ»

РНФ № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации

материалы круглого стола

Боброва Ангелина Сергеевна

к.филос.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет

АБДУКЦИЯ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СХЕМЫ МОРАЛЬНОГО АРГУМЕНТА В ПОЛЬЗУ СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА)

В своем докладе я показываю особенности работы абдуктивной схемы аргументации, демонстрируя свою позицию через сопоставление ее со схемой морального аргумента в пользу существования Бога.

Появление первого относительно четкого описания абдукции и ее формы связывают с именем Пирса. Он трактовал ее как амплиативное рассуждение, которое предлагает гипотезу, объясняющую непонятный факт. Структура абдукции должна соответствовать неправильному модусу условно-категорического силлогизма (для примера): «Наблюдается любопытный факт С. Однако если бы А было истинным, С было бы чем-то само собой разумеющимся. Следовательно, есть основание предполагать, что А истинно (1903; CP 5.189)».

Практически сразу трактовка абдукции стала предметом бурных дискуссий, которые некоторым исследователям даже позволяли противопоставлять абдукцию дедукции (это имело место и в случае моральной аргументации в пользу существования Бога). На сегодняшний день под абдукцией, как будет показано в докладе, стоит понимать рассуждение, предлагающее гипотезу, но сохраняющее наше незнание. Абдукция является одним из видов амплиативных рассуждений, то есть оказывается лишь частью процесса порождения нового знания, органично вписываясь в последний. Она работает на уровне единичных явлений, не предполагая обобщений.

Перечисленные особенности проясняют и место абдукции в теории аргументации, где она представлена в виде аргументативной схемы. Они позволяют, во-первых, про-

следить ее отличие от объяснения (последнее не сохраняет незнание), а во-вторых, понять, в диалогах какого типа абдуктивный аргумент чувствует себя максимально комфортно. Четкие границы еще только предстоит изучить, но на данный момент понятно, что в первую очередь речь должна идти о диалогах исследования. Более скрупулезно определить возможности абдуктивного аргумента можно через сопоставления, в том чем и через сравнение со схемой морального аргумента в пользу существования Бога. Впервые эксплицитно аргумент был сформулирован Кантом, однако я ограничиваюсь лишь общей схемой рассуждений, заметно сегодня отличающейся от своего исторического прототипа.

Несмотря на множество подходов, базовая структура морального аргумента имеет следующий вид: «Есть моральные ценности (факты) E, которые считаются истинными; Бог дает наилучшее объяснение для E; правдоподобно, что Бог существует». Этот же аргумент можно задать и через правильный *modus ponens*: «Есть истинные моральные ценности (факты) E; если есть истинные моральные ценности (факты) E, то есть и Бог, их объясняющий; Бог существует». Возможно, такая вариативность подталкивает к размышлениям о возможностях дедукции и абдукции в моральной апологетике, но я оставляю этот вопрос на уровне предположения. В своем выступлении я отстаиваю позицию, что в строгом смысле ни первая, ни вторая схемы абдуктивного шага не предполагают. Объяснение E через обращение к Богу не должно сохранять незнание (по меньшей мере в случае веры).

РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Дидикин Антон Борисович
д.филос.н., профессор,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ:

ДЕБАТЫ ОБ ИНКЛЮЗИВНОМ ПОЗИТИВИЗМЕ

В аналитической философии права второй половины XX в. правовой позитивизм претерпел необычную и несколько странную эволюцию. Если в процессе своего зарождения базовые аргументы правового позитивизма (в интерпретации Дж. Остина и отчасти И. Бентама) предполагали жесткое разделение права и морали, а также обоснование различия между источниками появления правовых и моральных обязательств, то позднее позитивистская аргументация становится более гибкой и изменчивой. Для современной дискуссии гораздо важнее найти не окончательное решение вопроса о том, поглощает ли право мораль, или же наоборот (на чем настаивают современные философы, в частности А.В. Нехаев), у права неизбежно присутствуют моральные основания, а прояснить природу различных версий позитивистской аргументации. Такой подход впервые сложился с выходом в свет в 1955 г. известной научной статьи Г. Харта «Существуют ли естественные права?», вокруг которой развернулась многолетняя дискуссия. Ключевой аргумент Г. Харта, вызвавший теоретические разногласия, состоял в том, что среди субъективных прав, конституируемых правилом признания (чаще всего нормами Конституции), можно обнаружить и такие моральные права, которые по своей природе естественные и остаются таковыми (право на свободу). Последующие «уступки» теории Г. Харта, связанные с признанием минимального морального содержания в праве, обострили дебаты вокруг методологических оснований правового позитивизма и поиски объективных моральных оснований в праве. Иллюстрацией к ним стала дискуссия Г. Харта с П. Девлином о пределах государственного принуждения с помощью уголовно-правовых мер и вмешательства в частную жизнь граждан, не завершенная до настоящего времени.

Само по себе разделение современного правового позитивизма на две ветви – эксклюзивный и инклюзивный, окончательно оформившееся в 70-е гг. XX в. с появлением ключевых трудов Дж. Раза, на первый взгляд может показаться условным. Сторон-

ники эксклюзивного правового позитивизма (Дж. Раз, А. Мarmor и С. Шапиро) полагают, что право не может включать в себя принципы, а если даже закон вдруг отсылает к принципам, то судья фактически выступает в роли законодателя, который должен с помощью толкования данных принципов урегулировать возникший правовой спор. В эксклюзивном правовом позитивизме не остается места для превращения моральных принципов в правовые, поскольку природа права проистекает из социальных фактов и особых видов источников права. Право и мораль являются разными регуляторами поведения людей, в связи с чем исключена возможность даже частичного совпадения их границ. Инклюзивный правовой позитивизм (М. Крамер, Дж. Коулман, У. Валучов и К. Химма) возникает как теоретическая позиция, допускающая концептуальную возможность использования моральных критериев для определения действия и содержания права. Наиболее оригинальное обоснование этой позиции с точки зрения судебной практики и теории семантики возможных миров можно увидеть в трудах У. Валучова и К. Химмы, а контраргументы в пользу ошибочности такой аргументации – в работах Р. Дворкина.

К. Химма в качестве критерия, определяющего природу аргументации инклюзивного правового позитивизма, предлагает обоснование тезиса о включенности морали. Сам по себе этот тезис предполагает концептуальную возможность моделирования правовой системы с моральными основаниями права, но не конкретные неопровержимые аргументы. Существуют ли корректные примеры эмпирических оснований о моральных суждениях в праве? На чем основывается предположение о необходимости обоснования инклюзивного правового позитивизма? Так, У. Валучов в качестве примера использования моральных аргументов в принятии судебных и правовых решений приводит случаи из судебной практики, корректность которых вызывает сомнения.

Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта НИУ ВШЭ «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния»

Елагин Глеб Борисович

бакалавр философии, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧНОСТЬ АРГУМЕНТОВ В ИНТЕРНЕТ-СПОРАХ: НА ПРИМЕРЕХ ДЕЛИБЕРАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Современный формат ведения делибераций неразрывно связан с обращением к различным интернет-ресурсам. Условия сетевых платформ, где весомую роль в исходе делиберации играет наблюдающая аудитория, побуждают участников дискуссии уже не на поиск наиболее выверенных с точки зрения теории аргументации аргументов, но на поиск наиболее зрелищных, емких и при этом многоговорящих приемов. Фокусом нашего внимания становится вопрос о том, где проходит грань, между тем, где аргумент является средством достижения цели в специфически заданных условиях сетевой среды, и тем, где это становится открытым призывом к конфликту.

В рамках этого вопроса одним из наиболее богатых остроосужденными поворотами делиберативного диалога представляется материал с многочисленных площадок купли/продажи, при-мером которых в отечественном сегменте служат такие площадки, как «Авито» или «Юла». Типовые ситуации – необходимость прийти к консенсусу в отношении конечной цены то-вара или услуги, – порождают типовые приемы, характерные для данной ситуации. Одним из частных аргументов на таких площадках является высказывание с использованием приема «Яжемать», принимающий вид частного случая аргумента «к человеку», «к экспертному мнению» или «от взаимосвязи к причине», что диктуется конкретным аспектом особого положения агента высказывания (так называемая «Яжемать»), которое он намерен использовать в качестве аргумента в пользу принятия его точки зрения. Таких аспектов можно выделить, по меньшей мере, три. Во-первых, основой мировоззрения представителей квазигруппы «Яжемать» служит факт, что ма-теринство формирует широту знаний в сфере житей-

ского опыта, в связи с чем полагается, что мнение «Яжематери» в этой сфере может выступать в качестве экспертного. Во-вторых, как известно, материнство сопряжено с экономическими трудностями и в то же время положительными санкциями (стипендиями, выплатами и проч.) со стороны государства, что порождает ожидание определенных преференций со стороны «Яжемать» в вопросах предоставления ей материальных благ или услуг. И, в-третьих, имеется определенная связь между выполнением социально значимой роли и воспитанием социально одобряемых качеств, что позволяет «Яже-матери» заподозрить отсутствие таковых в своем оппоненте, если тот не имеет соответствующего опыта.

Встречающиеся ссылки на каждый из этих аспектов, однако, редко представлены в явном виде. Морально-обязывающий компонент высказываний такого рода должен быть считан собеседником как бы «между строк», а реконструкция имплицитного содержания аргумента остается на усмотрение оппонента. Именно в связи с этим фактом ситуация использования приема «Яжемать» в диалоге представляется дискуссионной с этической точки зрения.

Исследование эффективности аргументов с использованием «Яже-мать» на ряде конкретных примеров сетевых делибераций показало, что их успех базируется на: 1) рефлексивном и критическом отношении к неявному содержанию посылки аргумента самого агента; 2) наличии сочувствующей ему аудитории. Поскольку исход делиберации в данном случае напрямую зависит и от того, будет ли аргумент воспринят оппонентом именно как аргумент, а не оскорбление, есть основания полагать, что те же пункты являются компонентами этического взгляда на конкретную ситуацию использования «Яжемать». Этим предлагается ответить на вопрос, что именно формирует границы корректного применения аргументов такого рода в интернет-дискуссиях.

РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Лисанюк Елена Николаевна

д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ДЕЛИБЕРАТИВНЫХ АРГУМЕНТОВ

Делиберативная, или практическая, аргументация – это аргументация о действиях, о том, что делать или как поступить в той или иной ситуации, в отличие от теоретической аргументации, где посредством аргументов стремятся преодолеть расхождение во мнениях по поводу истинности какого-либо предложения. Современные ученые выделяют три цели, ради которых прибегают к аргументации:

- (1) выяснить что-либо, устранив сомнения в связи с каким-либо утверждением;
- (2) достичь согласия или компромисса, преодолев расхождение во мнениях;
- (3) разрешить или поставить под контроль конфликт, уточнив позиции сторон.

Делиберативная аргументация используется в связи с целями (2) и (3), а дискурсивная – в связи со всеми тремя целями. Оценка делиберативных и дискурсивных аргументов самих по себе, а также и в отношении их вклада в спор в ходе поиска и отбора его решений различаются. В частности, для оценки дискурсивных аргументов обычно используют инструменты формальной логики, но их пригодность для оценки делиберативных аргументов существенно ограничена недескриптивным характером элементов их строения, а также другими свойствами. Вместе с тем в практической деятельности людей такие аргументы играют важную роль в силу распространённости в общественной жизни задач, подразумевающих цели (2) и (3). По этим причинам методология оценки приемлемости делиберативных аргументов является актуальным вопросом в современных исследованиях аргументации.

Значительную часть делиберативных аргументов можно отнести к нормативным и назвать моральными и правовыми, но не потому, что они используются в праве или морали, что свойственно или теоретическим аргументам, а в силу того, что в обоб-

вании заключений они ссылаются на нравственные или юридические нормы или правила. Подобная ссылка является необходимым признаком делиберативного аргумента, а его достаточным признаком выступает акциональный характер заключения, фиксирующий намерение рассуждающего агента придерживаться предъявляемой в нем линии поведения в условиях, сформулированных в посылках.

Акциональный характер заключения указывает на то, что приемлемость делиберативных аргументов не является формальной и не может быть связана исключительно с их логической формой, истинностью посылок или отношением логического следования между посылками и заключением. Корректность и обоснованность делиберативных аргументов невозможно оценивать относительно дедуктивного идеала. Строение делиберативных аргументов неспецифично, в них, как и в прочих аргументах, дедуктивных или недедуктивных, нетрудно найти посылки, заключение и демонстрацию, однако не представляется возможным установить отношение следования между недескриптивными элементами их строения – посылками, выражающими нормы, и акциональным заключением.

Существует два пути для определения приемлемости делиберативных аргументов, диалектический и абстрактный. Первый из них вытекает из понятия правдоподобного аргумента, представляющего собой недедуктивное отменяемое рассуждение. В правдоподобных аргументах заключение выводится из допущения – предположения о чем-либо в ситуации неполной или не вполне достоверной информации, включая предположение об истинности какого-либо предположения. Такое допущение зиждется на отсутствии информации об обратном и должно быть отброшено вместе с выведенным из него заключением, если и когда поступит новая информация о том, что оно неверно. В современной теории аргументации правдоподобные аргументы классифицируют и оценивают относительно схем аргументации – специфической зидержательной связи посылок и заключения. Понятие схемы аргументации было предложено в XX в. в риторическом подходе к аргументации, оно наследует уходящей корнями в античность традиции изучения топов как приемов убедительной аргументации.

С делиберативными аргументами чаще всего связывают две схемы аргументации: к последствиям, негативным или позитивным, и на основе правила. На схемах к последствиям основаны аргументы следующего строения:

Посылка цели: цель G желательна.

Условная посылка: чтобы достичь цели G, нужно выполнить C \ воздержаться от выполнения C.

Посылка действия: выполнение C реально, хорошо и безвредно \ нереально, плохо, вредно.

Заключение: для достижения G следует выполнить C \ воздержаться от выполнения C.

Схема на основе правила обычно применяется для обоснования действий в определенных ситуациях, развитие которых ведет к последствиям, наступления которых желательно избежать, следуя принятому для таких случаев правилу, либо, напротив, способствовать ему, также руководствуясь каким-либо общепринятым правилом. Например, если совершено преступление, то требуется защитить пострадавших, найти и наказать преступника и т.д., а если принято решение, как-то судебное, личное и т.д., то его нужно реализовать. На схеме на основе правила основаны аргументы следующего строения:

Посылка ситуации: имеется ситуация S, которая влечет C.

Условная посылка: чтобы обеспечить \ избежать C, нужно придерживаться правила R.

Посылка правила: правило R общепринято \ установлено моралью, законом и т.п.

Заключение: в ситуации S нужно придерживаться правила R.

Приемлемость правдоподобных аргументов проверяют при помощи критических вопросов относительно воплощенных в них схем аргументации. Например, в схеме к последствиям задают вопросы о вероятности достичь G при помощи C в основном

посылке или о достоверности оценки С в посылке действия, а в схеме на основе правила – о существовании или легитимности правила R. Проверка при помощи критических вопросов ставит дилеберативные аргументы в один ряд с дискурсивными, что сближает диалектический подход к аргументации с логическим подходом с той разницей, что в последнем случае проверка производится относительно дедуктивного идеала, воплощенного в логических законах, а в первом случае единого идеала нет, и для каждого вида аргумента в зависимости от демонстрации критические вопросы формулируются специально.

При этом множество аргументов, не связанные с G, отбрасываются как нерелевантные. Преимущество абстрактного пути перед диалектическим состоит в возможности осуществить поиск и отбор решений спора через подсчет приемлемых аргументов в нем, а его ограничением выступает содержательный характер связи аргументов с G, превращающий G в константу. Другим ограничением служит затруднительность использования относительной системы аргументации в случаях аргументации с целью (3), когда в споре обсуждается избрание цели из множества целей, релевантных для преодоления конфликта. g атакует y, то g был атакован аргументом j, что если y, в защиту которого найдется такой аргумент j. Второй путь определения приемлемости дилеберативных аргументов основан на логике аргументации и абстрактном подходе к аргументации. Он рассматривает дилеберативные аргументы как относительные в связи с целью, что превращает их заключения в условные утверждения о действиях (Чтобы достичь G, нужно сделать C), в отличие от безотносительных дискурсивных аргументов, заключения которых могут быть как условными, так и безусловными утверждениями. Приемлемым относительно G в предложенной нами ранее относительной системе аргументации называют аргумент

Две цели дилеберативной аргументации (2) и (3) связаны двумя типами обоснования в ней. Это конкуренция обоснований, когда аргументация сводится к отбору наилучшего способа достижения поставленной цели путем выявления наилучшего обоснования в конкуренции обоснований для такого способа (намерения), или конкуренция целей, которую иногда называют спором о повестке, т.е. о том, какая цель наилучшим образом позволит разрешить конфликт или трудность, содержащуюся в описании исходной ситуации.

Конкуренцию целей мы предлагаем рассматривать как составной дилеберативный спор, включающий два или более спора по поиску наилучшего обоснования и, как правило, один или больше дискурсивных споров по поводу начальной или желаемой ситуации. Такой подход позволит свести спор с дилеберативными аргументами с целью (3) к множеству споров с целями (1) и (2), приемлемость аргументов в которых можно оценивать при помощи классической или относительной систем аргументации. РФФИ №20-011-00485 «Дилеберативная аргументация между рассуждением и действием»

Медведев Вячеслав Альбертович

к.филос.н., доцент, Уральский федеральный университет
им.первого Президента России Б.Н.Ельцина

УЧЕБНЫЙ КУРС «ТЕОРИЯ МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ» И ЕГО РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ ПРИКЛАДНЫХ ЭТИКОВ

«Теория моральной аргументации» – учебная дисциплина, в рамках которой теоретико-методологический потенциал современной философии языка, будучи проявлен в концептуально многосоставном пространстве этического знания, оказывается задействованным для формирования у студентов способности сопоставлять и анализировать разные типы аргументации, интерпретировать и соотносить друг с другом ценностные, нравственно-этические позиции, выявлять ценностные основания моральной аргументации в конкретных условиях реализации нравственных отношений, интерпретировать этические парадоксы, анализировать и вырабатывать практические решения моральных дилемм.

Обращаясь к теории моральной аргументации как самостоятельному предмету обсуждения, необходимо прежде всего отметить: если понимать под теорией сформировавшуюся систему знаний, представленную в виде строго согласованных понятий, суждений и умозаключений, выражающих устойчивые связи явлений в определенной сфере, то такой теории моральной аргументации не существует. Однако под теорией также понимают размышления по тому или иному вопросу, соответствующего феномена и обсуждение тех исследований, которые ему посвящены. В этом смысле теория моральной аргументации есть, и представлена она множеством исследований, напрямую или опосредованным образом связанных с данной проблемной областью.

Соответственно, предметом обсуждения в данном случае является теоретическая и методологическая работа, направленная на осмысление и систематизацию того материала и дискуссий, которые связаны с соответствующим феноменом.

Далее, моральная аргументация как феномен допускает двоякую трактовку. Во-первых, это обоснование так называемого «морального аргумента». Это традиция исследований, посвященных проблеме соотношения морали и рациональности. Во-вторых, это неотъемлемая составляющая мышления и деятельности людей, заключающаяся в ценностном оправдании, обосновании поступка, осуществляемого человеком выбором, действия.

С одной стороны, это два разных понимания, а с другой – два слоя существования одного и того же феномена, каждый из которых при этом включает в себя еще и дополнительные «прослойки». Другими словами, моральная аргументация – феномен многослойный. И это определяет его сложность и неоднозначность, его богатство и содержательность как объекта исследования. Моральная аргументация разворачивается в широком диапазоне процессов, начиная с уровня нравственной интуиции, зарождающейся где-то на грани «бес- (или пред-) сознательного», и вплоть до уровня метаэтической рефлексии по поводу концепций, обосновывающих рациональность или иррациональность морали. И задача характеризуемого курса заключается в том, чтобы осмыслить этот культурный феномен во всем богатстве его содержания, понять из чего он состоит и как связаны его составляющие между собой, как он взаимодействует с другими феноменами культуры на том или ином этапе развития.

С точки зрения профессиональных задач, стоящих перед прикладным этиком, обозначенная тематика интересна постольку, поскольку ему необходимо понимать, чем руководствуются люди, совершая тот или иной поступок, выбирая ту или иную линию поведения, что представляет собой когнитивная основа мотивационной структуры деятельности, как соотносятся между собой нравственные ценности и осуществляемые человеком действия, разные уровни его мышления и деятельности. Знание подобных механизмов, способность распознавать и интерпретировать модели нравственного выбора, лежащие в основе социального действия, помогает решать практические задачи, стоящие перед прикладным этиком: способствовать развитию нравственных ценностей, общественной солидарности, развивать мотивационную сферу деятельности, совершенствовать нравственный климат коллектива, сопровождать процессы трансформации моральных норм и, что самое главное, отдавать себе отчет в том, что и для чего он делает, каковы последствия его действий, а также мера его профессиональной ответственности.

Микиртумов Иван Борисович

старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ДИСКУССИИ ПО НАУЧНЫМ ВОПРОСАМ

Научные теоретические вопросы не являются интактными по отношению к морали, если они становятся предметом дискуссии, и если от их решения зависят практические следствия. Так, обсуждение основ права, принципов политического устройства, систем отношений между человеком и окружающей средой теоретическая модель всегда является либо ценностно нагруженной, либо влияющей на вероятность приня-

тия тех или иных решений. Моральный аргумент влияет на выбор как самой модели, так и её специфических черт, поскольку вводит в рассмотрение соотношение благ, проистекающих от практических последствий того или иного выбора, – риски, возникающие при следовании конкретной модели соотносятся с рисками при следовании другой. Моральный аргумент становится средством контроля дискурса не всегда, но в ситуации, когда дискуссия носит публичный характер и выбор оценивается не специалистами, а властными авторитетами и публикой. В некоторых случаях теоретическое построение само по себе может восприниматься как по своему содержанию морально одобряемое или же, наоборот, морально осуждаемое. Делиберация, таким образом, подчинена стремлению к научному правдоподобию, скорректированному принуждением к следованию моральной норме. Социальная практика являет огромное количество примеров ошибочных теоретических построений, выбор которых был продиктован моральными аргументами. Система противодействия им основывается на теории ошибок, в которой реальности сопоставляется её двойник, отражающий доминирующие моральные установки, и в которой ошибка возникает при замещении рациональной аргументации моральной или при значительном вмешательстве последней. Сама эта теория также становится предметом моральной критики, что открывает ряд метапозиций, с которых ведётся спор между ценностным нормативизмом и принципом рационального обоснования объективности, все установки которого также опираются на моральную аргументацию.

РФФИ №20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Pavlova Alexandra

PhD Student, Technischen Universität Wien

GAMES FOR MANY-VALUED LOGICS AND AGENCY

We discuss the perspectives of using game approach to logic in the context of agent diversity. We discuss a variant of semantic game, i.e., a game that deals with truth in a model, namely Giles game. Giles's game was initially suggested for the Lukasiewicz infinitely-valued logic which initially had an experiment-based interpretation. It was motivated by the need to account for logical reasoning in physical theories. Atomic statements represent experiments that have fixed probability of a positive outcome. The idea is that players bet on the expectations related to those experiments, i.e. they agree to pay 1 euro for each incorrect statement. A player asserting the initial formula (whom we call a Proponent, or P) wins a game if they expect no loss of money (i.e., P either pays the same amount to O (Opponent) as O pays to P or P even gets some money from O).

We introduce a variation of Giles's game that captures the semantics of Slaney and Meyer's Abelian logic which also corresponds to one of the comparative logics proposed by Casari. The Giles's game is a two-player zero-sum game which can be seen as a valuation game, i.e. semantic game that determines truth in a given model. The model is represented by the risk assignments for each formula. Giles's game is of a particular interest as it combines two types of games:

— Games determining truth on a model, like Game-Theoretical Semantics of J. Hintikka;

— Lorenzen's dialogue games determining validity.

We prove that this game is adequate to the Abelian logic. The game can be extended to the one allowing for the disjunctive strategies. Proponent's winning strategies for some formula F in the game for Abelian logic A with disjunctive strategies correspond to a derivation of the formula F in the hypersequent calculus GA.

The main focus is on possible interpretations of the game as a dialogue between agents. One of the interpretations involves a reference to different types of agents. By different types of agents, we understand agents with diverse cognitive presumptions and capabilities. This reflects the idea that different agents can be encoded by a game (dialogue) semantics

and truth (and validity) can be seen as a product of different types of communications between agents, establishing the relation between various types of moves available to the players and the resulting type of rationality. A slightly different interpretation suggests that players reason about the resources/costs and budgeting. As the value might be negative, it is natural to think of these assets as securities (i.e., tradable financial assets).

РФФИ №20-011-00485 А «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

Тимошина Елена Владимировна, д.ю.н., профессор
Грачева Анастасия Вячеславовна, преподаватель
Сошникова Дарья Александровна, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

АРГУМЕНТЫ РЕАЛИЗМА И ФОРМАЛИЗМА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО И КОНВЕНЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ПРАГМА-ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Развитие во второй половине XX века институтов конституционного и конвенционного правосудия обострило противостояние двух стилей (стратегий) судебной аргументации – формализма и реализма. Судебный формализм (например, в современном варианте К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина), демонстрирует верность идеалу строгого нормативного обоснования решения, которое может быть реконструировано как дедуктивный вывод. Судебный реализм, напротив, считает возможным для судьи апеллировать к метаюридическим аргументам, пренебрегая идеалом нормативного обоснования решения и не усматривая в этом угрозы для его легитимности. Если формализм, с точки зрения его оппонентов, связан с риском вынесения несправедливых решений, то реализм в его несценном нормами права поиске справедливости провоцирует, по мнению формалистов, риски судебного произвола.

В доктрине предложены признаки формалистического и реалистического стилей судебной аргументации, однако они в большей степени характеризуют их теоретическое ядро, оставляя за скобками вопрос о том, какие именно используемые судом аргументы могут быть соотнесены с двумя стилями судебной аргументации. Вместе с тем общим местом в литературе является мнение о том, что доминирующим стилем аргументации Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) является формализм, в то время как Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) практикует реализм. Однако эксплицитное обоснование данной позиции с опорой на специфические аргументы, используемые данными судебными органами, отсутствует.

Задача эмпирического исследования состояла в том, чтобы на основе теоретических признаков формализма и реализма, с одной стороны, и методологии прагма-диалектического подхода Д. Уолтона – с другой, выделить в судебных решениях КС РФ и ЕСПЧ аргументы в качестве индикаторов стилей судебной аргументации и тем самым верифицировать их признаки, выделяемые в доктрине.

В результате исследования 315 решений КС РФ и 327 решений ЕСПЧ, отобранных в соответствии с несколькими принципами выборки (хронологический критерий, дела High Importance и др.), выявлены аргументы, наиболее типичные для каждого стиля аргументации, а также смешанные аргументы, которые могут относиться как к реализму, так и к формализму в зависимости от контекста их использования в судебном решении. В частности, обосновано, что индикаторами формалистического стиля судебной аргументации являются следующие аргументы: из установленного правила, из экспертной оценки, из причины к следствию, от противного, a fortiori, ad absurdum, из экономии, из согласованности права, из полноты права, системный аргумент; маркеры реалистического стиля судебной аргументации – это аргументы из примера, из популярной практики / популярного мнения, из позиции знания, из доктрины, а также телеологический и справедливый аргументы. К смешанным аргументам отнесены аргументы из прецедента, из классификации или определения, из последствий (extra legem или intra legem), из аналогии, из авторитетного источника.

Предложенная типология аргументов формализма и реализма дополнена тремя собственно юридическими критериями, позволяющими идентифицировать соответствующие стили судеб-

ной аргументации, – это критерии полномочия, последовательности правовых позиций и учета нормативного содержания. Соответственно выход суда за пределы полномочий, например, – ЕСПЧ при осуществлении эволютивного толкования, отступление суда от собственных ранее сформулированных правовых позиций, избирательный учет судом нормативного материала, релевантного фактам дела, будут указывать на практикуемый органом юстиции реалистический стиль.

Таким образом, на основе полученных в рамках исследования результатов предложена методология, позволяющая идентифицировать формалистический и реалистический стили судебной аргументации.

Фатиев Никита Игоревич

д.филол.н., профессор

Северо-Западный институт управления,
Российская академия
народного хозяйства и государственной службы

НАИЛУЧШИЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ ЛЕЙБНИЦА И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Теодицея Лейбница, явившись эвристическим подспорьем для будущей семантики возможных миров, как известно, была решительно отвергнута Вольтером на основании сравнения ее с практическим опытом человечества. Однако, интересно оценить концептуальную аутентичность предложенной немецким философом схемы, не привязывая ее к объективной реальности. Первый возникающий вопрос – об этической соизмеримости миров. Для Лейбница они всегда соизмеримы и общая логическая модель их отношений – пирамида, где вершина лучший из возможных миров. Но эта пирамида со странностями, у нее нет ровной горизонтальной поверхности, ибо нет совершенно одинаковых в этическом смысле миров. Само отношение между мирами «Х лучше, чем Y» иррефлективно и несимметрично, оно транзитивности разговор будет позже. Сам Лейбниц испытал бы дискомфорт, если бы выяснилось, что что два возможных мира способны быть идентичными в моральном отношении и выбор между ними возвращает тему ненавистного ему буриданова осла. Такой вариант не соответствовал бы сформулированному им закону достаточного основания и противоречил бы принципу детерминизма, а Лейбниц принимает, хотя и с некоторыми оговорками, данный принцип. Но есть современные авторы, которые считают, что выбор лучшего из миров мог бы осуществляться вообще с помощью *random divine choice* [Groter S. *Incommensurability and the best of Possible Worlds // Monist. 1998. V.81 p.16*].

Очевидно, что последнее противоречит позиции Лейбница в трех основных аспектах: 1) он никогда не принял бы случайный выбор как Божественный. 2) философия семнадцатого и восемнадцатого веков еще не рассматривала всерьез идею плюрализма моральных ценностей. 3) его отрицательное отношение к теме буриданова осла явно закрывает само условие – возможность наличия равновесного выбора. Напомним его мысль: «Случай с Буридановым ослом, находящимся между двумя охапками сена, равно привлекающими его в ту и в другую сторону, есть вымысел. не имеющий места во вселенной» [Лейбниц Г. *Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла. М., 2017. С.159*].

К сожалению, в этом великий немецкий философ не прав. Пример из конца двадцатого века, описанный в истории Фолклендской войны называется - Гибель эсминца «Ковентри». В кратком пересказе это выглядит так: ...первую пару «Скайхоков» (истребитель -бомбардировщик ВВС Аргентины американского производства) засекли в зоне действия ЗРК (зенитно - ракетного комплекса) эсминца. Но РЛС, отвечавший за наведение ракет «СИ Вулф», неожиданно для своих операторов, изобразил Буриданова осла. СУО (система управления огнем) комплекса захватила обе цели, программное обеспечение никак не могло решить, какая из них является приоритетной... В итоге эсминец «Ковентри» на дне морском...

Но для нас важна разница в характере выбора – осел или программное обеспечение это одно, а человек? Современное прочтение темы может касаться проблемы человеческого выбора между рационально несоизмеримыми этически мирами. Понятно, что такой выбор не равносителен выбору между рационально рассматриваемыми альтернативами. Последний случай как раз и подчиняется закону достаточного основания, проблема лишь в том, что эти основания в каком - то случае могут (для компьютера) быть тождественными. Но человек способен увидеть этическую

несоизмеримость возможных ситуаций(миров). Последняя не позволяет создать «универсальную линейку» для оценки морально этических свойств человеческих поступков, а значит и применить знаменитое «*calculamus*» Лейбница. Чувствуя проблему, он утверждал «предустановленную гармонию», позволяющую заранее расставить миры на основе отношения «лучше, чем». Но и здесь не все просто с точки зрения структуры, которая может возникнуть.

Обозначим отношение «мир *wx* лучше мира *wy*» в виде « $wx \rightarrow wy$ ». Как при этом будет выглядеть суждение «*wx* – наилучший из возможных миров»?

Если *W* – множество возможных миров, то $wx \in W$. При этом для всякого *wy* принадлежащего *W* ($wx \neq wy$)&($wx \rightarrow wy$), Но легко заметить, что здесь не предусмотрен случай цикла.

То есть $wx \rightarrow wy$, $wy \rightarrow wz$, $wz \rightarrow wm$, $wm \rightarrow wn$, $wn \rightarrow wq \dots wq \rightarrow wx$.

Что мы имеем в этом случае? Отношение « \rightarrow », то есть «лучше, чем» работает, но выделить с его помощью лучший из миров не получится. Более того, нет гарантии, что образуется один цикл конечной длины, ибо количество возможных миров может быть бесконечно. При этом само отношение « \rightarrow », продолжая оставаться иррефлексивным и несимметричным, теряет свойство транзитивности. Если миры образуют цикл, то для любого и каждого из них найдется тот, который будет его лучше. А если в модель добавить еще отношение несоизмеримости, пусть даже в слабой форме, то можно показать, что она способна распасться на несколько циклов.

Разумеется, поскольку у Лейбница миры генерируются высшим разумом, то подобная модель не будет иметь места. Но, например, в секуляризованном мире модальной семантики Д.Льюиса она вполне осуществима.

Фролов Константин Геннадьевич
к.филос.н., научный сотрудник,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» **ПРОБЛЕМА WISHFUL THINKING ДЛЯ НЕКОГНИТИВИСТСКОГО ПОДХОДА К МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ**

Некогнитивизм как метаэтическая позиция представляет собой сочетание трёх аспектов. Таковыми выступают:

- метафизический аспект, т.е. тезис о том, что моральных фактов не существует;
- семантический аспект, т.е. тезис о том, что моральные высказывания не выражают пропозиций, не способны быть ни истинными, ни ложными, а потому не имеют никаких условий истинности;
- прагматический аспект, т.е. тезис о том, что произнесение моральных утверждений говорящим имеет целью не выражение агентом присущих ему убеждений и не намерение породить какие-либо убеждение у слушателя, а выражение неких некогнитивных ментальных состояний говорящего.

Некогнитивными называются ментальные состояния агента, содержание которых не обязано подвергаться ревизиям и пересмотрам со стороны рационального агента в результате получения свидетельств о несоответствии этого содержания положению дел в мире. Типичным примером такого рода состояний являются желания. Если агент хочет чтобы некое положение дел имело место в мире, а мир этому желанию не соответствует, то такое несоответствие необязательно должно приводить рационального агента к ревизии его установки. Скорее наоборот, оно может побудить его оказать некое воздействие на окружающий мир с тем, чтобы привести его в соответствие с его установкой. Это отличает состояния желания от состояния убеждения, поскольку в случае убеждений несоответствие содержания убеждения положению дел в мире является основанием для рационального пересмотра такого убеждения.

Одна из фундаментальных проблем для некогнитивизма состоит в том, что любой моральный аргумент, заключающий к тому или иному факту на основании посылок, хотя бы одна из которых представляет собой моральное утверждение, является, с точки зрения некогнитивизма, выводом из некогнитивного состояния говорящего (из его желания/осуждения/предписания). Логическая форма такого вывода оказывается аналогичной выводу на основании wishful thinking (вывод на основании желания).

В докладе будут представлены аргументы противоположных сторон (Чиана Дорра [1] с одной стороны и Джеймса Ленмана [2] и Роберта Мабрито [3] с другой) по вопросу о том, является

ли некогнитивистская трактовка моральной аргументации как wishful thinking свидетельством против некогнитивизма или же нет.

Литература

1. Dorr C. Noncognitivism and Wishful Thinking // *Nous*, 2002, Vol. 36, pp. 97–103.
 2. Lenman J. Noncognitivism and Wishfulness // *Ethical Theory and Moral Practice*, 2003, Vol. 6(3), pp.265-274.
 3. Mabruto R. Are Expressivists Guilty of Wishful Thinking? // *Philosophical Studies*, 2013, Vol. 165, pp. 1069–1081.
- РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Хамидов Алишер Асламович

инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет **ПОЗИЦИЯ, ТОЧКА ЗРЕНИЯ И МНЕНИЕ АГЕНТА В АРГУМЕНТАЦИИ**

В естественном языке такие понятия, как мнение, точка зрения и позиция являются трудно-различимыми и носят взаимозаменяемый характер. Этот факт создает трудности при их изучении, поскольку данные понятия – с точки зрения аргументации не являются тождественными. Понятия мнения, точки зрения и позиции тесно связаны с когнитивным агентом аргументации – интеллектуальной абстракцией, объединяющей в себе мнения, желания и намерения агента, а также его знания и ценности.

Так, позиция – это упорядоченное множество аргументов, организованное между собой при помощи отношения поддержки. Противоположные между собой позиции могут быть упорядочены с помощью отношения атаки. Если спор состоит из одной позиции, можно говорить, что мы имеем дело с обоснованием – если из двух и более, связанных между собой отношением атаки, то мы имеем дело с убеждением. Диалог имеет своей целью показать аргументативную состоятельность позиций сторон. Позиции при этом можно дополнять новыми аргументами, поддерживающими существующие аргументы и атакующими элементы противоположной позиции. В зависимости от типа расхождения во мнениях позиция может быть убедительной (при убеждении) или состоятельной (при обосновании).

Точка зрения является одним из аргументов на аргументационной структуре – к ней направлены отношения атаки и поддержки других аргументов. Сами же точки зрения оказываются последними звеньями в цепочке отношений поддержки и атаки. Мнение и некоторое утверждение составляют точку зрения.

Мнения сами по себе не являются непосредственными элементами аргументационной макроструктуры. Они выступают своего рода «строительными блоками» аргументов, выступая в роли посылок. Мнение – это пропозициональная установка агента, которая показывает отношение агента к пропозициональному содержанию. Существуют положительные, отрицательные и нейтральные мнения.

Агент в ходе аргументации может менять свое мнение, тем самым преодолевая расхождение во мнениях, если таковое имеется. Таким образом, очевидно, что мнение носит динамический характер и подвержено изменению в зависимости от изменения ментальных состояний агентов. Сами мнения не упорядочены отношениями поддержки и атаки, поскольку они не выступают в качестве аргументов. Но они могут являться мишенями для критики аргументов – в том случае, если речь идет о подрыве или опровержении.

Таким образом, становится ясно, что все эти понятия расположены на разных местах в иерархии аргументации или на разных её уровнях. Позиция и точка зрения являются частями аргументационной структуры. Точка зрения выступает, в свою очередь, в качестве ключевого элемента позиции, вокруг которого и выстраивается последняя. Мнение же занимает самый низкий уровень, выступая как часть аргумента.

РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

«ЭТИКА МОЛОДЕЖИ И ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

При финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научных проектов №21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этическое представления и политические установки» №21-011-31294 «Государственная политика в сфере науки и технологий: разработка модели управления человеческим капиталом»

материалы круглого стола

Баранова Татьяна Владимировна,

ассистент, Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Процесс цифровизации постепенно проникает во все сферы общественных отношений и все то, что относительно недавно казалось новым – сегодня уже является реальностью. Цифровизация также стала частью избирательного процесса. Так, 17-19 сентября на выборах депутатов Госдумы, а также в региональные и муниципальные органы власти в семи субъектах РФ было проведено дистанционное электронное голосование. В силу специфики электронного формата наиболее заинтересованы в нем представители молодежи.

Молодое поколение всегда отличалось более выраженными реакциями на радикальные и эволюционные изменения, происходящие в стране и мире. Молодежь активно позиционирует себя в публичном пространстве, в том числе в политическом и гражданском поле. Исследование отношения молодежи к преобразованиям, связанным с внедрением цифровых технологий в разные сферы жизни, представляет особую важность. Многочисленные исследования показывают, что молодежь изначально в большей степени объективно ориентирована на будущее, а влияние насыщенности среды обитания цифровыми средствами в период взросления позволяет предположить большую готовность к внутреннему принятию идей цифровизации общества и своего места в этом обществе. Но при этом открытым остается вопрос о доверии к онлайн-голосованию и цифровой этике.

Опираясь на исследование и опрос студентов нижегородских вузов о восприятии ими самого феномена «цифровизации», можно сделать несколько выводов. 50% студентов оценивают цифровизацию продолжительно, апеллируя к новым возможностям, прогрессу и оптимизации трудовой деятельности. 11% студентов не могут однозначно оценить данный феномен. С их точки зрения, активное развитие цифровых технологий может негативно сказаться на межличностном общении и просто его вытеснить (21%), некоторые высказывали мнение о том, что это способствует манипуляции общественным мнением и контролю (7%) [Исследование проведено в 2020 г. в Нижегородском государственном университете]. В этой связи интересно не только рассмотреть отношение молодежи к цифровизации, но к внедрению подобных технологий в избирательный процесс.

Анализируя данные социологических опросов, проведенных на эту тему ВЦИОМ, можно сделать вывод о том, что мнения молодежной аудитории в вопросе полезности и эффективности электронного голосования поляризуются. С одной стороны, молодежь более активно вовлечена в цифровой избирательный процесс. С другой же стороны, существует четкий запрос не только на распространение практики онлайн-голосования на всю страну, но и запрос на безопасную и корректно работающую электронную избирательную систему.

Таким образом, вопрос этической стороны цифровизации избирательной системы остается открытым. Наряду с заинтересованностью в цифровизации избирательного процесса молодежь лучше осознает и возможные риски таких нововведений: сниже-

ние доверия к институту выборов, риск утечки данных избирателей, технические сбои.

Волкова Анна Владимировна, д.полит.н., профессор
Кулакова Татьяна Александровна, д.полит.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

ГРАНИ ЦЕННОСТНОГО РАЗЛОМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Выявление характеристик и определение роли цифрового вигилантизма в процессе формирования публичных ценностей в современной России в контексте оценки риска захвата гражданского общества в условиях цифровых трансформаций публичной политики представляется важной научной задачей. Скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве, представляющие собой реакцию на действия или моральное возмущение, приобретает все больший размах по мере развития платформенного взаимодействия. Важно оценивать это общественное движение во всем многообразии его проявлений: как для обоснования возможных путей противостояния агрессивным сетевым инициативам и пропаганде «негражданского» характера общественной активности, так и для формирования институтов поддержки и обеспечения государственной управляемости.

Ценностная компонента становится фактором формирования молодежных групп в сетевом обществе, что сказывается на изменении национальной ценностной парадигмы. Исследование Холдинга Ромир на основе данных Romir Single Source Panel (09.07.2021) показало рост доверия среди всех возрастных групп акторам блогосферы (инфлюенсерам). Среди лидеров общественного мнения в социальных сетях нет ни одного политика или государственного чиновника, в основном это представители шоу-бизнеса и развлекательной сферы. Определение рейтинга тех инфлюенсеров, которые вызывают доверие молодежи 2000-2007 года рождения, показывает резкий крен в сторону предельно агрессивных представителей блогосферы, ни один из которых не вошел в общероссийский рейтинг ТОП-10 самых уважаемых публичных акторов для всех возрастных групп. Сформирован особый контент молодежной среды, специфические жизненные предпочтения и ценности, характерные для общества потребления. Целенаправленно создаются симулякры, главной характеристикой которых является зряшное оригинальничанье. Традиционные и публичные ценности находятся на периферии массового сознания молодых людей. Это не может не вызывать озабоченность, если учесть, что модель инерционного развития России заканчивается. Новая модель Большой Идеи и Больших Проектов, которая только начала вырисовываться, может состояться только при участии молодежи, готовой покинуть зону комфорта. На создание интернет-госконтента для социальных сетей АНО «Институт развития интернета» из резервного фонда Правительства России выделено дополнительно к 3 млрд.рублей в бюджете еще 7 млрд.руб. «на формирование гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей». Предполагается, что на конкурсной основе средства будут распределены между такими крупными игроками российского медиа-рынка, как «Газпром-медиа» (радиостанция «Эхо Москвы», НТВ, ТНТ, «Матч ТВ», «Автордио»), «Национальная медиа группа, ВГТРК», Russia Today, «Яндекс». Однако, те запросы, которые уже сформированы в молодежной среде, мало переключаются с позитивной и прогосударственной повесткой, значимой для наблюдательно-го совета конкурса, возглавляемого С. Кириенко.

Между тем, формируются общественные организации и объединения, деятельность которых направлена на формирование гражданских ценностей и деятельность в интересах государства. К числу таковых относится Межрегиональная общественная организация содействия розыску и обращению имущества в собственность государства (ГосРозыск), имеющая в своем составе 42 региональные группы. Молодые люди, объединяясь на принципах самоорганизации, пройдя обучение on-line методикам поиска «утраченных» объектов и работы с архивными данными на цифровых ресурсах, легализуют и возвращают в собственность государства объекты, незаконно находящиеся в эксплуата-

ции заинтересованными лицами. Работая совместно с политическими структурами и государственными органами, 4 тыс. человек смогли вернуть государству имущества на миллиарды рублей. Деятельность организации ГосРозыск по поиску и возврату собственности государству ведется не только в России, но и в Европе. Стремление здоровой и активной части молодежи к реализации гражданских представлений о справедливости, ценностей порядка, честности, «общего блага», социального государства не может быть вознаграждено «лайками» в социальных сетях. Фактически такие группы выполняют функционал государственных структур — Росимущества без лишнего шума и «хайпа», используя цифровые и правовые компетенции. Гражданская и социальная ответственность формируется только в совместной деятельности на «общее благо». Рано или поздно такие органические структуры перехватят право на формирование политической национальной повестки дня.

Проект РФФИ и АНО ЭИСИ №21-011-31445 «Цифровой вигилантизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества»

Врублевская-Токер Татьяна Ивановна

к.филос.н., доцент, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Представление о молодых людях как об особом субъекте моральной ответственности в цифровой среде обусловлено, прежде всего, подчиненностью их жизни цифровым технологиям коммуникации. Речь не просто о масштабном использовании электронных средств общения представителями молодого поколения, а об организации повседневной жизни отдельной группы людей с помощью цифровых технологий. Исключение этих технологий из практики отношений приведет к существенной модификации или полному разрушению последних.

В изучении повседневных практик, опосредованных электронными средствами и программами связи, (виды и формы общения, соблюдение приватности, место и роль индивида в отношениях с нейросетью) участвовали молодые люди, студенты, из возрастной группы 18-22 года. Для исследования был использован метод интервью. В числе прочих участникам были предложены следующие вопросы: 1. По какой причине Вы бы не стали пользоваться электронным ресурсом? 2. Что бы Вы не стали делать сами в цифровой среде? 3. Что бы Вы не допустили бы в отношении себя в цифровой среде? 4. Основатель кибернетики, Норберт Винер, предупреждал следующие поколения разработчиков о том, что ради сохранения своего вида человек не имеет права передавать машине (компьютеру, искусственному интеллекту) право выбора между добром и злом. Как Вы думаете, почему это так важно?

Большинство участников говорили, что причиной отказаться от использования ресурса является содержащаяся в нем деструктивная информация (пропаганда насилия, расовой и культурной розни, нарушения прав человека, одобрение принуждения, военных действий и т.д.). Другой важной причиной не использовать ресурс стало то, что он не интересный. Следует отметить при этом, что несоответствие собственных ценностей участника с ценностями, которые отстаивает тот или иной ресурс, называлось в числе причин для отказа от его использования намного реже. Третьей важной причиной участники назвали необходимость оплачивать пользование ресурсом.

Цель второго и третьего вопросов было выяснить, как молодые люди понимают приватность в цифровой среде и в каких пределах они готовы ее соблюдать, охранять приватность других с одной стороны, и свою – с другой. Выяснилось, что участники более чувствительны к нарушению своей приватности, они не хотели бы, чтобы с помощью метаданных другие могли выяснить информацию об их семье и близком окружении, привычки, личную информацию, актуальное местоположение, а также навязывали бы споры с противоположной точкой зрения, отслеживали бы историю их действий в соцсетях, использовали бы открытые данные без разрешения или ссылки на ресурс. В отношении других участники согласны были сохранять приватность в

том, что касается данных о семье, истории действий в соцсетях, они не стали бы навязывать споры тем, кто с ними не согласен и не пользовались бы открытой информацией без разрешения ее автора.

В ответе на четвертый вопрос участники четко описывали неспособность искусственного интеллекта принять адекватное решение в тех случаях, когда условия его принятия отличаются от заданного программой алгоритма. Среди таких условий назывались эмоциональная незаинтересованность программы, отсутствие понятия о внутренней ценности объектов, возможность такого решения, которое подчинило бы человека машине.

По результатам интервью можно сделать такие выводы: молодые люди видят в цифровой среде расширение возможностей коммуникации, считая ее открытой и безбарьерной, при этом они не готовы мириться с возможным злом как результатом взаимодействия не ней, стремятся исключить негативные последствия, которыми может обернуться деятельность в сфере цифровых технологий для них самих.

Ибрагимов Эдуард Сергеевич
обучающийся бакалавриата,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В Год науки и технологий особое внимание уделяется вопросам популяризации науки и формированию представлений об отечественном научно-технологическом развитии среди молодежи. Данная задача поставлена на общегосударственном уровне, а также актуализирована самим научным сообществом на всех уровнях его организации. Сегодня свои двери открывают не только научные лаборатории университетов, академических институтов, исследователи сами приходят в школы с просветительскими целями. Безусловно, данная деятельность не только способствует популяризации профессии ученого и распространению научных знаний, но и вносит свой вклад в гражданско-патриотическое воспитание молодежи. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования представлений о научно-технологическом развитии России в структуре гражданского самосознания российской молодежи. При этом наука и технологии всегда формируют важный контекст гражданско-патриотического воспитания, что подтверждается широким опытом работы общества «Знание», историческими сюжетами в советских учебниках по физике, химии, биологии и т.д., а также богатым символическим содержанием советской массовой культуры, касающимся темы науки и техники. Однако, особым аспектом репрезентации научно-технологического развития становится влияние на него комплекса этических представлений молодежи в свете его активной трансформации.

В качестве эмпирической базы исследования выступил проведенный в 2020 году опрос молодежи в возрасте от 15 до 30 лет в рамках проекта «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ». На основе количественного анализа был определен комплекс представлений российской молодежи о научно-технологическом развитии страны, а также выявлены его особенности, значимые для самосознания гражданина. При этом особое внимание уделено этическим аспектам рассматриваемой проблемы.

В символическом пространстве образа России одним из ключевых компонентов являются достижения научно-технологического развития. При этом, ключевым этическим моментом, ярко выраженным в ответах респондентов, стало неоднозначное восприятие сильной военной компоненты отечественного научного и технического прогресса. Развитие вооружения и военной науки воспринимается значительной частью молодежи негативно или амбивалентно в контексте научно-технологического развития России. Ответы респондентов носят обобщенный характер, в них не обнаружено

широкого комплекса лиц, событий и процессов, связанных с развитием военно-промышленного комплекса. Кроме того, стоит отметить, например, что А. Сахаров не был упомянут ни одним из респондентов, хотя с точки зрения специалистов именно его деятельность является самым ярким примером взаимодействия научного и этического в новой истории России. Таким образом, представления молодежи о научно-технологических достижениях России, занимая важное место в структуре ее гражданского самосознания, носят упрощенный и обобщенный характер. При этом этические аспекты этих представлений выражены слабы, и актуализируются преимущественно в связи с негативной оценкой молодежью военно-технического развития страны. Проект «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект №МД-1966.2020.6

Макаров Андрей Иванович

д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕСУПОЗИЦИИ ПРЕПОДАТЕЛЯ ЭТИКИ

Пресуппозиция – это мировоззренческая установка или представление о мире, которое, оставаясь скрытой для автора высказывания, влияет на понимание любого предмета, так как она есть рамка его мировидения и мироощущения.

Пресуппозиции как мировоззренческие установки составляют основу когнитивных процессов человека наряду с т.н. «психологическими установками» или аттитюдами (Д.Н.Узнадзе).

Понятие пресуппозиции в теорию речевых актов ввели Ф. Киефер, Э. Кинан, Дж. Лайнз. Они выделили прагматические, ситуативные, синтагмативные пресуппозиции. Э.Кинан пишет: «Пресуппозиции – это условия, которым должен отвечать мир для того, чтобы высказывание могло быть воспринято в его прямом смысле»

Пресуппозиции как любые фреймы и помогают и мешают пониманию: в случае их совпадения у говорящих – помогают, в случае расхождения – мешают. И если в обычном общении пластичность языка помогает уравнивать семантические расхождения, то в педагогической ситуации, когда речь идет о точности мышления, пресуппозиции требуют своей экспликации.

В качестве гипотезы, которая ждет своей разработки, можно предположить, что источником схематизмов сознания, пресуппозиций или имплицитной логики сознания («логики мифа») являются глубинные структуры языка

В нашем докладе мы исследовали этические пресуппозиции, которые составляют «этическое ядро» личности. Это сеть пресуппозиций, мировоззренческих установок, детеминированных практиками референтной группы индивида. Нас интересовали пресуппозиции такой социальной группы как педагоги высшей школы, преподающие этику. Были выявлены проблемы, которые возникают в аргументации этических позиций, детеминированные пресуппозициями.

В докладе поднимаются вопросы: 1. Как гармонизированы и/или конфликтуют пресуппозиции и педагогические цели и задачи. 2. Какова методика выявления этических пресуппозиций?

Пресуппозиции и этический уровень мировоззрения можно выявить с помощью анализа речи.

Алгоритм применения этого метода состоит из пяти шагов: 1) Следует разделить речь на части, выделив в ней «странные места». 2) Следует, не вбрасывая собственных гипотез, «ходить по странным местам», то есть обращать на эти места пристальное внимание. 3) Затем следует задать вопрос типа: «На какой способ мышления к миру указывает эта часть речи человека?» 4) Далее следует выдвижение гипотез и их проверка. 5) Наконец, верифицированную гипотезу следует предложить в виде концепта самому человеку, чья речь исследуется.

Палитай Иван Сергеевич, к.социол.н., доцент
Яковлева Александра Федоровна, к.полит.н., ведущий научный сотрудник

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.М.В.ЛОМОНОСОВА **ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ** **РОССИИ: ЭТИЧЕСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Современное российское общество характеризуется большим количеством вызовов в сфере взаимодействия научных и политических институтов, выражающихся в существовании коммуникационных барьеров, отсутствии единого целеполагания и стратегического планирования.

Именно человеческий капитал всегда был в нашей стране определяющим развитие сферы науки и технологий. Однако без ориентации на системное привлечение молодежи в науку и развитие и формирование нового поколения научной элиты, конструктивное взаимодействие ученых и власти, а не их взаимной борьбы и преодоления застарелых конфликтов при сохранении преемственности и передачи накопленного знания и практик, без уверенности молодого поколения российских ученых в завтрашнем дне и понимании своей роли в развитии научного потенциала страны, провозглашенные долгосрочные цели реализованы не будут.

Достижение заявленных государственных приоритетов в сфере науки и технологий непосредственно связано с развитием человеческого капитала науки, в первую очередь – молодых ученых, которым в ближайшем будущем предстоит встраиваться не только в научные, но и в политические процессы для того, чтобы активнее участвовать в реализации объявленных государством приоритетов через выстраивание управленческих механизмов, успешно применяемых в других сферах, но неприменимых к сфере науки. Разработка таких механизмов представляется необходимой для достижения баланса в области государственного управления сферой науки и технологий, так как без понимания ключевых проблем, которые существуют в системе отношений наука-власть, и отсутствия специальной сбалансированной модели эффективного управления их взаимодействием, довольно сложно намечать стратегические приоритеты, и последовательно двигаться к их достижению. При этом построение модели взаимодействия власти с наукой должно строиться не только с учетом политологического аспекта, но и на основе этических принципов, проявляющихся как в отношениях между субъектами-участниками (властью и учеными), так и в коммуникациях между ними.

На сегодняшний день приходится констатировать, что размышления о науке в этической плоскости в большинстве своем сосредоточены на особенностях взаимодействия научного этоса и публикационной активности. Иными словами, фокус внимания сводится на этике ученого и взаимодействии между учеными в контексте авторства научных результатов и развития системы государственного управления на основе ранжирования получаемых научных результатов. При этом за скобками остаются вопросы взаимодействия научного сообщества с властью, в основе которого, как мы считаем, должны лежать следующие принципы, каждый из которых имеет свое особое этическое измерение: понимание специфики деятельности труда ученого и системы российской организации науки формирующимся новым поколением научной молодежи; понимание значимости деятельности ученых и преемственности новыми поколениями сложившихся традиций в контексте новых тенденций развития науки как социального института и научных коллективов; баланс государственных приоритетов и задач и творческого характера труда ученых; справедливость как ключевая ценность политической культуры российского общества; транспарентность и последовательность принимаемых политических решений, затрагивающих сферу науки; публичный характер коммуникации между властью и научным сообществом.

Таким образом, сегодня необходимо говорить о концептуальных основаниях для моделирования процесса государственного управления человеческим капиталом в сфере науки и технологий. Базироваться он должен на создании и своевременной отладке системы механизмов рекрутирования и развития управленческого потенциала молодых ученых и эффективным взаимодействии между наукой и властью, залогом которой во многом являются система научных ценностей и этические принципы этих отношений.

Проект РФФИ и АНО ЭИСИ №21-011-31294 «Государственная политика в сфере науки и технологий: разработка модели управления человеческим капиталом»

Пирожкова Софья Владиславовна

к.филос.н., старший научный сотрудник,

Институт философии, Российская академия наук

РОЛЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В РАСПРОСТРАНЕНИИ НАУЧНОГО ЭТОСА ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАУКИ

В докладе обосновывается, что распространение эпистемических добродетелей за пределы научного сообщества является критически важным процессом для поддержания стабильности и дальнейшего развития общества знания и, как следствие, для обеспечения будущего науки. Анализируется роль молодых ученых в этом процессе, выделяются эпистемологические и социальные характеристики первого (начального) и второго этапов развития научной карьеры (согласно европейской классификации – Европейской рамке научных карьер), обуславливающие специфику этой роли. Обосновывается, что социальная мобильность и незакрепленность начинающих ученых в академической среде позволяет им обеспечивать трансляцию и распространение в неакадемических сферах не только неявных знаний и навыков, но и норм научного этоса. Несмотря на то, что начинающий ученый, как правило, не может играть роль образца, персонализируя принципы научного этоса, он опирается на них в своей деятельности, в том числе и тогда, когда вынужден покинуть академическую сферу – как временно (подработка, временные рабочие позиции), так и уходя из науки и продолжая карьеру в неакадемическом секторе. Рассматривается препятствие на пути такого участия в распространении принципов научного этоса, связанное с возможной малой погруженностью начинающих исследователей в профессиональное сообщество и, как следствие, недостаточной степенью присвоения норм профессиональной этики, показано, почему в условиях современного рынка научного труда не закрепленность в профессии, а трансформация самой профессии, является проблемой. Так, усиление конкуренции за рабочие места или приверженность принципам разнообразия требуют от начинающего ученого развития не столько эпистемических добродетелей, сколько способности к быстрой социальной адаптации и умения приобретать и правильно распоряжаться своим человеческим капиталом. В этих условиях научному сообществу следует уделять большее внимание социализации молодых ученых, рассматривая эту деятельность как ориентированную не только на подготовку научных кадров и обеспечение воспроизводства науки, но и на укрепление социокультурных позиций науки. Работу в этом направлении стоит начинать не в университете, и такие практики, как STEM-образование, не только привлекают молодежь в профессию, но и поддерживают деятельность по вовлечению общества в науку (public engagement). В случае молодых исследователей, статус которых может быть определен как «признанный ученый», помимо сохраняющейся возможности продолжения карьеры в неакадемическом секторе, важными становятся функции образца и популяризатора.

Проект РФФИ №20-011-00896 «Молодой ученый: социокультурный и когнитивный феномен и объект научной политики в современной России»

Селезнева Антонина Владимировна

д.полит.н, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ЭТОС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ФОКУСЕ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Актуальность исследования гражданского самосознания современной российской молодежи обусловлена необходимостью научного осмысления и обоснования решения задач гражданского-патриотического воспитания и формирования национально-государственной идентичности молодежи. Научные изыскания в данной области сосредоточены преимущественно на содержательно-смысловом (образы и представления) и мотивационно-поведенческом (формы активности и участия) компонентах гражданского самосознания. При этом, этическая составляющая – ценностные ориентации, моральные принципы, этические представления, которые играют немаловажную роль в восприятии молодыми людьми социально-политической реальности, определяют их предпочтения и поведенческие реакции, остается преимущественно за скобками внимания ученых.

В рамках политико-психологического подхода мы рассматриваем гражданское самосознание как сложное многосоставное личностное образование, элементы которого, с точки зрения политической психологии, имеют базовую психологическую природу, проявляются на уровне ментальной и поведенческой активности в социально-политической реальности, взаимосвязаны и взаимообусловлены. В структуре гражданского самосознания мы выделяем ценностные, когнитивные, рефлексивные, мотивационно-поведенческие и эмоциональные особенности личности, определяющих ее устойчивую и осознанную самоидентификацию в качестве гражданина и выражающихся в ее взаимоотношении с государством и обществом.

Эмпирическую базу исследования составляет значительный массив данных, собранных в 2020 году с помощью комплекса количественных и качественных политико-психологических методов: материалы 2200 формализованных интервью, 200 глубинных интервью и 540 проективных рисунков.

Результаты исследования показывают следующее.

Во-первых, наблюдается ситуация баланса между материалистическими и постматериалистическими ценностями молодежи, которая проецируется на конкретные политические процессы и выражается в том, что для молодых людей одновременно значимыми являются как безопасность, законность и порядок, так и свобода, права человека и самореализация.

Во-вторых, значимой для современной молодежи является ценность справедливости, сквозь призму которой она воспринимает всю политическую реальность, оценивает действия политических субъектов и принимаемые политические решения. При этом представления о справедливости имеют дифференцированный характер и опираются на нормативно-правовые, социально-экономические и морально-нравственные основания.

В-третьих, для понимания специфики гражданского самосознания современной молодежи важна категория ответственности, которая с психологической точки зрения связана с категорией выбора, а с этической – долга. Ответственность воспринимается молодыми людьми применительно к собственной жизни, заботе о себе и ближайшем круге. Они не обладают необходимой степенью социальной и гражданской ответственности, не готовы исполнять долг гражданина и нести ответственность за судьбу своей страны.

Таким образом, мы можем говорить о том, что этос гражданственности российской молодежи носит довольно противоречивый характер. Нам представляется, что сложившаяся ситуация является отражением общего состояния работы с молодежью в нашей стране в ее самом широком понимании. Не только собственно государственная молодежная политика, но и другие институты и факторы социализации молодежи действуют разрозненно, не формируют у молодых людей необходимых для гражданина ценностей и ориентаций, не задают образцы гражданского поведения.

Проект «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект №МД-1966.2020.6

Скитин Николай Сергеевич,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОПУЛЯРНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ: ОТ ARTIK & ASTI ДО MORGENSTERN

По данным исследовательской компании Mediascope основную аудиторию популярных для прослушивания музыки порталов “ВКонтакте” и “Яндекс.Музыка” составляет молодежь (46,8% и 41,5% соответственно). Кроме того, высокий удельный вес профилей “55+” свидетельствует о том, что многие профили содержат неверный возраст, что косвенно может свидетельствовать о более высоких процентах молодежной аудитории на этих платформах.

Популярная музыка за 2020 год по открытым данным ряда сервисов (Яндекс.Музыка, Apple Music, «ВКонтакте») (сервис Boom), Spotify, Deezer и Zaycev.net) сводилась к набору из нескольких молодежных исполнителей: Artik & Asti, Элджей, Miyagi & Andy Panda, Morgenstern, Niletto, Slava Marlow, Zivert.

В текстах песен данных исполнителей нередко встречаются политико-идеологические установки и ценности, которые можно выделить, и при помощи них определить какую идеологическую повестку несет тот или иной исполнитель.

Для поиска основных политико-идеологических установок и ценностей мы использовали стандартный набор идеологий: консерватизм, либерализм и социализм. В каждой из идеологий выделили основные базовые политические установки и ценности.

Консерватизм: иерархичность, иррационализм и фатализм, коммунитаризм, нравственный абсолютизм, патернализм, эссенциализм (гендерный).

Либерализм: автономность, индивидуализм, конкуренция, свобода, свободомыслие, толерантность, элитаризм.

Социализм: коллективизм, рационализм и деятельность, эгалитаризм.

Консервативные политико-идеологические установки и ценности можно найти в творчестве Artik & Asti, Niletto. В творчестве Artik & Asti можно усмотреть нравственный абсолютизм – т.е., объективные моральные установки, которые не могут быть изменены (“Миллиум”, “Под гипнозом”, “Бла-бла”), эссенциализм (“Миллиум”, “Девочка танцуй”), коммунитаризм (“Никому не отдам”, “Мне не нужны”), иерархичность (“Бла-бла”) и иррационализм и фатализм (“Миллиум”, “Никому не отдам”, “Девочка танцуй”). В творчестве Niletto можно усмотреть нравственный абсолютизм (“Ты такая красивая”, “Повезет”, “Невывозимая”, “В мире людей”), иррационализм и фатализм (“Повезет”, “В мире людей”), коммунитаризм (“Повезет”, “В мире людей”), патернализм (“Невывозимая”, “Любимка”). Либеральные политико-идеологические установки и ценности можно найти в творчестве Morgenstern и Slava Marlow. В творчестве Morgenstern можно усмотреть элитаризм (“Я когда-нибудь уйду”, “Новый мерин”, “Грустная песня”, “Аристократ”), свободомыслие (“Pablo”), толерантность (“Yung Hefner”), свобода (“Грустная песня”, “Новый мерин”), автономность (“Я когда-нибудь уйду”), конкуренция (“Грустная песня”, “Pablo”), индивидуализм (“Yung Hefner”). В творчестве Slava Marlow можно усмотреть свободу (“Кому это надо”), свободомыслие (“Будь проще”), толерантность (“No problem”), элитаризм (“Быстро”), конкуренцию (“No problem”, “Camry 3.5”). Социалистические политико-идеологические установки и ценности в “чистом” виде не встретились у популярных отечественных молодежных исполнителей, но присутствовали в текстах рядом с другими ценностями. В творчестве Элджей можно усмотреть эгалитаризм (“Пополам”, “Wunder king”, “Минимал”) и элитаризм (“Sayonara детка”, “Candy flip”), рационализм и деятельность (“Sayonara детка”) и иррационализм и фатализм (“Пополам”). В творчестве Miyagi & Andy Panda можно усмотреть коммунитаризм (“Brooklyn”, “Yamakasi”) и индивидуализм (“Minog”), элитаризм (“Brooklyn”, “Там ревели горы”), свободу (“Kassandra”), конкуренцию (“Патрон”). В творчестве Zivert можно усмотреть как иррационализм и фатализм (“Del mar”) так и рационализм и деятельность (“Рокки”), патернализм (“Del mar”) и автономность (“Рокки”), элитаризм (“Beverly Hills”) и эгалитаризм (“Рокки”), коллективизм (“Многоточия”) и индивидуализм (“Credo”).

Выводы.

Во-первых, важно отметить, что в творчестве отечественных популярных исполнителей присутствуют политико-идеологические установки и ценности широкого идеологического спектра: от консервативных до социалистических.

Во-вторых, есть исполнители, которые задают только консервативную либо либеральную повестку, но нет исполнителей с “чистой” социалистической повесткой.

В-третьих, векторы трансформации политических ценностей молодежи можно отследить анализом творчества популярных молодежных исполнителей.

В-четвертых, данную методологию (выявления политико-идеологических установок и ценностей через смысловой анализ текста) можно автоматизировать, что может стать инструментом профилактики негативных влияний на политическое сознание молодежи.

Проект РФФИ и АНО ЭИСИ №21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки»

Сокрюкин Алексей Викторович
обучающийся магистратуры,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
**ЗАПРОС НА «ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ» ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА КАК
ФАКТОР ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЁЖИ: ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

С опорой на политико-психологический подход через такие категории как «честность», «открытость», «участие» и др. в работе показаны этические основания неудовлетворённости «транспарентностью» политического процесса в России в политическом сознании современной российской молодёжи. В этом контексте потребность в «транспарентности» является политическим выражением вышеобозначенных моральных ценностей.

Собранные в рамках проекта эмпирические данные показывают, что несмотря на наличие государственных институтов, призванных обеспечивать прозрачность и участие граждан в процессах принятия политических решений (Общественная палата, Экспертный совет при Правительстве РФ, Портал открытых данных и др.), проблема недоверия молодого поколения россиян к политической системе и её ключевым акторам остаётся крайне актуальной. Молодые люди считают, что «сфера политики должна быть полностью открыта» (48%) или «допустимо сокрытие незначительной части информация» (42%).

Анализ конкретных событий их разных сфер общественной жизни показал, что за 2017-2021 гг. диссонанс между моральным и политическим представляет собой устойчивую конфигурацию для обеспечения регулярной протестной активности молодёжи, что проявляется в таких неконвенциональных формах политического участия, как: митинги (например, против коррупции в высших эшелонах власти в 2017-2018 гг. или против строительства храма в сквере в Екатеринбурге в 2019 г.) и протестное (тактическое) голосование (например, в ходе общероссийского голосования по поправкам в Конституцию в 2020 г. или выборов в Государственную Думу VIII созыва в 2021 г.).

Опираясь на результаты исследования, в целях сохранения демократичности настоящего политического режима в долгосрочной перспективе, можно выдвинуть рекомендации по развитию государственной молодёжной политики в сторону большей инклюзивности, а также расширению – по примеру действующего в Швеции Акта о свободе печати – доступа к официальной информации и осведомлённости граждан о наличии данного права.

Проект РФФИ и АНО ЭИСИ №21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодёжи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки»

Турков Егор Анатольевич
обучающийся бакалавриата

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
**СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК БАЗОВАЯ ПОЛИТИКО-ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ**

Актуальная трансформация политической системы в России обуславливает, по мнению проф. Е.Б. Шестопал, необходимость психологического исследования ее «человеческого» компонента, в частности, феномена сверхсознательного — высшего по отношению к сознанию уровня идеалов в психологии человека. В ряду компонентов

сверхсознательного россияне этические представления занимают особое место и в значительной степени определяют восприятие политики, что выражается в признании онтологической взаимосвязи морали и политической деятельности человека, рассмотрении политики сквозь призму судьбы человека и т.д. Интересы человека в контексте следования принципу справедливости выступают важнейшим критерием оценки политики в русской этической мысли.

Концепт справедливости в различных его терминологических воплощениях (правда и т.д.) принадлежит к числу полисемантических концептов, базовых как для российской культуры в целом, так и для отечественной политической культуры в частности. Актуализация в сознании россиян тех или иных его смысловых аспектов является следствием и маркером ментальных изменений в обществе, что обуславливает необходимость предметного эмпирического исследования.

Данная работа основана на теоретико-методологическом базисе, разработанном в рамках общей психологии и политической психологии. Отправной теоретической установкой данной работы является понимание политической этики как комплекса представлений о должном в политике, обладающего политико-культурной, выраженной в традициях, и политико-психологической, выраженной в ценностных ориентациях, природой, содержание которого корректируется социокультурным и ситуативным контекстом. Ключевым методологическим принципом данного исследования является тезис Л.С. Выготского о речи как вербальной проекции мышления человека. В ходе исследования российской молодежи 18 – 30 лет с помощью методов анкетирования и фокус-групповых дискуссий был собран массив количественных ($n = 1705$) и качественных данных.

Большая часть молодых россиян понимает справедливость в первую очередь как равенство всех перед законом (58%). Значительная доля респондентов (47%) понимает справедливость как равенство возможностей: «в моем представлении справедливая политика государства нивелирует стартовые возможности для детей из разных групп населения (с помощью доступного качественного образования, медицины и обеспечения базовых потребностей)».

Контраст этим данным составляет тот факт, что идеи справедливости как пропорционального распределения благ по труду и по потребностям придерживаются только 22% респондентов — в два раза меньше.

Таким образом, в настоящее время наблюдается тенденция фактического приравнивания справедливости к равенству в его юридическом аспекте, что отражает, на наш взгляд, актуальность проблемы соблюдения прав и свобод человека в российском обществе.

Проект РФФИ и АНО ЭИСИ №21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки»

Хаткевич Александра Анатольевна
обучающаяся магистратуры,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ЦЕННОСТИ МОЛОДЁЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Ценности в международных отношениях — один из фундаментальных вопросов международно-политической науки. Международное молодёжное сотрудничество — актуальное направление внешней политики многих государств. Цель настоящего исследования — рассмотреть ценностный аспект молодёжного сотрудничества в рамках нескольких международных объединений, в состав которых входит Российская Федерация: ШОС, БРИКС, Совета Европы.

Концепция Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) основана на «шанхайском духе», включающем в себя следующие принципы: взаимные доверие и выгода, равенство, сотрудничество как путь мирного диалога. По мнению Р. Алимова,

генерального секретаря ШОС в 2016–2018 гг., необходимы преемственность, «естественная передача ценностей и лучших традиций ШОС от старшего поколения молодому». Под ценностями организации в этом контексте понимаются вышеперечисленные принципы «шанхайского духа». В Совместном обращении глав государств-членов ШОС к молодёжи (2018 г.) упомянуты «неизменные ценности»: «патриотизм, высокая нравственность, толерантность, человечность и взаимное уважение». В Декларации о создании Молодёжного совета (2009 г.) указано на содействие ШОС «совместному развитию молодёжи стран, принадлежащих к разным цивилизациям и являющихся носителями разных культурных традиций». Соответственно, функционирование Молодёжного совета связано в том числе с терминальной ценностью развития и инструментальной ценностью широты взглядов.

Ценностями БРИКС исследователи называют «свободу в выборе путей развития, суверенность исторических традиций и культурное многообразие». Эти же ценности распространяются и на молодёжное измерение сотрудничества в рамках объединения. Кроме того, примечательно, что в информационном сообщении о начале конкурсного отбора российской делегации Молодёжного саммита БРИКС 2015 г. сформулирован «портрет» идеального участника российской делегации. Среди включённых в портрет качеств — «высокий интеллектуальный потенциал и эрудированность», «хорошо развитые коммуникативные навыки», «уверенность в себе», «высокий уровень саморегуляции и способность выдерживать эмоциональное напряжение», «способность работать в команде». Их можно соотносить с рядом инструментальных ценностей, таких как образованность, самоконтроль, широта взглядов, и терминальной ценностью уверенности в себе.

В Стратегии молодёжного департамента Совета Европы до 2030 г. зафиксировано намерение продолжать оказывать поддержку Европейским молодёжным центрам и Европейскому молодёжному фонду «в выполнении их роли по развитию и расширению европейского молодёжного сотрудничества на основе базовых ценностей Совета Европы», коими являются права человека, демократия и верховенство права. Проведение Молодёжного лагеря мира было инициировано Советом Европы в 2003 г. Этот проект направлен на межкультурное обучение, образование в области прав человека, деятельность по миростроительству, что свидетельствует о связи данной площадки взаимодействия с ценностями культуры мира, продвигаемой Организацией Объединённых Наций (ООН) и её специализированным учреждением по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО.

Итак, результаты рассмотрения ценностного аспекта концептуальных основ молодёжного сотрудничества в рамках выбранных международных объединений позволяют говорить о наличии в ценностных основаниях этого направления сотрудничества терминальных и инструментальных ценностей (по М. Рокичу). При этом ценности, декларируемые конкретным международным объединением в контексте молодёжного измерения сотрудничества, исходят из ценностей самого объединения. Можно утверждать, что международные объединения реализуют молодёжную политику, нацеленную на усвоение молодёжью определённых ценностей. В случае с региональным объединением ШОС и трансрегиональным объединением БРИКС эти ценности во многом связаны с идеей полицентричности, в случае с Советом Европы — с профилем данной организации, то есть поддержкой и защитой прав человека. Общей ценностью международного молодёжного сотрудничества выступает ценность созидательного взаимодействия, которая наряду с упомянутыми выше ценностями оказывает влияние на формирование этики молодёжи.

Чикаева Татьяна Александровна

к. филос. н., доцент, Московский художественно-промышленный институт

НРАВСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ: ПАТРИОТИЗМ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ

Сегодня перед человеком встаёт вопрос о том, что предпочтительнее: личные интересы или интересы Родины, Отечества. С одной стороны утверждается, что патриотизм — национальная идея России, основа её длительного развития. Отечество, Русь уже в древних летописях рассматривались в качестве высшей ценности, святыни. Ценность Родины и Отечества утверждается в народной мудрости, литературе, научно-философских произведениях. С другой стороны, множество уважаемых учёных утверждают, что Родина — это только политический конструкт. В трудах таких исследователей доказывается, что внедрением в систему ценностей категорий «Родина» и «Отечество» подменяются естественные ценности личности, родных, семьи. В последние годы встречаются заявления о том, что выражение патриотических чувств в форме Парада Победы, нравственно отрицательно, поскольку препятствует сохранению здоровья человека. Встаёт выбор: чем руководствоваться в жизни, что предпочтительнее при принятии решений. Прежде чем, давать ответ, надо разобраться в том, какой смысл вкладывается в ту или иную ценность и определить, действительно ли они противоречат друг другу. Если мы будем опираться на известное определение Родины или Отечества как страны, где человек родился и чьим гражданином он является, то, по целому ряду оснований, нам будет сложно рассматривать их в качестве святынь. Такая дефиниция акцентирует политико-географический аспект и приводит к выводу, что патриотизм является выражением преданности государству, политической элите. От государства гражданин ожидает создания условий своей жизни и наличия благ, отношения с государством строятся на основе, подразумевающей наличие прав и обязанностей у каждой из сторон и возможности их изменить. Такое понимание приводит Родину и Отечество за рамки нравственных ценностей, представляя их как ценности политические, занимающие более низкое положение. Эта дефиниция ошибочна. Проведённый анализ позволяет нам прийти к следующему заключению. Родина — это духовная субстанция, порождающая все природные, материальные, социальные объекты и явления, она есть у абсолютно всех и всего, она порождает, даёт возможность реального существования. Соединение Родины с творческим организующим потенциалом общества приводит к появлению Отечества, имеющего духовно-социальное содержание. Родина и Отечество становятся доступными познанию и пониманию человека через их образы. К ним относятся образы природы, истории, семьи и близких людей, произведений искусства, самого человека. Патриотизм, следовательно, отрицает саму постановку выбора: либо интересы Родины и Отечества, либо свои собственные. Понимание духовной сущности Родины и Отечества непременно приводит к представлению о них как о ключевых нравственных ценностях, лежащих в основе жизни человека, его творчества и самобытности. Раскрыв для себя сущность Родины и Отечества, человек будет способен найти верный выход из противоречия ценности патриотизма или ценности собственного бытия и существования своей семьи, родных и близких. Точнее, это противоречие для него исчезнет. История знает достаточно примеров, когда политические разногласия были отброшены перед лицом опасности для Родины. Но, надо заметить, что обретение Родины — это творческий нравственный акт, совершить который человек должен самостоятельно. Никакими законодательными актами, инструкциями нельзя вложить в сознание человека объективное понимание Родины, Отечества, патриотизма. Можно только помочь тому, чтобы у человека было достаточно источников для познания, для размышления над тем, что такое Родина, Отечество, их образы, как они связаны с ценностями и целями его жизни. Объективно, ценностного конфликта между патриотизмом и интересами личности нет, но он поддерживается через ошибочные дефиниции категорий, побуждая человека к нравственно-интеллектуальному поиску, который обязательно приведёт к правильным выводам и решениям.

«ETHICS AS RESEARCH AND PROFESSION»

Agostino Cera

Dr., PhD, Senior Lecturer, University of Ferrara, Italy

IDIOVERSE AS POST-REALITY OR THE BIRTH OF AN A-SOCIAL ONTOLOGY

Inspired by the “Almost Storming of Capitol Hill” of the last 6th January, my paper aims to sketch a phenomenon that I call post-reality or idioverse. I consider the Capitol Hill event the epiphany (on 6th January) of such a phenomenon.

As “idioverse” I mean the degeneration of the idea of pluriverse (i.e. the legitimation of multiple approaches to reality, multiple narratives of it) which, in its turn, embodies the reaction against the risk that the idea of universe becomes mono-versal, that is universal (uni-versal) in the worst sense: oppressive and intolerant, potentially totalitarian. My point is that currently we are facing with the opposite risk to the monoversal one, namely that the pluri-verse degenerates into the general idiotism of a worldview that every single person builds according to his/her own liking. As said, an idio-verse: a narrative/worldview based on a principle that – to quote Luigi Pirandello’s famous pièce – we could call It is So (If You Think So). Here rules the imperative “if I want (desire, prefer, need...) it to be so, then it is”. A vision of reality dominated by the pleasure principle.

The consequence of such a premise is the emergence of a Babel in which everyone speaks their own language; a world in which no one is willing to make any effort to build common language with those who don’t speak their language or share their faith. The final outcome of this situation could be the end of the human being as polites, its extinction as social being or zoon politikon, its definitive metamorphosis into an idiotes – what Günther Anders calls the “mass-hermit” – and thus the loss of the very possibility for a *societas* and polis. The idio-verse is a universe of idiotes: each endowed with its own personal world. At the basis of such a universe lies an a-social ontology.

The indiscriminate application of the “It is so (If You Think So) principle” starts from the irrepressible desire to produce its own personal view of things. To build its own truth. The intensification of hermeneutic perspectivism (extreme relativism) leads to an alethic nihilism (post-truth), in turn prodrome of an ontological performativism (idio-verse as post-reality). In a formula, the natural outcome of post-truth is the establishment of a post-reality. Such a post-reality would perfectly correspond to an idio-verse. Maybe the natural evolution of the self-made man is to live within a “by myself-made world”. In my view the “Almost Storming of Capitol Hill” (that is the Trumpian *Weltanschauung*) represents the epiphany of such a phenomenon, the proof that the post-reality is something real.

The *pars construens* of my paper consists of an apology of the universalism. To avoid the coming of an idio-verse we must restore the value of universalism and the importance of an *oikumene*. We must establish and preserve a *koine*, since it is only from *koiné* that *koinonia* (community) is born, namely the political/social *Ur-dimension*; the common, shared space that defines our humanity as such.

Elinor Clark

Graduate, Gottfried Wilhelm Leibniz Universität Hannover, Germany

AI AND ACCOUNTABILITY

IN EPISTEMICALLY DISTRIBUTED, COLLECTIVE DISCOVERIES

This paper investigates how institutions about scientific discovery using artificial intelligence (AI) can be used to inform our understanding of scientific discovery more generally, and the ethical implications these results have for accountability. Traditional accounts of discovery have been agent-centred: they place emphasis on identifying a specific agent who is responsible for conducting all, or at least the important part of, a discovery process, and who has particular qualities and abilities which are relevantly causally involved in the discovery. I argue that these accounts experience difficulties when trying to capture scientific discovery involving AI and that similar issues can arise even in

human discovery. It seems we can name neither the AI the relevant discovering agent, nor another human actor such as the creator or interpreter – we need both to fully represent the discovery process.

I suggest that an alternative, collective-centred approach is superior as it better captures the discovery process for both AI and human discoveries. However, this account faces difficulties explaining how responsibility should be distributed within these sprawling collectives and how many actors should be credited as contributing to the discovery. For example, projects in high energy physics, such as the Large Hadron Collider (LHC), often have thousands of team members, with other actors such as funders, policy makers, AI and other technologies all also playing a crucial role in discovery. Where should the line be drawn and how should credit be distributed within such collectives? I suggest a tentative guiding criteria for how these ‘shares’ of discovery are allocated.

I then consider another challenge for the collective-centred view, specifically, how we ensure accountability for the discovery when faced with such large, epistemically distributed collective discoverers. Assigning an agent of discovery allows us to identify a responsible agent – without this there is no one who is accountable for the discovery and who can vouch for the methods and results of the project. Finally, I briefly explore how introducing AI, with its own concerns around agency and responsibility, into these epistemically distributed collected discoverers adds increased complexity to the challenge of identifying an agent we can hold to account.

Mirko Farina

Professor, PhD, Assistant Professor. Innopolis University

Lavazza Andrea

Professor, Senior Research Fellow in Neuroethics,

Centro Universitario Internazionale, Arezzo, Italy

Giordano James

Professor, PhD, MPhil, Georgetown University, USA

EXPERTISE-IN-ACTION: THE IMPORTANCE OF INTELLECTUAL AND MORAL VIRTUE(S) TO HEALTH CARE EXPERTS’ EPISTEMIC AUTHORITY

As the Covid-19 crisis has shown, subject matter experts have been important in addressing the basis and impact of biomedical, socio-economic, and political engagement. Biomedical experts involved in the formulation of public health policies seek to optimize effectiveness, yet such decisions may incur issues of ethical balance and transgression of certain constitutional rights. In this essay, we propose the importance of, and need for what we call ‘expertise in action’, which obligates: (1) explicit and specific ethical expertise in informing public health and safety decisions, and (2) relative transparency about the extent, role, and contribution of any such ethical expertise and guidance. Operating within a structural and functional model of ethics, we assert that particular virtues should be considered as valuable to the exercise of expertise. We define and discuss these virtues - including benevolence, fidelity to trust, veracity, intellectual humility, pathos, fortitude, and practical wisdom; and provide a general framework for the education and training of expertise in action.

Yanick Farmer

Professor, PhD, Full Professor, Université du Québec à Montréal, Canada

PRUDENCE, ETHICS AND ANTICIPATION IN VISIONARY LEADERS

In ethics, prudence is an essential skill in making informed decisions. Although several studies in various fields have dealt with the notion, few empirical studies have addressed one of its inextricable aspects: anticipation. To gain a better understanding of the notion, our study questioned fifteen leaders who peers consider to be “visionary” in their respective fields. The results of this qualitative study based on semi-structured interviews describe the fundamental aspects of anticipation according to three categories: reasoning and trend

analysis, implementation and strategy, and personality and values. Our study highlights the fact that visionary leaders' reasoning rests on a special intimacy with their emotions and intuition. These are often activated through rituals, like sports and meditation. The ideas that emerge spontaneously thanks to intuition, often associated with patterns and schemas, are then subjected to rigorous critical challenge, most of the time conducted as a team, in a spirit of consensus. In the analysis, the ability to adopt a systemic perspective driven by continual curiosity and excellent general culture seems to foster anticipation. For implementation, the leaders stated that, among other things, it is essential for creativity to be able to work within constraints that are sometimes heavy. Lastly, in terms of values, most visionary leaders place great importance on integrity, truth and transparency. However, their statements also intimate that selflessness is at the heart of their desire to change the world and make a difference in society.

Jason Keyser

Professor, PhD Candidate, University of South Florida, USA

THE LIMITS OF ETHICAL FORCE: WHY ACTUAL PEOPLE CAN'T BE KANTIAN

The first four chapters of Bernard Williams' book *Ethics and the Limits of Philosophy* may be described as a whirlwind of arguments propelling Williams rapidly through ethical considerations all the way from Socrates to Kant. Personally this leaves me feeling a bit like Socrates myself! Mr. Williams, "I have a wretched memory, and when any one makes a long speech to me I never remember what he is talking about. As then, if I had been deaf, and you were going to converse with me, you would have had to raise your voice; so now, having such a bad memory, I will ask you to cut your answers shorter, if you would take me with you". In light of my own limitations, the aim of this paper will be rather narrow. I will attempt to explain Williams' rejection of the Kantian moral project in such a manner as to relate it to the overall project embodied in chapters one through four. I will accomplish this by first giving a quick summary of the results of the first three chapters. Later in the book Williams provides this summary of the results of the fourth chapter: "The Kantian approach looked for the preconditions of being a rational agent that supposedly introduced ethical considerations. People who rejected those considerations would be confused in their practical relation to the world, or, if there were a logical conflict involved, it would be not between an ought and an is but between various oughts, each of which they were committed to accepting". Using this as my starting point, I will explain Williams' interpretation of the Kantian moral project, how it actually relates to the Kantian project, and why Williams rejects the Kantian project. In the final section of the paper I will reveal a unifying theme running through each of the aforementioned chapters. Williams argues that the moral considerations in question only have force for those who already adhere to them in the same way that arguments about the nature of God are only truly forceful to those who already believe in God. It is my contention, that the problem, stems from the fact that real people existing outside of the realm of pure reason, have little good reason to adhere to the demands of the categorical imperative. Its demands lack the ethical force necessary to motivate action in conformity with it.

Anita Lunić

Teaching Assistant, PhD candidate, University of Split, Croatia

MORAL RESPONSIBILITY WITHOUT MORAL SUBJECT?

Increased use of algorithms and AI in decision-making processes and everyday life raised important ethical questions. On the one hand, the promise of objectivity used as a rationale for including algorithms in decision-making processes proved too optimistic, partially because of the inheritance of biases and prejudices and partially because of restrictions in understanding the decision-making processes. On the other hand, the question of moral responsibility without moral subjectivity and autonomy of the will emerged. This problem occurs in the case of AI-based systems making morally relevant decisions, such as

in the case of autonomous vehicles. More precisely, it concerns decision-making in circumstances including possible or likely casualties. In the introductory part of this paper, I map new moral dilemmas related to ADS and AI. In the central part of the paper, I discuss the possibility of including classical ethical approaches (namely, Aristotelian virtue ethics, Kantian deontological ethics, and consequentialism utilitarian ethics) in resolving emerging moral questions related to autonomous vehicles. I argue Kantian ethics provides the most appropriate approach.

Paul Medeiros

PhD, Adjunct Professor, Salve Regina University, USA

ILLUMINATING ETHICS WITH TRADITION'S VIRTUE MODEL

Let's review an intellectual problem in ethical education (7): some North American textbooks today claim ethics and morals are interchangeable concepts. For example, P. Singer's «Practical Ethics» (2011) makes this proposal. Similarly, a North American university course with the title "Moral Controversies" may offer the same content as the course title "Ethical Issues" because these are complementary if not identical areas of theory and application. But the plan to yoke ethics with morals is contrary to the common, public understanding which distinguishes ethics and morals. Moreover, there is a popular assumption ethics is something new and better than morals. As evidence: there are today everywhere "ethics committees" and "ethics consultants," and nowhere today are there self-professed "moral committees" and "moral consultants."

I propose the concept of ethics in contrast to morals may be illuminated by the virtue model inherited from Greek and European, medieval sources. A virtue-based interpretation of ethics justifies the assumptions in ordinary usage. What I show is ethics carries commitments to truth, discovery, knowledge, and intellectual virtue not carried by morals. Moreover, I show ethics offers a form of human goodness always already involved and engaged with other persons, whereas morals are not so involved and engaged. In short, ethics approximates human goodness in the real dramas of persons and lives. This insight supports the popular assumption ethics offers something better than morals. But I claim we hesitate to embrace ethics intellectually, professionally, in training programs, and in schools because ethics in truth is a difficult accomplishment requiring mature, intellectual and moral virtues.

The 19th Century author, Louisa May Alcott represents in her civil war memoir «Hospital Sketches» (1863) hesitancy about ethics. Alcott describes her admiration of applied morals, e.g., the orderly and appointed war hospital, and she reports anguish about the topsy-turvy drama of the makeshift, war hospital where she serves. However, on the virtue-based interpretation of ethics, it is the makeshift, war hospital that invites ethics. Alcott portrays examples of inspired ethics in action, e.g., courageously improvising in order to assist other persons. But Alcott like most of us will not wholly relinquish the promise of the moral approach to goodness. If in the 21st Century is to embrace ethics and if the call for diversity and inclusion in North American education is in truth a call to ethics, a concept illuminated by tradition's virtue model provides guidance.

Shiravand Mohsen

PhD, Assistant professor in Ethics, Postdoctoral research in Analytic philosophy

Khodadadi Hesam

MA

University of Isfahan, Islamic Republic of Iran

A STUDY OF THE GAP BETWEEN PRACTICE AND THEORY ACCORDING TO MOHSEN FEYZ

KEY WORDS: Mulla Mohsen Feyz Kashani, Practice, Reason.

One of the significant issues in the domain of Islamic ethics is the gap between the theory and practice and the analysis of the process of changing the theory to practice. Based on a cursory review of the works of Islamic ethics one can clearly see that the

aforementioned issue is among the problems that have always been considered as the key explicit or implicit concerns of the thinkers. Mulla Mohsen Feyz Kashani (1598-1679; he was the son in law of the great Islamic philosopher Mulla Sadra) the Shia jurist, traditionalist, exegete, philosophers and distinguished moral thinker is one of the men of thought who has offered discussions regarding the latter issue. Although he has not discussed the issue of the gap between the theory and practice under a determinate and specific title, his moral works reveal the colorful presence of this problem. Perhaps one can first find the general outlines of this issue in two valuable works of Feyz, i.e. *Mahajat Al Bayza* and *Elm Al Yaqin*. In *Elm Al Yaqin* he has defined knowledge as follows: "knowledge is the realization of the form of an object by a knower and also the revelation of an object by a knowledge in an incorporeal form" (Feyz Kashani, 2007, vol. 1, p. 83; idem, 1983, p. 18). The epistemic forms do not emerge independent of the existence of the knower rather since these epistemic forms are considered to the perfection bearing forms for the knower they should have been emanated from a higher Being over the knower. This Being in its perception is fully actualized without any potentiality. Of course, the essence of the knower should be prepared for receiving these epistemic forms. This is why Mohsen Feyz suggests that self-discipline and keeping oneself away the carnal desires is the first step towards the acquisition of knowledge. Thus, Fezy argues that "knowledge is not the product of frequent learning rather knowledge is a light that is kindled in the hearts of the chosen ones". This light is kindled in the heart of the one who has already purified his soul and mind via moral refinement and intellection and these all have their origin in God-wariness. Thus, Quran states: "and have God-wariness may God teaches you" (Al Baqara: 282). He establishes a multilateral relationship between faith and practice and believes that knowledge provides the ground for the increase of faith while the element of faith can set the scene for righteous action (Elm Al Yaqin, 12). In *Mahajat Al Bayza* he argues that the outcome of this relationship has a considerable influence on the development of human reason up to the fourth level. In the latter mentioned work it is suggested that human reason has a quadruple hierarchy and the result of the relationship of knowledge and practice decisively influences these rational levels. Mohsen Feyz is of the belief that the gap between the knowledge and practice is completely overcome when human reason ascends to the fourth level through the causal relationship. No doubt it is only in this case that the gap between the knowledge and practice can be tackled. To put it otherwise, knowledge through the aforementioned process turns to practice and the outcome of this epistemic operation can itself help the man to culminate from the lowest level of reason to the fourth level of reason.

Dmytro Mykhailov

PhD, Postdoctoral fellow, School of Humanities, Southeast University, Nanjing, China

FRAMING THE MORAL LANDSCAPE OF BIG DATA IN CHINESE HEALTHCARE: CULTURAL SPECIFICITIES, INFRASTRUCTURAL PITFALLS, MORAL POTENTIALITIES

'New Generation Artificial Intelligence Development Plan' (further abbreviated as AIDP) that was introduced and accepted in China in July 2017 marks a new stage in the history of national and global AI. The major purpose of AIDP is to make China the world leader in the AI industry by 2030. AIDP is not the only governmental initiative on the development of the AI industry in China. The other documents ('Beijing AI Principles', 'White Paper on AI Standards' etc.) were also published lately. An introduction of these governmental initiatives clearly illustrates the rapid development and implementation of AI into Chinese society. However, such a fast-moving technological development usually leads not only to social benefits but also to numerous ethical issues.

Among the broad range of sectors where AI will be implemented within the next years, the healthcare domain remains one of the most ethically vulnerable and morally demanding. Today's Chinese healthcare system experience several issues like permanent aging of the population, lack of doctors, poor primary care provision. AI implementation may solve, at least partially, some of them.

'Healthy China 2030', a governmental strategic plan for innovation of the healthcare system in China, emphasizes the significance of AI implementation for healthcare. One of the major strategic priorities mentioned in 'Healthy China 2030' is the priority of medical big data. Needless to say, today's China is an unquestionable world leader in the amount of data. As soon as data amount remains one of the major elements for the successful development of the AI industry China has big potentialities in this direction. This is one of many reasons why the medical domain gets so many investments from the government within the last years.

However, the Chinese medical big data domain has at least three problems. First, patient data are usually non-unified and stored in many different formats. That is why creating a unified and sustainable digital ecosystem should be a top priority. The development of AI depends on the quality of the data you feed into it.

Secondly, AI is always only a part of any answer; it is never an answer by itself. A comprehensive understanding of the Healthcare domain is strongly required. Every AI decision-support system must be patient-oriented and be centered around the doctor. Otherwise, it will momentarily lead to a swarm of ethical concerns and moral dilemmas. That is why AI, to have the desired impact on Healthcare, should be supplemented with medical expertise.

Finally, proper implementation of medical big data bags for comprehensive moral principles. To understand China's approach to medical big data one needs to take into consideration the country's culture, ideology, and public opinion. The principles which emerge from China make big stress on social responsibility and community relations, with relatively less focus on individualistic rights, thus echoing earlier discussions about Confucian ethics on social media.

These three specifications of the medical big data domain may serve as a good starting point for understanding the general moral landscape of Chinese strategy for AI implementation in Healthcare.

Major Project of the National Social Science Fund of China "The philosophy of technological innovations and the practical logic of Chinese independent innovation". Grant number: 19ZDA040.

Borçin Nevim

PhD Candidate, Central European University, Vienna

THE BIOLOGICAL UNDERPINNINGS OF 'THE PHILOSOPHY OF HUMAN AFFAIRS'

Aristotle never wrote a particular treatise on human beings. There are numerous remarks and discussions on human nature scattered in his extant texts. For instance, one can primarily find some remarks on bodily parts (*merē*), traits (*ethē*), activities (*praxeis*) and way of life (*bios*) of humans in the *History of Animals* (HA) and the causal explanations among those differentia in *Parts of Animals* (PA), discussion of the generation of human beings and related causal explanations in the *Generation of Animals* (GA), the capacities of the human soul in the *De Anima* (DA) and some remarks on human qua a substance in *Metaphysics*. Furthermore, besides his scientific and metaphysical texts, one can also come across abundant discussions and remarks on human nature in his ethical and political treatises, two inquiries which form "the philosophy of human affairs" (*anthrōpeia philosophia*) as Aristotle names it. The notorious function argument where he introduces the function (*ergon*) of human beings takes place in the very first book of *Nicomachean Ethics*. He uses the phrase that man is a political animal (*zōion politikon*) eight times in his surviving texts and seven of them occur in his *Ethical works* and *Politics*.

Aristotle appears to be using facts about human nature in his ethical and political writings. Drawing on his findings about human beings from his biological and psychological treatises such as *History of Animals*, *Parts of Animals*, and *De Anima* in his ethical-political works has given rise to endless debate among scholars. According to a dominant interpretation of his practical philosophy, for Aristotle the way a human being ought to be is

basically biologically determined by the inbuilt natural teleology. A considerable number of scholars have argued that the fact that Aristotle attributes a natural function and telos to human beings proves a 'biologistic' foundation of his practical philosophy. As one prominent defender of this interpretation, Bernard Williams says that "in Aristotle's teleological universe every human being...has a kind of inner nîsus towards a life of at least civic virtue" (Williams 1985, 44). It is not only human beings, but it is a "strong assumption about the nîsus of each natural kind of thing toward its perfection"(Williams 1985, 44). So, according to this reading human and non-human living beings alike strive for their respective virtue which serves the functions and purposes given to them by nature.

This paper is intended to be a contribution to this debate. My purpose is to investigate the biological underpinnings of Aristotle's 'philosophy of human affairs,' namely, ethics and politics, and bring some light to the 'biologistic' interpretation. My claim is that the 'biologistic foundation view' is mistaken, because for Aristotle natural teleology which applies to other animals doesn't apply as strictly to human beings. I will argue that due to their complex and heterogeneous form, natural teleology doesn't have a determining force in the case of human beings, but at most plays an explanatory role. This makes scientific information about human nature uninformative as a firm foundation for 'the philosophy of human affairs.' In showing this, I will first look into the function argument at EN 1.7, second, his theory of virtue, and finally, his claim that human is a political animal. I think these three topics form the major intersection between Aristotle's biological and ethical/political views. Further, I believe that they are interdependent discussions and when they are considered together, they reveal more explicitly, the role natural teleology and biology play in Aristotle's practical philosophy. Throughout the paper, I will refer to passages and discussions inside and outside ethical and political treatises. However, I will draw heavily on themes and discussions in Aristotle's zoological texts to show the biological underpinnings of his 'philosophy of human affairs.'

Nathaniel Peutherer

BA (Hons) Philosophy, undergraduate, Lancaster University, UK

LONGTERMIST VIEWS ON CORPORATE ACTIVITY

Reflections on our future potential have motivated support for ex ante longtermism: the claim that in our most important decision contexts the ex ante best option is the option which is ex ante best for the very far future. More recently, it has been argued that this commitment to the far future is at odds with capitalism. The capitalist system is said to preclude longtermist options by systematically neglecting the interests of future people. I argue that this view is mistaken and therefore subsequent calls for longtermists to adopt anti-capitalism are misguided.

I begin by outlining the motivation for longtermism before offering a set of decision contexts for which the thesis holds true. In line with the relevant literature, I assume longtermism to be true for a narrow set of decision situations that concern individual and societal resource-allocation. I then focus in on the societal context since this is the most likely to be influenced by large changes in economic structures. Finally, I assume that within a capitalist society these decisions of societal resource-allocation take the form of decisions about how corporations spend their resources. Therefore, the precise anti-capitalist claim centres on whether capitalism leads to the preclusion of longtermist options in the decision context of corporate resource-allocation.

To assess this claim, I consider the capitalist features of discounting and externalities. First, I argue that the profit-focus of capitalism combines with the mortality of investors to generate greater discounting of future welfare. Following the work of Venkatesh, I then argue that future people cannot influence corporate decision-making because they lack any influence over current market conditions such that their interests become externalities. Both of these problems can be solved by removing the underlying market structure that drives the profit-focus of capitalism. Therefore, supporting the claim that longtermists ought to adopt anti-capitalism.

However, this is not the only solution available to longtermists. Instead, they can adopt Schwartz's capitalist reforms centred around the legal basis for a corporation to act as an immortal investor. This legal basis grants the corporation perpetual existence and asset lock-in powers which enables them to adopt a zero rate of pure time preference and a vast investment time horizon. I argue that this immortality removes the corporations fixation on short-term profit to avoid high levels of discounting. It also allows the corporation to become a future entity without removing its influence over the present, thereby removing the problem of externalising future people's interests.

These reforms are plausible by anti-capitalist standards. I utilise Quigley's work on the presence of universal investors and Stout's work on reasonably value efficient markets to illustrate how additional features of capitalism can increase the feasibility of the immortal investing solution. Finally, I respond to two anticipated objections concerning the long-run efficacy of the capitalist reforms and the possibility that capitalism has additional, unaddressed faults.

Overall, I offer an alternative to the anti-capitalist solution by bringing together the work of various authors to bare on this new problem of reconciling longtermism with capitalism.

Mohammad Amin Rezaei

Medico

Mohammad Hossein Ranjbar

Medico, Student Research Committee

Maryam Rezaei Avarzaman

Bachelor of Nursing, Clinical Research Development Center,

Imam Ali and Taleghani Hospital

Kermanshah University of Medical Sciences, Kermanshah, Islamic Republic of Iran

CHARACTERISTICS OF AN OUTSTANDING ETHICAL PHYSICIAN FROM IRANIANS' VIEWPOINT. A QUALITATIVE STUDY

Introduction: Medicine is a highly demanding profession. A physician is expected to have specific characteristics to meet their sacred professional status from society's viewpoint. The criteria of an outstanding ethical physician in Iranian society were examined.

Methodology: A qualitative study was conducted through conventional content analysis in April 2021 using semi-structured interviews with 30 citizens in Kermanshah City. The participants were selected through purposive sampling. Totally, four group concentrated interviews were conducted (90min on average). To collect richer information, a diverse group of participants in terms of economic, social, religious, education level, and gender was selected.

Findings: The collected data was categorized into 48 subcategories and eight categories including scientific, communicational, belief, superficial, personality, service, supportive, and financial criteria.

Scientific criteria were categorized under 10 subcategories including proficiency, recruiting competent colleagues, providing feasible treatments, graduation from credible universities, being a faculty board member, giving opinion only in one's field of expertise, not buying research paper for a higher academic status, not exaggerating one's capabilities, avoiding unfair attacks to colleagues' reputation, and familiarity with ethical codes in medicine.

Communication criteria were categorized under 10 subcategories including good manners, respecting patient's privacy, paying attention to patient's problems, creating a sense of ease in patient through a short greeting before examination, giving adequate explanation about the measures, not imposing one's opinions, listening to patient, winning patient's trust, addressing patient with respect, and group work ability in operation room.

Service criteria were categorized under 10 subcategories including not keeping patients waited, not rushing into conclusion during medical examination, dedicating adequate time to medical examination, not dedicating the medical examination time to other stuff, performing medical examination in a private room, recurring a polite secretary, providing a descent and

comfortable waiting room, allowing patients and their company to use the bathroom of office, observing health codes, and medical check without discrimination (political beliefs, judicial sentences, etc.).

Belief criteria were categorized into three subcategories of medical piety, observance of religious codes, and chastity of eyes.

Superficial criterion was categorized into one subcategory namely professional code of dressing.

Personality criteria were categorized into for subcategories including trustworthiness, humbleness, decorum, and no drug dependence.

Financial criteria were categorized into seven subcategories including taking into account patient's financial status, providing cost-efficient treatments, taking part in charity organizations, not referring patients to one's private office, not accepting gifts from pharmaceutical companies, avoiding unnecessary follow-ups, and not referring patients to specific clinics in return of a share in the profit.

Finally, supportive criteria were categorized into three subcategories including referring patients to psychologists if needed, understanding the patient, and showing sympathy.

Discussion and conclusion: While scientific merits were one of the most important criteria for choosing a physician, the citizen needed more than scientific skills. The dimensions mentioned above affect one's idea of a good physician. Therefore, all of them should be covered in academic environments. By observing professional ethics principle, a higher level of health in the public is attainable.

Anna Lvovna Riabova

PhD, Associate Professor, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

THE CONCEPT OF PROFESSIONAL ETHICS IN HIGHER EDUCATION

Ethical leadership is a cornerstone of a socially responsible organization. However, organizations operating in transition economies experience a confusing mix of old and new institutional pressures. Hence, teachers as ethical leaders face a moral dilemma: whether to follow all laws, rules, values, and beliefs or to purposefully disobey some of these. If they make a wrong choice, their company will suffer a competitive disadvantage. Leaders who enroll in executive education programs receive mixed advice. The purpose of the paper is to analyze the challenges of ethical leadership in the context of contemporary higher education. In higher educational institutions the concept of professional ethics is regarded to be of utmost significance in achieving the desired goals and objectives. The paper discusses the significance, relevance, and usefulness of professional ethics in the context of higher education, highlights the meaning and significance of professional ethics, views the types of professional ethics, and measures to improve professional ethics. Professional ethics render a significant contribution in enabling the individuals to become good human beings as well as in achieving personal and professional goals. When the individuals get enrolled in educational institutions from nursery schools to universities, they also generate information from their educators. But it is up to the individuals to acquire an efficient understanding and implement them in their daily lives. As the individuals get enrolled in elementary schools, secondary schools, higher educational institutions and then get engaged in employment opportunities, the inculcation of professional ethics enables them to achieve their professional goals in a satisfactory manner. Apart from acquisition of education and employment opportunities, it is vital for the individuals to maintain good terms and relationships with their family members and emerge into productive citizens of the country. These objectives can be achieved, when the individuals generate information in terms of professional ethics. meaning and significance of professional ethics is recognized, when they are implemented in an appropriate manner within as well as outside the homes. Professional ethics are regarded as the principles, which are of utmost significance. It is vital for the individuals to focus upon professional ethics not only within the workplace or when they are pursuing educational programs, but it is vital for them to focus upon them in their personal lives as well. In order to achieve personal as well as professional goals, it is vital

for the individuals to focus upon improvements of professional ethics. The various types of professional ethics are, honesty, diligence, resourcefulness and conscientiousness, approachability and amiability, morality and ethics, truthfulness, justice and autonomy, communication, calmness, abilities to cope with psychological problems and maintaining confidentiality in professional relationships. When the individuals are well-aware of these professional ethics and put them into operation in their professional lives, they are able to benefit in number of ways. These include, performing one's job duties well, maintaining good terms and relationships with others, incurring the feelings of pleasure and contentment and achieving personal and professional goals.

Finally, it can be stated that when all the members are able to generate information and augment their understanding in terms of these measures, they are able to improve professional ethics as well as achieve educational goals in a well-organized manner.

Krzysztof Soloducha

dr.hab., Professor, Military University of Technology, Warsaw, Poland

**MORAL DILEMMAS AND ELIEZER YUDKOWSKY'S PROJECT OF
COHERENT EXTRAPOLATED VOLITION AS A TOOL FOR BUILDING
CONFIDENCE FOR DECISIONS OF AUTONOMOUS MACHINES**

The statistical paradigm of artificial intelligence referring to deep learning (more than 5 layers) of neural networks has rightly caused a crisis of confidence in its results, which can be supported by numerous examples of systems that learn from packets of provided data. However, the problem is exacerbated when we are dealing with autonomous machines that must work out decisions on the basis of data supplied directly from the environment in real time. The problem becomes not only the recognition of the machine in the situation on the basis of developed statistical patterns, but also the use of these recognitions to make decisions on the basis of provided criteria. A special case of such decisions are those that are made in situations of moral dilemmas.

The object of this presentation will be to show the relationship between the implementation of Eliezer Yudkowsky's program of coherent extrapolated will and the confidence that can be given to decisions made by autonomous machines, e.g. autopilot-driven cars in situations of ethical dilemmas, when several ethical strategies can be applied. Instead of a deontological strategy or a consequentialist strategy, Yudkowsky's proposal appeals to the proposition of virtue ethics supported by the authority of mathematics. However, the objectivist argument in ethics constructed in this way does not stand the test of ethical maturity proposed by Lawrence Kohlberg - it is unable to reach the level of third-person post-conventional morality and thus to fully realize John Rawls' Reflective equilibrium model. The result of the reasoning presented will be to show the weakness of statistical objectification and the difficulty of ethical acceptance of the decisions developed on its basis by machines using artificial intelligence in its current statistical form.

References:

1. Nick Bostrom, *Superintelligence*, Oxford 2014
2. Philippa Foot, *The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect*, <https://www2.econ.iastate.edu/classes/econ362/hallam/Readings/FootDoubleEffect.pdf>, access 17.06.2021
3. Jarek Gryz, *Artificial Intelligence: emergence, development, prognosis*, Copernicus Center, <https://www.youtube.com/watch?v=3ZDfVgC897k>, access 17.06.2021
4. Piotr Makowski, *Gilotyna Hume'a*, w. *Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria* Nr 4 (76) 2011, s. 1-15
5. Carl Schmitt, *Theorie des Partizanen*, Dunckler und Humblot 2006
6. Mirosław Szreder (2021), *Different aspects of statistical significance*, Copernicus Center <https://www.youtube.com/watch?v=QsJLCxHY794&t=2436s> access 15.06.2021
7. Judith Jarvis Thomson, *The trolley problem*, HeinOnline (<http://heinonline.org>), <http://www.psy.vanderbilt.edu/courses/hon182/thomsonrolley.pdf>, access 17.06.2021

8. Elizier Yudkowsky, Coherent extrapolated volition. The Singularity Institute, San Francisco 2004.

Sergei Talanker

PhD, lecturer

Western Galilee College, Israel

THE PSYCHOLOGICAL BASIS OF ETHICAL UNIVERSALISM

The most well-known, “classical” ethical frameworks, such as utilitarianism and deontology were developed in the eighteenth century, or the Enlightenment period. Nevertheless, they are still widely used today, despite the post-modern rejection and deconstruction of the Enlightenment ideals. Both of these frameworks are “humanist” and “universalist”, in a sense that they are supra-historical or cultural – an affront to the multiculturalist and perspectivist vision, supposedly prevalent nowadays.

Universalist moral frameworks’ longevity may be explained by their ability to correctly capture the mental processes and the frames of our minds qua socio-biological species that needed to both cooperate and punish defectors in order to survive. The end-result is a species-specific (humanist) conception of morality that allows our species to flourish. Evidence to such species-wide moral consensus is the presence of the different versions of the “golden rule” in the different cultures across the five continents.

On an individual level, the moral intuitions or immediate judgments of behavior of people of different cultures, strangely conform. This phenomenon has long been empirically studied and confirmed. It lies at the basis of the well-established ‘moral development’ framework in psychology, developed by Kohlberg and his followers.

The top two stages of Kohlberg’s six-stage framework of moral development are called ‘principled’. Those who reach these two levels of development judge morally dilemmatic situations through principles: the principle of utility on stage five, and the golden rule or the categorical imperative on stage six.

The Neo-Kohlbergian school of moral development has empirically refuted the hierarchy of moral principles, and nowadays we speak of a ‘principled level of development’. People who reach the principled level of moral development recognize a plurality of moral principles, each principle having a potential of being more salient in various situations.

Thus, contemporary psychology supports moral framework that is very similar to what is referred to in the analytic tradition of philosophy as ‘intuitionism’. One must, however, distinguish intuitionism, or the view that there are non-inferentially knowable moral principles, from intuitivism, or a belief that our immediate moral judgments are non-inferentially justified. The latter is not as well supported by empirical evidence as the former.

I argue that philosophical intuitionism and developmental-psychological cognitivism share five distinct features: relation to judgments and not actions; non-naturalism and universalism; independence of judgments from norms; immediate knowledge justification of the intuited moral principles; plurality and primacy of intuited moral principles.

Lorenzo Testa

PhD student

University of Pavia, Italy

MORAL AND NON-MORAL BLAME

Studies on moral responsibility have a long, established tradition. In recent years, many prominent scholars working in that tradition have developed several accounts of blame. The aim of these accounts is to explain our moral practices linked with blame: what do we do when we blame each other? Is blame a cognitive mental state, or an emotional one? In this paper, my aim is to highlight the importance of non-moral instances of blame. It is not true that we blame each other only for our moral failures: sometimes, we blame each other for our failures in other domains, too. For example, a sport enthusiast who blames a football

player for having failed a penalty kick is non-morally blaming the player. Instances of non-moral blame have often been neglected in the literature on blame and responsibility. There are, however, some possible objections to my view. In my paper, I address these objections. The first objection that I address is the moralizing objection. According to this objection, alleged instances of non-moral blame are, upon reflection, instances of moral blame. In other words, we may think that the sport enthusiast is aesthetically blaming the football player, but what he is actually doing is morally blaming the player. The second objection against non-moral blame is more serious. It concedes that sometimes non-moral blame may exist, but that what we call non-moral blame is, at the end of the day, only a form of evaluation and not genuine blame. The argument that I develop in the paper against the first objection shows that, once we properly define blame, it is easy to see that not every instance of blame is, ultimately, a form of moral blame. In replying to the second objection, I focus on the distinction between merely evaluating and blaming. My contention is that, while blaming an agent surely involves a form of evaluation, non-moral blame is not necessarily reduced to a mere evaluation. After having addressed these two objections, I emphasize the role of my analysis for the current debate on blame and responsibility, claiming that understanding the importance of non-moral domains can help us improving our knowledge of our moral practices.

Elena Tokmakova

master's student

Saint Petersburg State University, Faculty of Law

PRINCIPLES OF BIOMEDICAL ETHICS IN DIGITAL HEALTH MANAGEMENT

The Ministry of Health of the Russian Federation creates, develops and operates the Unified State Healthcare Information System (Item 1 of Article 91.1 of Federal Law No. 323). Both private and state institutions should participate in the exchange of information in this system (Order of the Government of the Russian Federation of May 5, 2018 No. 555). If a medical institution has a medical license, it is obliged to start transferring data to the Unified State Healthcare Information System. From 2020, an administrative fine may be imposed for non-compliance.

The Unified State Healthcare Information System consists of 3 levels: 1) Federal segment; 2) State information systems in the field of health care of the constituent entities of the Russian Federation; 3) The level of medical information systems of medical organizations.

The following principles of biomedical ethics should be applied in the management of the Unified State Healthcare Information System and regional segments of this system: the principles of respect for individual autonomy, the principle “do no harm”, the principle “do good”, the principle of justice.

The following basic rules should be applied in the management of the Unified State Healthcare Information System and regional segments of this system: the rules of informed consent, truthfulness, privacy, confidentiality. These principles are in accordance with the deontological model and the corresponding ethical teaching of Immanuel Kant about duty.

According to the teachings of Immanuel Kant, an action should be judged as due or right, based on the actions that we must take (categorical or hypothetical imperative). According to Kant, it is necessary in your attitude and behavior to be guided by the idea of respect. According to the teachings of Immanuel Kant, it is necessary to recognize the autonomy of each person. The nature of the relationship between doctor and patient, parent and child, state and citizen plays an important role. Consequently, the concept of professional duty as the highest value in the field of medicine correlates with the four basic principles of health care ethics: respect for autonomy, justice, beneficence, and non-maleficence. The actions of the actors of the Unified State Healthcare Information System and regional segments of this system should be guided by their professional ethics.

In the process of the transition to digital health care in medicine, new opportunities are opening up for the diagnostics, treatment and prevention of diseases of the population, and

the issue of protecting personal data related to the health of citizens becomes urgent. The limited use of health data of the citizens can protect a broader range of rights and freedoms of the individual, and the unrestricted use of health data of the citizens can lead to discrimination, violation of the rights and freedoms of the individual.

Fabio Tononi

Dr., PhD, independent researcher

QUANTUM MECHANICS, COGNITIVE NEUROSCIENCE, AND THE METAPHYSICS OF MORALITY

This paper inquires the extent to which scientific theories and empirical data can be the ground to investigate moral values in the community. In doing so, this paper addresses the following questions: (i) What are the ethical implications of some scientific discoveries and technological advancements? (ii) Who is entitled to answer ethical questions? and (iii) Can scientific achievements contribute to answering ethical and moral questions?

To shed light on these issues, this study focuses on the vicissitudes that led to the production of the atomic bomb, both in Germany and in the United States, during World War II. The projects that worked on the creation of nuclear weapons show a direct relationship between the nature of scientific practice and ethics. For example, Werner Heisenberg was at the head of the German atomic bomb project. However, we do not know to what degree Heisenberg was really working on it or if he purposely failed to create the bomb for ethical reasons. In fact, Heisenberg asked Niels Bohr the following question: ‘Does one as a physicist have the moral right to work on the practical exploitation of atomic energy?’

But here another question arises, that is, who can answer Heisenberg’s question? A scientist like Heisenberg, whose career depends on his discoveries and scientific achievements or a (true) philosopher, who has the ability to think independently?

In his *Groundwork of The Metaphysics of Morals* (1785), Immanuel Kant argues that ‘all moral philosophy is based entirely on its pure part’. He also states that a metaphysics of morals investigates ‘the source of the practical basic principles that lie a priori in our reason’. This means that everything concerning the rational part of ethics and moral law (which is universal and necessary) must be investigated through a priori rational reflection, that is, by pure philosophy. Therefore, a correct theoretical understanding of morality cannot be pursued a posteriori, that is, empirically.

On the other hand, Michael Frayn based the ethical assumptions contained in his play *Copenhagen* (1998) on Heisenberg uncertainty principle – which concerns the limits to our knowledge of the behavior of physical objects, like atoms or electrons – concluding that by nature humans are unable to truly morally judge one another. At this point, the question is: Do the recent advancements in the field of theoretical or quantum physics and cognitive neuroscience (i.e. neuroethics) challenge Kant’s attempt to establish a pure (a priori) ethics?

Victoria Violet

doctoral student

University of Oklahoma, USA

ETHICAL PITFALLS OF FINANCIAL DEMOCRATIZATION

With historic levels of income and wealth inequality in developed nations around the globe, academics and policy makers have sought solutions. I address the pitfalls in a proposed means for making wealth creation more equitable - so-called ‘democratization’ of the stock markets. I argue that one iteration of the approach, exemplified by the retail trading firm Robinhood, does not fulfill this equity ideal. International stock markets have created the greatest wealth in human history, and it has undoubtedly not been shared or distributed equally. Retail brokers like Robinhood make it cheaper and easier for ‘regular folks’ to get into finance, but at significant costs to both their users and the integrity of our financial markets. Financial markets can be a force for good, but only as long as they operate to meet their own appropriate goals of efficiently and productively allocating capital

resources. Retail-style trading, however, creates an environment more similar to a casino than an auction, potentially harming everyday traders and distracting finance professionals. The COVID-19 pandemic exacerbated these issues as a flood of individuals stuck in their home downloaded trading apps- looking to entertain themselves and feel like a part of some community as much as make financial investments. Wealth generation in this context comes apart from the allocative purpose of the market. This phenomenon reached a head during the Reddit-fueled frenzy of February 2021, where Gamestop and AMC among other 'meme stocks' astronomically rose in price, deviating far from what most traditional valuations would dictate these stocks to be worth based on their underlying fundamentals. These concerns can be mitigated with intelligently designed adjustments to the system that align profitability with ethicality. Such behavioral and structural changes can originate from market participants, technology providers who create the platforms used by participants, or market regulators.

Hao Yang

graduate student

Uppsala University, Sweden

A DEFENSE FOR VIRTUE ETHICS: VR ACCOUNT AND VIRTUOUS REASONS

Virtue ethics focuses on how we can become good people by living in accordance with the virtues. According to Aristotle in the *Nicomachean Ethics*, our function as human beings, which separates us from animals or other living beings, is the ability to engage in rational activity. Then, since virtues are character traits that help us perform the human function well by helping us engage in excellent rational activities, to be good people, we should perform actions with the appropriate virtues. As Aristotle says, "human good turns out to be activity of soul exhibiting virtue" (EN I. 7 1098a16). For example, the virtue of honesty is a character trait that leads us to perform actions honestly, and it is such a stable trait that could let us always perform the honest actions in all situations. However, as Aristotle mainly focuses on how to be a good person, he does not really give an account of right actions. In this way, contemporary virtue ethicists adapt Aristotle's account of what it is to be a good person and provide the basis for a virtue-theoretic account of right action. They introduce the role of fully virtuous agents, who have stable character traits and will always perform the virtuous actions in the given situation. As Hursthouse says in her work "Normative Virtue Ethics", an action is right if and only if "it is what a virtuous agent would characteristically (i.e. acting in character) do in the circumstances" (Hursthouse, 646). However, the role of the 'fully virtuous agent' in Hursthouse's virtue-theoretic account of right action, which is based on Aristotle's account of a good person, has been criticized from a variety of angles. While Hursthouse's argument cannot deal with these criticisms, Tiberius' virtue-theoretic account of right action, which she refers to as "Virtuous Reasons" (VR), provides the resources to overcome these challenges. According to Tiberius, an action is right if it shares the virtuous reasons that could guide a fully virtuous agent. In the first part of this paper, I will give a brief characterization of virtue ethics and the challenges it faces. In the following part, I will defend that if virtue ethics accepts Tiberius' VR account, it is still a genuine competitor with utilitarianism and deontology.

Xuanpu Zhuang

graduate student

Bowling Green State University, USA

IN DEFENSE OF A KUHNIAN CONCEPT OF MORAL PROGRESS

My goal is to defend a Kuhnian concept of moral progress: moral progress occurs when moral beliefs in question become closer to ideal moral beliefs, which are based on the consensus of society.

I begin with paradigmatic cases of moral progress, one of which is the abolition of the slave trade. Dale Jamieson provides a "Naïve Conception" to define moral progress: moral progress occurs when a subsequent state of affairs is better than a preceding one, or when

right acts become increasingly prevalent. Nevertheless, I claim that there are at least three different types of moral progress when we are discussing it: the improvement of moral beliefs, the improvement of moral practice, and the expansion of improvements in moral beliefs or moral practice. I show that this conception cannot properly describe the first type of moral progress. On the one hand, if we apply certain moral truths to explain how moral beliefs improve, this account of “Naïve Conception” may presuppose some form of moral realism. On the other hand, without certain moral truths, it seems hard for the Conception to apply, as some non-realists think we have different moral views in different stages of history. Given this, we need a more inclusive concept of moral progress, which could cover three types of moral progress without presupposing certain positions in metaethical theories.

I go on to introduce Thomas Kuhn’s account of scientific progress. According to Kuhn, scientific progress consists of two parts: normal science within shared stable commitments about scientific research, i.e., a “paradigm,” and scientific revolutions when such commitments changing. After that, I provide a Kuhnian concept of moral progress: moral progress occurs when moral beliefs in question become closer to ideal moral beliefs, which are based on the consensus of society. The consensus here is similar to some form of “moral paradigm”, which is constituted by a family of intuitive moral judgments and fundamental moral principles. I then argue this concept could work in paradigmatic cases of moral progress such as the abolition of the slave trade. The moral progress in this case of abolishment is more similar to the developments in “normal morality,” in which we already have some basic commitments about morality. One case of moral revolutions, I argue, is the development of the idea of universal equality implied in the abolishment. During the “moral revolution,” we have begun to accept that all persons should be treated equally since the 18th century. With the deeper understanding and new evidence in moral discussions, we could also see the developments in racial equality, gender equality, and equality of sexual orientation during these years, which I believe are also focused on this basic commitment in morality. In other words, we have come to a new moral paradigm now. With this Kuhnian concept of moral progress, we could allow the revisability of present moral beliefs and moral norms. In the meantime, this concept may be accepted by different metaethical theories, as it does not assert any position about moral truth.

«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

материалы круглого стола

Говорунов Александр Васильевич

к.филос.н., доцент, независимый исследователь

КАК ВОЗМОЖНО КИНО НА ИСТОРИЧЕСКИ СПОРНЫЕ ТЕМЫ? ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА З.ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Несомненной реальностью последнего десятилетия стало осознание того, до какой степени СМИ и вообще медийная сфера определяет картину реальности — от назойливой рекламы — до идеологически мотивированной картины истории, экономики, гендерных соотношений и т.д. Нельзя сказать, чтобы мы и раньше этого не сознавали — в общем, со времен если не Гуттенберга, то уж точно — со времени широкого распространения ТВ, а затем интернета. Но новой является скандальная сила и эффективность этого воздействия. До такой степени, что кроме растущей поляризации точек зрения — в которой, как на войны, годятся абсолютно все средства, который дают результат — ничего и не остается. Так что тема истины оказывается вообще невозможной и ее заменяет конструкт постправды.

Невозможно недооценить в этой сфере и роль искусства, в частности — кино. Как возможно говорить средствами искусства на те темы, которые до сих пор вызывают острую поляризацию в социуме — при этом, пусть и не бесстрастно, — избегая жесткой идеологической ангажированности?

В связи с этим весьма значим вопрос: как возможно кино на исторические спорные темы, которые и по прошествии многих десятилетий сохраняют свою остроту?

Художественные произведения об исторических произведениях — событиях исторически острых, переломных, насыщенных страстями и насилием, по поводу которых страсти еще не улеглись. Их ведь не так и мало — тех, которые, благодаря художественному таланту, остались в истории.

«Унесенные ветром», «Тихий Дон», «Хождение по мукам» — даже «Война и мир».

Но возможно ли такое относительно столь специфической темы как Соловецкий лагерь — и это после воспоминаний Д.С.Лихачева (эпизодически выведенного в романе и фильме) — и конечно же, «Архипелага Гулаг» А.И.Солженицына. Можно сказать, что именно художественное совершенство и сделало возможным такой разговор?

Роман З.Прилепина «Обитель» вышел 7 лет назад и получил ряд престижных премий. Но его экранизация происходит уже в совершенно иной политической и идеологической ситуации — степень идеологической «возгонки» и деления на «наших» и «не-наших» высока. И это сказалось на восприятии и оценках фильма. Сразу оказалось, что и степень художественного совершенства произведения — вещь в высшей степени относительная. Оставляя на время разговор о художественных удачах и неудачах фильма — возникает принципиальный вопрос: а возможно ли вообще не столь идеологически ангажированное восприятие художественных произведений на до сих пор острые идеологические темы? Не в том смысле, можем ли мы вообще уйти от ценностной оценки описываемых событий и, следовательно, художественного произведения. Вопрос в том, можно ли уйти от только идеологически мотивированного восприятия, когда все, что исходит от «наших» — априори хорошо и высоко художественно, а все, что от «не-наших» — конъюнктурная поделка?

Сильно забегая вперед и опуская до поры какую-либо аргументацию, можно сказать — за счет проецирования ценностной поляризации единящей силы межличностных отношений: дружбы, верности и, конечно, извечной силы любви.

Исаков Александр Николаевич

к.филос.н., доцент, Национальный исследовательский университет ИТМО

ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ЖЕРТВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНО О ВОЙНЕ

Говоря об экзистенциально мотивированном советском и российском военном кинематографе логично начать с творчества Андрея Тарковского, чья картина «Иваново детство», возможно, лучший фильм об отечественной войне. Для нас здесь важно, что эйдетика войны представлена у Тарковского на основе контраста героической образности реального действия, отображающей эмоциональные состояния и непосредственные психические реакции маленького героя, и экзистенциальной поэтики снов Ивана, посредством которой автор открывает зрителю жертвенную суть этого образа. Даже в его счастливых снах (которых нет в рассказе В.Богомолова, литературной первооснове фильма) тотальность войны и неизбежность смерти не отпускают героя, любопытно, что присутствие смерти во сне Ивана представлено через безобидный, на первый взгляд, образ яблок под дождем. Трагическая суть этого образа отсылает к немому фильму А. Довженко «Земля». В энергичной языческой поэтике Довженко яблоки являются обобщающим символом, соединяющим смерть (маленький человек упал на дороге, а яблоки упали по всей Земле, как будто рухнул гигант космических размеров) и бессмертие той новой жизни, за которую погиб герой. В христиански ориентированной поэтике Тарковского любой «маленький человек», живущий по правде, уже гигант по определению, а его смерть — событие космического

масштаба. С нашей точки зрения, фильм Тарковского важен и интересен тем, что он задает определенную эстетическую доминанту выражения эйдетики войны в отечественном кинематографе, где позитивная каузальность героического стремления к победе отделяется от добровольного выбора бытия жертвой. К фильмам такого типа, по нашему мнению, можно отнести «Проверку на дорогах» (1967 г.) Алексея Германа, в котором герой В. Заманского, перебежавший от немцев к партизанам, не стремится выжить и даже не думает о победе, он только хочет, чтобы его не тупо расстреляли, но принесли в жертву хотя бы со сколько-нибудь понятным смыслом. «Восхождение» (1976 г.) Ларисы Шепитько, где идея жертвы, ее определяющее место в эйдетике войны представлены во всей экзистенциальной полноте. По мнению режиссера, выбор бытия жертвой — это не спонтанное решение и не постоянно открытая возможность, а жизненный итог и заслуга; так, в этом выборе отказано герою-предателю, и автор особо акцентирует этот момент, помещая его в конце действия и завершая картину сценой отчаяния персонажа В. Гостюхина. Из фильмов современных режиссеров можно назвать «Переправу» (2009 г.) Дмитрия Макеева. Действие фильма происходит в июле 41-го среди общей неразберихи двадцать еще необстрелянных солдат при трех орудиях движутся к какой-то неизвестной переправе, по дороге они натываются на примерно такой же по численности отряд немцев, и все гибнут, практически не причинив противнику какого-либо урона. В конце фильма знойное лето превращается в холодную зиму (метафора смерти), «погибшие» воины греются у костра, потом строятся в колонну и выступают по команде, их действия собраны и организованы по контрасту с растерянностью в начале фильма. Обобщая идею картины, можно сказать, что после своей смерти герои фильма даны нам в эсхатологическом видении, и с этой точки зрения они становятся частью того жертвенного целого, которое враг так и не смог одолеть, и поэтому, несмотря на случайную нелепость своей смерти, они все равно победители.

Климов Ярослав Игоревич

аспирант, Рязанский государственный университет им.С.А.Есенина

ЭТИКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Современное кино представляет особый интерес для рассмотрения вопросов этики. Так, например, вопрос о создании цифровых копий актёров на экране занимает достаточно важное место в контексте использования технологий в кинематографе.

В продолжении «Бегущего по лезвию» появилась молодая Шон Янг, исполнительница роли робота Рейчел в первом фильме (на момент производства сиквела актрисе было 57 лет). В то же время отдельным дискуссионным вопросом является – оживление мертвых актёров. Так, зрители негативно встретили решение создателей фильма «В поисках Джека» о создании цифровой копии актёра.

Способность к принятию самостоятельных решений, иначе сказать, способность быть источником собственной деятельности или способность поступать иначе [1] принято называть свободой воли. Дискуссия по поводу этого понятия в современной аналитической философии очень сложна; тем не менее, именно отсутствие свободы воли в более-менее общепринятом понимании у цифровой копии актёра является корнем этических проблем, связанных с ее использованием в кино – например, невозможности получить санкцию от создателя экранного образа на его использование (в случае, если актер мертв), в результате чего «участие» цифровой копии перестает быть этически нейтральным. Вероятно, и невозможность (точнее, нежелание) зрителя сопереживать цифровой копии, ассоциировать себя с ней также связана с тем, что копия мыслится как полностью детерминированное существо, еще в большей степени лишенное способности к обратной связи с человеком, чем живой актер кино. И в этом плане едва ли возможно говорить ни об актерской манере, ни о выражении эмоций и т.п.

Возможны, в целом, два варианта. В одном на экране цифровая копия человека действует согласно сценарию (как происходит в сегодняшнем кино), в другом – что в кино невозможно, но возможно в компьютерных играх – виртуальный персонаж, управляемый искусственным интеллектом.

Передача творческих процессов (коим является, несомненно, актерская игра) машинам – очень заманчивая перспектива, однако экономические и социальные последствия этого непредсказуемы. Однако исследователи в области искусственного интеллекта, создающие в т.ч. нейронные сети для создания художественных произведений [2], говорят о «псевдотворчестве»: «развитие «функциональных» возможностей... систем от грубой схемы сюжета до художественного оформления и компьютерной анимации вплоть до театра роботов создает иллюзию того, что это — действительно машинное творчество. При этом забывая ключевое слово имитация». [3] Повидимому, вопрос о том, может ли цифровая копия быть столь же реальной, что и человек в кадре, может быть решен в пользу первой только при условии создания сильного искусственного интеллекта, когда «компьютер – это не просто инструмент разума; скорее, правильно запрограммированный компьютер сам есть разум в том смысле, что, имея определенное программное обеспечение, он буквально будет способен к пониманию и другим когнитивным состояниям», [4] в частности, эмоциональной оценке ситуаций. В этом плане показательными являются некоторые фильмы о «живых» или «оживших» роботах (например, «Двухсотлетний человек» К.Коламбуса, снятый по повести А.Азимова), где наличие сильного ИИ является предпосылкой сюжета – которому, как оказывается, мы можем сопереживать легко, потому что не видим сущностной разницы между искусственным существом и человеком.

Литература:

1. O'Connor T. Free will // Stanford Encyclopedia of Philosophy <http://plato.stanford.edu/entries/freewill/> (Дата обращения 29.09.2019)
2. Яркий пример – «стихотворение», написанное нейросетью Сбербанка, которую создатели сравнивают с булгаковским Шариковым: <http://lentka.com/a/705835/> (Дата обращения 25.09.2021)
3. Карпов В.Э. Имитация творчества: от псевдолитературных произведений к компьютерному кинематографу / Философия творчества. Под ред. Н.М.Смирновой, А.Ю.Алексеева. – М.: ИИнтелл, 2015, стр.413
4. Searle, John. R. Minds, brains, and programs. Behavioral and Brain Sciences 3 (3), 1980
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: «Медиум», 1996. с.15-65

Литвинский Вячеслав Михайлович

к.филос.н., доцент, независимый исследователь

БАБАЙКИН ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

12 июня 2021 года в Санкт Петербургском Союзе художников состоялся пред-показ документально – игрового фильма Владимира Васильева «Бабайкин против Наполеона», посвященный творчеству художника русского северного андеграунда Виталия Бабайкина (1958 – 2017) анонсированного в новостной передаче на НТВ в качестве вологодского Пиросмани. Участие в пред – показе позволяет сформулировать ряд идей, связанных с тем, что принято называть контекстом творчества, принадлежностью определенной эпохе, культуре, социально – политическим условиям жизни художника.

1. Отчуждение от собственной истории. Кажется, Гете принадлежит простая, но в философском отношении емкая мысль, что на Рим надо смотреть не глазами, на Рим надо смотреть сердцем. Для жителя провинциальной России память сердца ограничена тем, что взгляду современного горожанина доступна только история последних 50 -150 лет. Для него знание своей истории как части исторического прошлого может

быть выражено с помощью «стылого света обобщений», но ускользает от переживания. Историчность человека провинциальной России отчуждена от событий большой истории. Дерево как основной материал для строительства в отличие от камня – недолговечно. Можно предположить, что стремление современного русского человека на Запад связано не столько с социально – политическими предпочтениями и бонусами, а и с возможностью пережить собственную принадлежность к большой истории, почувствовать прикосновение к памятникам истории тысячелетий, будь – то Коллизей в Риме, или кафедральный собор Дуомо во Флоренции. Не так глупо предположить, что одним из средств преодоления собственного отчуждения от большой истории, особенно в условиях ограниченности ресурсов повседневного вербального общения – невозможности выразить переживание историчности на языке официальной идеологии – выступает художественное творчество, в том числе и живопись В. Бабайкина. Историю можно и нужно рисовать.

2. Творческое выражение ностальгии. Когда – то М. Хайдеггер метко подметил, что ностальгия – самое философское умонастроение, пробуждаемое чувством утраты того, что когда – то было частью собственной жизни и чья цена обнаруживается всегда только со временем, воспоминаниями о прошедшем – живой памятью родных мест, близких людей, друзей детства.... Но разве движение к собственным истокам, процесс обретения смысла собственной жизни не совершается в определенном историческом контексте, отодвигающем исторический горизонт все глубже в историческое прошлое, а вместе с тем и расширяя его для объемного мышления. Здесь происходит нечто подобное тому, что когда – то подметил И. Бродский, пытаясь прояснить различие между Западом и Россией с помощью метафоры переживания живописного произведения и иконы в сакральном пространстве храма: события священной истории на художественном полотне эпохи Возрождения и умная молитва перед иконой в полумраке русской церкви связаны с различием нарратива и транс.

3. Нарратив и транс. Погружаясь в поток событий, объединенных нарративом, человек отдает себе отчет в том, насколько ему это удастся, вместе с многообразием тех оттенков мысли, чувств, настроений, из которых, если повезет, иногда рождаются иные миры. Когда – то провидя порождающую способность языка, поэт пророчески восклицал: «Мне нужен мир второй, огромный как нелепость, а этот мир маячит, не мая...». Порождающая способность транс выражена менее очевидно, но мощнее, захватывая человека целиком, во всей его полноте и особенностях, что влору назвать одержимостью, страстью. Творческий процесс не может быть депрессивным, он полон жизни, присутствие которой так очевидно в произведениях В. Бабайкина.

Маркосова София Юрьевна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
**«СЕРАЯ МОРАЛЬ» И ОБРАЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО В СОВРЕМЕННОМ
 РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «МАЙОР
 ГРОМ: ЧУМНОЙ ДОКТОР» (РЕЖ. ОЛЕГ ТРОФИМ, 2021)**

Во времена СССР телевидение активно выполняло роль не только СМИ, но и СМПП – средства массовой информации и пропаганды; передачи и фильмы, прежде чем попасть на экраны, проходили проверку. Массовое советское кино идеализировало и морализировало. Это касалось и образов героев: милиционер, например, обязательно был доблестным и смелым (как герои «Место встречи изменить нельзя»), делать что-то нелепое или нечестное ему допускалось только в комедийном ключе (следователь Мячиков в фильме «Старики-разбойники»).

Постсоветская милиция в кино — уже продажная, порочная и не супергеройская, но ближе к народу. В образах власть имеющих отражаются веяния времен. На экранах мелькают неоднозначные милиционеры с неоднозначной моралью. Герой-милиционер теперь может быть отрицательным персонажем (Пашутин из «Ворошиловского стрелка»). Кинематографисты так винят их в нестабильности и пороках об-

щества. Грань между добром и злом становится не такой явной, вытесняя привычную массовому зрителю советского кино борьбу хорошего с лучшим.

Современный российский кинематограф отличается серой моралью: протагонист и антагонист сочетают в себе положительные и отрицательные черты, однако в разных пропорциях. Один из ярких примеров — кинокомикс студии Bubble «Майор Гром: Чумной доктор» (реж. Олег Трофим, 2021), первый фильм о приключениях Игоря Грома, полицейского из Петербурга, сражающегося со злодеем в маске Чумного доктора, который хочет «отчистить город от болезни коррупции и беззакония».

Герой — ни хороший, ни плохой, против зла, но покрывающий друга-мошенника — нетипичная модель для современного зрителя. Аудитория, привыкшая к негативному или комедийному изображению, не воспринимает полицейского как протагониста, а параллель между злодеем и героем, схожесть, которую замечает злодей, выступает аргументом против. Позиция «он не идеальный, но остальные еще хуже» намерена исключить Грома и его соратников из общего контекста и показать, как может и должна работать полиция в альтернативной версии нашего мира. Профессионально незачищенное поведение остальных полицейских (герои условно делят сотрудников на «собак» и «сыкунов») контрастирует с деятельностью Грома (и его напарника Димы): пока один из полицейских в участке отказывается помочь дедушке найти кошелек, Гром, замечая это, отдает последние деньги, хотя сам живет очень бедно.

Фильм был неоднозначно встречен массовой аудиторией. Сначала он провалился в прокате из-за бойкота и черного пиара радикально настроенных оппозиционеров и провластных блогеров. Выход фильма совпал с волной митингов ФБК (на территории России признан иноагентом), политизированные зрители сочли фильм реакцией на происходящие события. Основной посыл фильма — нельзя отвечать насилием на насилие, иначе ты никак не отличаешься от того, против кого выступаешь — был негативно трактован радикальными оппозиционерами. Странники Чумного доктора показаны отморожками, которых тот использовал для уничтожения коррупционеров, прочего «сброда», и после планировал сдать их государству. Однако против выступили и провластные блогеры, СМИ. Те заявляли, что героя-полицейского, работающего на систему, она не устраивать не может, а все действия майора Грома лишь показывают доблесть российской полиции.

Таким образом, зритель массового кинематографа, привыкший к черно-белой морали, не смог рассмотреть посыл и сделать самостоятельные независимые выводы. А поиск ангажированности и принадлежности к одной из политических сил привел к провалу картины, так как ни одна из сторон не причислила ее к своему способу пропаганды. Кроме того, почти что доблестный образ полицейского, частичная аллюзия на «справедливую» милицию СССР, не прижился в сознании массового зрителя, так как все еще присутствует влияние постсоветского кинематографа и привычных тому времени образов милиционера.

Огарков Александр Николаевич
доцент, Санкт-Петербургская государственная

художественно-промышленная академия им. А.Л.Штиглица

МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ И ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО КИНО

«Национальное чувство», а, значит, и искусство, содержат не до конца читаемую на уровне семантики составляющую, которая легко может стать объектом иронии, например, подчеркнута гипертрофированные гистрионизм и лабильность парижан в «Фаворитах луны» Иоселиани. Во французском кино такой трудно выражимой составляющей является сохраняемая во всех слоях жизни романтическая приподнятость религиозного чувства, вместе со странным упорством его носителя. Не принадлежат ли эти качества твердости и разумности в поведении «скорее моральному, чем психологическому порядку»? (Эфр, «Мир Робера Брессона»)

Ответив «да», нужно идти дальше: восхищение тайной целостностью мира, и нравственный инстинкт – это «католическое чувство», ясное для его носителя, но не реализуемое как законченное действие без уникального случая.

Поэтому свяжем янсенизм Брессона и этическое антикантианство его соотечественника Эрика Ромера, признанного аналитика душевных состояний, неустанно создающего квазирелигиозные сюжеты, которые на самом деле отсылают к пограничным сферам чувственности. Стоит отметить, что Ромер много лет был главным редактором синефильского журнала *Les Cahiers du cinéma*, объединяя «крайности» Робера Брессона и Люка Годара своим уникальным стилем. Вот его знаменитый фильм «Моя ночь у Мод», четвертый из шести в цикле «Притчи с моралью», пронизанный провоцирующей пафос категорического императива интенцией. Герой, «правовой католик» (по его собственному определению), в маленьком французском городке накануне Рождества беседует в кафе с другом не о чем-либо, а о математическом доказательстве бытия Бога и пари Паскаля. Его уверенность в «ставке на Бога» подтверждается как минимум трижды: твердостью перед либертинажем искушенной женщины, поразительно тонко запечатленным камерой переломом к снежной оттепели после холодной жестокой ночи, интерпретацией случайной встречи с незнакомкой на мессе как божественной предопределенности. Так морализм, поначалу выглядящий довольно комично, в лабиринте тонких испытаний трансформируется в возвышенный поступок свободной воли.

Фильм, кроме «рамочной» истории, имеет дополнительные разметки, поддерживающие достоверность «эффектом реальности»: «документальные» начальные панорамные виды собора и площади, магазинов и кафе, заполненных горожанами, покинувшими дома в возвышенном порыве; точно настроенная всеохватывающая «светосность», высветленность внутренних и внешних пространств, ажурная легкость снежного покрова; и, наконец, встроенность аффективности в мир без случайностей.

Пугачёва Юлия Сергеевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

«СОЛЯРИС» ТАРКОВСКОГО ДЛЯ НЕЗРЯЧИХ:

МЕЖДУ МЕТАФОРой И СТРОГОСТЬю ИЗЛОЖЕНИЯ

По признанию тифлокомментаторов, одним из самых сложных в работе российских режиссеров является Андрей Тарковский, так как его фильмы полны пауз (хотя для тифлокомментатора это хорошо, так как именно в них должно быть вложено описание), но с другой стороны — эти же паузы сами по себе являются говорящими и наполнены собственной, иногда невыразимой атмосферой, которая дополняется крайне насыщенным визуальным рядом. И здесь возникает главная проблема тифлокомментирования Тарковского: с одной стороны есть соблазн озвучивать каждую деталь и просто не дать незрячему человеку услышать сам фильм, а с другой — молчать слишком долго из-за чего у незрячего может создаться ощущение дезориентации, так как он может подумать, что дорожка тифлокомментатора вышла из строя.

Одним из важнейших социальных качеств, свидетельствующих об адаптации незрячего человека к окружающей действительности, является способность к ориентации в пространстве, осуществляемая им благодаря тактильной и слуховой чувствительности. Поэтому тифлокомментаторы во время озвучивания фильмов уделяют особое внимание направлению взгляда героев или же тому, каким образом они осуществляют свои движения. Так в первых кадрах Крис описывается как человек, смотрящий вдаль, равно как и не упускаются мельчайшие жестуальные коммуникации героев, которые дотрагиваются друг до друга с той или иной степенью нежности, притяжения или иных эмоциональных побуждений.

Тифлокомментарий нередко смешивает несколько источников чувственности, чтобы описать сложные сцены. Например, легендарный отрывок в тоннелях, где движется автомобиль Бертона, включает в себя описание линий электрического света, из-за скорости превращающиеся в непрерывные ленты, индустриальные пейзажи, напол-

ненные цветом бетона и асфальта, планы с высоты птичьего полёта. Все это рождает ощущение подготовки к вземному — космическому движению на станцию.

Относительно внешности героев и пространственной ориентации для незрячих также важно в тексте тифлокомментатора подчеркивать положение лиц героев, то есть описывать в профиль или в анфас расположены персонажи по отношению к зрителю.

Благодаря всему этому у незрячего человека создаётся ощущение не только внутрикадрового, но и закадрового пространства, а также неповторимое чувство бесконечности, когда среди описанных тифлокомментатором крупных планов людей и объектов или же особенностей замедленной/ускоренной съемки, в финале фильма появляется дом Криса, где он стоит на коленях перед отцом. Камера возвышается, дом и пруд с уже так знакомыми по разнообразию описаний трепещущими травами, отдаются, оказываясь посреди бескрайнего океана Соляриса.

Романова Ирина Константиновна

к.филос.н., доцент, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В КИНОДРАМАТУРГИИ

Считается, что моральное сознание фундировано категорическим императивом. Желание и закон разведены: желание замкнуто на аффективность, закон устанавливает независимость высшего принципа воли от желания. Однако свобода прямо не отсылает к добродетели, а наслаждение к пороку: тогда наслаждение законом и закон наслаждения стали бы связанной парой, блокирующей возможность быть субъектом морального действия.

Поэтому одна из претензий развитого вкуса и авторского кино к голливудскому кинематографу – его политкорректность, доведенная до абсурда бюрократических предписаний. И дело даже не в запретах, а во всевластном ханжестве, не только инфигирующем чувственность ресентиментом, но и торжествующем на «Оскаре». Уже отработал свое «кодекс Хейса», отмененный в 1967 году. Но по прежнему вопрос о том, какой будет добродетель в следующем сезоне, решает конкурсная комиссия. Сейчас это квоты на расовое представительство и гендерное многообразие.

Однако мораль не автомат долга, а борьба этических мотивов. Не лучше ли предлагать вместо набора пороков и добродетелей сюжетную ситуацию, в которой кристаллизуется мотивированное поведение? Его конструирует практический разум через драматургию, когда вмещаемость локализуется и обретает своего носителя: ведь сложный мотив есть высшая ценность.

Такая – альтернативная голливудской – концепция формирования морали в кинодраматургии, в целом локализовавшаяся в Европе, однажды заработала и в новом российском кино. Наиболее талантливые представители молодого поколения русских режиссеров 90-х разработали востребованную временем стратегию не прямых моральных инвестиций в кинодраматургию. Ею стала стилистика деконструкции апокалипсиса, в свое время использованная киберпанком.

Первопроходцем стал Борис Хлебников в своем раннем фильме «Свободное плавание». На фоне абсурдистских сцен разложения советского уклада жизни молодой герой из маленького приволжского городка демонстрирует швейковскую шизофреническую этику отзавания катастрофы, выстраивая востребованное им счастье в «поперечном» всеобщему абсурду поведения апокалиптического оптимиста.

Столь же значительным вкладом в новую драматургию стал фильм «Аритмия». Широкая панорама постсоветского неблагополучия через бунинскую оптику наблюдения за судьбой молодой семьи врачей из «Скорой помощи» позволяет локализовать на нескольких сценах душевное смятение «работников ада»: здесь, среди угасающих жертв, не получатся ни любовь, ни покойствие, ни дети, ни тем более комфорт. Но

зато получается жестоко руководить чужой жизнью, презрев свою, демонстрируя профессиональную выученность и презрение к «начальству». Хлебников даже не особо щадит зрителя: последний эпизод с умирающей девочкой не дает катарсиса, но позволяет поклониться тщедушному врачу, решительно взявшему на себя тяжкое бремя мужественности.

Второй представитель плеяды российских режиссеров «непрямой моральной инвентии», Юрий Быков, пользуется инструментами экзистенциальной этики в фильме «Майор», спускаясь еще ниже по лестнице катастрофизма, – в отделение полиции российской глубинки. По сюжету заместитель начальника этого отделения совершает наезд на ребенка, направляясь к своему еще не рожденному ребенку. Этот факт приводит в необратимое движение сразу несколько цепочек детерминации, каждая из которых аннигилирует остальные: корпоративной этики центурионов; этики власти; этики жертв, круг которых неотвратно расширяется; высвобождающейся мотивации невольного палача, отказывающегося стать убийцей. Цепочки взаимно замыкаются, вызывая «эффект Медси»: самый профессиональный палач и аналитик, устранив всех свидетелей, отпускает невольного убийцу и главного свидетеля выполнить свой последний долг, содержание которого – этически неприемлемое действие. Этически неприемлем и сам невольный убийца, слабость которого привела в действие всю механику, тем не менее он вызывает к душевной работе невербализуемое моральное состояние.

Сергиевская Галина Евгеньевна

к. филос. н., старший преподаватель, Военная академия

материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИНЕМАТОГРАФА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Наверное, сегодня уже никто не будет оспаривать тот факт, что кинематограф играет огромную роль в нашей жизни. Это уже не просто вид искусства, но фактор оказывающий влияние на фактически все стороны нашей жизни, начиная с внешнего вида и заканчивая мировоззрением. Не использовать такой мощный фактор в образовательном процессе было бы непросчитанной ошибкой тем более что наше быстро меняющееся время, время бурного и стремительного развития техники предьявляет к преподаванию все новые и новые требования, а желаемые результаты труднодостижимы при использовании лишь традиционных методов обучения, без применения современных интерактивных технологий.

Однако надо заметить, что развитие технологий носит далеко не однозначный характер. Приходится констатировать, что вербальная культура сдает свои позиции и активно заменяется аудиовизуальной. Выросло не читающее поколение, к сожалению, зачастую не знакомое с мировой художественной культурой и слабо (чаще всего не более, чем школьная программа) знакомое с отечественной литературой. В связи с чем возникают определенные проблемы в преподавании, особенно это касается обществоведческих дисциплин. Возникают сложности с использованием форм и методов обучения, основанных на диалоговых формах познания, проблемы с иллюстративным материалом. И здесь на помощь как преподавателям, так и обучающимся приходит кинематограф. Благодаря ставшей легко доступной технике стала возможной демонстрация видеоматериалов. Причем на помощь преподавательскому составу приходят не только учебные, научные и научно-популярные или документальные фильмы, но, практика показала, что игровое и анимационное кино тоже могут стать хорошим подспорьем и играть большую положительную роль в педагогическом процессе. Художественные фильмы не только демонстрируют фактический пригодный для анализа материал, но способны стать предметом обсуждения для воспитания морально-этических и профессиональных качеств, развить коммуникативные навыки и повысить эрудицию обучающихся. Также использование учебных фильмов представляется весьма целесообразным в связи с тем, что, во-первых, как известно, наибольшее количество информации мы получаем именно посредством зрения. Во-вторых, эта инфор-

мация является более осмысленной и хорошо сохраняется в памяти. В-третьих, не стоит забывать и о клиповом мышлении современного молодого поколения.

Хотелось бы отдельно остановиться на том, что любой фильм должен быть не просто просмотренным, но обязательно прокомментированным и обсужденным. В практике преподавания пришлось столкнуться с тем, что обучающиеся плохо ориентируются в реалиях предыдущих времен, попросту плохо знакомы с историей не только мировой, но и отечественной. Также прагматизм нашего времени не позволяет им понять душевные переживания героев, мотивы их поступков.

Еще одним печальным результатом развития технологий стало катастрофическое обнищание словарного запаса молодежи. Телеграфный стиль общения в соцсетях, прогрессирующая безграмотность публикуемых в них текстах наносит существенный вред коммуникативным способностям. Обсуждение фильмов может, на наш взгляд, помочь если не устранить, то по крайней мере минимизировать эту проблему.

И, пожалуй, последнее, что хотелось бы сказать в пользу применения киноматериалов в учебном процессе, это то, что совместный просмотр и обсуждение фильмов делают учебный процесс не только более интересным и запоминающимся, но также сближают преподавателя и обучающихся, делают их более понятными друг другу и, как следствие, укрепляют их взаимоотношения.

Смирнов Алексей Викторович

д.филос.н., доцент,

Беззубова Ольга Владимировна

к.филос.н., доцент,

Санкт-Петербургский горный университет

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИРОВАННОГО ДИСКУРСА В СОВЕТСКОМ ШКОЛЬНОМ КИНО:

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Тема детства обладала особым статусом в советской культуре (также, впрочем, как и в дореволюционной российской), что позволило сформироваться целому ряду жанров, среди которых нас будет интересовать так называемое «школьное кино». К данной категории могут быть отнесены как фильмы, предназначенные для детей, так и фильмы, обращающиеся одновременно к подросткам и взрослым. И если сюжеты фильмов 50-х гг. чаще строились вокруг проблемы самовоспитания, преодоления трудностей, для оттапливающего и более позднего кинематографа на первый план выступает поиск идентичности и переживание экзистенциального опыта. Особое внимание уделялось при этом проблеме взросления, поскольку детство представлялось как идеальное состояние, которое неизбежно бывает утрачено. Однако вопрос заключается в том, в какой степени взрослый человек способен сохранить лучшие качества, свойственные ребенку. Одним из излюбленных сюжетов в этом контексте становится сюжет о первой любви, необходимом этапе взросления, трансформирующем подростка во взрослую личность. Трактовка данного сюжета, так же как и сам школьный кинематограф, изменялась со временем, создавая различные конфигурации экзистенциального и этического. Мы предполагаем обратиться к данной теме на примере «школьной» трилогии С. Соловьёва, снятой в период с 1975 по 1982 и включающей такие фильмы, как «Сто дней после детства», «Спасатель», «Наследница по прямой». И хотя авторский почерк Соловьёва нельзя называть типичным для советского кинематографа данного периода, основные идейные моменты его искусства вполне вписываются в советский кинематографический канон и одновременно превосходят появление постсоветского кино. В строгом смысле слова, к жанру «школьного кино» можно причислить только первый фильм трилогии, «Сто дней после детства», но во всех трех фильмах присутствует объединяющая тема, позволяющая рассматривать их в едином контексте. Таким элементом, на наш взгляд, является русская классическая литература, определяющая для героев не только рамки восприятия происходящих

событий и способы их проживания, но и способы говорения о них, становясь тем языком, на котором могут быть выражены смыслы, связанные с опытом взросления. Таким образом, русская литература предоставляет героям «фрагменты любовного дискурса», необходимые для выражения собственных чувств. Немаловажно и то, что в финальной сцене первого фильма трилогии овладение данным дискурсом и связанные с ним переживания представляются как самоценные. Что касается последующих двух фильмов, то в них мы видим деконструкцию литературоцентрированного дискурса, транслируемого в рамках школьных уроков русской литературы, его несостоятельность при столкновении с реальностью.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Тебякина Елена Евгеньевна

к.филос.н., преподаватель, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

Предовская Мария Михайловна

к.филос.н., доцент, Национальный государственный университет

физической культуры, спорта и здоровья им.П.Ф.Лесгафта

СЕРИАЛЫ – НОВАЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ МЕТАМОДЕРНА

Мир IT-технологий создаёт виртуальную гиперреальность, к которой вынуждены адаптироваться все аспекты современного существования человека, включая представления об историческом прошлом. Гиперреальность не просто термин введенный Ж. Бодрийяром, но феномен и детище XX века, по характеристикам приближающийся к достоверности, ставя целью доминирования над реальностью. Исторически сложилось мнение, что повседневная жизнь человека как существа принципиально конечного, требовала особых практик его символического включения как индивида в общий исторический контекст, поэтому формируется представление о прошлом, настоящем и будущем в пространстве мифа, а затем – в рамках религиозной и научной картины мира. Но научная картина мира так и не смогла полноценно конкурировать с религиозной в плане завершенности и всеобъемлемости, и на исходе XX века в спор за право реализовывать эту функцию включаются не только философия, но и искусство, пытающееся использовать гиперреализм как метод конструирования социальной реальности, в котором научные методики расширяются средствами новейших технологий до пределов, которые современная наука не в состоянии покорить. Фантастика как жанр становится мировоззренческим ориентиром для масс, чье воображение более развито, чем рациональность, она прогрессирует от литературы к визуализациям, от фильмов – к сериалам, не просто подталкивая общество к осознанию технократические практики, но приучает к факту, что благодаря средствам виртуальной реальности действительность может оказаться и вовсе не нужной. Герменевтический метод познания прошлого как достижения истины, основывавшийся на исторической реконструкции фактов и артефактов нивелируется: окончательное установление истины исследованием перестает быть целью, уступая конкуренции равноценных с точки зрения вероятности трактовок, реализуемых культурой серийности, в которой реальные события не важны и вторичны, а суть составляют именно множественность вариантов, каждый из которых можно переживать как эмоционально наполненные версии. Даже те документальные сериалы, которые все еще пытаются претендовать на реконструкцию событий с опорой на факты и документы с целью достижения истины в символическом пространстве постструктуралистского парадигмального неомифа оказываются неотличимы от псевдодокументальных сериалов, намеренно мифологизирующих прошлое, ради иллюзорной уникальности трактовки. Неомифологическая реальность создает новую картину мира и новые паттерны поведения, для которых

изначальная верифицируемая действительности не является целью, а только средством возникновения альтернативных и сосуществующих гипер-реальностей.

Анализируя графики жанрового соотношения телефильмов за последние пять лет, можно сказать, что в сериальном пространстве наблюдаются три базовых, но весьма разных по объему блока, соответствующие репрезентации временности: 1. ретроспектива/документалистика (реальная или придуманная история, историография), 2. современная повестка (новости, FakeNews, фем-повестка, BLM-повестка и т.п.) и 3. футуристика (аналитики и спекуляции в рамках экологической или экономической тематики, фантастика, утопии и антиутопии). Самым значительным по объему и по разнообразию контента оказывается первый блок, связанный с многовариантностью гипер-реального прошлого: от стремления к истине в нем наблюдается смещение в сторону пост- и трансгуманизма, порождая парадоксальную ситуацию утопизирования прошлого. Наименьшим – Современный блок, так как непосредственно происходящее не столько малозначимо, но еще избыточно однозначно даже в сегменте FakeNews. Максимально драматическим оказывается футуристический блок, который, в отличие от мифологической и религиозной парадигмы, тяготеет к антиутопии: основными диалектическими мотиваторами будущего оказываются страх (Апокалипсис) и надежда (Утопия).

Можно констатировать, что отсутствие утопических проектов приводит к триумфу антиутопии, чья сериализация и гиперреалистичность создает в массовом сознании уверенность в невозможности позитивно переживаемого настоящего и будущего, а значит и стремление к мечте о светлом прошлом в форме его идеализации и утопизации.

Тебякина Екатерина Евгеньевна

педагог дополнительного образования, ГБОУ СОШ №117

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ КИНЕМАТОГРАФА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМУ ИСКУССТВУ

В данной работе анализируются кинематографические картины, которые затрагивают тему танца, жизни танцоров, процесса их профессионального обучения, работы, а также возможность использования в процессе обучения хореографическому искусству этическую составляющую этих произведений.

Уже с 40-х годов кинематограф начинает обращаться к этой теме. В 1948 году на экраны выходит первый подобный художественный фильм, «Красные башмачки» (реж. Майкла Пауэлла, Эмерика Прессбургера, Великобритания) прокладывающий путь другим кинолентам, которые условно можно разделить на несколько категорий:

1) Фильмы, где главный герой непрофессиональный танцор. Танец для персонажа выступает как способ сбежать от повседневной рутины, возможность получить новые ощущения.

Многие танцовщики из-за больших физических и психологических нагрузок, могут испытывать профессиональное выгорание, теряя способность наслаждаться танцем. Такие фильмы как «Давайте потанцуем» (1995 г. реж. Масаюки Суо, Япония и одноименный американский ремейк 2004 г. реж. Питера Челсома), могут помочь исполнителям вспомнить как танцевать ради удовольствия, а не ради оваций и похвалы педагога.

2) Киноленты, где главный герой хочет вступить на путь освоения профессии, но сталкивается с трудностями. Это может быть простая неуверенность в себе как в «Танце вспрышке» (1983 г. реж. Эдриана Лайна, США) или же существуют какие-то внешние обстоятельства, как в фильме «Танцующий в пустыне» (2014 г. реж. Ричарда Рэймонда, Великобритания).

Эти картины заставляют задуматься над такими вопросами как: почему ты танцуешь? На сколько для тебя это важно? На что ты готов пойти ради своей цели?

3) Фильмы, демонстрирующие процесс обучения хореографическому искусству. Такие картины призваны как носить вдохновляющий характер, так и показывать с

какими трудностями может столкнуться будущий профессиональный танцор. Яркими примерами таких кинолент являются «Слава» (2009 г. реж. Кевина Танчарозна, США) и «Танцующие призраки» (1992 г. реж. Юрия Короткова и Ефима Резника, СССР).

Здесь сильно прослеживается воспитательная направленность, которая должна донести до учеников, что, во-первых, профессиональная хореографическая деятельность — это огромный труд, а во-вторых, что не всегда в жизни мы достигаем именно тех высот, о которых мечтаем.

4) Фильмы, освещающие тему осмысления человека себя в профессиональном творчестве. Здесь речь идет о состоявшихся танцорах, которых показывают оказавшимися либо в творческом кризисе, либо испытывающими неудовлетворенность достигнутых ими высот. Например, «Черный лебедь» (2010 г. Даррана Ароновски, США), «Последний танец» (2003 г. реж. Лизы Ниэми, Канада), «Фуэте» (1986 г. реж. Владимира Васильева и Бориса Ермолаева, СССР).

Цель таких кинолент показать в том числе и отрицательные аспекты искусства танца.

5) Фильмы, противопоставляющие два различных танцевальных направления, например, классический танец и уличные стили, которые позже зритель видит в определенном синтезе. Впервые эта идея была реализована в ленте «Брейк данс» (1984 г. реж. Джоэла Силберга, США), но особую популярность данная концепция получила в 2006 году с фильмом «Шаг вперед» (реж. Энн Флетчер, США).

Здесь важна мысль о толерантности и терпимости к различиям, которые существуют в том числе и внутри танца.

Подводя итог, стоит отметить, что вышеупомянутые фильмы поднимают такие важные темы как осмысление себя в искусстве, сложность освоения и пребывания в профессии, творческое и психологическое выгорание, необходимость осуществления выбора в пользу карьеры или личной жизни. Демонстрация и обсуждение данных вопросов является важным аспектом в процессе обучения хореографическому искусству, особенно для людей, которые решают вступить на путь профессиональной карьеры.

Шатровой Олег Вячеславович

к.п.н., доцент, преподаватель, Военная академия материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

КИНО КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ЛИЧНОСТЬ

Нарастающая интенсивность влияния информационной среды на личностную систему человека создает прецедент более оперативного и менее критичного со стороны личности внешнего управления [3].

Д.А. Леонтьев определяет настоящий период как переход к цифровой среде обитания. Существование в этой среде формирует «плечное» восприятие окружающей действительности, имеющее ту или иную долю искажения [4,5]. Наблюдение за детьми и подростками при просмотре ими художественной продукции показывает, что ее воздействие способно вызывать состояние, близкое к трансовому. В такой ситуации критичность к воспринимаемому резко снижается. Информация усваивается методом внушения. Можно полагать, что в таком состоянии ряд поведенческих моделей, предлагаемых определенными экранными произведениями, могут закрепляться у такой категории зрителя в виде готовности реализовать их в аналогичных, но уже в жизненных реальных ситуациях[2].

Таким образом, динамика формирования отличительных личностных структур, таких как нравственность и мораль на основе интериоризированных (усвоенных) общественных отношений определяется средствами, обеспечивающими интериоризацию. На текущий момент, надо полагать, что феномен «кинопроизведение» эффективный комплексный носитель общественных отношений по интериоризационному

вектору. В этом, очевидно, психологический контекст мысли В.И. Ленина «из всех искусств важнейшим для нас является кино» [1].

Закономерности формирования морали и нравственности в периоды детства, отрочества и юности позволяют подойти к кинотренингу как методу способному формировать и перестраивать указанные категории личности.

Понятие кинотренинг можно рассматривать как интегральное средство психокоррекционного воздействия на личность. По содержанию психокоррекции кинотренинг оказывает сильное воздействие на аффективно-волевой уровень, межличностные отношения. Как собственно тренинг он решает ряд задач. На когнитивном уровне:

- осознание психологических защит, которые используют герои кинопроизведений и сопоставление их с собственными ;

- модификация способов эмоционального реагирования;

- более точное выражение и описание своих чувств и чувств других.

На поведенческом уровне:

- приобретение моделей адаптивного поведения;

- преодоление неадекватных форм поведения.

По форме кинотренинг – это групповая психокоррекция, имеющая свои механизмы:

- осознание универсальности проблем;

- научение, коррекция поведенческих стереотипов;

- имитация, подражательное поведение

- внешнее влияние (участник может увидеть ситуации, с которыми он раньше справиться не мог, происходит вычленение этих ситуаций и их проработка)

- катарсис.

Из методов группового тренинга основным в кинотренинге является дискуссия. Выраженный коррекционный эффект имеет структурированная дискуссия, которая может опираться на схему анализа кинопроизведения.

На основании ряда проведенных кинотренингов мы предлагаем следующую обобщенную схему анализа художественного кинопроизведения:

1. История создания.

2. Тематика.

3. Проблематика.

4. Идеиная направленность кинопроизведения и его эмоциональный пафос.

5. Жанровое своеобразие.

6. Основные художественные образы в их системе и внутренних связях.

7. Центральные персонажи.

8. Сюжет и особенности строения конфликта.

9. Пейзаж, портрет, диалоги и монологи персонажей, интерьер, обстановка действия.

10. Речевой строй героев кинопроизведения (авторское описание, повествование, отступления, рассуждения).

11. Композиция сюжета и отдельных образов, а также общая архитектура произведения.

12. Место произведения в творчестве кинорежиссера.

13. Место произведения в истории русской и мировой литературы.

14. Потенциал моделируемого поведения героев кинопроизведения, способный запустить подражательное поведение зрителя.

15. Ассоциации, вызываемые кинопроизведением у зрителя.

В зависимости от целей, направленности, качественной характеристики аудитории данная схема может использоваться в различной степени развернутости, как в полном, так и сокращенных вариантах, сообразно указанным выше запросам.

Литература:

- 1.Беседа с В. И. Лениным о кино в 1922 г.] — В кн.: Болтянский Г. Ленин и кино. М.—Л., 1925, с. 16–19.

2. Канчурина А.А., Матусевич М.С., Шатровой О.В. Кино как средство психолого-педагогического воздействия на личность. – СПб.: Изд-во «РГПУ им. А. И. Герцена», 2011. – 60 с.

3. Солдатова Г. В. Цифровое поколение России : компетентность и безопасность : / Г. В. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии. – Москва : Смысл, 2017. – 374

4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.

5. Леонтьев Д.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин. – Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. Т. 11. № 4. – с. 110-135.

«МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ В ХРИСТИАНСКИХ ЭТИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ»

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов:
традиции и динамика»

материалы круглого стола

Авраменко Екатерина Валерьевна

обучающаяся магистратуры, Средне-Волжский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

МОРАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ВОЛОНТЕРСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В ЭПОХУ COVID-19

Мы уверены в том, что добро, сострадание и милосердие работает сильнее любого оружия.

Елизавета Петровна Глинка, российский общественный деятель.

Волонтерская деятельность является важной составляющей социально-экономического развития общества и социализации молодежи. Она позволяет людям становиться движущей силой собственного развития в результате овладения важнейшими навыками, укрепления чувства общности и развития гражданской и социальной сознательности.

Одним из ключевых моральных мотивов деятельности волонтера является милосердие, которое в словаре Ожегова определяется как готовность помочь кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания, человеколюбия. Однако помимо милосердия мотивировать личностью к участию в волонтерской деятельности может и долг, и даже, в отдельных случаях, своекорыстные интересы.

Серьезным вызовом к формированию мотивации волонтеров в России стал 2020 год. Можно выделить два события, которые существенно повлияли на нравственные основания волонтерства: во-первых, пандемия COVID-19, и, во-вторых, изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации и касающиеся организации волонтерской деятельности. На Правительство Российской Федерации возложены новые обязательства по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечении их участия в выработке и проведении государственной политики, а также по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности» (пп. е.1, е.2 ст. 114 Конституции РФ). Все больше людей готовы безвозмездно отдавать свое время на благо общества, обездоленных, нуждающихся. И конституционная поправка признает их деятельность на государственном уровне, подтверждает особый статус в обществе, гарантирует, что поддержка добровольческой деятельности будет продолжаться. С одной стороны, это свидетельствует о позитивных изменениях во взаимодействии государства и гражданского общества. Однако, с другой стороны,

это может повлечь за собой не всегда благоприятные трансформации в структуре моральной мотивации волонтеров.

Что касается осуществления волонтерской деятельности в период пандемии, то их прекрасно иллюстрирует работа волонтеров. Для России характерен резкий рост числа добровольцев. В рамках акции «МыВместе», направленной на оказание помощи гражданам пожилого возраста и маломобильным гражданам, находящимся на самоизоляции в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), волонтерами стали около 119 тысяч человек, помощь получили более 3,2 миллиона. Волонтеры оказывали помощь нуждающимся в обеспечении необходимыми для жизни бытовыми и продуктовыми товарами, лекарствами.

Не смотря на положительную динамику, волонтерское движение не избежало удара пандемии. Событийное и спортивное волонтерство приостановили свою деятельность на период пандемии в связи с запретом массовых мероприятий. У донорских организаций уменьшилось количество доноров из-за отмены массовых выездных акций и ложных страхов заражения. Волонтерское движение столкнулось с тем, что многие его члены попали в ситуацию моральной дилеммы: они стремились к тому, чтобы продолжать волонтерскую деятельность, но при этом вынуждены были соблюдать режим самоизоляции в целях снижения рисков для жизни и здоровья своих близких и самих себя. Многих пугала система штрафов за перемещение по городу: желание помочь нуждающимся могло обернуться как финансовыми потерями для добровольца, так и дополнительными рисками для тех, о ком он проявил заботу.

Не смотря на все проблемы, волонтерство продолжает активно развиваться. Это важная часть современного общества. Добровольчество помогает развивать общественно значимые качества личности, а также решать конкретные социальные задачи, связанные с социальной реабилитацией, предполагает самовыражение и самоактуализацию участников волонтерского движения. Однако несмотря на очевидную социальную пользу волонтерства, добровольцы сталкиваются в своей деятельности с серьезными моральными дилеммами. Анализ таких дилемм, а также междисциплинарное исследование мотивации волонтеров представляется актуальной и важной научной задачей.

Елдин Михаил Александрович

д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОЛОГИИ В ПОСТВИЗАНТИЙСКУЮ (ПОСТИМПЕРСКУЮ) ЭПОХУ

В новейшее время отечественная гуманитарная наука оказалась глубоко зависимой от зарубежных центров и отброшенной на многие десятилетия назад, а теологическая мысль и церковно-историческая наука, получившая мировое признание и на Западе и Востоке получила в XX в. колоссальный импульс развития. России же и в других странах и регионах Евразии, приходится заново восстанавливать духовные школы и развивать теологические достижения.

С времен падения Византии и до нашего времени осложнялись вопросы «события» православной общины и светского общества, что особенно проявилось в прошлом веке. В результате не сложилась целостная конфессиональная культура, которая была приемлема и для церковной иерархии и для мирян-верующих. Иные страны (Кипр или Финляндия) избежали того драматизма в своем развитии в силу того, что их конфессиональная культура была гораздо сильнее, она создавалась церковью и обществом совместно.

Факт появления теологии в образовательном пространстве России был глубоко знаменательным и позитивным. Это дало возможность в центре и в российских регионах обновить традиции гуманитарного знания и возродить отечественные школы теологического образования. Процессы развития теологического просвещения приве-

ли к возникновению крупных школ российской теологии: Православному Свято-Тихоновскому университету, Православный университет им. свт. Алексия Московского, а также другим высшим школам открыть отделения по теологии. Однако для развития системы теологических школ высшего звена и среднего не хватало развитой региональной сети духовных-просветительских центрах.

Поскольку в данном исследовательском поле совмещаются объекты научных интересов истории, религиоведения и нравственной философии, был избран комплексный подход. Тема синергии философии, теологии и этики предполагает обращение к реалиям не полностью верифицируемой сферы религиозных истин, поэтому методология призвана в первую очередь обеспечить как моральную реконструкцию, так и историко-религиоведческий анализ феномена теологического знания.

При изучении ценностей преподавателя в системе высшего образования необходимо исходить из того факта, что изучение ценностного сознания будущего специалиста. В конце XX – начале XXI веков российская система образования, находилась в эпицентре реформаторских перемен. Важно отметить, что сегодня мы в образовании и воспитании пытаемся найти более устойчивые ориентиры и приоритеты.

Жадунова Наталья Владимировна

к.филос.н., декан факультета дополнительного образования, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарёва

«БРАК ИЛИ ПАРТНЕРСТВО»: МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТАНТСКИХ ДЕНОМИНАЦИЯХ

Трансформация системы социальных норм и правил является неотъемлемым атрибутом общественного развития. Необходимо отметить, что стимулами для такого рода изменений становятся как объективные предпосылки, так и субъективные факторы, обусловленные индивидуальным решением моральных дилемм. «Проклятые» вопросы никогда не теряли своей актуальности: нормы, регламентирующие отношения между полами, вопросы брака и семьи, правила, устанавливающие границы допустимого и недопустимого в социальном поведении, всегда были предметом дискуссий, изменений, отмены и признания. Небезупречные с моральной точки зрения решения этих вопросов приобретают особую остроту, когда становятся объектом религиозных рассуждений.

Религиозная система норм и ценностей, обоснованная авторитетом Церкви, Священным писанием, каноническими текстами (в христианстве), оказывается более стабильной и неизменной по сравнению со светской, где каждое сообщество формирует новые нормы, отменяет старые. Наиболее ярким примером, является так называемая «новая этика», «культура отмены» и т.п.

Сложность заключается в том, что не существует единой позиции в христианстве, в его отдельных конфессиях, в отношении важных проблем, тесно взаимосвязанных с развитием общества, достижениями науки и технологий, признанием идеи прав человека. В настоящее время одним из наиболее дискутируемых является вопрос признания и узаконивания однополых браков. Если православная церковь и католическая церковь (в меньшей степени) выражают позицию о недопустимости признания «нормальности» гомосексуальных отношений и узаконивания однополых браков, то протестантские деноминации демонстрируют все более лояльную позицию. Во многих европейских странах, где не существует законодательной нормы, однополые формализованные отношения принято называть партнерствами. Происходит это, как правило, в тех странах, где на уровне общественной морали однополые браки уже признаны, либо сформировано лояльное отношение к ним.

В целом отношение отдельных протестантских деноминаций характеризовалось осторожной, но всегда однозначной поддержкой социальных и биоэтических «инноваций»: разводов, контрацепции, эвтаназии, трансплантации органов и др. Так, в 30-х

годах XX века англиканские церкви во всем мире смягчились и перестали считать контрацепцию грехом.

Представители протестантских церкви в силу большей открытости и стремления не отстать от жизни своих прихожан выступают с заявлениями по поводу волнующих общество вопросов, постепенно смягчая риторику и отступая от христианских канонов. Необходимо отметить, что на констатацию позиции церкви существенное влияние оказывают такие факторы, как в какой стране находится эта церковь, какая законодательная база и культурно-исторические традиции существуют в этом государстве, насколько готово общество к восприятию социальных и нравственных изменений. Так, например, протестантские деноминации в западной Европе признают права человека на гомосексуальные отношения, высказывают публичное одобрение гомосексуальным «партнерствам», манипулятивно не используя понятие «брак». Возникает ситуация, когда церковь, признает гомосексуальные отношения и браки, но следуя существующим и неотменным каноническим предписаниям, создает лингвистические и социальные химеры «полупризнания» в угоду мнений общества, законодательства и иным положениям. Например, во многих протестантских деноминациях принято говорить не об однополых браке, а о партнерстве, не приветствует венчание однополых пар, но разрешено их обручение в церкви.

Изменение светских законов происходит достаточно быстро по очевидным регламентированным процедурам, где выражение позиции большинства становится мерилом признанности и нормативности. Такую же схему предлагают использовать представители протестантских течений. Так, например, в Швейцарии 26 сентября 2021 года прошел референдум о целесообразности предоставления однополым парам права заключать полноценный брак и создавать семью со всеми вытекающими правами, обязанностями. За «Брак для всех» высказались 64,1%. В полемике по этому поводу участвовали и протестантские священники, многие из которых в своей аргументации делали ссылку не на пять принципов протестантизма и тексты Священного писания, а на концепцию прав человека и светское законодательство.

В угоду политкорректности представители протестантизма принимают решения об узаконивании однополых браков или признании гомосексуальных партнерств, создают новые нормы и правила, продвигают квир-теории в социальную повестку, что в свою очередь становится поводом для дискриминации тех, кто понимает брак в духе канонического права.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Коваль Екатерина Александровна

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник, Средне-Волжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ПРИНЦИП «ДОЛЖЕН, ЗНАЧИТ МОЖЕШЬ» В КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Принцип «должен, значит можешь» довольно долгое время сохраняет актуальность в этическом дискурсе. Его содержание исследуется не только теоретическими, но и эмпирическими методами. При этом одни современные авторы опровергают его (В. Бакуолтер, М. Мизрахи), другие – подтверждают (А. Хикс, К. Литтлджон).

Общее преломление данного принципа находит в различных правовых системах, в том числе, в каноническом праве. Соотношение долженствования и возможности субъекта, которому адресована норма, во многом определяется природой долженствования. Природа долженствования древних христианских канонов ближе к моральной, чем к правовой, что обусловлено правом современных верующих выбирать стратегию поведения: следование древнему канону или более новым религиозным нормам, сконструированным так, что принцип «должен, значит можешь» не применяется как норма, а ситуация приобретает признаки моральной дилеммы.

Можно проиллюстрировать описываемую ситуацию на примере нормативного регулирования признания церковного брака утратившим каноническую силу в Русской Православной Церкви (далее – РПЦ).

Современный верующий в ситуации развода может руководствоваться нормами, имеющими разную природу: нормы права, морали, каноны, положения новейших нормативных актов РПЦ.

Нормы светского права допускают расторжение брака (глава 4 Семейного кодекса Российской Федерации). В государственной семейной политике позиционируется отрицательное отношение к разводу, однако он может быть осуществлен по заявлению даже одного из супругов.

Несмотря на то, что каноны регулируют только церковный брак и, соответственно, признать утратившим каноническую силу можно только его, но не союз, зарегистрированный государством, для религиозного человека даже вопрос расторжения брака в органах ЗАГС представляет собой моральную дилемму. Это связано с тем, что РПЦ признает такой брак, и в сообществе верующих он не интерпретируется как ненормативная практика.

Согласно Новозаветным текстам и древним канонам признание брака утратившим силу и повторное вступление в брак возможно только в случае совершения одной из сторон греха прелюбодеяния (Мф.5:31-32, Мф.19:3-12, Мк.10:2-12, Лк.16:18, 1Кор.7:10-18, 14-е правило Гангрского Собора, 115 правило Карфагенского Собора, 9-е правило свт. Василия Великого и др.).

Однако уже с IV века в поисках компромисса между церковным и светским византийским законодательством перечень оснований для расторжения брака в номоканонах начинает расширяться. Аналогичная тенденция сохранилась и в российском брачном праве.

Так, Поместный собор 1917-1918 годов, который отказался признать как гражданский брак, так и гражданский развод, тем не менее, ссылается на допустимость применения икономии «в предупреждение неизбежных преступлений и в облегчение невыносимых страданий». Подобные формулировки проблематизируют, как минимум, аксиоматичность принципа «должен, значит можешь».

В новейших нормативных документах РПЦ (Основы социальной концепции РПЦ, 2000 г., «О канонических аспектах церковного брака» 2017 г.) приводится еще более полный перечень поводов для признания церковного брака утратившим каноническую силу.

Итак, какой нормой должен пользоваться человек, являющийся не только гражданином Российской Федерации, но и членом Церкви: нормой светского права, которая дозволяет определенную форму поведения, древним канонам или новой нормой, которая допускает гораздо большую вариативность поведения, чем канон?

В данном случае обнаруживается конфликт принципа икономии и принципа «должен, значит можешь». Игнорирование последнего может привести к самооправданию и способствованию формированию практик, не свойственных церковным дисциплинарным и моральным установлениям. Однако пренебрежение принципом икономии, следование исключительно «канонической букве» противоречит духу канонического права и может привести к появлению сектоподобных сообществ.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Кондратьева Анна Николаевна

к.ю.н, заместитель директора колледжа по научно-методической работе,
Средне-Волжский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

«ЛОГИКА МЕНЬШЕГО ЗЛА» В КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Религия уже на протяжении многих столетий играет важную роль в правовой этике, даже несмотря на то, что религиозные предписания напрямую не упоминаются в типовых кодексах или правилах, судебных делах и дисциплинарных процедурах. В рамках правовой этики трудно определить роль религии, отчасти из-за того, что представители юридической профессии расходятся во мнениях относительно характера юридической этики самой по себе. Юридическая этика обычно фокусируется на профессиональных стандартах юристов, правилах, обнародованных в федеральных кодексах, региональных законах или корпоративных документах (например, кодексы, которые разрабатывает ассоциация адвокатов). Помимо этих кодексов или правил, юридическая этика иногда рассматривает более широкие вопросы профессиональной ответственности, включая роль юриста в профессии и роль юридической профессии в обществе. Постоянный вопрос о «профессиональной ответственности» заключался в том, являются ли собственные стандарты профессии адекватными с точки зрения профессиональной этики или же они должны быть дополнены другими, неюридическими перспективами. Этот последний вопрос порождает на самом деле, другой, более глобального характера. Очень часто, разрешая ту или иную проблему, юрист, будь то законодатель или правоприменитель, использует «логику меньшего зла». В результате анализа источников канонического права автор приходит к выводу о том, что «логика меньшего зла» активно применялась каноническими юристами при решении ряда вопросов. Однако, ни в средние века, ни сегодня не выработана формула или алгоритм применения данного принципа, что в определенных ситуациях может приводить к злоупотреблениям.

Поэтому, вместо того, чтобы разрешать юридические вопросы с применением «логики меньшего зла», современные правоприменители, опираясь на опыт канонической юриспруденции, должны применять логику «разумного терпения надвигающегося зла». На современном этапе она находит применение, в основном, в разработке социальной политики с целью уменьшить вред или избежать большей опасности для всего социума. Изложенное выше позволяет признать, что «логика меньшего зла» должна применяться при разрешении правовых вопросов крайне редко, уступая место «разумному терпению надвигающегося зла». Социальная политика России и правовые позиции многих государств в вопросах борьбы с коронавирусом – «злом», которое одолевает сегодня все страны мира, наглядный тому пример.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Лебедев Антон Валерьевич

кандидат культурологии, доцент, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарёва

К ВОПРОСУ О КАНОНИЧЕСКИХ НОРМАХ В ЕВАНГЕЛЬСКОМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ: SOLA SCRIPTURA ИЛИ NUDA SCRIPTURA?

В рамках доклада на материале российских и западных философских, культурологических и богословских изысканий будет представлен вопрос о канонах в протестантизме (в особенности, евангельской его ветви). Существует ли единая и строгая каноничность в протестантизме по вопросам личной морали, отношения к общественно, исторически и политически значимым вопросам? Можно ли говорить о нормативно-

сти и кодификации предписаний или исключительно об устной или даже негласной традиции? Каковы исторические и современные предпосылки формирования этических норм в протестантизме в сфере современных технологий, биоэтики, информационно-коммуникативных технологий? Автор делает попытку дать обзор и типологизацию по данной проблеме, исследуя разнообразие протестантских евангельских деноминаций.

Доклад фокусируется на вопросе о соотношении принципов *Sola Scriptura* (протестантский постулат «только Писание»), ведущая роль Библии в формировании доктрины, церковной практики, личной и общественной деятельности в светской среде) и *Nuda Scriptura* (чрезмерно буквалистское прочтение Библии, пренебрежение историей Церкви и настороженное отношение к философско-критическому осмыслению религиозной жизни). Исследуется вопрос о противопоставлении (часто надуманном) «живой» веры и «мертвой» традиции, доктрины и практики, «библейскости» и каноничности тех или иных нравственно-этических регулятивов. Вместе с тем, автор отмечает определенную прогрессивность протестантизма в формах религиозной жизни, обсуждении глобальных проблем современности, общественно-культурных «трендов», реакции на самые актуальные текущие вопросы. Затрагиваются также проблематика «контекстуализации» и «транскультурации» нравственно-этических норм и их преломление в зависимости от ситуации, культуры, обстановки – насколько этичной эта «пластичность» представляется в протестантских деноминациях и какое она нашла отражение в церковной практике (в том числе, в переводах Библии)? Вместе с тем, насколько сильны и консервативные настроения в протестантской среде, тяготеющие к более традиционным и историческим корням? В статье рассматривается сочетание и сосуществование подобных модернистских и, одновременно, консервативных тенденций, подчас даже тяготеющих к фундаменталистским проявлениям.

Не менее значимым представляется и проблематика в терминологии – соотношение понятий «протестантизм», «нео-протестантизм», «евангельское христианство», что также найдет свое отражение в докладе. Актуальность данной темы обусловлена малой изученностью канонических норм евангельского протестантизма в отечественной науке, возрождением интереса к религиозной проблематике, разнообразием мирового религиозно-культурного ландшафта, необходимостью осмысления традиции и этической нормативности в контексте стремительно меняющегося мира.

Михельсон Ольга Константиновна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ О ПРОБЛЕМАХ МОРАЛИ И РЕЛИГИИ

Традиционный дискурс о морали и религии получил новое наполнение в свете теорий, выдвинутых начиная с середины 70х гг. XX в. в эволюционной психологии. В это время выходят две ключевые работы, наметившие новые, при этом, во многом противоположные подходы к интерпретации истоков морали в человеческом сообществе: работы Э.Уилсона «Социобиология. Новый синтез» (1975 г.) и Р.Докинза «Эгоистичный ген» (1976 г.). Так в многолетнюю дискуссию религиоведов и философов о религии и этике внезапно вторгаются биологи. Уже в этих ранних работах исследователи задаются вопросом о том, есть ли взаимосвязь между религией и этикой, и насколько нормы морали могут проистекать из самой природы человека, выработавшись в процессе эволюции нашего вида. В своих дальнейших работах и Уилсон, и Докинз подробнее изучали этот вопрос и решения, к которым они приходят в результате, различны, а их идеи намечают две магистральные линии в современном споре эволюционных психологов об источнике морали. Докинз, рассматривая религию как побочный продукт эволюции, вообще не считает ее значимым фактором для формирования этических норм сообщества, видя причины альтруистического поведения исключительно в способности к эмпатии, развитой нашим и другими видами животных, поскольку подобное поведение оказалось удачной эволюционной стратегией.

Она способствовала выживанию группы, а соответственно, и вида в целом, пускай, и за счет принесения в жертву одного из ее членов. Уилсон подходит к этому вопросу несколько иначе. Он полагает, что религия оказалась важной вспомогательной стратегией, позволявшей укреплять нормы взаимодействия в сообществе и подчинять индивидуальные интересы интересам группы. Количество работ биологов и эволюционных психологов, посвященных исследованию альтруизма, эмпатии и социального поведения, неустойчиво возрастает. Этими проблемами занимаются такие исследователи, как М.Дэвис, Р.Сосис, К.Алкорта, М.Хоффман, С.Престон, В.Сароглоу, И. Томпсон, К.Стубер, Ф.Клейтон, Дж. Шлосс и многие другие. Дж. Тиихан в монографии «Во имя Бога: эволюционные истоки религиозной этики и насилия» (2010 г.) подчеркивает, что современная эволюционная психология, наряду с классическим естественным отбором, приписывает важную роль в эволюции таким факторам, как взаимный альтруизм, косвенный взаимный альтруизм, культурный групповой отбор и формирование «моральных эмоций», тесно связанных с эмоциональной преданностью. В результате, согласно Тиихану, религия выступает как «наиболее распространенный, древний и мощный культурный институт, способствующий сплочению группы», поскольку регулирует поведение членов коллектива просоциальным образом, используя как эмоциональные, как и когнитивные механизмы. Когнитивный фактор играет не меньшую роль, нежели эмоциональный, поскольку понимание общих установок относительно того, что хорошо для группы, а что плохо, является необходимым условием формирования морали. Эволюция наделила человеческий разум общим набором ментальных инструментов для интерпретации и реагирования на вызовы окружающей среды, и мораль является одним из них. Функция морали состоит в том, чтобы способствовать созданию стабильной социальной среды, которая может поддерживать индивидуальное поведение ее членов, последняя, в свою очередь, может создаваться и поддерживаться только активным вкладом ее членов в общее благо. Религия при этом является ключевым инструментом поддержания этой системы. Таким образом, можно отметить, что Тиихан во многом наследует линии Уилсона, при этом делая еще больший упор на значимость религии для адаптации и выживания сообщества. В этом смысле он следует общему тренду современной эволюционной психологии, подчеркивающей влияние культурных факторов на процесс эволюции, в частности, четко выраженной в работе П.Ричерсона и Р.Бойда «Не генами едиными. Как культура трансформировала человеческую эволюцию» (2005 г.).

Семушенкова Анастасия Сергеевна

заместитель директора колледжа по учебной работе, Средне-Волжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ВЗГЛЯД НА МИЛОСЕРДИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ОСНОВНЫХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ

Религия – это удивительное и богатое культурное явление. Формирование личности традиционно происходит в контексте определенных религиозных воззрений, сквозь призму которых происходит восприятие той или иной системы ценностей. Мировые религии несут богатейший нравственный потенциал, а также педагогические и психологические знания. Христианское учение о милосердии является неотъемлемой частью социально-этического учения церкви и основано на идеях христианского богословия, религиозной антропологии и философии.

В эпоху Средневековья и Нового времени благотворительность и милосердие были формой преданности, одним из способов, с помощью которых христиане могли почитать Бога. Как одна из богословских добродетелей, вместе с верой и надеждой, она занимала высокое положение в иерархии религиозного поведения. С христианской точки зрения, милосердие составляет долг человека: именно в милосердии человек призван осуществить нравственный идеал.

Забота о благотворительности и милосердии была обычным явлением для католиков и протестантов, но с одним важным отличием. Если первые могли получить спасение через добро и могли быть уверены, что прощение грехов может быть получено через милосердие, то вторые не могли полагаться на такую возможность, поскольку только Бог мог спасти верующих без участия в этом процессе посредника.

У православных христиан милосердующий дает бескорыстно, от боли сердечной, от сострадания, ничего не желая и не надеясь получить что-либо взамен. Это – милосердие внутреннее, сердечное. «Не бедные имеют нужду в богатых, а богатые в бедных», – пишет святитель Иоанн Златоуст. Потому что, отдавая, мы приобретаем сторицей. Поэтому в православии милосердие не сводится ни к получению почестей, ни к выслуге ради прощения грехов. Милосердие можно охарактеризовать как состояние души истинного православного христианина.

В истории Церкви и мира мы находим свидетельства различных способов рассмотрения как теории, так и практики милосердия в межличностных и социальных отношениях. Каждая модель милосердия подчеркивает какой-то особый аспект совершения добра другому человеку, и все они дополняют друг друга и более полно описывают ту реальность, которую мы называем милосердием в человеческих отношениях. В наше время мы можем заново открыть для себя каждую из моделей милосердия, очевидных в истории Церкви, а также ложное представление о милосердии, которое приравнивает его к чувству жалости, снисходительности ко злу или разрушающей справедливости. Мы также являемся свидетелями рождения новой персоналистской школы милосердия.

Обучение в этих школах позволит человеку познать истину христианского милосердия, ибо практика милосердия зависит от того, как она понимается. Мы полагаем, что именно сейчас, когда общество столкнулось с рядом глобальных проблем, сотрудничество между христианами различных Церквей и общин имеет особенно большое миссионерское значение.

Сидорова Татьяна Александровна

к.филос.н., доцент, Институт медицины и психологии им.Зельмана,

Новосибирский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ БИОЭТИКИ

Преподавание биоэтики подразумевает освещение религиозных позиций по проблемам аборта и применению вспомогательных репродуктивных технологий, эвтанази и трансплантологии, отношения к отключению жизнеподдерживающего лечения и уходу за пациентами в терминальном состоянии и др. Религиозная биоэтика репрезентирует культурную специфичность подходов к решению острых моральных вопросов, возникающих в современной биомедицине. Можно утверждать, что без религиозных позиций в биоэтике тема культурного своеобразия остается без своего основного содержания. Тем более, что в дискуссиях внерелигиозные взгляды моральных сообществ в конечном итоге тяготеют к риторике религиозных принципов. В христианских конфессиях в настоящее время имеются концептуализированные и системно обоснованные с теологических позиций материалы, которые можно использовать в преподавании биоэтики. Однако, кроме представления точки зрения по отдельным проблемам, в курсы необходимо включать основы религиозной этики и антропологии, иначе заявленные подходы повисают в воздухе. В докладе будут рассмотрены примеры этических проблем вспомогательной репродукции, включающие ситуации расколотого родительства, нарушение брачно-семейной связи, вопросы о манипуляции с эмбрионами, селективную преимплантационную генетическую диагностику и др., где в обосновании востребованы максимы христианской этики в православии и католицизме, защищающие нерожденную жизнь с момента оплодотворения, отстаивающие сакральность брачных уз и фундаментальную ценность семьи. Социальная концепция

РПЦ содержит главу, посвященную биоэтике, в которой представлены основные подходы. В католической церкви разработка обозначаемых позиций отталкивается от папских энциклик *Donum Vitae*, *Human Vitae* и др. В условиях господства секулярного мировоззрения у студентов медицинских специальностей возникает отторжение религиозно-антропологической апологетики биоэтических позиций. Апелляция к связи этических максим христианства с представлениями о человеке позволяет показать, что традиционные для христианского культурного поля взгляды не противоречат научным подходам в отношении эмбрионального развития и медицински обоснованным требованиям защиты благополучия семейных отношений. Важно показать, что научный и религиозный фокусы в этических вопросах защиты нерожденной жизни и ценности семьи и родительно-детской связи не противоположны, а в ценностно-смысловой проекции они смыкаются, поскольку цель врачевания и медицины в рамках такой проекции заключается в заботе о человеческой жизни в ситуациях болезни и страдания.

РФФИ №20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм – язык междисциплинарного дискурса»

Сычев Андрей Анатольевич

д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО МЕЖДУ МОРАЛИЗМОМ И ЮРИДИЗМОМ

Христианское каноническое право является неоднородной системой социальных регуляторов, которые выражают как собственно правовую, так и моральную нормативность. Часть канонов выражена в виде дисциплинарных предписаний юридического характера, другая фактически представляет собой моральные требования, близкие по духу к нормам этических кодексов (например, клятвы Гиппократовы). При этом между правовыми и моральными предписаниями сложно провести четкие границы (что, в целом, характерно и для других систем религиозного права – иудейского права, фикха и т. д.).

Сам христианский канон, с одной стороны, по форме близок к закону (номос), однако, с другой, противопоставлен ему. Отличия обусловлены, в первую очередь, теми характеристиками канона, которые близки к моральным. Так, в отличие от закона, он не исходит от государства, не выражает его интересов и не поддерживается его карательной системой. Канон не обязательно должен исполняться буквально (в духе акривии) и в ряде случаев у нормоприменителя остается возможность для смягчения или отмены нормы (с применением икономии, диспенсации). Санкции за нарушение канонов, как правило не предполагают мер прямого принуждения и носят либо символический характер, либо сводятся к исключению виновника из группы. Наконец, каноническое право в ряде случаев нацелено на регуляцию не только действий, но и мыслей и чувств людей. Ориентируя их на определенные идеалы, оно апеллирует к моральным характеристикам (порокам и добродетелям, ценностям, репутации). В этом контексте вполне правомерным является рассмотрение канонического права как особой морально-правовой системы регуляции.

Двойственный характер канонического права позволяет использовать шкалу «юридизм – морализм» в качестве инструмента для анализа и классификации канонов, выявления тенденций развития канонического права и т. д. Такая методология представляется особенно плодотворной для сравнения различных конфессиональных традиций понимания канонического права. Так, к сегодняшнему дню православная, католическая и протестантская традиции выработали три магистральных подхода к нему. При этом различие между подходами во многом воспроизводит разницу в понимании соотношения юридизма и морализма в нормах, регулирующих взаимодействиях.

Католическая традиция дальше всех прошла по пути формализации, систематизации, кодификации и постоянного обновления канонических норм (как и в светском праве). Фактически современный «Codex iuris canonici» (1983) представляет собой упорядоченную систему норм, отображающую правовую сторону религиозных отношений в наиболее явном и последовательном виде. Церковь здесь представлена в виде института, задающего дисциплинарные нормы, устанавливающего властную иерархию, регулирующего отношения верующих и определяющего их права и обязанности. Это своеобразный перевод католической экклесиологии на строгий язык права.

Протестантизм, в целом, негативно относится к католическому нормотворчеству, полагая, что оно исказило изначальные нормы отношений верующих. Для большинства протестантских деноминаций церковь понимается не как формальный институт, а как община единомышленников. Она является, скорее, семьей, чем организацией, и как таковая должна руководствоваться не правовыми нормами, а моральными заповедями. Право в таком понимании представляется суррогатом морали, который позволяет удержать верующих вместе, когда любовь уже ушла из их отношений. Для того, чтобы возродить отношения любви, нужно отбросить канонические напластования и возвратиться к живым отношениям апостольского периода, и далее к первоисточнику норм – положениям библейской морали.

Православие в таком контексте можно рассматривать как стремление сохранить паритет между моральными и юридическими элементами в каноническом праве. Общеправославные каноны создавались в апостольский период и эпоху Вселенских соборов, и потому их формализация минимальна. В дальнейшем они не подвергались пересмотру и обновлению, формально сохраняя свою нормативность. Поскольку в силу изменившихся исторических условий многие каноны нельзя буквально приложить к проблемам современности, нормоприменитель должен принимать самостоятельные решения о том, как трансформировать (смягчить, ужесточить, уточнить) нормы, исходя из духа христианской морали. В этом понимании каноническое право есть особый целостный сплав правовых и моральных норм.

РФФИ №21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»

Цибизова Ирина Михайловна

к.и.н., научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НЕОСХОЛАСТИЧЕСКОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Отражение этико-антропологических проблем, связанных с кризисом перехода к постмодерну, в частности кризиса идентичности со ссылками на технику, биоэтику и биополитику, в провокации прессы после документального фильма «Франческо» 21 октября 2020. Неизменность политики КЦ в отношении брака, одобренной Синодом епископов по вопросам семьи в 2014-2015 гг и подтвержденной в постсинодальном апостольском обращении Франциска I «Amoris laetitia» («Радость любви») от 19 марта 2016 г. Однако наблюдается ее смягчение – милосердие к грешным.

Использование наряду с документами официального Ватикана публикаций издательства «Vita e pensiero» по вопросам моральной философии позволяет проследить курс Святого престола и отчасти прогнозировать его дальнейшие шаги. Конференции «Милосердие и его деяния» (2016) (Иоанн XXIII, выступления Франциска I), «Европа, болезнь христианства» (2015) (изречение Бенедикта XVI), «круглый стол» «За столом с Богом и людьми» в рамках проекта «Насытить планету, обеспечив энергией для жизни» (2015) (энциклика Франциска I «Laudato si'» «о заботе об общем доме» – Земле). Энциклика «Lumen fidei» (Свет веры), выделяющая слова Иоанна Павла II о вере и разуме, взаимно дополняющими друг друга, – ряд публикаций на данную тему.

Прецедентальная разработка католической этики Франциском I: экологический этический кодекс, включающий «антропологическую экологию», «этику добродетелей» (Франциск Ассизский) и этическое обращение с животными (§ 69) («*Laudato si'*»); этика в отношении мигрантов: принимать, защищать, развивать и интегрировать – при сохранении культурной и религиозной идентичности принимающих их стран (§ 129), а также предложения не считать частную собственность естественным правом, так как Земля создана для всех (§118-120) (*Fratelli tutti*); этический кодекс использования искусственного интеллекта, разработанного на основе «Римского призыва к этике ИИ» под эгидой Папской академии жизни, подписанный 28 февраля 2020 архиепископом В. Пальей.

Возможно, на очереди изменения католической биоэтики: позитивная оценка трансплантационной хирургии, легитимизируемой на основе принципа жертвенности и солидарности; позитивное отношение к доктрине смерти мозга (интерпретация смерти посредством классической категории лишения); принятие принципа информированного консенсуса в преодолении парадигмы медицинского патернализма – переоценка паритета врач/пациент при определении способа лечения; легитимизации экспериментального характера медицинских практик в свете принципа непричинения вреда и контроля со стороны независимых этических комитетов: осуждение навязывания лечения, бесполезных хирургических вмешательств, неоправданных экспериментов, продажи человеческого тела или его частей, евгеники, не носящей лечебного характера (позиция Ф. Д'Агостино).

Хотя этическую политику Франциска I, проводимую в фарватере Иоанна Павла II, уже ныне можно назвать реформаторской, в ней прослеживается опора на традиционную моральную философию нео-схоластики, точнее неотомизм, с учетом современных новшеств.

«ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ»

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России:
философская аналитика»

материалы круглого стола

Балакирева Татьяна Андреевна

магистр культурологи, Санкт-Петербургский государственный университет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СЮЖЕТАХ СОВРЕМЕННЫХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ

Гипотетическая ситуация существования искусственного интеллекта, равного или даже превосходящего человеческий по своим возможностям, давно является одним из сюжетов произведений научной фантастики. Присутствие рядом с человеческим существом сознательного субъекта, сотканного не из крови и плоти, а, например, из микросхем и процессора, сразу же ставит перед нами вопрос о его статусе по отношению к людям. В этом ключе и выстраиваются сюжет научно-фантастической компьютерной игры *Detroit: Become Human*. Она повествует о мире будущего, в котором изобретены антропоморфные роботы-андроиды, носители искусственного интеллекта. Они продаются в специальных магазинах, где ассортимент таков, что можно выбрать робота-помощника по дому, робота-секретаря и т.д. Завязка сюжета же основывается на том, что у группы андроидов, существующих в разных семьях независимо друг от друга, внезапно начинает формироваться эмоциональный интеллект, который в ситуации моральной дилеммы функционирует необычным образом (андроид может

ослушаться приказа человека и поступить по «совести»). Здесь моральные дилеммы проявляются на разных уровнях: считать ли робота-андроида, у которого сформировался эмоциональный интеллект, субъектом общества, равным по правам и возможностям человеческому; допустимо ли приставлять таких андроидов на службу человеку; можно ли их продавать и т.д.

Ситуация, описываемая на примере компьютерной игры Detroit: Become Human предлагает нам встречу человека с сознательным существом, устроенным по иным принципам. Иными словами, мы наблюдаем встречу с неизведанным, ранее не-сущим, но осознающим, оценивающим и могущим совершать действия наравне с другими членами общества. Принципиально эта встреча является встречей с будущим, в котором существуют все потенциально возможные варианты разворачивания событий. Рядовой член современного общества может спрогнозировать определенный период своей жизни, исходя из ее привычного ритма, однако обстоятельства, от него не зависящие, он не может предсказать. Отсюда проистекает некая боязнь будущего, которую испытывает современный человек. Моральные дилеммы же, предлагаемые научно-фантастическими компьютерными играми, такими как Detroit: Become Human, способны приоткрыть завесу тайны перед одним из вариантов разворачивания событий, познакомить нас с ним, что, в свою очередь, способно уменьшить уровень тревожности, связанной с неизвестностью будущего (ведь один из его вариантов мы уже видели).

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Беззубова Ольга Владимировна
к.филос.н., доцент,

Смирнов Алексей Викторович
д.филос.н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО «ШКОЛЬНОГО КИНО» 1970-Х ГОДОВ

Школа как инструмент социализации индивидов выполняет роль транслятора этических ценностей общества. Образовательные технологии советской школы имели особую значимость в процессе формирования «советского человека» на протяжении всей советской эпохи. Однако изучение советской педагогической модели говорит нам, что принципы, лежащие в ее основе, неоднократно менялись, и наиболее сильные изменения происходили, как минимум, дважды, в конце 1950-х и во второй половине 1960-х годов. Этические принципы сталинской эпохи, адаптированные к школьным реалиям и формировавшие пионеров и комсомольцев как активных строителей коммунизма и бескомпромиссных защитников его ценностей, утратили свою актуальность в эпоху «оттепели», что сопровождалось изменениями и реформами в школьном образовании. Данные процессы получили свое воплощение и в советском искусстве, в частности, в кинематографе, где на рубеже 1950-х – 1960-х годов сформировался особый жанр «школьного кино». Этические проблемы, поднимавшиеся в советском «школьном кино» эпохи «оттепели», свидетельствовали об окончании эпохи ежедневной борьбы за коммунизм и правомерности стремления человека к собственному счастью. Однако индивид, находящийся в поисках путей к счастью, должен был обладать умением оценивать свои поступки, соотнося их с установленными этическими принципами, транслировавшимися, в том числе, и через школьное кино. В самой школе как образовательном пространстве роль такого транслятора выполнял учитель, служивший нравственным ориентиром (а не просто представителем власти) для учеников. Фактически, каждый урок, представленный в школьном кино, становился уроком этики, очень хорошо соотносимой с этикой «шестидесятников». Однако по ряду причин подобная этическая модель оказалась недолговечной и на смену ей при-

шла модель позднесоветская, не в полной мере реализованная в реальной образовательной практике, но реконструируемая на основе анализа художественных произведений, посвященных школе. Собственно, ряд художественных произведений о школе, созданных в 60-е – 70-е годы, демонстрирует, как усвоение этических принципов формирует человека. В этих произведениях сообщество школьников становится пространством осмысления и оценки собственных поступков, а также обретения экзистенциального опыта. В качестве примера такого подхода рассмотрен фильм С. Соловьева «Сто дней после детства». Одна из задач, стоявших перед его создателями состояла в том, чтобы показать, что ключевые этические принципы эффективно усваиваются индивидом лишь в результате личного опыта столкновения с реальностью. Данный фильм выходит за рамки советской школьной кинодидактики 1950-х и даже 1960-х годов именно тем, что он учит не тому, как следует поступать, но тому, как следует оценивать собственные поступки. Соответственно, роль воспитателя сводится не к пересказу нравоучительных нарративов, но к показу способов интерпретации поступков и направлению к точкам обретения экзистенциального опыта. Эпизод фильма, привлечший наше внимание, является одним из ключевых. Столкновение героев, связанное с классическим для советского творчества сюжетом о так называемых «приписках», выводится за рамки трудовой этики социализма (вполне уместной и в советской школе) и переносится в контекст любовного соперничества. Таким образом, стремление главного героя уличить своего противника в нечестном подсчете результатов группового труда было вызвано не социально одобряемым стремлением к идеалам социалистического труда, но лишь стремлением доказать свое нравственное превосходство над ним в глазах одноклассницы. Данный поступок героя оценивается наставником не как безнравственный и, соответственно, порочный, но лишь как этически необоснованный и, таким образом, бесполезный. Подобный поворот сюжета обладает определенной новизной для советского кино и свидетельствует о новой системе этики, формировавшейся в советском образовании.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Борзенков Николай Иванович

к.филос.н., доцент, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

МОРАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОДЕКС ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ

Как известно, с появлением профессий возникают и кодексы профессиональной морали.

Военный преподаватель не только педагог и учёный. Абсолютное большинство преподавателей высшей военной школы – профессиональные военные, офицеры. К ним общество предъявляет моральные требования как к военнослужащим: беречь свою честь и честь военной организации; быть выдержанным, корректным тактичным всегда, со всеми и везде; с достоинством выполнять свой воинский долг; соблюдать отечественные военно-этические традиции и др.

Именно от того какой Педагог и как он готовит сегодня будущих военных специалистов, какие акценты он расставляет в процессе их профессиональной подготовки, какие качества воспитывает у завтрашнего выпускника, во многом зависит конечный продукт его деятельности – тот человеческий ресурс, который, завершив программу обучения, завтра будет уже сам учить и воспитывать своих подчинённых.

Логично вытекает ответ на вопрос: имеет ли право на существование моральный профессиональный кодекс преподавателя высшей военной школы? На наш взгляд, имеет и даже необходим. Эта необходимость вызвана следующим:

- объектом деятельности военного преподавателя является непосредственно человек;

- особенности деятельности военного преподавателя и нравственные взаимоотношения, в которые он вступает, требуют специфической нормативности;
- моральный профессиональный кодекс способствует успешному решению задач по подготовке военных специалистов;
- кодекс профессиональной морали включает в себя требования, по соответствию которым общество оценивает профессионально-этическую подготовленность конкретного специалиста.

Исходя из данных обстоятельств и того, что деятельность военного преподавателя включает в себя деятельность офицера, педагога и учёного, можно представить, на наш взгляд, (как вариант) моральный профессиональный кодекс военного преподавателя следующего содержания:

- беззаветно служить своей Родине, свято соблюдать военно-этические и педагогические традиции отечественной военной школы;
- помнить об ответственности перед обществом за подготовку его вооружённых защитников;
- беречь свою честь – святыню офицера, честь военно-учебного заведения и армии. Честь преподавателя – это прежде всего честность перед собой и коллегами по кафедральному коллективу, честность перед курсантами и слушателями, честность в науке;
- быть простым и доступным в общении, далёким от гордости самомнения, являясь нравственным образцом справедливости, выступать инициатором сокращения «дистанции» между собой и ними;
- помнить, что справедливость в профессиональной деятельности военного преподавателя означает признание в курсанте и слушателе личности и относится к нему как к равному в социальном плане;
- поддерживать взаимное уважение, дружеские отношения и сплочённость в офицерском кафедральном коллективе, во всём показывать пример для обучающихся, проявлять о них заботу, оберегать их честь и личное достоинство;
- быть выдержанным, корректным и тактичным всегда, со всеми и везде;
- воспитывать в офицере чувство уважения человеческих прав рядовых, ибо через ряды армии проходят все слои населения и влияние офицерского корпуса распространяется на весь народ;
- помнить, что честность и борьба за торжество истины является основной добродетелью педагога-учёного;
- вести непримиримую борьбу со всеми формами и разновидностями протекционизма и коррупции.

Реализация вышеизложенных положений морального профессионального кодекса преподавателя высшей военной школы будет способствовать формированию у выпускников ВВУЗа не только профессиональные, но и социально-личностные компетенции, готовить их не только как высших военных специалистов, но и активных граждан российского общества.

В истории также не раз предпринимались попытки создать моральный кодекс поведения учёного. По мнению Л. Фейербаха, учёный – мужественный борец за истину, но сам он обладает миролюбивым характером; учёный также и уступчив, для него важнее учиться, чем всегда оказываться правым; учёный идёт своим путём, углубляется в свой предмет, не глядя ни направо, ни налево; учёный не знает большого наслаждения, чем работать и быть деятельным; учёный прост и доступен, бесконечно далёк от гордости самомнения; у учёного нет времени для дурных, недоверчивых мыслей; учёный не гонится за широкими почестями и богатствами, он находит счастье в науке; честность является основной добродетелью учёного; учёный – объективный человек; учёный – это свободный от самого себя человек. [2, с.285]

Военный преподаватель не только педагог и учёный. Абсолютное большинство преподавателей высшей военной школы – профессиональные военные, офицеры. К ним общество предъявляет моральные требования как к военнослужащим: беречь

свою честь и честь военной организации; быть выдержанным, корректным тактичным всегда, со всеми и везде; с достоинством выполнять свой воинский долг; соблюдать отечественные военно-этические традиции; и др.

Современный военный преподаватель триедин в своём облике – он и педагог, он и учёный, он и военный профессионал. Поэтому профессиональный моральный кодекс преподавателя высшей военной школы должен вбирать в себя нравственные требования, поведенческие нормы офицера, педагога и учёного.

Кодекс профессиональной морали включает в себя требования, по соответствию которым общество оценивает конкретного человека как представителя профессии. Не случайно в литературе, в повседневной жизни моральный профессиональный кодекс порой называют кодексом чести. Например, кодекс чести офицера, врача, журналиста, педагога, учёного адвоката и т.д.

Воспитание является важнейшим фактором формирования личности и повышения эффективности подготовки военного специалиста. Длительный период деформации системы ценностей в нашей стране привёл «...к разрушению и нивелированию многих нравственных устоев, десятилетиями складывающихся в обществе, к забвению таких категорий как «совесть», «духовное подвижничество», «помощь ближнему», «честь», «милосердие», «справедливость», «гуманность», «патриотизм», «сострадание» и др.» [6, с. 230]

Восстановление этих норм социального взаимодействия, нравственных чувств и моральных качеств у российских граждан потребует продолжительного времени и значительных усилий. Профессорско-преподавательскому составу высшей военной школы принадлежит в данном процессе ведущая роль. В данном утверждении следует согласиться с Морозовым А.В., который пишет: «Важнейшим компонентом системы образования, в целом, и военного образования, в частности, одухотворяющим её самым фактом своего участия, является Педагог.

Именно от того какой Педагог и как готовит сегодня будущих военных специалистов, какие акценты он расставляет в процессе их профессиональной подготовки, какие качества воспитывает у завтрашнего выпускника, во многом зависит конечный продукт его деятельности – тот человеческий ресурс, который, завершив программу обучения, завтра будет уже сам учить и воспитывать своих подчинённых».[7, с. 232]

Логично вытекает ответ на вопрос: имеет ли право на существование моральный профессиональный кодекс преподавателя высшей военной школы? На наш взгляд, имеет и даже необходим. Эта необходимость вызвана следующим:

- объектом деятельности военного преподавателя является непосредственно человек;
- особенности деятельности военного преподавателя и нравственные взаимоотношения, в которые он вступает, требуют специфической нормативности;
- моральный профессиональный кодекс способствует успешному решению задач по подготовке военных специалистов;
- кодекс профессиональной морали включает в себя требования, по соответствию которым общество оценивает профессионально-этическую подготовленность конкретного специалиста.

Исходя из данных обстоятельств и того, что деятельность военного преподавателя включает в себя деятельность офицера, педагога и учёного, можно представить, на наш взгляд, (как вариант) моральный профессиональный кодекс военного преподавателя следующего содержания.

Получая назначение на должность преподавателя, глубоко и осознанно воспринимая возложенные на военного преподавателя задачи и обязанности по подготовке офицеров и торжественно провозглашаю:

- беззаветно служить своей Родине, быть верным воинскому долгу, с гордостью нести высокое звание офицера-педагога, свято соблюдать военно-этические и педагогические традиции отечественной военной школы, самоотверженным трудом оправдывать доверие и уважение педагогического сообщества и народа;

- помнить, что смысл и главная цель профессиональной деятельности военного преподавателя – безопасность и благополучие Отечества, помнить об ответственности перед обществом за подготовку его вооружённых защитников;
- беречь свою честь – святыню офицера, честь военно-учебного заведения и армии. Честь преподавателя – это прежде всего честность перед собой и коллегами по кафедральному коллективу, честность перед курсантами и слушателями, честность в науке;
- упорно овладевать знаниями и достижениями мировой и отечественной науки и культуры, передавать их курсантам и слушателям, постоянно совершенствовать свой профессионализм;
- быть простым и доступным в общении, далёким от гордости самомнения, являясь нравственным образцом справедливости, продуманности своего поведения, быть одинаково близким ко всем курсантам и слушателям, выступать инициатором сокращения «дистанции» между собой и ними;
- знать интересы курсантов и слушателей, быть гуманистом и искренне верить в силы и возможности своих воспитанников;
- быть принципиальным и требовательным, но в то же время в высшей степени справедливым и объективным. Помнить, что справедливость в профессиональной деятельности военного преподавателя означает признание в курсанте и слушателе личности и относиться к нему как к равному в социальном плане;
- руководствоваться в жизни чувством справедливости и долгом порядочности, стремиться чтобы в споре слова мои были мягки, а аргументы тверды;
- поддерживать взаимное уважение, дружеские отношения и сплочённость в офицерском кафедральном коллективе, во всём показывать пример для обучающихся, проявлять о них заботу, оберегать их честь и личное достоинство;
- быть выдержанным, корректным и тактичным всегда, со всеми и везде. Быть осторожным в выражениях, избегать скандалов, денежных счётов с товарищами. Но если надо, помогать товарищу не только словом, но и делом и деньгами;
- воспитывать в офицере чувство уважения человеческих прав рядовых, ибо через ряды армии проходят все слои населения и влияние офицерского корпуса распространяется на весь народ;
- уважительно относиться к людям различных национальностей, воспитывать у курсантов и слушателей чувство уважения к обычаям и традициям народов нашей страны и мира, чувство любви к армейской, государственной и офицерской символике, утверждать традиции интернационального братства и войскового товарищества;
- помнить, что честность и борьба за торжество истины является основной добродетелью педагога-учёного;
- вести непримиримую борьбу со всеми формами и разновидностями протекционизма и коррупции.

Реализация вышеизложенных положений морального профессионального кодекса преподавателя высшей военной школы будет способствовать формированию у выпускников ВВУЗа не только профессиональные, но и социально-личностные компетенции, готовить их не только как высших военных специалистов, но и активных граждан российского общества.

Винкельман Анна Михайловна

преподаватель, зам.руководителя Школы философии культурологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«НАУКА – ТВОРЕНИЕ ЛЮБВИ»: Ф.В.Й. ШЕЛЛИНГ

О НАУЧНОМ ЗНАНИИ И ФИЛОСОФСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

«Наука в высшей своей потенции есть творение любви» – так охарактеризовал науку Ф.В.Й. Шеллинг в Штутгартских лекциях. [“Auch die Wissenschaft in ihrer höchsten Potenz ist ein Werk der Liebe“ (Schelling, 1810, SW I, 7, S. 474)]

В докладе я постараюсь прояснить эту загадочную формулировку и то, как, по Шеллингу, связаны наука и любовь. К исследованию этого вопроса меня подтолкнуло наблюдение за современностью – научные спецификации становятся все многослойнее и сложнее, в то время как совсем недавно задача науки состояла в поиске одной-единственной «формулы мироздания». С чем связана эта смена исследовательской перспективы и надежд? Почему о ней важно говорить? Возможна ли сегодня наука как одна единая система знания?

Переломная точка для смены этой перспективы – XIX век. Поэтому я обращусь к автору, который в то время много и продуктивно говорит о смысле и задачах науки. На примере нескольких текстов Ф.В.И. Шеллинга я покажу, как немецкий идеализм мыслил саму систему научного знания и почему вообще понятие «системы» играло такую большую роль для всей традиции. От понятия системы я перейду к тому, какую роль в науке немецкие идеалисты отводили философии и скажу в каком смысле наука мыслилась неотделимой от этики. В заключительной части доклада я укажу на, как мне представляется, неочевидную связь понятия любви и этики. И той и другой, как сказал бы Шеллинг, «время дружественно». Связь эта, как пишет Шеллинг в «Философии мифологии» и «Философии откровения», лучше всего может быть понята и усвоена в образовании. Именно оно – открывает перспективу будущего, делает возможным прошлое и ценным настоящее. Таким образом, я постараюсь показать, что эта идея неразрывной связи понятий любви, науки, системы, этики, имеет недооцененную практическую ценность, а размышление над ними поможет лучше понять происходящие вокруг нас процессы, что в свою очередь поможет сделать вклад в лучшее будущее.

Грива Ольга Анатольевна

д.филос.н., профессор, заведующая кафедрой религиоведения,

Таврическая академия Крымского федерального университета им.В.И.Вернадского
**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В ПРЕПОДАВАНИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ**

Учитывая разнообразную этноконфессиональную картину в Российской Федерации, необходимо иметь в виду специфику региона при реализации комплексных учебных курсов «Основы религиозных культур и светской этики», «Основы духовных культур народов России», а также иных предметов, модулей, курсов, дисциплин религиоведческого характера.

Для реализации дифференцированного подхода в этом отношении нам видится необходимым проведение исследования для выявления специфики преподавания дисциплин названного цикла в поликонфессиональном регионе. На основе такого исследования необходимо подготовить научно-методические рекомендации и учебно-методические материалы для внедрения в учебный процесс средней общеобразовательной и высшей школы. Особое внимание уделить вопросам подготовки преподавателей данного круга дисциплин, в частности религиоведов в университете.

В этом отношении, на наш взгляд, важным является соблюдение принципа толерантности, являющегося основным принципом сосуществования в поликультурной среде. Если еще несколько лет назад отношение к толерантности в Российской науке и практике жизни было преимущественно позитивным: проводились исследования, защищались диссертации, успешно была реализована Государственная программа по формированию толерантности у населения, как фактору национальной безопасности. То в настоящее время данная ценность попала в разряд либеральных ценностей и, стоя в одном ряду с такими ценностями как плюрализм, права человека, демократия, гласность и т.д., вступила в некоторый «клинч» с такими понятиями как «патриотизм», «государственность» и т.д.

Однако, мы наблюдаем, что в поликультурной среде, такой, например, как сложившаяся на протяжении последних тысячелетий в Республике Крым, где на неболь-

шой территории проживают представители более ста народностей и более полусотни конфессий, альтернативы толерантности не существует.

Это подтверждают и вектор крымской культурно-национальной политики, и деятельность ряда общественных и профессиональных организаций, как, например, межконфессиональный совет «Мир – дар Божий», функционирующий уже более 25 лет.

В связи с чем, делаем вывод о необходимости, учитывая поликонфессиональность региона, стремиться на предметах духовно-нравственного и религиозоведческого цикла знакомить учащихся с существенными характеристиками религиозных культур других этнокультурных групп, проживающих в данном регионе. С основными положениями вероучения, правилами этикета религиозных групп, их праздниками, особенностями повседневной культуры и т.п. Делать это надо с целью, как знакомства ребенка с окружающим миром и вооружения его коммуникационными инструментами и механизмами, так и с целью воспитания таких качеств личности, как толерантность к инаковости, в том числе, религиозной, гордость за свое родное и уважение к другому, иному. Поэтому, нам кажется неправильным выбор образовательных модулей по принципу русским – православие, татарам – ислам, евреям иудаизм и т.д. Со своей религией дети, скорее всего, смогут познакомиться в своем кругу родных и близких, тем более, что данные образовательные программы не ставят своей целью воспитания религиозности, что принципиально находится в сфере компетенции семьи и религиозной общины. Поэтому мы считаем, что особенностью преподавания данного цикла дисциплин в поликонфессиональном регионе является необходимость знакомства обучающихся с религиозными культурами, функционирующими в данном регионе, а также воспитание этики межкультурных коммуникаций не только на модуле «Основы светской этики», а в каждом из предлагаемых учебных модулей.

Дорохина Римма Викторовна

к.филос.н., доцент,

Платонова Эмма Николаевна

старший преподаватель

Лавренов Сергей Викторович

к.т.н., руководитель Проектного офиса,

Воронежский государственный технический университет

ЦИФРОВАЯ ЭТИКА В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Реалии современного образования таковы, что оно из аудиторий постепенно переходит в цифровое пространство. Но это не значит, что цифровизация поглотит классическое аудиторное обучение. Тем не менее, с переходом в цифровое пространство общество претерпевает трансформацию, приобретая цифровые черты. Вместе с цифровизацией появляется новая этика – цифровая этика или киберэтика. В российской википедии ей дано следующее определение: «Киберэтика – философская область этики, относящаяся к компьютерам, охватывающая поведение пользователей, то, на что запрограммированы компьютеры, и каким образом это влияет на отдельных людей и общество в целом». А.Ю. Согомонов, в свою очередь дает более краткое определение цифровой этике: «цифровая этика – это отдельный и довольно автономный нравственно-этический космос»¹.

С появлением всё новых технологий социальная жизнь общества переживает существенную трансформацию, из общественного пространства она незаметно перетекает в интернет пространство. Возьмем условную среднюю цифру современного человека. Процентное соотношение «проживания» жизни в «двух мирах» у каждого пользователя гаджетов подходит к цифре 50х50. В настоящее время мы пользуемся цифровым пространством для решения многих дел, таких как почта, переписка, оформление кредитов, проведение презентаций, обучение; в секторе развлекательного контента – это могут быть игры, просмотр фильмов, прослушивание музыки, знакомства, ведение социальных сетей. В интернет пространстве у нас проходит полноцен-

ная жизнь, в связи с чем появляется необходимость в ее этическом нормативном регулировании. Несмотря на то, что пользователи интернета могут быть открытые и анонимные, за каждым из них стоит конкретная личность.

Таким образом, возникает необходимость перенести нравственные нормы и ценности в цифровое пространство. Но не все они для него подходят. Поэтому в настоящее время происходит формирование новой этики, адаптированной к иной реальности. Резкой трансформации ценностей мы не наблюдаем, а вот их адаптация под новую реальность происходит довольно длительно и сложно.

В данной связи возникает множество вопросов, о трансформации внешнего вида преподавателя и студента в дистанционном обучении и о корректной организации самого учебного процесса.

Появляются вопросы ответственности и добросовестности, когда преподаватель с одной стороны экрана, а студент с другой. Не занят ли студент

игрой или просмотром развлекательного контента при включенной камере? Хотя благодаря ей можно наблюдать студента на занятиях. Но тем ли он занят?

Допустимо ли опоздание на интернет занятие? Здесь уже невозможно сослаться на незапланированное совещание или пробку на дорогах. Появляется проблема другого характера – соединение с интернетом, неумелое использование ПК, интернет-ресурсов.

А. Сковрцов обращает внимание на то, что не все члены академического сообщества правильно поняли и оценили возможности дистанционного обучения. Некоторые преподаватели в этом обучении увидели возможность появления лишнего времени для написания статей. Студенты в свою очередь решили, что дистанционка – это также свободное время, которое можно употребить на возможность заработать, а слушать лекции можно и с рабочего места. Нельзя не согласиться с автором, что по большому счету дистанционное образование – это «имитация образовательного процесса, где никому нет дела до образования и науки»².

В связи с поставленными вопросами проблемами мы приходим к тому, что цифровая этика как новый тип этического регулирования в цифровом образовательном пространстве необходим.

Литература:

1. Цифровая этика для цифрового образования в цифровом мире.

Согомонов А.Ю. // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 17-30.

2. Этика в цифровом образовании: как «любовь к дальнему» развивает «любовь к ближнему». Сковрцов А.А. // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 57. С. 64-73.

Колосков Александр Николаевич

к.филос.н., доцент, исполнительный директор

Фонда изучения политической культуры и социокультурной коммуникации

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Образовательная система всегда находилась на стыке классических устоев общества и самых современных технологических процессов. Как ни странно, обе эти грани обеспечивают актуальность самого процесса обучения, но делают это совершенно различными способами. Традиционная составляющая образовательной модели позволяет субъекту проходить базовую культурную авторизацию и фундаментализировать базовые механизмы этического мировоззрения в сознании обучающихся. Технологическая составляющая во многом предопределяет цель процесса обучения, определяет средства и существенно влияет на содержание основного сообщения. В результате, обе стороны процесса позволяют развернуть процесс социализации и интегрировать обучающегося в современную культуру. Многие идеи, на которых основано образование, были сформулированы в эпоху Просвещения и не утратили актуальности по сей день. Большой проблемой оказываются механизмы трансляции этой системы ценностей

современному человеку. В данном выступлении предлагается обсудить актуальность этической модели эпохи Просвещения и ее место в современном образовании.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Могилевич Мария Николаевна

к.филос.н., преподаватель практики,

Национальный исследовательский университет ИТМО

ЭТИЧЕСКИЙ ВЫБОР В ИГРОВОМ НАРРАТИВЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Для современной европейской культурной ситуации характерно возрастание роли игрового опыта в жизни человека. Возрастает доля досуга в деятельности, а игра остаётся одним из наиболее привлекательных способов его проведения. Форматы современных игр также многочисленны, но доминируют над остальными всё-таки видеоигры. Видеоигры в свою очередь варьируются от “простых”, с минимальным разнообразием игровых действий, к сложным, не уступающим по глубине повествования и поднятых проблем литературе или кинематографу. Но игровой нарратив отличается от нарративов других художественных жанров прежде всего тем, что он должен по меньшей мере выглядеть интерактивным, то есть события игровой истории должны зависеть от действий игрока. Выборы – ключевая составляющая любой игры. Но, если в играх казуальных они связаны с чистой прагматикой: выбором тактики выигрыша, в играх со сложным игровым нарративом выборам соответствует ещё и сюжетная развилка. Игрок выбирает не только способ, которым будет достигать целей игры, он принимает некое важное решение за персонажа. И здесь очень часто на помощь игровым сценаристам приходит знание этики, а прежде всего – её дилемм и актуальных вопросов. Так, например, в одной из культовых видеоигр прошедшего пятилетия, научно-фантастическом шутере от первого лица *Prey*, базовый сюжетный выбор и внутренний конфликт главного героя базируется на знаменитом этическом мысленном эксперименте – “Проблеме вагонетки”. И именно благодаря этому базису сюжет игры стал настолько значимым переживанием для игроков.

Но, если этика так полезна разработчикам игр, могут ли видеоигры сослужить службу по меньшей мере в преподавании этики?

Игровой нарратив, содержащий этические выборы, выглядит, казалось бы, привлекательным базисом для этических дискуссий, однако имеет как свои плюсы, так и минусы. К плюсам можно отнести:

Высокую вовлеченность и сопереживание игрока событиям игры.

Способность игрового нарратива продемонстрировать проблему с различных позиций, широко и разносторонне показать как условия, так и последствия принятия различных решений.

Возможность переиграть игровую историю, сделав другие выборы и получить опыт уже их последствий.

Но есть и минусы этических дискуссий на почве игрового нарратива. Главным из этих минусов является неправомерность представления действий персонажа, от лица которого действует игрок, к действиям игрока как человека. При большом искушении именно так и поступить. Ведь выборы персонажа совершает, казалось бы, игрок. Но даже позиция игрока отличается от человеческой позиции той же персоны, так как игра навязывает игроку достаточно жесткую модель отношений с внутриигровыми объектами. И взаимодействует он именно с этой моделью, пусть она иногда и симулирует жизненные процессы. Действия же от лица определённого персонажа предполагают также выполнение условий, продиктованных характеристиками персонажа, а иногда и его ролью в истории. При всей интерактивности, опыт, получаемый игроком видеоигры, остается опытом потребителя произведения, созданного кем-то другим.

Таким образом, использование игрового опыта в качестве иллюстративного примера в образовании, в любом случае требует дистанцирования игрока от этого опыта. Постановку того, кто его пережил, в позицию наблюдателя, а не участника. С этими оговорками нарратив видеореигр дает богатую почву для изучения этических проблем, закономерностей и теорий.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Московчук Любовь Сергеевна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ КУРСА ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ

При разработке курсов по профессиональной этике, читаемых для непрофильных направлений (специалистов по рекламе или связям с общественностью, переводчиков и т.д.), преподаватель часто сталкивается с целым рядом проблем, без решения которых невозможно построить качественный обучающий курс. Условно можно выделить три блока: 1. проблемы, связанные с характеристиками обучающихся, 2. проблемы, связанные со спецификой предмета, 3. проблемы, связанные с характеристиками педагога.

1.1 Предполагается, что подобные курсы играют не только информационную роль, но и воспитательную. В подтверждение можно привести ФГОС ВО (3++) по направлению «42.03.01 Реклама и связи с общественностью»: «УК-5. Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах», «ОПК-5. Способен учитывать в профессиональной деятельности тенденции развития медиакоммуникационных систем исходя из правовых и этических норм регулирования», «ОПК-7. Способен учитывать эффекты и последствия своей профессиональной деятельности, следуя принципам социальной ответственности». В результате обучения будущий специалист должен не только знать основные положения профессиональной этики, но и им следовать. Однако студент, в отличие от школьника, уже достаточно сформированная личность со своей сложившейся системой ценностей, что усложняет (а иногда и делает невозможным) воспитание. Обычно это выражается в негативных установках, связанных с моральным релятивизмом, прагматизмом, правовым скептицизмом.

1.2 Не всегда слушатели обладают профессиональным опытом и заинтересованностью найти решение профессиональных моральных дилемм. Опросы, регулярно проводимые в собственной педагогической практике, а также опыт консультирования по написанию дополнительной главы ВКР об этических основаниях профессиональной деятельности, показывают, что студенты считают приоритетными законодательные нормы, а моральные нормы считают необязательными и размытыми. В частности, большинство считает, что можно закрыть глаза на нарушение этики (сексизм, грубость, эпатажность), если рекламный продукт не нарушает закон и эффективен. В некоторых случаях, небольшой опыт профессиональной деятельности позволяет студентам утверждать, что в реальном мире бизнеса и рекламы этика не работает.

1.3 Часто студенты демонстрируют слабое владение терминологией, отсутствие знаний о моральных теориях, низкую культуру моральной рефлексии. Студенты, обсуждая проблемы, предпочитают выносить суждения на базе собственной житейской мудрости и частного опыта, игнорируя существующие моральные теории.

2.1 Отсутствие единой моральной теории, многообразие взглядов на происхождение морали и моральную оценку действий субъекта, расхождение между мирами «должного» и «сущего», наличие моральных дилемм, с одной стороны, конечно, делает изучение этики увлекательным делом, но с другой – дезориентирует слушателя и убеждает в моральном релятивизме.

2.2 Сложность формализации оценки и ее объективного обоснования требует от преподавателя серьезной методической подготовки. Простой путь решения этой проблемы – разработка тестов на знание компонент: определения, персоналии, положения из этических кодексов. Но такой подход выхолащивает предмет этики, сводя ее к фиксированному набору определений и имен, не способствует развитию морального самосознания студента. Особая сложность в формализации критериев оценки возникает в условиях дистанционного обучения, например при разработке оцениваемых заданий-кейсов.

3. Частое столкновение с моральным релятивизмом и обесцениванием предмета, несовпадение систем ценностей может способствовать профессиональному выгоранию преподавателя и снижать объективность преподавателя.

Решение обозначенных проблем видится в следующем: исходить из андрагогической парадигмы обучения, ориентироваться на интерактивное обучение, использовать продуктивные педагогические технологии. При разработке дидактических материалов эффективность показали: включение в кейсы экспертных мнений со стороны профсообщества, запрет в дебатах выбирать «удобную» позицию, необходимость обучающемуся выступать в качестве эксперта (взаимное оценивание работ, создание кейсов, этическая экспертиза рекламного продукта), использование киноматериалов.

Назарова Юлия Владимировна
д. филос. н., профессор,

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого **ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Проблема цифровизации образования, ставшая особенно актуальной в условиях пандемии, поставила перед высшей школой ряд вопросов, которые относятся к области нравственной философии и этики образования:

- как должны соотноситься нравственное воспитание и образование в условиях цифровизации;

- какова роль этического образования и нравственного воспитания в цифровом обществе;

- может ли измениться процесс познания в контексте цифрового образования;

- какие ценности в образовании станут актуальными в цифровую эпоху.

В контексте цифровизации, цели и задачи изучения философии приобретают определенные особенности, связанные с вопросами поиска и анализа информации, пониманием критериев ее истинности, выстраиванием методологии использования полученной информации.

Кроме того, к каждой профессии стали предъявляться высокие моральные требования, что было обусловлено следующими причинами:

- изменениями нравов и ценностей, что потребовало построения новых ценностных ориентиров

- стремительным развитием технологий, бросающим все новые моральные вызовы

- трансформацией гендерных установок во многих профессиях

- обострением внимания к притеснениям различных меньшинств в профессиональной среде

- индивидуализацией многих профессий, что предполагает усиление личной ответственности за результат работы

- возрастающей публичностью и открытостью некоторых профессий.

В высшую школу стало внедряться изучение профессиональной этики, причем усиление вышеприведенных тенденций говорит о том, что количество часов на профессиональную этику будет только увеличиваться. В этой связи, в среде преподавателей философии актуальны вопросы – можно ли преподавать профессиональную этику в отрыве от философии и философской этики? Должно ли нести преподавание профессиональной этики воспитательные функции? Эти разные вопросы, как ни странно,

достаточно тесно связаны: их объединяет понимание процесса преподавания философии, как нравственного воспитания – традиция, восходящая к Античности.

Несмотря на то, что преподавание философии проще осуществить дистанционно, чем преподавание, например, естественно-научных дисциплин, при дистанционном преподавании теряется эта основная, историческая роль философии – нравственное воспитание, «совершенствование склада души». Этот практический смысл философия может потерять при дистанционном преподавании, поэтому необходимо сохранить живой дух практической философии.

В то же самое время, в современном высшем образовании, важное место занимает изучение этики, то есть, этическое образование в высшей школе, которое предстает либо в форме изучения нравственной философии – для студентов философских факультетов, либо – что чаще – в виде изучения нормативных аспектов этики.

В высшей школе практически повсеместно внедряется этическое образование в рамках специальностей, которое представлено, в основном, курсами профессиональной этики. В современных условиях изучение профессиональной этики можно назвать необходимой, и даже вынужденной мерой, по ряду причин:

-знание профессиональной этики включено в стандарт многих профессий

-требования профессиональной этики не статичны, они постоянно обновляются и дополняются, с учетом развития технологий, особенно в условиях цифрового общества

-многие корпорации внедряют кодексы, комиссии, экспертизы профессиональной этики, предъявляя своим сотрудникам все больше этических требований, поэтому этическая грамотность становится необходима также, как и правовая грамотность.

Цифровизация делает общество открытым, профессиональную деятельность – прозрачной, что, в дальнейшем, будет расширять границы применения профессиональной этики. Виртуальное общение становится официальным способом коммуникации, что также предполагает создание неких общепринятых этических правил. Повсеместное использование технологий искусственного интеллекта заставит критически оценивать его действия, предлагая создание и усовершенствование этических алгоритмов искусственного интеллекта. В рамках профессиональной деятельности в условиях цифровизации важно будет установить новые рамки и границы профессиональной этики в тех профессиях, которые переходят в цифровую сферу. Все это доказывает, что профессиональная этика приобретает особое значение в цифровом обществе, и объем ее преподавания расширится уже в ближайшее время.

Новицын Никита Олегович

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЯ ПРИВАТНОГО В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Образовательная среда является одним из самых важных факторов формирования понятия *privacy*, определяя границы между «своим» и «чужим», личным публичным. Формируя границы, образовательная модель во многом предопределяет поведение и систему ценностей субъекта. Классический образовательный текст, требовал пассивного восприятия и заучивания достаточно абстрактной информации, современное образование ориентируется на интерактивность. Этот сценарий позволяет выстроить обучение таким образом, чтобы обучающиеся принимали базовые ценности участвовали в образовательном процессе. Вместе с тем, образовательный процесс неизбежно заходит и раскрывает личное пространство субъекта. Подобная схема ограничивает возможности системы и не дает явным образом размечать границы. В рамках данного выступления будет предпринята попытка рассмотреть некоторые дидактические приемы, позволяющие выстроить отношение «своего» и «чужого» в дистанционном образовании.

РФФИ №20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

Шкомова Екатерина Михайловна

к. филос. н., ассистент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ ПО БИОЭТИКЕ: ОБЗОР КЛЮЧЕВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОГРАММ

Доклад посвящен анализу международного опыта по разработке и реализации магистерских программ по биоэтике. На примере высокорейтинговых программ, реализуемых в испанских (Instituto Universitario de Investigación Ortega y Gasset, Universitat Ramon Llull Institut Borja de Bioetica) и бельгийских ВУЗах (например, KU Leuven), а также на основании опыта США, в которых на данный момент представлена половина всех магистерских программ по биоэтике, будут выделены основные цели и задачи подобных программ, представлен перечень основных и факультативных дисциплин, позволяющих студенту выстроить собственную образовательную траекторию.

Отметим, что отличительной чертой всех международных магистерских программ по биоэтике является междисциплинарный подход в создании программы, а также привлечение специалистов из разных областей знания для ее реализации.

Исследованные магистерские программы по биоэтике направлены на выработку у обучающихся необходимых навыков, которые бы позволили им принимать решения в качестве членов комиссий по биоэтике, а также на формирование знания фундаментальных проблем и аспектов клинической этики и умение применять стратегии преодоления этих проблем в повседневной практике.

Подчеркнем, что зарубежные образовательные программы позволяют студентам получить знания основ биоэтике, а также значительное внимание уделяется знанию и пониманию правовых аспектов функционирования медико-биологических наук и практик, знанию биоэтических проблем, имеющих политическую размерность. Отдельного внимания заслуживают курсы, направленные на углубленное изучение биоэтических проблем конкретных областей медицины, например, генетики, репродуктологии, педиатрии. Значимыми представляются курсы, направленные на разработку стратегий по повышению информированности населения о биоэтических проблемах.

Отметим, что в настоящее время в РФ очевидна потребность в создании программ, готовящих специалистов в области биоэтики. Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова имеет все возможности, чтобы осуществлять подготовку профессиональных биоэтиков. Безусловно, международный опыт является важной вехой в разработке уникальной магистерской программы по биоэтике на базе одного из старейших факультетов университета.

«НЕЙРОЭТИКА И БИОЭТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И НОВЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ»

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры

под влиянием нейронаук»

материалы круглого стола

Plašienková Zlatica
PhDr, PhD, professor,
Vertanová Silvia

PhD, Doc. Mgr., Comenius University in Bratislava, Slovakia

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНИМАНИИ ДИХОТОМИИ СЧАСТЬЕ VS «БИО-СЧАСТЬЕ» В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Стремление к счастью характеризует человека как существо, ищущее удовлетворения в различных сферах своей жизни. Кто не хочет быть счастливым? Поиск счастья – одно из основных проявлений человеческого существования. В традиционном аристотелевском понимании он выражается термином «эвдемония» (εὐδαιμονία). Эвдемония является конечной целью и основой поведения человека в любой практической деятельности, поскольку она «совершенное, высшее и самодостаточное благо», «конечная цель наших действий», которая связана с нашими интеллектуальными способностями и нашими усилиями делать добро. Традиционная парадигма философской интерпретации счастья в настоящее время меняется, особенно в связи с развитием современных биотехнологий, а также нейронаук. Их использование позволяет человеку достичь счастья даже без необходимости собственного и подлинного действия. С помощью определенных лекарственных средств, без каких-либо значительных побочных эффектов, можно достигнуть биохимического «счастья», т.е. своего рода «био-счастья». С философской точки зрения можно говорить о дихотомии «счастье vs «био-счастье». Это касается не только жизни отдельных людей, но и общества в целом, поскольку сторонники концепции «био-счастья» убеждены, что счастье, приобретенное биохимическим путем, может повысить просоциальное поведение людей, что полезно для любого общества. Повышенная интенсивность в ощущении счастья, которое сопровождается усилением просоциального поведения, положительно отражается на любой деятельности, имеющей просоциальный эффект, например, это может быть раздача еды бездомным, сбор мусора, помощь бедным и т.д. Здесь можно применить утверждение: «Когда тебе хорошо, ты поступаешь правильно!» По этой причине многие сторонники концепции «био-счастья» считают его моральным императивом современности. Однако в этом дискурсе также возникает вопрос о восприятии счастья в контексте его генетической детерминации. Несмотря на заявленный биологический детерминизм, внешние обстоятельства жизни, социально-культурная сфера, умственные способности или «психология счастья» не являются достаточными факторами для его понимания. Однако остается вопрос, в какой мере генетика определяет степень переживания счастья, которую ей приписывают, и оправдана ли попытка поиска «гена счастья» через исследование гипертимических людей. Таким образом, дихотомия счастье vs био-счастье остается открытым вопросом.

APVV-18-0103: Paradigmatic Changes in the Understanding of Universe and Man from Philosophical, Theological, and Physical Perspectives

Абдулаева Заира Эсенбулатовна

к.филос.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ БИОЭТИКИ

С 2020 года одна из тем учебной дисциплины под названием “Биоэтика как философия и наука выживания человечества” обрела особую актуальность в связи с тем, пришлась на карантинное время. Эта тема не находила раньше отклика в сердцах молодых людей, ибо студенты не видели связи данной темы с жизненными кейсами. Перед миром раньше не стояли так остро проблемы выживания, соответственно, данная тема им казалась абстрактной.

На сегодняшний день, остро встал комплекс глобальных проблем, решение которых пока призрачно. Стабилизация с вирусом пока так и не началась, но проблема актуализирует биоэтические оценки и решения. В этой связи полезно обратить внимание на высказывание известного ученого-естествоиспытателя Н.Н. Моисеева, который в своем последнем труде «Универсум, информация, общество» учёный и философ страстно призывает: «Человеку необходимо сменить представление о себе как о «победителе» Природы на стремление быть сожителем окружающего мира, обеспечивать совместную эволюцию, совместное развитие с Природой». И еще предупреждение с оптимизмом: «События нынешнего века позволили нам заглянуть за горизонт — мы увидели лицо реальности, которая нас может ожидать — ожидать нас всех, все человечество. Пережитые годы и события нас действительно заставляют задуматься. Но одновременно и дают нам шанс, ибо мы поняли – еще многое сделать не поздно». И не прислушаться к мудрым словам ученого было бы весьма безответственно, так как сложившаяся ситуация в мире природы и обществе требует принятия безотлагательных мер в деле сохранения жизни на Земле и сбережения здоровья людей.

Человечество столкнулось с катастрофическими последствиями научно-технического прогресса — глобальным биоэтическим кризисом. Это принципиально новый феномен, который поставил под угрозу вопрос физического выживания, продолжения человеческого рода и развития всей цивилизации. Глобальный биоэкологический кризис представляет собой критическую фазу отношений и противоречий между научно-техническим прогрессом и выживанием человека на земле, обусловленных гигантским ростом потребления естественных ресурсов, созданием новой антропогенной среды и нарушением динамического равновесия в биосфере на различных уровнях ее организации.

Важно, чтобы биоэтика сегодня была ориентирована на сохранение существующего мира, формируя экологическую сознательность, однако, пока продолжаем упорно двигаться в сторону “экологического” производства.

К началу третьего тысячелетия изменения природной среды, вызванные антропогенными факторами, стали заметны уже не только специалистам. Проблема защиты окружающей среды признается одной из глобальных проблем, стоящих перед Человечеством. Антропогенное воздействие на окружающую среду оказалось деструктивным. Эволюция вынуждена идти экстенсивно, под воздействием внешних факторов, с темпом, диктуемым не ходом естественных явлений, а трансформацией природы человеком. Закон исторического развития биосистем работает не в полной мере или совсем не работает в силу того, что роль биотического воздействия на среду относительно снизилась.

Общечеловеческие проблемы не возникли внезапно и только сегодня. Это сложная и взаимосвязанная система, которая оказывает воздействие на общество в целом, человека и природу, поэтому требует постоянного философского осмысления.

Нобелевский лауреат, всемирно известный ученый этолог и философ Конрад Лоренц называет 7 общезначимых процессов-проблем и называет их “смертными грехами”:

- Перенаселенность земли
- Опустошение естественного жизненного пространства.

- Ускоряющее развитие техники
- Научно-технический прогресс
- Генетическая деградация человека
- Разрыв с традициями

Ядерное оружие

Эти «кричащие» проблемы порождены и произведены человеком, являются результатом его деятельности и сознания в технизированном обществе.

Барбашина Эвелина Владимировна

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный медицинский университет, Институт философии и права СО РАН

ПРИНЦИПАЛИЗМ И НАРРАТИВИЗМ В БИМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКЕ

Принципализм и нарративизм в биомедицинской этике

Современная ситуация в биоэтике характеризуется «борьбой» двух подходов для решения конфликтных ситуаций: традиционного принципализма и нарративизма.

В течении долгого времени основанием принятия решений в биомедицинской этике выступали принципы, изначально сформулированные в «Бельмонтском докладе», и конкретизированные в работах Т. Beauchamp, J. Childress, R. Veatch, Н.Т. Engelhardt. Классические принципы американской биоэтики – «сотвори благо», «не навреди», «принцип справедливости», «принцип автономии пациента» были расширены впоследствии: «принцип целостности», «принцип уязвимости» и другие. Принципы и основанные на них правила являются основанием для принятия решений. Более того, принимаемое решения является правильным только в случае, если основывается на базовых принципах, соответствует выводимым из них правилам.

Принципы биомедицинской этики, многократно доработанные и перерабатываемые, тем не менее подвергаются активной критике (K.D. Clouser, D. Gert B, E.R. DuBose, L.J. O'Connell и другие). Основные направления: невозможность реализации принципов в конкретных ситуациях; противоречивость принципов; конфликт принципов, правил, конкретных суждений. Надежды, возлагаемые на метод «рефлексивно-го равновесия» (Дж.Роулз) в рамках биомедицинской этики не оправдались.

Последние десятилетия характеризуются концептуальными изменениями в области медицины, в целом, и в биомедицинской этике, в частности. Развитие нарративного подхода соответствует пациентоориентированному подходу и обусловлено изменениями в структуре распространенности заболеваний, хроникализацией болезней («общество ремиссии»), ростом стоимости высокотехнологичной медицинской помощи и т.д.

Нарративный подход (нарративная этика, нарративная медицина), «зонтичный термин», тем не менее возможно выделить общие положения: каждая конкретная морально-конфликтная ситуация принципиально уникальна, она не может быть проанализирована, и тем более решена, на основе универсальных принципов; принимаемое решение оправдано с учетом соответствия личности пациента, в контексте его биографии, представленной (а точнее формируемой) в story-telling на основе «нарративного рефлексивного равновесия»; основным является минимизация противоречий между индивидуально значимыми смыслами и социально разделяемыми, а не соответствие принципам.

Основные возражения против нарративного подхода в области медицины (K.D. Clouser M-J. D.V. Good, C. Mattingly T. Munakata, Y. Kobayashi, G. Strawson) частично совпадают с критикой принципализма: проблематичность применения правил, способов нарративного подхода на практике; несоответствие концепций / правил применения нарративного подхода, их внутренняя противоречивость. Большой проблемой является приоритетность текстуального нарратива над перформативными, каковым по сути и является story-telling пациента.

Путь сближения принципализма и нарративного подхода, на мой взгляд, возможен через анализ навыков, которые необходимы для реализации каждого из них и взаимодополнение этих навыков (пример «забывающей скорбящей»).

Бродский Александр Иосифович

д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МИФА И ОБЩЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬ

В докладе анализируются механизмы формирования социальных мифов и функций, которые эти мифы выполняют по отношению к общественной морали.

Доклад включает в себя три тезиса.

Первый тезис состоит в утверждении, что то, что делает тот или иной текст мифом зависит не от его формальных или содержательных особенностей, а от того, как это текст воспринимается людьми, как понимается значение составляющих его высказываний. Мифом может стать все, что угодно. Миф обычно состоит из описаний, утверждений и объяснений, то есть из высказываний дескриптивного характера. Однако понимание мифа предполагает не знание условий истинности и ложности составляющих его высказываний, а знание условий выполнения определенных требований к поведению. Миф – это дескрипция, понимаемая как прескрипция. Подобный подход позволяет понять, как различные научные или философские теории, задачи которых изначально состояла в описании и объяснении мира, превращаются в мифы, определяющие социальное поведение масс.

Второй тезис состоит в том, что превращение дескрипции в прескрипцию достигается мифом благодаря «рассказыванию историй». Миф – это всегда нарратив и всегда использует определенные тропы, характерные для нарративов. Форма нарратива позволяет установить между различными «атомарными высказываниями», фиксирующими реальные или вымышленные события, псевдо-логическую связь, без которой невозможно ценностное и, следовательно, нормативной восприятие этих событий.

Третий тезис состоит в утверждении, что физиологической основой мифов является выходящая за рамки биологической целесообразности инертность нервно-психических процессов, в результате которой ценностные коннотации знаков жестко фиксируются и не меняются с изменением контекстов. Иными словами, природа мифов (и, соответственно, общественной морали) коренится в т. н. «навязчивых состояниях». Навязчивые состояния являются болезненными реакциями психики, но могут выполнять и терапевтическую функцию, снимая в определенных ситуациях общую нагрузку с нервной системы. (В этом вопросе сходились такие различные школы, как школа П. Жане, школа З. Фрейда и школа И. Павлова). Суть этой терапии сродни наркотическим зависимостям, но, как и последние, она часто необходима для снятия негативных последствий различных индивидуальных и коллективных психотравм.

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Введенская Елена Валерьевна

к. филос. н., доцент, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, ведущий научный сотрудник,

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОРЫВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИЦИНЕ

Прорывные технологии представляют собой технологические инновации, которые могут вытеснить существующую технологию или представить совершенно новую концепцию обществу. В последние 20 лет в мире отмечается бурный рост цифровизации, то есть интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь путем оцифровки различных данных. К главным достижениям «цифровой революции» относится автономность и самообучаемость технологий. К прорывным цифровым технологиям в медицине относится искусственный интеллект (ИИ), телемедицина и робототехника,

которые на наших глазах меняют саму лечебную практику и трансформируют взаимоотношения врача и пациента. Отличительной чертой цифровой медицины является применение ИИ, представляющего алгоритмы и программное обеспечение для аппроксимации человеческих знаний при анализе сложных медицинских данных. «Умные» алгоритмы востребованы врачами при решении разнообразных задач: оценки вероятности осложнений заболеваний; сбора данных пациента; помощи в постановке диагнозов и назначении лечения; анализа данных тяжелобольных пациентов в режиме реального времени. Телемедицина является видом цифрового здравоохранения, представляющего совокупность сервисов и гаджетов для дистанционного взаимодействия с врачом, а также удаленного мониторинга жизненных показателей пациента. В последние годы механические устройства начали занимать пространство между рукой хирурга и телом пациента, процесс хирургии дополняется новыми технологиями, включая компьютерную хирургию, технологию расширенной визуализации и использование роботизированных систем, обеспечивающих точность хирургической процедуры.

Традиционная патерналистическая модель взаимоотношения врача и пациента в настоящее время вытесняется моделью технического типа. Если патернализм подразумевает отношение врача к пациенту как к своему болящему ребенку, который требует сострадания, помощи и огромной ответственности со стороны врача, то при реализации второй модели врач, подобно техническому исполнителю, выполняет лишь предусмотренные должностной инструкцией обязанности. Господство модели технического типа может привести в дальнейшем к обезличиванию больного и к элиминации контакта между врачом и пациентом и, в итоге, – к замене большинства врачей системами искусственного интеллекта и роботами. К основным этическим проблемам данных прорывных технологий в медицине относится отсутствие непосредственного контакта врача с пациентом, невозможность «физикального осмотра», неопределенность ответственности за медицинские ошибки, проблемы сохранения конфиденциальности личных данных пациентов и их уязвимости. В тоже время задачи, требующие сопоставления огромного массива медицинских данных, подввернутся цифровизации, что может освободить время для общения врача с пациентами. Интеллектуальные машины и роботизированные системы очевидно превзойдут врачей в диагностике заболеваний и в точности выполнения хирургических операций, но никогда не смогут заменить доктора в проявлении заботы о больном. Сохранить «живой контакт» врача и пациента в новых технологических условиях – важная задача современной медицины.

Данилкина Дарья Сергеевна

аспирант, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

МОДЕЛЬ ПРИНЯТИЯ МОРАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В ОПТИКЕ ТЕОРИИ О ЗЕРКАЛЬНЫХ НЕЙРОНАХ

Зеркальные нейроны изначально были обнаружены у макак в области F5, считается, что они отвечают за понимание поведение других и, соответственно, играют ключевую роль в социальном взаимодействии. Зеркальная система, по мнению ряда ученых, включается как при наблюдении за движениями другого, так и на речевые сигналы, воспроизводимые во время совершаемого действия. Некоторые положения исследований в области зеркальных нейронов были положены в основу понимания принципов поведения людей с позиции этики через объяснение их функционального потенциала, а именно активации зеркальных нейронов, которая «включает» механизмы понимания намерений и целенаправленных действий посредством имитации, т.е., по сути, исследования в области зеркальных нейронов предлагает научному сообществу альтернативную модель принятия моральных решений. Однако, ряд вопросов вызывает дефиниция понятия «эмпатия», к которому апеллируют сторонники теории зеркальных нейронов в попытке объяснить этическую компоненту поведения. О каком конкретно эмпатическом состоянии идет речь – аффективном, когда человек созна-

тельно конструирует субъективный опыт через «проживание» ситуации другого? Или же речь все-таки об когнитивном эмпатическом состоянии, при котором не происходит проекция человеком своих собственных ментальных состояний на другого субъекта, но однако остается «понимание» эмоционального поля другого? Каким образом объясняется их, в контексте теории о зеркальных нейронах, проявления эмпатического выражения эмоций через симуляцию? К сожалению, теория зеркальных нейронов не дает точных и исчерпывающих ответов.

Важно отметить, что зеркальные нейроны, по мнению нейроученых, срабатывают только при выполнении действий, имеющих целенаправленный характер и, следовательно, позволяют интерпретировать «стоящие» за этими действиями, намерения. Считается, что целенаправленность действия обеспечивается определенными мозговыми механизмами, однако, вопрос о том, какова природа этих механизмов и как проявляется их функционал в выявлении цели – остается открытым, также не до конца прояснен момент относительно каузальной связи между воспринимаемым движением, связанным с целью и отображением на нейронном уровне. Более того, говоря о кодировании нейронной сетью целенаправленных действий, нужно заведомо условиться о том, что намерение должно иметь содержательную основу и, следовательно, нам нужно признать, что зеркальным нейронам присущи ментальные содержания, что само по себе представляется невозможным, поэтому сегодня говорить о том, что зеркальная система пригодна для понимания действия и прогнозирования, на наш взгляд, весьма опрометчиво.

Захарова Лидия Борисовна

к.б.н., доцент

Парийская Елена Николаевна

к.б.н., доцент

Ковалева Валерия Алексеевна

заведующая лабораторией кафедры физиологии, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА КАК ФУНДАМЕНТ ДЛЯ РАБОТЫ В ГЕРИАТРИИ

Минздрав России отмечает рост продолжительности жизни населения. Предполагается, что к 2050 году доля пожилых людей старше 65-летнего возраста составит около 25% от общего населения. Соответственно, основными пациентами лечебных учреждений станут пожилые люди. В сложившейся ситуации возникает острая необходимость в подготовке медицинских работников, которые будут осуществлять первичную медико-санитарную помощь и долгосрочное медицинское обслуживание пожилых людей, работая не только в учреждениях Герiatricкой службы, но и в обычных лечебных учреждениях. Таким образом, перед медицинскими ВУЗами стоит задача по подготовке таких специалистов. Чтобы эффективно и качественно оказывать помощь пожилым и старым людям важно не только обладать знаниями в области медицины, физиологии, психологии, но и понимать специфику универсальных био-этических принципов, на которых основана работа врача с данной категорией пациентов. Поэтому проблема воспитания у студентов, будущих врачей нравственного отношения к человеку остается чрезвычайно актуальной, так как часто можно столкнуться с невнимательным, грубым, негуманным профессиональным поведением врача по отношению к пациенту, членам их семей и коллегам. Гуманизация образования необходима для правильного решения вопросов, касающихся медицинского права, проблем целостного подхода к профилактике и лечению заболеваний, аспектов влияния научных открытий на безопасность и улучшение здоровья человека, этических проблем прорывных технологий в медицине. Общеизвестно, что взаимодействие врача с пациентом при умелом использовании навыков общения вселяет больному надежду на выздоровление, повышает его настроение и уверенность в себе, мобилизует

его адаптивные механизмы. Именно в гериатрии успешность вербального воздействия и терапии больного зависят от доверия, любви и уважения к врачу, от внимательного отношения к жалобам и субъективному описанию заболевания, с которыми больной обращается в стационар. Однако, опыт показывает, что без достаточных знаний о закономерностях общения, без полной теоретической подготовки в этой области, врач вырабатывает в процессе своей профессиональной деятельности стереотипные навыки, весьма далекие от желаемых, т.е. не только не оказывающих на пожилого пациента психотерапевтического воздействия, а, зачастую, оставляющие у последнего негативное впечатление от посещения врача. Наша задача в процессе обучения подготовить врача, гармонично сочетающего в себе профессионализм, высокую духовность и нравственность. Лояльность медицины к нуждам пожилых людей позволит им жить дольше и оставаться относительно здоровыми. Только общество, которое адаптируется к быстро меняющимся демографическим условиям и инвестирует в «здоровое старение», будет успешным и органичным.

Климович Анна Игоревна

к.филос.н., доцент, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ ДИСКУРСОВ В БИМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКЕ

В современности биомедицинская этика рассматривается как проблемное поле, где этический и правовой дискурс не всегда совпадают. В качестве основополагающей причины этого явления отмечаются моральный плюрализм, проявившийся в магистральных направлениях современного здравоохранения, неоднократно упоминаемое развитие медицинских технологий, осмысление последствий которого внутри морального дискурса часто происходит с опозданием, смешение этического элемента, а также часто его замещение понятием здравого смысла, тенденция разрушения морального этоса. Влияние оказывает и фрагментация в рамках самого предмета биомедицинской этики, он распадается на этику здоровья, этику репродуктивных технологий и танатологическую этику, связанную с категорией «ранее высказанных пожеланий». Таким образом, нормы классической биомедицинской этики не в каждом случае имеют возможность и необходимый потенциал, чтобы выступать полноценными социальными регуляторами.

Определенное влияние на широкое толкование биоэтических норм оказывает и фактор мультикультурализма. Он выступает как основание для сохранения общечеловеческих ценностей в сфере медицинских вмешательств и одновременно воздействует на трактовку этических норм, реализуясь в виде традиций и религиозных практик.

Преимущественно прослеживается следующая связь между моральным и правовым дискурсами в биомедицинской этике: обсуждаемые во время публичных дебатов этические нормы затем выражаются в принятии соответствующих правовых норм. Моральный и правовой дискурсы имеют в этой области общий интерес – защиту автономии человека. Присутствие единой тематики и предмета позволяет предполагать наличие определенных стратегий взаимодействия, которые можно свести к следующей, представленной ниже классификации.

1) Сотрудничество. В данном случае моральный и правовой дискурсы занимают общую позицию, этические нормы получают правовой статус и находят отражение в нормативных правовых актах в виде правовой регламентации. В качестве примера такого соотношения можно назвать институт врачебной тайны в медицинском праве. Изначально формируясь как этическая норма в деонтологии, он затем был имплементирован в статусе правовой нормы практически во всех национальных законодательствах.

2) Конфликт. Конфликтная ситуация возможна, когда этические нормы вступают в противоречие с правовыми нормами, соответственно, правовое и этическое содержания не совпадают. Классическим случаем такого развития событий является дело «Эванс против Соединенного Королевства», касающееся репродуктивных прав и сво-

бод. Еще одним примером несоответствия этической и правовой нормы будет законодательство США [1]. Согласно исследованиям, в этом государстве одной из лидирующих причин детской смертности является неосторожное обращение с огнестрельным оружием (дети часто получают доступ к незакрытому от них оружию). Вместе с тем во Флориде власти наложили запрет на педиатров спрашивать родителей о том, как они хранят оружие. Нарушение этой нормы чревато потерей медицинской лицензии. Проявлением стратегии конфликта являются и спорные концепты, не получающие однозначной оценки в рамках этического и правового дискурса – действие «в лучших интересах пациента» и «качество жизни пациента».

3) Ограничение. В данном случае существующая правовая норма мешает развитию этической нормы и дискуссии по теме. Такой вариант возможен в случае закрепления в нормативных правовых актах норм, не рассматривающих позиции всех стейкхолдеров. Например, закрепление в законе «О здравоохранении» Республики Беларусь запрета на эвтаназию делает бессмысленной в современности любую этическую дискуссию по данной теме в рамках белорусских реалий.

Литература

1. Davis, S. Dena Laws that conflict with the Ethics of Medicine / S. Dena Davis Date of access: 24.09.2021. Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/hast.382>.

Ковалева Татьяна Викторовна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ И МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРОБЛЕМ НЕЙРОЭТИКИ

Нейроэтика – это подраздел биоэтики, который специально занимается возникающими этическими проблемами, связанными с развитием нейробиологии и нейротехнологии, а также размышлениями о философии разума. Этические проблемы, характерные для нейроэтики, включают, среди прочего, нейровизуализацию, имплантаты мозга и интерфейсы мозг-компьютер, когнитивные и моральные улучшения и изменение памяти. Роль познания в нашем понимании человеческой личности также исследуется в сфере нейроэтики.

Введение термина «нейроэтика» приписывается писателю и редактору газеты Нью Таймс Уильяму Сафиру, который определял его как «исследование того, что правильно и неправильно, хорошо и плохо в лечении, усовершенствовании или нежелательном вторжении в человеческий мозг и причинении беспокойства манипуляциями с ним». Однако слово «нейроэтика» уже использовалось ранее, но не употреблялось в дисциплинарном смысле или для обозначения этических проблем в нейробиологии. Сегодня нейроэтика – это самостоятельная дисциплина, отчасти потому, что мы уже структурируем нашу научную и повседневную практику таким образом, что не можем не признать ее таковой. Вопросы, которые ставит нейроэтика, выводят нас за пределы биоэтики в философию разума, психологию, теологию, право и саму нейробиологию. Именно этот более обширный ряд проблем заставляет признать значимость для науки и общества нейроэтику, как самостоятельное научное направление.

Эти проблемы связаны с новыми нейротехнологиями, с помощью которых мы можем отслеживать процессы в мозге и в большей степени понимать, как мозг порождает определенные формы поведения, а также они позволяют нам вмешиваться в эти процессы, изменять и, возможно, контролировать поведение, черты или способности. Из-за быстрого развития технологий и их разнообразного применения трудно полностью охватить круг вопросов, которые входят в поле интересов нейроэтики. Выделим основные: этика улучшения, когнитивная свобода, конфиденциальность, культура ИИ и пр.

Важной темой в нейроэтике является этика нейроусиления, т.е. нейротехнологии для улучшения способностей и функционирования мозга.

Нейроэтики чаще всего обсуждают улучшения когнитивных функций, технологий, которые позволяют нормальным людям когнитивно функционировать на более

высоком уровне, чем без использования технологии. Одна из актуальных теоретических проблем нейротетики – это тщательное и точное определение того, имеет ли, как и почему улучшение когнитивных способностей имеет философский статус, отличный от любого другого вида улучшения, такого как повышение физических возможностей с помощью стероидов.

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Ларионов Игорь Юрьевич

к.филос.н, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В НЕЙРОКОГНИТИВИСТИКЕ – ПОДХОД Б.ФРЁДИНГ

Аристотелевская парадигма продолжает оказывать влияние на философию морали. Одним из путей ее реставрации в XX в. считается возвращение к т.н. этике добродетели (*virtue ethics*). Среди ее специфических особенностей – стремление к объективному и беспристрастному рассмотрению человеческой природы (что позволяет снять противоречия между нормативным дискурсом и естественнонаучным описанием строения и способностей человека), снижение нравственной значимости отдельных поступков в пользу более «длительных» феноменов, таких как характер, образ жизни и счастье (*eudaimonia*) как возможный ее результат. Ряд мыслителей идут дальше и заимствуют аристотелевский категориальный аппарат в еще большем объеме: напр. политические добродетели и *phronesis* (рассудительность) у Х.Арендт.

В изданной в 2011 г. статье исследовательница Барбра Фрёдинг (*Barbro E.E. Fröding*; в наст.вр. сотрудник Королевского технологического института, Стокгольм) предлагает натурализовать аристотелевскую категорию мыслительных добродетелей, рассматривая их как когнитивные способности, развитые в той или иной степени. Это позволяет ей поставить вопрос о том, может ли улучшение, расширение (*enhancement*) этих способностей, в том числе в рамках нейронаук (*cognitive neuroenhancement*), способствовать развитию нравственных добродетелей, моральному совершенствованию личности. Тем самым, полагает она, ей удастся выйти в обсуждении этических проблем трансгуманизма за пределы традиционной дискуссии между деонтологией и утилитаризмом [1:223-225]. В то же время, Б.Фрёдинг вступает в дискуссию с т.н. процедурализмом в вопросе о расширении моральных способностей, который пытается уйти от использования заранее сформулированных критериев добра и зла в моральном совершенствовании [2].

В этике добродетелей проблема нравственного становления и совершенствования, отмечает Б.Фрёдинг, связана с вопросом об обучении и образовании личности. Традиционный взгляд состоит в том, что добродетель может быть привита посредством сочетания рациональности, самодисциплины (воли), а также поощрений и наказаний извне. Проект Аристотеля, к которому апеллирует Б.Фрёдинг, кажется ненадежным, т.к. сохраняя риск, что особенностям характера, случайность событий жизни, а также простое отсутствие свободного времени помешает становлению добродетелей.

На первый взгляд, последние исследования в области психологии и нейронаук подтверждают опасения: люди с трудом усваивают и обрабатывают новую информацию, в формировании мировоззрения играет роль человеческий фактор, а не обоснованность аргументов. По мнению автора, об этом свидетельствует также знаменитый эксперимент Д.Грина [1:226,231].

Но если само счастье как идеал стабильно благой и приятной жизни может быть избран чисто эмоционально, то выработка добродетелей как средства его достижения включает в себя рациональные усилия [1:230].

Расширение же когнитивных способностей поспособствует нравственному развитию, по крайней мере, потому что:

- субъект будет лучше понимать ситуацию и контекст проживаемых событий, будет «тоньше настроен» на них, более «гибок» в принятии решений;
- осознанный выбор добродетелей будет более обоснован [1:229].

Б.Фрёдинг не сомневается, что медицинские и/или технологические усовершенствований, к которым мы имеем доступ сегодня или можем получить в обозримом будущем, действительно помогут расширить, по крайней мере, когнитивные способности. Однако для нее важно также и то, что стремление к расширению таких способностей без стремления к нравственной (счастливой) жизни может принести вред. Расширенные способности – «фасилитаторы», а не замещение добродетелей [1:232].

Литература:

1. Fröding B.E.E. Cognitive Enhancement, Virtue Ethics and the Good Life // Neuroethics. 2011, 4. P.223-234.

2. Schaefer G.O., Savulescu J. Procedural Moral Enhancement // Neuroethics. 2019, 12(1). P.73-84.

РФФИ №20-011-00124 А «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Ливанова Анастасия Вадимовна

клинический психолог, психолог-сексолог, частная практика

ДИФфуЗИЯ ПРИВАТНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

Учительницу из Барнаула уволили за фото в купальнике. Сотрудницу банка уволили за работу вебкам-моделью.

Эти кейсы являются частью этической сферы. Ведь причиной увольнения и отчисления людей становится не их непригодность, а то, чем они занимаются в свободное время.

Человек телесно живет, как минимум, в двух пространствах – приватном и публичном. С развитием коммуникаций в социальных сетях возникает сложность их разграничения. Телесность, по сравнению с телом, является сложным конструктом. Это система между материальным телом, образами тела, восприятием тела и его поведением. Философ Марен Верле, осмысляя концепцию перформативной телесности Джудит Батлер, заметила, что перформативность находится между социальным и индивидуальным пространством, что размывает границы между публичным и приватным.

Сексуальность считается наиболее интимным измерением телесности.

Фуко утверждал, что в обществе постулируется равенство людей, но не был с этим согласен. И в качестве аргумента приводит пример демонстрации сексуальности. Сексуальность -- это вид власти. Ведь человек, демонстрирующий сексуальность, захватывает внимание наблюдателя и потенциально способен управлять его поведением. Это создает иерархию внутри коммуникации, что подчеркивает неравенство людей.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть БДСМ практики, которые сосредоточены на обмене властью в контексте сексуальных отношений. Психотерапевт Дэвид Ортманн и психолог Рачард Спротт, изучающие бдсм взаимодействие, подчеркивали, что власть -- это динамика, которую люди часто пытаются игнорировать из-за страха. Но ее присутствие неоспоримо в понимании сексуальности и общества. Властные различия следует приветствовать и интегрировать.

Овчинникова Елена Анатольевна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

НЕЙРОНАУКИ И ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Нравственная культура современного общества формируется в медийном пространстве. Это уже очевидный факт современной культуры, который исследуется в

рамках различных научных подходов и парадигм. Для этического анализа несомненный интерес представляет анализ новых медиа с точки зрения их влияния на трансформацию общественной морали, прежде всего медийного уровня общественного морального сознания и специфики общественного морального субъекта. Медийный уровень может быть обозначен как некоторый инвариант общественного сознания, переходное состояние от обыденного уровня к теоретической рефлексии. Формированию медийного уровня немало способствуют, на наш взгляд «новые медиа», которые отличаются не только по форме своего бытования и репрезентации в современном информационном обществе, но, прежде всего, возможностью аудитории выступать одновременно и потребителем и создателем информационного контента, то есть речь идет об активности самого субъекта не только в отборе информации, но и в ее создании и передаче. Появление новых медиа повлекло необходимость не только их этического осмысления, но и анализа изменяющейся нравственной культуры общества. На наш взгляд, таким термином для обозначения данных трансформаций, выступает термин «новая этика», претендующий на анализ современных моральных реалий медийного пространства. Оставляя в стороне анализ споров о данном концепте, хотелось бы остановиться на двух обстоятельствах, требующих анализа (вместительстве «старой этики»). Первое – формирование такого концепта, как «новая этика», может свидетельствовать о потребности общества в осмыслении, обосновании, рефлексии современной морали. Второе – фактор включения научного знания в современное медийное пространство, оказывающий влияние на характер и направленность этической рефлексии. В качестве примеров можно привести многочисленные интервью с ведущими учеными (представителями современных нейронаук), циклы лекций, представленные на различных медиа каналах, посвященные анализу морали, ее истоков, научному обоснованию и т.д. Мораль становится предметом медиа дискуссий с участием как современных ученых, так и известных медиа персон. Одной из главенствующих проблем становятся вопросы обоснования морали, источника этических ценностей, круг моральных проблем и пути их решения. Об этих теоретических этических проблемах высказывается современная наука, что, безусловно расширяет границы этического знания, задает новые методологические проблемы, однако, в этой связи хотелось бы обратить внимание на обстоятельство, которое уже было отмечено в ходе этических дискуссий на страницах журнала «Вопросы философии» (2017 г.), – это вопрос о присутствии этики как профессионала, представителя этической науки в современном обществе. Нам представляется, что существует определенная тенденция вытеснения этики как науки, как знания («старой этики») из медийного пространства и, соответственно, ее влияния на нравственную культуру современного общества. РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Перов Вадим Юрьевич

к. филос. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«КУЛЬТУРНАЯ НЕЙРОНАУКА»: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

В современных когнитивных науках все большее развитие получает относительно новое направление исследований – «культурная нейронаука», которая представляет собой синтез достижений нейронаук, генетики, экспериментальной психологии и культурной антропологии. На первый взгляд в центре ее внимания находятся достаточно традиционные группы вопросов о соотношении биологического (нейрофизиологического) и социально-культурного в природе и поведении людей. Чаше всего данная проблема обозначается как nature vs nurture (природа vs воспитание). Но под влиянием развития нейроисследований и когнитивных наук в рамках «культурной нейронауки» эти вопросы получили новый ракурс. В качестве основных теоретико-методологических моментов можно выделить следующие: а) установка на то, что при освоении культурного опыта происходит структурные и функциональные изменения в

деятельности мозга на нейрофизиологическом уровне (нейропластичность мозга); б) эти изменения происходят не только у отдельных людей, но и могут «наследоваться» в социально-культурных группах и общностях. В обобщенном виде эти взаимосвязанные процессы иногда называют «коэволюцией», которая предполагает, что факторы «культурной эволюции» могут оказывать влияние на генетический отбор и наоборот. Важным обстоятельством является и то, что под культурными факторами может пониматься довольно широкий круг явлений, включая образ жизни различных субкультур.

В этическом плане появление «культурной нейронауки» не только актуализировало ряд моральных проблем, как теоретического, так и практически-прикладного характера.

Во-первых, речь может идти о тех этических проблемах, которые характерны для научно-исследовательской составляющей «культурной нейронауки». Нужно отметить, что в этом контексте при всех многочисленных различиях между «естественно-научной» (нейробиология, генетика и т.д.) и «гуманитарной» (социальные исследования, культурная антропология и т.д.) обнаруживаются сходства этических проблем и нормативных установок. Во многом это обусловлено тем, что почти все междисциплинарные составляющие «культурной нейронауки» подпадают под общее направление «исследование с участием людей», что предполагает соответствие организации и проведения данных исследований определенным этическим требованиям.

Во-вторых, имеет смысл обозначить некоторые этически значимые тенденции, которые выходят за пределы собственно научных исследований, но при этом в явной или скрытой форме оказывают влияние на современное общественное моральное сознание и на формирование моральной культуры. В общетеоретическом плане это связано с тем, что в рамках традиционного спора между этическим «универсализмом» и «партикуляризмом» чаша весов склоняется к последнему в форме культурного нейробиологически обусловленного релятивизма. Важно отметить, что эти последствия имеют этически амбивалентный характер.

1) К положительным моментам можно отнести следующее: установка на культурный релятивизм способствует отказу от «монополизма» единственно правильной моральной культуры, что формирует этические требования учёта культурного и этического многообразия в общении и деятельности социальных институтов.

2) К отрицательным тенденциям можно отнести: выявляемые различия могут рассматриваться в качестве биологической (то есть объективно неизменной, или практически неизменяемой) основы для типологизации культур, что способствует установлению морально враждебных установок на основе принципа «свой-чужой», усиления ксенофобии и дискриминации.

Следует отметить, что упомянутые положительные тенденции предполагают существенные целенаправленные усилия, в то время как «торжество» негативных более вероятно. В связи с этим, необходимо уделять этим тенденциям больше внимания в целях предотвращения этических рисков.

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Пролович Татьяна Олеговна

младший научный сотрудник, Институт экономики, Российская академия наук

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИКАЛИСТСКОГО ПРОЕКТА В НЕЙРОНАУКАХ

Начиная со второй половины XX века начинают активно развиваться науки о мозге. Этому способствовало, как создание новых, более совершенных технологий исследования мозга (фМРТ, ПЭТ, ЭЭГ и др.), так и появление в разных странах мира проектов по изучению мозга и искусственного интеллекта, на развитие, которых выделяются несколько млрд. долларов. В результате интереса к проблемам мозга, интеллекта

и сознания, и наличие финансовой и технологической базы нейронауки осуществляют экспансию в сферы других наук. В результате данной экспансии появляются такие дисциплины, как нейролингвистика, нейрофилософия, нейрoэтика, нейрoэкономика и др. Нейроученые полагают, что, расшифровав электрическую и биохимическую активность мозга и «прочитав мысли», в скором времени нейронаука сможет решить и объяснить множество, как биологических, так и социо-гуманитарных проблем. Столь амбициозная постановка задачи вскрывает наличие этических проблем в физикалистском проекте. Предлагая «чтение мыслей» нейроученые нивелируют наличие субъективного «Я», редуцируют ментальность к биологической организации, тем самым отождествляя человека с роботом-автоматом. Поскольку человек и все его субъективные, уникальные проявления объявляются эпифеноменальными, по отношению к телесной организации, постольку возникают проблемы, не только связанные с моральной ответственностью, но с объяснением факторов, влияющих на поведение человека. Нейрoэкономика, опираясь исключительно на данные о структуре и работе мозга, предполагает, что поведение экономических агентов обусловлено биохимическими процессами в мозге. В результате предполагает, что социо-экономические факторы избыточные для описания и объяснения экономического поведения. Также то объяснение связи между мозгом и ментальным миром, которое представлено в теории нейронного глобального рабочего пространства, теория схемы внимания, теория расщепленного мозга и др. подразумевает, что наука сможет не только проникнуть в самые глубинные части человеческого «Я», но сможет оказывать воздействие на человека, манипулировать субъективными, сознательными состояниями. Поэтому возникает следующая группа этико-методологических проблем, связанных, как с определением границ применимости разного рода методов при изучении человека (в особенности, экспериментальных), так и с ответственностью ученого перед испытуемым, на которого направлены манипуляции, и перед обществом, которому представляются научные данные, полученные в ходе таких «манипулятивных» экспериментов. Таким образом, физикалистский проект сталкивается с рядом фундаментальных этических проблем, от решения которых может зависеть представления о сущности человеческой природы.

Углева Анастасия Валерьевна

к. филос. н., PhD, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ

НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ПОЛИГОНЕ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

Парадигма доказательной медицины является доминирующей в западной и отечественной медицинской практике чуть более 30 лет. В соответствии с этой парадигмой, при принятии клинических решений врачи вынуждены опираться, прежде всего, на результаты рандомизированных контролируемых исследований, в ходе которых предпочтение отдается преимущественно количественному подходу, а не качественным исследованиям в силу «ненадежности» последних. В отличие от количественных исследований, качественные имеют интерпретивистский характер. В них особое внимание уделяется изучению и пониманию смыслов, вкладываемых участниками клинического процесса в приобретаемый ими опыт, что позволяет объяснить их поведение на том или ином этапе диагностики и лечения, индивидуализировать подход в случае пограничных ситуаций, прибегать к ретроспекции и наблюдению для вынесения обоснованных и эффективных клинических решений. Нам представляется, что приоритет количественных исследований в современной медицинской практике существенным образом ограничивает ее возможности. В докладе предпринимается попытка воспользоваться возможностями эпистемологии добродетелей для дополнительного обоснования достоинств индивидуализированного подхода в целях повышения качества здравоохранения.

Хотя эпистемология добродетелей не редуцируема целиком к этическому проблемному полю, само понятие добродетели, очевидно, этицировано, а потому есть все основания обсуждать природу интеллектуальных добродетелей как с точки зрения теории познания, так и с позиции моральной философии. В целях обоснования значимости индивидуализированного подхода в медицине, требующего не только высокой квалификации врача, но и существенной корректировки медицинского образования с точки зрения развития у него именно интеллектуальных добродетелей, в предлагаемом докладе будет показано на примере трех добродетелей – рассудительности, добросовестности и настойчивости – как именно они работают в процессе принятия ответственного клинического решения, осуществляемого в ситуации феноменологического риска и в условиях неопределенности. Как справедливо заметил Джиллис, любая разумная теория вероятности должна учитывать и объективные шансы, и субъективные степени веры. В этой связи докладе рассматривается вопрос о природе клинических доказательств: измерение объективной вероятности, утверждение рациональной личной (субъективной) вероятности и/или утверждение рациональной коллективной (интерсубъективной) вероятности.

Упомянутые выше добродетели призваны способствовать эпистемическим благам – истине и знанию. В этой связи в докладе будет показано, что, помимо понимания знания как субъективного достижения субъекта, сами знания могут быть разными, и стоит различать «знание-хау» и «знание того» (Райл). Знания клинического патолога содержат большое количество «знаний-хау», многие из которых устойчивы к формальному анализу, однако в доказательной медицине явно недооценена роль непропозициональных его форм.

Особое внимание в докладе будет уделено и тому, как упомянутые добродетели способствуют преодолению когнитивных предубеждений в клинической медицине, ведущих к ошибочным диагнозам, неадекватному или неэффективному лечению. Одним из таких предубеждений является гендерная предвзятость, из-за которой клиницисты нередко страдают когнитивной близорукостью.

в рамках проекта «Натурализация этики: естественнонаучные подходы к свободе воли и моральной ответственности», реализованного при поддержке НИУ ВШЭ в 2021 г.

Чалый Вадим Александрович

д.филос.н., профессор, Балтийский федеральный университет им.Иммануила Канта

СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ ВООБРАЖАЕМЫЕ, НАРРАТИВЫ И ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ В БИОБАНКИНГЕ

Многочисленные декларации и конвенции de jure помещают биомедицинские технологии в нормативные рамки прав человека. Однако de facto крупномасштабные национальные проекты по созданию популяционных биобанков обрамлены нарративами, которые апеллируют к национально-специфическим социальным и социотехническим воображаемым (Castoriadis 1975; Anderson 1983; Simpson 2000; Taylor 2003; Jasanoff and Kim 2009; 2015), чтобы вызвать эмоциональное одобрение населения и мобилизовать его на донорство генетических и связанных с ними данных. Например, в ставшем классическим случае исландской базы данных HSD акторы из deCODE genetics предложили населению нарратив, обращенный к национальным воображаемым «нации книг» и Книги (ранняя и мирная христианизация Исландии), чистоты исландской природы и языка, борьбы малой нации за независимость, красочной истории викингов и почти семейной генетической гомогенности. UK Biobank создаётся под эгидой «развития Великобритании как современной, инновационной и конкурентоспособной нации» с опорой на «богатую историю государственного обеспечения здравоохранения», «дискурс альтруизма и солидарности... иногда позиционируемый как специфически британский», «воплощая и принимая идею этнического разнообразия» (Busby and Martin 2006, 239). О Биобанке Тайваня рассказывается как о создании «воображаемого будущего сообщества» вокруг представлений о генетической особ-

сти и заботе о здоровье будущих поколений тайваньцев (Tsai and Lee 2021). Финская Национальная Геномная Стратегия акцентирует гомогенность небольшой нации как преимущество, открывающее возможность для научно-технологического лидерства, и обобщает персонализированную медицину (Tarkkala 2019, 63). В России биобанкинг обосновывается воображаемыми «биологической безопасности» и «генетического суверенитета». Однако практики осмысления биобанкинга только или преимущественно через воображаемые вступают в противоречие с конвенциональной универсальной нормативной рамкой прав человека и отвлекают публику от её возможных нарушений могущественными корпоративными и государственными акторами.

Одним из ключевых требований, непосредственно следующих из идеи прав человека, является требование информированного согласия. Согласие часто противопоставляется обману и принуждению (O'Neill 2003). Нарратив мыслится в противоположность аргументу, нацеленному на истину (Fisher 1984; Bruner 1986, 11; Ryan 2007; Allen 2017, 575ff), а внерациональное воображаемое, разделяемое большими сообществами, противопоставляется рациональной теории как мировоззренческой форме меньшинства (Taylor 2003, 23). Воображаемые «заняли место, оставшееся пустым после крушения идеологий» «высокого» модерна (Loraux 1981/1986, vii), и частично приняли на себя их функцию манипулирования большинством, не мыслящим рационально. Таким образом, по определениям отвлеченный от регулятивной идеи истины и ориентированный на воображаемое нарратив не может представлять что-либо в форме, которую можно было бы назвать информированием и которая могла бы стать предметом разумного согласия. Поэтому к историям о социотехнических воображаемых, несущим смыслы и возбуждающим эмоции, во имя человеческой разумности должны быть добавлены аргументы, построенные на фактах и нормативных принципах. Социальная готовность («societal readiness») к «постгеномной эре» (Richardson and Stevens 2015, vii), достигнутая в обход разума и усилий по просвещению публики, выводит биотехнологии из нормативных пределов, установленных правами человека, а это создаёт риск злоупотреблений.

РФФИ №18-29-14015» Этико-правовые принципы геномных исследований: пределы вмешательства в права человека»

Шамаева Виолетта Вадимовна

обучающаяся бакалавриата, Воронежский государственный университет

КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В ДИСКУРСАХ ТРАНСГУМАНИЗМА

Трансгуманизм – движение неоднородное, включающее в себя множество крайностей. Совершенно точно можно сказать, что оно порождение нашего времени и достижений современной науки. Это мировоззрение призвано изменить положение человека к лучшему, убрать страдания, смерть, улучшить его здоровье и физические данные, приумножить интеллектуальный потенциал. Последователи этого течения философии предлагают освободиться от бремени природы и, наконец, начать выбирать свой собственный путь развития. При этом необходимо заметить, что сущность человека составляет не только его мышление, но и факторы, связанные с его биологическим организмом. Исходя из этого, представляется необходимым понять: что же станет с человеком после непосредственных вмешательств в его организм, и останется ли он собственно человеком. Становится актуальной проблема существования человека и его идентичности, а также проблема рисков стирания границ между биологическим организмом и его бесконечными модификациями.

С помощью технологий человек может получить собственным усилием изменить свое тело, представление о себе, возможность целенаправленно преобразовать себя. Однако техническая сторона трансгуманизма не может решить проблемы, человек становится марионеткой конвейера. И если одни окажутся на шаг вперед, став более «совершенными», то останется ли возможность другим отказаться и не следовать за ними, однако при этом оставаясь включенным в «новое» общество. Со-

ответственно, возникновение подобного рода проблем требует создания новой этики, которая будет регламентировать возможные отношения между представителями разных категорий современного человека.

Ж. Бодрийяр отмечал, что в информационно-потребительском обществе тело выходит на первый план, в противоположность традиционным европейским ценностям. Тело принимает эстафету от души, теперь его надо спасать и совершенствовать. Тело отредактированное, обработанное со всех сторон, становится предметом желания и чертой успешного существования. Оно реагирует на рекламные запросы общества потребления. Бегство от изначального природного тела, не осознания его человеком как своей части, попытки изменения собственных биологических компонентов – это возможные предпосылки одного сценария: лишения связи с миром природы, а именно со своей телесностью. Когда изменения приобретают столь всеобщий и кардинальный характер, тогда встает вопрос о границах человеческого естества. Возможно ли будет подобное существо называть человеком? Где проходит граница, за которой потеряется человечность?

Одной из целей трансгуманизма является продление человеческой жизни вплоть до бессмертия. Человек, освобожденный от гнета смерти и старения, несомненно, будет иметь совершенно другие задачи, смыслы и цели. Но не станет ли подобное существование вечным мучением, пыткой, «принудительным счастьем»? Тогда о какой гуманности может идти речь? Однозначно подвергнется модификации отношение к жизни как самоценной.

Трансгуманизм имеет право на существование, однако его идеи следует осторожно и постепенно подвергать осмыслению. Необходимо заметить, что трансгуманизм не обращается к духовному развитию индивида, рассчитывая сначала обустроить физически «совершенного» человека. Поэтому уже в наше время появляется биоэтика, старающаяся разработать план регулирования подобных технических новшеств, осознающая то, что без этого человечество может привести себя к разрушению. Возможно ли, что трансгуманизм представляет собой попытку эскапизма человека от его природной части с целью нахождения способа научиться контролировать свое тело, свою жизнь? Возможно ли, что это реакция на расхождение между желаемым и действительным? Как бы то ни было, отчуждая от себя свою природную часть и бесконечно модифицируя себя, человек рискует потерять свою идентичность, в попытках найти выход из собственного кризиса.

«ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ»

материалы круглого стола

совместно с Общественной организацией «Голоса за животных»

Держивицкий Евгений Викторович

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАВИЛЬНО ЛИ ФАРТИНГ РАСПОРЯДИЛСЯ СВОЕЙ ЛЕПТОЙ, ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ЦЕННОСТИ ЖИЗНЕЙ

29 августа этого года в лондонском аэропорту Хитроу приземлился очередной чартерный рейс с беженцами из Афганистана. К этому времени усилиями британского правительства было эвакуировано более 15 000 человек, граждан Великобритании и Афганистана. Но этот рейс был особенным: на его борту практически не было людей, зато в грузовом отсеке Airbus A330 были размещены около 200 собак и кошек, вывезенными из кабульского приюта «Новзад». Операция, получившая название «Ковчег», вызвала крайне неоднозначную реакцию со стороны общественного мнения. Для одних почитатель приюта, Пен Фартинг, стал героем, вернувшим веру в человечество,

для других – человеком, для которого, по словам одного переводчика-афганца, жизнь собаки оказалась дороже жизни его пятилетнего сына. Последнее – не простая метафора: 17 августа талибы объявили, что отныне страна называется Исламский эмират Афганистан, и, несмотря на обещание не преследовать сотрудничавших с западной коалицией афганцев и членов их семей, опасаться за их безопасность есть все основания.

Пен Фартинг служил в составе командос британской морской пехоты в Афганистане до 2007 года. После отставки он посвятил себя спасению бездомных животных: собак, кошек и ослов (всего за эти годы – около 2000), а также пропаганде среди местного населения гуманного отношения к ним. Приют «Новзад» существовал на пожертвования, и на пожертвования же был зафрахтован чартерный рейс. Участие английских властей, помимо выдачи виз для 68 (Фартинг требовал 71) сотрудников приюта и членов их семей, проявилось в организации специального рейса через Ташкент и в предоставлении военного сопровождения для переезда их всех из Кабула в аэропорт, который, к счастью, обошелся без эксцессов и не повлек ничьих потерь. Предыдущая эвакуация срывалась минимум дважды, но, несмотря на предложение покинуть страну одному, Фартинг отвечал твердым отказом. Наконец, 28 августа, после гарантий безопасного прохода, данных представителем Талибана Сухайлом Шахином, они должны были улететь. Но в итоге на борту оказались только животные и сам Пен Фартинг: сославшись на неправильно оформленные для афганцев документы, их задержали в аэропорту американские военные.

Частичный успех «Ковчега» вызвал ожидаемую критику в адрес Фартинга. Все обвинения в его адрес в основном касались двух моментов: он предпочел животных людям, и он приложил недостаточно усилий для эвакуации персонала приюта и членов их семей. Даже в самой Великобритании, стране, известной любовью к животным, согласно опросу, проведенному службой YouGov, 51% жителей ответили, что жизнь человека дороже жизни животного и только 40% – что их жизни одинаково ценны. Относительно последнего обвинения можно привести следующий аргумент: для животных предназначался только грузовой отсек. 181 место в пассажирском салоне Фартинг предлагал предоставить для эвакуации людей. И хотя, как нетрудно догадаться, нашлось бы немало желающих эвакуироваться даже в грузовом отсеке, основной задачей, под которую собирались средства по всему миру, была эвакуация приюта. Решение лететь без персонала Фартингу пришлось принимать в последнюю минуту, и вероятно, что в этой плохой ситуации, когда либо летит он и животные, либо не летит никто, первый вариант предпочтительнее. Для персонала он сделал всё, что смог, и продолжает делать это до сих пор: очевидно, что, будучи живым в Англии эту проблему можно решить эффективнее, чем будучи мертвым или изолированным в Афганистане.

Однако упрек относительно предпочтительности спасения животных в ущерб спасения людей звучит намного серьезнее. Весь мир обошли истории о спасении животных, как домашних, так и брошенных, во время и после урагана Катрина на юго-восточном побережье США в 2005 г. Отказывавшиеся эвакуироваться без них хозяева и рисковавшие ради них своими жизнями спасатели и волонтеры стали национальными и мировыми героями. Сакаэ Като после аварии на японской АЭС в Фукусиме в 2011 г. остался в зараженной зоне чтобы заботиться о десятках ставших бездомными кошек, что, по его словам, стало смыслом его жизни. Но: и в первом, и во втором случае речь шла о риске только собственной жизнью и не в ущерб жизни других людей. Кроме того, американские спасатели, следуя инструкции, в первую очередь спасали все-таки людей, заботясь о животных во вторую очередь, а Сакаэ Като, возможно, таким образом просто нашел свой путь к счастью. Но разве Пен Фартинг действовал не в аналогичной ситуации? Заботясь о животных, все 14 лет он тоже рисковал своей жизнью, разве что без спасения или улучшения жизни людей, чем почти 20 лет занималась западная коалиция и многочисленные гуманитарные фонды. Если бы он со-

средоточил свои усилия на людях, он бы увеличил количество облагодетельствованных, но тогда помогать животным было бы просто некому.

В той ситуации Пен Фартинг проявил себя как герой, отказавшись ради собственного спасения покинуть не только сотрудников приюта, но и его подопечных: в той или иной степени ставших зависимыми от человеческой помощи кошки и собаки были бы обречены. Кроме того, нет уверенности, что даже если бы он решил взять на борт только людей, их не пропустили бы точно так же, как и персонал приюта. Но это и прочие обстоятельства не снимают сформулированного в своей остроте вопроса: правильно ли он поступил, поставив на первое место спасение животных? Почему долг в отношении них оказался для него весомее долга по отношению к людям? Почему, наконец, жизнь пусть привязанного к тебе, но животного, ценнее жизни хоть и не знакомого тебе, но человека? Рационального ответа на этот вопрос нет и, скорее всего, быть не может. Вряд ли довод, что люди, в отличие от животных, могут изменять свою жизнь к лучшему, и если они этого не делают – то это их выбор и их ответственность – может быть применен к женщинам и детям. Это же касается и убеждения, что гуманизм должен распространяться на всех живых существ – иначе в обществах, где его придерживаются, промышленное животноводство, лаборатории, проводящие тесты на животных и т.д. просто перестали бы существовать. Невозможность непротиворечивым и убедительным образом осуществить калькуляцию ценности жизней существ, принадлежащих к разным видам, выведение некоей универсальной формулы, применимой ко всем случаям, не является доказательством правоты Пена Фартинга. Но она же не является и доказательством его неправоты. Он сделал то, что, по его мнению, должен был сделать, возможно, в силу этого он отчасти ответственен в заведомо трагической участи тех людей, которых он мог бы спасти – но вина за нее лежит уж точно не на нем.

Джинчарадзе Мария Зазовна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КАК ЗАМЕНА ТЕСТИРОВАНИЮ НА ЖИВОТНЫХ

Опыты над животными проводились еще в глубокой древности. Первые упоминания о них встречаются в сочинениях древних греков в IV и III веках до нашей эры. Споры на эту тему, этические разногласия начались в XVII веке в Европе, а позже и в США. В 1822 году британский парламент принял первый закон в защиту животных. В 1860-х годах в США возникает «Американское общество по предотвращению жестокости к животным», а затем «Американское общество против вивисекции». При всем при этом тестирование продолжается до сих пор и от него ежегодно погибает от 100 до 150 миллионов животных ежегодно. Этично ли это в современном мире и можно ли найти альтернативу?

Человек и животное очень сильно различаются по своей физиологии, структуре кожи, аллергическим реакциям и прочему. И уже случались инциденты, когда, казалось бы, успешно протестированные на животных препараты становились причиной страшных болезней у людей, включая летальные исходы. Исхода из этого, нельзя не отметить того, что современные методы тестирования в разы эффективнее.

Наука уже давно шагнула вперед, и на данный момент разработано огромное количество более эффективных, альтернативных этических научных методик тестирования, вот некоторые из них, которыми пользуются лаборатории для проверки продукции:

- Тест в пробирке (причем в лабораторных условиях создается абсолютно любой тип кожи).
- Компьютерное моделирование.
- Не до конца этические испытания на сперматозоидах быка и оболочках куриных эмбрионов.

· Тестирование на добровольцах. Это абсолютно безопасно и не имеет ничего общего со зверствами над животными. Более того, этот тест является обязательным (это клинические исследования) даже после

того, как косметический продукт испытали на животных либо иными альтернативными методами.

Таким образом доказано, что до 75% испытаний над животными являются бесполезными и могут быть заменены лабораторными исследованиями.

Но все еще существуют страны, где тестирования над животными являются обязательным условием для выпуска продукции на рынок. Так до 2021 года в Китае вся косметическая и бытовая продукция обязательно должны были протестирована на животных, чтобы ее могли допустить на рынок. А Китайский рынок является самым желанным для крупных косметических компаний. Но 1 января 2021 года в Китае наконец официально отменили обязательное тестирование импортной косметики на животных. Вступление нового закона в силу для зоозащитников стало шагом к победе. Однако только шагом — первым, но не последним. Тестирование местных брендов все еще продолжается. Что иногда приводит не к самым лучшим последствиям.

Так и случилось в конце 2019 года, когда в мире появился COVID. По некоторым данным существует информация, что вирус пришел к нам из Китая от зараженных в лабораториях летучих мышей. Что показывает, что испытания на животных являются не только не этическими, но и не безопасным для людей и всего мира в целом.

Так может нам стоит перестать издеваться над животными и перейти к более гуманным и этичным способам тестирования косметики, лекарств и вирусов?

Прохорова Валерия Валерьевна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЭТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Человек отличается от животного. Проявляется это в разных сферах, однако очень важным является ослабление механизмов инстинктов. Человек становится лишен возможности адаптации к окружающему миру, какую имеют животные. Среди них он беспомощен. Эта слабость является причиной развития его специфически человеческих свойств.

Человек занимает особое положение. Он – часть природы, но обособлен от нее. Человек одинок, но и связан с другими. Он одинок, когда необходимо принять решение самостоятельно (как правильно поступить?), но он не может жить без других людей, потому что такова его природа. Жизнь человека в отличие от жизни животного неустойчива, максимально нешаблонна. «Человеческая жизнь не может «проживать-ся» по образцу, заданному родом: человек должен жить сам».

Само человеческое существование является для него проблемой. Разум – вот то, что дано человеку, как исключительная черта, которая и является причиной его движения. Человек не может потерять все свои отличительные черты и снова стать обезьяной, и он вынужден стремиться выше и дальше в своем развитии. Каждая достигнутая ступень не оставляет человека удовлетворенным, не отвечает на возникающие вопросы, и он движется дальше.

Противоречивая природа человека связана с экзистенциальными дихотомиями, теми, что порождены его природой и не могут быть устранены. Первая из них – дихотомия жизни и смерти. Мы – конечны, это факт, с которым мы должны как-то ужиться, и это во многом определяет и природу человека, и образ его мышления, и внедряет этику в жизнь человека (ясно что этические вопросы у бессмертных и смертных будут различаться).

Проблема жизни и смерти ведет к другой дихотомии: к дихотомии невозможности полного развития человеческих возможностей. Каждый из нас и имеет все ресурсы для этого, но мы живем слишком мало, чтобы достичь полной реализации возможностей.

Человек пытается решить эти дихотомии, реагируя по-разному на них, скрывая себя в религии или же просто в делах или удовольствиях. В большинстве случаев человек убегает от них. Но единственное решение – это посмотреть на проблему прямо и осознать:

1. Человек одинок
2. Нет силы вне человека, способной решить все его проблемы
3. Человек должен принять ответственность за самого себя и понять, что сам должен придать своей жизни смысл и что никакого другого нет.

Существует проблема глубины человеческих страстей и влечений. Удовлетворяя голод, сексуальные влечения и чувствуя себя в безопасности, человек по-прежнему не удовлетворен. С этого самого только и начинается «настоящий человек» и его настоящие человеческие проблемы. У него возникает потребность в «системах ориентации и поклонения». В нее включаются как теистические, так и нетеистические системы. Потребность в системе ориентации и поклонения присуща всем, но частное содержание различно. Эти различия являются различиями в ценности: плодотворный и разумный человек выберет тут систему, которая позволит быть ему плодотворным и разумным. Личность, чье развитие было заблокировано, выберет иррациональную систему, которая будет способствовать ее состоянию. Всем нужна система идеалов, и человек лишь может выбирать между различными вариантами. В этом плане релятивистская точка зрения может быть опасной, потому что не само наличие идеалов делает их ценными, а реальное их содержание.

Рассадина Софья Александровна

д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский горный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЖИВОТНОЙ ПИЩИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

В современном дискурсе, так или иначе касающемся вопросов благополучия животного мира, преобладает эмпатическая позиция, согласно которой животное представляется как «другой», способный испытывать страдание, и соответственно, могущий быть объектом со-страдания. Эта позиция вступает в конфликт с базовыми стратегиями выживания человеческого рода, восходящими к периоду антропо- и культу-рогенеза, поскольку история человечества – это история развития технологий обеспечения мясной пищей. Вместе с тем, на этом историческом пути мы можем обозначить определённые вехи, указывающие на формирование этических проблематизаций, относящихся к данной сфере человеческого опыта.

Определённую регламентацию взаимодействия между человеком и животным-пищей можно усмотреть в архаических табу. Однако, на наш взгляд, таковые не содержат этической проблематики, а носят охранительный характер, как и регламент взаимоотношений с животным-тотемом.

Перевод ограничений в этическую плоскость относится, по-видимому, к эпохе скотоводства, когда человек начинает воспринимать животное не только как добычу, но и как предмет заботы и ответственности. Наследием этого периода можно считать религиозные предписания, запрещающие причинять животным, употребляемым в пищу, избыточную боль (правила убоя скота, запрет отрезать куски мяса от неубитого животного). В историческом контексте эти правила коррелируют с содержанием древнейших законов, осуждающих членовредительство в отношении представителей человеческого рода.

Особого упоминания заслуживают буддийские воззрения, основанные на вере в реинкарнацию. Единство этических предписаний в отношении всех живых существ обосновывает универсальность принципа ахинсы (ахимсы) – запрета причинять вред всему живому. Мы полагаем, что современный дискурс, представляющий животных страдающими и взывающими к состраданию, во многом наследует буддийской этической парадигме. Достаточно сказать, что вегетарианство, получившее распространение

ние в Европе и в России на рубеже XIX-XX вв., изначально преподносилось именно в этическом контексте – как «безубойное питание».

Другой значимый вектор, оказавший влияние на становление современного этического контекста, связан с развитием западного общества. Ключ к пониманию релевантных тенденций даёт предложенная Н. Элиасом теория «процесса цивилизации», согласно которой развитие западноевропейской цивилизации потребовало высокой степени подсознательного самоконтроля, способствовавшего снижению уровня физической агрессии в обыденной жизни. Интериоризация культурных императивов сопровождалась трансформацией повседневных практик. В частности, мы можем проследить по многим источникам, как постепенно уменьшалась социокультурная значимость наслаждения мясной пищей. Начиная с эпохи Ренессанса, обильная мясная пища постепенно перестаёт быть неотъемлемым атрибутом престижного потребления и приобретает коннотации избыточной брутальности.

На фоне изменившегося семиотического статуса аутентичной пищи животного происхождения в современном дискурсе получает благоприятное развитие идея сострадания, подкреплённая образами «новой этики». Это создаёт условия для возникновения неофутуристических проектов, обоснованных идеями заботы о благополучии животных, как, например, производство куриного мяса из клеток, помещённых в питательную среду.

Севастьянова Алина Дмитриевна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины

МОРАЛЬНОЕ ЧУВСТВО И СТРАДАНИЯ ЖИВОТНЫХ: К ФЕНОМЕНОЛОГИИ МОРАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

В 2021 году появился короткометражный анимационный фильм «Спасите Ральфа» (Save Ralph). Картина выглядит как документальный фильм, где главным героем – кролик Ральф, рассказывает о своей работе в качестве «тестировщика» косметики. Ральф страдает от такой службы – постоянный свист в ушах, зуд, слепота одного глаза, химические ожоги, боль в позвоночнике, с которыми Ральф вынужден жить «во имя красоты» будущего потребителя косметики. Затем появляется человеческая рука, которая грубо выводит Ральфа из «домика», и он присоединяется к другим кроликам, которые уже прикованы для испытаний, и умоляют о помощи и спасении. Начинается «рабочий день» с укола в здоровый глаз. В конце ролика Ральф в ошейнике, полностью ослепший, говорит о важности своей работы ради людей, подчеркивает преемственность этой деятельности, потому что «люди важнее».

Несмотря на описанные жестокости, ролик стал популярным в сети. Это связано с тем, что вся информация подана в анимационном виде, а также с некоторой грустной иронией. Обычно подобного рода картины стараются привлечь наше внимание к страданиям животных через демонстрацию сцен грубости и насилия. «Спасите Ральфа» использует другой подход – мы сочувствуем Ральфу, сопереживаем его друзьям и семье, и, сами становимся участниками движения по отказу от неэтичной косметики, тестируемой на животных. Мы понимаем, что «тестировщикам» не дают выбора, они вынуждены работать во благо людей, ведь иначе они были бы «обычными» кроликами, резвились в естественной среде обитания. Почему ролик оказался столь цепляющим? Попробуем разобраться.

В философии Д. Юма возможность морального пространства обусловлена чувством симпатии, то есть естественной способностью человека воспринимать душевные состояния других людей. В психологии для обозначения данной способности используется термин «эмпатия». Поэтому мораль проявляется в сфере взаимоотношений – взаимопереживания, взаимопонимания, взаимодействия. Однако речь идёт о людях, но как возможно применить это же чувство симпатии к животным, ведь они так сильно отличаются от *Homo sapiens* – не обладают способностью к речи, культуре, коммуникации. Иногда именно эти исключительные способности человека становятся критерием для лишения животных морального статуса и признания их только «средства-

ми» для других целей людей. Но уже Дж. Бентам высказал позицию патоцентризма, утверждающую, что моральным статусом обладают все живые существа, способные испытывать боль. И если мы считаем, что одни животные более ценны, на основе их сосуществования с человеком, а другие – нет, то принимаем позицию спесицизма (speciesism). А формирование гуманного отношения к животным требует изменения этого восприятия. Человек способен воспринимать душевные состояния не только людей, но и других живых существ. А это значит, что симпатия может рассматриваться не как одно из состояний, а как комплекс переживаний, обусловленных связью наблюдаемых нами явлений, например, в том, что они: а) исходят от живого существа (как мы), б) отражают его состояния (как у нас), и в) целенаправлены и подразумевают формы сознания и ориентации в мире (как у нас). В итоге симпатия — это более широкое и существенное понятие, чем просто психологическая «эмпатия» как частная реакция на окружение.

Столетов Анатолий Игоревич

профессор, Башкирский государственный аграрный университет

О МЕТАЧЕЛОВЕЧНОСТИ ЭТИКИ НОВОЙ ЭПОХИ: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЖИВОТНЫХ

Современный мир, пребывающий в стадии трансформации, которая инициирована научно-техническим прогрессом, сталкивается со множеством проблем. Распространение коммуникативных технологий нового типа порождает процессы трансформации норм поведения во многих сферах общества, которые иногда называют «новой этикой». Этический вызов является одной из важных проблем современности. Под этическим вызовом можно понимать ситуацию, когда новые социальные условия делают зыбкими этические принципы и нормы прежних эпох, настоятельно требуя переосмысления в свете как изменившегося социокультурного пространства, включающего все более значительную долю технологических факторов, так и в свете новых научных данных, демонстрирующих то, что раньше было неочевидно.

Одним из таких прорывов можно считать увеличение количества исследований, обнаруживающих свойства, которые ранее считались чисто человеческими, в поведении животных: целеполагающий, проективный характер действий; способность понимать намерения других существ и предугадывать их поведение (mindreading); разделенное внимание или общая интенциональность (joint attention); социальное познание и трансляция моделей поведения (культура); абстрактное мышление; сознание и самосознание; способность использовать и создавать орудия труда; способность овладевать человеческой системой коммуникаций, языком; способность обманывать; наличие эмпатии, чувства стыда и этики. Все эти особенности можно связать с тем, что обычно называют разумным поведением. Сфера морали же тесно связана с разумной способностью.

Обнаружение способностей такого рода у животных, свидетельствующее о наличии у них не только сознания, но и разумности с присущей ей этичностью, значительно расширяет пространство этической проблематики и представляет основу для очередного этического переворота, подобного тому, что совершил Кант. В одной из формулировок его категорического императива есть идея о том, что любое разумное существо (очевидно, как раз в силу своей разумности) должно восприниматься как цель и никогда только как средство. Учитывая современный прорыв в области этологии, можно сказать, что этот императив обретает новое наполнение.

У складывающейся ситуации есть уже довольно серьезные последствия: от Кембриджской декларации о сознании животных, принятой 7 июля 2012 года, до изменений в правовых системах ряда развитых стран, касающихся обращения с животными. Одной из последних инициатив является подготовка законопроекта о юридическом признании животных разумными существами, предпринятая правительством Великобритании в этом году.

Эти изменения, показывающие ошибочность патерналистской концепции антропоцентризма, вкупе с катастрофическими последствиями хозяйственной деятельности человека для природного мира, как свидетельствуют исследования Всемирного фонда дикой природы (WWF), приводят к необходимости кардинального пересмотра человеческой этики с учетом новых данных. До сих пор, несмотря на определенные сдвиги в этом отношении, усилия экологов и понимание ценности жизни животных, это понимание имеет, в основном, декларативный характер, поскольку отсутствует систематичность в этических взглядах на сосуществование человечества и природного окружения. И хотя это может прозвучать непривычно, возможно, пришло время задуматься о появлении уже не сугубо человеческой этики новой эпохи, а метачеловеческой, о совместной этике человека и животных и распространении этой концепции в максимально широких слоях общества.

Трофимова Валерия Николаевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет
**«НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АГЕНТЫ» БРАЙАНА МАССУМИ:
ЧЕМУ ЖИВОТНОЕ УЧИТ НАС В ПОЛИТИКЕ**

В книге «Чему животные учат нас в политике?» современный канадский философ Брайан Массуми умышленно не ставит вопрос о том, как благодаря животным человечество сможет улучшить главенствующие политические практики, формы государственного управления и проблемы борьбы за власть, что в совокупности апеллирует к области макрополитического. Будучи политическим теоретиком, Массуми сосредотачивается прежде всего на микрополитическом, процессуальном аспекте становления вместе и становлении-животным. В микрополитическом аспекте политических отношений, по Массуми, наиболее явно прослеживается «творческий избыток интенсивности», что станет видно на переосмыслении и расширении понятия инстинкта. В инстинкт, согласно концепции Массуми, встраивается виртуальное измерение творчества, адаптации, симпатии и игры, то есть тех специфических компонентов, благодаря которым различать животных и человека становится возможным не по видовым критериям, а по критерию способностей. Подобное различие позволяет разместить тела людей и тела животных (и других не-людей) в рамках интегрального континуума, общего становления и сосуществования, основанного на симпатии и принципах кооперации, которые человек по ошибке условился считать борьбой за существование. Говоря об игре детенышей волков, Массуми выстраивает последовательную дескриптивную линию отношений между представителями одного вида не столько на уровне инстинкта в традиционном представлении, сколько на стилистических особенностях этой игры, в условиях которой детеныши не только отрабатывают различные регистры разной интенсивности, но и готовят себя к потенциальному состязанию с противником, которое неизбежно состоит во «взрослой» жизни волков. Особое место в рассуждениях Массуми занимает понятие категориального аффекта и аффекта витальности, которые в условиях игры образуют трансиндивидуальную связь. В своих теоретических построениях Массуми опирается на концептуальные ресурсы Анри Бергсона, Раймона Рюйе, Жюль Делёза и Феликса Гваттари, Альфреда Уайтхеда и Грегори Бейтсона. В результате переосмысления автономии аффекта и субъективности-безсубъекта, Массуми предлагает человечеству приобретать «микрополитическую бдительность касательно зачатков конформизма» в отношении нечеловеческих акторов, а также быть осведомленными в том, что животное продолжает себя в языке и рефлексивном сознании наряду с человеком, что в свою очередь непосредственно сказывается на переоценке антропоцентризма как одной из ключевых этических дилемм в современных реалиях.

Чепелева Наталья Юрьевна

тьютор кафедры истории зарубежной философии,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

АРТУР ШОПЕНГАУЭР И ЭТИКА ЖИВОТНЫХ

Артур Шопенгауэр был знаменитым мизантропом и основателем философского пессимизма, в то же время он известен как защитник и популяризатор этического отношения к животным. Его взгляды имеют основание в метафизике воли. Согласно учению, впервые разработанному Шопенгауэром в трактате «Мир как воля и представление», все в мире имеет единую природу и происходит из Воли. Знаменитая этика сострадания Шопенгауэра развивается из идеи о том, что в каждой страдающей воле человек узнаёт свою собственную, поэтому его эгоистический импульс распространяется на другие проявления Мировой воли. Царство животных Шопенгауэр выделяет в качестве одной из пяти ступеней объективации воли, тем самым называя его одной из Идей. С этим представлением непосредственно связано эстетическое учение Шопенгауэра, в котором искусство служит познанию идей, а эстетическое изображение животных является отражением одной из высших ступеней объективации воли.

Одна из последних крупных монографий в области исследований философии Шопенгауэра посвящена этике защиты животных (Shapshay, 2018). В докладе будут обсуждаться основные выводы Шапшей относительно актуальности этики Шопенгауэра в контексте современной этики животных, а также другие последние исследования данной темы. Будут предложены комментарии к высказываниям Шопенгауэра о защите животных, а также предлагается к обсуждению вопрос о личном отношении Шопенгауэра к вегетарианству.

«ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА»

материалы круглого стола

Карпухин Сергей Васильевич

д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)

Лобажевич Валерий Владимирович

доцент, Военно-медицинская академия им.С.М.Кирова

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В ВУЗЕ

Мировые тенденции глобализации в информационно-коммуникационном пространстве, образовательной среде, значительное увеличение контактов на международном уровне среди молодежи, связанных с интенсификацией миграционных процессов актуализируют этические вопросы межкультурного взаимодействия всех представителей образовательного сообщества в вузе.

Одной из главных целей образования в вузе является формирование человека высокой культуры, обладающего чувством личностного достоинства, способного как к автономной, так и к коллективной деятельности в условиях глобализма и культурной интеграции.

Процесс формирования этической составляющей межкультурного взаимодействия состоит, как правило, из следующих этапов:

- общей этической и культурно-специфической подготовки, в рамках которой происходит ознакомление с различными видами культур с целью понимания принципиальных особенностей своей и иной культуры;

- психологической подготовки, где происходит формирование готовности принять многообразие нюансов другой культуры и «безболезненно» перенести «культурный шок»;

- практической подготовки, в ходе которой приобретается опыт межкультурного взаимодействия и происходит адаптация в незнакомой культурной среде.

Сегодня теория и практика образовательного процесса требуют от высшего учебного заведения, предоставления студентам возможности проведения культурных дискуссий, в формате которых легче переживать личностные различия и путем диалога достигать компромисса и сотрудничества по злободневным вопросам современной жизни.

В свое время американские ученые K. Sitaram и R. Cogdell предложили практические рекомендации, которые имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами этической проблеме. Это:

а) уважительное отношение к своей и чужой культуре;

б) стремление понять особенности другой религии;

в) недопустимость суждения о людях по цвету кожи и акценту;

г) понимание того, что у каждой культуры есть свои ценности;

д) осознание того, что каждая культура – часть глобального культурного пространства. [1. с. 76].

В целом же «методологическое и теоретическое обоснование новых подходов к данному процессу, координация научно-исследовательской и учебно-методической работы в вузе составляет педагогическую основу, которая имеет цель помочь учащемуся вуза, к какой бы национальности он не принадлежал, научиться ценить и понимать культуру, историю, традиции других народов, а значит сформировать у него культуру межнационального взаимодействия, которая будет способствовать только самореализации студента» [2 с. 188-189].

Литература:

1. Sitaram, K.S. Foundations of intercultural communication / K.S. Sitaram, R.T. Cogdell. – Columbus, Ohio: C.E. Merrill Pub. Co. – 1976. – 245 p.

2. Кусарбаев, Р.И. Теория и практика формирования культуры межнационального взаимодействия у студентов высших учебных заведений : монография / Р.И. Кусарбаев. – Челябинск, 2009. – 209 с.

Станжевский Федор Алексеевич

к. филос. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

ЭТИКА ЗАБОТЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ОТНОШЕНИЙ

Этика заботы, вопреки нередко высказываемому мнению, не является специфичной для женского «взгляда» на этику. Напротив, можно найти аргументы в пользу того, что эта этика является фундаментальной по отношению к этике, основанной на идее автономии или независимости субъекта. Последняя может быть представлена в различных ипостасях, от этики Канта до теории справедливости Джона Ролза. Утверждение о том, что этика, основанная на универсальных принципах, имеет более высокий и «серьезный» статус, чем этика, опирающаяся на непосредственные и конкретные отношения, само по себе неочевидно. Прежде всего, субъект не способен задавать сам себе закон, если он не связан и никогда не был связан отношениями с другими субъектами (на достаточно базовом уровне это подтверждается аргументом Витгенштейна против личного языка, основанном, в некотором упрощении, на том, что любые правила требуют социальной опоры). Кроме того, зачастую решение этических проблем не происходит в монологическом режиме, но требует «переговоров» и согласования ситуации с другими деятелями. Вдобавок, акцентирование этикой заботы

уникальности ситуации и отношений, контекстуальной зависимости поступка может найти подкрепление в идее практической мудрости (*phronesis*) Аристотеля. В отличие от более рационалистических типов этики, этика заботы отдает должное аффективной мотивации и эмоциональной составляющей субъективного мироощущения и интерсубъективных отношений. Прежде всего, речь идет об акцентировании феномена эмпатии, который, возможно, лежит в основе этического поступка. В таком случае этика заботы оказывается фундаментальной по отношению к этике Канта – ведь в действительном опыте человеческих взаимоотношений именно эмпатия позволяет усмотреть в другом «цель в себе», а не только средство. Преимуществами этики заботы можно обосновывать на основе идей персонализма и философии диалога – так, в философии Бубера отношение «Я-Ты» является первичным по сравнению с отдельным «Я». Аналогичная мысль высказывается в современной психологии, исследующей «совместное внимание», где показано, что индивидуальная перспектива (вначале чисто аффективная) формируется у ребенка параллельно с признанием отличия перспективы («точки зрения») другого человека именно в повторяемом опыте триангуляции («Я – Другой – объект в мире»). Однако фундаментальным обоснованием этики заботы может служить метафизика процесса, а не только объекты не предшествуют отношениям, а, напротив, именно отношения конституируют объекты. Эта метафизика представляется более адекватной не только с учетом современной физики (ведь устаревшая, но все еще повсеместно распространенная метафизика субстанций подкрепляется старой физикой и изжившем себя, но нежелающим отступить атомизмом), но и с учетом биологии и идеи воплощенного познания, которая актуализирует с учетом новых данных идею межтелесности Мориса Мерло-Понти. Феноменологические исследования (за исключением феноменологии индивидуалистической направленности в Гуссерлевых «Картезианских медитациях»), «трансакционный» подход Джона Дьюи, исследование отношений в философии процесса – все эти подходы свидетельствуют в пользу онтологического первенства отношений по сравнению с отдельным индивидом, и это первенство может найти подтверждение в математической теории динамических систем. РФФИ №20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии»

Селиверстова Нина Андреевна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)

ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Бесконфликтная межкультурная коммуникация – одна из древнейших и трудно-разрешимых проблем: вся история человечества, по сути, это история межкультурных конфликтов. Сегодня проблема коммуникации различных типов цивилизационно-культурного развития стала настолько актуальной, что понятия «Запад» и «Восток» воспринимаются скорее как культурологические и социально-политические, а не географические.

Обоснованные опасения отдельных народов утратить свою самобытность и культурную идентичность обострились в связи с глобализационными процессами и усилением миграции из экономически отсталых государств в благополучные страны еврозоны. Причина – «цивилизационный терроризм» Запада, который зачастую проявляет неуважение к иной культуре, пытаясь навязать ей свою собственную систему нравственных ценностей и идеалов, не учитывая, что некоторые из западных свобод (например, свобода слова, включающая в себя свободу критики религиозных ценностей ислама) совершенно неприемлемы для мусульман и воспринимаются ими как оскорбление.

Сегодня СМИ практически ежедневно транслируют информацию о межэтнических конфликтах в разных регионах планеты, причем не только в «горячих точках», но и в крупных культурных центрах как зарубежных стран, так и России. Это, конечно,

не случайно: современный город (особенно – мегаполис) представляет собой многонациональный и поликонфессиональный социум, где не только межгрупповые, но и межличностные отношения могут быть детерминированы этническими (культурными и религиозными) факторами.

Особенно остро эта проблема стоит в крупных вузах, где контакты между студентами протекают на фоне контекста различных культур, обуславливающих специфические формы этнической ментальности. Современный вуз – своего рода многонациональная страна в миниатюре, где на одной территории, объединенные общими целями и задачами, регулируемые единым сводом правил и законов, должны мирно сосуществовать представители различных культурных и религиозных традиций. Эффективность учебно-педагогического процесса в таком вузе во многом детерминирована наличием или отсутствием в нем духа межнациональной терпимости и этики межкультурного взаимодействия. Не случайно в последнем варианте компетентного подхода Минобрнауки выдвинул требование формирования у студентов способности «воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контексте» (УК-5).

Однако реализация этого требования в техническом вузе сталкивается с целым рядом проблем и препятствий. Первая и главная из них – отсутствие в учебных планах подготовки специалистов дисциплин, непосредственно формирующих у студентов компетенции и навыки этики межкультурного бесконфликтного взаимодействия, таких, как «Этика», «Религиоведение», «Конфликтология». Между тем, именно они закладывают в сознание молодых людей информацию, необходимую для реализации требований, предусмотренных компетенцией УК-5. Попытки социогуманитарных кафедр ввести их как спецкурсы или факультативы по выбору администрацией особо не поддерживаются и, как следствие, студенты предпочитают выбрать спецкурсы, непосредственно связанные с их профессиональной ориентацией.

В итоге реализация программы этики межкультурного взаимодействия в технических вузах возложена, главным образом, на философию. Конечно, у курса философии огромный потенциал этического образования, (как и религиоведческого, и конфликтологического), но при условии полноценного курса, как, скажем, в гуманитарных вузах, а не урезанного в технических университетах до девяти лекций и восемнадцати семинарских занятий, позволяющий сформировать лишь элементы компетенций, необходимых для эффективной межкультурной коммуникации.

Количество студентов из «ближнего» и «дальнего» зарубежья в технических вузах неуклонно повышается, а между тем, именно полноценное этическое образование способно эффективно предупредить конфликты в межкультурной коммуникации, поскольку позволяет существенно расширить систему своих ценностных ориентаций в духе толерантного, уважительного отношения к иной культуре, традициям, ценностям и идеалам.

Маковецкая Мария Владимировна

к. филос. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)

ОБ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ БАЗОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Образовательный процесс, в сути своей являющийся определенного рода взаимодействием между его участниками, имеет в себе и этическую составляющую. Цель образования в его этическом преломлении – приведение сущего к должному. Однако понимание должного различается в зависимости от избранной модели образования. Традиционную и гуманистическую педагогику принято противопоставлять друг другу ввиду разности их основополагающих принципов.

Модель традиционной педагогики стержнем этического взаимодействия полагает отношение строгого подчинения. Модель гуманистической педагогики удаляется от метафоры власти как базовой схемы и находит обоснование в равноправном межличностном взаимодействии. При этом субъекты взаимодействия рассматриваются как

изначально качественно различные личности, а процесс образования как направленный на их развитие.

В настоящее время в работах, посвященной данной теме, главенствует мнение о том, что лишь модель гуманистической педагогики дает возможность учитывать универсальные этические принципы уважения к личности в осуществлении образовательного процесса. Однако такая позиция не кажется обоснованной.

Принцип подчинения в традиционной педагогике основывается на определенном представлении о человеческой природе. К примеру в христианском контексте необходимость подчинения и безусловное следование авторитету преподавателя обосновано идеей «падшей» природы человека, его испорченного состояния, требующего исправления при обязательном духовном наставничестве. И ранее, уже у Аристотеля следование авторитету, воспроизведение образа жизни человека, достигшего добродетели, положено в основу человеческого воспитания. Представление об «Учителе» с большой буквы как о проводнике в мир истины, восходит также и к восточным традициям, в которых абсолютное следование пути, указанному учителем, было единственно приемлемой формой передачи знаний в условиях устной традиции.

Этической основой гуманистической педагогики является представление о непрекращаемой ценности и уникальности каждой человеческой личности, воплощенной в каждый момент жизни. Любой человек на любом этапе своего развития предстает в полноте своего бытия: в детстве ли, в юности, в зрелости или в старости. Концепция гуманистической педагогики и все теории примыкающие к ней рождаются в противовес превратно истолкованных принципов традиционной педагогики. Однако уважение к человеческой личности лежит в основе обеих традиций. Но учение о человеческом несовершенстве, об изначально испорченной природе, служащее обоснованием необходимости подчинения, легко может быть неверно истолковано. Последствия этих часто намеренных искажений мы действительно можем наблюдать в виде ужасающих форм подчинения тоталитарного типа, применяемых в реальных случаях педагогической практики.

Однако две вышеперечисленные модели не исчерпывают всей картины современного образования. Есть еще одна педагогическая модель, которая обычно оказывается незамеченной. Назовем ее прагматической. В этой модели, как мы увидим, пространство этического взаимодействия сужается до минимальных размеров. Функционирование образовательного учреждения рассматривается либо в рамках заданной бизнес-модели, либо в рамках госзаказа и сведена к единому комплексу целей: формирование исполнителем и получение потребителем пакета образовательных услуг, либо — формирование готовых профессиональных кадров. В такой модели как образовательный процесс, так и принципы взаимодействия между его участниками, являются вторичными, то есть понимаются как средства. Модели традиционной и гуманистической педагогики воспроизводятся здесь в урезанном виде как две альтернативные методики в образовании. Однако, и та, и другая методика оказываются неэффективными, так как они помещены в чужую ценностно-целевую парадигму. Жесткие правила традиционной педагогики воспринимаются обучающимися как условные, бессмысленные и навязанные ничем не подкрепленным авторитетом преподавателя. А предоставление свободы и самостоятельности в поиске путей достижения знаний, лежащие в основе гуманистической модели, оборачиваются педагогическим фиаско в условиях низкой мотивации обучающихся.

«УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТИКЕ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ»

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

материалы круглого стола

Абакарова Райганат Магомедовна

д.филос.н., профессор, Дагестанский государственный университет

О ПОНЯТИЯХ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ ЭТИКЕ

Интересен анализ природы и функционирования этических понятий «честь» и «достоинство» в истории этноса от традиционной культуры, через религиозную и светскую и до современного научного понимания и интерпретации. Как известно, главным, объектом изучения и исследований в гуманитарных науках, и в частности этике является человек. Человек ищущий, созидающий, система ценностей которого формируется силой общественного мнения и личным духовным поиском. Духовный поиск выступает как интегральная характеристика, выражающаяся под влиянием общественного мнения, частью которого он является, реализуя свою уникальную/индивидуальную миссию. В то же время человек глубоко переживает свою непохожесть/расхождение в мыслях, чувствах и поступках с другими, себе подобными. Человек постоянно стремится преодолеть свое несовершенство, соизмеряя свою шкалу ценностей с коллективным/общественным мнением, желает доказать свое право на уважение самого себя и близких. Любой поступок, человек оценивает с точки зрения совести как формы достоинства и нравственной ценности, и стремится не «заморать» честь коллектива/общества. Любая личность, в процессе социализации сталкивается с дилеммой сохранить свою этикооценочную независимость, или быть принятым в моральные тиски коллектива. Снять или предупредить эту дилемму/конфликт, человек старается через любовь к ближнему или природе, или вождю/руководителю.

Чтобы ответить на эти вопросы, важно, рассмотреть категории и понятия этики достоинство и честь в сравнительном анализе и особенной их интерпретаций в этнокультуре, в учениях религиозных и современных философов.

Честь и достоинство имеют близкие по значению определения, но, они между тем отражают важные смысловые различия. Если достоинство относить к индивидуальной добродетели, интимному внутреннему состоянию, то честь требует объект внешней защиты. Честь как моральный феномен есть в первую очередь внешнее общественное признание поступков человека, его заслуг, проявляющееся в авторитете окружающих. Поэтому чувство чести, присущее личности, связанной со стремлением добиться высокой оценки со стороны окружающих, похвалы, известности. Достоинство – это прежде всего внутренняя уверенность в собственной ценности, чувство самоуважения, проявляющиеся в сопротивлении всяким попыткам посягнуть на свою индивидуальность и независимость. Механизм чести функционирует в движении от внешнего признания к внутреннему желанию этого признания, а механизм достоинства основан на движении внутреннего духовного мира к общественному признанию.

Понятие достоинства безразлично к социальному статусу личности, ее соответствию требованиям и ожиданиям, предъявляемым группе, к которой человек принадлежит (честь офицера, врача, дворянина). Человеческое достоинства божья ничуть не меньше, чем человеческое достоинство представителя высших социальных слоев, хоть осознание и чувство достоинства у них могут быть разными. Понятие достоинства более универсально. Оно подчеркивает значимость личности как представителя рода человеческого. Ведь независимо от социальной принадлежности человек обладает достоинством нравственного субъекта, которое должно поддерживаться им самим и присутствовать в общественной оценке его личности.

Артемьева Татьяна Владимировна
д. филос. н., профессор, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ МОРАЛИ В РОССИИ XVIII В.

Интеллектуальные сообщества России эпохи Просвещения тяготели к метафорическому выражению абстрактных идей и широко использовали

визуальные образы для их иллюстрации. Этическая теория была представлена противопоставлением добродетелей и пороков, а также выделением гражданских добродетелей. В качестве визуальных кодов использовались эмблемы, представляющие собой философские

и моральные концепты, содержание которых было конвенционально закреплено. Визуальная коммуникация была важным способом построения текстов культуры, а эмблема – формой выражения единиц смысла.

В докладе способы визуализации добродетелей и пороков будут рассмотрены на материале церковных изданий, книг эмблем, прежде всего Н. М. Максимовича-Амбодика, гражданских церемоний, демонстрирующих морально-нравственные образцы, постулируемые правящей элитой, церемониальных торжеств, например коронации – Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Ричард Вортман отмечает значимость визуализации для репрезентации монархической власти в императорской России, отмечая особую значимость описания коронаций как важных источников для трансляции системы ценностных установок и политических ориентаций нового

монарха. Так, в коронационных материалах Елизаветы Петровны, подробно описывающих церемонию и убранство, можно найти обильный материал по использованию эмблем, в том числе изображающих добродетели

и пороки. Описание коронации дополнено большим количеством гравюр

И. Штенглина, И. А. Соколова, Г. А. Качалова, М. Нехорошевского, Х. А. Вортмана. Среди них как специфические «царские» добродетели и качества, такие как «Любовь к подданным», так и более общие – «мужество», «разум», «мудрость».

В обилии образов, представленных в коронационном альбоме, можно выделить некоторые направления визуализации моральных качеств. Так, ряд визуальных изображений добродетелей и пороков ориентирован на иконографическую традицию визуализации, обычно это касается, прежде всего, христианских добродетелей, и традицию светского эмблематического изображения, которая применяется к гражданским добродетелям. Особенно богаты эмблематическим декором триумфальные ворота, как бы представляющие собой интерактивные стенды с демонстрацией миссии нового правления.

Визуальные коды помогали провозглашать добродетели, особенно гражданские добродетели, обеспечивающие повиновение и благонравие подданных.

Они использовались как моральной теорией, так и практикой воспитания. Эмблематическими иллюстрациями могли сопровождаться учебники, другие издания педагогического содержания.

Визуальный характер моральных эмблем делала их восприятие понятным и наглядным. Это актуализировало обсуждение нравственной проблематики и формировало язык, на котором можно было это делать.

РФФИ №20-011-00175 «Философия вне академических институтов: дискурсы дворянской интеллектуальной элиты эпохи Просвещения»

Барташевич Татьяна Юрьевна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

КАК ТРАНСЛЯТОР НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В целом XIX век известен как «золотой век» русской литературы, и детская литература – не исключение. Появляется множество наставительных и назидательных произведений для детей (сказки, повести, стихотворения), создаются и выходят массовыми тиражами альманахи и различные сборники, азбуки. Главная задача детского чтения в XIX веке – сформировать личность, разносторонне образованную и нравственно воспитанную, причем нравственному воспитанию, согласно педагогическим воззрениям этого времени, уделяется первостепенное внимание, оно рассматривается и как одна из важнейших задач государства.

В XIX веке в русской культуре появляются многочисленные переводные издания для детского чтения. Для более доходчивого донесения до детского сознания сложных этических вопросов (знакомство с такими отвлеченными понятиями, как добро, зло, благо и др.) свои рассуждения о добродетелях и пороках авторы и издатели старались проиллюстрировать: это и гравированные картинки, и акварельные рисунки (например, в сказках Ш. Перро – см. «Волшебные сказки, или Приятное занятие от нечего делать. Соч. Перольта» / Москва, в Типографии Августа Семена, 1825), различные символы и эмблемы, позволяющие через аллегории изобразить отвлеченные понятия (см., например, «Полезные и занимательные эмблемы, избранные из лучших и превосходных писателей; для детей» / Москва, в Типографии В.С. Всеволожского, 1816), и фронты писки и др. Особого анализа заслуживают нравоучения, помещенные в воспитательных целях составителями и переводчиком сборника в конце каждой сказки Ш. Перро в указанном выше издании. Сказки, казалось бы, представляют наиболее устойчивые нравственные нарративы, характерные не только для определенной эпохи, но воспроизводимые и в настоящее время в детском чтении. Однако моральные выводы или житейская мудрость, которую должны извлечь дети, меняются, в зависимости от нравственных установок эпохи и под влиянием определенных культурных ценностей. В связи с этим на основе анализа представленной в сказках «морали» можно рассмотреть классическую этическую проблему – об абсолютности и относительности морали, об отличиях морали от нравственности (как чего-то вневременного (морали) и зависящего от времени/пространства культуры (нравственности)).

В докладе прослеживается эволюция детской книжной иллюстрации на примере изданий XVIII – XIX веков. На основе анализа изданий XIX века выявляются и анализируются нравственные ценности, доминирующие в это время. Так, в сочинении «Свет в малом виде, или Жизнь человеческая в противоположных отношениях» (Соч. Г. Масселена. С двадцатью гравированными картинками. Перевод с французского. Москва, в типографии Августа Семена. 1821) юным читателям в качестве «пищи для сердца и разума» предлагается посмотреть на жизнь человека между добродетелью и пороком, в книге даются представления о богопочтении и нечестии; сыновней любви и отцеубийстве, любви к отечеству, неустрашимости и малодушии, красоте и безобразии, смирении, расточительности, любопытстве, скромности, гневе, снисхождению, милосердию и жестокости, благодетелии и скупости, невоздержании и умеренности, страсти к игре, роскоши и богатстве, бедности, труде, лени, признательности и неблагодарности и др. Заканчивается книга кратким наставлением юношеству. Внимание читателя предлагается также словарь, в котором дается характеристика тем добродетелям и порокам, которые оказались не рассмотренными в основном тексте книги.

Литература для детского чтения, как переводная, так и принадлежащая перу отечественных писателей, содержала в себе нравоучительный потенциал, дополняя, и во многом замещая художественным нарративом учебную литературу данной эпохи. РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли».

Кузнецов Никита Всеволодович
д. филос. н., доцент, директор Института философии
Овчинникова Елена Анатольевна
к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

УЧЕБНИКИ ПО ЭТИКЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Советский период отечественной этики принято считать с 1960 года. Именно в этом году открываются кафедры марксистско-ленинской этики и эстетики в Московском и Ленинградском университетах, а в университетских программах появляется курс «Основы марксистско-ленинской этики». Институционализация этики как дисциплины и философской науки было во многом результатом развития теоретической мысли, с одной стороны, и ответом на социальные и идеологические запросы советского общества, с другой. Советская философская мысль в этот период совершает «аксиологический поворот» (В.П. Тугаринов, О.Г. Дробницкий, А.Ф. Шишкин и ряд отечественных философов задают проблему нравственных ценностей, необходимость их концептуального анализа), в рамках которого формируется этика как наука и дисциплина. Теоретическим началом этики можно считать дискуссии о категориях, развернувшиеся на страницах философских журналов в самом начале 60-х годов (в 1961 году публикуется статья Л.М. Архангельского «Сущность этических категорий», далее в дискуссии принимали участие В.Г. Иванов, А.Г. Харчев и другие отечественные философы).

В ходе дискуссий был определен категориальный строй этики, что нашло свое отражение в учебниках и словарях. К самым первым учебникам по этике можно отнести «Основы марксистской этики» Шишкина А.Ф. (М., Госполитиздат, 1961) и «Очерки марксистско-ленинской этики» Иванова В.Г. и Рыбаковой Н.В. (Л., ЛГУ, 1963). В спорах о категориях формировалось представление о характеристике морального и этического сознания, разделении моральных понятий и этических категорий. Так, к примеру, в учебнике В.Г. Иванова и Н.В. Рыбаковой был дан анализ основных концептов: этика, мораль и нравственность и определены их предметные области, что вызывало неоднократно дискуссии об определении таких понятий, как мораль и нравственность. Структура учебников задавала не только структуру этики как университетской дисциплины, но и в определенном смысле основные направления теоретического осмысления морали. В учебниках были представлены вопросы предмета этики, происхождения морали, своеобразия этических категорий, проблемы нормативной стороны морали, проблемы нравственного воспитания и др. Таким образом, этика в отечественной мысли советского периода начиналась как теоретическая, философская наука и одновременно как прикладная, ориентированная на решение насущных проблем современности – прежде всего, нравственного воспитания, профессиональной морали, этического анализа социальных проблем. Первые учебники по этике представляют несомненный интерес не только как исторический этап формирования этической теории в отечественной мысли советского периода, но не утрачивают своего методологического, теоретического потенциала в контексте современной постановки проблемы построения этического учебника, его структуры, предметного содержания и роли в процессе этического образования.

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

Рябошкова Екатерина Александровна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ В ЭТОСЕ ВОСПИТАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

XIX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Данная работа рассматривает методику приобщения детской аудитории к чтению во второй половине девятнадцатого века. Анализируются развитие, социально-психологические функции и роль в обществе семейного чтения. Исследуются особенности формирования нравственности личности с помощью специально подобранной литературы. Рассматривается феномен «начитанности» ребенка на примере семьи Н. Г. Чернышевского

В XIX в. к проблеме детского чтения обращаются В. Г. Белинский, К. Д. Ушинский, Н. Г. Чернышевский, актуализируя вопросы организации детского чтения, необходимого для просвещения ума и развития чувств. Мировоззренческие, нравственные, культурные и образовательные принципы и ценности закладываются в дошкольном возрасте. Данные приоритеты определяют развитие и весь жизненный путь личности, поэтому необходимо особое внимание уделять становлению внутреннего мира ребенка, а лучшими учителями и наставниками являются, как правило, родители и художественная литература.

Влияние семьи на приобщение ребёнка к чтению определялось в качестве важного фактора. Семья как интегрированный социальный институт, включающий в себя биологическую, социально-экономическую, нравственную и духовную функции в условиях альтруизма и взаимоуважения становится основой общественного развития. Традиции, мировоззренческие устои представляют в совокупности призму, через которую у ребёнка вырабатываются основные ценностные качества.

Чтение в семье имеет в России давнюю традицию. Для просвещенного сословия оно было естественным атрибутом духовного общения. В разных биографических источниках постоянно встречается информация о высокой роли традиции семейного чтения в духовно-нравственном становлении личности ребенка. Чтение вслух как обучающая стратегия представляет одну из самых распространённых практик читательской культуры. Выразительное чтение с листа или чтение наизусть прививало детской аудитории понятия интонации и формировало чувство родного русского языка и уважение к произнесенному слову.

В решении задач, связанных с воспитанием подрастающего поколения, Н. Г. Чернышевский важную роль отводил книге. Свои работы, когда началось активное развитие художественной детской литературы, он посвящал не только читателям, родителям с целью воспитания их вкуса и вкуса детей, но и писателям, чтобы направить их творчество на реализацию потребностей детской и взрослой аудитории. Н. Г. Чернышевский требует от писателей простоты, искренности, занимательности. Данные требования необходимы для привития любви и интереса к чтению. Когда человек читает, он совершенствуется, развивая привычку мыслить, расширяет объём своих знаний, нравственно улучшается. Самого философа и писателя можно считать великолепным образцом начитанного ребёнка.

Мать Н. Г. Чернышевского была хорошо образованной женщиной. В своих воспоминаниях А. Н. Пыпин писал, что мать Н. Г. Чернышевского и её сестра читали все выпуски «Отечественных записок» со статьями В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Здоровая трудовая обстановка и любовь к литературе с детства прививала Н. Г. Чернышевскому крепкие моральные устои. Бабушка всегда рассказывала внукам сказки, семейные предания, от неё Николай впервые услышал рассказы о старинных русских богатырях. В 13 лет Чернышевский уже приступил к переводам на русский язык книг, изданных на латинском языке, писал переводы «с греческого языка на российский», изучал французский и немецкий языки.

Таким образом, влияние семейной методики приобщения детей к чтению играет существенную роль в воспитании младшего поколения в XIX в. Именно семья стано-

вится лучшим мотиватором для развития патриотической, нравственно-духовной личности, обладающей грамотной речью, самостоятельностью и ответственностью. На примере семьи Н. Г. Чернышевского можно проследить положительное влияние семейного чтения на ребенка. Постоянное присутствие книги в семье стало основой его развития как творческой, профессиональной личности с высокой гражданской и нравственной позицией.

Штешов Анатолий Валентинович

к.воен.н., профессор, Военно-космическая академия им.А.Ф.Можайского

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РИТОРИКИ

Истоки риторики как этической проблемы обнаруживаются в Зороастрийской цивилизации. Парадигма пользования речью как инструментом созидания общественных отношений и нравственного поведения общественного человека обнаружена в трехчастной этике религии Зороастризма в виде формулы: добрая мысль – доброе слово – доброе дело. В греческой цивилизации эта этическая установка возродилась в формуле: человек общественный должен обладать «умением хорошо мыслить, умением хорошо выражать свое мнение и умением хорошо исполнять свой долг». На основе этой парадигмы сложился риторический канон (порядок) обучения и овладения ораторским искусством. С угасанием античной цивилизации утратила свою ценность и целостная этическая парадигма риторики. Без парадигмы создать методологию риторики как науки невозможно. О состоянии этой науки в нашей стране ясно выразился В.А. Гофман. «Риторика одеревенела; в конце концов от нее осталась только орнаментальная часть, учение о синекдохах и метонимиях... Исторические, теоретические вопросы только начинают ставиться. И здесь теория отстает от практики, и притом не на 5 или 50 лет, а на 20 веков. Неудивительно, что ораторская методика и техника, лишенная теоретических оснований и четкой методологической базы, влечет жалкое кустарное существование». Понимание методологии на философском уровне включает общие принципы и категориальный строй науки в целом. Автор принципов современной русской риторики Ю.В. Рождественский отмечал: «Общие места науки – те отправные положения, которые составляют ее аксиоматическую часть, и к которым должны логически возводиться любые научные разработки – как подкрепленные научными наблюдениями и экспериментами, так и дедуктивно выведенные». О научных экспериментах и разработках в области риторики за последние 100 лет в России говорить не приходится. Она была выведена из педагогической науки и исключена из преподавания. Дедуктивный категориальный строй риторики как науки нам представляется в виде дерева, корень которого – первородная идея, а стволом принимается парадигма. От парадигмы отходят ветви («общие места науки»): объект, предмет, метод и законы. От этих «отправных положений» отходят веточки второго порядка. Например, от категории предмет отходят принципы, система, модель, методика, технология. От категории метод отходят способы, приемы, акты, средства ораторской деятельности. Если научные разработки понятийного аппарата риторики вести от одного корня – истоковой парадигмальной идеи, то можно создать методологическую базу классической риторики монолога, далее проследить трансформацию ведущих идей в риторике диалога и выйти на понимание современной коммуникативной риторике. К сожалению, В.А. Гофман пишет: «Все попытки и рецепты оживления и омоложения риторике со стороны людей науки можно лишь уподобить любовному прикладыванию пластыря к деревянной ноге. Нужно проделать обратный путь в античность, хотя бы по самому укороченному маршруту, чтобы, оттолкнувшись от истоков зарождения риторике, выйти на настоящую дорогу к теории современной риторике». При разработке совершенно нетронутого рода «Академической риторике» нам удалось обосновать и опубликовать в своих статьях и учебных пособиях все базовые категории дедуктивного методологического строя риторике. Символическое представление о методе риторике позволило раскрыть ораторскую методике, соответствующую трехчастной парадигме, как технологию «изобретения», или добывания мыслей;

технологии смыслообразования, или вербализации мыслей в текст ораторской речи. Без этих технологий, заложенных в трех первых этапах риторического канона, риторика выхолащивается до техники речи (произнесения), что и выдается сегодня за предмет «одеревеневшей» риторики.

Тарковский Владимир Николаевич

к. филос. н., доцент, Костромской государственной университет

ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИКИ КАК ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Уже Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) считает необходимым указать на целесообразность государственного влияния на «учреждения для образования лиц для всех возрастов». Вслед за Н.Макиавелли он характеризует национальную самостоятельность, величие и мощь государства как идеал, для достижения которого политики должны использовать средства, не думая о моральной стороне поступков и о гражданской свободе. Он утверждает, что духовенство (идеологи) могут быть смело, предоставлены щедрости отдельных лиц, которые следуют его учениям и получают «пользу и утешение от его духовной деятельности и помощи». При этом деятельность «проповедников» может быть опасна и иметь неприятные последствия только там, где в обществе допущена только одна секта или две-три большие секты. «Это рвение безопасно там, где общество делится на 200, или 300, или, на много тысяч маленьких сект...». В «любом цивилизованном обществе... всегда существовали одновременно две схемы или системы нравственности, одну из которых можно назвать строгой, или суровой, а другую – свободной, или, если хотите, распушенной». Первая – для бедного большинства (своеобразный стоицизм), вторая – для богатого меньшинства (эпикуреизм).

В предисловии к работе «Мир как воля и представление» А.Шопенгауэр дополняет картину практикующей философии в современном ему обществе: «И если правительства делают философию средством для своих государственных целей, то ученые, с другой стороны, видят в философской профессуре ремесло, которое, как и всякое другое, дает кусок хлеба; они и стремятся к ней, ругаясь за свою благонамеренность, т.е. за свою готовность служить указанным целям».

Таково положение дел и в обществе и в системе образования сохраняется до сих пор. Потому что космополитизму противостоят, и будут противостоят национальные интересы, государственные, корпоративные и прочие. Государствам необходимо отстаивать свои интересы. Кто не встроен в социалистическую, либеральную, православную, баптистскую и др. системы ценностей тот не патриот, иноагент, сектант. Нельзя быть встроенным во все системы сразу. Поэтому сейчас приоритет за национальными идеями «скрепами». Развитие всех сфер жизни – обороноспособность, экономика, социальная, политическая, моральная и пр. требует соответствующих специалистов в этих сферах.

Уже в конце прошлого века стало понятно, что обучение такого рода специалистов предполагает стремление сформировать некий идеал (сейчас привычной говорить об универсальных компетенциях). Современный специалист должен быть хорошо информированным, рассудительным при принятии решений, беспристрастным в оценках, честно признавать собственные ошибки и готовым пересмотреть свою точку зрения. При этом не только понимать, но и ясно формулировать проблемы и пути их решения. Он должен быть организован в сложных делах, упорен в поисках релевантной информации, рационален в выборе критериев, нацелен на исследование и настойчив в поиске результатов, которые настолько точны, насколько этого требуют обстоятельства и предмет исследования.

Речь идет не о формировании конкретных профессиональных качествах, а о выработке универсальных диспозиций. Формулируются универсальные установки и свойства личности являющейся фундаментом

«рационального и демократического общества».

Мы, например, наблюдаем это у К.Маркса с середины XIX в. и в прагматизме конца XX в. В обоих случаях «современный специалист» необходим обществу только потому, что материальная сторона общественной жизни, особенно её экономические аспекты – производство и потребление – как расширение «человеческого метаболизма» (термин К.Маркса), т.е. обмена веществ между человеком и природой является «базисом». Карл Маркс в третьем томе «Капитала» определенно утверждал, что наша свобода всегда должна быть ограничена закономерностями этого обмена веществ. Он писал, что максимальное продвижение в направлении большей свободы люди совершают тогда, когда они «рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой (говоря современным языком: в рамках «трудовой деятельности») ... совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но, тем не менее, такой обмен все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, «истинное царство свободы», которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе.

На наш взгляд в лучшем случае эту связь необходимости и свободы и ставит во главу угла преподавание философии, и в частности этики, со времени возникновения современной системы образования и самой философии.

Чумакова Татьяна Витальевна

д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКИХ АЗБУКАХ XIX В.

В конце XX – начале XXI вв. значительно вырос исследовательский интерес к учебно-дидактической литературе, что связано как с развитием такого направления исследований, как антропология детства, так и поиском новых источников для исследований в разных областях гуманитарных наук (интеллектуальная история, история понятий, и др.).

Среди учебной литературы особое место занимают буквари/азбуки, ведь это те учебные пособия, которые должны были «настроить» ту «оптику», через которую человек смотрит на мир, сформировать его религиозные и моральные представления. В истории нашей страны с XVII в. массовые издания букварей были государственным делом, и в них отражались те реформы отечественной культуры, которые проводило государство (начиная с дисциплинарной революции XVII в., и заканчивая глобальными преобразованиями после революции 1917 г.). Слово «азбука» стало нарицательным, и стало использоваться в названиях различных дидактических пособий (можно вспомнить «Азбуку коммунизма» Н.А. Бухарина 1920 г.). При всей различии азбук Федора Бурцова (XVII в.) и букваря «Грамотный красноармеец» (1923) или «Азбуки красноармейца» Д. Моора (1921), общим для них является то, что и та и другая имеет целью формирование человека нового типа. Но если азбука XVII – XIX вв. видела в нем в первую очередь просвещенного христианина, почитающего Мудрость (не случайно легенда о явлении Софии Кириллу Солунскому входила в состав многих азбук), то языков азбук 20-х годов XX века становится язык войны и классовой борьбы, вводный ребенок в мир бинарных оппозиций «мы» и «они». И между этими азбуками Серебряный век русской культуры дарит нам полностью свободную от идеологем и нравочений изящную азбуку Александра Бенуа 1904 г., целью которой было ввести ребенка в мир книг, повествующих об эльфах, рыцарских турнирах и приключениях. Но чудесный мир А. Бенуа, как и мир азбук первых послереволюционных лет, был за пределами добра и зла. А азбуки и буквари XIX в. полны религиозно-нравственных наставлений, и могут быть использованы в качестве источника при изучении морально-нравственной проблематики.

«Букварь для употребления российского юношества» (М., Университетская типография, 1814. 32 с.) начинается с Притчей Соломона (Притч. 1:7) по «Елизаветинской Библии» «На-ча-ло пре-му-дро-сти страхъ Го-спо-день...», затем идут утренняя и вечерняя молитвы, отрывок из оды М.В. Ломоносова «Науки юношей питают», затем

идет Декалог, который сейчас воспринимается как обязательная часть любого катехизиса, но в русской учебной традиции он появляется только в результате апроприации традиций западного нравственного богословия в XVII в. После него следует «Символ веры», арабские и римские числа. И завершают букварь «Краткое нравоучение» и таблица умножения. «Краткое нравоучение» по сути является введением в религиозную антропологию и нравственное богословие, поскольку в нем излагается история создания богом человека, грехопадение и пути возвращения в «райское» состояние (законопослушность, благонравие, скромность, честность, благотворительность, умеренность во всем и трудолюбие), которые говорят о западноевропейском влиянии.

Нравоучительная составляющая была обязательной частью букварей XIX столетия, и тут можно вспомнить еще один букварь, который издавался неоднократно с 1811 «Азбука российская новейшая или Букварь для обучения малолетних детей чтению. С молитвами, нравоучениями, краткими для детей повестями с показанием чисел, и таблицы умножения». (СПб., Типография Имп АН, 1811). Уже по названию учебного пособия видно, что первоначальное нравоучение, в котором еще большая акцент делался на трудолюбии, а также говорилось о любви к животным: «Милуй и скот, который человеку дан от Бога на служение».

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

Шкалдыкова Эльмира Маратовна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет
КАК РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ФОРМИРУЕТ КОНЦЕПТ ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ, ЧЕРЕЗ ВОСПИТАНИЕ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ (СМИРЕННОСТИ, ТЕРПЕНИЯ, ДОБРОТЫ, ПРОЩЕНИЯ, ЖЕРТВЕННОСТИ, ЖАЛОСТИ И Д.Т.), ОТРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Как русская литература формирует концепт женского счастья, через воспитание добродетелей (смиренности, терпения, доброты, прощения, жертвенности, жалости и д.т.), отражение женского счастья в литературе.

Маленькому человеку сказка диктует правила игры, а взрослый человек диктует книге отражение перенятых ранее знаний.

Например, в сказке «Золушка» героиня за свою терпимость, смиренность и доброту в конце получает королевство и принца. Так в жизни девочку учат быть послушной, кроткой – удобной родителям и педагогическому составу, т.е. подражать общепринятому идеалу. Повзрослев, став женщиной, уже героиня Достоевского – Соня Мармеладова из всех сил продолжает подражать такой модели поведения, что, однако не делает ее счастливой, а ведь проблема «счастья» есть всегда актуальный концепт в нашей жизни. Модель Сони – есть описанные в литературе проблемы из реальности. Проблема этических, эстетических ценностей и нравственного выбора в реальной жизни.

Образец женской терпимости, перенесенный из литературы на реальную жизнь сквозь поколения через воспитание, свидетельствует о литератур-центризме в русской культуре.

Здесь должно указать, что такое «терпимость», «женская доля» из словарей понятий и трактовок классиков. Толковый словарь Ушакова утверждает, что слово «терпимость» есть «свойство, умение терпимо относиться к чему-нибудь, терпеть что-нибудь. Религиозная терпимость. Терпимость к чужим мнениям. Преступная терпимость к врагам».

Касательно второго термина, «женская доля», из энциклопедии, есть «участь, судьба. Женская доля. Горькая доля». Так, например, Н.А. Некрасов упоминая о «женской доле», утверждает, что женщина несет на себе двойной гнет: помещичий и семейный.

На данном этапе возникает не здоровое понимание взаимоотношений в обществе и в отношениях между полами, не смотря на современное «раскрепощение» женщин и

их «свободы». Здесь можно увидеть конфликт в невозможности или не желательности переноса идеализированного героя в жизнь; своего рода выращенный тип «удобной женщины», которая готова принять или терпеть определенные обстоятельства; комплекс «отличника», когда женщина просто не успевает «быть счастливой», ведь стандарты гласят порядок во всем, но сила сопутствующих обстоятельств, например, мышление, финансовое благополучие и проч. не позволяют разрешить просто те или иные проблемы и многое другое.

Литература уже повзрослевшего общества несет нам плоды «Бедной Лизы», «Анны Карениной», самоубийство Катерины в «Грозе», где нет надежды на личное счастье. Они порицаем обществом и собою за желание ответной любви или другой жизни. На мой взгляд «взрослая» литература имеет больше описательный характер, поэтому, общеобразовательные учреждения не указывают на проблему личного «женского счастья», не учат, что «так делать не надо» – терзать себя за желание быть «счастливым» и отказывать себе в этом. А ведь это уже проблема с педагогической точки зрения. Т.е. как правило идет стандартизированный разбор произведений, анализ положительных и отрицательных качеств героев. Здесь точно не поднимается вопрос «женского счастья» или «что с этим делать?», а значит не фиксируются в сознании юношей и девушек подобные вопросы. А главное, с таким вопросом «что делать?» никто не работает, происходит только анализ, указание проблемы. Так, уже взрослые люди, в данном случае женщины могут только указать на проблему близким людям, но зачастую оставить все, как есть в надежде на стечение благоприятных обстоятельств.

И это уже проблема взрослого поколения, транслируя которую своим чадам, передает сквозь время этические и эстетические идеалы, убеждения общества, которые возводятся в абсолют прекрасного добродетели, формируя убеждения, которые далеко не всегда принесут «сказочный» исход.

Киришин Владислав Анатольевич

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННАЯ СТОРОНА В МЕМУАРАХ Г.ИВАНОВА. СТРАТЕГИЯ ПАМЯТИ О КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.

«Серебряный век» – период, охватывающий русскую культуру с 1894 г. по 1927 г. Первая дата связана с возникновением Символизма, озаменованного альманахом В.Брюсова «Русские символисты» и статьей Д. Мережковского «О причинах упадка...». Вторая дата определяется появлением последователей футуристов – группировка ОБЭРИУ. Культуру данного периода отличает явная связь с «Золотым веком»: серебряный век по отношению ко всему XIX веку подразумевает эпигонство, деградацию и декаданс.

Первые мемуары о «Серебряном веке» написаны поэтом «пропущенного поколения» Г. Ивановым. Важность «Петербургских ночей» подтверждается тем, что именно на них ссылаются один из первых зарубежных исследователей культуры «Серебряного века» (см. Strakhovsky, L. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism // Canadian Slavonic Papers. 1959. Vol. IV.). Однако воспоминания современников, а также современные исследования свидетельствуют о том, что в мемуарах Г. Иванова значительно искажены воспоминания о культуре и представителях данного периода (см. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)).

Г. Иванов целенаправленно разрушает достоверность своих мемуаров, чтобы создать серию портретов «кружков, светских эстетов, буйных маньяков, гениальных неудачников» и сформировать ощущение «тонкий, но болезненный, блестящий, но подгнивающий “истерический ренессанс” петербургской богемы». Стратегия сказать

не то, что было на самом деле, но то, что увидел и почувствовал автор, в результате создало квазимемуары, в которых выражен «дух эпохи Серебряного века». Воспоминания Иванова заделли за живое Игоря Северянина, рассердили Цветаеву, разгневали Ахматову. Вместе с этим, необходимо заметить, И. Бунин так же, как и Г. Иванов, склонен давать отрицательную оценку современникам (о Блоке и др.), что также демонстрирует этическую сторону мемуариста. Исследователи культуры предполагают, так таким образом Г. Иванов «сводит счёты со своими «недругами»». Однако мемуары Г. Иванова отличает то, что были изданы в 1928(?) г. (в то время как воспоминания Бунина опубликованы в 1950 г.), что накладывает на «Петербургские зимы» этическую(или моральную) ответственность, как на документ, формирующий первые представления о культуре России первых десятилетий XX в.

«ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ВОИНСКАЯ МОРАЛЬ И ДУХ АРМИИ»

материалы круглого стола

Борзенков Николай Иванович

к.филос.н., доцент, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ОНТОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Философско-этический анализ войны, как социального явления, рассматривает пять её аспектов:

- историческое развитие философских взглядов на войну;
- выявление причин войны;
- определение сущности войны;
- классификация войн;
- законы войны.

Причины возникновения войны военно-философская мысль рассматривает через призму категорий: общее, особенное, единичное.

1. Общие, коренные причины войны (экономические противоречия);

2. Специфические, особые причины (противоречия: социальные, политические, территориальные, религиозные, этнические и др.);

3. Единичные, частные (действия политических руководителей, особые обстоятельства, случайные моменты).

Уровни сущности войны:

Первый уровень – это связь войны с географической и демографической средой;

Второй уровень – связь с экономическим базисом, со всей системой материально-го производства, экономической структурой общества.

Третий уровень – связь с политикой государства, определённых социальных групп;

Четвёртый уровень – связь с социальной структурой общества, со всей совокупностью национальных, профессиональных, моральных, правовых, бытовых отношений;

Пятый уровень – связь с духовными, в том числе идеологическими процессами, в данном обществе, сообществе, мире.

Система законов войны представляет собой внутренние, существенные, устойчивые, необходимые, повторяющиеся связи и отношения между явлениями войны, обуславливающие ее характер, ход и исход, место в историческом процессе. Формулируются три основные группы законов войны:

- законы возникновения войны;

- законы хода и исхода войны;
- законы вооружённой борьбы.

Для этической науки наибольший интерес представляют законы отражающие духовные связи и отношения. Это – зависимость возникновения войны от состояния духовной жизни общества, потребления и распределения духовных ценностей; – зависимость возникновения войны от особенностей психического склада объектов социального действия; зависимость хода и исхода войны от соотношения духовных сил воюющих сторон.

Также важным представляется анализ духовного аспекта армии как цивилизованной формы бытия военной силы.

Сознательная и подсознательная, идеологическая и психологическая, рациональная и эмоциональная, моральная готовность и способность военнослужащих к сопротивлению злу силой, к стойкости при поражениях и великодушию при победах – это тот духовный потенциал, который в условиях вооружённой борьбы является одним из факторов определяющих ход и исход войны.

Духовный аспект армии несет в себе высший смысл существования армии как сознающей себя силы. Он – в защите народа, защите человеческого в человеке, защите слабого – сильным, безоружного – вооруженным, беспечного – постоянно готовым к бою. Это духовный, ценностный смысл. Гуманистическим идеалам современности отвечает гармоническое единство нравственной высоты, справедливости, разумности и силы, воплощающиеся в армии миролюбивых государств.

Перед современной Россией стоит важнейшая задача: для решения проблем в разных сферах жизни реализовать огромный духовно-нравственный потенциал, накопленный за всю историю существования государства. Есть глубочайший нравственный смысл в преемственности поколений, внутреннем единстве их исторических судеб, постигаемом через нетленность наших святынь.

Социальное измерение войны накладывается на ее человеческое измерение, которое характеризуется тем, что в войне высвобождаются «связанные» ранее личностные качества людей, выплескиваются наружу многие их экзистенциальные начала. В условиях войны человек, попадая в нештатную стихию, в особые условия повседневной и боевой деятельности, ощущает себя иным, отчужденным от себя – прошлого. Именно поэтому резонно говорить о «бранном бытии человека». Здесь, на войне, особый род риска, игры, творчества, азарта, страха. Здесь происходит преодоление границ свободы, заданных довоенной обстановкой. Отсюда и неожиданные повороты в моральном, эстетическом поведении людей, ибо война – специфический способ разрешения спора о лидерстве, главенстве, господстве, жизнеспособности системы и человека, о гуманистическом содержании противоборства.

Голубев Павел Владимирович

младший научный сотрудник, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Безусловно, тенденции, происходящие в современном обществе, являются вызовом традиционным моральным принципам, заложенным в основу среды обучения и воспитания военнослужащих. В последнее время активное развитие на мировое арене получили проявления и идеологии, несвойственные традиционному российскому обществу, такие как вовлечение молодежи в ведение сетевого маркетинга, пропаганда и протекция нетрадиционных форм межличностных отношений, создание однополых браков, чайлдфри и другие. В условиях существования единого информационного пространства, по большей части контролируемого в воинской среде, вопрос информационного противоборства и защиты военнослужащих от негативного информационного воздействия является актуальным уже продолжительное время. С пониманием всей остроты проблематики, касающейся борьбы за будущее России, сохранение тра-

диционных моральных ценностей в воинских коллективах и нравственности военнослужащих, Указом Президента Российской Федерации 30 июля 2018 года было возрождено Главное военно-политическое управление Вооружённых Сил, которому главной целью поставлено формирование военнослужащего, олицетворяющего преданность и надежность, истинного защитника Отечества. Совокупность задач, направленных на достижение этой цели, легла на плечи формируемых военно-политических органов и должностных лиц подразделений (воинских частей), при этом решение вопросов такого характера потребовало действенных, эффективных и главное современных инструментов, способных противостоять деструктивным факторам внешней среды, ведь каждый военнослужащий гарантированно должен оставаться носителем традиционных духовно-нравственных ценностей – государственности, духовности и патриотизма. Как подчеркнул заместитель Министра обороны Российской Федерации – начальник Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковник Андрей Валериевич Картапов, основная задача, сформулированная для достижения поставленной цели, заключается в «формировании идейно убежденной, сильной духом личности военнослужащего, сплоченных воинских коллективов, способных к выполнению задач по предназначению в любых условиях обстановки, формирование патриотического сознания военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных Сил, а также военно-патриотическая работа со всеми гражданами России и, прежде всего, с молодежью». В основу выполнения этой непростой задачи традиционно легла работа по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины, как гарант соблюдения норм действующего законодательства, определяющего требования к военнослужащим и упорядочивающего взаимоотношения между ними; повысилась интенсивность военно-политической пропаганды и агитации, в том числе с применением новых форм информационно-пропагандистской работы; получило новый виток в развитии военно-патриотическое воспитание молодежи. Говоря о сохранении воинской морали и нравственности в российской армии, необходимо связывать с этими терминами неотъемлемые для военнослужащих качества, формирующие честь и достоинство личности. К таким качествам относятся, например, справедливость, целеустремленность, самоотверженность и героизм. Воинская мораль представляет из себя совокупность идейных установок, ориентирующих на беззаветное служение обществу и государству, обеспечение защиты и обороны страны, сохранение воинских традиций и семейных ценностей. Необходимость закрепления этих установок в сознании военнослужащих встала на одну ступень с другими решаемыми задачами, такими как модернизация образцов вооружения и военной техники, развитие объектов военной инфраструктуры, реализация социальных гарантий военнослужащих и членов их семей.

Таким образом, мы наблюдаем сложную, системную и кропотливую работу над созданием и развитием современного механизма, позволяющего эффективно задавать необходимые личностные идейно-политические установки, сохранять традиционные морально-нравственные ценности, формировать поведенческие мотивы и настроения, складывающиеся под жестким воздействием системы социально-политических и психологических факторов, влияющих на моральную готовность и психологическую способность военнослужащих выполнять поставленные задачи.

Кобзев Егор Юрьевич

командир взвода – преподаватель, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ВЛИЯНИЕ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ НА МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННУЮ ПОЗИЦИЮ ПОДЧИНЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Распределение выпускников военных ВУЗов на ключевые посты тактического звена, а именно на посты командиров подразделений уровня взвода или роты, сразу же возлагают на них большой перечень обязанностей с высоким уровнем ответствен-

ности. Причем не сколько материальной, сколько моральной или нравственной – перед военнослужащими по призыву, теми вчерашними школьниками, которые спустя год унесут с собой мнение о Вооруженных Силах к своим знакомым, друзьям и близким; перед военнослужащими по контракту, которые составляют «костяк» подразделения, иногда будучи сами на порядок старше и опытнее самих командиров.

Иными словами, молодой офицер должен решить для себя важную проблему – на чем будет основана управляемость вверенного ему подразделения: на страхе, финансовых рычагах или уважении к своему командиру и признании в нем лидера, вне зависимости от таких формальных признаков статуса как офицерские погоны и должность?

В армии всегда встречают по четкому докладу и подогнанной форме, а провожают по поступкам и делам. При этом уровень уже полученной компетенции не всегда играет решающую роль. Имея дело с живыми людьми, не следует забывать учиться, в том числе на чужих ошибках, и развиваться физически и духовно, ведь это гораздо лучше, чем упаковывать собственных солдат в мешки для трупов.

Военнослужащие по призыву молоды, поэтому в армии, как и в семье, где старшим нужно следить за младшими, интересуясь их успехами, внимание к проблемам и нуждам подчиненных позволит быть намного ближе к ним, предупреждая различные проблемные ситуации. Вкладываясь в их характер, мечты и развитие, офицер получает моральное право требовать ответственного отношения к службе от своих подчиненных. При этом необходимо помнить об авторитете командира, избегать панибратских отношений. Держа социальную и личную дистанцию, неопытный офицер не переступит ту черту, которую никогда не должен переступать.

Кроме того, в подчинении у вчерашнего выпускника военного вуза могут находиться военнослужащие по контракту, достаточно взрослые и опытные. Тем не менее правила, описанные для военнослужащих по призыву, хорошо работают и для них, хотя слишком сильно опекать их не стоит. Они знают, что не работают охранниками в супермаркете, так как добровольно пошли на службу. Честность в критике их служебных недоработок, в том числе и «разнос» за невыполнение текущих задач не должны повредить их профессиональной самооценке или притупить инициативность в совокупности с грамотностью – те качества, которые являются одними из самых ценных и быстро «гаснущих» в современной армии.

При формировании морально-нравственной позиции подразделения у командира должна быть четкая убежденность в своих действиях, основанная на собственных незыблемых моральных и нравственных принципах, только тогда он сможет воздействовать на подчиненных так же, как хороший преподаватель, оставляющий отпечаток в мыслях и душе студентов. Подчиненные должны заранее знать, что командир будет отстаивать, а на что он никогда не пойдет. Профессиональная гордость офицера хороша в сочетании с личным смирением и состраданием к своим солдатам.

Таким образом, морально-нравственная позиция командира напрямую влияет на эффективность выполнения задач подчиненными, как в условиях боя, так и в ситуации мирного времени.

Леонтьев Степан Алексеевич

обучающийся специалитета, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ПРОКРАСТИНАЦИЯ В АРМИИ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В наше время все чаще говорят о таком явлении как прокрастинация. Прокрастинацию можно определить как осознанное откладывание человеком важных дел, кото-

рое влечет за собой негативные последствия для ментального здоровья. Феномен прокрастинации активно изучается в психологии личности, однако его этические аспекты также нуждаются в проработке: откладывание важных дел часто сопровождается чувством вины, а результаты такого поведения могут повлечь за собой серьёзные моральные сложности.

Прокрастинация внешне очень похожа на лень, хотя ученые рекомендуют различать эти явления. Стоит, однако, обратить внимание на то, что в изучении лени психология и этика идут рука об руку: с одной стороны, лень рассматривается как то, что подрывает личностный потенциал, и воспитатель стремится избавиться от нее своих подопечных, или хотя бы существенно снизить степень ее влияния на поведение человека. С другой стороны, даже в сказках отношение к лени двойственное: она вполне может способствовать удачливости героя (вспомним Емелю). Более того, социальные психологи, исследовавшие лень, считают, что она помогает человеку выжить в ситуации, когда в условиях информационного общества давление со стороны социума бесконечно возрастает. Этики же призывают к углубленному изучению социального и личностного смысла лени, с тем чтобы определить критерии ее полезного или вредного влияния на развитие человека. Смысл прокрастинации также требует расширенного этического толкования, ведь мы не можем однозначно отождествить ее с безответственным поведением.

Моральная критика лени во много связана с тем, что ленивый человек испытывает удовольствие от свободы по отношению к трудовым обязанностям, он не хочет ничего делать и не испытывает угрызений совести по этому поводу. Прокрастинатор же все время занят, его невозможно упрекнуть в том, что он сидит без дела, но задачи первоочередной важности при этом не решаются. Причиной же является то, что оборотной стороной прокрастинации выступает перфекционизм, желание сделать то, что необходимо, наиболее совершенным образом. То есть страдающие от прокрастинации люди часто не безответственны, а гиперответственны, и, следовательно, этические основания их недеяния не совпадают с этическими основаниями лени.

Рассмотрим влияние прокрастинации на эффективность взаимодействия в армии и возможные моральные следствия от ее проявлений в этом социальном институте. Известно, что военный человек, а в особенности офицер, должен обладать следующими профессиональными качествами: командирская воля, компетентность, организаторские способности, коммуникабельность и дисциплинированность. Прокрастинация в армии может вызывать непоправимые последствия, например, повлечь за собой срыв выполнения боевой задачи, так как приказ начальника требует обязательного выполнения определенных действий от всех подчинённых. С другой стороны, армия не изолирована от общества, а значит определенная доля людей, склонных бесконечно откладывать нужное действие, в ней несомненно существует. Можно предположить, что в армии, как и в других сферах общества, у прокрастинации есть как отрицательные, так и положительные проявления, разные уровни и ценностные основания. Однако, эта гипотеза нуждается в проверке при помощи соответствующего эмпирического исследования и этической экспертизы.

Нужа Михаил Иванович

к. филос. н., доцент, Военно-морской институт, Военный учебно-научный центр
Военно-Морского Флота «Военно-морская академия»

МИЛОСЕРДИЕ И ВОИНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

В современном российском обществе фиксируется определенный дефицит доброты и сострадания. Так, в международном индексе благотворительности Россия занимает лишь 127-е место из 150, в различные формы благотворительность у нас вовлечено 20 % населения, тогда как в США – 60 %.

Это обстоятельство предполагает усиление воспитательной компоненты педагогического процесса высшей школы, наполнение его гуманитарными знаниями, идеалами добра и справедливости.

В этом ряду важное место занимает понятие «милосердие». В Толковом словаре живого великорусского языка выпускника Морского корпуса В. Даля милосердие определяется как сэрдоболіе, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому. Слово милосердие (милующее сердце) предполагает определенную человеческую способность, усилие воли и дар души, воплощение в практики Доброделания.

Среди первых сестер милосердия называют Флоренс Найтингейл. Она принадлежала к аристократическому сословию, но посвятила себя бескорыстному служению нуждающимся. Она поступила медсестрой в военный госпиталь английских войск во время Крымской войны 1853 – 1856 гг. По другую сторону линии фронта в Русской армии служила медсестрой простая девушка Даша. Следуя велению своего сердца, она отрезала косу, переделав в форму матроса, продала свое имущество и купила лошадь с повозкой, укусу, белое полотно. Эта «каре́та горя», как прозвали жители Корабельной стороны ее повозку, стала первым в истории перевязочным пунктом на поле боя.

В Крыму «для поднятия духа русского воинства» побывали сыновья императора, Николай и Михаил. Цесаревичи сообщили отцу, что в сражающемся Севастополе «ухаживает за ранеными и больными, оказывает примерное старание девица по имени Дарья». Император Николай I приказал пожаловать ей золотую медаль на Владимирской ленте с надписью «За усердие» и 500 рублей серебром. О Даше Севастопольской в письме к жене упомянул основоположник военно-полевой хирургии Н.И. Пирогов: «Дарья является теперь с медалью на груди, полученной от государя... Она ассистирует при операциях».

Русские сестры милосердия сыграли важную роль в Первой мировой войны. Наравне с мужчинами они сражались в лазаретах и госпиталях за жизнь каждого раненого солдата. Многие сестры милосердия получали Георгиевские медали с надписью «За храбрость», а сестра милосердия Римма Иванова была удостоена ордена Св. Георгия.

В годы Великой Отечественной войны на советских фронтах служили идеалам милосердия более 500 тыс. медицинских сестер. Будущий маршал Победы Георгий Жуков требовал: «Раненых на поле боя не оставлять!» – и они выносили раненых бойцов. Приказ Наркома обороны № 281 от 23 августа 1941 г. гласил: за вынос с поля боя 15 раненых с их оружием представлять к медали «За боевые заслуги» или «За отвагу»; 25 раненых – к ордену «Красной Звезды»; 40 раненых – к ордену «Красного Знамени»; 80 раненых – к ордену Ленина.

12 мая (день рождения Флоренс), медицинские сестры всего мира отмечают свой профессиональный праздник – Международный день медицинской сестры. В этот день лучшие из них награждаются медалью ее имени. За самоотверженный ратный труд в годы Великой Отечественной войны этой медалью были награждены 46 медсестер, санинструкторов и военных фельдшеров Красной Армии.

С 1992 г. подготовка сестер милосердия осуществляется в Москве в Свято-Димитриевском училище – первом в современной России православном медицинском

учебном заведении. В учи-лище студенты не только получают медицинское образование, но и исполняют свой христиан-ский долг – служение больным и немощным.

В 2020 г. к 75-летию Великой Победы в Военно-патриотическом парке культуры и отдыха «Патриот» при Главном храме Вооруженных сил России открыт Военный духовно-просветительский центр. В центре работает школа подготовки среднего медицинского персонала для медучреждений Вооруженных сил России. «Это первый проект, в котором будут сочетаться и патриотическое воспитание, и подготовка специалистов для наших медицинских учреждений», – заявил Министр обороны России С.К. Шойгу.

Исторический опыт становления и развития русской православной цивилизации убедительно свидетельствует в пользу преемственности прошлого и настоящего. Значимость института сестер и братьев милосердия в деле сохранения традиций воинского служения в условиях армии и флота России очевидна. Ведь и сегодня милосердие и подвижничество является духовным стержнем воинского служения.

Полякова Наталья Валерьевна

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЙНА КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ УРОКИ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Л.Н.ТОЛСТОГО

Проблематика войны в ее разнообразных междисциплинарных аспектах приобрела в первые десятилетия XXI века необыкновенную популярность в социогуманитарном дискурсе, особенно в контексте юбилейных дат, связанных с двухсотлетним юбилеем Отечественной войны 1812 г., столетием со дня начала Первой мировой войны, 75-летним юбилеем Победы в Великой Отечественной войне, который даже в условиях пандемии COVID-19 широко отмечался в нашей стране в прошедшем 2020 г. В данном контексте обращение к этическим аспектам этой широкой междисциплинарной темы оказывается вполне актуальным и значимым для современного социогуманитарного знания, которое сегодня активно занимается, в том числе, исследованиями «человеческого измерения» войны. Антропологический и этический ракурс темы войны представлен в творческом наследии целой плеяды авторов, но традиции этико-философской мысли Л. Н. Толстого занимают в этом ряду особое место.

Русский писатель и философ в своих текстах, и литературных, и публицистических, антропологизирует проблематику войны, вписывая ее в рамки более широкой темы – «человек в истории», и обращается в качестве предпосылочного основания для своих рассуждений к философии войны известного французского консервативного мыслителя Ж. де Местра. С одной стороны, Л. Н. Толстой обозначает феномен войны в негативном смысле, как «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Но, с другой, стремится использовать ее потенциал для прояснения антропологических характеристик человеческой природы с точки зрения ее нравственно-персональных критериев. В отличие от Ж. де Местра, в антропологии Л.Н. Толстого война служит не карательным инструментом человеческого несовершенства и очищения этого мира от зла, привнесенного волей свободного индивида, а про-странством выявления нравственного потенциала каждого отдельно взятого человека. Это своеобразный инструмент самосовершенствования свободной только в своем внутреннем устремлении личности, на долю которой исторически выпала судьба пройти через горнила этого ужасного события. Этот нравственный потенциал «человеческого в человеке» Л. Н. Толстой стремился развивать в своих художественных и публицистических произведениях и в более поздний, «непротивленческий», период своего творчества: война рассматривалась русским писателем как средство духовного преобразования и очищения человека, позволяющее ему превзойти «человеческое, слишком человеческое».

Подобный ракурс рассмотрения феномена войны сохраняет актуальность и в современных условиях, особенно в контексте «войн памяти» о Великой Отечественной войне, которые разворачиваются как на официальном, так и на частном уровнях. Необходимое считается со спецификой человеческой природы, принимать во внимание духовно-нравственные условия человеческого бытия в условиях войны с неизбежными проявлениями верности и предательства, самообладания и панических настроений, мужества и безволия, смелости и трусости, открывает новые нравственно-этические возможности осмысления прошлого и дает надежду на налаживание диалога в этой области, учитывая тот факт, что корни активизации «войн памяти» следует искать, в том числе, и в отсутствии морального консенсуса как необходимой предпосылки гражданского согласия и национальной идентичности.

Сергиевская Галина Евгеньевна

к.филос.н., доцент, старший преподаватель, Военная академия материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ЭТИКА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. N 1495) определяет права и обязанности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и взаимоотношения между ними. В частности он гласит:

- Военнослужащий должен быть честным, храбрым... (п.17)
- Военнослужащий обязан уважать честь и достоинство других военнослужащих, ..., не допускать в отношении себя и других военнослужащих грубости и издевательства. Он должен соблюдать правила воинской вежливости... (п.19)
- Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других. Они должны помнить, что по их поведению судят не только о них, но и о Вооруженных Силах в целом (п.67).

Как здорово написано! Но тут же вспоминаются слова из детской песенки «как легко на гладкой карте стрелку начертить, а потом идти придется через горы и долины...» Т.е. возникает простой вопрос – как добиться того, чтобы «долг- Родине, честь- никому».

Всем и каждому сызмальства известно (или со школьной скамьи, в крайнем случае, из институтского курса социологии), что первичная социализация начинается с подражания родителям. В армии и отцом и матерью становятся офицеры. Т.е. от них ожидается воспитание в подчиненных тех самых замечательных качеств, о которых говорится в уставе, т.к. следующим шагом предполагается экстраполяция вышеуказанного на будущие подрастающие поколения. К сожалению, в реальной жизни приходится сталкиваться с прямо противоположным отношением к подчиненным. Забывается, что в русской традиции офицерство – элита общества, «Белая кость», «голубая кровь». Но разве может себе позволить уважающий себя и окружающих человек использовать в качестве профессионализмов ненормативную лексику? Прилюдно делать нелестные замечания подчиненным? Более того, в том же уставе прописано, что «Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения. Он должен быть для подчиненного примером тактичности, выдержанности и не должен допускать фамильярности и предвзятости по отношению к нему. За действия, унижающие честь и достоинство подчиненного, начальник несет ответственность.» И снова возникают вопросы, какую ответственность? Кто будет налагать санкции? и будет ли, если в первую очередь работает небызвестное правило «я начальник – ты.....»

Спирин Антон Павлович

преподаватель, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Профессиональные ценности – это неотъемлемая составляющая становления специалиста любой профессии, в том числе военнослужащего. Высокий профессионализм военнослужащего современной российской армии основывается на системе базовых ценностей: военно-профессиональной этике, воинских традициях, патриотизме и т.д.

Система профессиональных ценностей в сфере военной деятельности имеет свою специфику и определяется характером военной службы, направленностью профессиональной деятельности военнослужащих на вооруженную защиту Отечества.

Вопросы систематизации профессиональных ценностей военнослужащих нашли свое отражение в исследованиях А.И. Каменева, И.А. Иванова, Д.В. Санина, Р.В. Орлова, С.С. Соловьева, А.П. Шарухина, Ю.А. Панасенко, Н.М. Байкова, В.Е. Талыньёва, А.С. Брычкова, В.П. Карпенко и др.

Сущность, классификация, специфика профессиональных ценностей военнослужащих рассматривались в диссертационных исследованиях С.П. Галченко (1994 г.), О.М. Алексеевко (1996 г.), А.М. Цибулько (1998 г.), Г.Г. Богович (2000 г.), Д.Е. Казакова (2007 г.), О.Н. Марусенко (2008 г.), Е.В. Смирнова (2008 г.) и др.

Анализ вышеуказанных работ позволяет определить профессиональные ценности как значимые для военнослужащего процессы, явления, нормы, личностные образования, позволяющие ему эффективно выполнять профессиональный долг. Это те базовые ориентиры, с которыми военнослужащий постоянно соотносит свои профессиональные действия, на основе которых он осваивает и выполняет профессиональную деятельность, совершенствуется как профессионал.

Профессиональные ценности военнослужащих можно классифицировать по разным основаниям и определить их место в системе ценностей военной службы в целом. Для того, чтобы эти ценности рассматривались в системе необходимо выделить и понимать базовые профессиональные ценности.

На наш взгляд, одной из таких образующих профессиональных ценностей современного военнослужащего является российская национальная идентичность, которая предполагает принятие военнослужащим себя как представителя российской нации, знание своих национальных особенностей, и, что очень важно, особые чувства по отношению к своему народу (любовь, гордость, уважение). До настоящего времени российская национальная идентичность не нашла своего места в существующих классификациях профессиональных ценностей, однако она так или иначе находит отражение через составляющие ее идеи: единого исторического прошлого, системы ценностей современного общества, ответственности за общее будущее российской нации и российского государства.

Чувство идентичности со своим народом является условием ценностно-эмоциональной и мотивационно-волевой готовности к профессиональной деятельности военнослужащего. Чувство неразрывной связи со своей нацией и своим государством, ощущение сопричастности к его великому прошлому, чувство ответственности за его будущее – все это ложится в основу цели профессиональной деятельности военнослужащего, смысла жизни защитников Отечества в целом, оказывает значительное воздействие на становление системы профессиональных ценностей военных специалистов.

Российская национальная идентичность военнослужащего характеризует нерыночный характер его профессиональной деятельности, лежит в основе центральной

идеи служения своему государству как профессионального долга несвязанной с непосредственной выгодой.

Российская национальная идентичность как профессиональная ценность позволяет военнослужащему сформировать целостное представление о себе и о своем пути развития, целостные жизненные и профессиональные цели. Личностное и профессиональное становление военнослужащего сопровождается ощущением собственной непрерывности, тождественности своему народу.

Спирина Татьяна Павловна

к.филос.н., доцент, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Офицеру необходимо выделяться нравственными качествами, на которых основывается величие бойца, так как с ними связано обаяние над массой, столь необходимое руководителю.

С. Рытенков

Вопросы этики являются важной частью воспитательного процесса в военном вузе. В рамках психологических дисциплин для слушателей военной академии читается лекция на тему профессиональной деятельности и этики, запланированы семинары на эту тему.

Учебные цели занятий заключаются в том, что развить знания слушателей по вопросам профессиональной этики в деятельности военного руководителя, систематизировать знания по этическим особенностям деловых и служебных отношений офицеров, а воспитательные цели – сформировать установку на реализацию норм воинской этики, способствовать сохранению этических традиций офицерского корпуса ВС РФ.

Учитывая то, что этика первоначальным смыслом имела значение правил, порожденные совместным общежитием, а также то, что военнослужащие отличаются особым жизненным укладом, коллективизмом, – вопросы профессиональной этики для военнослужащих связаны прежде всего с коммуникацией между офицерами, отношениями в плане «руководитель-подчиненный». В центре внимания психологическая основа этически выверенных служебных отношений – их ценностная регуляция.

Специфика профессиональной этики офицера проявляется, прежде всего, в том она преломляется через те особенности, которые определяют характер деятельности Вооруженных сил: особую социальную миссию военной службы, повышенную социальную ответственность, нравственно-правовую императивность, детальную регламентацию жизнедеятельности военнослужащих, особые условия и способы выполнения служебных задач, связанные с риском и опасностью.

Военное дело предьявляет к офицеру особые нравственные требования, более того статус офицера как руководителя накладывает на него дополнительные нравственные обязательства. Военный руководитель определяет свое поведение и отвечает за него, он задает правила поведения и своих подчиненных. В связи с этим особенно актуально звучит мысль Конфуция о том, что мораль благородного мужа подобна ветру; мораль низкого человека подобна траве, а трава наклоняется туда, куда дует ветер.

Особенное внимание уделяется манипуляциям в отношениях с подчиненными, когда командиры, имея право распоряжаться подчиненными по должности, присваивает себе право распоряжаться ими как личностями.

Для анализа и осмысления данной темы слушателям предлагается ряд вопросов:

Как соотносятся понятия «этика», «мораль», «нравственность»?

Какова роль морали в деятельности военного руководителя?

В чем специфика профессиональной этики офицера?

Какие нравственные качества отличают офицера?

Согласны ли Вы с тем, что «мораль всегда выгодна»? В чем «выгода» предпочтения моральных норм?

Что такое «воинская честь»?

Почему непонимание руководителем своей системы ценностей рассматривается как ограничение в его работе?

Какие нравственные принципы определяют отношения «начальник — подчиненный»?

Какими нравственными правилами Вы руководствуетесь?

Дайте комментарий определения добродетели, данное Аристотелем: добродетель есть некая середина между противоположными страстями. Оттого и трудно быть достойным человеком, ведь в любом деле трудно держаться середины.

«Никакое воздаяние так людей не приводит к добру, как любление чести, равным образом, никакая так казнь не страшит, как лишение оной», считал Петр Великий. Насколько актуальны эти слова для Вас, Вашего окружения?

В обращении к низшим чинам А.В.Суворов широко использовал выражения: “ребятушки”, “други”, “братцы”, как такие обращения связаны с этикой отношений?

Какие ценности доминируют сегодня и являются основой мотивации военной и государственной службы?

Каковы предпосылки духовного обновления русского человека, русского офицера на фоне ценностного кризиса в обществе?

Работа с указанными вопросами позволяет прийти к выводу о том, что мораль и нравственность – это результат эволюции и именно она «выгодна» в отношениях.

Тебякина Елена Евгеньевна

к. филос.н., преподаватель, Военная академия

материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В.Хрулева

ЭТИКА РОССИЙСКОГО ВОИНСКОГО ДУХА: НЕ УМЕРЕТЬ, А ПОБЕДИТЬ

Поддержание боевого духа в армии – распространённая практика полководцев и военачальников ещё со времён Древнего Китая, Японии и Античности. Например, сам Сунь Цзы в «Искусстве войны» неоднократно подчёркивал важность поддержания боевого духа в действующей армии и настроения войска на победу, как одного из решающих факторов, обеспечивающего успех в военных компаниях. Греческие и римские полководцы неоднократно обращались к своим войскам с воодушевляющими речами перед битвами, вдохновляя их на подвиги. Традиции благословления воинов перед боем и вдохновляющие речи полководцев характерны и для российской армии. Эти традиции, вместе с особым смыслом войны, битвы за Отчизну и справедливого воздаяния врагам характерны для православной христианской мысли, признающей священный характер справедливой войны и дарующей искупление воинам, принявшим на себя грех убийства.

Однако, традиции российского воинства и боевого духа имеют принципиальные сущностные различия, заключающиеся в направленности тех посылов, которые вкладываются в призыв. Одной из таких особенностей является настроенность на победу не только ценой жизни, но и в принципиальном посмертии, например, один из хрестоматийных случаев в русской военной истории – в первые дни Отечественной войны 1812 года, когда Александр I прибыл на молебен на Поклонную гору в Москве из толпы раздался возглас: «Веди нас отец родимый, все умрем, но победим» или же одно из высказываний, приписываемых Николаем Данилевским прусскому королю Фридриху II во время Семилетней войны (1756 -1763 гг.): «Русского солдата мало убить, его надо ещё повалить».

Подобная традиция воинского духа не обещает благ в загробной жизни и не является искупительной жертвой на алтаре победы (ср. «На щите или со щитом» (греч. ἢ τὰν ἢ ἐπὶ τὰς, лаг. aut cum scuto, aut in scuto), то есть призывом победы или умири, а имеет совершенно иную, в некотором смысле оптимистическую направленность – даже умерев, победи. Это не принципиальный выбор смерти, как единственной воз-

можности, продиктованный традициями самурайского Бусидо (хотя и имеет схожие интенции) и не акт самопожертвования, это сознательный настрой на победу, за цену которой русскому воину не принято стоять.

Хайдарова Гульнара Равилевна

д.филос.н., старший научный сотрудник, Военный учебно-научный центр

Военно-Морского Флота «Военно-морская академия»

«ДУХ И ДИСЦИПЛИНА» В ДИГИТАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Актуальность проблемы связана с комплексным характером современной войны и с культурно-исторической ситуацией, характеризуемой новым фактором — собственными политикой медиа. В докладе будет представлено сложное взаимодействие двух силовых влияний: универсализирующего воздействия медиасреды (с ее специфической медиарациональностью) и локального влияния культурной среды (на примере военно-морской традиции). Основной тезис состоит в том, что нравственное чувство и моральный выбор, определяющие поступок человека, произрастают из непосредственного общения в локальной традиции, перформативно утверждающей свои ценности. Вопрос в том, как влияет дигитальный, массовый образ на трансляцию традиционных смыслов, форм субъективации и моделей коллективного действия, практикующих в воинском союзе. Как воздействуют присвоенные медиасредой «фигуры» и «персонажи» героев на инертное коллективное тело и на индивидуальные тела.

Хайрусов Денис Сергеевич

к.ю.н., преподаватель, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

УЧАСТИЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ В

ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ: ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Войны существовали всегда и всегда будут. В политико-философской теоретической научной дискуссии война понимается как антропологически заданная базовая константа, присущая человеческому индивиду и особенно коллективу человеческих индивидов (состояний); государственная дуэль, в которой каждой стороне был предоставлен одинаковый моральный и правовой статус; особая форма организованного насилия между человеческими сообществами.

Феномен предложения военного опыта за деньги отнюдь не нов — всем известны наемные войска кондотьеров и ландскнехтов. Новым, однако, является институционализация этой торговли под видом коммерческой компании, интегрированной в рыночные отношения.

Колониальные наемники, появившиеся в начале 1960-х годов в период деколонизации Африки, более известные своей жестокостью, чем своими военными успехами, подтолкнули международное сообщество к восприятию наёмников как угрозы миру и правам человека. Пытаясь преодолеть негативную реакцию общества к своей деятельности, наемники стали создавать корпоративные структуры — частные военные и охранные компании (ЧВОК).

Сейчас за ЧВОК стоит корпоративная философия, заключающаяся в создании прибыльного предприятия в рамках классических коммерческих корпоративных структур.

В условиях современного мирового процесса, характеризующегося распадающейся государственной монополией на использование силы, ЧВОК берут на себя задачи полиции и армии, война денационализируется и управляется частными лицами, рассматриваясь только в системе спроса-предложения.

Фундаментальный эτικο-правовой вопрос о том, должны ли государства использовать ЧВОК решен положительно. Сегодня дискуссии вращаются вокруг того, как ЧВОК можно политически, этически и юридически встроить в существующий мировой порядок и таким образом безопасно использовать. Рассматриваются различные

модели предотвращения нарушения прав человека ЧВОК – включение в контракты пунктов, обязывающих компании соблюдать нормы международного гуманитарного права с угрозой наказания за нарушение; интеграция ЧВОК в регулярные вооруженные силы и, таким образом, подчинение их четкой командной и правовой структуре.

Сторонники использования ЧВОК утверждают, что они заполняют пробелы в возможностях государственных вооруженных сил и повышают эффективность военных операций. Частные военные и охранные компании могут снизить политические издержки, связанные с участием в вооруженном конфликте. Однако с этической точки зрения это сомнительное достижение – сотрудники таких компаний, погибшие в ходе боевых действий, не регистрируются в официальной статистике и не хоронятся с воинскими почестями, поэтому общественность редко обращает на это внимание; нанимая ЧВОК правительства могут расширить свое пространство для маневра и уменьшить в глазах общества масштабы своего участия в вооруженном конфликте.

В зонах боевых действий поведение ЧВОК может привести к проблемам для гражданского населения и нарушению прав человека. Согласно отчетам ООН, известны случаи вымогательства, похищения людей, пыток, краж и грабежей, а также контрабанды наркотиков и оружия ЧВОК. Однако нет оснований рассматривать эту проблему как специфичную для ЧВОК – такие преступления совершаются и регулярными армиями, но с той разницей, что их легче преследовать по закону.

Неадекватное правовое регулирование и слабые возможности по контролю и мониторингу деятельности ЧВОК в зонах конфликтов по политическим мотивам выгодно значительному числу государств, поэтому усилия совета Совет ООН по правам человека по созданию «Конвенции о деятельности ЧВОК» не дали результата. Интересно, что сами компании заинтересованы в регулировании, чтобы добиться политического и общественного признания и избавиться от своего корыстного имиджа наемников, о чем свидетельствуют попытки саморегуляции – с 2013 года был создан независимый механизм контроля на основе Документа Монтрё и Кодекса поведения ЧВОК – Ассоциация ICoC. ЧВОК не ассоциируют себя с наемниками, называя себя «поставщиками комплексных услуг», а свою ветвь – «индустрией мира и стабильности».

Чиханова Екатерина Владимировна

к.п.н., доцент

Хлебников Олег Вячеславович

слушатель

Военная академия материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

КОДЕКС ЧЕСТИ. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

Процесс глобализации, военно-политическая обстановка в мире, появление новых информационных технологий, а также целенаправленное воздействие на сознание населения страны способствовало возникновению духовно-нравственного кризиса. Дезинформация, увеличение количества фальсификаций, искажение исторических фактов привело к разрушению представлений о традиционных ценностях, свойственных культуре нашего народа в целом и изменению представлений о профессиональных ценностях военных кадров.

Сегодня очевидным становится то, что суть информационной войны заключается в уничтожении национальной, государственной и гражданской идентичности человека, вытесняя, заменяя и искажая национальные идеалы [1].

Обращение к теме продиктовано формированием ценностного отношения к национальным, профессиональным традициям военных специалистов, как основы на-

циональной безопасности, а также формированием национальной идентичности, поскольку она имеет отклик на уровне личности военного специалиста, его профессиональной деятельности, армии как социального института, общества и государства, мирового развития в целом. В связи с этим, в настоящий период в подготовке офицерских кадров одним из приоритетных направлений воинского воспитания является поиск, обоснование и реализация новых подходов к процессу формирования у личного состава ценностного отношения к национальной идентичности, профессиональной деятельности военного специалиста, морально-нравственных качеств гражданина и патриота: долга, чести, ответственности. Значимость этой проблемы продиктована влиянием на офицера множества негативных факторов, как намеренно создаваемых противоборствующей стороной, так и возникающих в ходе служебной деятельности и личной сфере.

Наличие внутреннего «стержня» является необходимой основой становления индивидуальности человека, личности военного специалиста. Именно для человека, имеющего внутренний стержень, имеют смысл понятия: честь, достоинство, совесть [2].

Основой в воспитании офицерского корпуса может выступать воинская честь офицера. В русской армии офицерское звание всегда определяло принадлежность не к социальной группе, а к касте, которая жила по своим неписанным законам – по кодексу чести. Можно с уверенностью сказать, что одним из лучших достижений прошлого, является разработанный на протяжении трёх столетий Кодекс чести русского офицера, в котором говорится о таких фундаментальных ценностях, как честь и воинский долг. Во время Русско-японской войны ротмистр Валентин Ключицкий написал «Советы молодому офицеру», которые обобщили сформированный годами свод правил. Так, он выделяет различные поведенческие модели при отношениях между равными по статусу военнослужащими, со старшими и

младшими по званию. Вместе с тем, советы В. Ключицкого многое почерпнули из принятых еще в правление Петра I Воинского Устава в 1771 году. Основной идеей, приходит общая мысль: патриотизм, верность слову, забота о ближнем. Среди главных качеств офицера называются честность, храбрость, скромность, благородство, самообладание.

В настоящее время в руководящих документах не раскрывается понятие «Воинской чести», а когда отсутствует единое понимание этических категорий, велика вероятность проблем с оценкой поступков офицеров и военнослужащих. Принимая во внимание то, что не все морально-этические нормы возможно урегулировать нормами права, в настоящий момент возникла серьёзная необходимость принятия «кодекса чести» на уровне нормативно-правового акта.

Литература:

1. Спирина Т.П., Чиханова Е.В., Спирин А.П. Формирование ценностного отношения курсантов к национальной идентичности как актуальная педагогическая задача /Азимут научных исследований: педагогика и психология. – Тольятти, – Ассоциация «Профессиональные аналитики аутопойэзисных систем», – Т2, – №3(28), 2019, С.1
2. Дружилев С.Д. Психология выживания в современном мире. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2012, С.244.
3. Хлебников О.Г., Чиханова Е.В. Кодекс чести русского офицера как приём воспитания офицеров – организаторов тыла //Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России /Межвузовский междисциплинарный научный журнал, Выпуск 4 (51), Издательство НИЦ АРТ, – Санкт-Петербург, 202

Шаманский Андрей Михайлович

обучающийся специалитета, Военная академия

материально-технического обеспечения им.генерала армии А.В.Хрулева

ГУМАННОСТЬ ОРУЖИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Актуальность темы связана с трудным вопросом – возможно ли вообще оружие, которое будет в полной мере считаться гуманным? Здравый смысл подсказывает, что «гуманность» и «оружие» – понятия непересекающиеся. Однако, войны, ведущиеся людьми, то и дело провоцируют обсуждение проблемы «слишком жестоких» методов ведения боевых действий. «Негуманное», «слишком жестокое» – все эти эпитеты, примененные к оружию, неявно предполагают наличие противоположных видов вооружения. Для того, чтобы в полной мере понять эту проблему, можно обратиться к истории развития оружия и философии войны.

Вопрос о гуманности того или иного вооружения поднимался задолго до появления даже первого огнестрельного и химического оружия. По словам французского историка Виоле-ле-Дюка, первым химическим оружием можно считать брёвна, покрытые серой. При осадах средневековых городов такие брёвна подкатывали к стенам, таким образом отравляя их защитников. Тогда же появляется и биологическое оружие: при помощи осадных орудий за стены города перекидывали туши зараженных животных, что вызывало у осажденных эпидемии. В эпоху, когда рыцарский кодекс чести предписывал сражаться с противником лицом к лицу, такие приемы ведения войны не могли не вызвать недовольства. А в случае с использованием арбалетов, пробивавших латную броню рыцарей, дело дошло даже до формального осуждения этого оружия католической церковью.

Введенные в действие Женевские и Гаагские конвенции не смогли остановить человека ни от войн, ни хотя бы от безмерной жестокости. Первая и вторая мировые войны «подарили» человечеству новые орудия убийств, относительно которых вновь встал вопрос о допустимости их использования. Так, в период первой мировой войны появляется химическое оружие, которое с тех пор несколько раз запрещалось на международном уровне. Во время второй мировой войны в Великобритании подготавливали план «Вегетарианец», рассчитывая использовать против противника биологическое оружие. Этот список можно продолжать бесконечно, начиная от итало-эфиопской войны, ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, заканчивая примерами применения нового высокотехнологичного оружия в наши дни, однако это не отменяет главного вопроса. Возможна ли вообще сегодня война, которая будет вестись по правилам гуманности и человеколюбия, соответствовать военно-профессиональному кодексу чести?

Представляется, что постепенное уменьшение «участия» человека в уничтожении врага ведёт к увеличению жестокости войн: трудно понимать свою моральную ответственность за смерть противника, когда война ведётся дистанционно. Однако, такие боевые действия постепенно снижают общие человеческие потери. Возможное уменьшение смертей гражданских лиц до минимума в том случае, если новыми конвенциями будет установлена невозможность вести огонь дронов по гражданскому населению (или использовать по отношению к ним другое высокотехнологичное оружие) приведёт к постепенной «гуманизации» войны. С другой стороны, полностью исключить военные преступления и жестокость невозможно.

Война ещё долгое время будет сопровождать человека в его жизни и усилия человечества должны быть направлены на постепенную гуманизацию проведения военных конфликтов. Технический прогресс поставляет нам всё новые орудия убийства, требующих не только установления новых международных соглашений, но и морального осуждения неприемлемых способов противоборства.

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА: НОВЫЕ РЕАЛИИ»

РФФИ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

материалы круглого стола

Артёмов Георгий Петрович

д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ

Сравнительный анализ профессиональных этических кодексов инженеров, врачей, преподавателей, адвокатов и полицейских позволил установить, что все эти кодексы включают не только позитивные и негативные предписания, но и обоснование необходимости выполнения предписаний с точки зрения нравственных ценностей, имеющих значение для успешного осуществления определенной профессиональной деятельности. Ценностные обоснования содержат характеристику наиболее значимых принципов деятельности представителей определенной профессии, обусловленных ее ролью в обществе. Нормативные предписания конкретизируют эти принципы.

Во всех рассматриваемых кодексах упоминаются принципы честности, справедливости и равноправия в отношениях с людьми, с которыми профессионалы взаимодействуют в процессе выполнения своих служебных обязанностей. В каждом из профессиональных этических кодексов содержатся предписания, способствующие реализации этих общих принципов в поведении представителей определенной профессии. Так, например, в кодексе инженеров отмечается, что они должны «быть объективными и правдивыми в профессиональных отчетах»; «избегать любого поведения, обманывающего общественность». В кодексе врачей подчеркивается, что они обязаны «действовать в интересах пациентов», «оказывать помощь всем пациентам независимо от их социального происхождения и социальной принадлежности». В кодексе преподавателей содержится требование «предоставлять равные возможности всем, независимо от расы, вероисповедания, национальной принадлежности, физических и психических недостатков, возраста, пола, сексуальной ориентации и других характеристик». В кодексе адвокатов говорится о том, что они обязаны «ставить на первое место требования отправления правосудия, а не своё право на компенсацию за свои услуги»; «общаться с коллегами с максимальной вежливостью и справедливостью». В кодексе полицейских отмечено, что они должны «игнорировать социальные, политические и все другие различия между вовлеченными лицами»; «не ставить себя в положение, в котором какое-либо лицо может ожидать особого внимания». В тоже время в каждом из перечисленных кодексов имеются специфические предписания, способствующие выполнению служебных обязанностей с учетом особенностей конкретной профессиональной деятельности. У инженеров это «соответствие стандартам проектирования», у врачей – «соблюдение конфиденциальности», у преподавателей – «поощрение свободы самовыражения», у адвокатов – «защита интересов доверителей», у полицейских – «использование законных средств». Общей характеристикой нормативно-ценностных структур рассматриваемых профессиональных этических кодексов является их направленность на формирование у профессионалов ориентации на общее благо, а не на личную выгоду; обеспечение надежности (безошибочного и своевременного выполнения профессиональных обязанностей) и социальной ответственности (зависимости от оценки другими людьми). Наличие этих качеств обеспечивает соответствие поведения представителей любой профессии «высоким стандартам честности (honesty) и добросовестности (integrity)».

РФФИ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

Баженов Сергей Сергеевич

преподаватель, Промышленно-технологический колледж им.Н.И.Путилова

ПРОБЛЕМАТИКА ЭТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В настоящее время научное сообщество, крупные корпорации и широкая общественность активно обращается к теме искусственного интеллекта (далее ИИ). Каждая из перечисленных общностей рассматривает указанную тематику с собственной точки зрения: ученые – с позиции исследований, бизнес – с позиции возможной прибыли, а общество – с позиции потребителя новых технологий. При этом в общественном сознании существует страх перед использованием и развитием искусственного интеллекта, который отражается как в опросах общественного мнения, так и в произведениях массовой культуры. В этой связи актуальным является вопрос о необходимости концептуализации регулирования исследований в области ИИ, который может быть рассмотрен с разных этических позиций. В качестве традиционных рассматриваются три основных подхода: деонтология, консеквенциализм и этика ответственности, рассмотрим возможность регулирования исследований с позиции каждого из них.

С позиции деонтологии, исследования в области искусственного интеллекта необходимо регулировать, поскольку разрабатываемые на их основе технологии потенциально могут не просто превзойти возможности человека, но и поставить его в переделённую зависимость от подобных новаций. Существенным недостатком подобной аргументации служит практика применения: технология не обладает отрицательным свойством по отношению к человеку изначально, а, следовательно, регулирование подлечит не только процесс исследования, но, в первую очередь, способы применения подобных технологий. Обозначенный И. Кантом категорический императив: «человек не может выступать в качестве средства, только в качестве цели», указывает, что этическая регуляция в первую очередь должна быть направлена на применение технологии ИИ. Исследовательскую деятельность следует рассматривать, как процесс, ведомый во благо каждого человека, поскольку иное противоречит самой сути научной деятельности. Подобная неоднозначность применения принципа, не позволяет использовать его во всех случаях без уточнений, и позволяет перейти к следующим точкам зрения.

С позиции консеквенциализма, ИИ предоставляет «максимально возможные блага, максимальному числу людей», однако, необходимо отметить, два важных существенных недостатка подобной логики. Бенефициарами применения указанных технологий являются в первую очередь правообладатели (корпорации, государство), а во вторую потребители и исследователи. Результат применения подобных технологий, исходя только из утилитарной логики принятия решений, может привести к непредсказуемым последствиям. В этой связи ограничиваться только подобным подходом также невозможно.

С позиции этики ответственности Х. Йонаса, необходимо отметить важность избегания негативных последствий исследований и применений подобных технологий. Очевидным является факт: ограничения и регулирование, в долгосрочной перспективе могут привести не только к технологическому отставанию, но и ухода от регулирования.

В этой связи, необходимость этического регулирования исследований и применения искусственного интеллекта выступает на первый план, как с позиции защиты человечества в целом и каждого отдельного человека в частности, так и с позиции необходимости оперативной реакции на изменения в этой области всего мирового сообщества. Научному сообществу и широкой общественности необходимо руководствоваться этикой ответственности, с одной стороны включаясь в общественный контроль, а с другой стороны проводить подобную деятельность максимально умеренно, чтобы не нанести подобным исследованиям серьезный ущерб, способный затормозить развитие, как отдельных стран, так и человечества в целом. Важно отме-

тить, что технический прогресс остановить невозможно, но в силах человечества сделать его максимально гуманным и безопасным для нас и наших потомков.

Громова Лариса Алексеевна

д.филос.н., почетный профессор,

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЭТИКА

ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: университетская этика, третья миссия университета, цели устойчивого развития.

Как ответят университеты на социальный запрос достижения Целей устойчивого развития? Какие нравственные качества будут востребованы для этого? Какую роль в этом может сыграть университетская этика?

Тема университетской этики активно обсуждается в последние годы и в научной литературе и в социальных сетях [1]. Все авторы единодушно отмечают усложнение условий профессиональной деятельности преподавателей в условиях возрастания бюрократического контроля, увеличения интенсивности педагогического труда, расширяющейся многозадачности образовательного процесса, когда наряду с традиционными обязанностями преподавателя (Б. Макфарлейн, Э. Мроч): получение нового знания, передача знаний, и участие во внутриуниверситетской жизни, появляются новые вызовы внешней среды, игнорировать которые у педагога нет морального права.

Речь идет о внешних вызовах, сформулированных в «Третьей миссии университета», ориентированной на вклад университетов в преобразование внешней среды на основе достижения 17-ти глобальных Целей Устойчивого Развития. Их достижение потребует не только новых политических решений, но и новой организации жизни людей, новой культуры, нового образования, нового мировоззрения, новой этики, основанной не только на служении профессии и долге, но, прежде всего, на моральном творчестве добра и ответственности перед собой и перед будущими поколениями. «Рынок добродетелей», по справедливому замечанию Ю.Е. Благова, станет важным индикатором востребованности ответственной организации или компании, туда будут приходить лучшие кадры и инвесторы.

Какова роль университетской этики в изменяющихся условиях глобальной трансформации общества?

1. Университетская этика влияет на смену ценностной парадигмы. Этические основания добра смешаются в сознании людей к признанию высшей ценности не только жизни человека, но и всей экосистемы. Для этого нужна политика прояснения нравственных ценностей развития университета, а также механизмы ее реализации через кодексы этики, совместные проекты, конкурсы, гранты, лекции по этике, уважение достоинства всех участников образовательного процесса и индивидуальной этики каждого. Университетская этика в этом контексте выступает как совокупность профессиональных этик, миссии университета и системы нравственных ценностей, отраженных в текущих документах и повседневной образовательной, научно-исследовательской и воспитательной деятельности.

2. Достижение Целей устойчивого развития, включая хорошее здоровье и благополучие, качественное образование, ответственное потребление и производство, борьбу с изменением климата и др. нуждается в средствах и технологиях, не подвергающих сомнению нравственную целесообразности совместных действий и опирающихся на нравственную мотивацию «чистой доброй воли». Это добровольческая деятельность (волонтерство), гражданское участие благотворительных фондов и фандрайзинг, культивирующие ценности сострадания, заботы и ответственности. Университетская этика может стать ресурсом, ускоряющим развитие этих качеств, если она включена в систему управления и структуру современного университета.

К сожалению, сложно делать оптимистические прогнозы о возрастании роли университетской этики в современной ситуации организационной трансформации университетов.

Литература:

1. Этика профессора. Опыт коллективной рефлексии: коллективная монография./под ред. проф. В.И. Бакштаноского, составитель М.В. Богданова-Тюмень: ТИУ, 2020-232с. Серия «Библиотека журнала «Ведомости прикладной этики». Вып. 2.

2. Стандарт ГОСТР ИСО 37101-2018. Устойчивое развитие в сообществах. – docs.cntd.ru/document/1200160099 Дата обращения 28.09.2021

Еременко Татьяна Вадимовна

д.пед.н., профессор, Рязанский государственный университет им.С.А.Есенина

НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭТИКИ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ SCIVAL

Для оценки научных исследований с позиций библиометрии активно используется онлайн-система SciVal издательства Elsevier. С ее помощью анализируются данные известной международной наукометрической базы данных Scopus. Для изучения отдельной предметной области исследований в SciVal применяются метрики тем (Topics) и тематических кластеров (Topic Clusters) [1]. В настоящей статье оценка динамики и трендов научной активности сделана для комплекса вопросов, связанных с исследованием нарушений в сфере академической этики. Использована метрика темы «Академическая нечестность. Плагиат. Мошенничество» (Topic T.2009 Academic Dishonesty; Plagiarism; Cheating). Тема на 18 июля 2021 г. включала 2064 публикации за период 2011–2020 гг.

В рассматриваемый период наблюдался постоянный рост публикаций по теме «Академическая нечестность. Плагиат. Мошенничество». Базисный индекс динамики публикационной активности, рассчитанный как соотношение данных последнего и первого уровней ряда (2020 г. и 2011 г.), составил 215,8 %, т.е. за 10 лет количество публикаций по теме выросло более чем в 2 раза.

О высоком интересе научного сообщества к вопросам нарушений в сфере академической этики свидетельствует и показатель проминентности. Понятие проминентности часто используется в исследованиях на основе системы SciVal. С его помощью определяются актуальность и востребованность конкретной темы или тематического кластера. Проминентность оценивается по шкале от 1 до 100, где 100 является наивысшим показателем востребованности [2, с. 40]. Для темы «Академическая нечестность. Плагиат. Мошенничество» проминентность равняется 97.093, т.е. может быть квалифицирована как очень высокая.

Рейтинг стран, чей вклад в массив публикаций по рассматриваемой теме наиболее значителен, возглавляют США (675 публикаций); далее следуют Австралия (192 публикации) и Великобритания (152 публикации). Россия в этом рейтинге занимает 15-е место (31 публикация). По показателю количества цитирований во главе рейтинга в том же порядке расположены те же страны: США (4523 цитирования), Австралия (2031 цитирование) и Великобритания (1566 цитирований). Россия по количеству цитирований на 41-м месте (55 цитирований).

Интересный аспект в анализе научной результативности открывает обращение к списку ресурсов, тексты из которых формируют документный массив по теме «Академическая нечестность. Плагиат. Мошенничество». Наиболее продуктивен по количеству работ научный журнал «Journal of Academic Ethics». Этот междисциплинарный журнал издается в Нидерландах; он посвящен изучению этических проблем, возникающих в сфере образования, в первую очередь высшего [3]. По используемому в SciVal показателю взвешенного по области знания цитирования (Field-Weighted

Citation Impact, сокращенно FWCI) лидирует книга «Handbook of Academic Integrity» [4]. Ее показатель FWCI равен 4.82; это означает, что данное издание цитируется выше среднемирового уровня в данной предметной области на 382 %.

В целом оценка научной активности, проведенная на основе темы «Академическая нечестность. Плагиат. Мошенничество», позволяет говорить о росте внимания мирового научного сообщества к вопросам академической этики и конкретно к нарушениям ее норм. Потенциал оценочно-диагностического инструментария системы SciVal обеспечивает многоаспектную библиометрическую экспертизу избираемой для анализа темы и открывает возможность определить наиболее перспективные направления для научных исследований.

Литература

1. Topic Prominence in Science FAQs / SciVal Support Center. – URL: https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/28428/supporthub/scival/#panel15b (дата обращения: 18.07.2021).
2. Москалева О. В., Акоев М. А. Современные ресурсы для принятия стратегических и оперативных решений по управлению научными исследованиями организации // Университетская книга. – 2020. – № 8. – С. 36–43.
3. Journal of Academic Ethics. – URL: <https://www.springer.com/journal/10805> (дата обращения: 18.07.2021).
4. Bretag Tracey. Handbook of academic integrity. – New York, NY : Springer Berlin Heidelberg, 2016.

Карнов Валерий Эдуардович

к.т.н., начальник лаборатории робототехники,

Сорокоумов Петр Сергеевич

научный сотрудник

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

НОРМЫ МОРАЛИ КАК АДАПТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ДЛЯ СОЦИУМА ИСКУССТВЕННЫХ АГЕНТОВ

В рамках исследований моделей социального поведения искусственных агентов (роботов) рассматривается вопрос о технической целесообразности использования моральных механизмов для повышения адаптивных способностей социума агентов. Одним из факторов, определяющих формирование внутригрупповых структур взаимодействия и выстраивание отношений между агентами, являются конфликты. Отсюда возникает вопрос о рассмотрении морали как механизма урегулирования конфликтов. В докладе приводится ряд конструктивных формальных моделей, определяющих способность агентов к проявлениям такого поведения, которое может быть рассмотрено с точки зрения морали. Этот перечень определяется рядом свойств и требований к той сущности, которая может быть названа моральным агентом. На базовом уровне поведение такого агента определяется эмоционально-потребностной системой управления, отвечающей за регуляторные функции, оценку его состояния и внешние проявления этого состояния. Показано, что важной частью системы управления верхнего уровня является т.н. картина мира, в которой явным образом представлена сущность «Я». Использование семиотического (знакового) подхода к описанию картины мира позволяет естественным образом формировать механизмы сопоставления наблюдаемого конспецифика (другого) с «Я», следствием чего являются соответствующие оценки и реакции. Эмоционально-потребностная архитектура вместе с механизмом сопоставления и сигнальной коммуникацией позволяют реализовывать, наряду с феноменами социального обучения и подражательного поведения, отзывчивость на эмоциональное состояние других членов группы.

В работе описывается ряд вычислительных экспериментах, в которых моделировалось пищевое поведение группы искусственных агентов. Агенты, обладают двумя потребностями – в пище и безопасности, способны искать и потреблять «пищу», а

также распознавать степень близости конспецификов, разделяя их на «своих» и «чужих». Важным параметром агента является его т.н. склонность к симпатии S , выражающая степень отнесения наблюдаемых агентов к категориям «свой» или «чужой». Эксперименты заключались в определении влияния этого параметра S на эффективность деятельности всего социума. Показано, что целесообразное распределение особей на «альтруистов» (склонных делиться пищей с «голодными» конспецификами) и «эгоистов» (воспринимающих всех прочих как чужих, как пищу) зависит от пищевого богатства среды обитания. Если параметр S определять как одно из проявлений «моральности» агента (при большом S все «свои» и голодным надо помочь, при малом – все «чужие» и надо их воспринимать как корм), то в экстремальных средах (бедных и богатых) нормы морали не оказывают значительного влияния на эффективность социума, а в «нормальных» условиях должен существовать определенный ненулевой баланс между «альтруистами» и «эгоистами». Эти оценки и выводы не являются оригинальными, но их значимость состоит в том, что они сделаны на основе анализа поведения модельных искусственных агентов. Результаты экспериментов подтвердили работоспособность предложенных моделей индивидуальной организации агентов и механизмов межагентного взаимодействия.

Клюева Наталья Юрьевна

к.филос.н., доцент, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:

СТАНДАРТИЗАЦИЯ И ЭТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.

В настоящее время искусственный интеллект, понимаемый как область компьютерных наук, которая занимается созданием программ и компьютеров, способных проявлять разумное поведение, имитировать когнитивные (познавательные) функции человека, имеет существенные результаты как в теоретической сфере, так и в области разработки и применения конкретных инновационных технологий.

Активно идет работа по разработке единых стандартов отрасли. Проекты по стандартизации технологий на основе искусственного интеллекта осуществляются как на уровне отдельных стран, так и на уровне международных организаций (проекты международных стандартов ISO/IEC DIS 22989 «Information technology –Artificial intelligence – Artificial intelligence concepts and terminology», проекты европейских стандартов ESO и др.). Анализ существующих вариантов стандартизации этой сферы показывает достаточно высокий уровень онтологической неопределенности базовых терминов и определений.

Попытка представить базовый этический стандарт регулирования технологий искусственного интеллекта сделана в «Первом проекте рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта» ЮНЕСКО. Документ призван зафиксировать базовые ценностные установки искусственной интеллектуальной системы, среди которых уважение, защита и поощрение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод; благополучие окружающей среды и экосистем; обеспечение разнообразия и инклюзивности; поощрение мира и согласия.

Причины, по которым задача осмысления процесса разработки и использования технологий искусственного интеллекта является приоритетной, включает принципиальную новизну некоторых аспектов этих технологий: автономность систем в области принятия решений; непрозрачность принципов принятия решений. Отдельный аспект этических вопросов связан с такой особенностью некоторых систем искусственного интеллекта как обучение на массиве данных. Тестирование систем на основе технологий искусстве и реальная практика их применения показывают, что обучение на массиве данных может привести к ошибкам и дискриминации, в основе которых лежит несовершенство самого массива. Целый ряд вопросов этического характера связан с прогностической направленностью задач, которые призваны решать системы искусственного интеллекта.

Довольно остро этико-правовые вопросы применения технологий искусственного интеллекта проявляются в таких социально значимых сферах общественной жизни, как медицина и здравоохранение, государственное управление и судопроизводство, образование. В этих областях этические вопросы традиционно играют большую роль, а внимание общественности к соблюдению принципов справедливости, ответственности за принятые решения, и прозрачности работы максимально.

Ларионов Игорь Юрьевич

к.филос.н, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
МОРАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕ:

ДИСКУССИЯ Р.РОРТИ И П.ВЕРХЕЙН

Участие Ричарда Рорти в дискуссии с известной специалисткой в области деловой этики и бизнес администрирования П.Верхейн (Patricia Werhane) способствовало прояснению ряда аспектов теории морального воображения в этическом менеджменте. Материалы опубликованы в «Business Ethics Quarterly» в 2006 г.

Оба автора разделяют мысль о несовершенстве существующей капиталистической системы и необходимости ее улучшения.

Для Рорти важнее судьба философии и ее потенциал. Источником морального прогресса, по Рорти, стало не столько расширение области знаний и просвещения (обладания «right beliefs»), сколько моральное воображение [1.372]. «Искусство проведения дистинкций» может одинаково служить и благу, и злу.

С ходом истории расширился кругозор человечества, столкновение с новыми проблемами открывало новые возможности для развития человеческих способностей, «изобретение новых форм жизни». Именно это усложнение мировоззренческих и поведенческих компетенций и следует, по Рорти, считать моральным прогрессом, в ходе которого люди становятся «мудрее и лучше» [1.373]. Компенсирует же, по Рорти, недостаток опыта отдельного человека не умозрение, а воображение как важнейшая творческая способность, открывающая новые направления, на которых вслед за этим трудятся теоретический разум и эмпирическая наука.

Готовность принимать во внимание нужды других, расширение области лиц, перед которыми у меня могли бы быть нравственные обязанности, возможен, если человек представляет, каково быть кем-то другим или в ситуации, сильно отличающейся от собственной, особенно если сам воображающий наслаждается безопасностью и свободным временем [2.9-22]. Помимо философии, по Рорти, подобную роль «морального медиума» играет также художественная литература. В этом контексте положительно Рорти отзывается о «марксистской утопии». Также романы Д.Лондона, Т.Драйзера и т.д. способствовали тому, что тяжесть положения угнетенных классов стала предметом обсуждения.

Деловой этике Рорти предлагает роль своеобразного социального инжиниринга, опирающегося в меньшей степени на рациональные стратегии, и в большей – на пробуждающие воображение нарративы. Предприниматели – этические лидеры, транснациональные корпорации, само сообщество практикующих этику бизнеса могли бы, по мысли Рорти, стать неким островком, в котором общество глобальной социальной справедливости могло бы стать реальностью [1.377-9].

П.Верхейн является автором оригинальной концепции морального воображения в деловой этике [4]. В отличие от Рорти, она демонстрирует классический философский подход к роли воображения: оно позволяет очертить для субъекта тот «набор социально конструируемого опыта, который называется Я», то есть становится частью рефлексии [3.405].

Для принятия морального решения, по Верхейн, границам становятся:

- обстоятельства принятия решения,
- привычные для данного субъекта и опирающиеся на субъективный опыт модели рассуждения («mental models»),
- действующие законы и правила.

Однако важнейшая проблема не в них, а в том, что субъект принятия решения не осознает их наличия [3.404].

Верхейн даже связывает свой подход с кантовским установлением пределов познавательной способности. И все же, в сущности, она не возражает Р.Рорти. Моральное воображение может стать методом решения профессионального проблем, но Верхейн конкретнее локализует его в области условий принятия морального решения.

Литература:

1. Rorty R. Is Philosophy Relevant to Applied Ethics? // *Business Ethics Quarterly*, Vol.16, No.3 (Jul., 2006). P.369-380.

2. Rorty R. *Truth and Progress*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

3. Werhane P.H. A Place for Philosophers in Applied Ethics and the Role of Moral Reasoning in Moral Imagination // *Business Ethics Quarterly*, Vol.16, No.3 (Jul., 2006). P.401-408.

4. Werhane P.H. *Moral Imagination and Management Decision Making*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

РФФИ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

Леушина Влада Вячеславовна

лаборант-исследователь, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», обучающаяся магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ВОПРОСЫ ЭТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СТАНДАРТЫ IEEE, ISO И ГОСТ

Развитие технологий искусственного интеллекта и их активное внедрение повлекло за собой необходимость разработки стандартов, которые помогут урегулировать возникающие этические вопросы. Диапазон этих вопросов достаточно обширен: от нарушения конфиденциальности и безопасности до воздействия на автономию человека, поэтому сегодня предпринимаются многочисленные попытки их стандартизации.

Так, международная некоммерческая организация IEEE, членами которой являются специалисты технических областей, запустила разработку серии стандартов IEEE P7000, задачей которых было разрешение конфликтов технологических и этических соображений. В ее состав входят 14 активных проектов. Два из них – P7010 и P7000 – уже опубликованы. Первый стандарт определяет метрику благосостояния и способ меры влияния интеллектуальных и автономных систем на него. В нем IEEE трактует этику и этические ценности, как что-то, что поддерживает суждение о том, что правильно, а что нет. Стандарт не содержит в себе какой-либо конкретной политики по отношению к этике и не может определить этичность системы. В нем основное внимание уделяется тому, как реализовать этические ценности на практике. Во втором излагается подход выявления и анализа потенциальных этических проблем в системе или программном обеспечении на самых ранних стадиях их разработки. Также в разработке находятся и другие стандарты, в которых поднимаются вопросы этики. Например, стандарт P7007 устанавливает набор онтологий с различными уровнями абстракции, которые содержат концепции, определения и аксиомы, необходимые для разработки этически ориентированных методологий проектирования роботов и систем автоматизации. P7008 содержит в себе концепции, функции и преимущества, необходимые для создания и обеспечения этической методологий проектирования роботизированных, интеллектуальных и автономных систем, в состав которых входит элемент «подталкивания». Под «подталкиванием» подразумевается явное или скрытое внушение или манипуляция, способная повлиять на поведение или эмоции пользователя.

Также над развитием стандартов, затрагивающих тему искусственного интеллекта, занимается ISO, международная организация по стандартизации. Напрямую вопрос этики искусственного интеллекта поднимает стандарт ISO/IEC AWI TR 24 368

«Искусственный интеллект. Этические и социальные проблемы. Общие положения». В нем этика рассматривается с ряда позиций (этика добродетели, прагматизм, деонтология и т.п.), приводятся описание и особенности каждого варианта. Например, принцип прагматизма заключается в том, чтобы выбрать максимальную пользу и минимальный вред для всех заинтересованных сторон, однако далеко не все моральные соображения возможно измерить количественно.

Помимо международных ассоциаций типа IEEE и ISO вопросы регулирования этики с технической точки зрения начали появляться в межгосударственном стандарте. Суть их подхода полностью повторяет подход ISO.

Рассмотрев проекты, в которых поднимаются этические вопросы, возникающие на этапах разработки технологий, в особенности систем искусственного интеллекта, можно выделить два подхода их стандартизации. Подход ISO описывает принципы, по которым можно определить, «этична» система или нет. IEEE делает упор на внедрение и учет этических критериев при ее проектировании и эксплуатации. При этом оба подхода требуют учета ценностей сфер, в которых они будут применяться, от этого и будет зависеть определение этичности системы.

Мелешко Елена Дмитриевна
д.филос.н., профессор,

Тульский государственный педагогический университет им.Л.Н.Толстого

ТРАНСГУМАНИЗМ И ЦИФРОВАЯ ЭТИКА:

ЦЕННОСТНЫЕ КРИТЕРИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБМЕНА

Дискуссии о трансгуманизме концентрируются в следующих положениях. Утверждается, что трансгуманизм как мировоззрение и феномен культуры представляет собой глобальный культурный вызов, который формирует новый ценностный формат «новую этику», обновленное человечество. Сторонники противоположной точки, с одной стороны, подвергают острой критике трансгуманистические ценности (1) с другой, утверждают, что универсальные традиционные ценности определяют специфический контент цифровой реальности (2)

Трансгуманизм и цифровая этика. Цифровая этика выражает ценностные и регулятивные особенности трансгуманизма как феномена культуры, что связано с развитием сетевой культуры, цифровых технологий компьютеризации. Цифровая этика является составной частью трансгуманизма, специфического явления современной культуры. В аналитической литературе о трансгуманизме (3) обосновывается положение о необходимости рассмотрения аксиологических, психологических характеристик этого культурного феномена, что подразумевает анализ соотношения универсальных и цифровых ценностей, специфики моральных принципов, норм, правил и регулятивов, а также определения статуса цифровой этики, ее места в культуре.

Особенности аксиологического контента цифровой этики. Цифровая этика является частью цифровой реальности, которая определяет ее специфику как отражение символического ценностного цифрового бестелесного обмена, в котором человек «сотрудничает» с неживым, лишенным телесности цифровым пространством и виртуальными образами. Именно поэтому ценностные особенности цифровой этики формируют негативный эмоциональный и моральный контент, что и определяет их противостояние традиционным ценностям и нормам, характеризующимися сложившимися культурными формами межчеловеческого общения. (например, чувства одиночества, социальной активности, фрондирующие такие нравственные ценности, как милосердие сочувствие и любовь). Взаимодействие общечеловеческих и цифровых ценностей рождает дилеммы и конфликты, что определяется ситуационным характером их возникновения (конфликты цифрового насилия, цифровой агрессии, цифровой риторики).

Специфика цифровой этики определяется контентом специфических моральных ценностей, принципов, норм и правил, которые характеризуют регуляцию поведения

человека в условиях символического ценностного цифрового обмена в цифровой реальности, что имеет общезначимые и общекультурные смыслы в современной культуре. В то же самое время ее особенность заключена в том, что универсальные и специфические ценности и нормы цифровой этики представляют собой синкретизм универсальных и профессиональных норм, регулирующих поведенческую составляющую в цифровом пространстве.

Литература

1. Четверикова О. Трансгуманизм может уничтожить человека. URL: <http://kolokolrussia.ru/s-nashey-kolokolni/olga-chetverikova-transgumanizm-mojet-unichtojit-cheloveka> (дата обращения 25.09.2021).

2. Назаров В.Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль, 2020, т.20, № 1. С. 142-154.

3. Степин В.С. Перелом в цивилизационно развитии. Точки роста. // ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045 Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. — М.: ООО «Издательство МБА», 2013.

Мухина София Хамидовна

аспирант

Очеретяный Константин Алексеевич

к.филос.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

В ПЛЕНУ ИНТЕРФЕЙСА:

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕСКОНТАКТНОГО МИРА

Интеллектуальная революция, произошедшая в Европе в XVI-XVII в. реформировала сам способ мышления, сделав возможным прежний парадокс — «мышление руками». Знание получило неожиданное расширение. Не ограничиваясь созерцанием, оно становится силой, а истины теперь можно нащупывать, удерживать, воссоздавать вручную, самостоятельно, проводить через свое тело, быть затронутыми ими и использовать в своей жизни — для ее удлинения, упрочнения, совершенствования. В этом энтузиазм, сопровождавший на первых этапах механистическое видение вселенной и эксперимента как способа коснуться природы и быть затронутой ей. Однако, почти сразу же «касание» как поэтический фактор истины, — т.е. как то, что позволяет извлечь опыт из небытия и онтологически удержать в бытии, — становится привилегией технических посредников, агентов, лишенных воли и чувств. Социальное (корпоративное, институциональное) тело оказалось важнее индивидуального опытного переживания — а принцип дистрибуции, стандартизации, воспроизводимости и другие технические факторы, оказались удобнее, безопаснее и эффективнее «касания» как герменевтического телесного опыта. Поскольку предполагалось, что вместе с рукой все тело вовлекалось в опыт мышления, возник страх, что мы будем более затронуты опытом, чем обладать доступом к нему. Аварийное решение состояло в том, что продолжением нашего тела должны быть приборы — они будут давать опыт, не позволяя быть затронутым им: они видят, а не созерцают, они дают результат, а не переживают процесс. Именно поэтому они эффективнее, точнее, надежнее. Они — гаранты нашего мира, нашего поведения, нашего мышления. Промышленная, электронная, цифровая революции — также не раскрыли исходный посыл механистической революции и установки на эксперимент, скорее утвердив страхи перед индивидуальностью переживания и укоренив запрос на стандарт и экранирование опыта. Сегодня в XXI мы продолжаем жить в плену этого этического парадокса: мы все больше доверяем интерфейсам наших устройств, а прямой человеческий контакт становится для нас предметом роскоши. Наше мышление и наши действия до сих пор не связаны, а скорее разделены интерфейсами. Мы обнаруживаем себя не в мире, где инструменты вяжут проводниками опыта, а в мире, где инструменты берут опыт на себя, оставляя

нам лишь сферу интерпретации. Мы имеем дело со всем спектром возможного опыта, но это не делает его нашим опытом: не войдя в собственное тело мы так и не начинаем мыслить. Эффективность и прагматика действия для нас важнее, чем контакт и в этом смысле само наше поведение средствами интерфейсов подгоняется под технический стандарт. В результате мы все больше проводим времени в оболочках технических устройств: открытость доступа становится для нас важнее открытости к затронутости другим. И все же раннее магическое и поэтическое переживание интеллектуальной революции, как и энтузиазм вторжения ручного труда в мысль — мир как продолжение тела продолжает жить в маргинальной сфере компьютерных игр. Ранний механицизм обнаруживал себя в игрушках, магически действующих на публику, также и современные игры реализуют цифровые возможности на новом «магическом» уровне, на уровне психологического переживания и социального действия как затронутости. Их интерфейсы ориентируются не столько на результат сколько на продолжительное вовлечение, повествование через окружение, внимание к опыту другого, экспериментированию с собственным опытом — утверждая целостность и значимость переживания они целостно вовлекают нас в опыт затронутости и тем самым обладают ресурсом для заботы о себе и экзистенциальной терапии в мире технических стандартов и требований.

при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МК-169.2021.2.

Перов Вадим Юрьевич

к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ИЛЛЮЗИЯ «СВЕРХДОВЕРИЯ» В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Изучение разнообразных этических документов в сфере цифровых технологий демонстрирует тенденции того, что тематика доверия становится одной из центральных. При этом можно выделить две основные разнонаправленные тенденции понимания доверия и определения его роли при разработке и использовании цифровых технологий.

1) Следует обратить внимание на то, как проблема доверия представлена в отношении спектра технологических разработок, которые в обобщенном виде могут быть обозначены как «алгоритмы Искусственного Интеллекта (ИИ)» (к ним можно отнести собственно алгоритмы ИИ, машинное обучение (machine learning), большие данные (big data), нейросети и т.д.). В этическом контексте проблемы доверия их объединяет то, что их функционирование предполагает (хотя бы потенциально) достаточно высокую степень автономии, то есть независимость от людей (разработчиков, производителей, пользователей и т.д.). Во многих нормативных, как отечественных, так зарубежных и международных, документах указывается, что недостаток доверия к алгоритмам ИИ является одним из главных препятствий для их широкого внедрения и использования. Поэтому идея «заслуживающего доверия ИИ» (Trustworthy Artificial Intelligence (AI) постепенно занимает ключевое место в соответствующих этических кодексах и руководствах. При этом для обеспечения этого доверия на всех стадиях разработки, производства и особенно использования формулируются этические императивы, нормы и ценности, к наиболее существенным из которых являются «прозрачность», «контролируемость», «подотчётность», «возможность отмены» и т.д. Образно говоря, главным этическим принципом оказывается лозунг «доверяй, но проверяй». Важно отметить, что все эти этические требования относятся не к самим алгоритмам ИИ, а к людям, чьи действия прямо или косвенно связаны с ними, то есть речь идёт именно к профессиональной этической нормативности (отставляя без внимания многочисленные проблемы профессиональной моральной агентности и адресности).

2) Другая тенденция акцентирует внимание на полной автономности цифровых технологий. Наиболее показательными в данном контексте в современном обществе

являются так называемые «технологии распределенного реестра», самой известной из которых считается криптовалюта биткойн. Показателен текст анонимного «Манифеста». Любопытно, что математическое описание соответствующего алгоритма блокчейна «обрамлено» упоминанием этических проблем. Текст начинается с идеи о том, что практически все современные транзакции основаны доверии, поэтому в качестве главной цели формулируется требование отказа от доверия. В конце «Манифеста» утверждается, что предлагаемый математический аппарат, воплощенный в соответствующих технологиях, позволит вообще отказаться от доверия. Оставляя в стороне подробный анализ этих спорных утверждений, следует признать, что в них выражена существенная идея, которую можно представить в виде следующей цепочки рассуждений: а) этические проблемы связаны с людьми; б) цифровые технологии являются беспристрастными, то есть этически нейтральными; в) если «убрать» людей из их функционирования, то цифровым технологиям можно доверить практически всё. Технологии становятся trustworthy в смысле «благонадежными»; г) пропадает доверие как проблема, поскольку люди не могут помешать ей функционировать посредством любых форм контроля, а сами технологии являются самодостаточными и безошибочными (или минимально ошибочными по сравнению с людьми). Эту ситуацию можно обозначить как формирование установки на «сверхдоверие».

Анализ воплощения выделенных тенденций как в этических документах прикладных и профессиональных этик, так и в практиках профессиональной деятельности позволяет констатировать, что идея «сверхдоверия» в настоящее время является этически опасной и рискованной иллюзией. Во-первых, существующие автономные алгоритмы в подавляющем большинстве оказываются этически предвзятыми. Во-вторых, установка на «сверхдоверие» не позволяет вовремя замечать ошибки и сбои, что приводит к негативным последствиям, в том числе этически негативным, включая подрыв доверия (например, случай с программой Horizon в британском Post Office)

РГНФ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

Петрунин Юрий Юрьевич

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой математических методов
и информационных технологий в управлениях,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ВОСПРИЯТИЕ СЛУЖЕБНОГО РОМАНА СТУДЕНТАМИ-УПРАВЛЕНЦАМИ

Служебный роман характеризуется латентностью, табуированностью и одновременно эмоциональностью восприятия (как со знаком плюс, так и со знаком минус) не только для его участников, но и для внешних наблюдателей. Эти характеристики осложняют его беспристрастное научное изучение, но делают перспективным исследование восприятия служебного романа в массовом сознании или его сегментах. Особый интерес представляет в этом разрезе познание взглядов социальной группы будущих субъектов/участников/наблюдателей служебного романа – тех, кто сегодня готовится стать государственными управленцами.

В 2018-2019 гг. автором был проведен опрос восприятия служебного романа студентами, обучающимися по специальности «государственное и муниципальное управление» факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова (более подробное описание исследования и его результатов отражено в статье: Петрунин Ю. Ю. Служебный роман в восприятии будущих управленцев // Вестник Московского университета. Серия 21. «Управление (государство и общество)». 2021. № 3). Центральной в опросах рассматривалась следующая дилемма: являются ли личные отношения сотрудников/служащих автономными и не подлежащими контролю и регулированию со стороны организации, или организация вправе запрещать все личные отношения, как мешающие добросовестному выполнению служебных обязанностей?

Другой важной целью опроса стало раскрытие представлений и оценок респондентами гендерных отношений на работе/службе. Как известно, феномен служебного романа пересекается с феноменом сексуальных домогательств и дискриминации женщин на работе, поэтому изучение представлений об этих явлениях в сознании будущих управленцев также представляется весьма актуальным.

Результаты проведенного исследования показали, что, несмотря на отсутствие личного опыта наблюдения или участия в служебном романе, будущие управленцы (студенты по специальности ГМУ), имеют некоторые сформировавшиеся представления об этом социальном феномене. Если говорить в целом, то в восприятии данного организационно-управленческого явления новое поколение склонно ставить ценностные приоритеты сотрудника выше служебных ценностей, однако не имеет ясной позиции по проблеме гендерной дискриминации. При более глубоком изучении, основанном на методах интеллектуального анализа данных («если-то» правил и метода деревьев решений), было выявлено статистически значимое влияние пола, опыта работы и возможного властного статуса на восприятие/оценку служебного романа у респондентов.

Для респондентов-женщин в восприятии служебного романа преобладают острожно-консервативные организационно-центристские ощущения и оценки. Принадлежность респондента к сотрудникам (не руководителям), также как и наличие опыта работы, сопровождалась склонностью к либеральному, человеко-центристскому восприятию служебного романа, его моральной оправданности. Принадлежность женщины к руководителям увеличивала осознание важности гендерных различий на работе/службе. Также было обнаружено, что ключевыми вопросами при восприятии служебного романа стали вопросы, связанные с более общим восприятием гендерных различий в управлении персоналом и дискриминацией женщин на работе/службе.

Можно ли говорить об особенностях этоса «новой волны» управленцев? Или эти отличия всего лишь возрастные, и они будут нивелироваться на службе/работе? Для ответа на эти вопросы необходимы как дополнительные исследования студентов, так и ныне действующих госслужащих.

Смирнов Сергей Алевтинович

д. филос. н., ведущий научный сотрудник, Институт философии и права,

Сибирское отделение Российской академии наук

ЭТИКА ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (AI) И ЧЕЛОВЕК В НОРМЕ

1. ИИ начинается не с роботизации, не с машины. Он начинается с построения алгоритма поведения. С программирования поведения.

2. Разработчики ИИ полагают, что ИИ реально разработать на основе построения информационной модели деятельности человека, в которой все многообразие его способностей можно алгоритмизировать. В том числе и высшие способности – мышление, память, воображение, принятие решений, прогноз.

3. Такая стратегия реализуется в условии сильного допуска: когда человек с его миром жизнедеятельности, мышлением, волей, памятью редуцируется до модели, в которой он, человек, представлен как набор исчислимых функций.

4. Такая редукция человека допускается в случае, если его самого, человека, начинают понимать как такое биоидное существо, которое живет удовлетворением этих функций, в пределе двух – удовольствие и страх. При такой модели снимается в принципе то, ради чего человек является на свет – ради полноты бытия, ради свершения, ради того, чтобы занять свое уникальное и неповторимое место в этом мире, чтобы найти себя.

5. При такой редуцированной модели у человека отнимают такое желание стать в мире, сводя его к набору функций, к живому функциональному устройству.

6. Именно такое представление о человеке как о функциональном устройстве позволяет допустить возможность редуцировать его к поведенческой модели и далее построить алгоритм ее функционирования.

7. Это означает то, что в принципе не рассматриваются такие высшие человеческие качества и способности, как мышление и любовь. Мышление сводится к набору операций. А любовь – к сексу.

8. Это означает по логике отказ и от всех других социальных обязательств: например, иметь детей (о них надо заботиться) и т. д. Это предполагает вообще отказ от заботы как принципа жизни.

9. Это означает главное: с человека снимается всякая забота и ответственность за себя и за мир, в котором он живет и хочет состояться. Он не отвечает за него и не может отвечать, потому что он – всего лишь желающее функциональное существо, поведение которого можно программировать.

10. При таком понимании при разработках ИИ начинают доминировать две стратегии:

10.1. Бизнес-стратегия. Стратегия маркетингового приспособления и приручения этого существа, человека, к ИИ. Это манипулятивная стратегия, как и всякий маркетинг. Согласно ее, человека убеждают, что ИИ должен быть дружественным. Его, то есть ИИ, человек, не должен бояться. В таком случае разработчики по ИИ предлагают разные принципы этики для ИИ (прозрачность, открытость, предсказуемость и т. д.). ИИ удобен, комфортен, он не враждебен. На этой маркетинговой политике по построению дружественного интерфейса строится и политика продаж разработок по ИИ.

10.2. Стратегия защиты. Но оказывается, что ИИ не всегда дружественный. По мере усложнения разработок и насыщения моделей ИИ все новыми функциями он, ИИ, становится все более непредсказуемым, не прозрачным. Оказывается, специалисты все чаще не могут объяснить, почему нейросеть принимает те или иные решения. И тогда уже правительства стран, гос. органы стремятся выработать другую стратегию – стратегию защиты человека от непредсказуемости ИИ. И тогда разрабатываются кодексы, конвенции, правила, принципы, регулирующие деятельность, связанную с внедрением ИИ в повседневность, в практику, вводятся различные ограничения.

11. И та, и другая стратегия – тупиковая. Потому что в них заранее заложена бомба: человек в них понимается как существо, не отвечающее за самого себя, нуждающееся в защите. И поэтому его надо успокоить и убедить, что ИИ не опасен.

12. В любом случае человек не рассматривается в своей норме быть: в высших смыслах и в своем предназначении, в высших качествах мыслить и любить, состоять в этом мире и найти свое место.

13. В этой связи становится все более актуальным формирование института гуманитарной экспертизы как практики по восстановлению нормы человека, переосмысления и смены оптики по отношению к разработкам ИИ и в целом понимания человека.

14. Тогда конкретной задачей становится выстраивание новой гибридной модели «человек-ИИ», в которой человек рассматривается не в категориях функционального поведения, а как мыслящее ответственное существо, а ИИ – лишь партнер, привлекаемый для решения сложных задач, помогающий человеку развиваться и ставить все новые амбициозные цели.

РНФ №21-18-00103 «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт.»

Speshilova Elizaveta

Master of Philosophy, Research Fellow of Scientific and Educational Center «Humanitarian Urbanism», Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION: ETHICAL AND ANTHROPOLOGICAL DIMENSIONS

One of the main characteristics of the information society is digitalization of all its spheres, including active application of artificial intelligence (AI) technologies in economy, industry, medicine, education and other areas. Since the educational process directly affects

a personality formation, our research focuses on ethical and anthropological dimensions, risks, and prospects for the use of AI intelligence in education. It is worth emphasizing that the research environment lacks a critical reflection about problems of the implementation of AI in education, as well as an assessment of technological innovations in the context of pedagogical theories [1, pp. 21–22]. Our aim is to analyze how the introduction of AI transforms educational practices, what kind of changes unfolds in teacher-student relationships, and what ethical challenges and humanitarian effects arise in this regard.

We can distinguish such prospects for the AI applications of in education as: adaptive learning, automatic assessment, feedback, virtual assistants, proctoring, smart campuses, etc. The implementation of these perspectives certainly has positive effects; however, the use of AI sometimes leads to various problems. According to UNESCO IITE Policy Brief [2], ethical risks and challenges associated with AI include:

- concerns about the privacy, protection and use of student data,
- inequality in provision of access to educational technology (as 43% of the world's population still does not have access to the Internet),
- possibility of discrimination based on gender, race, socioeconomic and ability differences, as well as a transmission of social and cultural stereotypes,
- increasing technological dependence.

The last point has direct relevance to an anthropological dimension of education and changes associated with digital transformation. There is a danger that outsourcing certain educational tasks and cognitive functions will increase individual's dependence on technology, while his or her own abilities to perform these functions will possibly be narrowing. Unfortunately, the fact that education is primarily a process of developing a student as a person, not just an acquisition of certain knowledge, skills and abilities is often ignored. Over-reliance on the use of information technology, including AI, in higher education can threaten a loss of direct contact between students and teachers. Meanwhile, for many professions, communication with a teacher is a leading mean of learning and professional development [3, p. 128].

As a result, we note that a functional, technical approach to education actually overlooks anthropological significance of the educational process. In this situation, in our opinion, there is a need to introduce into social practice the institution of not only ethical, but also humanitarian expertise of technological projects, allowing an assessment of decision-making possible positive and negative consequences for human being. The practice of humanitarian expertise emphasizes personalized, existential aspect of the introduction of AI into education and demonstrates the importance of education as a process of becoming oneself, finding one's norm and taking responsibility for it.

References:

1. Zawacki-Richter O., Marin V.I., Bond M. et al. Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education – Where are the Educators? International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. 16, 39. <https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0>.
2. Duggan S. AI in Education: Change at the Speed of Learning. UNESCO IITE Policy Brief. URL: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2020/11/Steven_Duggan_AI-in-Education_2020.pdf. Last accessed 27 September 2021.
3. Endovitskiy D.A., Gaidar K.M. University Science and Education in the Context of Artificial Intelligence. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2021. 30 (6), pp. 121–131. In Russian.
RSF №21-18-00103 «Man and a new technological order. Anthropological foresight» (PHF №21-18-00103 «Человек и новый технологический уклад. Антропологический фортсайт»)

секции молодых ученых

«КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»*Ануфриев Тимофей Сергеевич*обучающийся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
ЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ К.И.СОТОНИНА И ЕЁ АКТУАЛЬНОСТЬ

В истории русской философии незаслуженно забытым автором остается казанский мыслитель 20-х годов XX века, теоретик Научной организации труда в области психологии, исследователь эстетики и античной философии — Константин Иванович Сотонин.

Его творчество, пришедшее в большей своей части на волну социального эксперимента советского строя эпохи НЭПа, целиком отражает глубокий переворот, который совершила в умах левой интеллигенции Октябрьская революция: Сотонин совершает провокационную рецепцию идей Сократа и выдвигает проект «философских клиник». Вместе с тем казанский философ развивает свою концепцию этики, совмещенной с эстетикой, «косметикой» – философию XXI века, как её визионерски называет сам Сотонин.

Представляется, что его идеи в области этики во многом опережали своё время и что они действительно не теряют актуальности до сих пор.

Чтобы это проиллюстрировать, мы осветим подробнее концепцию «косметики», изложенную К.И. Сотониным во второй части книги «Сократ: введение в косметикку».

Поскольку автор построил книгу таким образом, чтобы она переходила из исследования в философский текст, и обе эти части взаимосвязаны, то нам необходимо предварительно резюмировать основные выводы Сотонина о фигуре Сократа, на рецепции которого он выстраивает свою теорию:

1. Это не Сократ спустил философию с небес на землю, а софисты, которым принадлежат первые антропологические идеи. По этой причине Сократ – софист, о чём также, по мнению Сотонина, свидетельствуют многие пассажи из диалогов Платона.

2. Сократ – скептик, что также подтверждают материалы из диалогов.

3. В конечном итоге для Сотонина, Сократ – циник.

Именно эта, последняя, часть является ключевой в понимании этической философии Сотонина. Цинизм, приписываемый им Сократу, на самом деле является его собственным цинизмом, который казанский мыслитель развивает во второй части своей книги.

Отталкиваясь от своей интерпретации Сократа, Константин Сотонин определяет основные принципы новой философии:

Во-первых, новая философия отрицает универсальные ценности, как например: категорию долга. Автор пишет о полном несогласии с категорическим императивом Канта, называя его философию «вредной». Этика, по мнению Сотонина, не должна допускать категорий, обязательных для всех. Напротив, она должна подстраиваться под индивидуальные особенности каждого человека. Человек «культурный», по его мнению, это человек осознавший «несерьёзность» всего.

Однако это ещё не означает, что более общих «рецептов» совсем нет, ведь мыслитель признает необходимость наличия «философии большинства личностей, входящих в общество» – то есть «философии масс». Она, по задумке автора, должна соединить в себе те немногие принципы, которые могут подходить подавляющему большинству людей, как, например, ценность жизни каждого человека. Такие ценности, однако, всё равно не являются ни универсальными, ни вечными, и имеют конвенциональную природу. Они попросту наиболее удобны для функционирования общества. Остальные же моральные ценности Сотонин подчиняет несколько иной логике: нужно жить согласно им, но лишь покуда они не мешают человеку в достижении его личного, философского счастья.

Во-вторых, как мы уже говорили, казанский философ вводит в свою этику элементы эстетики. Осознавая относительность существующих в человеческом обществе ценностей, нужно как бы отрешенно, как на театральную постановку, наблюдать даже за собственной жизнью. То есть быть циником. Этот акт автор также называет «театрализацией жизни». Так, в представлении Сотонина, воспринимал свою жизнь и Сократ, смерть которого философ характеризовал как «последнее издевательство, завершение его цинической жизни».

Все плохие и хорошие события нашей жизни – лишь равнозначные части одной сплошной театральной постановки.

Отдельное место Сотонин уделяет «косметике», в честь которой и была названа его книга. «Косметика» — это искусство упорядочивания себя и образ взаимодействия с остальными людьми. Говоря про «косметику», в первую очередь философ имеет в виду наш внешний вид, но в самом широком смысле, ведь приятное впечатление создаёт и улыбка на лице, и приятное обращение и прочие внешние, но относящиеся к нашему внутреннему расположению, вещи. Поскольку порядок, как считает философ, приятен человеку от природы, постольку «косметика» — это выражение приятных, «дружественных» чувств к другому, а значит, далее пишет Сотонин, это культура их «дарения». Но ценность подарка должна быть не в его содержании, поскольку мода сменяется от эпохи к эпохе и разнится от общества к обществу, а в самом выражении «косметности» – желании, соответствуя индивидуальным убеждениям о моде, одарить человека чистым эстетическим наслаждением.

Итак, на примере этической концепции К.И. Сотонина мы видим, как, несмотря на релятивизацию ценностей, можно представить себе не только индивидуальную, но даже и сколь-нибудь социальную философию, выстраиваемую на основах эстетических ощущений людей и их «круговорота дарения».

Броников Игнат Витальевич

обучающийся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

УТОПИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА

На протяжении всей истории человечества, чаяния о лучшем мире преследовали людской род. Казалось, будто бы сама сущность человека призывает его создавать идеальные миры. Однако сегодня утопии остаются не в чести в обыденном дискурсе, в научном же они получили клеймо инфиниции. Такое положение дел призывает нас задаться вопросом, неужели утопии исчезли, и люди больше в них не нуждаются?

С этим нельзя согласиться, взамен мы попытаемся продемонстрировать как утопию можно применить относительно моральной проблематики, дабы оживить интерес хотя бы к одной стороне этого великого феномена.

Итак, вообще утопию можно рассматривать с разных позиций, но для нашего дела мы примем такую ее трактовку, и отнюдь не новую: Утопия — есть метод познания идеальных сущностей и инструмент для их выражения. Смысл этой идеи можно показать на примере «Государства» Платона, В. Чаликова пишет: «Цель утопии Платона – анализ концепции справедливости, ценность которой не зависит от возможности или невозможности эмпирической справедливости.» То есть утопия выступает здесь, как проявитель для фотопленки, так Сократ со своими слушателями строит модель идеального государства, и через нее пытается найти идею искомого понятия справедливости самой по себе. Вслед за этим работы Т.Мора, Т.Кампанеллы, Э.Кабэ, Ш.Фурье и других утопистов можно рассматривать именно как попытку познать, что есть благо само по себе, а так же как выражение моральных идеалов автора. Следовательно, антиутопия выражает обратные сущности, то есть некоторые абсолютные моральные запреты.

Мы предлагаем поэтому, использовать данный метод, однако придать ему гораздо более инструментальный характер. Такую практику можно проводить для узнавания самого себя, редуцировав из утопии все остальные моменты жизни, и оставив только моральный, построить ее будет довольно несложно, но это задача позволит выявить

свои истинные моральные устои. «Утопия развязывает волну; отодвигая границы возможного, она реабилитирует прежде всего морально невозможное» – это и позволяет достичь морального предела, хотя, как писал Мур «...установление идеала может быть вне сферы наших возможностей...», но это не лишает его значимости. Цель не найти абсолютное добро, а отыскать то что является добром для конкретного человека.

Кроме того, такая практика может быть использована как историографический метод поиска моральных идеалов эпох. Рассматривая какую-либо современную общность людей, создать на основе их позиций утопию, то есть довести до крайности их убеждения, и тем самым выявить их действительные нравственные положения. Примеры таких «утопий» у нас уже имеются, вспомним Моральный кодекс строителя коммунизма или Ба Жун Ба Чи (Восемь добродетелей и восемь пороков).

Такой метод также может быть использован и в отношении других аспектов жизни, будь то политические или экономические идеалы. Однако, относительно прошедших времен, встает справедливый вопрос насколько уместен тезис, что к примеру моральные нормы утопии Мора есть желаемое представление морали в интеллектуальном кругу Англии эпохи XV-XVI веков, или это есть лишь нравственные идеалы самого Мора.

Предложенная в докладе идея утопического метода исследования нравственного идеала, конечно нуждается в разработке, однако это первый шаг к тому чтобы повально посмотреть на давно забытый, однако бесценный феномен утопии, который может открыть нам иные пути к исследованию моральной проблематики.

Гудилина Екатерина Николаевна

Аспирант

Порошков Михаил Михайлович

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ И УТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Дискурсивный подход находит все большее применение в исследовании ряда феноменов, в том числе феноменов идеологии и утопии. Дискурсивный подход позволяет не только фиксировать атрибутивные признаки конкретного «изма», будь то консерватизм, либерализм, социализм и т.п, если мы говорим об идеологии, или выявлять элементы модели утопии того или иного автора, будь то Платон, Мор, Кампанелла и т. д., если мы говорим об утопии, но и смещает акцент в осмыслении идеологии и утопии со статической стороны на динамическую. Это приводит как к тому, что рамки между идеологией и утопией в определенном смысле стираются или, как минимум, переосмысляются, так и к возможности понимания не только идеологии, но и утопии как дискурса, реализующего определенную смысловую и символическую матрицу.

Исходной посылкой ряда исследований идеологии и утопии в рамках дискурсивного подхода становится установка, что идеология и утопия переплетена с символическим обменом, цель которого нахождение смысла и борьба за его распространение и доминирование. Кодирование/декодирование реальности с помощью идеологии происходит благодаря выявлению дискурсообразующих ценностей (по Дж.Б. Томспону – это господство/не-господство; по Дж. Балкину – справедливость; Т.А. ван Дейку – позитивно характеризуемые Мы/ негативно характеризуемые они). Отметим, что смена исходной дискурсообразующий ценности приводит к новой разбивке идеология-не-идеология.

У указанных исследователей господство, справедливость и идентичность являются как бы заданными, уже существующими параметрами дискурса. Но именно дискурс «наполняет эти категории смыслом; вне дискурса как динамики они являются «мертвыми». Именно поэтому одна и та же категория получает разное смысловое

наполнение в конкретный исторический период или относительно конкретного пространства и времени. Кроме того, дискурс про поддержку господства, справедливости, идентичности – это, по сути, разнообразные грани дискурса легитимации.

Итак, каждая идеология и каждая утопия пытается разрешить проблему ценностей тем или иным способом. Связь между социальным порядком и ценностями достаточно сложная, т.к. не только социальный порядок оказывает влияние на ценности, но и наоборот, поэтому зачастую становится всё труднее и труднее проследить, что является причиной изменений, а что — следствием. Идеология конструирует ценностную картину мира с опорой на существующий социальный порядок, доминирующие ценности учитываются идеологией даже если предлагается их замена. Утопия же, выстраивая общество с нуля, начинает с чистого листа (утопия как реализации концепции *tabula rasa*) и нивелирует ценностную составляющего существующего порядка, предлагая свою ценностную картину мира. Это приводит к игнорированию исторического развития общества и того уровня, которого общество смогло достигнуть. Если предположить, что социальный порядок – это здание, выстраиваемое на фундамент-ценностях, которые и определяют архитектуру этого здания, то идеология достраивает уже существующее здание и пытается наиболее эффективным для себя образом использовать уже заложенный фундамент-ценности, а утопия строит новое здание, не имеющее фундамента, «замок на песке».

Постоянные изменения — это имманентная характеристика общества как системы, поэтому вопрос о том, что должно закрепляться в качестве критерия изменений и каким требованиям этот критерий должен отвечать, всегда остается актуальным, делая процесс изменения если не полностью контролируемым, то, как минимум, осмысленным. Но выбор критерия — это прежде всего ценностный вопрос, отвечая на который будут получаться самые разнообразные варианты изменений: общество должно становиться более нравственным, или более технически совершенным, или более экономически развитым, или более справедливым и т.п. Получить критерий развития общества без первоначального выявления очертаний ценностной картины мира невозможно.

Демьянюк Евгений Александрович

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА НЕОБХОДИМОСТИ ВЕРЫ В БОГА

Доклад ставит целью рассмотреть прагматический аргумент необходимости веры в Бога. В качестве иллюстративного материала выбраны две классические интерпретации прагматического аргумента из работ Дж. Битти и У. Джеймса.

При рассмотрении позиций авторов акцент сделан, с одной стороны, на логической структуре аргументов, а с другой, на их этическом характере. Данный аргумент зачастую называют аргументом утешения (*Consolation Argument*). Соответственно, в контексте проблематики утешения возникает несколько концептуальных вопросов.

Во-первых, каким образом вера в Бога способствует утешению?

Во-вторых, каким образом утешение, возникающее в связи с верой, может оправдывать существование Бога; и шире — утешение оправдывает веру или обосновывает существование Бога?

В-третьих, ограничивается ли прагматический аргумент исключительно вопросом Бога и веры в него?

Последний вопрос особенно актуален в связи с полемикой Битти и Юма. По мнению представителя школы здравого смысла, прагматический аргумент служит не столько для обоснования веры, сколько для обоснования самооценки, необходимости воздержания от скептицизма: следствия скептической позиции или скептическое рассмотрение вопросов о Боге могут привести к разочарованию человека посредством лишения его последнего утешения в жизни — собственно, веры в Бога. Именно в этом

смысле лишение человека возможности верить, по мнению Битти, не этично даже в том случае, если разуверение не было изначальной целью.

Несколько иная постановка вопроса у Джеймса. Американский философ, во-первых, не выступает против рационального осмысления религиозных вопросов; наоборот, Джеймс абсолютизирует рационализм таким образом, чтобы тот играл в его пользу. Иными словами, по мнению Джеймса, мы можем критически оценить вопросы религиозной веры, но если мы рациональны, то вынуждены будем признать ее необходимость. Во-вторых, аргументация Джеймса не отрицательная, а положительная: он не столько обращает внимание на то, что человек потеряет в результате безверия, сколько акцентирует внимание на том, какие выгоды человек получит, если все-таки будет верить. У Джеймса вера превращается в гипотезу, которая может принести повседневную пользу. В этом смысле позиция Джеймса близка к классической позиции Б.Паскаля, которую принято обозначать как Пари Паскаля. В связи с этим рассматривается вопрос о специфике позиции Джеймса, которая имеет выражено прагматический оттенок.

Джабраилов Руслан Ильгарович
магистр философии, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
**«НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ СИЛОЮ» ЛЬВА ТОЛСТОГО И ЭТИКА
ОРГАНИЦИЗМА НИКОЛАЯ СТРАХОВА: ПОЛЕМИКА В ПЕРЕПИСКЕ**

Данный доклад анализирует ситуацию по поводу понимания категорий «этика» и вытекающих из неё понятий «развитие», «эволюция», «моральный выбор» в переписке между Львом Николаевичем Толстым (1828 – 1910 гг.) и Николаем Николаевичем Страховым (1828 – 1896 гг.). Заявленная проблема будет рассмотрена как в светской, так и в духовной области (или, если говорить предметнее, области религии). На основе переписки между этими двумя авторами, начавшейся в 1870 году и продолжавшейся вплоть до 1894 года, будет сделан основной вывод о взаимоотношениях по поводу этического вопроса у Толстого и Страхова.

В этой работе главной проблемой выступает рассмотрение категории «этика» по отношению к концепции «непротивления злу силою» Толстого и идее этики органицизма (или органицистской этики) Страхова. Особенностью переписки является то, что в ней Толстой и Страхов не столько спорят друг с другом, пытаются доказать большую обоснованность собственной точки зрения над позицией оппонента, сколько пытаются в форме диалога обсудить те сложности в общественном и философском пространстве, которые складываются на рубеже второй половины XIX века в Европе и Российской Империи. В контексте этого эпистолярного диалога видна тенденция определённых уступок со стороны Страхова Толстому. Связано это с тем, что автор «Мира как целого», отдавая должное Толстому-писателю и одновременно с этим Толстому-философу, пытался до конца понять то умонастроение, ту совокупность мировоззренческих установок, благодаря которым автор «Анны Карениной» дошёл до своего бессмертного этического принципа: непротивление злу силою. Страхову, с его более научно-философской ориентацией на анализ происходящих событий, постановка и решение проблем в толстовском духе не видится приемлемым. Особенно сильно это отражено в позиции обоих этих мыслителей на институты православной церкви и государства, которые формировали самобытный облик России на протяжении всей её многовековой истории. В докладе будут использованы метод реконструкции, герменевтический, сравнительный, биографический и историко-философский методы.

Основными источниками, на которые опирается автор в этой работе, будут работы Толстого (Переписка со Страховым Н.Н. – в двух томах) и Страхова (Летом 1877, Сочинения графа Л.Н. Толстого (1870), Из письма к Л.Н. Толстому, 1875), а также и многочисленные работы отечественных исследователей, посвящённых анализу этической стороны этих двух представителей русской культуры (эти работы анализируют

как этику каждого мыслителя в отдельности, так и их взаимосвязь и диалогичность (на примере переписки).

Главным результатом этой работы становится осознание противоречивости мировоззренческих установок не только в философском диалоге, с которыми Толстой и Страхов смотрят на феномен «этического», но и внутри собственных мировоззренческих установок, на которые они опираются. Одинаково осознавая необходимость построения и рассмотрения оригинальной этической системы, они расходятся в подходах к решению этой проблемы: Толстой уповает на «истину», лежащую вне православного христианства и институтов цивилизации, а Страхов пытается построить собственный, «органицистский» подход не только к этике, но и к области восприятия мира в целом.

Дмитриева Екатерина Дмитриевна
обучающаяся бакалавриата,

Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского
МОРАЛЬ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

КАК ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ СОБОЙ И ДРУГИМИ

В данной работе мы предлагаем рассмотреть мораль и нравственность как этические инструменты управления собой и другими. В названии исследования нашла отражение тематика лекций Мишеля Фуко за 1983 год «Управление собой и другими», которая позволила взглянуть более детально на главные объекты современного этического дискурса. Мораль до Нового времени формировалась социумом посредством религиозных учений. Добрые или плохие поступки определялись таковыми соответствием или несоответствием постулатам веры.

Однако в эпоху Просвещения в сфере этического произошел переворот. Иммануил Кант выдвинул идею, в основе которой лежит представление о необходимости делать выбор, руководствуясь разумом, а не общепринятыми предписаниями. Отказываясь поступать в соответствии с установленными нормами, индивидуум, по Канту, выходит из состояния несовершеннолетия, у человека появляется собственное нравственное сознание. Это выражается в осмыслении совершаемых действий и отказе подпадать под авторитет других. Тем не менее, такой человек может одновременно поступать и морально, и нравственно, что примечательно. Но отличать этого человека от большинства будет именно наличие нравственных ориентиров, поскольку нравственность – это неукоснительное соблюдение человеком своих внутренних принципов с применением критического мышления. Интересно ещё и то, что формирование человека с нравственным сознанием является признаком становления философии современности, когда человек мыслит себя ответственным за свою жизнь и за свои поступки перед собой и другими, когда человек мыслит себя разумным. Так управление собой становится более значимым навыком, должным быть у современного человека, ведь оно осуществляется по велению собственного рассудка. Следовательно, сначала стоит научиться критически мыслить и быть движимым в своих поступках внутренними законами в противовес слепому повиновению религиозным догматам или властвующим структурам.

Вернемся к морали, и отметим, что она является простым и эффективным инструментом управления другими. С его помощью поддерживается порядок в устройстве общества. Однако мораль далеко не всегда отвечает всеобщим этическим принципам, что подтверждается многочисленными войнами, социальными потрясениями и межличностными конфликтами. Поэтому в XIX веке становится ясно, что мир возможен при условии нравственного взросления, а оно означает научение управлять собой, а не только быть управляемым другими.

Сегодня также нельзя отрицать важность и актуальность разговора на эту тему, ведь мы прекрасно видим, что по прошествии двух веков люди так и не научились неукоснительно управлять собой так, чтобы действовать согласно «золотому прави-

ду», выведенному И. Кантом. В XXI веке нужно учиться осознанному, разумному подходу к жизни, в соответствии с которыми человек поступает не только морально, но и нравственно: относится к другому так, как к самому себе.

Думанов Андрей Сергеевич

обучающийся бакалавриата, Воронежский государственный университет,
ФиПСи (Факультет философии и психологии)

ЭТИКА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА

Разбирая проблемное поле современной этики, мы сталкиваемся с огромным количеством мнений, которые указывают нам на то, что этика сама по себе оказывается слишком теоретической, то вообще падает до уровня прикладной науки. Эти мнения возникли из-за традиции понимать этику через слишком современный перевод греческого $\eta\theta\omicron\varsigma$, как нрав. Однако, если заняться прояснением языка, то можно заметить, что первоначальным смыслом $\eta\theta\omicron\varsigma$ является «местопребывание». Через этот подлинный смысл становится возможным высветить подлинное существо этики, превращая её в экзистенциальную аналитику. С этого момента намечается необходимость рассмотреть разницу понимания этики в современном смысле, как назначенного сверху указания на действие, и этики в подлинном смысле, которая становится экзистенциальной аналитикой человеческого местопребывания. В первом случае этика превращается в тетику, то есть в насильственное назначение границ пребывания, существования, действия и мышления для человека. Во втором случае этика понимается через прояснение изначального смысла $\eta\theta\omicron\varsigma$ как «местопребывания», то есть открытой области, в которой обитает человек. В последнем случае мы возвращаемся к истокам, получаем возможность открыть целостный горизонт человеческой жизни и указать в нём наиболее важные моменты, которые, составляя само существо человека, имплицитно, без насильственного и внешнего воздействия, задают его усилие, поведение и в принципе модус бытия. В качестве основания для критики были выбраны такие современные направления, как «новая этика» и «прикладная этика». Причиной для такого выбора становится, во-первых, их актуальность, в том смысле, что эти ступени развития этической мысли есть последние и потому интересны сами по себе, а во-вторых, тенденция, которая нарастает вместе с известностью этих идей, сообщающая нам о тотальной необходимости действовать именно в рамках этих «этичностей». Под необходимостью в данном случае понимается либо большее количество пользы, которую человек может извлечь для себя и других, следуя этим этикам, либо причинение меньшего количества вреда для себя или, опять же, окружающих, а также прочие количественные и качественные характеристики, которые в зависимости от их принадлежности к категориям «польза» или «вред» будут либо увеличиваться, либо уменьшаться. Оказываясь в такой системе мышления, этический исток и его важность для человека превращается в вопрос, который можно запросто посчитать и завтра же поставить на конвейер для получения этической прибыли. Запирая этику в рамках прикладной науки, мы превращаем её в очередную дурную методологию, направленную на стабилизацию общественной жизни. В этике пропадают её главные отличительные особенности: трагичность, естественность, открытость. С другой стороны, мы пытаемся поднять подлинный этический фундамент, который современная система оценок может не сразу воспринять как этический. Примером таких фундаментов может служить экзистенциальная аналитика, проблемное поле которой намечают в своих произведениях Мартин Хайдеггер и Эммануэль Левинас. Отличие их подхода от современного видится в том, что они не указывают человеку его место исходя из исторических, политических, технических или прочих ситуаций. Для них место человека, в смысле местопребывания, определяется исходя из самого его существа, исходит из того, как человек существует. Например, Мартин Хайдеггер в ранних работах говорит об экзистенциалах, таких как проживание, заброшенность, забота и прочие. Эммануэль Левинас говорит о таких тяжёлых формах, через которые и вместе с которыми нам дано наше существование, как лень или усталость. Каждая их мысль про-

диктована необходимостью человека существовать как человек, а значит иметь своё местопребывание, свой *φύσις*, иметь свою этику, как прояснение этого местопребывания.

Зайцева Зоя Павловна
обучающаяся бакалавриата,

Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского

ПРАВО И ДОЛГ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ М.МЕНДЕЛЬСОНА

Моисей Мендельсон (1729 – 1786 гг) является одним из ярчайших представителей моральной философии эпохи Просвещения. Его вклад в идейное содержание этой эпохи достаточно четко определен К.А. Волковой, указавшей, что авторство вопроса «Что такое Просвещение?» принадлежит не И. Канту, а М. Мендельсону: «В сентябре 1784 года в «Берлинском ежесеместрнике» была опубликована статья Мендельсона под названием «О вопросе: что значит просвещать?», представлявшая собой текст доклада, сделанного на одном из заседаний «Берлинского общества собраний по средам». Четырьмя месяцами позже, в декабре 1784 года, там же впервые вышла статья Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»» [Волкова К.А. Моисей Мендельсон и его статьи о Просвещении // Кантовский сборник. 2011. № 3. С. 86].

Не все работы М. Мендельсона в настоящий момент переведены на русский язык и, соответственно, имеют достаточную философскую, этическую, юридическую рецепцию. Вместе с тем, как нам представляется, М. Мендельсон является автором достаточно оригинальной, но при этом и релевантной эпохе Просвещения концепции соотношения права и долга, изложенной им в основном своем труде: «Иерусалим». Эта книга не переводилась на русский язык, и далее в тексте мы будем обращаться к собственному переводу с издания Jonathan Bennett, 2017 г. В главе «Что есть право» (What rights are) Мендельсон указывает, что правом может быть названа моральная способность использовать что-либо в качестве средства для достижения счастья. Долгом же является моральная необходимость (обязанность) действовать определенным образом. Каждому праву соответствует долг. Однако, если бы система взаимоотношения права и долга выглядела бы только подобным образом, она была бы излишне жесткой и невозможной к исполнению. Очевидно, поэтому Мендельсон поясняет, что есть совершенные и несовершенные обязанности (относящиеся к долгу), а также и права. Совершенные права он называет исковыми правами (enforceable rights), подлежащими исполнению в той же мере что и соответствующие им обязанности. Неисполнение подлежащей исполнению обязанности является правонарушением с точки зрения права и несправедливостью с точки зрения морали. Несовершенные права Мендельсон именуется претензиями или петициями (claims (petitions)), несовершенные обязанности – обязанности совести (duties of conscience). Они необязательны к исполнению, в петиции может быть отказано. Не выполнивший указание совести человек в глазах общества не является преступником, всего лишь подлецом. Изложение краткого содержания главы «Что есть право» из произведения Мендельсона позволяет нам сделать еще один вывод относительно его творчества в сравнении с творчеством И. Канта. «Иерусалим» Мендельсона, где содержится идеи о совершенных правах, подлежащих обязательному исполнению, был опубликован в 1783 году, а учение Канта о категорическом императиве было сформулировано И. Кантом в работе в его труде «Основы метафизики нравственности», вышедшему в свет на два года позже.

Куваева Елена Евгеньевна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТЕРВЬЮЕР ДЬЯВОЛА ХУЖЕ АДВОКАТА ДЬЯВОЛА? О МОРАЛЬНОЙ СТОРОНЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БАНАЛЬНОСТИ ЗЛА

В современных медиа, кино и сериалах, литературе существует большое количество сюжетов, которые посвящены убийцам, серийным маньякам и прочим наруши-

телям закона. Известные интервьюеры посвящают ролики раскрытию личности преступников.

Так, в марте 2021 года телеведущая Ксения Собчак выпустила часовой фильм «Разговор на свободе», который на данный момент имеет 6,9 миллионов просмотров о «скопинском маньяке» Викторе Мохове, который почти 4 года держал в подвале дома и насиловал двух несовершеннолетних девушек. Собчак взяла у него интервью, где маньяк рассказал о том, что ему льстит внимание журналистов, а также заявил, что «надо заняться» одной из жертв, при этом никаких мук самокопания он не испытывает, а свой поступок оценивает словами «оступился немножко». Именно это интервью вызвало острую общественную дискуссию о том, стоит ли вообще журналистам брать интервью у таких людей и каким образом стоит это делать в случае положительного ответа на первый вопрос.

С одной стороны, это право журналистов – исследовать границы добра и зла, так как невозможно понять сущность и природу этого зла, при этом не заходя на его территорию. Данные ролики не являются пропагандой противоправного поведения, не призывают совершать преступления, а поэтому нет оснований вводить цензуру на такой контент. К тому же этих людей довольно-таки много, они находятся среди нас, в обществе, в чем и проявляется своеобразная банальность зла.

Но с другой стороны вокруг подобных персонажей может создаваться нездоровый ареол, романтизация как самой личности убийцы, так и преступлений, которые они совершают. Именно такое случилось после стрельбы в школе в Казани – появление множества фан-аккаунтов «казанского стрелка» в TikTok и Telegram, где проникшиеся его личностью люди не только выкладывали нарезки с приятной музыкой и сердечками, но и собирали средства на адвоката для преступника.

Оттенок загадочности и неизвестности только больше привлекает внимание к действиям и личности преступников. Также стоит отметить, что посредством медиа преступник получает площадку для трансляции своих мыслей и идей, как в случае со «скопинским маньяком», которые не соотносятся с общепринятыми идеалами морали и закона. Отчасти из-за своих негативных действий преступники получают привилегии в виде потенциальной возможности трансляции своих убеждений, по сравнению с обычными людьми, которые ведут законный образ жизни, согласованный с принятыми в обществе законами и моральными нормами.

В начале 2019 года Netflix выпустила сериал о известном маньяке — «Беседы с убийцей: записки Тэда Банди». Через несколько дней после выпуска фильма на платформу компания обратилась к зрителям в Twitter: «Много разговоров пошло о предполагаемой сексуальности Банди. Хотим мягко напомнить, что в мире есть тысячи горячих мужчин, почти все из которых — не осужденные серийные убийцы». Таким образом Netflix отреагировала на внезапно и необоснованно разросшийся фанклуб маньяка.

В целом, явление романтизации серийных маньяков и убийц не ново – существует множество известных истории Теда Банди, Джеффри Дамера, Александра Пичушкина, Ричарда Рамиреса и стрелков из школы «Колумбайн», у которых есть огромное количество поклонников и фан-групп, но именно сейчас в эпоху информационного общества сила медиа велика, механизмы популяризации и трансляции идеалов и установок преступников работают как никогда прежде, оказывая сильнейшее влияние на сознание людей и общество.

Куцев Александр Анатольевич

аспирант, Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена
**«ДРЕВНИЙ ГОРОД» ФЮСТЕЛЯ ДЕ КУЛАНЖА – ПАРАДИГМАЛЬНОЕ
СОЧИНЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МОРАЛИ, ПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ
ФИЛОСОФИИ**

1. Книга известного французского историка Фюстеля де Куланжа «Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима» написана непосредственно по трудам античных авторов и выявляет такие основания и факты жизни древнего общества, которые делают её обязательным сочинением для всех, кто хотя бы поверхностно готов познакомиться с историей античной эпохи.

2. Эти основания и факты жизни древнего общества, имеющие фундаментальное значение для изучения начал морали, развития политических институтов, гражданских и семейных отношений, истории права и истории философии, не говоря уже о культуре, базируются все на таком общем для них источнике, как религия. Собственно, религия и есть здесь этот главный факт, но воспринимать её в свете данной книги тогда придётся уже по-новому.

3. Но дело не в религии, а в том, что общественными науками до сих пор почти игнорируется один главный базис, без которого не может быть адекватного и честного исследования в указанных здесь выше областях знаний, к которым следует ещё добавить религиоведение.

4. Главный вывод, который можно сделать из этой книги, и адаптируя её данные на сегодняшний день, – это значение родовой религии, начала которой можно уверенно проследить в сознании и современных людей, причём, какой бы то ни было социальной, культурной и религиозной ориентации.

5. Почти не замеченный и самим Фюстелем де Куланжем экстракт этой всей древней религиозности, как и происходящих от неё законов, культуры и институтов, – это понятие причастности (причастности к), являющееся сквозным для серьёзного изучения самых острых проблем, как любого старого, так и современного общества.

Лашкова Полина Игоревна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет
**«ПРАЧЕЧНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ» ПИТИРИМА СОРОКИНА В
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ БИОТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

Важную роль в решении многих проблем современности, в особенности медицины, играют биотехнологии. Для достижения цели по совершенствованию человеческого организма требуется проведение различных генетических экспериментов. Однако прогнозировать последствия крайне сложно, потому что остаётся опасность возникновения всевозможных неконтролируемых мутаций и непоправимых изменений в геноме. Такие эксперименты порождают новые источники риска для сохранения человеческой идентичности. В связи с этим в научных и общественных дискурсах всё чаще на обсуждение выносятся вопросы: станут ли модификации в геноме человека спасением или послужат уничтожению человечества. Технологические амбиции способны усилить потребительское отношение к человеку. В ходе исследований человек становится средством для получения биологического материала, лишаясь в таком случае всей полноты своих социальных и индивидуальных качеств. Таким образом, трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования, так как технология, связанная с человеком не может быть нейтральной. Исследователю приходится решать ряд этических проблем и отвечать на некоторые нравственные вопросы.

Малыхина Юлия Юрьевна
обучающаяся магистратуры,

Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского

О БЛИЗОСТИ МЕЖДУ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКОЙ И УТОПИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ

Что такое утопия? Это идеальное изображение другого общества, существование и возможность которого нельзя доказать, но оно непременно должно быть. Идеалы, которые утописты рисуют, захватывают такое громадное число людей, что утопии получают реальное значение: они [утопии] выступают как ориентир для поступка. Человек, поступающий сообразно близкой ему утопии, поступает сообразно своему мировоззрению, а не случайным внешним факторам, а значит — последовательно выбирает и осуществляет себя, а не рассеивается за чередой противоречащих друг другу представлений, решений и действий. Утопии задаются одними из самых важных вопросов всякого мировоззрения: Что ждет человека дальше в жизни, каково его будущее, каков мир должен быть? Понимание смысла утопии наиболее адекватно осуществить в деонтологическом контексте.

Деонтология (от греч. δέον, родительный падеж δέοντος – долг, обязанность и λόγος – слово, учение) – это учение о должном. Как известно, понятие «деонтология» вошло в обиход благодаря работе Бенгама «Деонтология, или Наука о морали» (1834 г.), однако впоследствии он приобрел более узкое и специальное значение. В современной философии деонтология обычно трактуется как этика долга, отличная от коммуникативной этики и консеквенциализма. При вынесении оценки совершённом действию деонтология руководствуется его соответствием или несоответствием определённым правилам, в виде императивов, выражающих долженствование или запрет. Какое отношение к этому имеет утопия?

Автор утопии для нас – это создатель образа будущего, но создатель весьма специфичный. Он создает образ того, что «должно быть», по его мнению, но само долженствование не подвергает рефлексии, а заменяет его картиной будущего, не размышляет о нем, а представляет его. Однако его образы связаны с его отношением к миру. Для автора утопий социальная действительность, в которой он сам проживает – всегда не идеальна, не такая, какая «должна быть». Утопия, которую он создает, является рефлексивным продуктом работы разума, вырастающая из недовольства наличного бытия. Мир утопии построен на признании её эмпирического отсутствия, но самое главное, на утверждении ее необходимости как «лучшего будущего».

Хотя в утопическом тексте – это происходит подмена идеи должного на представления (образ) будущего, но сам автор стремится порвать связь с реальностью (сущим) и в этом мы видим близость между деонтологической этикой и утопическим дискурсом. Утопия создает нравственное напряжение между тем, что есть и тем, что автор желает в будущем (подмена идеи должного), тем самым давая «этическую матировку» для принципиально другого будущего. В текстах практической философии должное противостоит сущему, то в этом смысле в утопии тоже присутствует такая дихотомия, но с подменной идеи должного на образ.

Главная задача утописта – это показ читателю альтернативное, лучшее, желаемое будущее. В отличие от текстов практической философии, вместо языкового маркера «должного» используется образ будущего. Такая образность меняет характер практической философии, то есть тексты утопий лишены нормативности. Утопист – тот, кто говорит «нет» действительности, в которой он живет, и предлагает свою альтернативу, свое видение того, как должно быть. Именно напряжение между тем, что есть здесь и сейчас, и образом будущего наилучшим образом характеризует утопию.

РФФИ №20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

Неаполитанский Максимилиан Сергеевич

обучающийся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В РАБОТАХ Р.БРАЙДОТТИ

Рози Брайдотти является одним из главных теоретиков постгуманизма и постантропоцентризма, а также их этики, эпистемологии и онтологии в дискурсе актуальной философии. Её работа «Постчеловек» поднимает важнейшие вопросы современной этики, связанные с концом человеческой исключительности, включением во внимание философии нечеловеческих акторов и проблем технологизации и киборгизации общества. Рози Брайдотти уверена, что в контексте развития новейших технологий вопрос о структурном кризисе центрального положения человека в мире становится по-настоящему актуальным. Критика «имперских гуманизмов» и их этики исключительности, которая работает на принципах исключения других видов живых существ, предлагает инклюзивную этику постчеловеческого субъекта, занимающуюся осмыслением не только проблем человека и его положения в мире технологий или экологических катастроф.

Современные концептуальные течения в философии (транс- и постгуманизм, киберфеминизм, объектно-ориентированная философия и др.) являются триггером для постантропоцентрического взгляда на многие этические проблемы. Именно эту «волну» трансформаций подхватывает в своих исследованиях Рози Брайдотти, добавляя к ним концепты, связанные, например, с разделением философии витализма на сферы реализации – зое и bios. Брайдотти обращается к этике зое-центричного эгалитаризма, исследуя проблемы трансверсальности:

Трансверсальность актуализирует зое-центричный эгалитаризм как этику и как метод для объяснения форм альтернативной, постчеловеческой субъективности. Для этики, основанной на примате отношений во взаимозависимости, зое представляет ценность сама по себе.

Подобный процесс обращения животному и нечеловеческому также имеет свою проблематику, границы которой могут быть обозначены следующими пунктами: становление-животным и становление-землёй как один из путей к новой морали, усталость от устаревших траекторий колониализма и идеалов Просвещения, этические проблемы нового материализма, а также актуальность бессубъектной этики в контексте пересмотра современной аксиологии. Брайдотти на теоретическом уровне борется против элементов некрополитики и тоталитарных способов управления биовласти, действующих репрессивно не только по отношению к человеку, но и его «сородичам» и нечеловеческим компаньонам.

Брайдотти вводит классификацию постгуманизмов, которая помогает ей лучше выстроить необходимые координаты на карте современной философии. В частности, она выделяет критический постгуманизм, аналитический постгуманизм, а также антигуманизм. Каждый из этих концептов в той или иной степени коррелирует с этикой постчеловека, встроенного в многомерные отношения и коллективные способы жизненной организации.

Таким образом, параллельно описывая свою личную историко-философскую генеалогию, берущую начало от Спинозы и Делёза, Брайдотти расширяет поле действие постгуманистической этики, которая в её работах применяется к областям исследования этики животных, умных машин, экологической этики и шире – этики «неустойчивого мира».

Попов Данил Сергеевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

**«СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ НА ИСХОДЕ ДОЛГОГО И МРАЧНОГО ДНЯ
АНТИЧНОСТИ»: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.ШВЕЙЦЕРОМ
ПОЗДНЕСТОИЧЕСКОЙ ЭТИКИ**

Альберт Швейцер — выдающийся философ и теолог, музыкант и врач — был одним из величайших людей своего времени. Как мыслитель он известен созданием этики благоговения перед жизнью. Факт присутствия стоической составляющей в этических идеях А. Швейцера на концептуальном уровне не раз подчеркивался исследователями. Вместе с тем интерес представляет и само повествование о стоиках, разворачивающееся главным образом на страницах одной из его ключевых работ — «Культура и этика» (1923). Дело в том, что на рубеже XIX—XX вв. были распространены представления о философии эпохи эллинизма (в т. ч. и стоической) как об упадке классической культуры. Принято считать, что тенденция к «реабилитации» или «оправданию» Стои стала доминировать лишь во второй половине XX столетия. На этом фоне повествование о стоиках А. Швейцера, который считал их этические новации величайшим проявлением греческой мысли, явилось весьма оригинальным и даже существенно опередившим своё время. По его мысли, у Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия этика утрачивала эгоистический характер, отрекалась от духа Античности, превращалась в этику общечеловеческой любви. Как видится, его интерпретация строилась на жестком разграничении между Ранней и Поздней Стоей (в позднем творчестве его смягчит отсылка к Панетию как основателю гуманизма). Согласно А. Швейцеру, этический проект ранних стоиков не сумел обосновать оптимистическое мироутверждение, придя к пессимизму и пассивности. Совсем по-другому мыслитель характеризовал этические идеи стоиков римских. Именно в этом пункте новаторство его прочтения стоических идей наиболее отчетливо. Во-первых, несмотря на распространенное тогда мнение, что в римскую эпоху стоическая философия деградировала до морализаторства (на этом основании Г. Гегель склонен был отказывать римским стоикам в статусе философов), он полагал, что именно в Поздней Стое разворачивалась серьезная борьба за живую этику и оптимистически-этическую натурфилософию. Во-вторых, А. Швейцер утверждал, что поздним стоикам были присущи идеи активного преобразования мира, гуманизма и оптимизма, преданности человеку и обществу. Тем самым он, как представляется, вошел в резкое противоречие с часто характерным для культуры и мысли представлением о стоическом безразличии ко всему внешнему, покорности, равнодушии, бегстве в абстрактную свободу. Этому пункту мыслитель уделил особое внимание. Он даже писал о великих «императорах-стоиках», которые с помощью стоических идей пытались предотвратить распад античного мира. Согласно А. Швейцеру, на фоне этических идей поздних стоиков даже христианство было дуалистически-пессимистичным. Рассвет активной и мироутверждающей христианской этики, произошедший в Новое время, был связан в том числе и с возрождением интереса к стоическим идеям. Несмотря на то, что некоторые положения А. Швейцера, вероятно, могут быть поставлены под сомнения с точки зрения строгого историко-философского подхода, сам вектор направления его мысли в высшей степени примечателен. Он созвучен с интерпретациями не только представителей современного стоицизма, но и современных историков стоической философии, обращающих внимание на стоические концепции надлежащих действий, *oikeiosis* и т. д. В этой связи один из авторитетнейших стоиковедов наших дней А. Лонг указывал, что все стоические добродетели являются социальными: «в них нет ничего интровертного». Таким образом, можно заключить, что этический нарратив стоиков, который представлен в работах великого немецкого гуманиста, занимает особое место среди интерпретаций своего времени. Представляется, что его должно особо учитывать исследователю стоической традиции в философской мысли XX столетия.

Пряничников Никита Олегович
обучающийся магистратуры,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОЗНАНИЯ

На сегодняшний день право на свободу мысли и право на неприкосновенность частной жизни являются ключевыми в большинстве национальных конституций и международных правовых актов о правах человека. Печальный опыт первой половины 20 века, на которую пришёлся расцвет тоталитарных режимов, кажется, раз и навсегда дал человечеству понять, насколько важно охранять эти ценности от вмешательства извне, привёл к закреплению названных выше прав как незыблемых и общепризнанных (хотя бы формально). Однако уже в конце XX – начале XXI века для некоторых специалистов в области нейротики стало очевидным, что концепция свободы мысли, равно как и право на неприкосновенность частной жизни, нуждается в дополнении и расширении. Так появилась концепция когнитивной свободы, предложенная нейротиком Сентенцией Рай и юристом Ричардом Гленом Буаром в 1999 – 2004 годах, которая развивается многими другими исследователями сегодня. Стремительное развитие технологий исследования человеческого мозга, а также компьютерных технологий, начавшееся в этот период и продолжающееся до сих пор, поставило перед человечеством вопросы более тонкого характера. Насколько человек свободен в изменении собственного сознания, в том, чтобы испытывать различные состояния сознания? Должно ли общество ограничивать эту свободу, и если да, то каковы пределы такого ограничения? Нужны ли нам этические и юридические инструменты для защиты самого нашего сознания, пространства нашего субъективного опыта от прямых и косвенных вмешательств извне?

Представляется, что ответ на последний вопрос явно должен быть положительным, если принять во внимание возрастающие темпы внедрения нейротехнологий, позволяющих всё лучше контролировать сознание людей, и идущее с ними рука об руку стремление государств подвергать своих граждан такому контролю. Для построения адекватной этико – правовой концепции права человека на действительную свободу сознания, свободу субъективного опыта, необходимо как тщательный критический анализ существующих близких по смыслу норм в международном праве и судебной практике, так и философско – правовое осмысление возможных механизмов защиты сознания. Право на свободу мысли, по существу, никогда полностью не оправдывало своего названия – оно всегда сводилось лишь к защите внешних проявлений мышления. То же самое можно сказать и о праве на неприкосновенность частной жизни – оно всегда охватывало лишь внешнюю сторону частной жизни. Крайне любопытной правовой новеллой, которая из практики Европейского суда по правам человека недавно перешло в законодательство ЕС, стало так называемое право на ментальную целостность. Однако, как показывает подробное рассмотрение современного состояния проблемы, человечеству предстоит проделать долгий и тяжёлый путь, чтобы разработать действительно эффективные методы защиты сознания от постороннего вмешательства.

Сидорова Аполлинурия Александровна

обучающийся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИВРИТСКОГО АБСУРДА НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА О.К.БЛОМ «ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ ХОТЕЛОСЬ КОГО-НИБУДЬ УБИТЬ»

Ивритский абсурд – литературное направление, особенности которого мы разберем на примере рассказа израильской писательницы Орли-Кастель Блом «Женщина, которой хотелось кого-нибудь убить».

О.К. Блом часто насмехается над рациональностью бытия, совмещает абсурдное с абсолютно обыденным. Для неё абсурдна не действительность сама по себе, а попыт-

ка организовать её в упорядоченной системе, именно эту ошибку совершают те, кто стремится понять и объяснить абсурдный текст.

Сама Блюм упоминает, что могла бы вписать свои романы в традицию Кортасара и Борхеса. В её абсурдных текстах и правда, как будто есть что-то от латиноамериканского «чуда», в её прозе, как и в магическом реализме абсурд – часть художественного мира, невероятные события не способны никого удивить.

В рассказе “Женщина, которая хотела кого-нибудь убить”, конечно, тоже есть это магическое, воспринимающееся как норма: Женщина бросает пистолет в фонтан, а тот превращается в щегла или воробья и спокойно улетает, не привлекая внимания. Читателю происходящее кажется абсурдным из-за того гиперреалистичности описания деталей, которые должны казаться естественными, но таковыми совсем не являются. Такое описан, например, эпизод с рассуждением главной героине об убийстве собаки: она в весьма натуралистичных подробностях представляет проходящую сквозь жирный бок колли пулю, но такое описание только прикидывается реалистичным, на самом деле при первой возможности оно превращается в метафору, не имеющую ничего общего с идеей об убийстве собаки.

Все абсурдное происходит словно внутри самой героини: это она хочет полюбить закон, она хочет его обнять, она хочет его преступить, а реальность вокруг нее абсолютно нормальна, например, мужчина отказывается зайти с ней в подворотню, ведь мы знаем, что в таких случаях ничего хорошего не случается. Можно решить, что абсурдна именно Женщина, а не мир вокруг, но в момент, когда она избавляется от пистолета, гротеск выходит за пределы её воображения, пробивается во вне. И окончательно рациональность реальности высмеивается тем, что воплощению абсурдного плана главной героини препятствует совершенно будничное отсутствие денег на покупку пистолета. Бытовая реальность вступает в конфликт с абсурдностью художественного мира.

Автор играет с языком, выстраивает огромные ряды синонимов, обозначающие, казалось бы, одно и то же, использует необычные синтаксические конструкции, довольно неожиданные метафоры. Язык для Блюм – не просто инструмент для передачи смысла, он, как и у других авторов абсурдных текстов, играет чуть ли не более важную чем сюжет роль. Говоря, что она хочет взять закон в свои руки, женщина подразумевает и материальное овладение законом, и самосуд. Русский перевод этого выражения достаточно четко передает двусмысленность, присущую фразе на иврите. Язык становится частью этой абсурдной реальности. В тексте очень много сленга, который кажется неуместным, когда речь идет об убийстве, отношениях с законом, чем-то настолько «возвышенном». Такое использование разговорных слов выбивает читателя из зоны комфорта, создает внезапный контраст речевых регистров, усиливая гротеск.

В рассказе отсутствует категория морали, для Женщины убийство – вопрос не этический, как и закон – понятие не нравственной категории, поэтому герои не «аморальны», они как бы вне этой парадигмы. Закон выступает своего рода персонажем, похожим на покинутого младенца или охромевшего волчонка, а убийство в свою очередь не воспринимается героиней преступлением против нравственности, ей не хочется нести ответственность за чью-то смерть или причинять страдания, её единственная цель – сблизиться с Законом. Отрицание идеи морали характерно для творчества ивритоязычных авторов.

Скоропад Татьяна Анатольевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет
**ИДЕЯ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА**

«Энергия незонгистической любви потенциально представляет собой гигантскую созидательную восстанавливающую и терапевтическую силу. ... она сможет существенно помочь в освобождении человечества от его самых тяжелых недугов — войн, преступлений, безумия, нищеты и пороков».

Питирим Сорокин «Таинственная энергия любви»

Идея альтруистической любви как движущей силы общества стала главной в направлении творческой и научной мысли русско-американского социолога и философа П.А. Сорокина в течение двух последних десятилетий его жизни. Автор фундаментального труда «Социокультурная динамика» приходит к выводу, что «путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной» единственно верный для устранения социального зла и сохранения жизни общества в целом.

Амитология – «наука о любви» – специальный термин, который ввёл Сорокин для обозначения новой прикладной науки, предметом которой являлись альтруизм, дружба, взаимовыручка и любовь, как в групповых, так и в индивидуальных отношениях. Для Сорокина общество – результат объединенного действия миллионов индивидов, и если общество пожелает устранить социальное зло и достичь интегрального равновесия, то необходимо возвращать и воспитывать людей в этом направлении, стараясь делать их лучше. Концепция созидательного альтруизма получает у Сорокина философско-методологическое обоснование. Первые шаги в организационном и в научно-исследовательском плане были сделаны в 1949 году, когда под руководством П.А. Сорокина был официально открыт Гарвардский центр по изучению созидательного альтруизма.

Стоит заметить, что у Сорокина понятия «альтруизм» и «любовь» по смыслу схожи. Кроме того, словосочетание «созидательный альтруизм» стало тождественным в понимании деятельной любви Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, и в этом проявляется «русский дух» философа. Альтруизм как выражение добра неразрывно связан с другими базовыми экзистенциальными категориями: истиной и красотой, – и вместе они образуют триединство. «Благодать любви» – одна из трех высочайших энергий, известных человеку, она служит мобилизирующей силой исторического прогресса.

Любовь может остановить межличностную и межгрупповую агрессию, преобразовать враждебные отношения. Любовь порождает любовь, а ненависть порождает ненависть. Любовь может влиять на международную политику и умиротворять конфликты. Любовь – это дающая жизнь сила, необходимая для физического, ментального и морального здоровья человека. Любовь выполняет важные познавательные и эстетические функции. Любовь является самой возвышенной и самой эффективной воспитательной силой.

Сорокин также предлагает модель измерения альтруистической любви по пяти признакам: интенсивность, экстенсивность, продолжительность, чистота и адекватность. Интенсивность любви варьирует от нуля до бесконечности. Значения показателя ниже нуля, рассматриваются Сорокиным как ненависть. Нулевой отметкой обозначается нейтральное отношение (ни любви, ни ненависти), а всё, что выше нуля, относится к разным проявлениям любви. Экстенсивность варьируется от любви к самому себе (ноль) до любви к человечеству и ко всем живым существам. Продолжительность любви может составлять от кратчайшего мига до всей жизни индивида или группы. Причем продолжительность любви не обязательно зависит от ее интенсивности. Чистота любви колеблется от «любви ради любви» (самоцель) до «загрязненной любви» (средство для достижения цели). Под адекватностью понимается соответствие субъективной цели любви ее объективным последствиям. Адекватность находится в диапазоне от полного несоответствия до полного совпадения.

Мировое научное сообщество того времени проявило слабый интерес к преобразованию общества путем его альтруизации, и исследованиям не удалось сделать «заметного широкого движения по институционализации альтруизма в социальных науках». Тем не менее, в будущем амитология может превратиться в одну из фундаментальных наук, а энергия альтруистической любви станет основным предметом познания человеком самого себя и мира вокруг.

Черных Андрей Александрович

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ П.Л.ЛАВРОВА И Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Теория разумного эгоизма строится на философии Л. Фейербаха. П.Л. Лавров и Н.Г. Чернышевский считали себя последователями немецкого мыслителя. С этим связан акцент, который они делают на теме антропологии, когда рассматривают философские вопросы. Известно, что Л. Фейербах называл свою философию антропологией, а термин «материализм» соотносил с философией французских материалистов XVIII века. Позднее его взгляды стали называться антропологическим материализмом. Таким образом, материализм Л. Фейербаха исторически стоит выше, чем материализм его французских предшественников. И хотя П.Л. Лавров и Н.Г. Чернышевский признавали существенное влияние идей Л. Фейербаха на их идеи, всё-таки стоит заметить, что они пошли дальше своего «учителя». Л. Фейербах в своей антропологии понимал человека как человека вообще, как человеческий род. Рассматривая христианство, Л. Фейербах обожествлял человека и очеловечивал бога. Вероятно, это привело к некому обобщению в антропологических вопросах, так как тема бога и религии вынуждает обращаться к категориям всеобщего. Последователи немецкого мыслителя обратили своё внимание на более «приземлённые» темы. Например, П.Л. Лавров широко известен как социолог и позитивист, Н.Г. Чернышевский занимался разработкой вопросов материалистической эстетики, эмансипации женщин, крестьянской революции и так далее. Возникает двоякая ситуация. С одной стороны, П.Л. Лаврова и Н.Г. Чернышевского в научной литературе часто представляют в качестве мыслителей, которые писали в основном об обществе. С другой стороны, они являются последователями философа, главные труды которого посвящены собственно теме религии, а также теории и истории философии. Однако не обращается должного внимания на тот факт, что они – каждый в отдельности – занимались разработкой философской теории, в основе которой лежит антропология. Таким образом, их этика, теория разумного эгоизма, базируется на теории антропологической философии. Здесь возникает трудность. П.Л. Лавров в онтологии и гносеологии держится позитивистских позиций, а Н.Г. Чернышевский – материалистических. Иными словами, ядро их теорий совпадает в предмете, но не в методе. Антропологический материализм у Н.Г. Чернышевского и антропологический позитивизм у П.Л. Лаврова. Следовательно, разумный эгоизм П.Л. Лаврова и разумный эгоизм Н.Г. Чернышевского – не одно и то же. Например, для П.Л. Лаврова вопрос о свободе воли в онтологическом отношении не имеет значения, а волю как психический факт он признаёт. Н.Г. Чернышевский же держится того, что свободы воли нет, а то, что мы ей приписываем – это не более, чем отношения причин и следствий. Человек поступает так, как ему приятно, даже если ему приятно умереть ради своего достоинства. Для материалиста Н.Г. Чернышевского здесь всё ясно, а для П.Л. Лаврова, в силу его позитивизма, в этике останутся тёмные пятна, на которые он призывает не обращать внимания.

Шова Марина Сергеевна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ИДЕЯ МОРАЛЬНОГО ПРОГРЕССА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ

ТРУДАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Эпоха Просвещения была благодатной почвой для многих научных гипотез и теорий как в сфере естественных наук, так и в области гуманитарных дисциплин. Не исключением является и концепция нравственного прогресса, позже названная субпарадигмой того времени. Для разработки представленной проблемы нами были исследованы работы таких просветителей как Ж.А. Кондорсе, И. Кант, Дж. Вико, Ж.-Ж. Руссо.

Концепция прогресса как одного из важнейших законов науки о человечестве появилась и утвердилась только в 18 веке. Так как именно в это время все необходимые элементы сложились вместе – линейное понимание истории; восприятие всего человечества как целого; стремительный промышленный прогресс, позволивший увидеть ранее неразличимую разницу между предыдущей и нынешней историческими эпохами; осмысление сведений, полученных в результате великих географических открытий.

Критерий нравственного прогресса зависит от того мировоззрения, которое господствует в определенный период истории. Просвещение ориентировалось на способности разума и возводило его в ранг наивысшей и наиважнейшей ценности для человека. Как Кондорсе и Кант, так и Вико придерживались этой позиции. Когда в философии наступил кризис, данное убеждение начало стремительно терять своих сторонников. Одни потеряли веру в прогресс и перешли в лагерь бывших противников, другие начали искать иные критерии, например, счастье, благожелательное отношение между людьми и другие.

С самого начала мыслители, выступающие за моральный прогресс, понимали, что он не непрерывный, и довольно часто периоды расцвета сменяются этапами упадка, и наоборот. Об этом говорил и Кондорсе, когда описывал упадок Греции и Рима на фоне быстро распространяющегося христианства, которое и являлось причиной спада, а в книгопечатании он видел первый шаг к выходу из этих Темных Веков. Кант – когда писал о попытках построения всемирно-гражданского состояния, заключающихся в построении и уничтожении в результате войн разнообразных форм общественного устройства.

Отношения между нравственным прогрессом и религией неоднозначны. Кондорсе считает главенство религии в каком-либо социуме причиной морального упадка. В то время как Вико высказывает совсем противоположную точку зрения – религиозное мировоззрение помогает людям обуздывать свои страсти и поступать добродетельно.

Влияние технического прогресса на моральный противоречиво. Кондорсе утверждает, что развитие в технической сфере приводит к развитию в нравственной. Так как новые инструменты помогают глубже изучить поле той или иной науки, а прогрессивное движение в науках способствует подобному процессу и в морали, то можно заключить, что совершенствование техники положительно воздействует на нравственность. Кант же отмечал, что технический прогресс «помогает искать» всемирно-гражданское устройство общества, и тем самым приближает момент, когда моральное поведение, такое, каким его определяет немецкий мыслитель, будет присуще всем. В то же время, согласно Руссо, совершенствование умений, искусств и научных знаний приводит только к роскоши и извращению нравов. Вико, в свою очередь, пишет, что прогрессивное развитие хотя и способствует улучшению отношений между людьми, но, когда человек переходит границу, и основным критерием его действий становятся только его интересы, он ускоряет моральное падение общества.

Бум веры в необратимый и всеблагой прогресс, в том числе и нравственный, сошел на нет еще в конце 19 века, когда стали ощущаться его негативные последствия. Несмотря на это, идея морального прогресса продолжает присутствовать как явно, так и латентно, во многих научных дискуссиях, особенно сейчас, когда остро стоит вопрос о развитии робототехники и искусственного интеллекта.

секции молодых ученых
**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ВЫЗОВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ»**

Будаев Даниил Артемьевич

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

**ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ. ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Парадигма постмодерна по своей сути подразумевает тотальную деконструкцию всех форм человеческой культуры, вынося вопрос этичности и не этичности «за скобки». В этом отношении крайне интересно рассмотреть проблему функционирования конспирологии в новой реальности и ответить на вопрос: каковы взаимоотношения конспирологической практики и этики в современном мире?

Под конспирологической практикой в данном исследовании понимается совокупность конспирологической формы и конспирологического мышления.

Конспирологическая форма — это поиск скрытых шифров, «двойных» смыслов, намеренно оставленных кем-то или чем-то. Конспирологическое мышление — мышление, пытающееся приписать ответственность за данную цепочку событий одному лицу или некоторому кругу лиц.

Постмодернистская парадигма внесла в конспирологическую практику то новшество, что конспирологическая практика, как и всякая иная сфера жизнедеятельности человека, подверглась:

- 1) фрагментации, т.е. в единой «практике» произошел отрыв «формы» от «мышления»;
- 2) переосмыслению, вследствие чего абсолютная субъективность «модернистской» конспирологии (как и других явлений модернистской эпохи) была подвергнута критике.

В результате вышеназванных процессов «конспирологический элемент» невероятно размножился. Термин «элемент» выбран здесь не случайно, дабы избежать путаницы с использованным выше словосочетанием «конспирологическая практика», т. к. сама практика перестала соответствовать себе и стала автономным «элементом». Таким образом, сейчас «конспирологический элемент» — это одновременно и «классическая» теория заговора (т.е. самоидентификация субъекта как «знающего» о «заговоре», иногда приверженность какой-либо организации) и «голая форма» (остается только принцип криптографического поиска).

Данная работа ставит перед собой цель дать этический анализ ныне существующих и функционирующих «конспирологических элементов», предварительно их классифицировав.

Существующий конспирологический модус возможно распределить на четыре категории:

- 1) воспроизведение «формы» в отрыве от конспирологического мышления (ARG-игр);
- 2) воспроизведение «формы» в юмористических целях (пост- и метаиронии в сетевых сообществах);
- 3) сознательное воспроизведение конспирологической «формы» и «мышления», но исключительно в пародийном, комическом ключе («Движение утят»);
- 4) воспроизведение конспирологической «формы» и конспирологического мышления на началах модернистской парадигмы (Современные секты).

В первом случае вопрос об окончательной этичности или не этичности не ставится, т. к. речь идет о форме своеобразного развлечения, вполне уже освоенной PR-технологиями.

Во втором случае мы имеем дело со стихийной реакцией сетевого сообщества на сегодняшний «расцвет» теорий заговора. Дискуссия о данной «форме» проходит в рамках дискуссии об этике в пост- и метаиронии вообще. Третий случай — пример классической деконструкции. Члены конспирологического сообщества целенаправленно создают «организацию», по многочисленным признакам напоминающую конспирологическое, сектантское сообщество. Однако, создавая его, они в то же время заняты непрерывным самовысмеиванием. Таким образом, мы видим пример полноценного «конспирологического элемента», для которого непрерывная самодеконструкция является естественным состоянием. Принятие собственной «искренности» как неискренности в таком случае становится обязательным правилом функционирования членов сообщества.

Четвертая категория имеет для нас наиболее интересное значение: «конспирологический элемент» фактически реализован в «классическом» виде. Член «сообщества» воспринимает мир как «зашифрованный текст», от успеха декодирования или не декодирования которого зависит всеобщее или частное благополучие. При этом, член такого сообщества может как идентифицировать себя принадлежащим к какой-то организации, так и не идентифицировать. По-видимому, это связано с тем, что ощущение общности стало складываться иначе, чем во второй половине XIX века.

Таким образом, конспирологический материал в современном его виде открывает для этического анализа обширное поле деятельности.

Бытдаева Алина Хасанбиевна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПУБЛИЧНОСТИ И ПРИВАТНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Говоря о специфике публичности в интернете, следует отметить несколько важных проблем. В виртуальном мире, в отличие от реального, смещаются некоторые характеристики, свои актуальные публичности (единство времени и места, равенство участников, проблемы для каждого из них). Со стремительным развитием технологий и средств массовой информации эти условия меняются: сама концепция меняется, и, следовательно, меняется пространство, в котором возможны публичные коммуникации или интимные отношения, а также временные границы. Все это приводит к качественно иной специфике настоящей публичности.

Гарвардский профессор, социальный психолог, писательница и философ Шюшана Зубофф занимает важное место в исследованиях проблем, посвященных цифровой революции, эволюции капитализма и историческому проявлению психологической индивидуальности и условиям человеческого развития.

Необходимы важные особенности функции публичной сферы, такие как разбросанность аудитории и обилие некачественного контента-редактированных высказываний, которые были бы совершенно бессмысленными или даже невозможными в реальном диалоге.

Однако, несмотря на вышеупомянутую особенность, публичность в интернете имеет определенную гомогенность, что также сказывается на качестве коммуникации. Она формируется за счет алгоритмов, используемых различными сайтами, социальными сетями и платформами для того, чтобы заинтересовать пользователя, его контент, его точно заинтересует.

Причины трансформации публичной сферы в виртуальном пространстве во многом основаны на новых технических способах взаимодействия, а также проникновении в нее личной информации пользователей. Частная информация начинает играть значительную роль во всех взаимодействиях человека, порождая саму диалогическую

природу публичности и приватности. Более того, раскрытие к раскрытию нового Интернета, а с его появлением только усилилась.

Сейчас наблюдается интенсивный переход личной информации людей из приватной в публичной сферу, однако не все так однозначно. Все чаще страдают смешения публичного и приватного, которые, тем не менее, не приходят в равновесие. Каждый человек, пользующийся социальными сетями, не может быть полностью откровенным и таким, какой он на самом деле. Пользователь невольно скрывается под ником и строит свой образ в интернете. Винсент Миллер – американский профессор теологии и культуры утверждает, что если в начальном периоде появления интернета преобладали искусственно созданные образы, то сейчас наблюдается тенденция к деанонимизации. Это полностью снимает все маски, необходимые средства для функционирования в публичной сфере.

Неосознанно человек фильтрует личную информацию, размещенную в Интернете, и полностью не раскрывает себя. Такая ситуация дает возможность говорить о «симуляции интимности» в интернете с целью продвижения собственной идентичности.

Размыwanie границ между публичным и частным воздействием на самовосприятие и самообоснование человека и создается в создании новой идентичности. Виртуальное пространство по своей энергии заиклено на производстве «я», которое используется как товар.

Тенденция к деанонимизации с созданием социальных сетей человека возможности использовать маски, необходимые для существования и реализации своей личности в различных контекстах. Как пишет Жижек – словенский культуролог и социальный философ, с разрушением практики владения масок публичность практически исчезает.

Таким образом, необходимо постоянно сверять свои действия с построенным образом. Чувство тревоги из-за страха не образуйте потребность быть самим собой, максимально переводя частную жизнь в общественную сферу.

Сформировавшиеся традиции надзорного капиталистического общества и лично ориентированные структуры новых средств массовой информации приводят к необходимости использования данных для присутствия в публичной сфере. Завоевание авторитета происходит за счет саморекламы. Постмедийная среда показывает тем, что человек транслирует себя как медиа, товар.

Гарвардт Мария Андреевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ДОКТОР СТРЭНДЖЛАВ

ИЛИ КАК Я ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ И ПОЛЮБИЛ «ПОСЕЙДОН»

Наиболее сложную, на наш взгляд, проблему политической этики представляет сегодня идея создания так называемой «машины судного дня». Гипотетическое устройство, которое позиционируется как оружие возмездия, становится на грани морального осмысления. Если основным, пусть и в обыденном сознании парадоксальным, этическим смыслом войны является стремление к миру на новых условиях, тотальное уничтожение в ответ на тотальное уничтожение – принцип «машины судного дня» не подразумевает сохранение мира на каких-либо условиях.

Т.н. «Торпедой Судного дня» ряд исследователей называет российский проект беспилотного подводного аппарата «Посейдон». По своему назначению он мыслится как оружие ядерного сдерживания – роботизированная ядерная ракета с «нулевым временем полета», перехватить которую, по идее невозможно.

Дело не в том, что мы не можем судить о проекте «Посейдон» в контексте фактической критики боевого артефакта. Этическому анализу подлежит не артефакт, а идея его создания и применения. Если судить по имеющимся данным, идея «Посейдона» в минимизированной трактовке такова: уничтожение всего живого на значительной территории противника в ответ на ядерный удар.

Опуская вопросы неоднозначности политики ядерного сдерживания (например, возможности случайного пуска), мы вынуждены оценивать такое вооружение как реинкарнация института кровной мести в политическом масштабе. Здесь, как и в институте кровной мести, факт свершённого отмщения иррационален, ибо не восстанавливает разрушенного «status suo ante» и не имеет морального оправдания. Значение имеет только неотвратимость ответа за возможное посягательство.

Другой аспект: согласно имеющимся данным, применение «Посейдона» рассчитано на противника, имеющего ядерное оружие и средства его доставки, протяжённую океанскую береговую линию и потенциальное желание уничтожить владельца торпеды. Под первые два пункта попадают всего три страны: США, Китай и Индия. В случае применения против другого государства под «залип с того света» непременно попадают соседи по континенту, не имеющие прямого отношения к трагическому конфликту и даже союзники владельца машины. Под «сопутствующие жертвы» или, тем более, «дружественный огонь» такого масштаба жертвы уже не подпадают.

Если же оценивать проект «Посейдон» как фейк, то возникает следующая этическая дилемма. Ложь с точки зрения морали – аномалия. Ложь с точки зрения внешней политики – норма. Однако ответом на фейковый запрос в гонке вооружений может стать реальное создание оружия еще более мощного потенциала, что только увеличит количество ядерного оружия на планете, а вместе с ним риск его «неоправданного», «случайного» или «ошибочного» – фатального запуска.

При этом мыслится, что субъект, который обладает «машиной», воспользуется ею только в ситуации, где ему «больше нечего терять», то есть, в ситуации собственного уничтожения, в качестве «выстрела с того света», который физически уничтожит человечество – как минимум цивилизацию.

В контексте этического анализа идея «машины судного дня» представляет собой пример максималистической аксиологии: «мир имеет ценность, пока он ценит меня в мире». Нельзя назвать эту этическую парадигму уникальной, но, пожалуй, впервые максималистическая этика выходит на политический уровень. В силу суверенности носителя данной этической парадигмы «зеркальность» максималистической этики в данном случае сложно признать этически несостоятельной. Сомнительность этической состоятельности данного проекта состоит в том, что «оружие судного дня» должно будет сработать в случае гибели его обладателя по внутренним причинам, т.к. остановить его будет уже некому и мир, таким образом, несёт ответственность не за свою агрессию по отношению к суверенному субъекту, а за его внутреннюю суверенную несостоятельность.

Зиновьева Анна Павловна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ УТОПИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Проблема утопизма и утопических идей в русской культуре стала знаковым явлением в отечественной и зарубежной философии. Помимо философов, утопию осмысливали историки, социологи, этики, филологи. Утопию рассматривали в качестве литературного жанра, общественной идеи, как форму воздействия на массовое сознание, как проект будущего и несбыточную мечту. Все это подтверждает антиномии утопии, ее амбивалентность и неоднозначность. Стоит отметить, что специфика утопических идей усиливается во время переходных этапов, когда одна ценностно-ориентационная система меняется на другую. В этом случае утопия берет на себя функцию своеобразного стабилизатора, обещающего восстановление мира. В человеческой истории мы не сможем найти спокойного и счастливого времени, поэтому каждая из исторических эпох грезила об «утраченном мире радости», об «обществе благоденствия». Несбыточная вековая мечта о всеобщем счастье и мире нашла свое отражение в различных литературных, философских течениях; русская культура не стала таким исключением. Одной из специфических черт русской моральной утопии становится своеобразное замедление временных процессов, что обуславливается ее пространственной протя-

женностью. Как подчеркивает В.Шубарт, бесконечная даль времен и пространства, соединенные для русского понятия, от этого появляется еще одна характерная особенность – укорененность в вечном. В русском человеке живет уверенность бесконечности существования, протяженности бытия, о чем нам свидетельствует пример главного героя романа И.А. Гончарова «Обломов».

Помимо особенностей темпоральности, можно выделить ряд антиномий добра и зла, примеров справедливости и смысла бытия в русской культуре, в сюжетах отечественной литературы и кинематографа. В начале XX в. М. Горький в «Детях солнца» пытается отыскать предназначение русского человека сквозь моральную утопию добра и зла двух векторов русского общества: «домостройства» низов и «просвещенности» верхов. Также следует обратить внимание, что русские режиссеры довольно часто обращаются к образам и воплощениям моральной утопии. Эти образы закодированы в разных формах и видах. В данном случае обратимся к фильму А.С. Кончаловского «Сибиряда», в котором находятся образы, восходящие к идеям Т. Кампанеллы о Городе солнца.

Моральные утопии и утопические архетипы в культуре отражают схематически картину мира, мышление эпохи, следовательно, они не статичны, а находятся в постоянной динамике и изменении. Утопии трансформируются в контексте духа эпохи, одновременно, сохраняя культурные традиции. В этом проявлении находится еще одна антиномия утопии: уникальность и универсальность. С помощью идеи утопизма становится возможным рассмотреть дуальность мировоззрения и восприятия мира. В данном случае отражается идеал, к которому должен стремиться человек. Моральная утопия становится социокультурным феноменом, отражающим неоднозначность мира, его противоречивость и двойственность.

Казанцев Осип Андреевич

обучающийся магистратуры, Южный федеральный университет

ЭТИКА «ТЕМНОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА»:

БЕНАТАР, ГЕГЕЛЕВСКИЙ МЕТОД И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Новейшее время, характеризующееся различными терминами с приставками «пост-», в т. ч. понятием «постгуманизм». Под ним, помимо футуристических и научно-фантастических коннотаций из-за связи значений с «трансгуманизмом», подразумевается окончательное стирание той социальной, культурной и исторической конструкции человека как «недавнего изобретения» по Мишелю Фуко. Постгуманистическая мысль основана на открытиях наук о природе, описанных Жан-Мари Шеффером и доводящих деконструкцию наук о человеческом и о духе до радикального конца – растворению людского среди остального живого. Стирание некоего особого качественного отличия человека, которое Станислав Спивак обозначает как сущность постгуманизма: «...человек есть лишь часть Природы, и как любая другая часть Природы, он не может являться высшей ценностью».

Подобная элиминация человеческого в природном вместе с размыванием субъектности среди живого и даже неживого, если обращаться к объектно-ориентированным онтологиям и акторно-сетевым теориям, приводит к тяжелому для этического дискурса состоянию. Если до последних естественнонаучных революций целью этики как элемента философии была помощь человеку в достижении им блага, счастья, гармонии или любой иной ориентации на улучшение человеческого существования, то теперь сам субъект и конечная цель этического мышления и действия исчезает. Этика, другие сферы культуры, само человечество поставлены перед серьезнейшими угрозами глобального изменения климата и гибели природного мира. Но ликвидация человеческой качественной отличности, а, значит, и значения в Природе с большой буквы не представляется выходом из данного катастрофического тупика. В этой связи далее рассматривается философский проект южноафриканского философа Дэвида Бенатара как представителя данной постгуманистической тенденции и предлагается возможная методология для решения указанной проблемы.

Философию Бенатара можно охарактеризовать как «темный экзистенциализм». Ведь если Сартр и Камю, соглашаясь с трагическим фактом «заброшенности в бытие», понимали существование как ответственную задачу человека в виде достижения жизненной свободы, то Бенатар оборачивает стандартный экзистенциализм в противоположность. Ведь по мысли автора книги «Лучше никогда не быть» ответственность человека в прекращении своего существования. Но не при помощи коллективного или индивидуального суицида, а через спланированное вымирание – прекращение рождаемости. Аргументационный ряд в пользу антинатализма как единственно верной этической позиции Бенатар выдвигает при помощи специфического мысленного эксперимента, в котором нерожденный человек «счастливее» рожденного, т. к. не знал страданий, хоть и не познал радостей. Также он ничего не желал, значит, и не знал горя от неудовлетворенных желаний. Из этих и некоторых других аргументов делается вывод о том, что человеческое существование всегда содержит несчастье, а значит высшее счастье – никогда не существовать. Следовательно, этическая цель современного человечества – прекратить практику рождений.

Тем не менее подобная аргументация находится неудовлетворительной, если вспомнить метод Гегеля в его трактате «Кто мыслит абстрактно?». Понятия «страдание», «удовольствие» и «человек» оказываются абстрактными в дурном смысле. В разных исторических, социальных и культурных контекстах, не говоря об индивидуальных различиях, страдания и удовольствия, необходимость их удовлетворения для достижения счастья переплетаются столь сложно, что любое их неконкретное использование оказывается манипуляцией и идеологизацией. Вызывает вопрос якобы доказанность качественного равенства удовольствия и страдания для проведения между ними сравнения, не говоря уже об адекватности их количественного сопоставления. Вообще рассмотрение абстракции нерожденного человека ведет к перформативным противоречиям в связи с тем, что человек – всегда конкретная сущность.

Но метод «от абстрактного к конкретному» позволяет не только преодолеть этику несуществования Бенатара, но и найти выход из тупика экологического кризиса. Ведь если подключить литературное, точнее научно-фантастическое воображение (как это делают другие т. н. «темные философы» сегодня, только при использовании фантастики оптимистической), то человечество может не только разрушать жизнь на своей планете, но имеет потенциал для ее переноса в другие миры. Не уничтожение одной Земли, но умножение и творение многих. В конце концов, другой, классический, философ утверждал, что мышление – это атрибут мира. А не трагическая для себя самого и бытия случайность.

Ключко Ксения Игоревна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА СОТРУДНИЧЕСТВА КРУПНЫХ КОМПАНИЙ С СОЦИАЛЬНЫМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ – КЕЙС ИКЕА

В докладе анализируется специфика сотрудничества крупных компаний с социальными предпринимателями. Для анализа берётся пример коллекции отерстэлла от ИКЕА, выпущенной совместно с Центром «Антон тут рядом». Студентами Центра «Антон тут рядом» являются люди с расстройства аутистического спектра (РАС). Студенты Центра, вместе с мастерами швейной мастерской «Антон тут рядом», произвели ограниченный тираж чехлов для подушек, а также держателей для карт, по эскизам и из материалов ИКЕА. В данном кейсе определяется моральная проблематика маркетинга, основанная на сотрудничестве с социальными предпринимателями.

Цель кейса: рассмотреть подробно со всех сторон моральную проблему маркетинговой стратегии, основанной на выпуске эксклюзивной продукции с привлечением социального предпринимательства.

Задачи:

– описать ситуацию сотрудничества крупной компании с социальным предпринимателем;

- выявить моральную проблему такого сотрудничества;
- проанализировать моральную проблему с помощью различных теорий принятия решений в этике маркетинга (какие подходы можно использовать при решении?);
- на основе выводов составить вопросы для работы с кейсом.

Сотрудничество коммерческих организаций с социальными предпринимателями, с одной стороны – даёт уникальность продукту, наделяет товар этическими характеристиками (такими как: долг, справедливость, ответственность, добро), попутно решая социальные проблемы людей, находящихся вне трудового рынка; с другой стороны – моральная интуиция подсказывает нам, что за таким сотрудничеством скрывается подмена ценностей. Товар на полке превращается из коммерческого в социальный, где потребитель, покупая товар, платит не за физические свойства продукта, а, например, за чувство моральной удовлетворённости от личного вклада в социальную справедливость. Коммерческие организации повышают репутацию своего бренда, за счёт эксплуатации людей, находящихся вне трудового рынка.

В описанном случае, IKEA – коммерческая организация, главная деятельность которой, заключается в изготовлении продукции с целью извлечения прибыли. А теперь представим, что IKEA перестала быть коммерческой организацией и перенаправила свой род деятельности в социальное предпринимательство, теперь, во всех выставочных залах IKEA, представлены товары, произведённые исключительно для решения социальных проблем. В такой ситуации, выведенная выше моральная дилемма исчезает, т.к. при отсутствии коммерческого продукта, мы перестаём ощущать, что компания занимается решением социальных проблем, только для того, чтобы казаться ответственной организацией в глазах потребителя.

Кононов Дмитрий Русланович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина)

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ «СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА» В КИТАЕ

Социальный рейтинг – система контроля и оценки отдельных граждан или организаций по различным параметрам, значения которых получаются с помощью инструментов массового наблюдения и использующих технологию анализа больших данных ИТ и социальной сферы. Создатели системы социального рейтинга оправдывают ее полезность тем, что она позволяет сделать жизнь безопаснее, общество честнее и справедливее. Но оборотной стороной становятся ряд проблем этического характера, а именно, свобода, творчество, неприкосновенность личной жизни и многое другое. Включение ИТ сферы, для которой пока не определены максимы этики, еще больше актуализирует эти проблемы.

Систему социального рейтинга изобрели на Западе. Однако наиболее широкую популярность идея социального рейтинга получила в Китае. Именно в Китае с 1 января 2021 года, согласно документу 2014 года о социальном рейтинге, эта система заработала. Причем в Китае идея социального рейтинга имеет свою специфику.

У каждого гражданина есть стартовый рейтинг в сто единиц. Их сохранение, рост или падение зависит только от поведения гражданина, которое анализируется единым информационным центром по 160 тысячам различных параметров. Благоприятным является: помощь родителям, уплата налогов, поддержка государственного курса. А делинквентное, либо девиантное в этих областях понижает рейтинг

Предпосылки социального рейтинга в Китае возникли гораздо раньше и имеют этико-философский характер.

1) Конфуцианство – уважение предков, поощрение добродетели и социальной группы, в единстве «Дао» (путь жизни через мораль и нравственность).

2) Моизм (Мо-цзя) – забота и реализация действий во всеобщем благе.

3) Легизм (Фа-цзя) – равенство всех перед законом, где высшая цель – построение могущественного государства.

Так же, присутствует и влияние: «Автономной этики Канта» когда человек сам определяет, что ему хорошо, а что плохо, независимо от внешнего влияния.

Умение вынести урок из истории и интеграция культуры завоевателей в философско-идеологические системы легли в основу концепции культурного превосходства Китая. При этом Китай неоднократно подвергался реформированию, но сохранил «культурный код», даже при экспериментах социализма: построение «социализма с китайской спецификой», развитие и внедрение: «Теории трёх представительств» Цзян Цзэминя (культура; производство; высокий уровень жизни), китайский социализм нового времени Си Цзиньпина и концепции, поощряющие гедонизм и эвдемонизм.

Благодаря системе социального рейтинга КНР, удалось одной из первых, справиться с пандемией, и сохранить экономический рост на уровне 2,3%. Это было достигнуто путём раскрытия имен компании и лиц, которые нарушали ковидный режим. Им выписывали огромные штрафы и навязывали социальную ответственность неоправданного уровня.

Таким образом, философско-этическая доминанта КНР, носит характер «морального релятивизма», добро и зло размыто, и понятие максимы поведения зависит не только от создателей системы оценивания, политической и экономической элиты, но и от самих людей, носителей рейтинга. Максима: «Всё дозволено», обесценивает этико-моральный выбор общества в угоду разности благ акторов. Социальный рейтинг является инструментом тотального контроля, который наименее связан с благом общества, хотя и подразумевает под собой отличное решение. Несмотря на то, что в Китае есть все предпосылки для развития системы социального рейтинга, на сегодняшний день это скорее популистский эксперимент, который мало связан с этикой общества. Кроме того его реализация через IT сферу, совместно с влиянием компартии, не приведет к единому этико-моральному обществу, так как автономность акторов в выборе этической и моральной максимы остается вне ведения контролирующих компаний, реализующих социальный рейтинг.

Лолаева Диана Андреевна
обучающаяся бакалавриата
Швешна Надежда Ваимовна
обучающаяся бакалавриата

Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского

НАРРАТИВ ВОСПРИЯТИЯ ЗРИТЕЛЯМИ МУЗЕЙНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ПАМЯТНИКОВ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ У.ФИШЕРА «БОЛЬШАЯ ГЛИНА №4»: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Память, как аспект прошлого, становится актуальной в настоящем тогда, когда она репрезентируется в новом понимании в зависимости от контекста: социального, исторического, политического и др. в рамках, например, музейных пространств и памятников. Современные музейные практики направлены на построение диалога с посетителем, активную выработку лояльности. Одной из причин, влияющих на необходимость создания располагающей среды для посетителя, является необходимость музеев формировать свой финансовый фонд самостоятельно, что приводит к вынужденной ориентированности на количество посетителей.

Обращение к идеям элитарной культуры, привычной для прошедших десятилетий, утратило свою актуальность в связи с концепцией главенства массовой культуры. Такая идейная перемена привела к конкуренции музея с развлекательной сферой (кинотеатры, цирки, парки, ночные клубы и пр.), что влияет на уравнивание музейных пространств с иными формами досуга современного потребителя, не неся интеллектуальной ценности, заложенной ранее. Таким образом, можно заметить влияние на этическую составляющую музейного пространства.

Памятник, как и музей, локализуя в себе память, трансформируется в течение времени, отвечая общественному запросу. Современный взгляд на переосмысление музеефикации находит отражение в дискуссиях, посвященных непониманию зрителями авторской мысли, что можно заметить на примере скульптуры Урса Фишера «Большая глина № 4». Можно сказать, что зритель не всегда готов воспринимать художественный объект, который не соответствует образу академического искусства. Художник, придерживаясь идеи «провокации ради провокации», поднял общественный резонанс, мотивируя людей анализировать увиденное. Бурная общественная реакция на событие, которая выражается в массовом упоминании (СМИ, телевизионные передачи, социальные сети), создает диалог между зрителем и художником.

Сам процесс трансформации памятников порождает события памяти (снос, вандализм, переименование, установка), что влечет за собой продуктивное взаимодействие с публикой. Подобные результаты достигаются при проведении перформативных практик, актуальных для музейных и галерейных пространств. Концепции музеев и их экспозиций задают тему дискуссии о привычном восприятии музея в повседневности: определение меры перформанса, использование медиализации и дигитализации. Организация выставок, экспозиций, мероприятий с применением вышеперечисленных практик может повлиять на снижение лояльности посетителей, что приводит к необходимости подробного преподнесения информации. В этом заключается отличительная черта работы Урса Фишера, который преподнес скульптуру без сопровождающего источника, чем вызвал негативную реакцию, что и является нашей гипотезой.

Целью нашей работы является выявить отношение посетителя к современным художественным практикам с этической точки зрения на примере работы Урса Фишера «Большая глина №4».

Переславцева Елизавета Максимовна

аспирант, Воронежский государственный университет

МЕТАМОДЕРНИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Биополитика, концептуализированная Мишелем Фуко, предполагает управление телами в целях осуществления властных практик. Дисциплина тел, рассматриваемая в труде «Надзирать и наказывать», служит целям надзора и обеспечения порядка; аналогичным образом «История безумия в классическую эпоху» демонстрирует практики ограничения, изолирования, демаркации больных и безумных. Лекции «Рождение биополитики» предлагают уже более тонкие примеры управления – анализ психофизиологических факторов индивида, влияющих на его эффективность при производстве человеческого капитала. Биополитика экономизированна, и ее фокусировка на человеке способна предопределять решения некоторых современных нам этических проблем: так, в определении последствий локдауна для предприятий и физических лиц предпочтение отдается обеспечению здоровья населения. Однако метамодернистский подход к биополитике отличается сменой фокуса с тела на сознание, обращением к культурному капиталу человека. Как указывает Ханси Фрайнахт в «Обществе слышащем», основной задачей такого общества является обеспечение счастья и психологического комфорта для каждого члена. Это необходимо не столько для поддержания экономического производства – ведь некоторые пассионарии такого общества, как, например, категории «хипстеров» и «хиппи», выделяемые Фрайнахтом, не являются в прямом смысле производителями монетизированного капитала, они скорее производят духовную культуру, – сколько для обеспечения наибольшего совокупного счастья. «Метамодернистская политика стремится к тому, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности на глубоком психологическом уровне»; «мы отчаянно нуждаемся в более глубокой заботе о благосостоянии, находящейся за пределами материального благосостояния и медицинской безопасности – в обществе слышащем, где каждый человек видим и слышим (вместо того, чтобы сделать невидимым и быть помещённым под наблюдение)» (Freinacht 2017, p. 88).

Различно и отношение к праву в постмодернистском и метамодернистском подходе к биополитике. Хотя закон – основное операционное средство заведений дисциплинарной власти, таких, как тюрьмы, для Фуко она представляет собой контрправо: «дисциплины следует рассматривать, скорее, как род контрправа. Они исключают совершенно определённую роль – вводят непреодолимые асимметрии и исключают взаимности» (Фуко 2016, с. 271). Это противостояние права и закона ярко очерчивает сущность права как измерения свободы. Метамодернистское общество тоже строго упорядочено: «скандинавские страны представляют собой экстремально упорядоченные общества, даже сегодня, под прессом глобализации и иммиграции» (Freinacht 2017, р. 40), но, в то же время, концепция метамодернистской политики предполагает содействие раскрытию гражданина как личности, а следовательно, реализации его свободы (сравним с неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью, текстуально закреплёнными в Декларации независимости США). Здесь проявляется, в том числе, амбивалентность метамодернизма: психологическая зрелость, которой добивается от граждан метамодернистская политика, способствует не только соблюдению уже существующих норм, но и созданию собственных, например, в рамках медиативных процедур или транснационального частного партнёрства. Таким образом, хотя биополитика нового формата пытается «осчастливить насильно», она несёт в себе потенциал к выходу за пределы биополитических практик, который сам Фуко видел в либеральном мышлении. Метамодернистские «практики поддержки», такие как уроки медитации в школах или занятия с психологом в период взросления индивида, способствуют формированию либерального, критического мышления, которое позволяет вести конструктивный диалог с властью.

Литература:

1. Hanzi Freinacht (2017). The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics. Book One. Metamoderna ApS. P. 88.
2. Мишель Фуко (2016). Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс.

Перова Нина Вадимовна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ИЛЛЮЗИИ НРАВСТВЕННОГО БИОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Современные исследования в области биологического нравственного улучшения человека сосредоточены на двух основных технологиях: фармакологическом совершенствовании и генетических модификациях.

В рамках фармакологического улучшения происходит введение в организм нейротрансмиттеров или стимуляция их выработки, которые приведут к тому, что человек станет более нравственным. Самый простой пример – использование окситоцина. Согласно ряду исследований, окситоцин отвечает за «социальное счастье» -- его выработка приводит к установлению социальных связей и формированию на их основе счастья. Данный процесс является основной просоциального поведения, без него невозможны доверие, щедрость, взаимопомощь. В теории, искусственное увеличение уровня окситоцина в организме сможет стать основой более нравственного поведения, поскольку человек будет более расположен к взаимодействию, повысится уровень альтруизма и эмпатии.

Генетические модификации подразумевают возможность активации и деактивации определённых цепочек ДНК для контроля нравственности. Так, выделив ген агрессии, можно его деактивировать и тогда человек не сможет быть агрессивным. Ряд ведущих теоретиков биологического совершенствования указывают, например, на биологическую предрасположенность «безусловно аморального поведения» – расовой неприязни. В связи с этим, правильная манипуляция генома может привести к искоренению данного качества, а значит, впоследствии, к искоренению расовой дискриминации.

Критика обоих видов биологического совершенствования связана с обращением к биологическим рискам: зависимость от медикаментов, вероятностность результатов, не исследованность последствий и побочных эффектов генетических модификаций. Однако намного реже задаются вопросом о тех качествах и категориях, которые якобы создаются, регулируются и прививаются. Насколько тот человек, которого пытаются создать в результате биологического совершенствования, на самом деле является нравственным?

Существует множество теорий о счастье и его природе, таких как гедонизм, утилитаризм, эпикурейство. Однако то счастье, которое создается биологическим улучшением, не основывается ни на одной из множества этических теорий. Ученые исходят лишь из того, что увеличение уровня окситоцина запускает работу системы подкрепление Окситоцин, воздействуя на опиоидные рецепторы, заставляет человека чувствовать удовольствие, а также регистрировать окситоцин как его источник. При этом происходит блокировка системы удовольствия и активация системы желания. Вместо счастья человек испытывает эйфорию, а также обеспечивает себя невозможностью удовлетворения счастьем в моральном смысле этого слова. В результате человек не становится счастливым, а только испытывает ощущение счастья, впадая в иллюзию. А ведь счастье и ощущение счастья – не одно и то же, но это различие ученые пускают.

В примере с расовой неприязнью, которую якобы можно искоренить генетическими модификациями, раскрывается ещё одно ошибочное представление. Когда такие черты как агрессивность ещё могут определяться биологией, расовая неприязнь к ним не относится. Дискриминация по расовому, гендерному и любому другому признаку основана на социальных взглядах и представлениях. Они формируемые и воспитуемые, они не определяются биологией. К таким этическим категориям относится также, например, справедливость. Невозможно определить ген справедливости, ибо она не определяется биологией или наследственностью.

В целом представление о нравственном человеке в рамках биологического нравственного совершенствования кажется сомнительным и во многом иллюзорным. Оно основывается на утверждении биологии как единственного источника нравственности. Оно построена на иллюзии игнорировании реальных природы и оснований морали.

Петрова Анастасия Анатольевна
обучающаяся бакалавриата,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

БЕСПИЛОТНЫЙ ТРАНСПОРТ. ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Человечество всё больше погружается в цифровую эпоху. Начинают появляться всё новые и новые технологии, задачей которых становится улучшение и упрощение человеческой жизни. То же самое можно сказать и о беспилотном транспорте. Хотя данная новинка ещё не так распространена, как, например, робот-пылесос или беспилотная техника на крупных заводах, можно проследить тенденцию к появлению новых беспилотных транспортных средств (БТС). Сейчас даже идёт некая «борьба» между транспортом, изготовленным под лейблом Tesla Илона Маска, и транспортом российского производства.

Однако нельзя не отметить, что подобные технологии вызывают сильный общественный резонанс. И не только с практической, экономической или социальной, но и этической стороны. Возникает множество вопросов, касающихся целесообразности использования робомобилей, а также относительно тех моментов, когда случаются дорожно-транспортные происшествия (ДТП). В данной статье с этической точки зрения будут рассмотрены вопросы, касающиеся дорожно-транспортных происшествий с участием человека (ДТП-Ч) и беспилотных транспортных средств. А именно:

1. Кто и какую ответственность несет в случае ДТП-Ч? Будет ли вина лежать полностью на человеке или мы имеем полное право обвинить полностью автоматизированную машину с зачатками интеллекта?

2. Как следует оценивать ситуации, в которых ДТП-Ч случилось строго по причине нарушения человеком правил дорожного движения?

3. Возможна ли полная алгоритмизация системы принятия решений для управления транспортным средством? Меняется ли расстановка приоритетов в этой ситуации в зависимости от наличия родственной связи между владельцем беспилотного автомобиля и пассажиром или пешеходом?

4. Можно ли решить вышеуказанные проблемы с помощью обучения (стоит рассмотреть и обучение человека, и обучение машины)?

В современности рассмотрением подобных вопросов занимаются специализированные гуманитарные комиссии. Так как беспилотный транспорт начинает всё больше входить в обыденную человеческую жизнь, проблемы ДТП-Ч и робомобилей возникают всё более часто. Ещё на испытательном полигоне необходимо решить, как действовать в той или иной ситуации и, самое главное, как эти ситуации оценивать. Задачи, которые могут быть поставлены перед этическими комитетами для анализа данной ситуации, могут выглядеть следующим образом:

1. Выяснение факта, является ли беспилотное транспортное средство полностью автоматизированным и исправным, так как от этого, во многом, зависит количество ДТП на дороге. В практике подобного рода уже есть несколько прецедентов, когда БТС (беспилотное транспортное средство) оказывалось неисправным, в результате чего были человеческие жертвы.

2. Максимально полное, эффективное информирование граждан о предстоящих реформах в сфере общественного и личного транспорта. По мнению некоторых экспертов, своевременное информирование может заострить внимание обывателей на ситуации, благодаря чему, по логике вещей, количество ДТП с участием человека (ДТП-Ч) сократится.

3. Решение животрепещущих проблем, когда ДТП-Ч всё же случаются. Обвинить ли в таком случае БТС или человека?

4. Мониторинг проведения внедрения БТС.

Также задачей этического комитета является прогнозирование возможных исходов любого крупномасштабного действия. Человеческая жизнь – высшая ценность. Её необходимо охранять, сохранять и преумножать. Для того, чтобы не случалось ДТП-Ч, необходимо не только регулировать и отслеживать создание беспилотных транспортных средств, но и проводить перестройку и подготовку социума. Это должен быть долгий, упорный процесс, так как слишком резкое изменение обыденного и привычного положения дел может повлечь за собой множество жертв.

Как и многие современные проблемы, данный вопрос не может рассматриваться отдельно от множества смежных: ограниченность искусственного интеллекта, которую нельзя отрицать; постоянные попытки создать эквивалент человеческого мышления, которые приводят к превратному пониманию человеческого сознания; существование человеческого фактора, от которого нет возможности избавиться, – все эти проблемы должны быть рассмотрены для того, чтобы во всей полноте осветить тему внедрения беспилотных транспортных средств. Этическая справедливость, которую с необходимостью нужно учитывать в рамках рассмотренного вопроса, справедливость в отношении человека, породившего машину, способную приблизительно похоже думать, снова заставляет нас вернуться к одному из сложнейших вопросов в истории: «Почему человек стремится создать существо, подобное себе?».

Робин Иван Леонидович

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА РИСКА

За всю историю человечества, отношение к риску не особо-то и изменялось. Тысячелетиями люди шли на него, в надежде добиться того или иного результата – будь то богатство, спасение или что-то более простое, например, снять банан с дерева. С годами процесс эволюции вынуждал людей развиваться и вместе с ними “развивались” концепты, тесно связанные с человеческим восприятием окружающего мира и последствий, которые могут наступить после совершения определенных действий. Всё это привело к тому, что все аспекты человеческого бытия всё более тесно переплетались друг с другом, вынуждая нас принимать во внимание как можно больше аспектов при каждой новой интеракции с окружающим миром. Но взаимодействовать с этим миром можно различным образом.

И если речь идёт о риске, направленном исключительно на себя, себя собственное – то, конечно, речь об этичности заводить не стоит... Но, к сожалению, у подавляющего большинства каждого из нас есть те или иные обязательства и обещания перед окружающими, поэтому рисковать собой, своим здоровьем и благосостоянием далеко не всегда может быть пристойно с точки зрения этики. Возьмем, например, отца семейства, по совместительству лудомана и главного электрика города федерального значения. Предположим, вся его семья умрёт в катастрофическом инциденте, и в качестве coping mechanism он уйдет в бесконечный “заплыв” в казино. Не есть хорошо, но с точки зрения базового понимания человеческого восприятия – терпимый метод для того, чтобы пережить адский стресс. Но с точки зрения этики риска, таким решением он ставит под удар не только и не столько себя и свое благосостояние, он ставит под удар весь город федерального значения – несколько миллионов людей. Из них есть те, над которыми проводят операции на сердце, есть те, у кого кардиостимуляторы – вариантов множество, да и не будем просто забывать о возможных потерях бизнеса в том случае, если, например, в магазинах с мороженым разморозится всё мороженое. Поэтому, подводя итог всему вышесказанному – этику риска развивать следует всесторонне и постоянно, так как тематика со всех сторон невероятно интересная и релевантна каждому человеку, который находится в обществе.

Романов Иван Юрьевич

аспирант, Волгоградский государственный университет

НОВАЯ ЭТИКА КАК СИМУЛЯЦИЯ

В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА

В постиндустриальном обществе процесс трансформации гуманистических идей в мире шел параллельно уровню развития демократических институтов. Термин «новая этика» относится в первую очередь к российскому культурному кластеру. Новой, её можно назвать только в отрыве от процессов, происходивших в Западной Европе в 70-80-е годы XX века, связанных с революцией нравственных ценностей. В данный период складываются общественные нормы, основанные на переосмыслении места насилия и дискриминации отдельных социальных групп. Вопросы этических отношений внутри общества детерминированы историей становления понятия гуманизм. В современном постиндустриальном обществе XXI века «новая этика» является симуляцией гуманизма.

Современный тип гуманизма сложился в эпоху Возрождения с опорой на христианскую этику, на идею равенства всех людей перед Богом. Однако особенностью ренессансного гуманизма была трансформация теоцентризма в антропоцентризм, что отдаляет его от исходной модели.

С развитием гуманистической мысли, в эпоху Просвещения, в условиях становления индустриального общества, были созданы концепции всеобщего равенства, осно-

ванного на правовом регулировании. Понятие «гуманизм» приобретает светский характер, отмежевываясь от религиозной основы понятия равенства.

В настоящем докладе гуманизм в современном мире рассматривается как симулякр, — это вытекает из концепции Бодрийера о гиперреальности. Перейдя от теоцентризма к антропоцентризму, гуманизм утратил референцию в лице религии. Так, симуляция содержит в себе каузальные связи, гуманизм же, в данной системе, таковые утрачивает, порождая гиперреальность. В обществе возникает потребность в трансцендентном обосновании всеобщего государства.

В этом случае, проблемой является обоснование принципа всеобщего равенства, появившейся из-за отсутствия референта. Равноправие становится симулякром гуманизма, определяя референтом само общество. Новая этика, приобретая форму нравственного цензора, аксиоматически утверждая ценность равноправия как такового, возводит его в красный угол нравственных идеалов всякого человека. При этом оставаясь в постмодернистской парадигме всеобщего плюрализма, не допускающего утверждение моральных универсалий, превращает нравственный идеал в симулякр. Из этого следует, что в XXI веке складывается понятие «новой этики», для которой референтом является светский гуманизм эпохи просвещения, а сама «новая этика» организуется в форме симуляции, основанной на симулякре.

Таким образом, изначально организованная концепция гуманизма, основой которого является религиозная этика, утратив в процессе правового обоснования равноправия в эпоху становления индустриального общества своего референта, создала симулякр гуманизма.

Спирин Тихон Викторович

аспирант, Волгоградский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОГЛАСИЯ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В докладе будут рассмотрены этические препятствия к достижению согласия между индивидами в свете герменевтической проблематики и предложен путь преодоления несогласия.

Движение «Black Lives Matter», акции «SlutWalks» и «Free the nipples» вызывают неоднозначную реакцию в современном социуме. Любая акция против расизма и сексизма в обществе позиционируется как путь к благу в контексте дихотомии нормативно-оценочных категорий добра и зла.

Одна из реалий современного мира – свобода слова. Идея свободы слова распространяется на различные виды текстов, которые присутствуют в современном мире: кинофильмы, подкасты, музыка и т.д. Но свобода слова нарушается по этическим основаниям, например, исходя из идеи уважения к другому. Примером может служить запрет проката тех или иных кинофильмов в разных странах, который обосновывается с этической точки зрения.

На основе работ философов-герменевтов: Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра, автором настоящего доклада вводится следующий подход к согласию: это процесс, результатом которого является состояние, когда «Я» и «Другой» имеют идентичный взгляд на мир. Согласие – это соединение. Несогласие проявляется в двух формах: разъединение и отрицание.

Ранее основаниями для этики в масштабах страны и континентов служили политическая идеология и религия. Политические идеологии дискредитировали себя в XX веке, религия в некоторых странах воспринимается как оплот этики, но этика, основанная на религиозных основаниях, распространяется только на последователей конкретной взятой религии, с учетом секулярного мира, конкретная религия не является основанием этики для большинства. Опираясь на идеи Рудольфа Отто можно утверждать, что, во-первых, религия – не этический феномен, во-вторых, религиозная этика затрагивает только верующих и поэтому не может являться универсальным оплотом этики.

Б. Спиноза справедливо писал: «Мы стремимся к чему-либо, желаем чего-нибудь, чувствуем влечение и хотим не вследствие того, что считаем это добром, а наоборот, мы потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его... Мы ничего не желаем потому, что оно добро, но, наоборот, называем добром то, что желаем и, следовательно, то, к чему чувствуем отвращение, называем злом». В связи с потерей общих оснований появились конфликты ценностей, категории добра, зла, справедливости и т.д. приобрели множественность интерпретаций, согласие потеряно.

В докладе будет представлена стратегия достижения согласия с учетом преодоления этических расхождений, за счет переосмысления понятия эгоизма. Эгоизм рассматривается не как этическая категория, а как онтологическая, с учетом чего раскрывается механизм работы эгоизма и возможность его трансформации для коммуникации между индивидами.

Feigin Aleksandr

Research Intern / Master's student, International Center for Sociocultural Research,
National Research University Higher School of Economics

DIFFERENT MORALITIES AND CONFLICTS UNDER THE SCOPE OF MORALITY RESEARCH

Researchers working on morality have been studying conflicts for years. The main focus of the research has been on the issue of moral dilemmas, that is, on situations of decision making with different possible decisions reflecting different approaches (i.e. deontology, contractualism, utilitarianism) to and understandings of what is moral and what is not. This distinction is significant not only for prediction of how one tends to behave in a certain situation taking into account their personal dispositions but also for interpersonal perception. For example, Everett, Pizarro and Crockett (2016) showed that people can make inferences about trustworthiness of others based on decisions they make when face a moral dilemma.

However, not only moral dilemmas are of interest but other types of conflicts connected to morality as well. One prominent area of the research is devoted to conflicts between several domains of morality. Haidt and colleagues claimed that there are five domains of morality: Harm/Care, Fairness/Reciprocity, Loyalty/Ingroup, Authority, and Divinity (Haidt & Graham, 2007; Graham et al., 2011). For instance, Waytz and colleagues (2013) showed that Loyalty is in conflict with Fairness when one witnesses injustice and has to decide if s/he is going to blow the whistle or not.

Another one interesting observation regarding domains of morality is that people may use the rhetoric of one morality domain so as to maintain their position arguing on a certain topic while it actually is connected to the other domain. For instance, Koleva et al. (2012) found out that anti-abortion claims are actually connected to Divinity, even though people who speak against abortion usually use the rhetoric of Harm/Care.

Furthermore, different significance given to each domain of morality by different people can lead to interpersonal and even intergroup conflicts. To illustrate, it was shown by Haidt and Graham (2007) that liberals and conservatives attach different value to different domains of morality.

It is worth to pay special attention to Fairness. The research on distributive justice shows that a conflict between people may occur because of lack of consensus on how goods should be distributed: based on equity, equality, or need (Deutsch, 1975). Thus, while one person believes it is fair to distribute goods according to contributions, another person believes distributions should be executed according to needs, whereas the third person prefers equal distribution of goods. Procedural justice in its turn is directly about how fairly people are treated.

To sum, conflicts emerged due to different perceptions of what is moral and what is not from the perspectives of different people are not something unusual. Variations of these conflicts and their features are not exhaustively studied and warrant for further investigation.

References:

- Deutsch, M. (1975). Equity, Equality, and Need: What Determines Which Value Will Be Used as the Basis of Distributive Justice? *Journal of Social Issues*, 31(3), 137–149. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1975.tb01000.x>
- Everett, J. A. C., Pizarro, D. A., & Crockett, M. J. (2016). Inference of trustworthiness from intuitive moral judgments. *Journal of Experimental Psychology: General*, 145(6), 772–787. <https://doi.org/10.1037/xge0000165>
- Graham, J., Nosek, B. A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., & Ditto, P. H. (2011). Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(2), 366–385. <https://doi.org/10.1037/a0021847>
- Haidt, J., & Graham, J. (2007). When Morality Opposes Justice: Conservatives Have Moral Intuitions that Liberals may not Recognize. *Social Justice Research*, 20(1), 98–116. <https://doi.org/10.1007/s11211-007-0034-z>
- Koleva, S. P., Graham, J., Iyer, R., Ditto, P. H., & Haidt, J. (2012). Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 46(2), 184–194. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.01.006>
- Waytz, A., Dungan, J., & Young, L. (2013). The whistleblower's dilemma and the fairness–loyalty tradeoff. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(6), 1027–1033. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2013.07.002>

секции молодых ученых

«ОБЩЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬ И МОРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»*Авдеева Варвара Сергеевна***обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ОБЛАСТИ
ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Часть современных работ в области политических исследований настаивают на неактуальности этического дискурса в области политического. Это, например, может быть и направление эстетической политики, в лице Ф. Анкерсмита, рассуждающее о проблемном поле не в дискурсе власти, а с позиций демократического политического, отрицающего наличие универсальных этических ценностей.

К началу 60-х гг. XX века на авансцену философских дискуссий выходит проблема конца. Метафизическая область знания считалась исчерпавшей возможности развития, а ее фундаментальные установки подверглись пересмотру в отношении предиката легитимности. Классической политической философской традиции с ее, по замечанию Ф. Анкерсмита, «эссенциалистским редукционизмом», утверждающей примат совершенного государственного строя, в основании которого лежит этическая концепция, противопоставляется историческое в смысле случайного. Рассуждая о программах политической философии с этически обоснованной сущностью политического устройства, Ф. Анкерсмит выдвигает тезис, что такой подход – это подход не работы с политикой, а попытка ее устранения.

Подобные концепции делают акцент на постмодернистской критике метанарративов. Нормативные этические максимы вводятся на основании возможности достижения истины и утверждают возможность создания совершенного политического устройства. Этический принцип признается принципом эсхатологическим, а вот исторический принцип характеризуется наличным моментом и ориентированностью на политическую практику.

Точкой исключения этики из пространства политического становится пересмотр характера политической реальности: отрицается ее субстанциальность и провозглашается ее постоянная актуализация в наличном моменте. Здесь можно обратить вни-

мание и на современного французского философа А. Бадью, который говорит о фикции-вымысле политического, закрепляющем за связями, субъектами и политическим опытом устойчивые отношения: «Следует возвести в аксиому, что предоставляемая политикой мобильность зависит от того, что политика соприкасается с реальным в режиме разрыва, а не сбирания».

Однако подобный эстетический, постмодернистский подход в политической философии, дискредитирующий этику, не остается безальтернативной позицией. В 70-ых г. XX века американский философ Дж. Ролз пишет книгу-бестселлер «Теория справедливости». Справедливость, по мнению исследователя, лежит в основании любого общества. Принципы справедливости, определяющие работу социальных институтов – необходимая часть упорядоченного человеческого сообщества. Причем Дж. Ролз обращает наше внимание на то, что принцип справедливости, включенный в любую этическую теорию – лишь часть концепции социального идеала. Поэтому структура, в рамках которой работают принципы справедливости, может быть любой: либеральной или несвободной, эффективной или неэффективной.

Работа Дж. Ролза в отношении вопросов взаимодействия этического и политического не стоит особняком: так, например, А. Негри и М. Хардт в XXI в. написали и опубликовали работу «Империя». Во многом, наследуя взглядам ведущих представителей постмодернизма прошлого столетия, авторы книги, полемизируя с традицией критики метанарративов, говорят о том, что машина производства, служащая основанием социума, производит глобальные нарративы и этические концепты для утверждения собственной власти.

В основании такого политического образования как Империя, характеризующего современный капиталистический мир, лежит этический принцип. Сращение права и этики легитимирует действия субъектов власти через обращение к универсальным ценностям.

Таким образом, несмотря на общий курс постмодернистской критики этических оснований политического поля, мы видим, что этический дискурс не может беспеллационно удален из спектра социально-политических вопросов. Пересмотр области этического с учетом современной исследовательской конъюнктуры остается важным аспектом предложенной проблематики.

Арбузова Мария Георгиевна

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕДАГОГА К ДЕТЯМ С ПРОБЛЕМАМИ В РАЗВИТИИ: МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Существующая система моделей отношения общества к детям с проблемами в развитии, включает, в числе прочего, и отношение педагогов к таким детям.

· Первой моделью является отражение восприятия ребенка с проблемами в развитии как неполноценного существа, что, соответственно, формирует негуманное отношение. Ярче всего такое отношение проявляется в инклюзивном образовании, когда в обычные классы берут детей с проблемами в развитии. Педагоги, привыкшие работать с обычными детьми, не всегда способны переориентироваться и адекватно реагировать на таких детей. Это требует не только большей затраты эмоциональных сил, но и наличия определенных навыков. Поэтому, на наш взгляд, необходима индивидуальная работа психологов с педагогами, организация курсов повышения квалификации и т.п.

· Вторая модель – ограждение общества от «угрозы» и создание закрытых учреждений с неполным образовательным компонентом – является наиболее регрессивной.

· Третья модель – проявление излишней заботы и жалости, создание комфортной среды обитания, мир за пределами которой представляется враждебным и опасным для всех сторон. Чрезмерная помощь таким детям от педагога может повлиять на их развитие в будущем (либо дети будут думать, что их все считают немощными и тут с их стороны будет проявляться агрессия на любое предложение о помощи, либо ребе-

нок может привыкнуть, что его всегда жалеют, ему помогают и в будущем не сможет помогать себе сам). Педагогу необходимо видеть и соблюдать разумные границы в оказании помощи для обеспечения жизнеспособности, стрессоустойчивости, правильных психологических установок у детей с проблемами в развитии.

- Четвертая модель – восприятие детей с проблемами в развитии как обременения. Педагог будет прикладывать минимум усилий и результат будет соответствующим.

- Пятая модель – развивающая – самая гуманная и прогрессивная, основанная на осознании и принятии педагогом своей ответственности за максимально возможное развитие и воспитание таких детей, признании наличия у них способностей и возможностей к развитию и образованию.

Если рассматривать моральные качества, которые должны присутствовать у педагога, работающего с такими детьми, то следует отметить, что, прежде всего, необходимы:

- профессиональный долг;
- педагогическая (равно как и личностная) ответственность;
- справедливость, честь и достоинство (данные качества пригодятся, например, в процессе коммуникации с родителями, при решении конфликтных ситуаций);
- педагогический авторитет.

В современном обществе некоторые моральные ценности данной сферы в какой-то мере утратили свою значимость. Так педагогический авторитет сейчас, к сожалению, не имеет сильного влияния в вопросе обучения детей, что в немалой степени обусловлено проецированием отношения родителей к педагогам. Безусловно, это создаст проблемы в общении педагога с ребенком не только в силу очевидных факторов, но и с учетом того условия, что педагогу необходимо если не активное взаимодействие с ними, то как минимум знание и учет основных особенностей родительской позиции по отношению к конкретному ребенку с проблемами в развитии.

При дальнейшем исследовании проблемы интересным представляется изучение вопроса коммуникации педагога с такими детьми в контексте представленных моделей поведения.

Глобина Анна Константиновна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет
ЗАЩИТНИК: И СТРОЧКА В ТРУДОВОЙ, И КАТЕГОРИЯ ЛЮДЕЙ

Гуманность, гуманизм, гуманистические ценности — это и многое другое, полученное посредством применения словообразовательного языкового богатства, вот уже много лет остаётся на слуху, провозглашается с политических трибун и, в целом, возникнув в эпоху Ренессанса как философия помещения человека в центр мироздания, и в наши дни живет активной публичной жизнью.

При таких вводных данных изменения и трансформации не могли обойти стороной вопросы, связанные с так называемым в кириллической раскладке человеколюбием. Формат тезисов не позволяет раскрыть подробно критические аспекты гуманизма, потому остановимся подробнее на одной из вариаций умозрительной трансформации, предложенной в статье «Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма» Н. С. Розова, профессора института философии и права РАН. Гуманизм, зачастую понимаемый как идеология, провозглашающая человеческую жизнь высшей ценностью, предлагается переориентировать на защиту человека, а не на любовь к нему. Второе имеет место и по сей день, оставляя пространство для противоречий в мире, где альпинисты и трудовогики по умолчанию заслуживают если не уважения, то понимания и принятия их выбора. В том числе поэтому стоит, по мнению философа, признать приоритет общезначимых ценностей – предписаний к соблюдению объективных условий, обеспечивающих членам общества полноценную жизнь в согласии со своими интересами и потребностями.

Действительно, в динамично и разнонаправленно развивающемся мире навязывание чего бы то ни было в качестве высшей ценности звучит неправдоподобно, плодит

конфликты. Однако внимания заслуживает вопрос о судьбе профессиональных ценностей в сетке нового гуманизма.

Является ли гуманным человек, не избирающий целью своей профессиональной деятельности спасение человеческих жизней? Полицейский на страже государственного порядка более гуманен, чем журналист, имеющий возможность косвенно влиять на защиту тех или иных социальных групп?

В подобных умозрительных экспериментах можно зайти довольно далеко, а потому подниму финальный вопрос: имеет ли в таком случае смысл разделение ценностей на личные и профессиональные? Обратимся к двум случаям, связанным с известнейшими фотографами. Первым будет представлен Кевин Картер, получивший Пулитцеровскую премию за работу «Голод в Судане». Кадр со свернувшимся в истощении ребенком, смерти которого дожидается стервятник неподалеку – вершина профессионализма в композиционном и исполнительском плане, имеющая потенциал эмоционального воздействия (неоднократно использовалась гуманитарными компаниями). Само же поведение Картера как фотографа газета St. Petersburg Times (США, Флорида) охарактеризовала так: «Человек, который настраивает свой объектив лишь для того, чтобы сделать удачный снимок страдающего ребёнка, всё равно что хищник, всего лишь ещё один стервятник».

Второй случай известен не менее и связан с Ником Утом, автором фотографии «Напалм во Вьетнаме» (также премирована), на которой среди бегущих из горящей деревни детей можно увидеть маленькую девочку, чья кожа сожжена напалмом. Однако эта история закончилась иначе, фотограф и команда тележурналистов оказали необходимую помощь героине кадра, отвезя ее в госпиталь.

Значит ли это, что человек, «привыкший» спасать человеческие жизни, будет спасать и во внерабочее время? Я склонна скорее согласиться с этим тезисом. Эти истории приводятся не для осуждения или превознесения человеческих добродетелей, но за их счет становятся еще более очевидными этические противоречия в существующем разделении ценностей личных и профессиональных, что особенно заметно на фоне трансформации гуманистических идеалов.

Долоцкая Наталья Алексеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

РИГОРИЗМ И ПРОБАБИЛИЗМ

КАК ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Нельзя отрицать того, что проблема политического насилия, в том числе и вопрос определения и понимания данного феномена, является многоаспектным и дискуссионным. Одним из возможных способов рассмотрения данного вопроса может быть помещение его в дискурс риторики ригоризма и пробабилизма.

Под ригоризмом следует понимать строгое следование какому-либо принципу без возможности каких-либо исключений. Этот подход наиболее ярко был сформулирован в этике И.Канта, где долг выступает как единственный критерий нравственности.

Пробабилизм предстает как некоторая противоположность ригоризма и тесно связан со средневековой казустикой. Основной вектор пробабилизма – вероятностный характер знания, что в контексте этической теории принимает «сомневающуюся» и «вероятностную» позицию не только по отношению к принципам, но и по отношению к самим этическим понятиям, определение которых может варьироваться в зависимости от контекста.

В контексте рассмотрения подходов к пониманию насилия данные два направления регулирует возможность ситуативного подхода. Если в ригористической этике важность главенствующего принципа является определяющей, то в этике пробабилизма выполнимость нормы понимается несколько иначе.

Рассмотрим, это на примере «неприменения насилия» в качестве исходной нормы. Тогда для ригористического направления данная норма будет выполняться, только если неприменение насилия будет осуществляться во всех случаях, когда это возмож-

но, и не будет выполняться, даже когда неприменение насилия будет осуществляться лишь в некоторых случаях, когда это возможно (то есть даже при единственном случае применения насилия, которое является нарушением нормы “неприменения насилия”).

В контексте пробабиллизма же, для выполнения данной нормы будет достаточным неосуществления насилия в некоторых случаях, а невыполнением данной нормы будет неследование ей во всех возможных случаях.

То есть при главенствовании принципа ненасилия в рамках ригористической этики, данный феномен всегда маркируется как недопустимое “зло”. В контексте пробабиллизма феномен насилия рассматривается несколько более широко, так как допускает невозможность единственно верного и универсального для всех “этического кодекса” или руководствующего морального принципа.

Отличие пробабиллизма по отношению к некоторому абсолютизму ригористической этики можно назвать индивидуально-творческий характер, который предполагает скорее не утопический общественный консенсус по отношению к нормам и принципам, а самостоятельный характер принятия моральных решений и формирования этических оценок. В контексте проблемы насилия это позволяет не сводить весь пласт возможных уровней, видов, мотивов и сфер насилия к морально осуждаемому феномену.

Вопрос о ригоризме и пробабиллизме в контексте проблемы насилия тесно связан с этической казуистикой. Так, можно зачастую встретить мнение о том, что позиция пробабиллизма является методом этической казуистики, понимаемой в бытовом смысле, то есть некоторой изворотливостью в аргументах при попытке оправдать или легитимировать насилие. Однако, стоит заметить, что более корректным было бы понимать это скорее в контексте диалектической казуистики, как она понималась у средневековых схоластов, то есть определенный процесс, предполагающий разбиение проблемы на некоторые более мелкие части и рассмотрение случаев по отдельности в противоположность одному универсальному принципу.

Елфимов Кирилл Игоревич

аспирант, Воронежский государственный университет

ЭТИКА И ПРАВО: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ Р.АЛЕКСИ О ПРЕТЕНЗИИ НА ПРАВИЛЬНОСТЬ В ПРАВЕ

Представляется важным вопрос о соотношении права и морали, в котором является примечательным аргумент Р. Алексиса «о правильности в праве», согласно которому любой правовой системе присуще притязание на правильность. Невозможность появления в законодательстве нормы вроде «Х является несправедливой республикой». Р. Алексис указывает, что такие формулировки содержат в себе перформативное противоречие. Соглашаясь с позицией Е. В. Булыгина о том, что рассматриваемое противоречие не носит логического характера, попытаемся показать, что претензия на правильность указывает на необходимость наличия в праве морали, а именно того минимума последней, которое делает правление легитимным.

В своих рассуждениях Р. Алексис приводит в пример три порядка, два из которых не являются правовыми по определению. Первый порядок, бессмысленный, характеризуется полным отсутствием правил. Бессмысленный порядок переходит в хищнический, когда вводятся правила, подразумевающие запрет на произвольное насилие одних участников управляющей банды к другим, иерархия власти между ними, а также более-менее рациональные правила эксплуатации подвластного населения. Эти системы являются, по Р. Алексиса, неправовыми по терминологическим причинам.

Хищнический порядок превращается в форму крайне несправедливого, но всё-таки уже правового порядка господ, когда акты эксплуатации практикуются в соответствии с установленными правилами. По отношению к каждому утверждается, что эта практика правильная, так как она служит высшей цели.

Относительно аргумента правильности заметим следующее. Людям вообще свойственно полагать свои действия в момент их совершения правильными, в том числе и в случаях, когда это противоречит общественной морали. Мы полагаем, что в случае порядка, который Р. Алекси называет хищническим, действия управляющих обществом бандитов претендуют на правильность, причём в рамках морали, общей для всех бандитов.

В претензии на правильность, на наш взгляд, можно выделить два аспекта – индивидуальный и общественный. Индивидуальный выражает собственную оценку лицом своих действий, как правильных. Общественный аспект касается вопроса, выражает ли лицо претензию на то, чтобы его действия считались правильными и с точки зрения общества. Преступник полагает свои действия индивидуально правильными, но не претендует на то, чтобы его действия были оценены как правильные кем-то ещё помимо преступного сообщества.

Претензия на правильность при порядке господ претендует на то, чтобы считаться таковой не только с точки зрения самих господ, но и с точки зрения подвластных. При хищническом же порядке не существует единого общества, фактически есть два различных общества, находящиеся в противоборстве друг с другом, с различными этическими системами – бандитов и их жертв. Действия бандитов не претендуют на то, чтобы считаться правильными с точки зрения их жертв. При порядке господ принимаются пропагандистские усилия, чтобы легитимировать власть последних, то есть, чтобы подвластные также считали действия господ правильными. Эффективно действующий порядок господ характеризуется тем, что значительная часть подвластных принимает претензию на правильность в решениях господ, и своими действиями поддерживает существующий порядок.

Когда управляющие нарушают представления о морали у управляемых сверх некоего критического порога, то они рискуют либо лишиться власти, либо перейти к ситуации, когда их власть поддерживаются исключительно чистым насилием. Полная потеря легитимности означает потерю власти.

Таким образом, мораль и право достигают точки пересечения в легитимности, как сущностной характеристике права. Право непременно выражает претензию на правильность в масштабах всего общества и должно соответствовать моральным критериям правильности в глазах своих адресатов, иначе оно утрачивает социальную действенность и перестаёт функционировать.

Зайцева Анастасия Сергеевна
обучающаяся специалитета,

Новосибирский государственный медицинский университет

ЭТИКА В РАБОТЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА

На фоне кардинальных преобразований в системе высшего образования актуальным становится вопрос об этических особенностях взаимоотношений преподавателя и студентов.

Общение между преподавателем и студентами в рамках образовательного процесса является одной из форм образовательного процесса в целом. Знание правил эффективного общения и наличие коммуникативных навыков особенно важно для преподавателя высшей школы, профессиональная задача которого может быть решена только при условии эффективного «включения» студентов учебный процесс (В.Н. Анискин). Межличностное взаимодействие между преподавателем и студентом (преподавателями и студентами) влияет на образовательный процесс делая его более или менее эффективным (В. В. Пугачев). И если раньше студент традиционно рассматривался как объект воздействия, «объект обучения», то на современном этапе развития высшего образования акцент делается на субъект-субъектном взаимоотношении между преподавателем и студентом, сотрудничество, диалог. Это предполагает вовлеченность студента в образовательный процесс, активность и сравнительную независимость в выборе методов, форм обучения, критериев оценки и т. д.

В рамках субъект-субъектного подхода важными являются как профессиональные качества преподавателя (знание материала, владение методиками преподавания и другое), так и этические нормы, а точнее их соблюдение в процессе взаимодействия со студентами. Традиционно к ни относится: обращение к студентам на вы, так же запоминание имен студентов, индивидуальный подход в процессе обучения, замечать и уважать индивидуальные особенности студентов.

Как показало мое исследование, важным для студентов в преподавателе является как личный качества харизма, отзывчивость, так и профессиональные: интересная подача материала, разносторонность преподавателя и креативность в работе.

Обязательным условием выстраивания субъект-субъектных отношений между преподавателем и студентом является доверие. Оно способствует достижению успехов в процессе обучения, повышает самооценку студентов, является основой индивидуально-творческого развития (Н. А. Зимина). На старших курсах доверии прослеживается более четко, так как через короткий период становиться коллегами и это положительно влияет на процесс обучение.

Вывод: в результате проведенных мной исследований, можно сделать вывод, что в рамках субъект-субъектных отношений между преподавателем и студентом важно соблюдение этических норм, которые формируются в результате опроса обеих сторон.

Литература:

1. Анишкин В.Н. и Бусыгина А.Л. Развитие коммуникативного интегративного компонента профессиональной компетентности преподавателя вуза в условиях холистичной информационно-образовательной среды // Балтийский гуманитарный журнал. -2017. Т.6№4(21). – С.269

2. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8-14.

3. Зимина Н.А. Доверие между преподавателем и студентами как необходимый компонент учебно-воспитательного процесса в вузе // Концепт. -2015. – № 07 (июль). – ART 15238. – 0,7 п. л. – URL: <http://e-kon-cept.ru/2015/15238.htm>. – ISSN 2304-120X.

4. Пугачев В.В. Развитие у студентов вуза умений взаимодействия с преподавателем // Международная научно-практическая конференция «Современное профессиональное образование: теоретические основы и прикладные аспекты». – [Электронный ресурс] // Режим доступа: econf.rae.ru.

5. Спирина В.И. Доверительное общение преподавателей и студентов как фактор взаимодействия в образовательном процессе педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. №8.-С.24

Захарова Анастасия Антоновна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ МЕДИАТОРОВ

Многие профессии по всему миру имеют этические кодексы. К ним можно отнести этические кодексы психолога, педагога, врача, журналиста и так далее. Без их существования и, что более важно, без следования этим кодексам сложно представить развитие и процветание специальностей – ведь они способствуют качественному предоставлению услуг, и формируют у клиентов положительное отношение к профессии. Именно поэтому во время обучения студенты, помимо специализированных знаний и навыков, должны изучать и этическую сторону профессии, познавать её с самого начала.

Для профессии медиатора с этической точки зрения важно усвоение четырёх её принципов. Это принципы добровольности, конфиденциальности, равноправия и нейтральности. Соблюдение этих принципов вопрос и эффективности технологии медиации, и её морального качества. Принцип добровольности подразумевает участие в переговорах и клиентов, и медиатора по собственной воле, без какого бы то ни было

принуждения. Кроме того, он предоставляет право выхода из процедуры медиации в любой момент, возможность высказывать своё мнение и принимать решения. Ценность исполнения данного принципа состоит в том, что только при наличии заинтересованности и искреннего желания участников конфликта разрешить его, поставленные цели могут преобразоваться в устойчивые договорённости.

Принцип конфиденциальности также относится и к сторонам конфликта, и к посреднику. Медиатор не вправе разглашать информацию, полученную в ходе медиации, третьим лицам без согласия сторон. Более того, медиатор не передаёт информацию от одной стороны, полученную в ходе индивидуальных бесед, второму участнику медиации без согласия первой стороны. Сохранение конфиденциальности важно потому, что оно даёт конфликтующим ощущение безопасности и предоставляет возможность говорить свободно о ситуации, своих целях, чувствах и видимых вариантах разрешения конфликта.

Принцип равноправия сторон относится к клиентам и подразумевает, что они имеют равные права участия в процессе переговоров вне зависимости от уровня дохода, социального статуса, гендера, возраста и так далее. Медиатор является гарантом обеспечения совместного и равного высказывания мнений, предложений со стороны клиентов, а также возможности принятия решений. Данный принцип важен, поскольку ощущение баланса сил в переговорах позволяет сторонам чувствовать свою значимость и вовлечённость в работу.

Нейтральность медиатора подразумевает, что он не является другом, родственником или представителем сторон конфликта. Он не уходит в расследование того, кто прав, а кто виноват, не даёт советов, не осуждает и не оценивает произошедшую ситуацию или поведение клиентов. Медиатор помогает сторонам настроить диалог и услышать друг друга – ведь именно это необходимо для совместного урегулирования конфликта.

Вышеописанные принципы являются основой эффективности медиации, формирования доверительного и экологичного взаимодействия, поддержания процедуры на высоком этическом уровне. Таким образом, можно сказать, что обучение (а в дальнейшем и следование) данным принципам – это основа этического образования медиаторов.

Крутько Дарья Юрьевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЛИГИОЗНАЯ СИМВОЛИКА В КИНЕМАТОГРАФЕ: ЧТО МОЖНО И ЧТО НЕЛЬЗЯ ДЕМОНСТРИРОВАТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ КОНФЕССИЙ

Религиозные представления о добре и зле присутствуют в общекультурной этической модели человечества. Также продолжительное время религиозная и светская этика совпадали. Но религиозная мораль отличается от «светской». Например, одним из различий является способ формулирования нравственных предписаний и их толкования.

В свою очередь долгое время следование религиозной этике определялось традицией, что не является в настоящий момент основой общественного порядка.

Современная культура «постмодерна» носит «мозаичный» характер. Можно отметить «аксиологическую толерантность», т.е. нет какой-либо доминирующей системы ценностей.

Религия же представляет более конкретные решения этических вопросов с опорой на «священные тексты», обращение к которым порождает противоречивые трактовки.

Эти различия могут приводить к некоторым спорным моментам, а зачастую даже к конфликтам, истоки которых не осознаются участниками противоборствующих сторон.

Например, воплощение религиозных мотивов в кинематографе может вызвать дискуссии среди представителей разных конфессий и художественными институциями.

Представители духовенства считают, что благодаря телевизионному экрану большинство людей узнает о морали и вере. То, как показаны на экране «святые образы» отличается от того, как они описаны в «священных книгах». А библейские истории становятся основой для сценария массового кино.

Представители православия считают, что телевидение и кино формулируют неверные установки в общественном сознании и не способствуют духовному воспитанию...

На сегодняшний день в российском медиапространстве художественное видение культа ярко противопоставляется религиозному, что очень отличает православную культуру от других стран. В европейской традиции религиозные сюжеты не являются «символической собственностью» церкви.

Также, как и в христианстве, в исламе есть большой ряд разногласий по поводу возможности изображений религиозной тематики на экране. И в целом, кинематограф был недавно разрешен лишь в ряде исламских стран. А многонациональная Индия при существовании кастовой системы выпускает провокационные фильмы, из-за которых «громят» кинотеатры.

Может ли религиозная этика быть «догматом», который формирует определенную повестку от, как можно и нужно говорить о «священном», или же искусство имеет право показывать религию так, как это видится самому художнику, сквозь призму его личного опыта и установок? Или все же есть некое табу на то, что допустимо и нельзя показывать на экране?

Островская Иванны Юрьевна
обучающаяся специалитета, Новосибирский государственный
медицинский университет Минздрава России

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Социальные сети играют важную роль в функционировании практически всех сфер жизнедеятельности современного общества: образование, бизнес, политика, здравоохранение. Профессиональные сообщества используют социальные сети для обсуждения проблем, выстраивания горизонтальных и вертикальных связей, продвижения товаров и услуг. В последние десятилетия активизировалась деятельность профессионального сообщества психологов. Социальные сети используются ими, помимо вышеперечисленных целей, для создания и поддержания имиджа, повышения узнаваемости, доступности услуг и дальнейшего их масштабирования с целью увеличения дохода, а также для поиска клиентов.

Психологи все более активно используют социальные сети, взаимодействуя с реальными и потенциальными клиентами. Однако в процессе этого взаимодействия неизбежно возникают этические проблемы, с которыми специалисты не сталкивались вне социальных сетей, общаясь с клиентами непосредственно (face-to-face). Необходимость обсуждения и минимизации возникающих проблем усиливается с учетом того, что спрос на психологические услуги растёт именно в формате социальных сетей.

Наиболее актуальными, «первоочередными» этическими проблемами виртуального общения психолога и клиента являются: проблема конфиденциальности, проблема сохранения доверия, проблема баланса между личным и профессиональным в деятельности психолога онлайн. Условно все проблемы, на мой взгляд, можно разделить на следующие группы: проблемы приватности данных; проблемы отношений с клиентом; проблемы, связанные с формированием образа психолога и профессии.

Проблема конфиденциальности возникает как противоречие между необходимостью сохранять тайными личные сведения о себе и публичным доступом к ним в сети, причем нарушения возможны как со стороны специалиста, так и со стороны клиента. Раскрытие личной информации психологом как онлайн, так и офлайн во многих случаях является нарушением профессиональных этических норм, договора о взаимодействии с клиентом. Такая информация может обнаружиться случайно, но нередко наблюдается целенаправленный поиск информации о психологе со стороны клиента. И в первом, и во втором случае неизбежным является искажение терапевтических отношений и этических норм. Раскрытие личной информации может быть осуществлено не только психологом, но и самим клиентом. Клиенты делятся сведениями о себе на страницах в социальных сетях, и у специалиста есть возможность, — а зачастую и соблазн, — найти эти сведения через поисковые системы. Принято считать, что сам акт поиска является нарушением права клиента на конфиденциальность, однако многие психологи всё же прибегают к этому, во многих случаях из простого любопытства. Помимо явных этических нарушений присутствуют риски для терапевтического альянса, а также, в некоторых случаях, и юридические риски.

Проблема нарушения конфиденциальности взаимосвязана с проблемой доверия, которое является обязательным условием взаимодействия между психологом и клиентом. Как изменятся отношения с клиентом, если он узнает, что психолог искал о нём дополнительную информацию без его разрешения? Повлияют ли факты того, что психолог узнал противоречащую информацию о клиенте на его странице, на отношения с ним? В ряде публикаций исследуется этичность добавления клиента в друзья, и среди исследователей и практиков нет однозначного мнения. Весомыми аргументами «против» являются: нарушение конфиденциальности, поскольку во многих социальных сетях после добавления в друзья становится доступно больше личной информации о человеке; возможность установления двойных отношений — профессиональных и личных — между психологом и клиентом. С другой стороны, есть опасения, что отклонение запроса на дружбу может обидеть клиента и подорвать доверие. Наконец, некоторые специалисты не видят в добавлении в друзья ничего предосудительного.

Следующей этической (а также частично и юридической) проблемой является допустимость информации о политических, религиозных взглядах психолога, подробных сведений о личной жизни (состояние здоровья, конфликты в семье) и т.д. С одной стороны, происходит ограничение личных прав психолога, а с другой следует учитывать потенциальную «опасность» данной информации как для клиента, так и для самого специалиста, его имиджа.

Помимо вышеуказанных проблем также существуют и другие вопросы, нуждающиеся в более подробной проработке, как, например, ответственность психолога за сохранение и развитие позитивного имиджа профессии и доверия населения к ней, реклама своих услуг, публикация отзывов, онлайн-консультирование и многое другое.

Как показало проведенное исследование, этические аспекты профессиональной деятельности психолога в социальных сетях являются практически неизученными, и специалисты вынуждены решать их самостоятельно, не обладая необходимыми знаниями и навыками. Выходом является разработка рекомендаций (кодекса) деятельности психолога в социальных сетях, их активное обсуждение психологами, философами, юристами.

Писаренко Юлия Николаевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет
ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИКИ МОДЫ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Сфера моды, как и сфера искусства в целом, во многом является своеобразным зеркалом своей эпохи, выражающим в визуальных образах определенные идеи своего времени, от нравственного состояния общества до господствующей в нем идеологии.

При этом мода в постмодерне, будучи включенной не только в медийное пространство, но и в область повседневного, оказывает едва ли не большее воздействие на отдельного реципиента и на общество в целом, чем остальные формы искусства. Даже при минимальной включенности субъекта в медийно-рекламную среду, он неизбежно оказывается перед реальным предложением фешен-рынка. Иными словами, человек может не интересоваться модными трендами, не быть вовлеченным в рекламные кампании, но он окажется в роли потребителя в магазине одежды, где ему будет предложен продукт, разработанный идеологами последних тенденций моды.

Таким образом мы можем говорить о моде как о визуальном, материальном трансляторе определенных социокультурных идей.

Говоря об эпохе постмодерна, отличительной чертой которого является неприятие иерархий, авторитета и размытие границ, следует отметить, что он в аналогичном ключе сформировал и новые тенденции моды.

До постмодернизма достаточно строго соблюдалась иерархия и соответствие рамкам одного стиля, присутствовало соотношение костюма с конкретным его назначением и обстановкой. Постмодерн раздробил целостность образов, размыл границы стилей. Разные стилистические элементы стали соединять в одном образе – классический костюм и кроссовки, джинсы и пиджак. Эти сочетания не только разрушают устоявшуюся стилевую иерархию и рамки уместности-неуместности, но и несут в себе этические корни проблемы – это постмодернистские идеи игнорирования рамок, авторитетов и иерархии.

В последних коллекциях некоторых модных домов элементы нижнего белья стали включаться в качестве внешних элементов костюмов – корсеты, надетые поверх рубашек и т.д., асимметрично заправленные полы одежды, демонстрирующие намеренную небрежность. Отдельно следует сказать о размытии гендерных рамок, о создании андрогинных образов.

Все это не только является игнорированием условностей и рамок определенного стиля, но и транслирует определенный тип мышления – свобода от иерархии, условностей, границ, пропаганда телесности.

Похожие тенденции присутствовали и в определенных субкультурах. К примеру, в панк-субкультуре, которая сформировалась как протест формализму и условностям общества, практиковались элементы намеренной неряшливости в одежде и т.д.

Протест против иерархичности и общепринятых правил стиля вносит и постмодерн, но в отличие, от субкультур, которые довели в среде своих адептов, модные тенденции имеют влияние на массовое сознание. Представитель субкультуры становится сознательным выразителем протеста против главенствующей культуры посредством стиля. В случае моды постмодерна концепцию протеста вкладывают в новые тренды ее идеологи, т.е. создатели модных тенденций – дизайнеры, модельеры. А последователи, т.е. те, кто эту одежду носит, зачастую становятся пассивными трансляторами идей определенного тренда.

Закономерно возникает вопрос – какая совокупность стандартов и стереотипов вкладывается в тот или иной модный образ? Кто является идеологом и создателем этих моделей? Являются ли они отражением тех или иных тенденций, существующих в общественном сознании, или же они задаются своими идеологами и затем транслируются в массы? Насколько потребителями модных трендов осознаются скрытые смыслы, заложенные в них создателями новых образов? И как под влиянием визуальных образов, и заложенных в них концептов, происходит трансформация общественных стереотипов? Как мода становится инструментом управления гендерным созна-

нием, и как это влияет на поведенческие паттерны? Каким меняются стандарты красоты?

Все эти вопросы ставят перед исследователями задачу представить этико-культурологический анализ современных тенденций и смыслов моды.

Сергеева Василиса Сергеевна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭТОСЕ ВОСПИТАНИЯ (ДОШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД)

Любая сфера жизнедеятельности человека связана с воспитанием. Воспитание присутствует во всех сферах жизни, включая литературу. Детская художественная литература является одним из важнейших средств нравственного воспитания. Литература является для дошкольника одной из форм познания окружающего мира. Она играет значимую роль в привитии детям моральных норм и ценностей. Знакомясь с литературными произведениями и их героями, дети учат отличать добро от зла, хороший поступок от плохого. С другой стороны, литературных произведениях так или иначе присутствуют взгляды на воспитание того времени, в которое было написано данное произведение.

Слово «этнос» имеет множество определений. Многие ученые и философы предлагали свое толкование данного понятия, а в Древней Греции этносом называли сначала место обитания человека или животного, а потом совокупность устойчивых, стабильных черт характера индивида.[1]

Воспитательный этнос – это идеалы, ценности, максимы и представления о запретном и допустимом, которые применяются в сфере воспитания. Отличие воспитательного этноса от воспитательной этики состоит в том, что он представляет собой нравственные ценности, применимые в системе воспитания данного общества.[2]

Представления о воспитании в различные эпохи находили свое отражение в литературных произведениях. Авторы утопий Нового времени полагали, что посредством воспитания в инстинктивную природу человека вносится моральная субстанция. Для романа воспитания характерно изображение мира как опыта, как перехода от юношеского максимализма к зрелому практицизму. Для послереволюционной эпохи были характерны воспитательный революционаризм, нигилизм. А.С. Макаренко предпринял продуктивные попытки упрочнения союза этики и педагогики. Он считал, что “новая этика” должна быть стройной, практически реализуемой и цельной нравственной системой.[3]

Как считает Ж. Пиаже, для мышления ребенка характерен эгоцентризм, который выражается через реализм, анимизм, артификализм. Также воспитание является активным жизненным процессом, а его специфические цели определяются духовными ценностями конкретного общества.[4]

Воспитанию нравственных чувств у дошкольника помогает художественная литература. Необходимо отбирать для прочтения такую литературу, которая воспитывает в ребенке положительные качества характера и нетерпимость к отрицательным. Также необходимо учитывать специфику развития представлений о нравственном поведении у детей того или иного возраста.[5]

Литература, которую рекомендуют для чтения в детских дошкольных учреждениях, может активно использоваться для нравственного воспитания детей. К данной литературе можно отнести произведения Н. Н. Носова, В. А. Осеевой, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского, Л. Н. Толстого, Е. А. Пермяка.

Литература:

1. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова: Lib.Ru. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 29.04. 2021)

2. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания: социодинамика контекстов. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2002
3. Фаркаш Э. Этический вызов Макаренко // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М., 1988.
4. Обухова Л. Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М.: Издательство Московского университета, 1981
5. Кокоткина О., Сухинина О.. О формировании личности ребенка в процессе ознакомления с книгой // Дошкольное воспитание. №2, 2004.

Чепиго Арина Станиславовна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЭТИКИ ХАНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В конце XVI-началу XVII в. почти вся территория Западной Сибири была присоединена к России. Приход русских имел огромное влияние на традиционные формы хозяйства, материальную и духовную культуру, а также на традиционную этику коренного населения. В недавнем прошлом этот процесс имел новый толчок в связи с открытием грандиозных месторождений нефти и газа в Западной Сибири, а также с переходом государственного курса с социализма к рыночным отношениям. Целью работы является исследование изменений традиционной этики хантов в условиях современного промышленного освоения Западной Сибири. Приводимые в данной работе полевые материалы собраны в районе сельского поселения Русскинская (Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа) среди трамаганских хантов. Также для анализа были приведены некоторые материалы из работ известных исследователей обских угров: М. А. Лапиной, Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзина, З.П. Соколовой.

Для понимания трансформации этики обских угров были проанализированы основы традиционных нравственных норм хантйского общества с более детальным рассмотрением следующих аспектов: взаимоотношения хантов с природой и отношение к труду. Как и у других сибирских народов, у хантов религия, мифология и фольклор тесно переплетены между собой и отражают систему мировосприятия. Ханты жили в теснейшем контакте с природой, от которой они напрямую зависели. Только трудолюбивый и добросовестный хант мог выживать в экстремальных условиях Севера. Поэтому труд был основой жизни хантов. У коренного населения существовал целый ряд установок, направленный на сохранение потомства животных и рыб. Исследователи сообщают о традиционном принципе «что достаточно, то достаточно» у хантов. Также в их культуре существовали «извинительные акты», поклонения и дарения природы для восстановления баланса сил.

Современное промышленное освоение региона и экологическая обстановка составляют резкий контраст с традиционной этикой охотников-оленеводов. Ханты, ведущие традиционный образ жизни, продолжают жить на стойбищах в так называемых родовых угодьях. Местное население заключает договоры с нефтяными компаниями, которые выплачивают им компенсации. Выплаты и льготы оборачиваются трагедией для традиционного образа жизни хантов. Местное население перестает заниматься хозяйством, живя лишь на пособия. Возле некоторых жилых стойбищ теперь заброшен многочисленный мусор. Ситуация усугубляется за счет пагубного увлечения местными алкоголем из-за которого совершаются преступления. Не имея других доходов, ханты начали собирать в огромных количествах ягоды, грибы на продажу, что противоречит их традиционной этике.

Мы можем сделать вывод о том, что среди некоторых хантов традиция уважительного отношения к природе постепенно исчезает. Компенсационные выплаты не просто способствуют исчезновению традиционных занятий, но и пагубно сказываются на отношении к труду, способствуют развитию потребительского и иждивенческо-

го образа жизни среди коренного населения. При этом компенсации не являются частью реальной прибыли, получаемой нефтяными компаниями при добыче нефти в данном регионе. Поднимается этический вопрос – а нужно ли, чтобы местное население получало процент от прибыли? Не спровоцировало бы справедливое распределение прибыли полное исчезновение традиционного образа жизни среди коренных народов Западной Сибири?

Шеваренкова Анастасия Владимировна
обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

**САМОРЕГУЛЯЦИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ ЖУРНАЛИСТА**

Для истории человечества внешняя регуляция – не новое изобретение. Благодаря ей появились первые политические общности, благодаря ей же многие из них продолжают существовать, она лежит в основе самого понятия государственности. Традиция самоуправления существовала параллельно ей, в определённой мере являясь её предтечей, как мы можем видеть на примере афинской демократии. В подобных случаях самоуправление представляет собой внутреннее управление, эволюция которого постепенно приводит к формированию общностей, которые начинают выступать в качестве внешней регулятора по отношению к основной части общества.

В отличие от традиции самоуправления, появление органов саморегуляции явления достаточно новое. Отличие саморегуляции от самоуправления заключается в том, что основной акцент органов саморегуляции лежит на самоограничении. Ярким примером среди таких органов являются этические комиссии.

Важной вехой в развитии этических комиссий является Чикагская Комиссия по свободе прессы (1943-1947). Чикагская Комиссия по свободе прессы представляла собой союз журналистов и учёных, являясь социально-ориентированным исследовательским проектом, иначе говоря – она не являлась этической комиссией. По её итогам был представлен доклад «Свобода и ответственность прессы». Свобода и ответственность – философские категории, реализуемые в своём дуализме: нет свободы без ответственности, нет ответственности без свободы.

Чикагская Комиссия сконцентрировалась на взаимосвязи практического значения этих категорий, придя к выводу, что пресса может быть лишена своей свободы путём внешней регуляции, если не примет во внимание свою ответственность. Это замечание было воплощено в журналистских кодексах, закреплённых на журналистских конференциях, происходивших в следующем десятилетии.

Однако эта максима касается не только комиссий по журналистской этике. На данный момент, баланс свободы от внешней регуляции и ответственности перед окружающими является ключевым вопросом профессиональных этических комиссий и профессиональной этики в целом.

Шкаброва Мария Васильевна
обучающаяся магистратуры, Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ В «ЭТИКЕ БУНТА»

Даже в четко очерченных пределах эпохальности можно оказаться среди разнообразности понимания субъективности. В какой точке понимания субъективности мы находимся и каким образом в ней оказались? Я бы хотела произвести частичный анализ, в большей степени историко-философский, изменений в понимании субъекта и их влияние на этический дискурс. Актуальность исследования становятся ясными, исходя из существа этики.

Мораль понимается как предмет этики. С одной стороны, она (мораль) имеет индивидуальное измерение, характеризуя отдельную личность. С другой стороны, мораль выступает отражением общественных отношений. Хотя эти ракурсы рассмотре-

ния морали кажутся иногда с трудом сочетаемыми, у них есть некоторые точки пересечения.

Уже в классической античности, по крайней мере в лице Платона и Аристотеля, наблюдается тенденция усматривать в человеке разумное и неразумное начало. Неразумное начало чаще всего соотносится с чувственным, телесным, тем, что является источником страстей и влечений, с трудом поддается контролю. Платон в диалоге «Федр» использует образ колесницы. Так, если разум смог обуздать страсти, человек обретает благо – контроль над собой, понимание своих действий, возможность удовольствия от дружбы, божественное блаженство. Согласно Аристотелю, к благу также ведет умеренность, т.е. способность принимать взвешенное решение, совершать этически верные поступки.

Однако, можно заметить: для того, чтобы поступок характеризовался как морально положительный, необходима однородность его основания – авторитетная инстанция, диктующая нормы этической оценки. Учитывая, что моральный выбор производится конкретной личностью, мы могли бы прийти к выводу об определенном отношении-доступе каждого человека к описанной общности. В эпоху Нового времени «мыслящий субъект» правомочно берет на себя роль такой инстанции. Таким образом, субъект становится некоторой самоочевидностью. К необходимости постулирования субъективности приходит и Кант: трансцендентальное единство апперцепции является условием восприятия и суждения вообще, объединяя всех разумных существ. В этическом контексте, Кант связывает разум с волей. Чистая воля отождествляется с доброй волей. Практический разум опирается на нравственный принцип, который является самоочевидным для каждого, однако упускается из-за человеческого несовершенства, приобретая по данной причине императивную форму. Более того, воля постольку следует императиву, поскольку мы можем постулировать ее свободу, бессмертие души, а также существование Бога.

Но что если страсти этически реабилитируются, связь воли с разумом поставится под сомнение, а Бог умрет? Такова «бунтарская» позиция Ницше. Его точка зрения оказала огромное влияние на Камю, раскрывшего позже понятие экзистенциального бунта. Безусловно, под «идеей добра» Платона и «доброй волей» Канта подразумеваются различные сущности. Тем не менее, у них есть общая черта: они «оторваны» от четкости границы, в смысле – не исходят из нее, но руководят ею. Ницше же стирает четкую границу между инстинктивным и сознательным. Необходимо подвергнуть отрицанию существующие ценности, расчищая место для «этического перерождения». Данный этап, этап отрицания, обычно называют нигилистическим.

Камю отказывается от нигилистической установки, однако тот же самый «дух отрицания», безусловно, оказал огромное влияние на формирование позиции «отчаянного противостояния вопрошающего человека и безмолвной вселенной». По данной причине, единственная очевидность, которая дается человеку в опыте абсурда, это бунт как осознание бессмысленности и несправедливости удела человеческого. Абсурд вводит нас в состояние тревоги и тотального непонимания. Эксперимент абсурда оказывается не выведенным из области чистой мысли или путем логического рассуждения, он воздействует на наши чувства и толкает на путь действия, цель которого – преобразование. На мой взгляд, с появлением нового типа субъективности обнаруживается новый тип этики – «этика бунта».

Юнусова Лилия Ильдаровна

обучающаяся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
**«ШОКОВОЕ ИСКУССТВО» И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАННИБАЛИЗМА
 В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ПЕРФОРМАНСЕ**

В 2000 году на Третьей Шанхайской биеннале художник перформансист Чжу Юй (朱昱) представил серию фотографий под названием «Поедание людей» (食人), на которой был изображен процесс приготовления и поедания художником предположительно человеческого плода. Несмотря на то, что фотографии были сняты с выставки

еще до ее открытия, перформанс получил широкий общественный резонанс и был подвергнут осуждению не только со стороны обывателей, но и ряда западных правительств.

Чжу Юй заявляет, что поедание людей не запрещено никакими законами человека или общества или религиями и что он намеревается есть людей в знак протеста против моральной идеи человечества о том, что он/она не может есть людей. Таким образом, обращая внимание на особое положение каннибализма в современном обществе и одновременно подчеркивая его статус фактически находящегося вне сферы компетенции светской власти.

Само выступление Чжу Юя является частью более масштабного явления «шокового искусства» в современном Китае. Эта провокационная серия авангардных выступлений использовала не только трупы людей, но и тела самих художников, чтобы не просто бросить вызов общепринятым представлениям о пределах как человеческой, так и социальной смертности, а также поставить вопрос, где заканчивается человек в культурном смысле и начинается не отождествляемый с некогда жившим в нем духом труп.

«Шоковое искусство» Чжу Юя и его коллег также бросает вызов общепринятым нормам человеческой морали и приличий, даже если способ выражения выходит за рамки общепринятого художественного выражения. Такого рода сенсационные выступления эффективно превращают человеческое тело в объект, понятный широкому кругу лиц. Живя в постапокалиптическом социальном этосе, в котором отсутствует целостный моральный центр, эти молодые художники полагаются на преднамеренное нарушение некоторых наиболее глубоко укоренившихся культурных запретов общества, чтобы делать социально значимые заявления.

В результате крайности Чжу Юя вызвали кризис в китайских художественных кругах и, в следствии, вызвали сильные сомнения в перформативном искусстве вообще. Чжу Юй перешагнул грань, по которой ходило китайское модернистское движение с начала 1980х годов, лишив публику дара речи, и тем самым положив конец большинству возможностей перформативного искусства.

Яценко Никита Валерьевич

обучающийся бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЭТИКИ ЖЕЛАНИЯ

Аленка Зупанчич в своей работе «Этика реального» совершает жест, заключающийся в оспаривании понимания этики как «набора норм, которые ограничивают или «обуздывают» желание, которые направлены на то, чтобы сохранить наше поведение (или, допустим, «поведение» науки) свободным от всего избыточного». Она обращает внимание на то, что «этика по своей природе избыточна, что избыток — это часть этики».

Цель данного доклада состоит в том, чтобы разобраться в природе избыточности этики. Для этого в качестве отправной точки стоит обратиться к оппозиции труд-лень. Данное соотношение выбрано для того, чтобы попытаться отойти от негативного определения лени, основанного на привязке труду и заключающегося в том состоянии, когда человек не работает. Лень будет рассмотрена как эмансипаторная практика, которая противостоит труду и не вписывается в его логику и логику культуры тотального труда, в рамках которой лень остаётся практикой маргиналов. Подобный шаг необходим для того, чтобы продемонстрировать, как труд рано или поздно захватывает любую противящуюся практику.

В данном захвате как раз и состоит избыточность этики, о которой пишет Зупанчич — она поглощает всё, что оказывается противоположно ей. Лень не оказывается исключением, так как она старается себя актуализировать в своём отрицании труда, что наоборот только позволяет захватить её. О подобном захвате этикой и капиталом лени свидетельствует то, что работы Казимира Малевича, воспевавшего лень, оказываются высоко оценены рынком. На этом этапе можно сделать два вывода: первый

состоит в том, что стоит говорить не о самой этике, а об этике Капитала, которая направлена на избыток, проявляющийся в форме прибавочной стоимости. Второй вывод указывает на невозможность лени быть реальным сопротивлением труду, так как она является тем, что захватывается, когда пытается актуализироваться. Здесь встаёт вопрос о необходимости стратегии, которая позволила бы сопротивляться этике Капитала.

Ключ к такой стратегии можно обнаружить в исследованиях Жилия Делеза и Феликса Гваттари в их двухтомнике «Капитализм и шизофрения», а именно в первом томе «Анти-Эдип», в котором даётся следующее определение капитала, взятое из трудов Карла Маркса: «Капитал относится к типу мертвого труда, который, подобно вампиру, оживляется лишь тем, что сосет живой труд, а его жизнь тем более активна, чем больше он в себя закачивает этого живого труда». В этом определении этика Капитала, которая постоянно захватывает, является мертвым трудом. Под живым же трудом предлагается понимать уже не лень, но без-деятельность в качестве «акта сопротивления смерти», как это определял Делез, когда говорил об акте творения в своей лекции в Париже в 1987 году. Джорджо Агамбен разворачивает мысль Делеза и предлагает свою версию понимания без-деятельности. В результате анализа этого жеста Агамбена выводится две стратегии, две этики – этика Капитала, в которой избыток является тем, что необходимо актуализировать; и антикапиталистическая этика, которая предлагает сохранять избыток в потенциальности. Избыток таким образом является необходимой частью любой этики. Отличие состоит лишь в том, как данные этики распоряжаются этим избытком.

В итоге мы имеем дело с тремя жестами: жест Аленки Зупанчич, в котором ставится вопрос об избытке; жест введения оппозиции труд-лень, в которой лень оказывается не ответом, а переходным этапом, открывающим нам этику Капитала; и жест Агамбена, который демонстрирует, что противостоять этике Капитала может не лень как отрицание труда, а этика, которая задаёт иной порядок обращения с избытком.

секции молодых ученых

«ЭТИКА, НАУКА

И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Головков Владислав Владимирович

обучающийся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ТРИ ВИДА ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С каждым днём технологий искусственного интеллекта становятся всё более будничными в восприятии общества. В ходе постепенной и неумолимой интеграции искусственного интеллекта в нашу повседневность, неминуемо возникают разнообразные технические и этические трудности.

В рамках своего исследования я выделяю три вида этических проблем, порождаемые существованием искусственного интеллекта:

1. Этические проблемы, возникающие при создании ИИ.
2. Этические проблемы, возникающие при использовании ИИ.
3. Этические проблемы, возникающие как следствие использования ИИ.

К этическим проблемам, возникающим при создании ИИ относятся:

1. Формализация этики.

С одной стороны, это сугубо технический вопрос и этическая проблематика здесь отсутствует. С другой стороны, как минимум возможность или невозможность формализации морали может стать предметом рефлексии этиков.

2. Выбор этических принципов.

Данную проблему можно воспринимать как глобальный выбор между этическими направлениями (чаще всего, утилитаризм и деонтология) или как выбор отдельных принципов, взятых из разных концепций.

3. «Отслеживаемость» соответствия действий машины заданным принципам.

Если мы делаем ИИ сообразно определённым принципам, важной задачей становится подтверждение соответствия им реальных действий искусственного интеллекта.

Проблемы, принадлежащие ко второй группе, связаны с использованием технологий ИИ обычными людьми – пользователями. В основном они связаны с сущностью самой технологии и постоянным улучшением её работы. В данном случае, проблемной территорией признаётся так называемый интернет вещей (единая сеть, соединяющая окружающие нас объекты реального мира и виртуальные объекты), призванный многократно улучшить качество работы устройств с ИИ (путём их коммуникации). Правда, для успешной работы данной системы, необходимо делиться данными, в том числе конфиденциальными.

1. Одновременное существование «легких» и «сложных» ИИ и возможная необходимость в дополнительном обучении пользователей.

2. Конфиденциальность персональных данных.

Под этическими проблемами, возникающими как последствия использования ИИ мною понимаются:

1. Безработица.

2. Распределение результатов труда ИИ.

3. Предвзятость, расизм и дискриминация.

4. Проблема ответственности.

5. Моральный статус ИИ.

В данный момент времени, на мой взгляд, наиболее актуальными являются проблемы, связанные с созданием искусственного интеллекта, потому как мы изначально хотим создавать этические машины. С другой стороны, нельзя отрицать важность и масштабность проблем последней группы, хоть это и вопросы скорее будущего, нежели настоящего. Кроме того, данный список не всеобъемлющий и в некоторой степени обладает предиктивным характером.

Еришова Любовь Дмитриевна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ВОПРОСЫ ЭТИКИ

В АЛЬТЕРНАТИВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Человек, не владеющий средством коммуникации, не может выразить своё мнение, и тут возникает вопрос о достоинстве личности, важно понять и дать возможность человеку для выражения своих желаний, несмотря на удобство или неудобство в жизни ухаживающих за ним.

Специалисту, на мой взгляд, необходимо руководствоваться именно интересами человека со сложностями в коммуникации, так как основная цель АДК вмешательства состоит именно в предоставлении человеку возможности оперативно и эффективно приобрести способ, позволяющий участвовать в общественной жизни и занятиях по своему выбору.

2. Специалисту необходимо собрать информацию о распорядке дня, предпочтениях в еде, развлечениях потенциального пользователя АДК для того, чтобы запланировать работу с максимально эффективным результатом, а значит нарушить границу личной жизни семьи.

По моему мнению, эта информация является необходимой для выбора и реализации стратегии коммуникации, без этого этапа эффективность работы снижается, а значит человек лишается возможности общения в том объеме, который может быть ему доступен.

3. При успешном введении системы АДК, нередко полученный результат не соответствует ожиданиям семьи, так как в обществе делается акцент на устную речь как

привилегированный способ общения, и альтернативные способы остаются непринятыми.

Родители не находят отклика в общества, остаются также непринятыми. Хочется отметить, что круг людей, использующих АДК на данный момент так узок, что даже в одном школьном коллективе это может быть один или два ребенка. При появлении большего количества информации об АДК, зонах в общественных пространствах, где эта информация указана, ситуация могла бы измениться в лучшую сторону.

4. Вопрос в том, готово ли общество принять другие способы коммуникации, кроме устной речи, смогут ли пользователи АДК общаться вне своей семьи и близкого окружения.

При наличии информации об АДК, при отсутствии неизвестности, которая часто пугает и отталкивает людей, в обществе могли бы произойти положительные изменения, касающихся проблем людей, использующих АДК как единственный способ общения с окружающим миром.

Ильина Анна Валерьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный

электротехнический университет «ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина)

ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ ОБЩЕНИЯ

В МОБИЛЬНЫХ ИГРАХ

Со времен древних греков значимое место в структуре философии отводится понятию свободы. Что есть свобода? В чем она проявляется? Какие принимает формы? Достойна ли того, чтобы лелеять ее или, напротив, требует сдерживания? Заслуживает ли она отнесения к рангу важнейших этических ценностей – или же представляет собой опасное социальное зло?

Простых ответов ждать не приходится. Свобода – не абстрактная категория, споры вокруг которой могут оставаться без последствий. Пронизывая практики повседневной и социальной жизни, она отбрасывает тень на искусство, литературу, поведенческую культуру и материализуется в различных формах, в том числе, эпатажных, хулиганских, асоциальных. Но за каждодневной рутинной нашей жизнью в социуме на страже такой свободы, свободы понятой как вседозволенность, стоит этикет как исторически сложившийся феномен культуры, где в системе этикетных установлений главной ценностью является сам человек и его отношение к другим людям.

В современном мире социальные взаимодействия все больше опосредуются новыми технологиями, поэтому этикет обретает новые смыслы и предполагает знание не только этикетных норм, но и специфику их реализации в виртуальной среде. День ото дня создаются новые площадки цифрового взаимодействия, появляются новые форматы общения. Яркий пример актуальности поведенческой культуры в сети дает онлайн-коммуникация вокруг мобильных игр (игр для смартфонов и планшетов). Данные игры нередко переносят опыт традиционных игровых практик в интернет-среду, сводя между собой представителей различных культур, социальных групп, гендеров, возрастов, убеждений. Их общение обеспечивается как внутриигровыми способами (от чатов, почты и эмодзи до игровых механик), – так и огромным пластом внешних по отношению к играм технологических инструментов (включая форумы, сайты с рецензиями, стримы и др.).

В таком богатстве вариантов социального взаимодействия в пространстве Интернет рассыпано бесчисленное множество ситуаций требующих применения этикетных форм общения, которые находятся на стыке этикета и свободы самовыражения. В игровых практиках такие ситуации возникают постоянно.

На соответствующие игровые практики накладываются также и многие характерные черты общения в сети: удаленный характер взаимодействий, анонимность участников, простор для принятия на себя новых социальных и асоциальных ролей. Одновременное использование нескольких внутриигровых аккаунтов, общение от лица

аватаров с альтернативным гендером и социальными корнями, ведение переговоров не на родном языке – эти и другие стратегии создают условия для превращения мобильных игр в территорию свободного манипулирования собственной идентичностью. Пренебрежение этикетом и злоупотребление свободами естественного языка закладывают почву для буллинга, троллинга, оскорблений, распространения межнациональной и культурной розни и т.д. Тот факт, что в игровые практики оказываются вовлечены люди различных возрастов, от пожилых людей до молодежи и детей, придает проблеме дополнительное социальное значение.

На этом фоне сами участники игровых отношений предпринимают активные попытки регламентировать общение вокруг игр. Аккаунты привязываются к почте и номеру телефона; возможности свободного использования чатов заменяются конечными наборами проверенных высказываний; при приглашениях в сообщества прицельно оговаривается возраст участников и нормы их поведения; и др., но вопросы общения вокруг игр нуждаются не только в технической, но этикетной регламентации данного вида общения.

Поиск границ между дозволенностью и запретом, как категориями свободы и необходимости на территории этикета делает проблематику феномена мобильных игр предметом специального философского рассмотрения, в частности, в контексте философского осмысления цифрового этикета, представленного такими авторами, как Р.И.Мамина, Е.Е.Елькина, Л.С.Лихачева, М.В.Капкан, М.Г.Лазар, Е.В.Пирайнен, С.Н.Почебут и др. Этот вопрос заслуживает отдельного внимания и может стать предметом самостоятельного исследования.

Карнов Сергей Викторович

соискатель, Тульский государственный педагогический университет им.Л.Н.Толстого

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА АРХИТЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В условиях формирования цифрового общества профессиональная этика приобретает новые проблемы и перспективы, вследствие чего возникают следующие вопросы:

- будут ли изменяться нравственные ценности профессий?
- как эти изменения скажутся на профессиональных этических кодексах?
- какие проблемы цифровой этики повлияют на содержание профессиональной этики?

Профессия архитектора – одна из тех, в которых особое место отводится философии и профессиональной этике, о чем говорится, например, в Хартии ЮНЕСКО-МСА по архитектурному образованию. Согласно Стэнфордской философской энциклопедии, профессиональная этика архитектора является частью философии архитектуры, и включает в себя не только этико-нормативные аспекты профессионального поведения, но и элементы метаэтики архитектуры, изучающей, например, влияние архитектурной эстетики на формирование профессиональной этики. Кроме того, на содержание профессиональной этики архитектора влияют социальные, культурные, политические и экономические задачи архитектуры. Исследования литературы по этике архитектора позволяют сделать вывод, что профессиональная этика архитектора содержит в себе элементы этики бизнеса, инженерной этики и этики искусства (Чабдаров, М.М.; Caicco, G.; Fisher, S.; Harries, K.; Somerville, M.A.; Spector, T.). В последнее время этика архитектора дополняется и проблемами цифровой этики. Можно предположить, что профессиональная этика архитектора в цифровую эпоху станет связана с такой частью цифровой этики, как этика искусственного интеллекта. Согласно данным Лаборатории Цифровой Этики при Оксфордском университете, этику ИИ определяют ценности информационного общества – открытость, равноправие, справедливость и терпимость. В условиях цифрового общества важной становится этическая оценка, прогнозирование социальных, культурных, экономических последствий применения интеллектуальных технических систем (ИТС) в архитектурной практике. В этой связи некоторые исследователи отводят в этике ИИ особую роль этике ответственности

(XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)». Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г.), что еще больше повышает значение профессиональной этики в архитектурной деятельности, роль изучения философской этики в архитектурном образовании, а также аксиологического анализа существующих кодексов профессиональной этики. Этика ответственности лежит в основании этики алгоритмов и этики искусственных агентов, которые также могут оказывать влияние на содержание современной профессиональной этики архитектора. Кроме того, цифровизация профессии архитектора формирует следующие проблемы: допустимость технологизации процесса творчества и границы его технологизации; целесообразность создания и применения этических алгоритмов в ИТС; границы ответственности архитектора как художника, и архитектора как инженера при использовании ИТС; разработка этических критериев принятия решений в цифровом пространстве. Можно предположить, что с развитием цифровых технологий содержание профессиональной этики архитектора будет расширяться, а в архитектурном образовании важное место займет изучение философской и профессиональной этики.

Петров Павел Андреевич
обучающийся магистратуры,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

BIG-DATA: ЭТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Информационные технологии, возникновение которых пришлось на XX век, а распространение продолжается до сих пор, обеспечили человечество новыми глобальными сетями связи, доступной в различных форматах. Вычислительные мощности компьютеров позволили оперативно обрабатывать большие объёмы информации, а многообразие функционала электронных устройств нашло применение в большом количестве социальных практик, расширив возможности человека. Распространённость информационных каналов и многообразие предоставляемых ими способов коммуникации, а также перевод большинства социальных практик в цифровой формат привели к появлению Больших Данных или Big Data.

Большие данные возникли в связи с использованием информационных технологий большим количеством людей в самых различных сферах общественной жизни в связи с упрощением многих задач. Используя электронные средства, мы, тем самым, оставляем часть информации о себе, которая, хоть и носит в большинстве случаев технический характер, увеличивает общее количество данных и участвует в их накоплении.

Большие данные изначально определялись через объём: обычный компьютер не мог справиться с их обработкой. Однако, Big Data – это информация иного порядка по сравнению с обычными данными: они производятся непрерывно, в режиме реального времени, охватывая любую деятельность, попавшую в поле информационных технологий. Их ключевыми характеристиками являются:

- Огромная скорость накопления и множество форм, поскольку данные создаются и обновляются каждую секунду и каждый раз, когда кто-то так или иначе попадает в поле цифрового пространства.
- Исчерпывающий характер (поскольку это абсолютно все следы всех пользователей электронными технологиями).
- Высокая дискретность (открывающая возможность группирования, идентификации и систематизации данных).

Оперативность и автоматическая регистрация данных любого формата позволяет выйти на новый уровень анализа: благодаря ним становятся доступны связи и аспекты человеческого поведения, не подававшиеся наблюдению ранее.

Проблема Big Data заключается в том, что они технически не подразумевают приватности: для того, чтобы операция, совершённая с помощью информационных технологий, получила статус легитимной, она должна отразиться в истории совершаемых

действий. По умолчанию, предполагается, что эта информация носит конфиденциальный, сугубо технический характер и она необходима, дабы обеспечить возможность доступа к интересующему контенту. Однако, данная информация так или иначе сохраняется, что делает её потенциально доступной для аналитики. От Больших Данных практически невозможно увернуться, поскольку любое попадание в поле информационных технологий делает человека сопричастным. «Контент по интересам» формируется на основании данных, которые пользователь мог бы не согласиться предоставить: списка посещённых им мест, истории покупок за месяц, избранных интернет-страниц. Отслеживание предполагаемых террористов даёт возможность следить за любым другим человеком под лозунгом «мер безопасности», что носит незэтичный и противоправный характер. В то время, как отдельные пользователи стремятся создавать особые виртуальные идентичности, анонимность в любой момент может быть нарушена, а источник – оказаться обнародованным. Сохраняется и «материальная уязвимость данных»: они могут быть повреждены, украдены, использованы для манипулирования, что может привести в том числе к нарушению моральных прав человека.

Бесспорно, Big-Data являются технологическим прорывом и оказывают содействие многим наукам, в особенности общественным, однако вместе с тем мы имеем ряд вызовов в связи с их использованием. Поэтому для успешного развития и распространения этой технологии и во избежание отказа от её использования, необходимо воспроизводить и поддерживать решения как минимум ряда этических проблем, связанных с Big-Data, таких как право на частную жизнь и личную свободу.

Попова Екатерина Владимировна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ОСНОВЫ НОВОЙ ЭТИКИ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВКИ «NEW NATURE» ОТ RECYCLE GROUP

Данная работа представляет собой описание и анализ нового для человечества вида этических отношений-отношений машины и человека. Основные задачи исследования заключаются в: 1) определении, является ли машина объектом этики; 2) размышлении о возможности создания оптимальной модели отношений между человеком и машиной, а также 3) рассуждении о жизнеспособности данного вида этики, так как её ключевой проблемой является процесс взаимодействия и возможность регулировать поведение обозначенных объектов.

Машина в кодировке данного исследования обозначает устройство, созданное руками человека, техническое приспособление (например транспорт), любой механизм, связанный с электроникой (гаджеты, бытовая техника и др.), а также интернет-, киб- и криптопространство, виртуальная реальность и всё, что от них произошло.

Перспективная виртуальная культура, которая существует исключительно благодаря IT-технологии, становится не только одним из вариантов общения, но и особым опытом взаимодействия с окружающим миром и даже новой религией, что и доказывают авторы выставки «New nature» Андрей Блохин и Георгий Кузнецов (непосредственно Recycle group); однако ту модель сообщения, которая существует между человеком и этизированной религией или в рамках экологически ориентированной этической теории, сложно перенести на отношения человека и созданной им машины, что подтверждает высказывание одного из авторов выставки: «Ведь нормы этики и морали между человеком и машиной еще не установлены, как и сами правила виртуального мира».

Название выставки «New nature» («новая природа») говорит зрителю о том, что кибернетический мир уже победил естественную природу во главе с человеком. Рядом с экспонатами выставки от Recycle group люди должны почувствовать себя не венцом природы, а несовершенными существами, но идеальными потребителями продуктов машинизации.

Сама выставка показывает взаимодействие человека и машины с двух сторон. Левая галерея символизирует то, как машина видит человека (экспонаты «Скульптур из

проекта Blocked content», «Скрытая папка», ряд Live objects 1-4), а правая, напротив, как человек видит машину (экспонаты «NO IMAGINE SOURCE», «Просветитель 12»).

Авторы называют машину-новой формой жизни, а интернет-пространство-иной системой координат, третьей реальностью, причём скорее духовной, нежели материальной.

Этические вопросы стали тоже определённой точкой преткновения при создании выставки. Авторы объявили, что в её философии нет никакого конфликта, однако конфликт присутствует между авторами и проблемой, которую они освещали, а также в отношениях между машиной и человеком.

Данные этические разногласия могли бы разрешиться с помощью формулирования определённых этических правил. Чтобы понять, как машина поведёт себя в той или иной ситуации, проводятся разного рода эксперименты, например довольно популярна мысль «Проблема вагонетки (англ. Trolley problem)» (1967, Филипп Фут), которая разожгла больше разногласий, нежели приблизила научное сообщество к разгадке закономерностей в отношении человека и машины. О том, какие критерии и оценки могут и должны возникнуть в отношении подобных, критических ситуаций, думали и авторы экспозиции. Исход отношений между человеком и машиной возможен с помощью перенесения сознания человека на сознание искусственного разума и оформление правил поведения машины. «Мы продолжаем находиться в зоне турбулентности, когда старый мир уже не существует, а правила жизни в новом не совсем известны»-именно так описывает проблему новой этики отношений Андрей Блохин.

Романюк Мария Викторовна
обучающаяся магистратуры,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ О.В.ПИНЧУК «СБОИ И ПОЛОМКИ»)

Любой этнографической работе предшествует совокупность решений не только методологического, но и нравственного порядка, которые принимает исследователь как перед выходом в поле, так и по ходу проведения исследования. Сложность положения исследователя заключается в том, что должен одновременно как удерживаться в позиции независимого наблюдателя, так и погружаться в социальный контекст, стараясь при этом преодолеть асимметрию, возникающую между ним и информантом [1]. Стратегии попыток преодоления “ролевой двусмысленности” в практике этнографа могут быть различными: либо исследователь занимает открытую позицию, выходит в поле как представитель академического сообщества и действует сообразно принципу информированного согласия (informed consent), либо пытается стать частью наблюдаемого поля и мимикрировать под него, не оповещая об этом информантов. В первом случае он рискует доверием информантов, во втором нарушает “внешние” этические нормы профессионального сообщества, что актуально в первую очередь для западных этнографов, деятельность которых регулируется профессиональными этическими кодексами [2]. В российской академической среде отсутствуют институциональные комиссии, жестко регулирующие исследовательскую этику, и этнограф имеет возможность принять самостоятельное решение о степени открытости перед информантами, не рискуя при этом профессиональной репутацией. В этом случае возможной становится свободная публикация результатов исследований, проведенных с использованием метода “скрытого” включенного наблюдения, а значит возможен и открытый разговор о внутренних этических дилеммах, с которыми сталкивается этнограф по ходу реализации исследовательского проекта. Показательно в этом отношении этнографическое исследование труда фабричных рабочих, предпринятое О. В. Пинчук [3]. Книга “Сбои и поломки”, в которой автор изложила результаты

данного исследования, не является сборником официальных протоколов — подход О. В. Пинчук автороцентричен. Использование метода автоэтнографии позволило ей не только избежать двойной объективации (исследователя по отношению к информантам и исследователем коллектива по отношению к единственному исследователю, вышедшему “в поле”), но и рассказать об этической оценке собственных действий, предпринятых на этапе полевой работы. На протяжении двенадцати месяцев О. В. Пинчук работала на производственном предприятии и параллельно проводила этнографическое исследование труда фабричных рабочих, используя метод скрытого включенного наблюдения. Члены рабочей бригады узнали о том, что она является научным сотрудником через пять месяцев, руководство – через семь. За это время О. В. Пинчук перешла от отстраненного к “наблюдающему участию” и стала посредником в борьбе за улучшение условий труда между коллективом и руководством. Необходимость удерживать баланс между двумя идентичностями — исследовательницы и рабочей, привела, в частности, к тому, что этическая проблематика в её рассказе о полевой работе является сквозной (в первую очередь речь идет об этической ответственности перед информантами). Открытое исследование заводского труда в России едва ли возможно, и утверждение О. В. Пинчук о фактической безальтернативности выбора метода скрытого включенного наблюдения является оправданным. Несмотря на то, что частью научного сообщества данный исследовательский проект с этической точки зрения может быть рассмотрен как спорный, работа О. В. Пинчук с полевым материалом основана на базовых этических принципах этнографической работы — заботе об информантах, оценке рисков, анонимизации.

Литература:

1. Адлер П., Адлер П. Полевые истории: размышления о четырех десятилетиях этнографии. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. №20. С.
2. Зависка Д. Этика полевой работы в этнографии. Антропологический форум. 2006. №5. С. 169—193
3. Пинчук О. Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М., 2021.

Сазанов Александр Владимирович
аспирант, Нижегородский государственный
технический университет им.Р.Е.Алексеева

ЧЕЛОВЕК КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ТЕХНОНАУКИ: ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ЕГО БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В условиях супердинамизма современной технауки человек становится своеобразной целью всякого рода улучшения (Human Enhancement Technologies). Благодаря этому, с одной стороны, появляются огромные шансы на решение многих проблем человечества, с другой – развитие Enhancement Technologies (ET) и популяризация идей технологического расширения сапиента (в т.ч. его радикального пересотворения и проектирование нового вида Homo sapiens) актуализируют вопросы защиты и сохранения человека как вида [5, 3].

Уточняя весь спектр воздействий на человека можно акцентироваться на двух очень важных сферах – нейронаука и ее технологии и биотехнологические манипуляции, например манипуляции с генетическими основаниями телесности. В качестве примеров можно привести воздействие на мозг человека, а значит и возможность воздействия и модификацию сознания, общения и поведения [6].

В настоящее время мы становимся свидетелями значительных прорывов в сфере генетической модификации человека. Следует отметить, что это касается не только терапии неизлечимых патологий, но и корректив человека еще на стадии эмбриогенеза [2].

Различные манипуляции и вмешательства, в первую очередь воздействия на общение, поведение, сознание, вторжения в телесность являются сегодня предметом оживленных дискуссий и, одновременно, предметом тревоги, т.к. могут повлечь за собой деформацию, деструкцию, дегуманизацию, деградацию, дереализацию антропосферы [3].

Чтобы минимизировать возможные разрушительные эффекты технонауки, обращенной на человека, необходимо включить в спектр артикулируемых проблем перспективы вмешательства в человеческую природу с целью ее улучшения, модификации [1].

Различные практики вмешательств и изменения человека начинают превращать его в предмет конструирования и дизайна. Человеческая природа постепенно перестает быть тайной, активно эксплуатируется, истребляется и становится ресурсом развития различных технологий, товаром, который обладает коммерческой стоимостью [4].

Развитие новых и чрезвычайно важных сфер научного знания и технологий показывает, что неотъемлемой частью этого выступает социально-гуманитарное сопровождение, необходимость проработки этико-философской проблематики, религиозного аспекта изменения человеческой природы [4, 6].

Литература:

1. Брызгалина, Е. В. Технонаука и перспективы улучшения человека: «Я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» / Е. В. Брызгалина // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 48. – № 2. – С. 28-33.
2. Буйнякова, И. С. «Дизайнерские младенцы»: социально-этические проблемы биотехнологического проектирования будущих детей / И. С. Буйнякова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 10(259). – С. 130-139.
3. Ильин, В. В. Образование в эпоху техногнозиса / В. В. Ильин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 2. – С. 134-141. – DOI 10.18384/2310-7227-2020-2-134-141.
4. Попова О.В. Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы: дис. – Москва, 2018. – 423 с.
5. Тетиор, А. Н. Мозг и тело человека: быстрое улучшение исключено / А. Н. Тетиор // Sciences of Europe. – 2017. – № 21-3(21). – С. 14-26.
6. Юдин, Б. Г. Человек как объект, потребитель и мифень технонауки / Б. Г. Юдин // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 5. – С. 5-22.

Соловьёва Виктория Максимовна
обучающаяся магистратуры,

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЭТИКА НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В данной работе предполагается рассмотрение научной коммуникации (science communication) с позиций этики. Многие исследователи считают, что научная коммуникация должна быть этичной, но каким образом это осуществить? В работе будет поднят один из главных вопросов этого направления: что значит быть этичным при общении в сфере науки? Также сделан общий обзор того, как может выглядеть этика научной коммуникации и взаимоотношения между ценностями и наукой. Это не только поможет понять, что может быть правильным, моральным поступком, но и очертить основные объединяющие черты научной коммуникации.

Современные австралийские исследователи вопросов научной коммуникации Фабьен Медвецки и Джоан Лич отмечают, что научную коммуникацию не стоит считать и рассматривать как науку, научную журналистику, коммуникацию. Она тесно связана со всеми вышеперечисленными направлениями деятельности, но представляя

ет собой «нечто иное». Таким образом, научная коммуникация имеет схожие элементы этики науки, журналисткой и прикладной этики, но в то же время обладает своими уникальными особенностями.

В научной коммуникации, скорее, не существует специального общепринятого свода этических норм. В первую очередь это связано с тем, что понятие «научная коммуникация» имеет междисциплинарный характер и включает ряд смежных областей. Этика научной коммуникации связана с рядом вопросов, которые варьируются от времени коммуникации, повествования, точности и убеждения до финансирования и противоречий между наукой и общественностью.

Исследования в области этики научных коммуникаций сталкиваются со многими проблемами. Например, актуальность какого-либо этического принципа в каждом конкретном случае зависит от значительного количества факторов разной степени важности: от особенностей аудитории до целей коммуникации.

Особое внимание уделяется такой проблеме как эпистемическое доверие. Отечественный исследователь Константин Фурсов отмечает в своих работах о кризисе доверия в науке в Европе и США, которые были выявлены в 90-х гг. 20 века. Данный кризис, по его мнению, помог обозначить необходимость «выстраивания уже не диалога между учеными и населением, но полиалога – открытого переговорного процесса относительно будущего научно-технологического развития в котором на равных правах участвует все множество заинтересованных акторов». Отсюда вытекает вопрос, который рассмотрен в работе: почему можно считать учёных источником авторитета?

В работе описываются и сравниваются некоторые современные характерные особенности этических норм в научном сообществе России и западных стран, а также показан историко-философский сюжет этики научной коммуникации в 20 веке.

Шестакова Екатерина Александровна

обучающаяся магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ В ОТНОШЕНИЯХ РОБОТ-ЧЕЛОВЕК

Сегодня уже сложно отрицать развитие робототехники и неизбежность создания человекоподобных роботов в обозримом будущем. Массовая культура кишит архетипичными сюжетами о механических устройствах, созданных человеком, но человеком не ставшими. Одновременно технологии сейчас уже дошли до того уровня развития, когда мы можем создавать достаточно автоматизированные механизмы, помогающие нам во всем, начиная от поиска нового фильма и заканчивая уборкой. Нет ничего удивительного в том, что в какой-то момент люди стали обращаться к приборам по имени. Персонализация и очеловечивание роботов достаточно известны и изучены. В настоящий момент также идут исследования об использовании роботов-животных в уходе за пожилыми людьми и людьми с деменцией. Роботы также используются как компаньоны.

И в этот момент этическая оценка вступает в дискуссию о возможности использования роботов в уходе за человеком. Подобная постановка вопроса ставит перед нами следующие пункты для обсуждения:

1. Антропоморфные роботы и психологическая составляющая заботы о людях. С одной стороны, забота робота о человеке в случае отсутствия возможности предоставления помощи реальным человеком кажется хорошей альтернативой. С другой стороны, замена реального общения общением с роботом является ложью и следовательно, может причинить вред. Общая концепция фальшивой природы взаимодействия робот-человек опасна. Робот, безусловно, может имитировать человеческие эмоции, но опять же это поведение будет поддельным. Достаточно ли этично создавать осознанно обманный прецедент использования помогающего механизма?

2. Необходимость дизайна человекоподобных роботов. Есть вероятность, что в какой-то момент роботы дойдут до такого уровня правдоподобности, что люди перестанут отличать их от живых. И тут наступает эффект «зловещей долины». В какой мо-

мент привлекательность антропоморфного робота станет пугающей? Возможно ли отследить и предотвратить этот эффект?

3. Регулирование сфер применения антропоморфных роботов. Данное положение следует из возможности пользы использования именно человекоподобных роботов в разных сферах человеческой занятости. Вероятно работа, не требующая высоких когнитивных и эмоциональных навыков будет лучше восприниматься, если ее исполнителями будут человекоподобные роботы. Одновременно ставится вопрос о том, какая практическая деятельность будет считаться пригодной для исполнения роботами.

4. Доверие к роботам-помощникам. Безусловно, робот может быть лишен таких качеств как злость или раздражение, но любой эмоциональный отклик важен при оказании помощи, как и само действие. Роботу, ввиду очевидной недостаточности эмоционального интеллекта, будет оказано куда меньше доверия, нежели реальному человеку.

Подводя итог хотелось бы подчеркнуть недостаточную изученность вопроса о роботах-ассистентах в помогающих профессиях или как компаньонов. Этичность создания и использования антропоморфных роботов нуждается в обсуждении. Отношения человек-робот достаточно неоднозначны. Вопросы лжи и доверия нуждаются в обсуждении. Что касается моего личного мнения, моральная сторона этих отношений также нуждается в согласовании и контроле.

«НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ. ЭТИЧЕСКАЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ»

при участии Санкт-Петербургского отделения Русского общества истории
и философии науки (РОИФН)

материалы круглого стола

Дыдров Артур Александрович

к.филос.н., доцент, Южно-Уральский государственный
университет (научно-исследовательский университет)

Пеннер Регина Владимировна

к.филос.н., доцент, Южно-Уральский государственный
университет (научно-исследовательский университет)

Тихонова Софья Владимировна

д.филос.н., профессор, Саратовский национальный

исследовательский государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

К ПРОБЛЕМЕ РЕСТАВРАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КАТЕГОРИЙ НАУКИ

В современной философии наметилась тенденция реставрации традиционных ценностей и категорий науки, подвергаемых критике еще в XIX – пер. пол. XX вв. и демонтированных постструктурализмом. В постмодернистской интерпретации наука была вписана в контекст символического обмена, за границы которого невозможно выйти и остается только смириться с вечной циркуляцией знаков без референций. After-постмодернистские тенденции, в свою очередь, ведут к реинтеграции в тезаурусы философии и науки категории истины (Badiou). Науке присуща «автономия истины», диссоциирующая в условиях функционирования социальной мегамашины с системой практического применения результатов исследований, или подчинением капиталистическому укладу. Некогда подменившая «истину» категория «объективности» (Труфанова) сегодня подвергается пересмотру. Идеологически экспрессивные курсы интерпретируют «объективность» как заговор воображаемых «они», которым

не дозволено иметь ни тела, ни персональных точек зрения (Haraway). Ученые, сохраняющие умеренность в выражении собственных идей, утверждают, что объективность, по существу, есть ситуация, в которой предмет «возражает» и ставит исследователю свои неудобные вопросы (Шиповалова).

Дискуссии о современной науке вписаны в оппозицию «традиции – товара», за границы которой фактически невозможно выйти (Бадью). Исследовательские лаборатории и капитализированные образовательные организации ориентированы на монетизацию результатов деятельности. Их деятельность финансируется ценностями прогресса и инновационизма. Противовесом оказались «маргинальные» сообщества ученых-теоретиков, не встраивающихся в тренды и не готовых к разработке стартапов. Проблемы статуса и пересмотра категориальных основ современной науки раскрываются следующим образом: как возможно (и возможно ли) выйти за границы бинарной оппозиции реакционного консерватизма с одной стороны и продуктоориентированного инновационизма с другой? Возможен ли окончательный пересмотр категории объективности и восстановление научной истины в ее правах? Обозначенные проблемы обостряются в связи с масштабами и спецификацией функционирования идеологических машин. Лаконично эта проблема была обозначена так: вне идеологии нет неидеологического пространства, находясь в котором, можно было бы критиковать идеологию (Crockett). Обозначенный фактор существенно затрудняет (если не отменяет) реализацию идей after-постмодернизма, философии возврата к референции и ставит под вопрос целесообразность восстановления исторических категорий и принципов науки и даже формирования новых. Тотализация идеологии, констатируемая многими представителями самого же научного сообщества, порождает неоднозначные последствия для существования науки. По большому счету, согласие с этим тезисом как с исходным прямо ведет к признанию тотализации символического обучения. Иными словами, автономия истины располагается в деонтологической плоскости и существует как полюс идеального, в отношении которого возможно «быть в пути» (Jaspers). В действительности в этой же плоскости находятся тотальный прогрессизм и инновационизм науки. Автономия истины (Badiou) – это область свободы научного творчества, свободного от социального заказа, государственного влияния и лоббизма и в равной степени очищенная от субъективистских установок, целерациональных пресуппозиций, которые находятся за границами науки. Способ преодоления бинарной оппозиции «традиция – товар» видится не в создании альтернативной инновационизму идеологии и философии, а в рефлексивной деятельности ученого, в искусстве задавать вопросы самому себе, а не только заполненному «объектами» миру: «для чего я занимаюсь исследованием?», «есть ли у меня интерес к предмету или мной движут иные мотивы и стимулы?». Формулировка этих вопросов и поиск ответа на них потребует от ученого временного отказа от привычного магистрального направления деятельности. Тем не менее, будущее науки «делается» не только политической мегамашиной, но и «действительным» индивидом (Marx), реализующим свои замыслы здесь и сейчас.

Куприянов Виктор Александрович

старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им.С.И.Вавилова Российской академии наук

ИДЕЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

В ПРОЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ Г.В.Ф.ЛЕЙБНИЦА

Практически на протяжении всей своей творческой биографии великий немецкий философ и ученый Г. В. Ф. Лейбниц интересовался проблемами организации науки. Нужно подчеркнуть при этом, что интерес Лейбница выходил далеко за пределы теоретической стороны науки. Уже в 22 года он написал первый проект научной организации, призванной создать в Германии научную институцию нового типа. Свои проекты и планы Лейбниц стремился реализовать на практике, завязывая нужные контак-

ты среди европейской знати. Известна его особая роль в основании двух ныне существующих академий — Санкт-Петербургской и Берлинской (ныне Берлин-Бранденбургская академия наук). Немалые усилия приложил Лейбниц для организации научных обществ в Вене и Дрездене.

В литературе отмечается (см.: Дмитриев И. С., Кузнецова Н. И. Академия благих надежд. М.: Новое литературное обозрение, 2019.), что в основе интереса Лейбница к проблемам организации науки, а также его практической деятельности в этой области лежали корыстные мотивы, связанные с желанием получить финансовую выгоду. Однако представляется, что более важным была для Лейбница философская и идеологическая составляющие его мировоззрения. В докладе предполагается показать, что в основе лейбницевских проектов организации науки лежал комплекс правовых, религиозных и этических концепций, которые определили его видение науки как социального института. Планируется показать, что идеи, высказанные Лейбницем, были глубоко укоренены в академическом движении 17 — начала 18 вв. Будет показано, что Лейбниц ориентировался на английские и французские образцы организации науки (Лондонское королевское общество и Парижскую академию наук).

Говоря о влиянии политических и социально-философских идей на проекты Лейбница, следует отметить важную в социальной истории науки концепцию «республики ученых». В докладе планируется показать своеобразие понимания Лейбницем этой идеи. Мы также покажем, что концепция республики ученых оказала серьезное влияние на академические проекты Лейбница. Лейбниц понимает «республику ученых» как «царство достоинства», основанного на знании ради пользы человечества. Его организационные проекты были во многом обусловлены таким пониманием социальной роли науки. В докладе будет показано, что идея практической пользы науки как силы, направленной на моральное совершенствование человечества, была руководящей в социальной философии науки Лейбница.

Лобастова Вера Александровна

к. филос. н., доцент, Институт экономики и социальных технологий, Санкт-

Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Призвание к научной деятельности выражается прежде всего в вдохновенной увлеченности всем тем, что связано с научным исследованием. Глубокий и устойчивый интерес, который выражает ученый к предмету и теме научных изысканий, перерастает в бескорыстное служение научному делу и вызывает искреннюю преданность поставленной задаче — поиску объективного знания. Научно-исследовательская работа дает импульс и направление движению интеллектуального развития человечества, смысл которой состоит в незавершенности из-за бесконечного стремления к истинному бытию вещей, процессов, космоса в целом. Стратегия научной мысли разветвляется таким образом, что любая научная теория или концепция неизбежно преодолевается последующими теориями и концепциями, так как научная теория своим появлением вызывает отклик в сообществе ученых, заостряя проблему и побуждая полученными результатами последующее продвижение мысли вперед, чтобы выявлять новые проблемы, расширять возможные достижения и преодолевать допущенные заблуждения.

Наука стремится рационализировать все сферы человеческой жизни, как личной, так и общественной. Процесс интеллектуализации усиливается и возрастает, захватывая все больше регионов бытия человека, поэтому распространяется убеждение, что со временем можно познать абсолютно все, а для осуществления такого проекта нужно только страстно пожелать этого. Рациональный расчет вместе с многообразными технологиями помогает овладеть разного рода вещами, подчинив их текущим практическим потребностям человеческой жизни, а также позволяет преодолеть страх и вину перед таинственными силами сакрального мира, расколдовывая его благодаря наполнению смыслами, понятными человеку и ограничивая рамками человеческой жизни в

процессе секуляризации. Возможно, научная деятельность способствует угасанию духовного интереса, вытеснению его чисто технологическими открытиями, которые сделали грандиозные прорывы в области пространственных и временных ограничений.

Наука не способна ответить на глубокие мировоззренческие вопросы: как существовать в данном мире и что делать в этой жизни, в какой перспективе развиваться, так как научный взгляд на мир подчиняется, а значит ограничен добровольно принятыми и конвенционально разделяемыми предпосылками. Прежде всего научное исследование регулируется логическими законами и методологическими принципами, позволяющими ориентироваться в постепенно выстраиваемой научной картине мира. Кроме того, важность и ценность результатов научной деятельности не может быть доказана научными средствами и предполагается как «само собой разумеющееся» жизненной или естественной установкой исследователя. Такое положение дел не может устраивать строго мыслящего ученого, поэтому возникает задача сначала прояснить границы изначальной предпосылочности научной работы, а затем преодолеть их или хотя бы расширить, расшатывая уверенность в их существовании.

Важно строго различать объективную и субъективную стороны научной мысли. Во многом проведение этого различия вызвано требованием поиска истины, которое пробуждает критическую позицию исследователя, раскрывающуюся в контроле актов мышления и оценке их результатов. Каждый ученый стремится принести пользу научному сообществу приобретенными знаниями, методологическим инструментарием и способами его использования, однако он не может допустить навязывания личной позиции несмотря на убедительную публичную демонстрацию, тем самым он содействует самостоятельному движению мысли, которое возможно благодаря обретению отчетливого и ясного осознания существующего положения дел.

Различные ценностные приоритеты в мире находятся в непримиримой борьбе. Несовместимость ценностей, утверждаемых человечеством, показывает, что в значительной мере истина не совпадает с добром и не пересекается с красотой, выдвигая разницу в ценностных позициях и необходимость свободного выбора, который отличит познавательную ценность от ненаучных ориентаций: политических, религиозных, моральных. Ценность научного творчества тесно связана с принятием предпосылки существования научной истины. Интеллектуальная честность как подлинная добродетель научной работы состоит в бескорыстном поиске и утверждении научной истины.

Масланов Евгений Валерьевич

к.филос.н., научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАУКИ И НАУЧНЫЙ ПРОРЫВ

В настоящее время цифровизация – один из важнейших трендов развития общества в целом, науки и научного знания в частности. Предполагается, что она позволяет достичь небывалых преимуществ как в процессе обучения подрастающего поколения ученых, так и в процессе получения новых нетривиальных результатов, которые вряд ли были бы достигнуты без применения цифровых технологий. Конечно же, с этим трудно спорить. Создание цифровых двойников различных явлений и процессов, анализ огромного массива данных, численное моделирование экспериментов позволяют не только экономить силы исследователей, но и совершать важные научные открытия. Однако стоит отметить и тот факт, что этот процесс изначально сопровождал научное знание. Современное экспериментальное естествознание сформировалось, в том числе, и как специфическая практика изучения природы, для которой использование математики всегда играло значимую роль. В этом случае сам проект цифровизации научного знания по своей длительности примерно совпадает с проектом новоевропейской науки.

Это наблюдение позволяет нам выделить один из специфических аспектов процесса цифровизации – все более активное проникновение научного знания в жизнь общества. Без использования сложившихся в науке способов работы с информацией,

применения достижений математики и естественных наук невозможно ее представить. При этом сама она становится проводником научной рациональности в обществе не только через знания, которые используются в технологических решениях, но и через сами технические устройства и их интерфейсы. «Медиа – это сообщение», когда-то писал М. Маклюэн, но теперь это еще и воспитатель нашего разума, задающий нам определенный способ работы с объектами и механизмы упорядочивания информации. Мы начинаем использовать их не только в процессе «взаимодействия» с машиной, но и общения с людьми, анализа информации и в других ситуациях. Через интерфейсы элементы научного знания проникают в наше мышление. В результате наука становится важнейшей идеологической структурой современного общества. Именно она задает стандарты рациональности, к которым начинает стремиться общество, формирует его представления о возможном и желаемом будущем.

Важнейшим чертой проникающего в общество научного знания становится ориентация на свободу поиска и формирование собственных исследовательских стратегий. Наука без этого не возможна, но в обществе подобные черты, могут вести к разрушению устоявшихся культурных и социальных практик. В этом случае наука и процесс цифровизации должны ориентироваться на формирование научного прорыва, который приводит не только к получению все большего количества научных знаний, но и осознанию особой социальной роли научного знания. Она может быть связана с формированием этических взглядов ориентированных на сочетание ценностей индивидуальной свободы и самовыражения личности с представлением о наличии иных общественных ценностей.

при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение №075-15-2020-798).

Шитовалова Лада Владимировна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет,
ведущий научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

О ВОЗМОЖНОМ (НЕ) ОТЛИЧИИ НАУКИ ОТ ИДЕОЛОГИИ

С начала XX века становится очевидной невозможность мыслить науку вне ее существенного и неоднозначного воздействия на общество. В контексте такой неоднозначности наука становится объектом государственной политики и средством легитимации господства (Ю. Хабермас), превращаясь, тем самым, в идеологию. В этой ситуации для идентификации профессии и призвания ученого значимо различие научности его позиции и ее идеологической составляющей. Традиционно, идеологическое искажение знания включало придание всеобщего статуса частному (классовому) интересу, в нем выраженному. В этом контексте претензия научного знания на универсальность содержания, а также самого ученого на нейтральность его позиции извлекла науку от смешения с идеологией. По этим признакам можно было отличить от научного знания, способное включиться в реализацию определенного курса власти, поддерживать этот курс собственной идеологической однозначностью (например, расовая теория). Однако в современности требование всеобщности и незаинтересованности оказываются недостаточными и проблематичными. Звучащие со стороны государства и части научного сообщества, они порой скрывают ожидание от ученых определенной позиции. Стремление к объективности как незаинтересованности становится этически и эпистемологически подозрительным. (Например, симптоматичным в этом контексте оказывается спор немецких историков и осуждение Э. Нольте, призывающего объективно исследовать историю фашизма). Возникает ситуация, в которой нейтральность исследований не только не гарантирует их научности, но провозглашается самими учеными как подозрительная, скрывающая оправдание господствующего дискурса, или как неэффективная, невнимательная к кризисам современ-

ности, не служащая их разрешению, не включающаяся в актуальную деятельность, избыточно и нелегитимно отстраняющаяся от жизни (Д. Истон). Более того, идеологические искажения знания в современной форме связываются уже не с приданием частному интересу всеобщего статуса, но с утверждением всеобщего характера знания, игнорирующего значимые спецификации конкретных положений дел (А. Финберг). Как в этой ситуации не смешать науку и идеологию? Как высказывание в социально-политических науках может быть отличаемо от партийного манифеста или текста пропаганды? Как «ситуационное знание», предлагаемое современными эпистемологами в качестве ответа на данный вопрос, может избежать статуса идеологии в традиционном смысле или дополнения для «новой этики» в смысле современном? Представляется, что существуют эпистемические маркеры, которые могут позволить опознать различие между наукой и идеологией. Они связаны с признанием того, что научное знание, несмотря на критику репрезентационализма, должно пониматься отчасти как репрезентация, что позволяет схватить зазор между знанием (высказыванием, текстом) и той областью существующего, интерес к которой мотивирует исследование. Ставший уже почти классическим принцип фальсифицируемости может служить удостоверению такого статуса научного знания, оказывающегося в положении риска относительно описываемого и объясняемого им положения дел. Следует подчеркнуть, что статус научного знания как репрезентации реальности не отменяет отношения к науке как деятельности, однако делает исследование, имеющее в фокусе такую двусмысленность, настоятельным.

при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение №075-15-2020-798)

Косыхин Виталий Георгиевич

д.филос.н., доцент, заведующий кафедрой философии и методологии науки,
Саратовский научно-исследовательский государственный университет

НАУКА КАК ИДЕОЛОГИЯ:

К ОБЩЕСТВЕННОМУ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЮ НАУКИ

Становление науки Нового времени, начиная с XVII века сопровождалось позиционированием ее роли в общественной жизни, которая на первых порах носила в целом утилитаристский характер. У Френсиса Бэкона, Рене Декарта и других философов того времени наука считается общественным благом, приносящим государственную пользу, что позже найдет свое отражение в утверждении Лондонского королевского общества как государственного учреждения королевской хартией в 1662 году, и основании Французской академии наук четырем годами позже указом Людовика XIV. Уже при основании в самом уставе Лондонского королевского общества содержалась, помимо содействия практически применимым научным исследованиям, впрочем, вполне мотивируемых задачами роста торговли и расширения границ империи, вполне идеологическая задача, выработать новый общий взгляд на природу в целом, для чего с 1665 года начал издаваться журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*, с обозначенном уже в первом номере весьма своеобразным девизом «Все во славу Бога, чести и процветания королевств и всеобщего блага человечества».

Наиболее отчетливо идеологическая функция нового общественного взгляда на природу в целом проявится в эпоху Просвещения, где с легкой руки Вольтера и Дидро наука сама превращается в форму идеологии, вступая в борьбу с невежеством и общественными предрассудками. XIX век делает ставку на идеологему научного прогресса, что ярко проявится в философии позитивизма, марксизма и прагматизма. Однако уже столетием позже сциентизм как идеология решения мировых проблем подвергнется критике не только со стороны анти-сциентистски настроенных направлений философии, но и со стороны самих ученых.

И дело здесь не только в том, что научное знание вовсе не исчерпывает собой все богатство познаваемой реальности. Эпистемологический парадокс современной науки во многом заключается в расширении территорий научного поиска за счет новой оптики исследовательских методов и объектов изучения, часто входящих в противоречие с прежними их трактовками (Бруно Латур, Грэм Харман).

Не существует чистой, внеидеологической науки самой по себе, поскольку наука, когда она не используется как инструмент в споре идеологий, сама выступает в качестве идеологии на разных этапах и уровнях своего общественного позиционирования. Даже эмпирические научные исследования, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к идеологии, сопровождаются широким спектром идеологически окрашенных предпосылок и коннотаций, в частности, эпистемологических (проблемы наукометрии публикаций, учитываемых в специфических базах данных и псевдонаучности) и этических (плагиат). Следует учитывать и коммерческую составляющую научных проектов, как правило сопровождающуюся вмешательством в науку корпоративных и государственных интересов, что делает само понятие научной деятельности достаточно идеологизированным в различных аспектах и этапах ее осуществления

Годарев-Лозовский Максим Григорьевич

Председатель Санкт-Петербургского Философского клуба

Российского философского общества

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.И.СВИДЕРСКОГО – А.С.КАРМИНА КАК ВОЗМОЖНОЕ КРАСИВОЕ РЕШЕНИЕ АПОРИЙ ЗЕНОНА И ШЕСТОЙ ПРОБЛЕМЫ ГИЛЬБЕРТА

1. Исходные определения. 1) Геометрическая точка на прямой, по определению Н.Н. Лузина, – это бесконечная стягивающих интервалов [1]. 2) Точка на числовой прямой – это действительное число. 3) Материальная точка – это квантовый микробъект. 4) Всякая точка имеет структуру и производна от «отношений меры» в духе реальной бесконечности В.И. Свидерского и А.С. Кармина [2].

2. Проблема: нельзя указать процедуру, которая позволяла бы получить всё множество несчетных значений разрывной функции одного вещественного от 0 до 1, т.е. добраться до произвольного значения за некоторое ограниченное время [3, 339-340].

3. Общее решение проблемы: непрерывный переход в интегралах с мнимыми пределами от одного значения x к другому $a + b i$ совершается по линии и бесконечно многими способами [3, 360-361]. Интересно то, что решение проблемы обозначено «королем математики» К. Гаусом значительно раньше, чем она осознана в науке другим гениальным математиком Э. Борелем.

4. Конкретизация решения проблемы: по Л.С. Понтрягину путь точки в плоскости комплексного переменного – это движение точки без скачков [4, с. 14-22]. Но почему движение в микромире «математически мнимо»? Ответ заключается в том, что в уравнении Шредингера, присутствует мнимый коэффициент при производной пути микробъекта по времени, и, соответственно, волновая функция микрочастицы существенно комплекснозначна. При этом логически у квантовой частицы избыток точек реального пространства, чтобы двигаться траекторно, и недостаток точек времени, чтобы двигаться темпорально [5, с. 24-39].

5. Для геометрии Лобачевского логически необходим постоянный переход точек на вещественной оси в точки на мнимой оси и обратно [1].

6. Обобщенный нами подход Антипенко-Векшенова: существует числовой динамический континуум, который взаимно однозначно соответствует мировой материальной среде. Вещественное число в каждой точке континуума рассматривается как линейный фрагмент фундаментального вращения – «сверхчисла». Разность мощностей двух бесконечностей выступает как своеобразная «разность потенциалов» и механизм внутреннего движения континуума [6, с. 42-56]. Одна и та же точка принимает

то вещественное, то мнимое числовое значение [1]. Важно и следующее: предложена модель комплексной псевдоевклидовой плоскости: отображение комплексного числа на плоскость с псевдоевклидовыми метрическими свойствами [7, 146-158].

7. Вывод: подход Антипенко-Векшенова, по существу концептуально развивающий идеи В.И. Свидерского – А.С. Кармина, эстетически красиво разрешает: а) многовековые апории Зенона как проблему движения материальной точки через несчетное множество точек реального пространства, заполненного динамичной материальной средой; б) шестую проблему Гильберта: строгое обоснование перехода от атомистической точки зрения к законам движения континуума [8, 71-77].

Литература.

1. Антипенко Л.Г. Онтологический подход к обоснованию математики в свете неевклидовой геометрии Лобачевского <https://beskonechnost.info/mathematic/146-antipenko.html>
2. Свидерский В.И., Кармин А.С. Конечное и бесконечное: философский аспект проблемы. М.: Наука, 1966. 320 с.
3. Даан – Дальмедико А., Пейффер Ж. Пути и лабиринты. М.: Мир, 1986. 431 с.
4. Понтрягин Л.С. Обобщения чисел. М.: Наука, 1986. 117 с.
5. Годарев-Лозовский М.Г. Онтологический треугольник реляционной парадигмы / Метафизика. 2021, № 2 (40).
6. Векшенов С.А. Свет и континуум – «короткое замыкание». / Метафизика. 2017, № 5 (25).
7. Сазанов А.А. Наложение псевдоевклидовых метрических свойств на комплексную плоскость ISSN 0136-5835. / Вестник ТГТУ. 2007. Том 13. № 1А.
8. Гильберт Д. Основания математики. Вначале была аксиома. М.: Де Агостини, 2015. 176 с.

Кузнецова Наталья Ивановна

д.филос.н., главный научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им.С.И.Вавилова, Российская академия наук

МНОГОЛИКОСТЬ ЭТИКИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Этика находится под перекрестным огнем острой разнообразной критики, как в теоретическом, так и в практическом плане. На самом деле пришло время современного осмысления классических вопросов морали. Этику критикуют и за то, что невозможен осмысленный ценностный выбор – как говорят, «этик слишком много», и за то, что она не способна убедительно реагировать на многообразные вызовы современности. Например, появляются новые биомедицинские технологии, которые радикально меняют представления человека о смысле достойной жизни и смерти, репродуктивного поведения и т.д. (трансгуманистическая проблематика). И люди не имеют разумных оснований для принятия ответственных решений. Постоянно вспыхивают дискуссии о правомерности корпоративной этики, этике «цифрового поведения» и т.п. Обескураживает публику и фиксация относительности этических норм в различных социокультурных анклавах (этический релятивизм). Справедливы ли эти и подобные упреки? На наш взгляд, философской этике следует, прежде всего, исполнить завет Дж. Мура, который утверждал, что в этой сфере специалисты пытаются ответить на вопросы, не уяснив окончательно, каковы те вопросы, которые они собираются решать (см.: «Принципы этики», 1903). С этого начиналась метаэтика. Однако современная метаэтика, реализующая аналитический подход, не призвана указывать моральных ориентиров, и никакое развитие ее специфического подхода, не может оправдать ожидания публики.

Основное различие, которое совершенно необходимо, – признание многоликости этики именно в теоретическом плане. У этого многообразия есть два полюса: можно сказать, что этика «двулика». Философская этика *per se* строит проекты, которые можно и должно реализовать практически. На проектную природу этики (на примере христианства) ярко указал Ф. Ницше. Он также обозначил особую позицию, в

рамках которой можно рассматривать и сравнивать предложенные этические проекты, – имморализм. Как ни печально, смелый ницшеанский подход не был продолжен. Есть и другой полюс – этика научная, сфера этических исследований, где выясняются (исследуются) практики морального поведения. Этим занимаются многие научные дисциплины: культурная антропология и этнография, социальная психология и социология, историческая психология (напр., Мария Оссовская исследует мораль «рыцаря» и «буржуа») и ряд других наук, включая историю этики. Со времен Д. Юма известно, что этика утверждает нечто, что должно быть, а не то, что есть. Аргументация «должного» и установление «реального» – совершенно различные задачи. Из модуса существования, как хорошо знают логики, вовсе не следует модус долженствования. К сожалению, философская этика обязана смириться и с тем, что из установления «должного» автоматически не последует появления соответствующего поведения в практиках повседневности. Если философ будет настаивать на обязательности выполнения тех норм, которые он сформулировал, то лучше ему покинуть область этики и работать в сфере юриспруденции. Этические и юридические нормы принципиально различаются по своей природе. Перечисленные вопросы вовсе не новы, они обсуждались, однако сегодня сосредоточенность на практической стороне этической проблематики мешает обнаружить непрямолинейность ее фундаментальных теоретических оснований.

Мур предложил также замечательную типологию философских этических направлений, различая «этику натуралистическую» (куда можно отнести гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм, эволюционную этику) и «этику метафизическую» (этика долга, этика пессимизма, этика любви, этика ответственности). Таким образом, только исторически апробированных вариантов этических систем насчитывается восемь. Естественно, что такое разнообразие деморализует обычного человека.

Выход из сложившейся ситуации только один: действительно вернуться к обсуждению теоретических оснований философских этических проектов, рассматривая во всей полноте проблемы их реализуемости и эффективности в свете актуальных рисков современной цивилизации.

Мусс Александр Игоревич

к. филос. н., старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет

LEHR UND LERNFREIHEIT: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Если отграничивать науку (исследование и описание неизвестного, поиск нового знания) от инженерного дела (разработка на базе существующих знаний решений прикладных задач), то настоящее время сложно назвать веком науки: если еще в XIX веке выпускник гимназии, владея значительной совокупностью инструментов познания, поступал в университет и свободно выбирал для изучения курсы, которые соответствовали его академическим (а не профессиональным!) интересам, то сейчас устойчивость и обязательность дисциплинарных границ между различными науками (и их отделенность от философии) породила необходимость диалога между носителями дипломов различных специализаций, гибридных программ высшего образования, а также возврата к более гибкому планированию своего академического пути. То есть, для того, чтобы пытаться решать фундаментальные задачи на уровне ученых XIX века, приходится выстраивать байпасы на образовательной системе, которая пригодна, скорее, к выпуску инженерных кадров и лаборантов.

В этой ситуации, если говорить об идеологии как о синониме мировоззрения, наука, как поиск нового знания, оказывается за пределами идеологии современного человека. Философские проблемы познания и познаваемости (в духе, скажем, критической философии, И. Канта) оказываются скрыты за огромным количеством попыток формализовать окружающий мир. В рамках таких формализаций поиск нового знания кажется лишним, а подобный вид познавательной активности – уделом детей и наив-

ных мечтателей, которым не хватает опыта. Как будто бы общество вслед за героем повести А. и Б. Стругацких говорит: “На самом деле все давным-давно выдуманно”...

При этом, интересен анализ опыта такой формализации внутри самой истории философии и науки:

1) подмена познания готовыми ответами из каноничных священных текстов привели средневековых философов-теологов через номинализм как способ решения проблемы универсалий, в конечном итоге к отрицанию священного статуса слов и развитию методов познания и рассуждения (Морозов В.Н., 2010),

2) первая волна позитивизма, возникшая на фоне значительных успехов физики и астрономии, в форме веры в бесконечный прогресс и вечные универсальные законы (Конт О., 1910), столкнулась с кризисом физической науки, который вернул сторонников опытного знания к теории (Дюгем П., 1910),

3) завершение проекта математизации логики в начале XX века, с одной стороны, породило логический позитивизм с его верой в универсальный язык познания, путь к которому, однако, завершился осознанием ограничений подобных убеждений и возвращением к исследованию актуального состояния научного тезауруса,

4) постановка же проблемы демаркации в трудах К. Поппера (1983) в форме требования к научным теориям, привела появлению критических работ И. Лакатоса (2008) и П. Фейерабенда (1986).

Получается, что так или иначе, включение и использование философских методов познания, в том числе, для решения задачи формализации, возможно, будет раз за разом возвращать нам ограниченность таких попыток, а вместе с тем и необходимость обращения либо к истокам, либо к непосредственному содержанию актуальной ситуации. И в этом смысле науку как познавательную активность, направленную на постижение нового знания, обосновывающую это знание и постоянно себя пересматривающую не стоит рассматривать исключительно как жертву усредненного мировоззрения конкретной эпохи. Понимаемая таким образом наука сама является основанием для специфического мировоззрения, несовместимого с желанием спрятаться от неизвестного за чередой принятых на высшем уровне законов и уложений.

Тульчинский Григорий Львович

д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

ЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЦИФРОВИЗОВАННОЙ НАУКИ

О цифровизации науки и этических последствиях этого процесса относительно позиционирования и оценки труда ученых сказано и написано очень много. Фактически, большей частью, это является реакцией на последствия, но не причины происходящего.

Суть дела, как представляется, в редукции знания к информации (мере разнообразия, данным), тогда как наука производит не информацию, а знания, т.е. информацию кем-то, как-то и для чего-то осмысленную, т.е. отвечающую на вопросы: что/кто?, почему?, и зачем?. И в любых науках – в естествознании, и в точных, и в социальных, и в гуманитарных науках прослеживаются три дискурсивных (нарративных) уровня содержания научного знания, отвечающие на эти вопросы: фактичности, детерминации (каузальности) и интенциональности. Они прослеживаются в текстах публикаций, проектов, программ – в постановке проблемы, ее актуальности целях и задачах исследования, его результатах, их практическом значении. При этом, исходным (постановочным) и завершающим осмысление является интенциональный дискурс (нарратив), который по самой своей природе имеет этическое содержание.

С момента своей институционализации наука апеллировала к ценностно-нормативному идеалу объективности, стремления к истине, открытию критике, бескорыстию, универсальному общечеловеческому знанию. Согласно известной идее М.М.Бахтина, осмысление действительности представляет собой длящийся осмысляющий диалог, в котором участвуют носители частных знаний – в современной тер-

минологии этот процесс можно уподобить построению блокчейна общечеловеческого знания.

Однако дисциплинарная специализация науки привела к ее клановой институционализации, двойной морали: ценностно-нормативный идеал ориентирован на внешнее применение для внешнего позиционирования и применение к другим школам и направлениям, тогда как внутри направления действует обратная система ориентиров (верность учителям и лидерам, их концепциям, методам, чистка рядов, привлечение финансовых средств и т.д.). Эта клановость закрепляется в редакционной политике журналов, работе диссертационных советов. В результате наука предстает «вавилонской башней» дивергенции «блокчейнов», что в условиях цифровизации только усугубляется.

Все более интенсивный запрос на междисциплинарность предполагает поиск «общего знаменателя», платформы экспертизы научного знания. Так, в философии последних полутора столетий прослеживается интенсивный сдвиг акцентуации внимания с онтологической проблематики знания о сущем как оно есть – к знанию о методах его познания и далее – к социально-культурным факторами познания – к личности, как источнику, средству и результату познания. А цифровизация явочным порядком вышелушивает такое ядро, выступающее источником, средством и результатом динамики осмысления.

Знание о природных процессах не самоценно, оно важно для понимания инфраструктуры и развития человеческого социума. Но и знание о социуме не самоценно, а является знанием об инфраструктуре возможного воспроизводства и развития определенного способа жизни социума, его культуры. Но и культура – суть инфраструктура порождения и развития носителей этой культуры – людей, наделенных этой культурой в результате социализации и индивидуализации сознанием и самосознанием. И именно наделенность самосознанием, неповторимой субъектностью как «точкой сборки» свободы и ответственности – дает возможность смыслообразования, трансцендирования в иное, порождение нового знания.

Тем самым открывается перспектива базовой ориентации экспертизы научного знания на обеспечение возможности реализации этого ключевого фактора развития осмысленного знания. И такая по своей сути ориентация носит этический характер.

Шахнович Марианна Михайловна

д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

НОВЫЙ АТЕИЗМ И НАУКА О РЕЛИГИИ

Современному философу и социологу науки Бруно Латуру принадлежит выражение: «Все обстоит превосходно с общественными науками за исключением двух слов: „общественные“ и „науки“». Латур акцентирует внимание на подражании общественных наук естественным. Однако общественные науки в большей степени подвержены влиянию идеологических презумпций, чем представители науки — «science» в ее классическом понимании, хотя в истории естествознания были и «обезьяньи процессы», и признание «генетики» лженаукой.

Это, безусловно касается того исследовательского направления, которое в нашей литературе называется религиоведением (religious studies). Поэтому чрезвычайно важно выявить или по крайней мере поставить вопрос о соответствии того, что мы называем наукой о религии задачам и стандартам научного анализа, а также определить вклад различных представителей этой науки в формы организации и трансляции знания о религии.

В современных трудах по истории науки отмечается, что характерными топосами всевозможных studies, например, cultural studies и religious studies является «открытость», «подвижность», «междисциплинарность». Присущая им нередко идеологическая ангажированность рассматривается обычно как ответ на современные вызовы, то есть как результат открытости и отсутствия догматизма. Считается, что топос studies,

отвергая узкую дисциплинарность и нормативность, способствуют развитию новых методологических подходов и помогает избежать конфронтации благодаря плюрализму методологических подходов. Однако оказалось, что применение естественнонаучных методов к изучению религиозных феноменов, связанное с развитием неозволюционизма и когнитивных наук, привело к кризису междисциплинарной модели *religious studies* и попытке «скрыться» в узко дисциплинарных полях истории и антропологии религии. Причиной этого стал редукционизм, свойственный эволюционизму и когнитивным исследованиям, а также использование результатов этих исследований представителями так называемого «Нового атеизма» — Р. Докинза, К. Хитченса, С. Харриса, Д. Деннета, В. Стенджера и др.

Известные историки науки Тед Дэвис и Стивен Сноубелен выступили против «триумфализма новых атеистов», то есть против их мнения о состоявшейся благодаря когнитивным и палеогенетическим исследованиям триумфальной победе науки над религией в вопросе о происхождении идеи Бога. Против использования «новыми атеистами» достижений современного религиоведения для критики религии выступил и создатель Ассоциации когнитивных исследователей религии Армин Гирц. Он заявил, что, хотя когнитивные методы являются хорошими инструментами для изучения религиозного сознания, но пока ни одна из теорий и гипотез когнитивистов о природе религии не доказана в естественнонаучном смысле этого слова.

Известные философы науки Дональд Вибс и Лютер Мартин, изучающие в том числе теорию и методы религиоведческих исследований, напротив, не только опубликовали в последние годы целую серию статей и книг, поддерживающих «научность», то есть редукционизм в изучении религии, но и потребовали переименовать крупнейшее объединение исследователей религии — Международную ассоциацию историков религии (International Association for History of Religion) в Международную ассоциацию науки о религии (International Association for Science of Religion), чтобы отмежеваться «теологического подхода» в религиоведении, под которым они понимают феноменологию религии и историческое описание религиозных идей.

Любопытно, что спустя сто лет распространение неозволюционизма в исследованиях религии привело вновь к спорам между редукционистами и антиредукционистами. В 1900 г. создатель школы сравнительного религиоведения в России Л. Я. Штернберг называл сравнительное изучение религий «позитивной наукой», отмечая, что благодаря позитивизму исследователи религии усвоили истину, что на место априорных идей должны стать факты, объективное изучение которых должно привести к единственно возможной философии религии – открытию законов и общих принципов религиозных явлений. Опора на эволюционную теорию создала возможность для построения науки о религии, занимающейся историей эволюции религиозных явлений в связи с другими факторами психической и социальной жизни.

РФФИ №21-011-43036\21 «Научный атеизм» как идеологический конструкт, образовательный проект и элемент советского образа жизни (1950-х-1980-х гг.)

Ананьева Екатерина Михайловна
к. филос. н., старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет

НАУКА КАК ПРИЗВАНИЕ: АРГУМЕНТЫ PRO И CONTRA

Когда современное образование возвращается к концепции науки как служения и призвания, передается своеобразная эстафета от идей Макса Вебера к проблемам современного социального и гуманитарного знания. В меньшей степени вспоминаются при этом идеи, высказанные в полемике с веберовским подходом. В 20 годы прошлого столетия, почти сто лет назад, Макс Шелер дал повод задуматься над безусловностью теоретических обобщений Вебера. Видя в веберовских построениях продолжение линии Канта – линии на выведение моральных законов, Макс Шелер отчасти вернулся к аргументам, высказываемым против Канта еще его современниками (напри-

мер, И.Гаманом): науки этического цикла, прежде всего науки педагогические, сопротивляются прямолинейному приведению их к идеалу научности. Тем же путем двинулся, по мнению Шелера, новый тренд в знании – социология: «Позитивизм верил, что может дать социальным наукам и наукам о духе фундамент – фундамент «научной морали». Он не видел, что определял предмет и метод этих наук только благодаря тому, что учил искусственно не принимать во внимание личность, ее свободу и подлинно моральные факторы вообще... Макс Вебер ясно заявил о нем в своем докладе «Наука как призвание и профессия». Науки могут либо выявлять законосообразные связи, которые при любой системе ценностей и любом мировоззрении надлежит учитывать с технической точки зрения, либо в лучшем случае выявлять смысловые связи... сколько мало демократия как политический идеал способна двигать вперед историю посредством позитивного целеполагания (...), так же и наука не в состоянии развить из себя систему ценностей и идей, быть фундаментом какого-либо мировоззрения» [1]. И хотя тенденция к наукообразности не ослабла за прошедшее с этой дискуссии столетие, некоторая существенная поправка внесена общественным развитием – кризис идеологических оснований социальных сообществ, предсказанный шелеровским аргументом о ценностном бесплодии науки, ощущим по эту и по ту сторону политических водоразделов современного мира. Нет оснований утверждать, что предпринятое Шелером скептическое оппонирование идеям Вебера оказалось безусловное действительное влияние на социальную теорию, – можно согласиться с суждением историка науки: «Шелеру так и не удалось занять в истории социологии место, сопоставимое со славой М. Вебера и Г. Зиммеля» [2]. Но, как кажется, спор еще рано считать законченным, поскольку эпоха отказа от «больших нарративов» поменяла лишь терминологию, но не исходную диспозицию, вынудив «...выбирать между «гранд-нарративным» методологическим тоталитаризмом и всеядным эпистемологическим анархизмом» [3]. Аргументация, предложенная Шелером против «позитивизма в социологии» в защиту резонов персонализма и его возможного методологического обеспечения – социологии знания – не теряет, как представляется, своей актуальности, и в этом кажется возможным согласиться с мнением Дитера Хенриха, высказанного по поводу судьбы идеи науки как признания: при освоении и присвоении современными социальными исследованиями идей Вебера, «как при анализе его методологии, так и при изложении ее связи с философскими позициями теперь возникло парадоксальное разнобразное утверждений» [4].

Литература:

1. Шелер М. Проблемы социологии знания М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011, С.223-224
2. Михайлов И.А. Социологические начала философии Макса Шелера // Социодинамика. – 2018. № 12. С.41-51. URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28397
3. Малинкин А. Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос – 2005, № 2, С.97
4. Henrich, D. Die Einheit der Wissenschaftslehre Max Webers — Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1952, S.1

Порус Владимир Натанович
д.филос.н., профессор,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ИДЕОЛОГИЯ В НАУКЕ – НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

С той же настойчивостью, с какой идеология противопоставлялась науке в недавнем прошлом, теперь она объявляется неким неизбежным фоном и даже источником ценностных идей, какими руководствуются ученые в своих исследованиях. Вопрос: какие сдвиги в культурной среде произошли для таких перемен? Гипотеза: настало время переосмыслить понятие идеологии, в особенности, в тех его аспектах, которые ближе относятся к процессам формирования научных направлений. К этому подвига-

ют и перемены, происходящие в самой науке: в частности, требование перехода к «пост-нормальной» или гражданской» науке, приобретающее широко обсуждаемый характер в кризисные периоды общественного развития..

Березовская Ирина Петровна

доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ГРЕХ САМОНАДЕЯННОСТИ В НАУКЕ

Понимание ответственности ученого неразрывно связано с той ролью, которую играет наука в обществе. На современном этапе развития общества можно выделить следующие выражения этой роли:

«(а) исследования сегодня всё чаще проводятся не ради удовлетворения собственного любопытства исследователей, а ради получения практически значимых результатов;

(б) они, как правило, требуют существенных затрат финансовых, материальных, человеческих, причем весьма квалифицированных, и иного рода ресурсов;

(в) знания, которые получают в результате исследований, становятся основанием для принятия весьма ответственных экономических, социальных, политических и т. п. решений, затрагивающих подчас интересы и судьбы очень многих людей».

Безответственность ученого перед наукой выражается в отсутствии честности, недобросовестности при проведении исследований и публикации их результатов.

Безответственность ученого перед социумом выражается в том. Что ученый не задумывается о последствии научных открытий, которые могут сказаться негативно на дальнейшем развитии общества. Такого рода безответственность рассматривается как внешняя этика науки.

Имеет смысл обратить внимание на еще одну характеристику внешней этики науки, значение которой вырастает по мере возрастания роли науки в обществе. Эту характеристику можно назвать «самонадеянность», она состоит в уверенности в возможностях науки постигать истину. Несомненно, что зиждиться данная уверенность на идея сциентистского настроения с его представления о научном знании как определяющем факторе ориентации человека в мире. Самонадеянность порождает не критическое отношение к получившим признание и распространение научным концепциям, вследствие чего имеет место быть идеологизация и догматизация наук, что в итоге несет не самые благополучные последствия не только для развития научного знания, но и развития общества в целом. Такие ценностные установки, как стремление к истине, не ангажированность, честность, независимость, которые составляют основания этики науки, дают справедливые ориентиры, но не оберегающие от самонадеянности.

Критичность позитивизма привнесла скептицизм по отношению к притязаниям науки на достижение абсолютной истины, но снисходительность ученых естественнонаучного или технического направления к гуманитарному знанию приводит к тому, что самонадеянность проникает во внутреннюю этику науки, той, которая связана с профессиональной ответственностью ученого. Самонадеянность в во внутреннем этике в конечном счете выливается в безответственность ученого за последствия своих открытий и необходимость внешней регуляции науки. Внешняя регуляция может осуществляться в духе либерализма или тоталитаризма. Каждый из этих способов регуляции связан с теми или иными культурными тенденциями, наличествующими в данном обществе. И каждый из этих способов несет определенные конфликты и между научным сообществом и системами внешней регуляции, конфликты разные, но есть и будут, поскольку внешняя регуляция любого поведения таит в себе опасность сопротивления.

Возможно не иной формы борьбы с грехом, нежели тот, который выработала в себе христианская этика. Этимологическое прояснение слова «грех» как «промах, погрешность» открывает для науки перспективы сопротивления греху самонадеянности. Наука – это движение сквозь систему погрешностей и ошибок. Если понимание этого

присутствует во внутренней этики науке, то какая бы система внешней регуляции не вмешивалась ее развитие, не будет страдать ответственность науки перед обществом.

Артамонов Денис Сергеевич

к.и.н, докторант, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕОЛОГИЯ

История как наука, оперирующая объективными фактами, всегда противостояла идеологии, выражающей интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики. В то же время, историческая наука никогда не была свободна от идеологических установок, обслуживая государственную историческую политику. Осмысление и описание исторических процессов в науке неизбежно происходило в определенном, доминирующем в каждую конкретную эпоху, политическом русле, несмотря на старания ученых историков дать объективную картину прошлого. Историк оставался человеком своего времени, приверженцем какой-либо идеологии, которую вольно или невольно транслировал в своих научных исследованиях. Аналогично идеологии история противостояла исторической памяти, как набору передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого. Историческая память и история в парадигме *memory studies* традиционно разделялись исследователями и противопоставлялись друг другу как субъективное и объективное знание о прошлом. А идеологизация является одним из неотъемлемых свойств исторической памяти. В цифровую эпоху, когда социальные медиа стали не только площадкой трансляции исторической информации, но и становятся инструментом воспроизводства коллективно разделяемых представлений о прошлом, где историческая наука играет не последнюю роль, происходит стирание грани между исторической памятью и историческим знанием. В создании исторического контента включены массы интернет-пользователей, для которых истинность или ложность фактов прошлого не имеет значения, а историческая реальность конструируется в угоду личным убеждениям и мировоззренческим установкам. В такой ситуации возрастают риски идеологизации исторического знания и повышения возможностей манипуляции общественным мнением с помощью искажения фактов Прошлого. Историческое знание в современном медиапространстве представлено фейками, интернет-мемами, компьютерными играми, постами и комментариями пользователей социальных сетей, которые создаются на площадках социально-эпистемических арен, где профессиональные историки и умные толпы с помощью цифровых технологий создают новую историческую реальность, имеющую эмоциональный и личностный характер. Влияние идеологии, выражаемой проводимой государством политикой памяти, представляется в этом процессе огромной. Именно оно порождает мемориальные войны, ставшие частью медиасреды, формирующей коллективные идентичности. Рассмотрение этических рисков данного положения является главной задачей предполагаемого доклада.

РФФИ №20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде»

Касавин Илья Георгиевич

д.филос.н., член-корреспондент Российской академии наук, профессор, руководитель сектора социальной эпистемологии, Институт философии, Российская академия наук

МИФ НАУКИ

В философии науки и техники научный прогресс обычно рассматривается в логико-методологическом ключе, а именно, с точки зрения способности решать проблемы, теоретического и эмпирического успеха некоторой теории или научной исследова-

тельской программы. Таковы концепции К. Поппера, И. Лакатоса, Л. Лаудана. Им противостоят историко-социологические подходы к развитию науки Т. Куна, С. Тулмина, П. Фейерабенда. Я предлагаю вариант второго подхода – социально-эпистемологическая и, в частности, ценностная трактовка научного прогресса, смещающая фокус дискурса о научном прогрессе на мировоззренческие и идеологические обстоятельства развития науки не только как знания, но формы культуры и социального института. Я полемизирую с широко распространенным тезисом о доминанте прагматической потребности в науке и примате ее прикладных результатов, современным достижением которых наука якобы выполнила свое предназначение, предписанное ей Ф. Бэконом, и даже исчерпала свой прогрессивный потенциал. Моя критика данной позиции опирается на альтернативное видение науки, которое подкрепляется иной интерпретацией научной революции Нового времени и предназначения науки вообще. Научный прогресс усматривается в создании наукой нового образа мира, новых способов коммуникации, новых нравственных ориентиров, проектировании новых способов социального порядка. Такая наука не укладывается в узкие, логико-методологические критерии научной рациональности. Однако как раз эта, культурообразующая, социокультурная функция науки позволяет говорить о науке как предпрятии, способствующем общественному прогрессу и если прогрессивном, то именно в силу этого обстоятельства.

Research project «New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach». Agreement №075-15-2020-798.

Чеботарева Елена Эдуардовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОНТРОВЕРЗЫ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВОЙ ПАМЯТИ

На протяжении последних десятилетий исследовательское отделение компании Microsoft реализовывало грандиозный проект оцифровки полной записи человеческой жизни и сохранения информации в базе данных. В запись входили уже знакомый нам сбор сведений о звонках, запросах и просмотрах, открываемых файлах, действий клавиатуры и мышью, и присоединялась фиксация с помощью прикрепленной к человеку камеры (типа SenseCam), которая автоматически реагирует на появление рядом человека и на смену картины перед глазами. Вся информация сопровождается данными, поступающими с дополнительных устройств, фиксирующих пространственные перемещения и биологические параметры (пульс, давление и пр). Экспериментальной стороной проекта занимался Гордон Белл, в частности, результаты его работы известны как система MyLifeBits, которая не только хранит всю накопленную человеком биографическую информацию, но и помогает ориентироваться в ней, осуществляет поиск определенных моментов.

Одновременно с этим развивались противоположные технологические тенденции, связанные в первую очередь с движением так называемых шифропанков, которые демонстрировали несправедливость и порочность систем тотального слежения за гражданами, в то время как последние оставались в полном неведении относительно действий своего правительства. В настоящее время мы стали обладателями опций «исчезающего контента» – настроек, при которых отправления в мессенджерах через определенный момент автоматически удаляются. Например, популярное приложение Snapchat базируется на концепции, что переданные изображения и сообщения доступны получателю только на протяжении некоторого короткого времени, и затем исчезают (какое-то время в приложении действовала опция, препятствующая скриншотам).

Очевидно, что противоположные тенденции современной техносферы описываются понятием гибридности и могут развиваться в состоянии противоборства доста-

точно долго. Доклад ставит цель подвергнуть философскому осмыслению изменения человеческого бытия, которые несут данные технологии. Что касается этической проблематики, она достаточно очевидна и фокусируется на требованиях приватности, как при фотографировании незнакомых людей, так и при спорной безопасности хранения данных. Однако остается ещё ряд вопросов, связанных, например, с формированием самоидентичности, которая непосредственно опирается на автобиографический опыт. Но формирование идентичности связано не только с жизненным опытом, но и с воображением (в том числе коллективным – семейным, национальным, относящимся к определенному кругу), которому в данном случае практически не остается места (или же фактически оно находит непредусмотренную лазейку). Кроме того, несмотря на продуманную систему поиска конкретной информации в безбрежном море автобиографических данных, для самоидентификации и самоанализа остаются важны не эмпирические факты, которые интересовали инженера Белла и его соратников (как мне найти эл. почту такого-то; как я в первый раз увидел свою будущую девушку и т.д.), а процессуальные запросы – как я повзрослел, был ли я авторитетом, например, на начальных курсах университета, следую ли я семейной модели своих родителей. Очевидно, что ответы на такие вопросы становятся объективно возможны, но тут мы подходим к тому, что я называю парадоксом Стивена Хокинга. Хокинг, отвечая на вопрос, детерминировано ли будущее, ответил, в числе прочего, что, даже если это и так, то уравнения, описывающие его, не раз опояшат земной шар, что сделает их интерпретацию малореальной. Объем автобиографической информации, который выдается для (само)изучения, позволяет провести корреляцию с ответом Хокинга. Для подробного рассмотрения этой ситуации предлагается несколько версий.

Аласания Кира Юрьевна

доцент, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

«РЕЖИМ ВЫЖИВАНИЯ»:

БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

«Режим выживания» представляет собой понятие, не слишком часто фигурирующее в политико-философском дискурсе. Интуитивно можно предположить, что оно концептуально связано с понятием, скажем, режима биополитики у Фуко или с режимом биополитического производства у Хардта и Negri. Однако подобного рода концептуальная связь отрицается, например, автором книги «Режим выживания: глобальная война и политическое» (2020), современным культурологом и философом Эдгаром Ийясом (Edgar Ellas).

Для Ийяса выживание – принцип, фундирующий логику происходящего в мире политического сегодня. Автор книги настаивает на том, что режим выживания (который, с точки зрения автора, можно воспринимать и как концепцию, и как определенное состояние мира) нельзя соотносить с биополитикой современного государства. Режим выживания, с точки зрения автора, определяется «нулевой степенью правительности», то есть режим задает не государство, а граждане. Очень любопытной в этой связи кажется так называемая «проблема выжившего». Эта проблема, рассматриваемая в контексте, предлагаемом Ийясом, оказывается точкой пересечения биологического, этического и политического.

Теоретической базой для развития данной темы становятся размышления Джорд-жо Агамбена, обращающего особое внимание на проблему личностного переживания, вписанную в тематику политической несвободы. Если согласиться с позицией о том, что сегодня каждый вынужден существовать в режиме выживания, идеи Агамбена обретают новый смысл и потенциал к развитию. Совершенно особым образом можно интерпретировать, например, рассуждения Агамбена о выжившем как о свидетеле, получившем психическую травму, несущем ее как печать, как о человеке, находящемся в этическом тупике.

В качестве еще одного источника, позволяющего говорить о неразрывной связи биополитического и этического в осмыслении проблемы выжившего, можно привести

знаменитый текст Элиаса Канетти «Масса и власть», где он говорит о выживании как об одном из необходимых аспектов власти вообще, без разделения ее на политическую, социальную, личностную; о том, что собственную силу ощутить возможно, если у человека есть видимые примеры того, что другие не выжили. Этот парадоксальный по своей сути тезис имеет продолжение в рассуждениях Канетти, когда он говорит о том, что эра выживших заканчивается. В тот момент, когда уровень технологий, внедренных в нашу повседневность достигает определенного уровня, страх становится неотъемлемым атрибутом не только выживающего, но и выжившего. Не переживание прошлой травмы (как об этом говорил Агамбен), не ощущение собственного превосходства, победы над смертью, а именно страх, ощущение опасности, исходящей ото всюду. В таком случае оказывается, что «режим выживания» есть единственно возможный способ существования в современном мире.

Очевидно, что в настоящий момент речь может идти лишь о том, чтобы наметить лишь контуры проблемного поля, в центре которого находится тема выживания. Но разработка этого проблемного поля видится весьма и весьма перспективной.

Кошовец Ольга Борисовна

к. филос. н., старший научный сотрудник,

Институт экономики, Российская академия наук

«НАУЧНОСТЬ» ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕСТВА КАК ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ И КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СССР И НА ЗАПАДЕ

В докладе на основе анализа институционализации экономического знания в рамках функционирования государства современного типа (в 1930-1960 гг.) рассматривается роль науки в практиках конструирования экономики как научного объекта, планирования ее развития и инкорпорации ученых в государственные структуры для обеспечения научности управления (сначала в форме экспертизы, а затем в форме легитимации научным авторитетом тех или иных решений, лоббирования тех или иных проектов). При этом особое внимание уделяется трансформации «научности» как особого эпистемического достоинства знания и его, с одной стороны, размежевания с понятием «объективности», а с другой, превращение в идеологический фетиш в рамках индоктринации корпуса научных знаний о развитии общества и в особенности его материального базиса – экономики. Эти процессы преимущественно рассматриваются на примере СССР, и отчасти сопоставляются с подобными практиками на Западе.

Мы покажем, что в рамках советского проекта «научность» является ключевой категорией преодоления и отрицания утопии, и это превращает науку в ключевое средство конструирования и проектирования реальности – материализации социалистического общества. Тотальный научный подход превратил «будущее» в интеллектуальную технологию, а советский строй в государство научно-технического прогресса. Институционализация «научного коммунизма», в частности, появление соответствующей научной / учебной дисциплины, а также массовое издание книг по теме научно-технического прогресса и научного управления обществом (коллективами предприятий, трудовыми ресурсами, научными институтами) начинается лишь с 1960 – х гг. В это время центральное значение приобретает связка «наука»- «прогресс», – под последним понимается не столько проект будущего, сколько безграничность прогрессивного (социалистического, основанного на общественной собственности на средства производства) развития. В то же время, институциональная привязка советского строя к науке становится результатом закрепления за понятием «научности» советского строя вполне конкретных практик, а именно научной экспертизы государственного планирования.

Весьма показателен в этом отношении советский проект преобразования экономической науки и особая роль в нем темы НТП: от выстраивания системы госпланирования на основе экономической экспертизы, в рамках которой наука является носи-

телем научной (в смысле прогрессивной) теории и обеспечивает научность (в смысле реализуемость) построения нового типа общества (социальной утопии) до встраивания (включения) части институтов Академии наук (и части научной элиты) непосредственно в систему государственного управления и превращение науки в госпредприятие, занятое научным производством. Однако в рамках последовательной сциентизации политического правления «научность» (и «прогрессивность») знания как ключевые эпистемические (и социальные) ценности постепенно утрачивают свои позиции – знание начинает легитимироваться сначала степенью индоктринации (ученых, научных коллективов, Академии наук и системы образования), а затем и соответствующим символическим капиталом.

Последняя тенденция, по-видимому, появляется также в 1970-х гг., но уже четко видна в 1980-е гг. Соответственно, система экономического образования в СССР смещает свои приоритеты от подготовки профессиональных кадров (экспертов) к индоктринации «когнитивных структур» (как только может и должно мыслиться «экономическое»). Причем индоктринация здесь лишь оборотная сторона научного мышления и связанной с ним идеи эмансипации и просвещения (необходимых как в деле созидания нового человека, так и нового общества).

Анализ западных практик инкорпорации научного экономического знания в управление государством привлекаются для ответа на вопрос, как «научность» отделяется от «науки» и трансформируется с одной стороны, в имперсональные техники дистанцирования («техническую объективность») и авторитетный дискурс, легитимирующий, конструирующий и реконструирующий экономику и «экономическое». Для этого мы рассмотрим: 1) создание экономической наукой дискурса, настаивающего на универсальном характере экономических знаний и 2) превращение экономического знания в технологию политической и бюрократической власти.

Пономарёв Андрей Игоревич

ассистент, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им.В.И.Ульянова (Ленина)

ВЛИЯНИЕ УТОПИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА НАУЧНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ XVII В.

Доклад посвящён социально-политическому аспекту становления новоевропейской науки. Новоевропейская наука возникла в результате идеологической борьбы, в частности как результат развития и воплощения идей утопистов (Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и И. В. Анреэ). Кульминацией научной революции стала организация Лондонского королевского общества, которое намеренно было организовано как дом Соломона из «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона. Некоторые исследователи, в частности Ф. Ейтс, полагают, что «Христианаполис» представителя герметического движения И. В. Анреэ также повлиял на организацию Лондонского королевского общества. Основываясь на такой связи, а также на том, что в состав Лондонского королевского общества вошли известные представители герметического движения, Ейтс делает вывод, что герметическое движение 15-17 веков было неотъемлемой частью новой науки. Утопизм с самого начала был связан с платонизмом, очевидна связь «Утопии» Т. Мора с «Государством» Платона. В XVI веке доминирующей была традиция, идущая ещё от М. Фичино, в рамках которой платонизм был прочно связан с герметизмом. Т. Кампанелла в своём творчестве, в первую очередь в «Городе Солнца» объединяет две тенденции: герметизм и утопизм. Находясь в заключении, Т. Кампанелла, в свою очередь, вдохновил творчество розенкрейцеров, основным лидером которых был И. В. Анреэ. «Христианаполис» в определённом смысле явился продолжением идей Кампанеллы. «Новая Атлантида» Ф. Бэкона содержит заимствования из Христианаполиса. Организаторы Лондонского королевского общества, среди которых было много герметистов, заимствовали свои идеи всё-таки не только из Бэкона, но и из Христианаполиса. Заимствование заключается в том, что в идеальном государстве, о

котором повествует тот или иной рассказ-утопия, существует сообщество ученых. До сих пор остаётся непонятным степень влияния разных произведений утопического жанра на организацию Лондонского королевского общества. Тем не менее, вдохновлённая Бэконом и Галилеем новая наука, борющаяся с аристотелизмом, при формировании заимствует платонические и герметические теории об идеальном устройстве общества. Члены Лондонского королевского общества продолжили публиковать работы в жанре утопии, но они это скорее было обусловлено удобством изложения идей, чем новым поиском справедливого устройства общества. Утопии оказались критически важны для научной революции: если бы не было утопий, научная революция была бы другой и новоевропейская наука в том виде, в котором мы её знаем, не возникла бы. Однако это не даёт оснований утверждать, что научную революцию сделали герметисты, поскольку новая наука конфликтовала и с герметизмом, и с платонизмом, и с аристотелизмом, при этом имела свои представления о справедливом устройстве общества, которые возникли из утопического движения. Новая наука XVII в., в отличие от аристотелизма и герметизма, не отождествляла натурфилософский и этический платонизм.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ»

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

материалы круглого стола

Авдеева Ирина Александровна

к. филос. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В настоящее время в практике и в теории изучения исторической памяти, в попытках построения этики исторической памяти можно выделить несколько основных тенденций: 1) этика вины и покаяния, культивируемая сейчас рядом общественных и социополитических движений, 2) этика забвения, предполагающая ряд различных «ДЕ-» и призывающая стирать из памяти весь исторический опыт, признаваемый негативным, 3) этика культивирования космополитической памяти, основанная на идеалах гуманизма и человечности, и, пожалуй, 4) этика глобальной ответственности перед будущими поколениями, создающая новые принципы. При этом, как мы можем заметить, первые две работают подчас весьма избирательно в зависимости от политических амбиций различных групп. Последние же две, основываясь на отстаивании общечеловеческих ценностей и общезначимых этических принципах, акцентируются на то, что «это не должно повториться». Все это делается посредством конструирования различных систем аргументации или поиском отдельных сильных аргументов, претендующих на статус моральных аргументов. Однако единой этической позиции относительно того, как же все-таки сделать так, чтобы не повторилось то, что так тревожит нашу историческую память, пока еще не выработано. Этого не выработано еще и потому, что вопрос очень часто упирается именно в критерии такой оценки. В настоящий момент таких единых критериев нет, что нам повсеместно демонстрирует практика спекулирования травматическим историческим опытом в зависимости от меняющихся «авторитетов» в делах исторического «судейства» в политической сфере. Именно подобная спекулятивная политизация национальных посттравм первой мировой способствовала развязыванию второй мировой. Казалось бы, что опыт первой мировой войны, где и так погибло огромное количество людей, не должен был

повториться, но он не только повторился, но приобрел еще более трагические и немислимые формы. И сегодняшнее осмысление уже опыта второй мировой войны так до сих пор и не дало нам ответы, а какой должна быть этика и мораль, чтобы этого не повторилось снова. Или другой пример, уже относящийся к спекулятивной политизации определенных форм исторического прошлого, – это сегодняшнее движение «Black lives matter». Несмотря на возникновение альтернативного «All lives matter», скандалы продолжаются не только в публичных сферах, но и в интеллектуальной традиции, по-новому ставя проблему построения внятного этического анализа моральных аргументов реанимации исторических травм. И если мы все же пытаемся говорить о новой этике исторической памяти и об исторической ответственности на языке философской этики, то, обращаясь к подобной проблематике, мы должны определить и то, на чем будет строиться эта система: что есть зло, каковы критерии его обнаружения и преодоления, чтобы некое «историческое» зло не создавало другое зло, не продолжалось в новом негативном историческом опыте и не повторялось в новых формах, продолжая перенос того негативного исторического опыта на сегодняшнюю практику, что такое радикальное зло и допустимое зло, способна ли этика и мораль его предотвратить, и, если «да», что заставит эту этику работать. В традиционной бинарной оппозиции «агрессор-жертва» система выстраивания смыслов уже отчасти предзадана самой четкостью оппозиции, но история часто демонстрирует случаи весьма неоднозначных противопоставлений, как например, «Хиросима-Перл Харбор», проблематизируемая, в частности, в работах по исторической памяти ряда японских исследователей. Здесь возникает другая проблема в предполагаемом проекте исторической этики – проблема справедливости, которая уже неоднократно поднималась, например, в ряде современных дискуссий о справедливости определенных форм войны. Насколько такие подходы совместимы с этикой вообще – еще один этический-философский вызов, возникающий в этой области и требующий определенных ответов.

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации». Организация финансирования – Томский государственный университет

Аникин Даниил Александрович

к.филос.н., доцент, руководитель Лаборатории историко-политической культуры,
Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ИСТОРИЯ И МОРАЛЬ:

ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НОРМ К ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКЕ

Вопрос соотношения истории и морали чаще всего трактуется в смысле предписывания истории определенного этического смысла («история – учитель жизни»). Вместе с тем, незатронутым остается вопрос этических оснований истории как сферы публичной деятельности. В узком значении историческую этику можно рассматривать как совокупность профессиональных стандартов в сфере исторической науки, регулирующих понятие научной добросовестности историка-исследователя. Историческая этика предстает как определенный уровень научного этоса, характеризующий вырабатываемую в процессе профессиональной коммуникации систему негласных или формализованных договоренностей между представителями исторического знания относительно границ данного знания, а также допустимых способов поведения тех, кто относится к профессиональному сообществу. Но кризис претензии профессиональных историков на обладание исключительным правом на интерпретацию прошлого (то, что П. Нора называет «торжеством памяти») ставит вопрос о расширительном истолковании исторической этики. В условиях плюрализации социального порядка выстраивается многоуровневая система локальных сообществ, претендующих не столько на формирование единого исследовательского поля, сколько на вы-

страивание партикулярных систем мемориальных практик, описывающих, тем не менее, историческую реальность посредством совокупности этических категорий.

В качестве разновидности прикладной этики эта дисциплина ставит вопрос о допустимости/недопустимости моральной оценки прошлого в контексте трансформирующейся социальной реальности, прибегая к целому ряду категорий, в частности, историческая вина, историческая ответственность, исторический долг и т.д. Каждая из этих категорий, а также коннотации их использования в контексте формально-нормативного регулирования исторической памяти, может являться предметом отдельного исследования, но при первом приближении необходимо определить сферу исторической этики в качестве отдельной разновидности прикладной этики. О принадлежности к прикладному уровню этической науки свидетельствует практическая направленность подавляющего большинства анализируемых дискурсов, которые призваны обозначить и сформулировать претензии не просто на определенные образы прошлого, но еще и дать этическую оценку самому факту обращения к прошлому, представить собственную историческую память в качестве сферы реализации морального должностояния. С точки зрения философского-этического дискурса существенным представляется тот факт, что невзирая на различие политических акторов, можно сформулировать общие закономерности придания исторической памяти моральных качества. Подобная констатация позволяет ставить более фундаментальные вопросы о возможности нахождения этического консенсуса между различными интерпретациями прошлого, а также о пределах этизации исторического дискурса в целом.

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

Артамонов Денис Сергеевич

к.и.н, докторант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕРТВЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Из всех способов формирования коллективной идентичности конструирование образа жертвы является наиболее эффективным. Народ, принесший себя в жертву ради счастья и благополучия потомков в будущем, всегда положительно оценивается. Жертвенность приравнивается к подвигу и оценивается не как слабость, а как сила народа. Наиболее ярким и самым удачным примером эксплуатации модели жертвы в исторической памяти является Холокост. Память об этом самом страшном преступлении XX века не только сплачивает еврейскую нацию, но и служит конструирующим элементом объединения Европы. Образ жертвы предполагает наличие противостояния виновнику агрессии, в роли которого могут выступать и отдельные личности, и целые народы. В случае с холокостом это нацистская Германия, главные преступники которой были осуждены на Нюрнбергском процессе, на них и была возложена вся вина за это преступление. Модель жертвы для формирования коллективной идентичности используется на Украине и в Казахстане (Голодомор 1930-х гг.), Польше (раздел Речи Посполитой, подавление польских восстаний XIX в., Катынь) в противостоянии России; в Армении (геноцид 1915 г.) в противостоянии с Турцией; американскими индейцами и афроамериканцами, противопоставляющими себя белому населению и т. д. В докладе предполагается исследовать вопрос этичности конструирования образа жертвы и возложения вины на потомков, свершивших преступления или целые народы. Фальсификация исторических фактов с целью убеждения общественности в масштабности намеренных действий в отношении определенных групп либо сокрытие исторических свидетельств их подтверждающих также является значимым этическим вопросом, нуждающимся в изучении. Осуждение государственных преступлений и принятие исторической ответственности за ошибки предков является значимым инст-

рументом политики памяти, однако, эта проблема все еще нуждается в этическом осмыслении.

РФФИ №20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде»

Беляева Елена Валериевна

д. филос. н., доцент, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПОЗИТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Этика ответственности как особый тип теории морали, сложившийся во второй половине XX века, трактует мораль как ответственное в пределах компетенции данного субъекта поведение, обеспечивающее благоприятное разрешение проблемной ситуации. Ответственность мыслится как онтологическая характеристика морального субъекта, свойство бытия человека и фактор самоорганизации этого мира. Она не возлагается на человека извне какими бы то ни было инстанциями авторитета, а производится им самим. Данная трактовка разрывает связь ответственности с виной, с ретроспективным воздаянием за нарушение предписанных правил. Позитивная «ответственность за...» обращена в будущее и зиждется на способности субъекта быть детерминантом морали, вносить свою ответственность как вклад в сохранение и продолжение жизни этого мира. Историческая деятельность людей может считаться наглядной моделью такой свободно избираемой и неотменяемой ответственности, вторгающейся в ткань бытия с целью его сохранения, и, соответственно, этика ответственности является подходящей теоретической базой для осмысления исторического прошлого и будущего.

Позитивная историческая ответственность возникает в той степени, в которой социальный субъект обладает нравственной свободой. В контексте этики ответственности она состоит в способности субъекта социального действия планировать и осуществлять общественные изменения в направлении добра, которое не тождественно простому достижению сообществом целей или получению преимуществ, а предполагает благотворное влияние действий субъектов на общий исторический процесс. В социальной практике борьба добра со злом предполагает не просто победу одних исторических субъектов над другими, но обязательную этическую реабилитацию обеих сторон: отказ бывших врагов от зла и отказ победителей от дальнейшего насилия; признание вины стороной, причинившей историческую несправедливость, и изживание жертвами своей травмы. Добро в истории предполагает функционирование глобальной памяти, единой человеческой истории и ее универсальное истолкование.

Повышение внимания к проблеме исторической ответственности в современном мире во многом связано с тем, что история утратила метафизическое объяснение и стала восприниматься исключительно как результат свободной воли и сознательной деятельности людей. В основе положительной исторической ответственности лежит её разрыв с категорией вины, самоопределение сообществ относительно моральных ценностей и, в частности, такой ценности общественной морали как справедливость. Независимо от того, что нынешние поколения не виноваты в ошибках и преступлениях прошлого, они могут ответственно стремиться исправить содеянную несправедливость, но что гораздо важнее, в своем планировании будущего исходить из принципов справедливости, а не из интересов настоящего или обид прошлого.

Для обретения позитивной исторической ответственности необходимо преодоление представлений об истории как исключительно политическом процессе, о сфере культуры и морали как некоей вторичной области, изменяющейся в силу государственных решений. Если сферой действия исторических субъектов становится культура, то такое самоопределение предполагает и нравственную ценностную ориентацию, заботу о добре. Если рассматривать историю как историю культуры, то социальное

время окажется временем творчества ценностей, а не периодом величия и краха сообществ. Если у индивидуального субъекта есть мотивация, воля и прочие механизмы моральной регуляции, то социальная этика, должна реализовать ту же положительную историческую ответственность на основе хорошо устроенных социальных институтов.

Буллер Андреас

Dr.phil.

референт, социальное министерство Баден-Вюртемберг, Штутгарт, Германия

ЭТИКА СЛЕДА

Ницше описал три способа человеческого отношения к следам прошлого, обозначив их как монументальная, антикварная и критическая история. Каждый из этих способов отношения к прошлому, по мнению Ницше, имеет как свои позитивные, так и негативные стороны. Но существует и такая позиция по отношению к прошлому, которую невозможно охарактеризовать как позитивную/негативную, потому что она является глубоко безнравственной. Такую безнравственную позицию по отношению к прошлому занимают такие группы людей как разрушители, фальсификаторы и укрыватели следов. Но почему позиция этих групп является безнравственной? Обоснованный ответ этот вопрос в состоянии дать одна только историческая этика, которая исследует мотивы и цели как разрушителей, так и фальсификаторов и укрывателей следов прошлого.

Историки всегда стремились разграничить себя по отношению к фальсификаторам прошлого, поставив свои исследовательские действия под этический контроль. Ярким подтверждением этого являются предпринятые ими попытки сформулировать конкретные требования по отношению к себе и своей исторической работе. Я приведу здесь только два, взятых из XIX столетия, примера подобных попыток этического обоснования собственных действий.

1. Требование Леопольда фон Ранке описывать прошлое объективно, нейтрально и правдиво, чтобы «показать, как это действительно было» («bloß zeigen, wie es eigentlich gewesen»).

2. Требование Николая Кареева к историку «давать обществу настоящее знание его собственного и чужого прошлого, без которого немислимо и надлежащее понимание современности».

Оба требования, замечу, являются не методологическими, а этическими установками. Историческая наука XIX столетия стремилась подвести под свою исследовательскую деятельность этическую основу. Удивительным является тот факт, что эти, сформулированные в XIX столетии, нравственные требования историков остаются актуальными по сей день. Свою актуальность, возможно, в чём-то и где-то утратили эмпирические исследования этих историков, но не их этические установки. Почему? Неужели (историческая) этика не подчиняется законам времени?

Этика действительно не подчиняется законам времени, ибо речь в ней всегда шла и идёт сейчас о таких фундаментальных категориях как добро и зло, которые в области исторических исследований являются нам в образе «исторической истины» и «исторической лжи». Историк должен уметь обосновывать различия между этими категориями не только методологически, но и этически. Он должен обладать универсальными этическими знаниями, а также уметь применять их в своей области исследований. Проблема, однако, заключается в том, что само по себе наличие этических знаний не исключает возможности безнравственного поступка. Здесь этика принципиально натывается на границы своих возможностей, ибо она может только сказать человеку, «как» он должен или не должен поступать, но сам «поступок» остаётся как решением, так и действием свободного человека.

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

Головашина Оксана Владимировна

д. филос. н., доцент, ведущий научный сотрудник,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
«МЕСТО ПАМЯТИ» П. НОРА КАК ЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В докладе автор обращается к популярному понятию «Места памяти» П. Нора. Опираясь на выступления Нора, его статьи в журнале «Дебаты» и ранние произведения, автор показывает, что для Нора, активного популяризатора истории, стремившегося нивелировать пропасть между историком и его аудиторией, интеллектуала, активно выступающего за независимость Алжира, история оказывается вариантом публичной практики, которая должна удовлетворять потребности общества, а не служить целям научного знания. Проект мест памяти с его принципиальной нелинейностью и критическим отношением к классической историографической традиции, соответствует принципам, которые пропагандировал Нора, однако значит ли это, что идеи Нора могут быть интересны только как часть истории публичной политики или очередной кейс публичного интеллектуала? В докладе мы будем исходить из того, что идея мест памяти – это не только своеобразный взгляд на историю французской республики, но и теоретическая оптика, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого. В основе этого схватывания лежит этический взгляд на историю. То есть, прошлое в проекте П. Нора предстает не как «то, что было», собрание фактов, отраженных в источниках или линейный исторический нарратив, а этическое переосмысление опыта прошлого для потребностей настоящего. В этом отношении Нора выступает наследником Вальтера Беньямина, который писал о замене опыта (Erfahrung) как ритуализированных действий инструментальной реакцией (Erlebnis). Характерная для Беньямина феноменологическая диалектика прошлого в настоящем и более этическая, чем объективистская трактовка исторической истины оборачивается у Нора отказом от исторической объективности за счет ценностного переосмысления образов и практик. В пользу этической трактовки мест памяти говорит дискуссионность возможных трактовок различных объектов, маркированных коллективом Нора в качестве мест памяти, их оценочность, наличие соответствующих коммеморативных практик, большая роль «мест памяти» в ценностных нарративах о прошлом.

Мы считаем, что подобная интерпретация соответствует первоначальную замыслу П. Нора, который призывал к пересмотру историографических стратегий и развитию истории настоящего. Связывая место памяти с полем этического, мы можем избежать обвинений в идеологической заинтересованности и максимально нивелировать возможности политического использования прошлого.

Кокин Даниил Игоревич

инженер-исследователь, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Историческая несправедливость -- направление на пересечении областей истории, политики и этики. Теория и практика исторической несправедливости часто формулируются как ответ на патологии, связанные с правосудием. Устранение исторической несправедливости, раскапывание прошлого угнетения и исключения, требование ответственности и поиск равенства – все это способствует академическому и общественному недовольству тем, как подходить к исторической несправедливости. Для многих политических и моральных философов существуют различные способы подхода к исторической несправедливости. От признания вреда, причиненного жертвам, до организации конкретных программ для глубоко пострадавших людей и обществ, можно доказать, что борьба с исторической несправедливостью направлена не только на устранение несправедливости, но и на создание «реальных утопий» (Wright, 2010).

Однако сегодня ученые, занимающиеся вопросами исторической справедливости, сталкиваются с новым набором проблем. Речь идет не только о неудовлетворенности компенсацией прошлого ущерба, но и о кажущейся нормализации снижения актуальности исторической несправедливости как предмета морально-политического и фило-софского исследования.

Все это приводит к выводу, что история человечества полна прошлых несправедливостей. Если основная литература по этой теме пытается обосновать ее значимость, то новые попытки переосмыслить историческую несправедливость, перефокусировать вопрос, направлены на сужение круга значимых случаев. Однако эти переосмысления, как и основные подходы, игнорируют случаи, которые также можно считать исторической несправедливостью. Специфика морально-политического подхода к исторической несправедливости, по словам Дэниела Батта, заключается в «прояснении моральных принципов, которые лежат в основе любого рассмотрения вопроса об исправлении исторической несправедливости» (Butt 2009, p. 5). Другими словами, необходимо сосредоточиться на разработке нормативных аргументов и принципов за или против необходимости исправления прошлых несправедливостей, а также соответствующих способов исправления.

Цель данной работы – осмыслить дискурсы об исторической несправедливости, особенно теории, рассматривающие прошлую несправедливость в связи с политическими проблемами, с которыми человечество сталкивается сегодня. В работе признается, что решение проблемы исторической несправедливости включает в себя гораздо более широкое поле междисциплинарных исследований, чем просто теория, но эта работа также утверждает, что размышление над теоретическим наследием исторической несправедливости остается наиболее фундаментальным и структурированным проявлением развития, ведущего к эмпирическим действиям. В конечном итоге, эта работа направлена на то, чтобы вызвать и облегчить диалог о перспективах и ограничениях современных подходов и дебатов об исторической несправедливости, способствуя теоретическому и этическому пересмотру функций этих дискуссий. Существуют различные теории, предложенные философами о том, как исправить несправедливое прошлое. Однако некоторые ученые утверждают, что результатом исправления несправедливости является не правосудие, а скорее примирение.

Линченко Андрей Александрович

д.филос.н., доцент, научный сотрудник, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТИКА?

1. Трансформация этической теории, философии истории и исторической дидактики в XX веке убедительно свидетельствует о росте интереса к этической рефлексии в отношении событий прошлого и их интерпретации в настоящем. В контексте эволюции этики ответственности в XX веке это находит выражение в актуализации темпорального измерения ответственности. Важная роль как модуса будущего, так модуса прошлого превращает историческое сознание в решающее условие ориентирования между различными этическими позициями. В контексте трансформации предмета ценностного отношения к прошлому, ведущих ценностей и механизма оценки в философии истории и исторической науке можно говорить о тенденции роста влияния аксиологического измерения. Если в исторической науке она была вызвана в первую очередь расширением числа исторических источников и, соответственно, изменением их познавательного статуса, то в философии истории на первый план выдвигается недоверие к собственному языку теоретического описания, который проявляется как в виде кризиса доверия к историческому метарассказу, так и в самой проблематизации нарратива историописания. Эволюция исторической дидактики демонстрирует рост значения аксиологического измерения, а также потребность в осмыслении этического дискурса в преподавании истории. Характерно, что не только сами ключевые понятия исторической дидактики получают в работах современных

авторов этическое измерение. Можно также утверждать о выработке новых концептов и понятий, непосредственно репрезентирующих этический дискурс (историческая ответственность, человеческое достоинство, самодостаточность).

2. Несмотря на то, что дискурс исторической этики получил самостоятельное развитие в проанализированных областях знания, дальнейшее развитие данной дисциплины требует единого концептуального подхода в понимании предмета исторической этики, ее теоретико-методологических оснований и базовых ценностей. Историческая этика оказывается шире, чем «этнос» исторической науки, что указывает на ее междисциплинарный и социально-ориентированный характер. Вместе с тем важнейшей проблемой определения дисциплинарного статуса исторической этики как раздела прикладной этики оказывается сама ситуация конкуренции различных типов этической рефлексии сегодня: нормативной, дескриптивной этики и метаэтики. Как соотносится с ними историческая этика как раздел прикладной этики? И как мог бы выглядеть проект исторической этики в свете современных трактовок этики науки как варианта гуманитарной экспертизы и медиации в зонах культурного обмена?

3. Социально-ориентированный характер исторической этики позволяет анализировать ее в контексте исторической культуры, указывающей на актуализацию медиативного потенциала между различными способами репрезентации прошлого в настоящем. Если принять историческую культуру как основной контекст актуализации проблем исторической этики, то мы могли бы интерпретировать историческую этику как раздел прикладной этики, задачей которого является анализ, обоснование и пересмотр ценностно-нормативных контекстов как научно-исторического познания, так и всех вненаучных форм обращения к прошлому в исторической культуре с целью выработки стратегий исторического сознания и основанного на нем культурно-исторического ориентирования.

4. В контексте проекта трансцендентальной истории М. Баумгартнера в докладе анализируется специфика современной исторической этики, ее социально-ориентированный, экстерналистский характер, направленность на преодоление пассивного характера в отношении исторической науки, тенденция преодоления дескриптивизма, нормативный и консеквенциональный характер.

5. Консеквенциональный характер исторической этики указывает на необходимость переосмысления одного из ее центральных понятий – исторической ответственности, которая по мысли немецких (Й. Рюзен, Б.Грюневальд, Д. Тилманнс) и российских (В.Н. Сыров, Д.А. Аникин) ученых выступающей сегодня не как онтологическая заданность, проявляемая в отдельных поступках, а как социальная практика, складывающаяся в рамках определенного сообщества и ориентированная на присвоение или участие в распределении символического капитала.

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

Овчинников Александр Викторович

к.и.н, научный сотрудник, преподаватель, Томский государственный университет, Филиал Самарского университета путей сообщений в г.Казани

ОТ КОЛЛЕКТИВНОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Признанные универсальными этические нормы часто ограничиваются важными с точки зрения индивида ситуационными системами: семейными, корпоративными, религиозными, государственными и т.д. Сама «универсальность» этических требований может рассматриваться как современная и исторически обусловленная социокультурная ситуация, стремящаяся к определенной статике, т.к. она, во-первых, тяготеет к «подчинению» других систем координат (см., например, критику с позиций «универсальных этических норм науки» профессиональных историков работающих в жанре этноцентризма), во-вторых, выстраивает иные этические системы в ряд исто-

рического развития, результатом которого выступает она сама, что имеет определенное сходство с мифическим структурированием мира. С развитием транспорта, образования, СМИ, заимствованием престижных демократических процедур легитимации власти «незападными» странами, заявления о противоречиях различных этических норм все громче актуализируются, и, нередко, на обостренном эмоциональном фоне конструируются идеи о «столкновении цивилизаций» и(или) необходимости сосуществования различающихся «этик» даже в пределах одного социума. Проблема заключается в том, что большинство фактически конкурирующих этических систем являются результатом попыток тотального «объяснения мира», и присутствие рядом иных представлений в сознании обывателя «размывает» окружающую реальность, делает её менее понятной и предсказуемой, а в науке ставит под сомнения методологические основания научной рациональности. С данных позиций историческая этика (в отличие от истории этики) может пониматься как предлагаемое к институциональному оформлению направление в современной философской мысли, изучающее совокупность морально-нравственных идеалов, признаваемых таковыми на определенном этапе истории, приписываемых в качестве «путеводных» большинству населения и оказывающих значительное влияние на собственно исторические исследования (как академические, так и стихийные или целенаправленные любительские). В динамично развивающемся дискурсе исторической этики вопросы коллективной и индивидуальной ответственности не имеют однозначного решения. Например, ставить проблему этичности действий социальных групп и корпораций прошлого (дворянство, церковь, номенклатура и т.д.) сложно, прежде всего, с точки зрения характеристик самого субъекта исследования, который воспринимает себя как «наблюдателя за прошлым», а на проверку оказывается заинтересованной стороной познавательного процесса, конструирующим объект исследования. Сюжеты об ответственности за поступки «коллективной исторической личности» (например, этнической группы) имеют много шансов стать актуальной и, даже, злободневной частью настоящего, и, в свою очередь, диктовать тон научным исследованиям, а также задавать вектор конструктам об идеалах морально-нравственных норм. Следует напомнить декларируемую этичность тоталитарных идеологий, адепты которых воспринимали свои поступки в качестве шагов на пути восстановления исторической справедливости. Объективно опасны конструкты об ответственности в этноцентричном сознании, т.к. приписывают «преступления прошлого» ныне живущим людям. Не менее опасен дискурс ответственности самих создателей этнического мифа, т.к. он сам по себе является результатом взаимодействия двух этических систем, претендующих на всеохватность. С одной стороны, речь идет о научной рациональности с её универсальными законами логики, с другой – семейные, клановые, корпоративные, общегосударственные идеологические интересы, порожденные сложными социально-политическим фоном, заставляющим таких авторов учитывать множество вненаучных факторов, что, в итоге приводит к искажению логики в текстах, например, постсоветских этнонациональных историй. Унаследованные от традиционного социума клановые и корпоративные «сами в себе» легитимизируют то, что с позиций универсальных этических норм заставляет поставить вопрос о коллективной и индивидуальной ответственности. Меньшая востребованность логики у производителей и потребителей этноисторических мифов о прошлом создают удобную картину мира, которая способствует мобилизационному «догоняющему» развитию социума. Критика этого дискурса подрывает ответственность за «искажение научной рациональности» коллективом и конкретным автором, что автоматически создаёт становящиеся причинами конфликта границы.

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

Рзаев Эльман Эльманович

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления

ЭТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Национальная память является одним из составляющих элементов национальной идентичности общества. Как справедливо отметила Т.В. Беспалова, «память – это судьба и совесть нации, это мера национального бытия» [1, с. 14]. Обогащению национальной памяти, а, следовательно, и формированию каркаса национальной идентичности служат исторические исследования. Именно они способствуют обогащению знаний о культуре народов, их становлении и историческом развитии.

В современном мире вопросы сохранения национальной памяти, исторического наследия, культуры, поиска своей национальной идентичности становятся как никогда актуальными для большинства стран мир. Актуально это и для России с ее непростой, многовековой историей, включающей в себя историческое наследие и культуру огромного количества этносов, населяющих наше многонациональное государство.

Говоря о сохранении (или даже «восстановлении») национальной памяти, не стоит забывать и такого важнейшего аспекта, как этика исторического научного исследования. Здесь необходимо остановиться поподробнее.

Историческое исследование, как и любое другое научное исследование, призвано быть объективным, а используемый методологический аппарат должен обеспечить возможность установления ретроспективной истины в отношении предмета изучения. Именно эта объективность определяется этическими принципами. Этика как учение о морали и нравственности в своем прикладном значении говорит нам и о моральной ответственности ученого-исследователя за истинность и достоверность тех результатов, которые мы вводим в научный оборот. Этические принципы научного познания как универсальные константы призваны стоять на страже научной истины, возлагая на ученого-историка моральную ответственность перед будущими поколениями за те результаты исследований, которые публикуются, вводятся в научный оборот, прилагаются широкой массовой огласке, применяются в процессе обучения.

В современных условиях гуманитарная наука и продуцируемые ею знания, безусловно, оказывается втянутой в политическое противостояние и даже становится методом ведения политической борьбы. Это актуально, в первую очередь, именно в отношении российской отечественной истории. И.Ю. Алексеева пишет, что «развернувшаяся в условиях мировой информационной войны «война историй», включающая в качестве составной части «войну историй России», делает весьма актуальной проблему правил, регулирующих поведение профессионального историка» [2, с. 198]. Генезис этих правил вытекает из этических норм объективности научного исследования и моральной ответственности ученого за объективность получаемых результатов, независимо от политической конъюнктуры.

Таким образом, на сохранение и преумножение национальной памяти направлены именно исторические исследования. Эта целенаправленная деятельность ученого-исследователя в виду своей особой социальной значимости должна быть облечена этическими константами. И именно эти константы являются теми детерминантами, которые обеспечивают сохранение национальной памяти.

Литература:

1. Беспалова Т.В. Национальная память и русская культура / Т.В. Беспалова // Культурное наследие России. – 2018. – №1. – С. 14-17.
2. Алексеева И.Ю. Нужен ли историку этический кодекс? / И.Ю. Алексеева // Ведомости прикладной этики. – 2017. – №50. – С.198-205.

Семенов Владислав Валерьевич
независимый исследователь

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ И ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

В последнее время российское руководство активно вступило в «войны памяти», пытаясь представить мировому сообществу свою версию истории, прежде всего нашей, отечественной истории, возводя в идеал некую «историческую правду» и «правильную» трактовку истории. Делается это под знаком контрпропаганды и развенчания антироссийских мифов, а также воспитания патриотизма. И можно было бы все это приветствовать, если бы подход был бы строго научным, однако все эти попытки уходят в область нового мифотворчества. Наша страна в этом, конечно же, не одинока, каждое государство имеет свой набор исторических мифов, на которых воспитывается патриотизм, но, к сожалению, иногда этот патриотизм бывает ложным. В России сейчас создана мощная индустрия по популяризации официальной истории. Но на поверку вся та история которая подается РИО, чаще РВИО и другими организациями оказывается сильно мифологизированной, и не имеющей никакого отношения к реальной исторической науке, то есть пропагандой. На этом фоне появились многочисленные предложения сформировать министерство пропаганды, вести уроки патриотизма, развивать патриотическое воспитание в школах под надзором специальных кураторов. Если в этом ключе обратиться к тому, как преподают историю в школе, то проблема тянется еще с 19 века, когда формировалась классическая система школьного образования. Тогда история в школе была элементом государственной пропаганды и воспитания чувства национальной гордости. Так историю воспринимают и сейчас. Но нужен ли такой подход к преподаванию истории сейчас? Дает реально такое интенсивное насаждение патриотизма положительный (в том числе и для тех, кто насаждает) результат. Как показывает практика и исторические примеры все происходит наоборот, происходит отторжение к насаждаемым пропагандой исторических мифов и трактовок. Все это происходит из-за подхода к обучению истории в школе не как к научному знанию. Современная школа в научном плане (или какой она должна быть) – это, прежде всего, один из способов познания окружающего мира, приобщения к азам и основам наук (физики, химии, истории, биологии), а в социальном плане основа гармоничного развития личности и социализации, в том числе через языки (родной и иностранные), физическую культуру, труд, литературу, музыку, общественную деятельность. История в плане социализации и воспитания личности тоже играет немаловажную роль. И вот тут важно именно знакомство с историей как наукой и её научным инструментарием, а не с историей как набором сказок, рассказов и баск. Однако как раз в этом плане возникает серьезный диссонанс между историей как наукой и исторической пропагандой. И вот тут появляется широко распространенное среди непрофессионалов мнение, о постоянном переписывании истории, ее постоянном искажении. В свою очередь это происходит из ложного понимания патриотизма. И попытки в нынешнее время насаждать патриотизм через историю приводят к провалу.

Литература:

Семенов В.В. Актуальные вопросы довузовской подготовки школьников в области исторической науки (на основе анализа материалов олимпиады школьников и подготовительных курсов) // 2012 год – год истории в России. Актуальные проблемы изучения и преподавания истории в высших учебных заведениях. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Санкт-Петербургский государственный университет; Исторический факультет. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2014. С.41-47

Беседина Е.А., Буркова Т.В., Наливайко Р.А. Вопросы по истории великой отечественной войны в заданиях олимпиады школьников по истории СПбГУ // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Сборник статей и воспоминаний. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 92-98.

Сыров Василий Николаевич

д.филос.н., профессор, Томский государственный университет

О СМЫСЛЕ И ЦЕННОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Тезис заключается в утверждении сомнительной ценности прикладной этики. Утверждается, что притязания прикладной этики на особый статус обусловлены не ее действительной спецификой, а сохраняющимися представлениями о природе морали и способах действия моральных норм или правил (в деонтологии). Если признать различие моральных принципов и моральных правил, а также необходимость и наличие способов перевода общих принципов в конкретные правила, то можно показать тождественность способов формулировки моральных правил и принятия решения в обычной морали и прикладной этике. Поэтому стоит утверждать, что на практике мы имеем дело либо со спецификой применения морального требования из сферы обычной морали к конкретной ситуации, либо с профессиональной этикой.

Макинтайр справедливо отметил, что отрыв правил от их применения обусловлен, помимо прочего, забвением истории их употребления. Представляется, что путь его преодоления лежит не только в актуализации исторического контекста, но и в переосмыслении характера и функций моральной теории. Если мы полагаем, что моральные положения на всех уровнях анализа имеют смысл лишь в контексте применения, то переход от теорий к их употреблению станет не попыткой соединить несоединимое, а чем-то сродни переходу от мысленного эксперимента к реально осуществляемому. Если же мы полагаем, что имеет смысл различать моральные принципы и моральные нормы (или правила) по их функциям и масштабам применимости, тогда исчезает пропасть, возведенная между обычной моралью и прикладными этиками. Все они становятся различными благодаря специфике эмпирических контекстов и обусловленных этим кодексов правил, но едиными в моральных принципах и механизмах их трансляции в такие правила.

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

«НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СПОРТИВНОЙ ЭТИКЕ В XXI ВЕКЕ»

при участии Исследовательского комитета Социология физической культуры и спорта
Российского Общества Социологов (РОС)

материалы круглого стола

Гонашвили Александр Сергеевич

старший преподаватель, Университет при МПА ЕврАзЭС;

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный технологический институт

(технологический университет); аспирант, стажер-исследователь,

Санкт-Петербургский государственный университет

РАССМОТРЕНИЕ СПОРТИВНОЙ МОРАЛИ

С ПОЗИЦИИ РЕЛЯЦИОННОГО ПОДХОДА В СОЦИОЛОГИИ

Главный интерес данной работы лежит в области моральных практик современного спорта. Поэтому реляционный подход служит средством социологического исследования специфической моральной составляющей жизни спортсменов. Это означает, что, с одной стороны, исходной почвой спортивной морали служит капиталистическая система общества, а с другой стороны, что социальная действительность моральных практик кроется в области отношений, и может быть объяснена только их природой. Отличительной особенностью моральных практик современного спорта служит

их вхождение в игровое пространство, подчиненное логике состязательности. Игровая реальность проистекает из досуга и сохраняет его важные черты. Эти черты не исчезают даже в процессе товарнизации спортивных отношений на почве капиталистической системы с капиталистической формой досуга. Таким образом, люди, осуществляющие спортивные практики неизбежно сталкиваются с необходимостью учитывать жизненные материальные интересы, ведь всякие практики зависят от потребности обеспечения определенного образа жизни. В современном капиталистическом обществе нравственность превратилась в определенную проблему, поскольку изменились социальные условия прежних нравственных учений. Общество потеряло прежний сословно-иерархический характер, патриархально-родственные связи, религиозно-идеологические формы. Человеческая деятельность становится абстрактной, измеряемой исключительно абстрактно-всеобщим эквивалентом в виде денег. Отчуждение в этих условиях оборачивается утратой понимания морали как своего собственного поведения, как конструкции своего морального сознания и своей воли. Но современный мир еще не предлагает универсальной замены религиозно-мистической веры, чтобы обеспечить веру в собственное моральное сознание. Капиталистическое общество, дав человеку, возможность рассчитывать на собственный разум, ограничило его в условиях реализации такой возможности. В результате, это противоречие современного общества отражается на разнообразных моральных кодексах, обозначающих человеку ориентиры для его правильного поведения.

РФФИ №20-311-90002 «Спортивная социализация российской интеллигенции: проблемы, вызовы, противоречия».

Doczi Tamas

PhD, Associate Professor, University of Physical Education, Budapest, Hungary

ETHICAL DILEMMAS SURROUNDING ATHLETES' LIFE DURING THE PANDEMIC

Many scholars often cite the statement: 'Sport is the mirror of society', which implies the recognition that it is a subsystem with patterns, phenomena and relations that are similar to other walks of life, yet, many of the latent functions and dysfunctionalities are revealed in sport to a greater extent, due to its high media exposure. The popular myths surrounding sport, often (over-)emphasizing its role in education, socialization, social integration and social mobility make it attractive for the public, elite athletes are treated as role models and are highly respected in most societies. Nevertheless, the values attached to sport, which appear so clearly when we talk about, and most certainly, when we argue for the importance of sport, seem to appear in (or disappear from) the praxis of sport in a much less consistent manner. In the past few decades, some forms of sport, especially high performance sport has in many ways diverted from the 'optimistic' Coubertinian definition of sport. Competing in elite sport has become a profession, which is defined by strict prescriptions of training routines and daily activities in general, and constrained by various legal, medical and media protocols. Under these circumstances, the issue of high performance athletes' well-being has been a pressing concern for a while, especially due to the long-term injuries sustained by competitors of numerous sports; however, the Covid-19 pandemic has brought further questions to the forefront. These questions go far beyond well-being, and can be connected to human rights, such as the right to work in just and favourable conditions, the right to social protection and to the highest attainable standards of physical and mental well-being, and the right for freedom of opinion and expression. The presentation deals with the situation of professional athletes during the pandemic, from a sociological perspective, focusing on their obligations and their rights and the contradictions between the two.

Ivan Emese

PhD, Associate Professor, Senior Associate Dean, St John's University, USA

AN OVERVIEW AND CRITICAL ANALYSIS OF THE US PARALYMPIC MILITARY PROGRAM (PMP)

Since the commencement of the wars in Iraq and Afghanistan, thousands of American military personnel have returned home with serious physical and psychological wounds, including amputations, traumatic brain injuries and paralysis. In 2004 the US Paralympics, a division of the US Olympic Committee back then, created the Paralympic Military Program (PMP) to introduce sport to these recently disabled soldiers. The PMP emphasizes the rehabilitative benefits of sport, but also pursues the implicit goal of discovering potential elite athletes capable of representing the USA in international competitions. As a result, a growing number of veterans have represented the USA at the Paralympic Games in 2008, 2012, 2016, and most recently, in Tokyo 2021.

The aim of this paper is to provide a historical overview of the sport-military relation as it is evidenced in the recreational and recuperative activities in the 18-19th centuries and more importantly, the mutually reinforced symbolism of strength, unity, and patriotism as it can be witnessed over the 20th century.

However, the implementation and utilization of PMP in the 21st century is also worthy of critical examination in a sense that it tries to a) deflect attention away from the devastating consequences of war; b) normalize militarization; c) “serve as a pedagogical force that shapes our lives and memories.”(Giroux, 2007)

Канивец Александр Сергеевич

обучающийся бакалавриата

Мальцева Светлана Георгиевна

к.филос.н., доцент

Национальный государственный университет

физической культуры, спорта и здоровья им.П.Ф.Лесгафта

АКТУАЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРТА

Современный международный спорт как социокультурный феномен – явление многогранное, важной составляющей которого является процесс организации международных спортивных соревнований. В последнее время данный процесс становится все более коммерциализированным и политизированным, но при этом освещаемым в средствах массовой информации как гуманистически ориентированный процесс, направленный, в частности, на реализацию духовных ценностей олимпизма. Значительная часть зрителей активно и с доверием воспринимает этот информационный поток, не замечая подмены понятий, которая происходит за счет смещения акцентов в сторону псевдоактуальных проблем, раздувания их до масштаба всемирных, общечеловеческих.

Наиболее актуализированной сейчас является проблема гендерного равенства в спорте, при освещении которой, организаторы соревнований по сути предлагают искаженные нормы морали, дискредитируют само понятие гендерного равенства, и вуалируют коммерческие, политические интересы. Следует отметить, что гендерный подход не подразумевает элементарного решения, предлагаемого организаторами – простого сведения к равенству в процентном соотношении количества мужчин и женщин, без учета таких значимых факторов, как анатомические, биологические, психо-физиологические, социально-культурные. Спорт способствует, прежде всего, формированию волевых качеств, силы, способности противостоять агрессии соперника, то есть тех, которые репрезентуют образ маскулинности. Именно поэтому исторически сложилось так, что занятие спортом в большей степени являлось приоритетом мужчин.

В настоящее время биполярная модель, как предлагающая жесткую дифференциацию гендерной идентичности по признаку пола, на Западе, в том числе и в сфере спорта, отходит в прошлое, уступая место мультиполярной модели. В сфере спорта заметно также тенденции ориентированности на андрогинность. При этом не исчезают и не может исчезнуть из реальной жизни целый ряд проблем, таких, например, как половой диморфизм, недостаточность научного изучения влияния интенсивных физических и психологических нагрузок на женский организм (в том числе тренировок и участия в соревнованиях), социальная адаптация спортсменов после завершения карьеры, особенно важным здесь представляется возможность реализации биосоциальной роли женщин в обществе.

Проблема коммерциализации спорта многоаспектна. В настоящее время именно она является основным дискредитирующим фактором мирового спорта в общественном восприятии. В рамках этой проблемы договорные матчи, изменение видов спорта, входящих в Олимпийские игры (включаются коммерчески выгодные виды, при этом не учитываются интересы спортсменов, например, на Олимпийских играх-2024, которые пройдут в Париже, не будут представлены карате, бейсбол и софтбол) и поддержка «типовых» видов спорта в ущерб этноспорту.

На последнем аспекте следует остановиться подробнее. Именно этноспорт, как один из способов сохранения культурного наследия, форма этнокультурной самоидентификации, мог бы стать важным фактором межкультурного диалога на соревнованиях международного уровня. Но в большинстве государств финансирование направлено на универсальные виды спорта, поскольку они коммерчески выгодны, соответственно, их доминирование, в частности в программе олимпийских игр, предопределено и этноспорт, таким образом, не может «прорваться» на уровень международных спортивных соревнований.

Романов Кирилл Александрович

аспирант, Национальный государственный университет
физической культуры, спорта и здоровья им.П.Ф.Лесгафта

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СПОРТИВНОЙ НАУКИ

Этическая сторона спортивных состязаний всегда интересовала философию: морально приемлемые для общества формы соревнований сопоставлялись с неприкрытой агрессией военных действий, рассматривались различные аспекты соотношения спорта и политики и т.д. Однако сама спортивная наука достаточно долго оставалась этически нейтральной, и это положение стало меняться только в наши дни.

Среди областей научного знания, в которых сегодня особенно остро обсуждаются вопросы социальной ответственности ученого и нравственно-этической оценки его деятельности, особое место занимают генная инженерия, биотехнология, биомедицинские и генетические исследования человека. А современная спортивная наука тесно взаимодействует со всеми этими передовыми областями человеческого знания. Как результат – неотложная необходимость решения этических проблем, связанных с радикальными изменениями человеческого тела в современную эпоху.

Если судить по имеющимся отечественным публикациям на платформе elibrary.ru, то можно заметить отчетливую тенденцию: за последние несколько лет опубликовано довольно много статей, в которых авторы с энтузиазмом описывают внедрение инновационных технологий в спортивной сфере, и лишь в некоторых публикациях возникает вопрос об оборотной стороне технического прогресса в спорте и возможных этических коллизиях в этой связи.

С другой стороны, нельзя не отметить, что этическая проблематика вовсе не чужда спортивной науке: можно вспомнить хотя бы тему fair play, регулярно возникающую на страницах спортивно-научных изданий, или многочисленные исследования фанатского сообщества в работах спортивных социологов, психологов, культурологов, которые также часто обращаются к проблемам морального характера.

Однако все эти публикации выводят этическую проблематику «вовне», в то время как этос науки предполагает возможность своеобразного научного самоанализа, попытку исследовать «внутренние» нормы научного сообщества на предмет их соответствия высоким моральным стандартам. Вероятно, в силу своей молодости отечественная спортивная наука несколько запаздывает в аналитике вопросов, связанных с этосом науки, хотя она явно подошла к тому рубежу, за которым игнорировать этическую составляющую уже не получится. Гуманитарии с тревогой замечают, что современный спорт становится все более ориентированным на технологии, призывая к введению кодекса научных исследований в спортивной сфере, консультированию исследователей по вопросам этики.

Все эти опасения и должны стать предметом пристального внимания спортивной науки, которая сегодня уже не может обойтись без соответствующего этического инструментария, если ставить задачи сохранения благородных идеалов спорта. Таким образом, идея ценностно-этической нейтральности спортивной науки постепенно уступает место более продвинутому взгляду, в соответствии с которым моральное измерение не является внешним по отношению к ней. С другой стороны, такое «запаздывание» может сыграть положительную роль, позволив учесть трудности перехода от классического этоса науки в духе Мертона к более приемлемым вариантам «поакадемической» этики науки.

Sun Chia-Ting

PhD, Assistant Professor, National Taiwan Sport University

THE RESEARCH TRENDS OF GENE DOPING IN TAIWAN

The world has changed at an uncontrollable rate in the past three decades. The Gene technology industry has become a business with great output value in this generation. It also influences sports and caused changes in sport culture and its related ethical concepts. Because of the wide range of gene technologies that may involve in the sports field, and its existing studies mostly originate from Europe and America, there is a demand that developing the research topics, methods, and objects for enhancing our understanding of it. This article will take two journal articles I published in Taiwan as the starting point to explore related issues. In these two articles, I took one of the new forms of doping, gene doping, as an example, and explored the global governance and practice of it, and the frame Taiwanese scholars conducted to comprehend it. I will briefly discuss the current research trends of gene doping in Taiwan and analyze the possible reasons for this trend. Furthermore, I will point out that the efforts of sports humanities and social sciences research on gene doping and gene technology are still insufficient. This article suggests that we may apply more perspectives to analyze current phenomena, such as 'Ethical, Legal, and Social Implications (ELSI)' or 'Science, Technology, and Society (STS)'.

Тонковидова Анна Викторовна

старший преподаватель, Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ СПОРТА: УТИЛИТАРНЫЙ ИЛИ СОБОРНЫЙ КРИТЕРИИ РЕАЛИЗАЦИИ

Спорт вышел, как отмечает Ж. Бодрийяр, за пределы спорта. Спорт – это уже и политика, и экономика, и мода. В связи с проникновением в сферу спорта других сфер жизни общества, необходимо определение некоего критерия реализации деятельности в сфере спорта, в том числе и деятельности искусственного интеллекта. Таких критериев может быть два: соборный и утилитарный. На вопросы: Как я должен поступать? Какой должна быть путеводная нить моих действий? – можно дать два разных ответа. В первом случае можно сказать: Поступай согласно голосу своей совести, который и есть голос самого разума, или космического порядка, или божественной воли. Или можно сказать: Поступай так, чтобы твое действие вело к увеличению суммы общего

благополучия или счастья. Спорт предполагает соревновательный момент, а значит систему судейства, в которой возможна для применения система искусственного интеллекта. Искусственный интеллект не может быть вынесен «за скобки» этической и моральной проблематики, а значит нужно определить некий критерий для деятельности искусственного интеллекта на основе обозначенных критериев. Согласно утилитаризму, действие является хорошим или плохим в зависимости от того, способствует оно или не способствует общему благополучию или счастью, либо, действие является хорошим или плохим в зависимости от того, соответствует оно или не соответствует правилу; но правило является хорошим или плохим в зависимости от того, способствует оно или не способствует общему благополучию. Подсчет наслаждений или страданий, которые может повлечь за собой определенное действие, должен осуществляться тем, кто собирается совершить это самое действие, либо этот подсчет должен осуществляться лишь тем, кто намеревается вынести суждение о правилах морали и хочет проверить или определить ее ценность. Согласно соборному критерию деятельности, который был обозначен в русской философии, то, что является морально справедливым, нельзя смешивать с тем, что полезно для индивида и для общества; что подлинно моральное действие вдохновляется не интересом, а нормой, которая обязывает совесть, и что само понятие обязанности не родилось бы, если бы мораль основывалась на пользе, потому что следование интересу не долг, а склонность. Связь между справедливостью и пользой указывает не на тождество двух этих терминов, а на их различие. Предвидеть все последствия, которые определенное действие будет иметь в будущем на нас самих и на других, чтобы определить степень его полезности, – задача трудная и почти что невозможная, если опираться на указания, которые может дать прошлый опыт; тем более, что этот опыт может позволить нам предвидеть вероятный, а не неоспоримый ход вещей.

Tewari Sanjay

Hony Director, UP Athletics Association, Managing Committee Member,
Indian Sociological Society

CAN SPORT ADDRESS GENDER ISSUES?

In recent years, there has been a significant shift from advocating for 'gender equity in sport' towards using 'sport for gender equity and personal development'. This analysis contains some of the evidence of this shift so far. A large amount of research into the extent to which sport and physical activity has a positive impact on health has shown that involvement in regular physical activity enhances physical and mental health and well-being, including among women and girls, and this sounds true in context to India too.

Some research using the concept of self-esteem suggests that girls and women who participate in sport and physical activity in both developed and developing countries demonstrate higher self-esteem as well as improved self-perception, self-worth, self-efficacy and so on. There is a large amount of compelling evidence from both developed and developing countries reflecting the relationship between sport participation and social integration and social inclusion of women and girls. Most research that examines the relationship between sport and gender refers to the transformative potential of sport to challenge or alter gender norms. 'Gender norms' refer to the responsibilities and privileges assigned to men and women.

Although the participation of women and girls in sport remains largely imbalanced when compared to participation among men and boys, and this is accepted for India too, most researchers are in agreement that the consistent and continued participation of women and girls in sport has had a major impact on achieving gender equality in certain contexts.

Taking a leaf from the evidence from developing countries which indicates that some sports programs provide women and girls with opportunities to develop leadership skills, this study further discusses the aspects which overall effect the well being of women and girls and the contribution of sports towards this, specifically within the backdrop of Indian framework.

Sinyutin Mikhail

PhD, *Saint Petersburg State University*

IS IT MORAL TO LOSE? AN INVITATION TO REFLECTION

Sports are built on the goal of winning. Therefore, the victory seems to be a criterion for the moral judgment of athletes. Moreover, often the absolutization of victory as a goal is considered as a violation of the conditions for the formation of a moral act in sports, while neglecting this goal is considered following the basic principles of sports integrity. However, what should be done if an athlete pursues a goal of loose? Is there a moral justification for this decision? It seems that an affirmative answer in this situation is possible only with an emphasis on the circumstances and conditions of decision-making, in other words, based on the conditional ethics. At the same time, the question remains about the possibility of moral justification when an athlete's actions violate the existing rules, norms and guidelines that ensure the integrity of the sport. Is such an excuse possible in the case of administrative and legal punishment of an athlete?

All these questions are filled with concrete content when considering an example from the sports life of Russia. The situation that interests us arose on February 26, 2017 in the match of the Russian Bandy Championship of the teams «Vodnik» (Arkhangelsk) and «Baikal-Energia» (Irkutsk). The match ended with a score of 11: 9 in favor of Irkutsk, with all the goals scored in their own net. How the mutual desire for defeat became possible, and why it took such active forms, and finally what is the moral side of the problem – these questions are proposed to be discussed in the framework of a scientific discussion.

Vasilyev Iliia

PhD, Docent, Associate Professor, Saint Petersburg State University

BREAK-OUT SPORTS LEAGUES

AND SPORTS FEDERATIONS MEMBERSHIP'S OBLIGATIONS

The announcement of a new tournament not organized by UEFA by several of Europe's leading football clubs in the spring of 2021 did not come as a bolt from the blue. On April 18, 2021, an official press release appeared on the creation of the so-called «Super League», marking the creation of a new football competition in Europe by 15 clubs not under the jurisdiction of the Union of European Football Federations or the International Football Federation. The reason for the league's appearance was rather veiled through the situation of economic turbulence in European football caused by the pandemic. As noted, the founding clubs have, over the years of their participation in UEFA competitions, always aimed to improve the quality and intensity of such competitions. However, the coronavirus epidemic has spurred the search for a sustainable approach to support European football. The solutions proposed by UEFA were not seen for some clubs as a panacea against fundamental problems, which is why the Super League appeared. In a sense, this case is one of a series of situations that make you think about the existing pyramid of governance in European football. UEFA has begun looking for a legal basis in its regulation to hold clubs sporting responsibility. The creation of the Super League was undoubtedly another challenge to the pyramid of sports management, in this case – in terms of European football. The restrained position of FIFA on this case speaks of the ambiguity of the situation: it is possible to negotiate, but both parties understand the low chances of checking the norms of the UEFA acts we have considered for the proportionality of the restrictions introduced for clubs – actual bans on self-realization and self-development. By participating in competitions organized by UEFA, the club is committing itself to a kind of corporate guild: choose between the achieved selection for the confederation competition and third-party offers.

Yaprak Pınar

MSc&PhD, Assistant Professor, Gazi University, Ankara, Turkey

**REMAINING PERVASIVE CHALLENGES IN SPORTS AND BEYOND IN THE
PROCESS OF ARTIFICIALLY INTELLIGENT SOCIETIES**

Efforts towards the highest ethical probabilities in artificially intelligent societies (AIS) are scarce and often occur among narrow groups of science, law, and commercial communities. Moreover, fields such as sports, politics, and medicine, which relatively have more history than AIS, continue confronting challenges about ethical conduct both within their current paradigms and concerning AIS. Maturation is mainly a two-faced phenomenon (with negative and positive attributions); both AI and sports fields are marked for such double-sidedness. For instance, both AI and sports programs aim for sustainability, advancement, improvement, development. On the other hand, they have chronic negative dimensions as explained through the Great Sport Myth (GSM) concept by Coakley (2015) or through non-authentic cyborgs and reproduced inequalities in (pre)AI ages signaled by Harraway (1981) and Yaprak (2012, 2015). The quality of the overall outcome with the less legitimated practices contains several red flags for some of the fields, weakening their positions to be called weal-balanced, or ethical. Those, for example, are related to ongoing problems in considering the current interdisciplinary, cultural, and authentic input, imbalances between powers and regarding the burden of cost and to identity, formation of the power structure and abuse of power, unequal distribution of resources, challenges with or without a resolution. Several challenges experienced in different interacting fields and contexts demonstrate how one can experience the complex, pervasive, ongoing, worldwide, and critical negative/un/ill maturities.

By focusing on such separate socio-political contexts and cases that represent «pervasive hypocrisy and ethical dilemma in AI and sports configurations in the age of hyper-simulation»; this content provides some explanations, especially regarding the following mission and goals of the present meeting (XIII International Conference, Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects – 2021, Ethics As Research and Profession»), in response to -and beyond- the questions as «what is the place and role of ethics at the beginning of the XXI century?», «current interdisciplinary (sport, AIS) contexts that are associated with old and new moral questions; new moral questions emerged in today's context (such as ethics of AIS and cultural heritage), old problems such as violence and discrimination; the challenge of solving ethical discourse in public and professional settings; applied ethics and challenges of modern society» and «ethical issues of emerging technology». I include the relevant findings and insights from my interdisciplinary background (mainly from health, education, management, and social-political sciences), the content analysis of some typical cases, and literature including but not limited to the sociology of sport, human rights (woman's, child, and deaf studies), sports philosophy, AI and ethics.

These analyses and results reveal and expand (ethical) knowledge and solutions to some determined complex issues in policy and practice, experienced at macro and micro levels within and beyond (concerning) sports fields. Overall, this paper expands the content for more understood (subjective) probability regarding the aforementioned critical issues by highlighting some interdisciplinary cases and knowledge.

СОДЕРЖАНИЕ

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- 4 *Абдрашимова И.В.* Осмысление морали через поэтическое высказывание
- 4 *Беляева Е.В.* Рефлексивность морального субъекта в этике ответственности
- 5 *Болотникова Е.Н.* Жизнестойкость: этическая перспектива
- 6 *Борисов С.В.* Эффект «новизны» в этике
- 7 *Братина О.А.* «Заметки к перформативной теории собрания» Джудит Батлер: современный этический дискурс
- 8 *Виноградова О.А.* «Женщина, очнись!» – этика феминизма в работах Николя де Кондорсе и Олимпии де Гуж
- 9 *Горбунов С.С.* Рационализация этического мышления и этика благоговения перед жизнью: очень короткое размышление
- 9 *Дорофеев Д.Ю.* Этические характеристики эстетического образа человека
- 11 *Дробышева Е.Э.* Технологии VS аксиология: битвы на полях современного искусства
- 12 *Зайцев П.Л.* «Методы этики» Генри Сиджвика в контексте морального выбора новой нормальности
- 13 *Зубец О.П.* От заповеди к табу
- 14 *Каменцева М.А.* Феноменология субъекта как переосмысление классической этики
- 15 *Колесник М.В.* Нравственность как этика «всеобщего»
- 16 *Копанева В.А.* Признание как предпосылка этики в «Йенской реальной философии» Гегеля
- 17 *Корсиуч L.* Egoism
- 17 *Назаров В.Н.* Этические параметры цифрового двойника: выбор моральной идентичности
- 18 *Оводова С.Н.* Метамодернистские этические установки в работах Х.Фрейнахта
- 19 *Поляков А.В.* «Героическое искусство» М.К.Мамардашвили в контексте эстетической теории И.Канта
- 20 *Разин А.В.* Реализм и натурализм
- 21 *Рыскельдиева Л.Т.* Два вида долженствования: классические истоки
- 22 *Серкова В.А.* «Тонкие различия» в практической этике Джорджа Мура (к истории вопроса)
- 23 *Сохор Т.Е.* Символизация героизма в женских образах монументальной скульптуры
- 24 *Ставцева О.И.* Взаимопомощь как актуальное этическое понятие: от П.А.Кропоткина к П.Сингеру и К.Малабу
- 25 *Чулаков Д.К.* Этика самоосуществления: проблематизации и концептуализации
- 27 *Шаов А.А., Куров Н.З.* Традиция и модерн: проблемы этического консенсуса
- 27 *Шляпников В.В.* Объективистская этика о добродетелях
- 29 *Янушевская Е.В.* Конфликт этической и эстетической ценности и подходы к его решению

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

- 30 *Алейников А.В.* Рефлексии конфликта дистрибутивной справедливости рисков
- 31 *Александров Е.А.* Этические аспекты космической деятельности
- 33 *Антипов А.В.* Этика концептов в дискурсе об окончании жизни
- 33 *Артемов В.М.* Этическое образование для юристов как фактор защиты справедливости в обществе
- 35 *Батурина И.В.* Соотношение и взаимосвязь естественного и искусственного интеллекта: философско-этический аспект
- 36 *Брызгалова Е.В.* Биоэтика: перспективы и барьеры профессионального образования
- 36 *Викторова Е.В., Власова Н.В.* Перспективы европейской интеграции после 2020 г. в аксиологическом измерении
- 37 *Гарвардт А.Э.* Структура этического сознания в контексте инновационной модернизации
- 38 *Глебова С.В.* О проблеме этического в Новой этике
- 39 *Завьялова Е.Б., Чертовских М.Г.* Об актуальных проблемах этики бизнеса в эпоху цифрового поворота
- 40 *Заратин О.В.* Этнос философского общения
- 41 *Зимбули А.Е.* Социальный тип чиновника: этические аспекты
- 42 *Иванова Е.Н.* Этические дилеммы проверки неправомερных заимствований в научных публикациях (из опыта проекта Антиплагиат РГБ)
- 43 *Канышева О.А.* Профессиональная этика юриста
- 45 *Кротова Т.Г.* Комплаинс и этика в условиях в Индустрии 4.0
- 45 *Кудряшова В.К.* Экземплярисский подход в моральном образовании
- 46 *Кутлова Г.Р.* Сохранение этических ценностей в условиях цифрового общества
- 47 *Макарова Н.Я.* Этические проблемы ведения общественно-политических ток-шоу на российских федеральных телеканалах
- 48 *Мамина Р.И., Пирайнен Е.В.* Этические концепции современного лидерства
- 49 *Мапельман В.М.* «Наиболее достойные» в современной жизни
- 50 *Марина М.В.* Современная музейная экспозиция как вызов изменения общества
- 51 *Павлова Е.В., Сунами А.Н.* Влияние уровня этичности бренда на его репутацию
- 52 *Сунами А.Н., Павлова Е.В.* Проблема справедливости в распределении рисков
- 53 *Почебут С.Н.* Цифровой этикет как регулятор отношений нового типа на микро и макроуровне
- 54 *Пронякина Е.Д.* Проблема гражданской активности в цифровом пространстве и кризис демократии участия
- 55 *Руженцев С.Е.* Рациональное и этическое в политике: единство и противоречие
- 56 *Синюкова Н.А.* Этическая экспертиза и цифровизация здравоохранения
- 57 *Сокольчик В.Н.* Эксперименты с участием людей: кто и как контролирует гуманность эксперимента?
- 58 *Торопова А.А.* Ответственность за тело как квази этическая проблема
- 59 *Туманян Т.Г.* К вопросу об этико-политических взглядах ал-Маварди
- 60 *Цуркан Е.Г.* Проблема «этичного дизайна» интернет-приложений
- 62 *Шахназарян Н.Р.* Вызовы и дилеммы этического кодекса в социальной антропологии: рефлексии о ситуации в исследованиях Армении и де факто Нагорно-Карабахской Республики

- 62 *Шевченко А.А.* Эпистемическая справедливость и экспертное знание
64 *Ширяков И.П.* Механика морали в компьютерных играх жанра RPG
65 *Шпеннгер Л.С.* Чувства и аффекты в поле профессиональной этики педагога ДОО
66 *Юрьева А.В.* Личное пространство в мире высоких технологий: архитектурный контекст

«ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ФИЛОСОФИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕТАМОДЕРНА», материалы круглого стола

- 66 *Тихонова С.В.* Рациональность публичного дискурса в правовых взглядах Ю.Хабермаса и постправда метамодернизма
67 *Самохина Е.Г.* Философия права метамодерна как продолжение постмодернистской философии права
68 *Невважай И.Д.* К вопросу о генезисе поведенческих норм
69 *Осветимская И.И.* Мотивация в праве: внутренние и внешние механизмы
69 *Селезнев И.С.* Юридическая vs фактическая собственность: к проблеме экзистенциальных оснований собственности
70 *Мачин И.Ф.* Этико-правовой дискурс Жака Маритена и современность
71 *Ветютнев Ю.Ю.* Единство этических и правовых ценностей в свете деятельностного подхода
72 *Донских А.А.* Легитимность и этика права

«ЛОГИКА АРГУМЕНТАЦИИ И МОДЕЛИ РАССУЖДЕНИЙ В МОРАЛИ И ПРАВЕ», материалы круглого стола

- 73 *Боброва А.С.* Абдукция и ее возможности (на примере схемы морального аргумента в пользу существования Бога)
74 *Дидикин А.Б.* Моральная аргументация в праве: дебаты об инклюзивном позитивизме
75 *Елагин Г.Б.* Этичность аргументов в интернет-спорах: на примерах делибераций в социальных сетях
76 *Лисанюк Е.Н.* К вопросу о приемлемости делиберативных аргументов
78 *Медведев В.А.* Учебный курс «Теория моральной аргументации» и его роль в подготовке прикладных этиков
79 *Микиртумов И.Б.* Моральная аргументация в дискуссии по научным вопросам
80 *Pavlova A.* Games for Many-Valued Logics and Agency
81 *Тимошина Е.В., Грачева А.В., Сошникова Д.А.* Аргументы реализма и формализма в практике конституционного и конвенционного правосудия: результаты эмпирического исследования в свете прагма-диалектического подхода
82 *Фатиев Н.И.* Наилучший из возможных миров Лейбница и проблема выбора
83 *Фролов К.Г.* Проблема wishful thinking для некогнитивистского подхода к моральной аргументации
84 *Хамидов А.А.* Позиция, точка зрения и мнение агента в аргументации

«ЭТИКА МОЛОДЕЖИ И ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ», материалы круглого стола

- 84 *Баранова Т.В.* Цифровизация избирательного процесса в контексте морально-нравственных представлений современной российской молодежи
- 86 *Волкова А.В., Кулакова Т.А.* Грани ценностного разлома в молодежной среде
- 87 *Врублевская-Токер Т.И.* Молодежь как субъект моральной ответственности в цифровой среде: опыт изучения повседневных практик
- 88 *Ибрагимов Э.С.* Представления о научно-технологическом развитии России в структуре гражданского самосознания российской молодежи: этические аспекты
- 89 *Макаров А.И.* Этические пресуппозиции преподавателя этики
- 90 *Палитай И.С., Яковлева А.Ф.* Человеческий капитал нового поколения молодых ученых России: этические и управленческие аспекты
- 91 *Пирожкова С.В.* Роль молодых ученых в распространении научного этоса за пределами науки
- 91 *Селезнева А.В.* Этос гражданственности российской молодежи в фокусе политико-психологического изучения
- 92 *Скитин Н.С.* Политико-идеологические установки и ценности в творчестве русскоязычных популярных молодежных исполнителей: от Artik & Asti до Morgenstern
- 94 *Сокрюкин А.В.* Запрос на «транспарентность» политического процесса как фактор протестной активности современной российской молодежи: этические основания
- 94 *Турков Е.А.* Справедливость как базовая политико-этическая категория мышления современной российской молодежи
- 95 *Хаткевич А.А.* Ценности молодёжного сотрудничества в рамках международных объединений
- 97 *Чикаева Т.А.* Нравственный конфликт: патриотизм или личность

ETHICS AS RESEARCH AND PROFESSION (секция на английском языке)

- 98 *Cera A.* Idioverse as Post-Reality or the Birth of an A-Social Ontology
- 98 *Clark E.* AI and Accountability in Epistemically Distributed, Collective Discoveries
- 99 *Farina M., Lavazza A., Giordano J.* Expertise-in-Action: The Importance of Intellectual and Moral Virtue(s) to Health Care Experts' Epistemic Authority
- 99 *Farmer Y.* Prudence, Ethics and Anticipation in Visionary Leaders
- 100 *Keyser J.* The Limits of Ethical Force: Why Actual People Can't be Kantians
- 100 *Lunić A.* Moral Responsibility without Moral Subject?
- 101 *Medeiros P.* Illuminating Ethics with Tradition's Virtue Model
- 101 *Mohsen Shiravand, Hesam Khodadadi.* A Study of the Gap between Practice and Theory according to Mohsen Feyz
- 102 *Mykhailov D.* Framing the Moral Landscape of Big Data in Chinese Healthcare: Cultural Specificities, Infrastructural Pitfalls, Moral Potentialities
- 103 *Nevim B.* The Biological Underpinnings of 'The Philosophy of Human Affairs'
- 104 *Peutherer N.* Longtermist Views on Corporate Activity
- 105 *Mohammad Amin Rezaei, Mohammad Hossein Ranjbar, Maryam Rezaei Avarzaman.* Characteristics of an Outstanding Ethical Physician from Iranians' Viewpoint. A Qualitative Study

- 106 *Riabova A.L.* The Concept of Professional Ethics in Higher Education
- 107 *Soloducha K.* Moral Dilemmas and Eliezer Yudkowsky's Project of Coherent Extrapolated Volition as a Tool for Building Confidence for Decisions of Autonomous Machines
- 108 *Talanker S.* The Psychological Basis of Ethical Universalism
- 108 *Testa L.* Moral and Non-moral Blame
- 109 *Tokmakova E.* Principles of Biomedical Ethics in Digital Health Management
- 110 *Tononi F.* Quantum Mechanics, Cognitive Neuroscience, and the Metaphysics of Morality
- 110 *Violet V.* Ethical Pitfalls of Financial Democratization
- 111 *Yang H.* A Defense for Virtue Ethics: VR Account and Virtuous Reasons
- 111 *Zhuang X.* In Defense of a Kuhnian Concept of Moral Progress

**«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ», материалы круглого
стола**

- 112 *Говорунов А.В.* Как возможно кино на исторически спорные темы? Об экранизации романа З.Прилепина «Обитель»
- 113 *Исаков А.Н.* Экзистенциал жертвы в отечественном кино о войне
- 114 *Климов Я.И.* Этика и использование цифровых технологий в современном кинематографе
- 115 *Литвинский В.М.* Бабайкин против Наполеона
- 116 *Маркосова С.Ю.* «Серая мораль» и образ полицейского в современном российском кинематографе (на примере фильма «Майор Гром: Чумной доктор» (реж. Олег Трофим, 2021)
- 117 *Огарков А.Н.* Моральный императив и французское искусство кино
- 118 *Пугачёва Ю.С.* «Солярис» Тарковского для незрячих: между метафорой и строгостью изложения
- 119 *Романова И.К.* Прямые и косвенные моральные инвестиции в кинодраматургии
- 120 *Сергиевская Г.Е.* Использование кинематографа в учебном процессе
- 121 *Смирнов А.В., Беззубова О.В.* Деконструкция литературоцентрированного дискурса в советском школьном кино: экзистенциальные и этические аспекты
- 122 *Тебякина Е.Е., Предовская М.М.* Сериалы – новая экзистенциальная гиперреальность метамодерна
- 123 *Тебякина Е.Е.* Использование этических аспектов кинематографа в процессе обучения хореографическому искусству
- 124 *Шатровой О.В.* Кино как средство психолого-педагогического влияния на личность

**«МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ В ХРИСТИАНСКИХ ЭТИЧЕСКИХ
ДОКТРИНАХ», материалы круглого стола**

- 126 *Авраменко Е.В.* Моральные вызовы волонтерскому движению в эпоху COVID-19
- 127 *Елдин М.А.* Нравственные аспекты теологии в поствизантийскую (постимперскую) эпоху
- 128 *Жадунова Н.В.* «Брак или партнерство»: моральная дилемма однополых браков в современных протестантских деноминациях

- 129 *Коваль Е.А.* Принцип «должен, значит можешь» в каноническом праве
- 131 *Кондратьева А.Н.* «Логика меньшего зла» в каноническом праве и католической этической доктрине: нормативный аспект
- 131 *Лебедев А.В.* К вопросу о канонических нормах в евангельском протестантизме: Sola Scriptura или Nuda Scriptura?
- 132 *Михельсон О.К.* Эволюционная психология религии о проблемах морали и религии
- 133 *Семушенкова А.С.* Взгляд на милосердие в социальных концепциях основных христианских конфессий
- 134 *Сидорова Т.А.* Проблемы трансляции христианской этики и антропологии в преподавании биоэтики
- 135 *Сычев А.А.* Каноническое право между морализмом и юридизмом
- 136 *Цибизова И.М.* Некоторые аспекты и проблемы современной неосхоластической моральной философии

«ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ», материалы круглого стола

- 137 *Балакирева Т.А.* Искусственный интеллект в сюжетах современных фантастических компьютерных игр: педагогический потенциал моральных дилемм
- 138 *Беззубова О.В., Смирнов А.В.* Этический опыт как проблема советского «школьного кино» 1970-х годов
- 139 *Борзенков Н.И.* Моральный профессиональный кодекс преподавателя высшей военной школы
- 142 *Винкельман А.М.* «Наука – творение любви»: Ф.В.Й. Шеллинг о научном знании и философском образовании
- 143 *Грива О.А.* Профессиональная этика в преподавании религиозоведческих дисциплин в поликонфессиональном регионе
- 144 *Дорохина Р.В., Платонова Э.Н., Лавренев С.В.* Цифровая этика в дистанционном образовании
- 145 *Колосков А.Н.* Образовательные стратегии эпохи Просвещения в современном мире: этический аспект
- 146 *Могилевич М.Н.* Этический выбор в игровом нарративе и возможности его использования в образовательном процессе
- 147 *Московчук Л.С.* Психолого-педагогические проблемы конструирования курса по профессиональной этике
- 148 *Назарова Ю.В.* Этическое образование в контексте цифровизации
- 149 *Ноговицын Н.О.* Этические аспекты формирования поля приватного в дистанционном образовании
- 150 *Шкомова Е.М.* Магистерские программы по биоэтике: обзор ключевых зарубежных программ

«НЕЙРОЭТИКА И БИОЭТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И НОВЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ», материалы круглого стола

- 151 *Plašienková Z., Vertanová S.* Парадигматические изменения в понимании дихотомии счастье vs «био-счастье» в жизни человека и общества

- 152 *Абдулаева З.Э.* О современных проблемах биоэтики
- 153 *Барбашина Э.В.* Принципиализм и нарративизм в биомедицинской этике
- 154 *Бродский А.И.* Физиологические основы мифа и общественная мораль
- 154 *Введенская Е.В.* Этические проблемы прорывных технологий в медицине
- 155 *Данилкина Д.С.* Модель принятия моральных решений в оптике теории о зеркальных нейронах
- 156 *Захарова Л.Б., Парицкая Е.Н., Ковалева В.А.* Современное воспитание и моральные качества как фундамент для работы в гериатрии
- 157 *Климович А.И.* Стратегии взаимодействия морального и правового дискурсов в биомедицинской этике
- 158 *Ковалева Т.В.* Неоднозначность и многоаспектность проблем нейроэтики
- 159 *Ларионов И.Ю.* Этика добродетелей и проблема совершенствования человека в нейрокогнитивистике – подход Б.Фрэдинг
- 160 *Ливанова А.В.* Диффузия приватной и публичной телесности
- 160 *Овчинникова Е.А.* Нейронауки и проблема обоснования морали в современном медийном пространстве
- 161 *Перов В.Ю.* «Культурная нейронаука»: этические проблемы и риски
- 162 *Проволович Т.О.* Этические проблемы физикалистского проекта в нейронауках
- 163 *Углева А.В.* Эпистемология добродетели на испытательном полигоне доказательной медицины
- 164 *Чалый В.А.* Социотехнические воображаемые, нарративы и проблема информированного согласия в биобанкинге
- 165 *Шамаева В.В.* Кризис человеческой природы в дискурсах трансгуманизма

«ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ», материалы круглого стола

- 166 *Держвицкий Е.В.* Правильно ли Фартинг распорядился своей лептой, или ещё раз о ценности жизней
- 168 *Джинчарадзе М.З.* Лабораторные исследования как замена тестированию на животных
- 169 *Прохорова В.В.* Природа человека: основные проблемы в этическом контексте
- 170 *Рассадина С.А.* Этическая проблематизация животной пищи: исторические веки и современный контекст
- 171 *Севастьянова А.Д.* Моральное чувство и страдания животных: к феноменологии морального переживания
- 172 *Столетов А.И.* О метачеловечности этики новой эпохи: отношения человечества и животных
- 173 *Трофимова В.Н.* «Нечеловеческие агенты» Брайана Массуми: чему животное учит нас в политике
- 174 *Чепелева Н.Ю.* Артур Шопенгауэр и этика животных

«ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА», материалы круглого стола

- 174 *Карпунин С.В., Лобажевич В.В.* Этические вопросы в межкультурном взаимодействии в вузе
- 175 *Станжевский Ф.А.* Этика заботы и проблематика отношений

- 176 *Селиверстова Н.А.* Этическое образование и проблемы межкультурной коммуникации в техническом вузе
- 177 *Маковецкая М.В.* Об этических основах базовых образовательных моделей

«УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТИКЕ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ», материалы круглого стола

- 179 *Абакарова Р.М.* О понятиях чести и достоинство в традиционной этике
- 180 *Артемьева Т.В.* Визуальные коды морали в России XVIII в.
- 181 *Барташевич Т.Ю.* Детская литература XIX века как транслятор нравственных ценностей
- 182 *Кузнецов Н.В., Овчинникова Е.А.* Учебники по этике в отечественной философии советского периода
- 183 *Рябошчапова Е.А.* Семейное чтение в этосе воспитания в русской культуре XIX века: на примере семьи Н.Г.Чернышевского
- 184 *Стешов А.В.* Этические аспекты риторики
- 185 *Тарковский В.Н.* Возможности этики как практической философии
- 186 *Чумакова Т.В.* Морально-этическая проблематика в русских азбуках XIX в.
- 187 *Шкалдыкова Э.М.* Как русская литература формирует концепт женского счастья, через воспитание добродетелей (смирности, терпения, доброты, прощения, жертвенности, жалости и д.т), отражение женского счастья в литературе
- 188 *Киришин В.А.* Нравственная сторона в мемуарах Г.Иванова. Стратегия памяти о культуре Серебряного века.

«ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ВОИНСКАЯ МОРАЛЬ И ДУХ АРМИИ», материалы круглого стола

- 189 *Борзенков Н.И.* Онтология войны
- 190 *Голубев П.В.* Актуальные вопросы сохранения традиционных морально-нравственных ценностей в воинских коллективах
- 191 *Кобзев Е.Ю.* Влияние выпускников военных ВУЗов на морально-нравственную позицию подчиненных военнослужащих
- 192 *Леонтьев С.А.* Прокрастинация в армии: этические аспекты
- 194 *Нужа М.И.* Милосердие и воинское служение
- 195 *Полякова Н.В.* Война как средство нравственного преображения человека: традиции и современные уроки этико-философского наследия Л.Н.Толстого
- 196 *Сергиевская Г.Е.* Этика военнослужащего: теория и практика
- 197 *Спирин А.П.* Система профессиональных ценностей военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации
- 198 *Спирина Т.П.* Профессиональная этика в деятельности военного руководителя
- 199 *Тебякина Е.Е.* Этика российского воинского духа: не умереть, а победить
- 200 *Хайдарова Г.Р.* «Дух и дисциплина» в дигитальную эпоху
- 200 *Хайрусов Д.С.* Участие частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах: этические и правовые аспекты
- 201 *Чиханова Е.В., Хлебников О.В.* Кодекс чести. Формирование ценностного отношения к национальным, профессиональным традициям военных специалистов.

- 203 *Шаманский А.М.* Гуманность оружия в условиях современной войны

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА: НОВЫЕ РЕАЛИИ», материалы круглого стола

- 204 *Артёмов Г.П.* Сравнительный анализ нормативно-ценностного содержания профессиональных этических кодексов
- 205 *Баженов С.С.* Проблематика этического регулирования исследований искусственного интеллекта
- 206 *Громова Л.А.* Университетская этика для достижения целей устойчивого развития
- 207 *Еременко Т.В.* Нарушения в сфере академической этики как предмет современных научных исследований: библиометрическая оценка на основе системы SciVal
- 208 *Карпов В.Э., Сорокоумов П.С.* Нормы морали как адаптивный механизм для социума искусственных агентов
- 209 *Клюева Н.Ю.* Искусственный интеллект: стандартизация и этическое регулирование.
- 210 *Ларионов И.Ю.* Моральное воображение в деловой этике: дискуссия Р.Порти и П.Верхейн
- 211 *Леушина В.В.* Вопросы этики с точки зрения технического регулирования: стандарты IEEE, ISO и ГОСТ
- 212 *Мелешко Е.Д.* Трансгуманизм и цифровая этика: ценностные критерии символического обмена
- 213 *Мухина С.Х., Очеретяный К.А.* В плену интерфейса: этические аспекты бесконтактного мира
- 214 *Перов В.Ю.* Иллюзия «сверхдоверия» в контексте профессиональных этик в цифровом обществе
- 215 *Петрунин Ю.Ю.* Восприятие служебного романа студентами-управленцами
- 216 *Смирнов С.А.* Этика для искусственного интеллекта (AI) и человек в норме
- 217 *Speshilova E.* Artificial Intelligence in Education: Ethical and Anthropological Dimensions

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, секции молодых ученых

- 219 *Ануфриев Т.С.* Этическая философия К.И.Сотонина и её актуальность
- 220 *Броников И.В.* Утопия как метод исследования нравственного идеала
- 221 *Гудилина Е.Н., Порошков М.М.* К проблеме ценностных конфликтов в идеологическом и утопическом дискурсе
- 222 *Демьянюк Е.А.* Этические аспекты прагматического аргумента необходимости веры в Бога
- 223 *Джабраилов Р.И.* «Непротивление злу силою» Льва Толстого и этика органицизма Николая Страхова: полемика в переписке
- 224 *Дмитриева Е.Д.* Мораль и нравственность как инструменты управления собой и другими
- 225 *Думанов А.С.* Этика как экзистенциальная аналитика
- 226 *Зайцева З.П.* Право и долг в этической системе М.Мендельсона
- 226 *Куваева Е.Е.* Интервьюер дьявола хуже адвоката дьявола? О моральной стороне проблемы исследования банальности зла

- 228 *Куцев А.А.* «Древний город» Фюстеля де Куланжа – парадигмальное сочинение для изучения морали, политики и истории философии
- 228 *Лашкова П.И.* «Прачечная человеческих душ» Питирима Сорокина в контексте современных биотических проблем
- 229 *Мальхина Ю.Ю.* О близости между деонтологической этикой и утопическим дискурсом
- 230 *Неаполитанский М.С.* Проблемы этики постгуманистического субъекта в работах Р.Брайдотти
- 231 *Попов Д.С.* «Солнечный луч на исходе долгого и мрачного дня античности»: особенности интерпретации А.Швейцером позднестоиической этики
- 232 *Пряничников Н.О.* Этико-правовые основания права на свободу сознания
- 232 *Сидорова А.А.* Особенности ивритского абсурда на примере рассказа О.К.Блюм «Женщина, которой хотелось кого-нибудь убить»
- 233 *Скоронад Т.А.* Идея альтруистической любви в социально-этической концепции Питирима Сорокина
- 235 *Черных А.А.* Этическая философия П.Л.Лаврова и Н.Г.Чернышевского
- 235 *Шова М.С.* Идея морального прогресса в социально-философских трудах мыслителей эпохи Просвещения

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ, секции молодых ученых

- 237 *Будаев Д.А.* Деконструкция конспирологических моделей в современном медиапространстве. Этический анализ
- 238 *Бытаева А.Х.* Проблема публичности и приватности в интернете и социальных сетях
- 239 *Гарвардт М.А.* Доктор Стрэнджлав или как я перестал бояться и полюбил «Посейдон»
- 240 *Зиновьева А.П.* Моральные утопии в отечественной культуре
- 241 *Казанцев О.А.* Этика «темного экзистенциализма»: Бенатар, гегелевский метод и экологический дискурс
- 242 *Ключко К.И.* Специфика сотрудничества крупных компаний с социальными предпринимателями – кейс IKEA
- 243 *Кононов Д.Р.* Философско-этические основы системы «социального рейтинга» в Китае
- 244 *Лолаева Д.А., Швеина Н.В.* Нарратив восприятия зрителями музейных пространств и памятников на примере работы У.Фишера «Большая глина №4»: этический аспект
- 245 *Переславцева Е.М.* Метамодернистский взгляд на биополитические практики
- 246 *Перова Н.В.* Иллюзии нравственного биологического совершенствования
- 247 *Петрова А.А.* Беспилотный транспорт. Этическая проблематика
- 249 *Робин И.Л.* Этика риска
- 249 *Романов И.Ю.* Новая этика как симуляция в контексте постиндустриального мира
- 250 *Спирин Т.В.* Этические основания согласия и коммуникационные стратегии в современном мире
- 251 *Feigin A.* Different Moralities and Conflicts under the Scope of Morality Research

ЭТИКА, НАУКА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, секции молодых ученых

- 252 *Авдеева В.С.* К вопросу об актуальности этического дискурса в области исследований социально-политической философии
- 253 *Арбузова М.Г.* Формирование отношения педагога к детям с проблемами в развитии: моральные аспекты
- 254 *Глобина А.К.* Защитник: и строчка в трудовой, и категория людей
- 255 *Долоцкая Н.А.* Ригоризм и пробабиллизм как подходы к пониманию политического насилия
- 256 *Елфимов К.И.* Этика и право: интерпретация идеи Р.Алекси о претензии на правильность в праве
- 257 *Зайцева А.С.* Этика в работе преподавателя и студента
- 258 *Захарова А.А.* Этическая основа образования медиаторов
- 259 *Крутько Д.Ю.* Религиозная символика в кинематографе: что можно и что нельзя демонстрировать с точки зрения этических принципов представителей разных конфессий
- 260 *Островская И.Ю.* Этические аспекты поведения психолога в социальных сетях
- 262 *Писаренко Ю.Н.* Этические аспекты семиотики моды эпохи постмодерна
- 263 *Сергеева В.С.* Детская литература в этосе воспитания (дошкольный период)
- 264 *Чепиго А.С.* Трансформация традиционной этики хантов в условиях современного промышленного освоения Западной Сибири
- 265 *Шеваренкова А.В.* Саморегуляция и самоуправление в профессиональной этике журналиста
- 265 *Шкаброва М.В.* Отражение проблемы субъективности в «этике бунта»
- 266 *Юнусова Л.И.* «Шоковое искусство» и репрезентация каннибализма в современном китайском перформансе
- 267 *Яценко Н.В.* Проблематизация труда в контексте этики желания

«НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ. ЭТИЧЕСКАЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ», материалы круглого стола

- 268 *Головков В.В.* Три вида этических проблем искусственного интеллекта
- 269 *Ершова Л.Д.* Вопросы этики в альтернативной и дополнительной коммуникации
- 270 *Ильина А.В.* Философский смысл этикетных форм общения в мобильных играх
- 271 *Карпов С.В.* Профессиональная этика архитектора в условиях цифрового общества
- 272 *Петров П.А.* Big-Data: этический вызов современности
- 273 *Попова Е.В.* Основы новой этики отношений человека и машины на примере выставки «NEW NATURE» от RECYCLE GROUP
- 274 *Романюк М.В.* Этические проблемы полевых исследований (на материале этнографического исследования О.В.Пинчук «Сбои и поломки»)
- 275 *Сазанов А.В.* Человек как стратегическая цель технонауки: философско-этическая модальность его биотехнологического усовершенствования
- 276 *Соловьёва В.М.* Этика научных коммуникаций: основные вопросы и пути решения
- 277 *Шестакова Е.А.* Этические дилеммы в отношениях робот-человек

«НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ. ЭТИЧЕСКАЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ», материалы круглого стола

- 278 *Дыдров А.А., Пеннер Р.В., Тихонова С.В.* К проблеме реставрации традиционных ценностей и категорий науки
- 279 *Куприянов В.А.* Идея научного сообщества в проектах организации науки Г.В.Ф.Лейбница
- 280 *Лобастова В.А.* Нравственный аспект научного творчества
- 281 *Масланов Е.В.* Цифровизация науки и научный прорыв
- 282 *Шиповалова Л.В.* О возможном (не) отличии науки от идеологии
- 283 *Косыхин В.Г.* Наука как идеология: к общественному позиционированию науки
- 284 *Годарев-Лозовский М.Г.* Развитие идей В.И.Свидерского – А.С.Кармина как возможное красивое решение апорий Зенона и шестой проблемы Гильберта
- 285 *Кузнецова Н.И.* Многоликость этики как философская проблема
- 286 *Мусс А.И.* *Lehr und Lernfreiheit*: возвращение к истокам
- 287 *Тульчинский Г.Л.* Этический контекст цифровизованной науки
- 288 *Шахнович М.М.* Новый атеизм и наука о религии
- 289 *Ананьева Е.М.* Наука как призвание: аргументы pro и contra
- 290 *Порус В.Н.* Идеология в науке – неизбежность или необходимость?
- 291 *Березовская И.П.* Грех самонадеянности в науке
- 292 *Артамонов Д.С.* Историческая наука, историческая память и идеология
- 292 *Касавин И.Т.* Миф науки
- 293 *Чеботарева Е.Э.* Этические и познавательные контрверсы технологий цифровой памяти
- 294 *Аласания К.Ю.* «Режим выживания»: биополитические и этические интерпретации
- 295 *Кошовец О.Б.* «Научность» построения общества как эпистемическая и как идеологическая практика: экономическая экспертиза в СССР и на Западе
- 296 *Пономарёв А.И.* Влияние утопического движения на научную революцию XVII в.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ», материалы круглого стола

- 297 *Авдеева И.А.* К вопросу об этике исторической памяти
- 298 *Аникин Д.А.* История и мораль: от профессиональных норм к прикладной этике
- 299 *Артамонов Д.С.* Конструирование образа жертвы в исторической памяти: этический аспект
- 300 *Беляева Е.В.* Этика ответственности как основа позитивной исторической ответственности
- 301 *Буллер А.* Этика следа
- 302 *Головашина О.В.* «Место памяти» П.Нора как этическое осмысление истории
- 302 *Коккин Д.И.* Этические аспекты исторической несправедливости
- 303 *Линченко А.А.* Что такое историческая этика?
- 304 *Овчинников А.В.* От коллективной и индивидуальной ответственности к исторической этике: постановка проблемы
- 306 *Рзаев Э.Э.* Этика исторического исследования в контексте сохранения национальной памяти
- 307 *Семенов В.В.* Патриотизм как ценность и преподавание истории в школе

308 *Сыров В.Н.* О смысле и ценности прикладной этики

**«НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СПОРТИВНОЙ ЭТИКЕ В XXI ВЕКЕ», материалы
круглого стола**

308 *Гонашвили А.С.* Рассмотрение спортивной морали с позиции реляционного подхода в социологии

309 *Doczi T.* Ethical Dilemmas Surrounding Athletes' Life during the Pandemic

310 *Ivan E.* An Overview and Critical Analysis of the US Paralympic Military Program (PMP)

310 *Канивец А.С., Мальцева С.Г.* Актуальные этические проблемы международного спорта

311 *Романов К.А.* Этический аспект спортивной науки

312 *Sun C.* The Research Trends of Gene Doping in Taiwan

312 *Тонковидова А.В.* Искусственный интеллект в сфере спорта: утилитарный или соборный критерии реализации

313 *Tewari S.* Can Sport address Gender Issues?

314 *Sinyutin M.* Is it Moral to Lose? An Invitation to Reflection

314 *Vasilyev I.* Break-out Sports Leagues and Sports Federations Membership's Obligations

315 *Yaprak* Remaining Pervasive Challenges in Sports and Beyond in the Process of Artificially Intelligent Societies

Научное издание

**XIII международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2021.
Этика как наука и профессия»**

Санкт-петербургский Государственный Университет,
18-20 ноября 2021 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов,
к.филос.н., доц. Е.А.Овчинникова

Издание печатается в авторской редакции.

Подписано к печати 09.11.2021. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 21,1. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 64-2
тел.: +7(812) 642-43-44, e-mail: info@sborka.spb.ru